DF
503

ТРУДЫ

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

„Пров 38“

DF
503

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ

С.-Петербургъ, Февраль 1908 г

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

БИБЛІОТЕКА
СОЦИ[illegible]
АКА[illegible]

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно уже заявлялась желательность такого изданія ученыхъ произведеній В. Г. Васильевскаго, въ которомъ они были бы болѣе доступны и удобны для пользованія, чѣмъ въ книжкахъ журналовъ за разные мѣсяцы и годы. Въ запискѣ по поводу предложенія объ избраніи Василья Григорьевича въ академики, читанной А. А. Куникомъ въ Историко-Филологическомъ Отдѣленіи Академіи 12-го декабря 1889 г., было между прочимъ сказано:

«Труды профессора В. Г. Васильевскаго по большей части разсѣяны по разнымъ ученымъ періодическимъ изданіямъ и, главнымъ образомъ, по разнымъ книжкамъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, начиная съ 1864 года. Это обстоятельство, какъ и слѣдовало ожидать, имѣло весьма невыгодную сторону и для пользовавшихся трудами нашего ученаго, и для него самого; въ послѣднемъ случаѣ страдала главнымъ образомъ популярность его, такъ какъ наши ученые журналы читаются у насъ очень немногими. Вотъ почему еще довольно давно предложено было нашему историку его учениками, почитателями и интересующимися распространеніемъ у насъ научныхъ знаній издать отдѣльными книгами тѣ его труды, которые имѣютъ бо́льшее научное значеніе».

Василій Григорьевичъ не успѣлъ однако самъ предпринять новаго изданія своихъ работъ. Послѣ его кончины Историко-Филологическое Отдѣленіе сочло долгомъ озаботиться осуществленіемъ этого предпріятія, полагая, что такимъ изданіемъ Академія оказала бы услугу русской исторической наукѣ и достойно почтила бы память своего знаменитаго сочлена. Образованной для того Коммиссіи поручено было Отдѣленіемъ составить планъ этого изданія и наблюдать за его печатаніемъ.

Особенно настоятельную потребность представляетъ и потому въ первую очередь поставлено Коммиссіей переизданіе тѣхъ трудовъ Василія Григорьевича, которые имѣютъ предметомъ исторію Византіи и ея отношеній къ Россіи и славянамъ.

Размѣщеніе этихъ трудовъ не въ той послѣдовательности, въ какой они появлялись въ періодическихъ изданіяхъ, а въ хронологическомъ или систематическомъ порядкѣ ихъ сюжетовъ, при чрезвычайномъ обиліи и разнообразіи вопросовъ, затрогиваемыхъ почти каждымъ изслѣдованіемъ нашего историка, представило бы слишкомъ много трудностей и немало неудобствъ. Въ числѣ послѣднихъ явилась бы и необходимость расторженія той группировки, какая для нѣкоторыхъ работъ, напр., для «Русско-византійскихъ отрывковъ», была установлена самимъ авторомъ. Если бы даже и удалось сколько-нибудь строго провести порядокъ хронологіи или систематики сюжетовъ, то эта выгода была бы куплена слишкомъ дорогою цѣной: была бы разрушена прекрасная и высокопоучительная картина роста и той науки, для которой такъ много сдѣлалъ покойный изслѣдователь, и его собственнаго таланта. Намѣреваясь поэтому не отступать безъ особенно уважительныхъ причинъ отъ того порядка, въ какомъ отдѣльные труды выполнялись и издавались авторомъ, Коммиссія въ первомъ томѣ изданія помѣстила самыя раннія изъ работъ Василія Григорьевича по византійской исторіи.

Для нѣкоторыхъ трудовъ нашлись экземпляры, принадлежавшіе автору, съ его собственноручными замѣтками. Въ новомъ изданіи по мѣрѣ возможности приняты поправки, дополненія и сокращенія, указанныя въ этихъ замѣткахъ. Но чаще всего онѣ представляютъ такой матеріалъ намековъ, напоминаній и цитатъ, которымъ только самъ авторъ могъ бы воспользоваться какъ слѣдуетъ и которымъ отчасти, въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, онъ дѣйствительно воспользовался.

Кромѣ упомянутыхъ авторскихъ измѣненій, допущены при переизданіи только такія, которыя или состояли въ исправленіи очевидныхъ опечатокъ и описокъ, или вызывались свѣркою цитатъ съ новѣйшими изданіями текстовъ. Къ частямъ изслѣдованій, основанныхъ на источникахъ болѣе или менѣе далекихъ отъ спеціальности византиниста, напр., на восточныхъ или скандинавскихъ, сдѣланы добавочныя примѣчанія, преимущественно тамъ, гдѣ оказывалось, что положеніе научныхъ вопросовъ, обсуждавшихся Василіемъ Григорьевичемъ, существенно измѣнилось вслѣдствіе обнародованія источниковъ, прежде не извѣстныхъ.

Дополненія, внесенныя изъ собственноручныхъ замѣтокъ автора, отмѣчены прямыми скобками—[ ], а дополненія и измѣненія редакціи—ломаными — ⟨ ⟩.

Ссылки на тексты, вошедшіе въ составъ Боннскаго корпуса византійскихъ историковъ, относятся вообще къ страницамъ этого корпуса. Тамъ, гдѣ представлялось цѣлесообразнымъ ссылаться на другія изданія, сдѣланы соотвѣтствующія указанія.

Первое изъ вошедшихъ въ этотъ томъ изслѣдованій было подготовлено къ печати членомъ Коммиссіи В. Э. Регелемъ; при изданіи тѣхъ частей второго, которыя основаны на источникахъ скандинавскихъ и грузинскихъ, существенную помощь оказали Коммиссіи профессора Ѳ. А. Браунъ и Н. Я. Марръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Византія и Печенѣги (1048—1094) 1

Приложенія.

I. О Куманскомъ (Половецкомъ) словарѣ 118
II. Русскіе на Дунаѣ въ XI вѣкѣ 122
III. Ѳеофилактъ Болгарскій и его сочиненія 134
IV. О посланіи императора Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому 149
V. Объ испытаніи воли Божіей двумя жребіями 169
Іоаннъ Продромъ митрополитъ Кіевскій 174

Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ.

I. Положеніе вопроса о византійскихъ Варангахъ и источники для его рѣшенія. 176
II. Варяги, отправленные въ Константинополь Владиміромъ, и первыя свидѣтельства исландскихъ сагъ о Норманнахъ, вступившихъ въ варяжскую дружину 181
III. Шеститысячный русскій корпусъ въ Константинополѣ съ 988 года 196
IV. Византійскіе Варанги 1034 года 210
V. Варяжскіе баснословные разсказы 221
VI. Пѣсни скальдовъ, какъ единственный историческій матеріалъ въ сагахъ для вопроса о Варягахъ 240
VII. Дѣйствительная исторія Гаральда и его Вэринговъ въ Константинополѣ 258
VIII. Нордманы, Русскіе и Варяги въ Сициліи и Апуліи (1038—1042) 288
IX. Нашествіе Русскихъ на Константинополь и Варяги 1047 года 303
X. Варяги и Франки во второй половинѣ XI вѣка 316
XI. Прямыя доказательства существованія Варяго-Руси въ XI вѣкѣ 343
XII. Англичане на византійской службѣ въ видѣ Варяговъ. . . . 355

О Варяго-Руссахъ (Отвѣтъ Д И Иловайскому) 378

ВИЗАНТІЯ И ПЕЧЕНѢГИ*).

(1018 — 1094).

(Посвящается Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину).

I.

Императоръ Василій II, знаменитый Болгаробойца, умирая 116
(въ 1025 г.), оставилъ Византійскую имперію на верху внѣшняго величія и силы. Въ кровавой борьбѣ низвергнута была въ прахъ славянская держава Самуила, и Византійская имперія снова простиралась до береговъ Дуная, какъ это было во время Юстиніана I. На востокѣ Константинопольскія хоругви снова доходили до береговъ Евфрата, греческая власть была возстановлена въ Сиріи; властители Грузіи и Арменіи, напуганные успѣхами турецкаго оружія, добровольно передали въ руки византійскаго императора свою власть и свои столицы (Ани, Васпаруканъ). Усмиривъ возстаніе въ южной Италіи, Василій II хотѣлъ увѣнчать свои успѣхи великимъ подвигомъ на пользу христіанства; предъ своею смертію онъ занятъ былъ приготовленіями къ большому походу для изгнанія Сарациновъ съ острова Сициліи; разноплеменная византійская армія—Турки и Болгары, Валахи и Русскіе—уже стояла въ Реджіо и ожидала прибытія императора [1]). Начатые переговоры съ Римомъ указывали на существованіе еще болѣе широкихъ плановъ, чѣмъ завоеваніе Сициліи.

---

*) <Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 164 (1872 г.), Отд. II, стр. 116—165 и 243—332>

1) Annales Barenses sub ann. 1027 (годъ поставленъ невѣрно), MG. SS. V, 53: cum exercitu magno, id est Russorum, Guandalorum, Turcorum, Burgarorum, Vlachorum, Macedonum.

Все, что было сдѣлано Василіемъ II и его двумя достойными предшественниками — Фокой и Цимисхіемъ, всѣ великіе замыслы Василія, все это быстро рушилось при его преемникахъ. Какъ это уже не разъ бывало въ византійской исторіи, за эпохою
117 могущества и блеска послѣдовало съ удивительною быстротою самое глубокое паденіе.

Рядъ грубыхъ политическихъ ошибокъ былъ несомнѣнно сдѣланъ византійскими правителями, слѣдовавшими за Болгаробойцей. Благопріятное время для смѣлыхъ и великихъ предпріятій въ Сициліи и въ Италіи было пропущено. Къ планамъ Василія воротились только тогда, какъ обаяніе греческой побѣды при Каннахъ, гдѣ Русскіе помогли Византійцамъ разбить апулійскихъ инсургентовъ и первыхъ Норманновъ, пришедшихъ къ нимъ на помощь [1]), уже давно исчезло. Попытка завоеванія Сициліи въ 1040 году, сначала все-таки успѣшная, рушилась позорнымъ образомъ, благодаря византійскому корыстолюбію, которое никогда не любило дѣлиться добычей съ союзниками и помощниками, которое въ томъ же самомъ году подняло возстаніе въ Сербіи и Болгаріи, благодаря той утонченной жестокости, соединенной съ глубокимъ презрѣніемъ къ человѣческому достоинству, которыя допускала образованная Византія въ отношеніи и къ своимъ, и къ чужимъ. Тотъ искатель приключеній, которому греческій катапанъ велѣлъ выщипать бороду, предварительно избивъ его раздѣтое до-нага тѣло ременною плетью, возжегъ въ жителяхъ Мельфи «пламя неудовольствія, таившееся подъ пепломъ», и привелъ Норманновъ въ этотъ важный городъ, чѣмъ и положено было начало норманнскому завоеванію греческихъ владѣній въ южной Италіи. Братья Готвили и самый знаменитый изъ нихъ Робертъ (Гвискаръ) начали свое поприще, ознаменованное такими чудесными успѣхами, и черезъ сорокъ лѣтъ уже грозили самому Константинополю.

---

1) De Blasiis, La insurrezione Pugliese I, 91 [Ademari hist, MG. SS. IV, 140: Richardo vero comite Rotomagi, filio Richardi, Normannos gubernante, multitudo eorum cum duce Rodulfo armati Romam, et inde conivente papa Benedicto Appuliam aggressi, cuncta devastant. Contra quos exercitum Basilius intendit, et congressione bis et ter facta, victores Normanni existunt Quarto congressu cum gente Russorum victi et prostrati sunt Cp. Pselli hist., Sathas Bibl. hist med. aevi IV, p. 10.]

Распутное мотовство Константина IX и его набожное благочестіе, выражавшееся въ постройкѣ великолѣпныхъ храмовъ и щедрыхъ дотаціяхъ Софійскому клиру, одинаково и совокупно помогали завоевательному движенію Сельджуковъ на азіатскомъ востокѣ. Въ то самое время, когда это движеніе начинало принимать грозные размѣры, онъ, ради нуждъ своего истощеннаго казначейства, переложилъ военную повинность пограничныхъ зависимыхъ армянскихъ и грузинскихъ провинцій на денежную. Пятидесяти тысячъ превосходнаго ополченія, которое стало бы защищать свою родину со всѣмъ упорствомъ патріотическаго одушевленія, не существовало по винѣ византійскаго правительства. Совершенно справедливо находятъ въ этомъ непосредственную причину быстрыхъ успѣховъ турецкаго нашествія въ Азіи.

Даже завоеваніе Болгаріи оказалось въ сущности большою 118
ошибкой и принесло громадный вредъ при той неспособности привязать къ себѣ славянское населеніе, которою отличалось какъ греческое чиновничество, такъ и греческое духовенство. Завоеваніе Болгаріи только нарушило ту систему византійскаго равновѣсія на сѣверѣ, которая нѣкогда приводила въ восторгъ кабинетную политическую мудрость Константина Багрянороднаго. Центромъ этого равновѣсія были Печенѣги, господствовавшіе въ X вѣкѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ. Если Византія находится въ дружбѣ съ Печенѣжскою ордою, то, объясняетъ Константинъ Порфирогенитъ своему сыну, никто изъ ея враговъ не осмѣлится даже пошевелиться. Русскіе совсѣмъ не могутъ предпринять никакого похода внѣ своихъ границъ, если они не находятся въ мирѣ съ Печенѣгами; безъ позволенія Печенѣговъ они не могутъ приходить въ Константинополь ни для торговли, ни съ войною. Мадьяры, столько разъ испытавшіе пораженіе отъ Печенѣговъ, продолжаютъ питать къ нимъ самую почтительную боязнь. Итакъ, если византійскій императоръ будетъ находиться въ мирѣ съ Печенѣгами, то ни Русскіе, ни Мадьяры не страшны для него, — они даже не посмѣютъ тогда просить слишкомъ большихъ подарковъ отъ Грековъ за свое мирное поведеніе. Иначе имъ можно погрозить Печенѣгами. То же самое и въ отношеніи Болгарскаго царства. Если византійскій императоръ хочетъ быть страшнымъ для Болгаръ, онъ легко достигнетъ

этого посредствомъ Печенѣговъ. Все это было такъ, пока Печенѣги сами не были сосѣдями имперіи, пока свободная Болгарія заслоняла византійскую державу отъ напирающаго изъ Азіи варварскаго міра. Когда отношенія измѣнились, когда плотина была не только прорвана, но совсѣмъ разрушена, — Византія оказалась такъ же мало способною удерживать волны турецкаго наводненія въ Европѣ, какъ и въ Азіи. Правда, что придунайская и черноморская Болгарія какъ будто истощилась и омертвѣла еще ранѣе борьбы Василія и Самуила; центръ тяжести болгарской державы Самуила былъ перенесенъ отъ Балканъ и Дуная на берега Охридскаго озера, въ Македонію и Албанію. Но города Дерстръ (Силистрія), Бдынь (Видинъ), Месемврія все-таки сохраняли свое прежнее значеніе, они не сдѣлались бы такою легкою добычей Печенѣговъ и сбродной дунайской вольницы, если бы за ними оставалась живая народная сила, окончательно убитая только Болгаробойцей и византійскимъ управленіемъ. Если бы поля Болгаріи не обезлюдѣли послѣ византій-
119 скаго погрома, то не было бы необходимости дѣлать опыты неудачной колонизаціи съ дикими кочевниками.

Въ пустоту, которая образовалась послѣ разрушенія Болгарскаго царства, устремились сначала Печенѣги, потомъ Узы и Куманы (Половцы), тѣснившіе ихъ съ тыла [1]). Тѣ и другіе были одинаково страшными врагами для Византійской монархіи XI и XII вѣковъ, не менѣе страшными, чѣмъ ихъ собратья Турки-Сельджуки въ Азіи. Вотъ какъ описываетъ печенѣжскіе набѣги на византійскія провинціи знаменитый церковный писатель XI вѣка, Ѳеофилактъ Болгарскій: «Ихъ набѣгъ—ударъ молніи, ихъ отступленіе тяжело и легко въ одно и то же время: тяжело отъ множества добычи, легко — отъ быстроты бѣгства. Нападая, они всегда предупреждаютъ молву, а отступая, не даютъ преслѣдующимъ возможности о нихъ услышать. А главное — они опустошаютъ чужую страну, а своей не имѣютъ; если бы кто

1) [О Половцахъ и Печенѣгахъ см. Пл. Бурачковъ, Опытъ изслѣдованія о Куманахъ или Половцахъ. Записки Одесск. Общ. ист. и древн. X (1877), стр. 111 сл. Аристовъ, О землѣ Половецкой (историко-географическій очеркъ). Изв. Ист.-Филол. Инст. Князя Безбородко 1877, стр 207 сл. П. Голубовскій, Объ Узахъ и Торкахъ. Журн. М. Н. Пр. 1884. Іюль, стр. 1 сл.].

былъ смѣлѣе Дарія Истаспа, если бы онъ навелъ мостъ на Истрѣ и сталъ искать Скиѳовъ — все одно, онъ безумно погнался бы за недостижимымъ. Они спрячутся въ скалахъ, прикроются густотою лѣса, а онъ будетъ блуждать по горамъ и рощамъ, которыхъ дикая суровость уступаетъ только дикой натурѣ преслѣдуемыхъ; онъ будетъ зрителемъ той великой скиѳской пустыни, которая не осталась неизвѣстною и для пословицы. Если, вопреки природѣ вещей, онъ будетъ упорствовать, то и самъ погибнетъ, не столько заслуживъ сожалѣніе своимъ несчастіемъ, сколько осужденіе своимъ безразсудствомъ; а Скиѳы успѣютъ доказать, что они дѣти скалъ и дубовъ, будутъ наносить удары, сами имъ не подвергаясь, такъ что, по моему, если можно вѣрить миѳамъ, тотъ Гигесъ, который металъ стрѣлы изъ мрака, самъ недоступный имъ, былъ никто другой, какъ Скиѳъ. Жизнь мирная — для нихъ несчастіе, верхъ благополучія — когда они имѣютъ удобный случай для войны или когда насмѣются надъ мирнымъ договоромъ. Самое худшее то, что они своимъ множествомъ превосходятъ весеннихъ пчелъ, и никто еще не зналъ, сколькими тысячами или десятками тысячъ они считаются: число ихъ безчисленно»[1]).

Половцы или Куманы наслѣдовали въ XII вѣкѣ имя Скиѳовъ, которое въ XI вѣкѣ исключительно принадлежало Печенѣгамъ. Все то, что̀ Ѳеофилактъ Болгарскій говорилъ о Скиѳахъ XI столѣтія, все это Евстаѳій Солунскій могъ сказать о Скиѳахъ XII вѣка. «Это народъ, не имѣющій прочнаго постояннаго пребыванія, не знающій осѣдлой жизни и потому не гражданственный. Всякою землей онъ стремится завладѣть, но ни одной не можетъ заселить, и посему—это народъ многоблуждающій (πολυπλάνητον). Это летучіе люди, и поэтому ихъ нельзя поймать. Они не имѣютъ ни городовъ, ни селъ, оттого за ними слѣдуетъ звѣрство (τὸ θηριῶδες). Не таковы даже коршуны, плотоядный родъ и всѣмъ ненавистный; таковы развѣ грифы, которыхъ благодѣтельная природа удалила въ мѣста необитаемыя, точно такъ, какъ и Скиѳовъ. 120

1) Изъ рѣчи Ѳеофилакта къ императору Алексѣю Комнину: Λόγος εἰς τὸν αὐτοκράτορα κύριον Ἀλέξιον τὸν Κομνηνόν. Migne, Patrol. graeca t. 126, col. 287—306.

Волчьи обычаи воспитали такихъ людей: дерзкій и прожорливый, волкъ легко обращается въ бѣгство, когда появится что-нибудь страшное. Точно таковъ и народъ скиѳскій; если онъ встрѣтитъ мужественное сопротивленіе, онъ озирается назадъ и обращается въ бѣгство. Въ одно и то же время онъ близокъ и уже далеко отступилъ. Его еще не успѣли увидѣть, а онъ уже скрылся изъ глазъ» [1]).

Въ обѣихъ характеристикахъ, въ сущности, конечно, правдивыхъ, не мало византійской риторики. Не лишнее, поэтому, познакомиться съ болѣе точными замѣчаніями о бытѣ этихъ народовъ менѣе притязательнаго въ литературномъ отношеніи еврейскаго путешественника. Рабби Петахія видѣлъ Половцевъ во время своего путешествія изъ Регенсбурга въ Азію черезъ Польшу, Кіевскую Русь, Крымъ и т. д. около 1170 года. То, что̀ онъ говоритъ о Половцахъ (жителяхъ страны Кедаръ), во многомъ относится и къ Печенѣгамъ, единоплеменнымъ съ ними.

«Они (Половцы) не имѣютъ кораблей, но сшиваютъ вмѣстѣ десять растянутыхъ лошадиныхъ кожъ и веревку, которая прикрѣпляется по краямъ кругомъ; они садятся на кожи, помѣщая тутъ же свои телѣги и весь багажъ. Потомъ они привязываютъ веревку на краю кожъ къ хвостамъ своихъ лошадей, которыхъ пускаютъ вплавь, и такимъ образомъ переправляются на другой берегъ». Византійскій писатель, который также говоритъ объ этомъ способѣ скиѳской переправы, замѣчаетъ, что кожаные
121 мѣшки, наполненные соломою, были всегда такъ хорошо сшиты, что въ нихъ не проникала ни малѣйшая капля воды [2]).

«Хлѣба не употребляютъ въ пищу въ землѣ Кедаръ, но ѣдятъ рисъ и просо, сваренное въ молокѣ, а также молоко и сыръ. Они кладутъ, сверхъ того, куски мяса подъ сѣдло лошади, на которой ѣдутъ, и потомъ гонятъ ее, пока она не вспотѣетъ. Мясо дѣлается теплымъ, и они ѣдятъ его». «Печенѣги и Куманы—

1) Изъ рѣчи Евстаѳія къ Исааку Ангелу: Eustathii opuscula, ed. Tafel, p. 44. Евстаѳій, кажется, имѣлъ подъ рукою рѣчь Ѳеофилакта: нѣкоторыя выраженія Ѳеофилакта повторяются буквально въ дальнѣйшемъ описаніи Кумановъ, соединившихся съ Болгарами Петра и Асѣня. [Cp. Pselli hist., Sathas Bibl. IV, p. 247.]

2) Nicet. Choniat. p. 124. (ed. Bonn.). Также Niceph. Gregor. I, 37.

это народъ нечистый, который употребляетъ почти сырое мясо вмѣсто пищи и кобылье молоко вмѣсто питья, который ѣстъ кошекъ и всякую нечистоту» — говорятъ западные источники, почти съ такимъ же чувствомъ брезгливости и отвращенія, какое выражается на страницахъ нашей первоначальной лѣтописи [1]).

«Въ землѣ Кедаръ можно путешествовать только подъ охраною (under escort). Вотъ способъ, которымъ сыны Кедара заключаютъ взаимное обязательство вѣрности. Путешественникъ прокалываетъ иглой свой палецъ и приглашаетъ предполагаемаго спутника сосать кровь изъ раненаго пальца. Онъ дѣлается такимъ образомъ какъ бы одной плоти и крови съ своимъ спутникомъ. Есть еще другой способъ брать клятву. Мѣдный сосудъ, имѣющій форму человѣческаго лица, наполняется молокомъ; путешественникъ и его спутникъ пьютъ изъ него и послѣ этого никогда не бываетъ измѣны.

«Куманы не имѣютъ общаго властителя (king), но только князей и благородныя фамиліи. Они живутъ въ палаткахъ, чрезвычайно дальнозорки, обладая прекрасными глазами, потому что они не ѣдятъ соли и употребляютъ извѣстныя растенія. Они—отличные стрѣлки изъ лука и убиваютъ птицъ на лету. Они замѣчаютъ и узнаютъ предметы болѣе чѣмъ на одинъ день разстоянія» [2]).

Таковы были тѣ страшные и свирѣпые враги, съ которыми пришлось бороться Византійской имперіи, сокрушившей Болгарское царство.

Около половины XI столѣтія Печенѣги перешли за Дунай. Это событіе, оставляемое безъ вниманія во всѣхъ новыхъ историческихъ сочиненіяхъ, имѣло громадное значеніе въ исторіи 122
человѣчества. По своимъ послѣдствіямъ оно почти такъ же важно, какъ переходъ за Дунай западныхъ Готовъ, которымъ начинается

---

1) Pecenati et hii qui Falones dicuntur, crudis et immundis carnibus, utpote equinis, catinis, usque hodie vescuntur: Otton Frising. Chron., MG. SS. XX, 233 sq [Cf. Gesta Frider. ibid. p. 368.] Chumani, gens immundissima, que carnibus utebatur fere crudis pro cibo et lacte equarum et sanguine pro potu: Annales Mellicenses, MG. SS. IX, 640.

2) Benisch, Travels of Rabbi Petachia of Ratisbon. London 1856. [См. П. Маргулинъ, Три еврейскіе путешественника XI и XII ст.: Эльдадъ Данитъ, Р. Веніаминъ Тудельскій и Р. Петахій Регенсбургскій. С.-Петербургъ 1881.]

такъ-называемое переселеніе народовъ. Большая ошибка, особенно неумѣстная въ византійской и русской исторіи, состоитъ въ томъ, что обыкновенно опускаютъ изъ виду близкую родственную связь различныхъ турецкихъ племенъ, именуя однихъ Турками, а другихъ, какъ-бы въ отличіе, Тюрками. Между тѣмъ Печенѣги и Узы или Половцы совершенно такіе же Турки, какъ и Турки-Сельджуки [1]). Извѣстный куманскій словарь, въ подлинности котораго не сомнѣваются новые изслѣдователи, служитъ убѣдительнымъ и наглядным доказательствомъ совершеннаго сходства языка Половцевъ съ нарѣчіемъ турецко-татарскимъ [2]).

Что касается Печенѣговъ, то о нихъ византійскіе источники прямо говорятъ, что они говорили однимъ языкомъ съ Куманами или Половцами [3]). Если бы не опускалась изъ виду единоплеменность Печенѣговъ и Сельджуковъ, то безъ сомнѣнія исторія скорѣе замѣтила бы связь между переходомъ Печенѣговъ за Дунай въ предѣлы Византійской имперіи и успѣхами Сельджуковъ въ Малой Азіи. Мы увидимъ, что европейское и азіатское нашествіе стремятся въ концѣ XI столѣтія подать руку одно другому. Непосредственною причиной великаго движенія съ запада на востокъ, то-есть перваго крестоваго похода, на сколько эта причина заключалась въ положеніи Восточной имперіи, были не столько завоеванія Сельджуковъ въ Азіи, сколько грозныя и страшныя массы орды Печенѣжской, угрожавшей самому Константинополю.

Вообще эти движенія Печенѣжской орды послѣ перехода за Дунай необходимо прослѣдить шагъ за шагомъ, во всей подробности, которая намъ доступна при существующихъ источникахъ. Не смотря на утомительное однообразіе описаній печенѣжскаго грабительства и разбоя, здѣсь можно найдти нѣкоторыя довольно важныя указанія и намеки для исторіи восточной Европы. Византійская политика предъ первымъ крестовымъ походомъ и въ самомъ первомъ крестовомъ походѣ не можетъ быть ясно понята безъ постояннаго вниманія къ печенѣжскому вопросу. Отношенія

1) [Chronique de Michel le Syrien, Recueil des histor. des crois. Docum. arm. I, 315.]

2) Объ этомъ словарѣ см. приложеніе I.

3) Anna Comn. I, 404 (Bonn.).

Византіи къ князьямъ русскимъ, вѣроятно, получатъ новый свѣтъ отъ болѣе подробнаго изученія исторіи Печенѣговъ и Половцевъ.

II.

Въ XI столѣтіи Печенѣги, раздѣленные на 13 колѣнъ, ко- 123
чевали на пространствѣ отъ береговъ Днѣпра до рѣки Дуная [1]). Узы, одно изъ болѣе сильныхъ племенъ той орды, которая потомъ въ Европѣ получила названіе Куманской или Половецкой, надвигаясь съ востока, начинали тѣснить своихъ единоплеменниковъ. Въ этой борьбѣ нѣкоторые улусы печенѣжскіе уже принуждены были откочевать къ самому Дунаю, искать убѣжища въ низменныхъ, болотистыхъ областяхъ при устьяхъ этой рѣки. Внутренніе раздоры среди орды Печенѣжской, находившіеся въ связи съ внѣшними отношеніями къ сосѣдямъ, ослабили силу нѣкогда грозныхъ кочевниковъ. Тирахъ, сынъ Килдаря, главный изъ князей Печенѣжскихъ, ради своего знатнаго происхожденія пользовавшійся уваженіемъ и нѣкоторою властію во всей ордѣ, потерялъ свой авторитетъ; его обвиняли въ слабости и трусости. Въ лицѣ Кегена явился ему опасный соперникъ; не отличаясь знатностію рода, Кегенъ пріобрѣлъ славу именно въ удачныхъ схваткахъ съ Узами [2]).

Тирахъ питалъ въ себѣ глубокую злобу и нѣсколько разъ пытался погубить своего врага въ тайной засадѣ. Раздраженный неудачами, онъ обратился къ открытой силѣ. Отправлена была

---

1) [Въ Русской лѣтописи за это время неоднократно говорится о Печенѣгахъ. Послѣднее большое нашествіе ихъ было въ 1036 г. Лавр. лѣт П. С. Р. Л. I, 65: Вѣсть приде ему (Ярославу), яко Печенѣзи остоять Кыевъ; Ярославъ събра вой многъ, Варягы и Словѣни, приде Кыеву и вниде въ городъ свой. И бѣ Печенѣгъ безъ числа. . . . И побѣгоша Печенѣзи разно . . . . а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне. См. подъ 1060 г. (стр. 70): Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ, совокупивше вои безчислены, поидоша на коних и въ лодьяхъ, безчислено множьство, на Торкы Се слышавше Торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, Божьимъ гнѣвомъ гонимии. . . . Тако Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ]

2) Cedren. II, 583. Къ объясненію отношеній между Кегеномъ и Тирахомъ могутъ служить слова арабскаго писателя Ибнъ-Саида, цитуемыя Абульфедою (Reinaud, Géographie d'Aboulféda II, 293): Un chef petchénègue, qui est en état d'hostilité avec le khakan des Petchénègues, bien que, chez cette nation, la dignité de khakan soit héréditaire et se transmette des pères aux enfants. Но каганомъ въ нашей исторіи долженъ считаться Тирахъ, а не Кегенъ (Κεγένης).

вооруженная толпа съ порученіемъ схватить и убить Кегена. Тотъ узналъ во-время о грозящей ему опасности и, скрывшись гдѣ-то въ низовьяхъ Днѣпра, избѣжалъ вѣрной гибели. Изъ своего убѣжища Кегенъ завязалъ потомъ сношенія съ своими «родичами», съ тѣмъ «колѣномъ», къ которому онъ принадлежалъ по своему происхожденію. Улусъ Белемарнидовъ отпалъ, по его приглашенію, отъ общаго союза печенѣжскихъ племенъ, во главѣ котораго стоялъ Тирахъ. Этому примѣру послѣдовалъ и другой улусъ — Пагуманиды. Кегенъ располагалъ теперь достаточными силами, чтобы начать открытую междоусобную войну съ Тирахомъ, своимъ гонителемъ, подъ властью котораго оставалось, однако, 11 колѣнъ. Борьба оказалась неравною; Кегенъ былъ разбитъ и долго блуждалъ со своими улусами на простран-
124 ствѣ между устьями Днѣпра и Дуная, нигдѣ не находя безопаснаго и спокойнаго кочевья. Жажда мести томила между тѣмъ его варварскую душу.

Онъ рѣшился искать убѣжища за Дунаемъ и предложить свои услуги византійскому императору. Съ двумя улусами, которые къ нему пристали, Кегенъ явился близъ Дерстра (Силистріи); численность пришедшей орды простиралась, говоритъ Кедринъ, до 20 тысячъ, такъ что печенѣжскія палатки совершенно покрыли одинъ изъ дунайскихъ острововъ [1]). Правитель придунайскихъ городовъ, по имени Михаилъ, сынъ Анастасія, въ отвѣтъ на свой запросъ получилъ отъ императора Константина Мономаха приказаніе открыть Печенѣгамъ свободный входъ въ предѣлы имперіи, снабдить ихъ съѣстными припасами, а самого Кегена, ихъ предводителя, отправить съ почетомъ въ столицу. Печенѣжскій князь былъ принятъ благосклонно при пышномъ и церемоніальномъ дворѣ Мономаха. Обласканный императоромъ, грубый и неопрятный обитатель степныхъ войлочныхъ кибитокъ получилъ благородный и славный нѣкогда титулъ римскаго патриція, такъ-же мало идущій къ нему, какъ мало шло названіе Римлянъ народу, въ число друзей и союзниковъ котораго, по старой

1) Cedren. (Bonn.), II, 582 sq. Zonar. (Bonn) III, 641. — [О болѣе ранвихъ набѣгахъ Печенѣговъ см. Cedren. II, 483, 499, 512, 514. Zonar. III, 590.]

формулѣ, онъ былъ вписанъ. Новый патрицій далъ обѣщаніе отказаться отъ привольной кочевой жизни, принять христіанскую вѣру и склонить къ тому же своихъ спутниковъ, подвластныхъ ему. Печенѣгамъ между тѣмъ были отведены земли въ придунайской Болгаріи; поселенные здѣсь, они должны были оберегать и защищать границы имперіи отъ нападеній своихъ соплеменниковъ и не всегда дружныхъ съ Византіей князей русскихъ. Три крѣпости на берегахъ Дуная, не названныя въ источникахъ, отданы были въ руки печенѣжскихъ поселенцевъ. Принятые съ такимъ довѣріемъ, степные дикари не отказались исполнить благочестивое желаніе византійскаго императора и съ большою готовностію послѣдовали примѣру своего хана. Греческій монахъ Евѳимій, прибывшій на Дунай вмѣстѣ съ Кегеномъ, безъ труда обратилъ въ христіанство, или, по крайней мѣрѣ, окрестилъ въ дунайской водѣ цѣлыя тысячи Печенѣговъ [1]). Чтобъ оцѣнить этотъ успѣхъ, припомнимъ, что сорокъ лѣтъ тому назадъ католическій миссіонеръ Бруно называлъ Печенѣговъ самыми упорными и жестокими изъ всѣхъ язычниковъ, и въ продолженіе пятимѣсячной проповѣди въ степяхъ Приднѣпровья, съ большими 125
опасностями для своей жизни, успѣлъ обратить въ христіанскую вѣру не болѣе тридцати человѣкъ [2]). Малое сѣмя не дало плода; вмѣстѣ съ тремя десятками новообращенныхъ, а можетъ быть и ранѣе, умерла среди Печенѣговъ всякая память о ревностномъ миссіонерѣ, скоро нашедшемъ мученическую смерть у другихъ варваровъ. Мы увидимъ, на сколько дѣйствительно было новое обращеніе.

Христіанское крещеніе, во всякомъ случаѣ, не смягчило свирѣпой души того варвара, который подалъ другимъ примѣръ обращенія. Кровная месть своему врагу оставалась главною цѣлію Кегена. Его набѣги на улусы Печенѣговъ, оставшихся подъ властію Тираха, были столько же непрерывны, сколько жестоки и кровавы. Убивая взрослыхъ безъ пощады, Кегенъ уводилъ въ

1) Cedren. II, 584. Zonar. III, 642. Attaliota (Bonn.) p. 31.

2) Quinque menses in eo populo stetimus circiter triginta animas christianitate facta. Письмо св. Бруно, изданное Гильфердингомъ въ Русской Бесѣдѣ 1856, ч. I, отд. II, стр. 14 сл. [Ср. изд. Jaffé у Miklosich, Slav. Bibl. II, 307.]

плѣнъ женщинъ и дѣтей, которыхъ потомъ продавалъ въ рабство. Византія ихъ покупала [1]).

Тирахъ, утомленный набѣгами Кегена, обратился къ императору. Ссылаясь на мирный договоръ, когда-то заключенный Византійцами съ Печенѣжскою ордою, ханъ требовалъ, чтобы Мономахъ отказалъ въ покровительствѣ перебѣжчику Кегену, или по крайней мѣрѣ запретилъ ему переходить на другую сторону Дуная и вредить печенѣжскимъ кочевникамъ, до сихъ поръ уважавшимъ границы имперіи. Если этого не будетъ исполнено, то варваръ грозилъ разрывомъ союзнаго договора и внесеніемъ тяжкой войны въ предѣлы имперіи.

Константинъ Мономахъ, довольный раздоромъ, который укрѣплялся при его содѣйствіи среди опасной турецкой орды Печенѣговъ, громко засмѣялся въ лицо посламъ печенѣжскаго хана и гордо отвергъ ихъ требованіе [2]). Правитель придунайскихъ городовъ Михаилъ и перебѣжчикъ Кегенъ получили приказаніе внимательно наблюдать за переправами на Дунаѣ. Сто морскихъ судовъ были отправлены Чернымъ моремъ въ устья Дуная, чтобы вмѣстѣ съ конными разъѣздами поселенныхъ Печенѣговъ сторожить движенія Тираха и, въ случаѣ нужды, препятствовать его переходу на болгарскій берегъ рѣки. Тирахъ, глубоко раздраженный, съ нетерпѣніемъ ожидалъ удобнаго времени.

Зима 1048 года наступила ранѣе обыкновеннаго и была очень сурова. Дунай покрылся толстымъ слоемъ льда; сторожевые посты византійскіе, страдая отъ холода, ослабили свою бди-
126 тельность. Тирахъ воспользовался готовыми и открытыми путями; со всею ордою, въ числѣ, говорятъ, 800.000 человѣкъ, онъ перебрался въ предѣлы имперіи [3]).

Начались страшныя сцены грабежа и разбоя. Вмѣстѣ съ извѣстіями о вступленіи въ Болгарію всей орды Печенѣжской, Константинъ Мономахъ получилъ донесеніе отъ Михаила и Ке-

---

1) Cedren. II, 584: γύναια δὲ καὶ παῖδας ἀνδραποδιζόμενος καὶ πωλῶν τοῖς Ῥωμαίοις.

2) Cedren. II, тамъ-же.

3) Cedren. II, тамъ-же. Ср. Zonar. III, 642. Зонара не обозначаетъ цифры.

гена о невозможности противостоять нашествію съ тѣми силами, какія у нихъ были. Необходимо было отправить подкрѣпленіе. Воевода (стратигъ) Адріанопольскій, Константинъ Аріанитъ, и правитель Болгаріи, Василій Монахъ, получили приказаніе спѣшить на помощь къ Михаилу и Кегену съ военными силами своихъ провинцій. Печенѣжскій князь (Кегенъ) управлялъ военными движеніями византійской арміи и, зная пріемы и привычки своихъ соплеменниковъ и недавнихъ сокочевниковъ, сдѣлалъ имъ много вреда. Но лучшимъ союзникомъ Византіи была дикая, грубая и невоздержная натура ея враговъ. Молодое вино и славянскіе національные медовые напитки, приготовленные Болгарами[1]), понравились Печенѣгамъ и, употребляемые въ несоразмѣрномъ количествѣ, произвели гибельное дѣйствіе. Открылись повальныя болѣзни. Эпидемическая дисентерія производила ежедневно страшныя опустошенія въ печенѣжскихъ массахъ [2]).

Кегенъ узналъ о бѣдственномъ положеніи соплеменниковъ и склонилъ своихъ теперешнихъ товарищей, греческихъ воеводъ, въ виду вражескаго многолюдства соблюдавшихъ робкую осторожность, къ рѣшительному удару. Византійскія силы двинулись впередъ; Печенѣги, упавшіе духомъ, не въ силахъ были противопоставить какое-либо сопротивленіе. Они побросали оружіе; Тирахъ съ прочими князьями, а затѣмъ и вся остальная масса, отдались въ плѣнъ Византійцамъ.

Кегенъ совѣтовалъ перерѣзать всѣхъ плѣнниковъ, прикрывая дикую жажду мести заботами объ интересахъ усыновившей его имперіи. Онъ говорилъ: змѣю всего лучше убьешь зимою, когда она не можетъ пошевелить своимъ хвостомъ, а когда она отогрѣется на солнцѣ, то это будетъ хлопотливо и трудно. Византійскій историкъ [3]) считаетъ не лишнимъ отдать честь глубокому смыслу варварскаго аполога. Но воеводы Константина Мономаха послѣдовали болѣе утонченнымъ и болѣе мягкимъ внушеніямъ византійской государственной мудрости. Болгарія, которая еще не оправилась послѣ ужаснаго погрома при Василіѣ II, 127

1) Cedren. II, тамъ-же.
2) Attaliota p. 30. Cedren. II, 586. Ср. Zonar. III, 643.
3) Cedren. II, 587.

представляла много пустыхъ, не заселенныхъ земель [1]). Византійская казна сильно нуждалась въ исправныхъ плательщикахъ поземельнаго налога, а византійская армія—въ хорошей конницѣ. Послѣдняя потребность была особенно настоятельна въ настоящій моментъ, когда Турки-Сельджуки уже начинали свои завоеванія въ восточныхъ провинціяхъ имперіи. Голоса византійскихъ воеводъ взяли верхъ надъ кровожадными требованіями мстительнаго Печенѣга. Кегенъ могъ располагать судьбою только тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые попали въ плѣнъ къ нему самому. Онъ перерѣзалъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ не успѣлъ продать въ рабство. Но большинство плѣнниковъ, цѣлые десятки тысячъ Печенѣговъ были поселены Василіемъ Монахомъ въ Болгаріи, состоявшей подъ его управленіемъ, главнымъ образомъ около Срѣдца (Сардики), Ниша и Евпапела [2]), но также и въ другихъ мѣстахъ. Оружіе было, разумѣется, отобрано. Тирахъ и сто сорокъ знатныхъ Печенѣговъ отведены въ столицу; Константинъ Мономахъ велѣлъ ихъ окрестить и потомъ далъ имъ надлежащіе чины и титулы византійской табели о рангахъ [3]).

Служба Печенѣговъ скоро понадобилась. Сельджукскій султанъ Тогриль-бей (Тогрульбегъ) грозилъ новымъ нападеніемъ византійскимъ владѣніямъ въ Азіи. По этому поводу пятнадцать тысячъ печенѣжскихъ конниковъ были отправлены къ греческой арміи, стоявшей на армянской границѣ. Отпуская Печенѣговъ, Константинъ Мономахъ надѣлилъ ихъ щедрыми подарками, богатымъ оружіемъ и статными конями. Четверо печенѣжскихъ князей, находившихся въ Константинополѣ, были поставлены во главѣ отряда. Исторія сохранила имена ихъ: это были Сульчу (Σουλτζοῦς), Селте́, Карама́ и Каталимъ [4]). Нѣкоторыя изъ этихъ именъ прямо напоминаютъ о родствѣ Печенѣговъ съ тѣмъ турецкимъ племенемъ, противъ котораго ихъ посылали. Но ошибка византійскаго правительства состояла не только въ томъ, что

1) Zonar III, 643.

2) [Относительно Евпапела см C. Jireček, Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel, Prag 1877, стр. 70: Ovčepolje. Ср. Acropolit. p. 84: Νευστάπολις. Ephraem. vers. 8516: Εὐτζάπολις.]

3) Cedren. II, 587. Zonar. III, 643. Attaliot. p. 31.

4) Cedren. II, 588.

оно посылало противъ Турокъ близкое и родственное имъ войско. Съ совершенно близорукою неосмотрительностью Печенѣги были отправлены въ походъ цѣлою массою, безъ всякой греческой силы, способной наблюдать за ними и обуздывать ихъ.

Въ Скутари (Хрисополѣ) Печенѣги сѣли на лошадей и вспомнили свою привольную жизнь въ степяхъ Черноморья. Конь, открытое пространство, война и грабежъ, все это они опять имѣли предъ собою. Но ощущеніе приволья смущалось мыслію о необходимости подчиняться чужимъ приказаніямъ, воспоминаніемъ о братьяхъ, оставшихся въ далекой Болгаріи. Недовѣріе къ византійскимъ властямъ и провожатымъ, смутныя опасенія о дальнемъ пути въ неизвѣстныя страны усилили пробудившуюся тревогу. Она разрѣшилась въ неожиданномъ, произвольномъ, инстинктивномъ порывѣ. Около города Даматри, въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Скутари, въ печенѣжскомъ отрядѣ произошло волненіе, послѣдовала остановка, вслѣдъ за тѣмъ самъ собою составился коментъ (вѣче)[1]). Совѣщаніе было бурное, и голоса раздѣлились. Одни кричали, что нужно идти далѣе, что необходимо слушаться царя, во владѣніяхъ котораго они находятся; отдѣленные отъ всякихъ сообщеній со своими единоплеменниками, Печенѣги не довольно многочисленны, чтобъ устоять противъ греческихъ силъ, которыя преградятъ имъ обратный путь. Другіе ничего не хотѣли слышать о дальнѣйшемъ походѣ въ Грузію; нужно остаться въ этой самой странѣ, гдѣ уже они находились, овладѣть ею и защищаться здѣсь отъ нападеній византійскаго императора. Если бы принято было послѣднее мнѣ- 128

1) Cedren. II, 588: καὶ στάντες ἐπὶ τῆς ὁδοῦ συμβουλὴν προετίθεσαν, ἥτις παρ αὐτοῖς κομέντον ὠνόμασται. Томашекъ (въ рецензіи на книгу Реслера «Romanische Studien» въ Zeitschrift für Oesterreich. Gymnas. 1872, zweites Heft, S. 149) производитъ слово коментъ отъ валашскаго kuwintu — слово, рѣчь, совѣщаніе. Онъ хочетъ доказать, что Печенѣги заимствовали это слово отъ своихъ данниковъ Валаховъ, а не наоборотъ (ср. Rosler, S. 124). Но Томашекъ забылъ, что это слово встрѣчается еще у Льва Діакона: Святославъ, въ арміи котораго было много Печенѣговъ, собираетъ коментъ. Ср. стр. 150: βουλὴν ὁ Σφενδοσθλάβος τῶν ἀρίστων ἐκάθιζεν, ἣν καὶ κόμεντον τῇ σφετέρῳ διαλέκτῳ φασίν. [Ср. Theophan. ed de Boor I, 170, 9: κομβέντον γενέσθαι; 170, 12 ἐν τῷ κομβέντῳ; 433: κομβέντον ποιήσαντες. Const. Porphyr. De cerem. I, 422: στιλέντιον καὶ κομέντον. См. II, 438, прим. Рейске: κομέντον, ita pro conventum scribebant olim et pronuntiabant]—См. Бруно въ своемъ письмѣ также говоритъ о печенѣжскомъ коментѣ, concilium.

ніе, то, быть можетъ, мы имѣли бы въ исторіи однимъ любопытнымъ явленіемъ болѣе: Печенѣжское государство въ Виѳиніи, въ виду Константинополя. Къ счастію, не было принято ни то, ни другое мнѣніе, а восторжествовало третье. Одинъ изъ печенѣжскихъ предводителей, присланныхъ изъ Константинополя, Каталимъ, предложилъ воротиться назадъ, къ единоплеменникамъ, оставшимся въ Болгаріи, и увлекъ за собою разгоряченную толпу, которая подъ его предводительствомъ обратно направилась къ морскому берегу. Кораблей, на которыхъ были перевезены Пе-
129 ченѣги, здѣсь болѣе не нашлось. Но Каталимъ не смутился и закричалъ своимъ спутникамъ, что кто хочетъ спасенія себѣ и Печенѣгамъ, тотъ пусть слѣдуетъ его примѣру: вслѣдъ затѣмъ, пришпоривъ коня, подареннаго Константиномъ Мономахомъ, бросился въ воду Босфора. Отчаянный поступокъ привелъ было въ недоумѣніе толпу наѣздниковъ, остановившихся на берегу пролива. Но сейчасъ же нашлось нѣсколько отважныхъ дикарей, которые, очертя голову, поплыли на лошадяхъ за своимъ вождемъ, за ними послѣдовали другіе и, наконецъ, вся толпа. Босфоръ вовсе не представляетъ такого широкаго воднаго пространства (въ узкихъ мѣстахъ не болѣе 500 метровъ), котораго не могла бы переплыть хорошая лошадь. Импровизированная переправа совершилась благополучно. На другомъ берегу Босфора, у св. Тарасія [1]) — церковь въ предмѣстьяхъ Константинополя — Печенѣги выплыли на берегъ. Дальнѣйшій путь они направили къ Срѣдцу, туда, гдѣ поселены были ихъ единоплеменники, принужденные теперь заниматься земледѣліемъ. Никакого сопротивленія они не встрѣтили на своемъ походѣ: до такой степени неожиданно было ихъ появленіе на европейскомъ берегу и такъ быстро было ихъ движеніе. Послѣ прибытія въ Болгарію, Каталимъ и его товарищи безъ труда подняли тамъ печенѣжскихъ поселенцевъ, еще не привыкшихъ къ осѣдлой жизни. Косы и серпы, розданные правительствомъ, либо купленные у сосѣдей Болгаръ пріучавшимися къ деревенскому хозяйству Печенѣгами, замѣнили теперь отобранное оружіе. Вслѣдъ затѣмъ окрестности

1) [См Dethier, Der Bosphor und Constantinopel, Wien 1876, стр. 70. Σκ. Βυζαντίου, Ἡ Κωνσταντινούπολις, II, стр. 180]

Срѣдца и Ниша снова опустѣли. Печенѣги направились мимо Филиппополя къ Балканамъ, прошли горными проходами и остановились въ придунайскихъ областяхъ, близъ устьевъ рѣки Осмы. Только одинъ Селте основался было со своимъ улусомъ ближе къ Балканамъ, близъ теперешней Ловчи, на той же рѣкѣ Осмѣ; но Аріанитъ, двинувшійся со своимъ македонскимъ корпусомъ вслѣдъ за ушедшими Печенѣгами, принудилъ его отступить далѣе на сѣверъ, къ товарищамъ. Всѣ вмѣстѣ печенѣжскіе князья отыскали потомъ удобную для кочевья равнину между Балканами и Дунаемъ; она открывалась къ морю и была богата лѣсомъ, водой и пастбищами. Туземцы называли мѣстность «Сто Холмовъ» [1]).

Подданные Константина Мономаха и, прежде всего, жители придунайской Болгаріи тяжело поплатились за ошибки своего императора. Степные хищники не остались спокойными на мѣстахъ своего новаго поселенія. Всѣ сосѣднія области много тер- 130
пѣли отъ ихъ набѣговъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ искалъ средствъ поправить свою ошибку и призвалъ въ столицу, для совѣщанія, Кегена, который оставался вѣрнымъ византійскому правительству. Печенѣжскій князь прибылъ вооруженнымъ со своимъ улусомъ и расположился внѣ городскихъ стѣнъ, на равнинѣ, называвшейся Маиданомъ (Μαΐτας). Но прежде чѣмъ Кегенъ успѣлъ явиться во дворецъ и узнать, зачѣмъ онъ призванъ, съ нимъ случилось бѣдственное происшествіе, едва не стоившее ему жизни. Ночью пробрались въ его палатку три Печенѣга, подосланные, вѣроятно, его смертельнымъ врагомъ Тирахомъ. Замѣченные тѣлохранителями князя, они все-таки успѣли нанести нѣсколько ударовъ спящему Кегену, къ счастію, оказавшихся потомъ не смертельными. Въ печенѣжскомъ лагерѣ поднялось смятеніе; убійцы, которые спѣшили спастись бѣгствомъ, были пойманы и приведены къ сыну Кегена, Балтчару. Балтчаръ не рѣшился произвести съ ними немедленную расправу согласно съ обычаями кровной мести, такъ какъ убійцы требовали себѣ суда предъ императоромъ. Утромъ слѣдующаго дня по улицамъ Константинополя потянулась необычайная процессія. Впереди ѣхала

1) Cedren. II, 589—590. Zonar. III, 643—644.

четырехколесная телѣга, въ которой лежалъ раненый Кегенъ; къ ней были привязаны злодѣи, покусившіеся на его жизнь; далѣе позади шли пѣшкомъ двое братьевъ, сыновья Кегена, ихъ сопровождали на коняхъ тысячи Печенѣговъ. Процессія остановилась у дворца императорскаго. Константинъ Мономахъ, предувѣдомленный о причинѣ уличнаго шума, велѣлъ ввести къ себѣ старшаго сына Кегенова и, зная обычай кровной мести у варваровъ, спросилъ его, почему онъ не умертвилъ тотчасъ же злодѣевъ, покусившихся на жизнь его отца. Балтчаръ отвѣтилъ, что этого не сдѣлано изъ уваженія къ имени императора, которое было произнесено преступниками. Мономахъ велѣлъ привести къ себѣ узниковъ и самъ допрашивалъ ихъ о побужденіяхъ къ убійству «римскаго патриція». Варвары отвѣчали, что они хотѣли сдѣлать это изъ преданности къ императору; они узнали, что Кегенъ замышлялъ зло противъ его особы, что онъ хотѣлъ утромъ этого дня войти въ столицу, перебить всѣхъ ея жителей, ограбить ея сокровища и бѣжать за Балканы къ взбунтовавшимся улусамъ. Грубая выдумка печенѣжскихъ варваровъ встрѣтилась съ утонченною подозрительностію хитрой Византіи и нашла себѣ благосклонный пріемъ. Преступники были взяты изъ рукъ Печенѣговъ и послѣ тайкомъ отпущены на волю; Ке-
131 генъ, подъ предлогомъ излѣченія его ранъ, запертъ въ одномъ изъ императорскихъ дворцовъ и разлученъ со своими сыновьями, которые въ свою очередь также содержались подъ арестомъ въ разныхъ мѣстахъ. Печенѣги не вѣрили византійскому врачебному искусству, чувствовали себя неловко и тѣсно вблизи столицъ и тосковали по своимъ степямъ. Напрасно Мономахъ старался усыпить ихъ подозрительность виномъ, которое отпускали имъ въ щедромъ количествѣ, и примирить ихъ съ собою роскошными яствами, которыми кормили ихъ въ изобиліи. Когда, по его приказанію, сдѣлана была попытка потихоньку отобрать у Печенѣговъ оружіе и коней, вся орда Кегенова ночью снялась съ своего лагеря и ускакала по направленію на сѣверъ. На третій день она уже была за Балканами, гдѣ соединилась съ прочими ея соплеменниками [1]). По дорогѣ, теперь уже хорошо знакомой,

1) Cedren. II, 598—596.

Печенѣги скоро воротились и, раскинувъ свои кочевья при подошвѣ Балканъ, ближе къ Адріанополю, начали опустошительные набѣги на города и села Ѳракійскаго округа. Константинъ Аріанитъ, Адріанопольскій воевода, пошелъ на нихъ съ своимъ ополченіемъ, но былъ разбитъ на голову при крѣпости Діамполѣ (Jamboli) близъ балканскихъ проходовъ. Константинъ Мономахъ принужденъ былъ вызвать свои военныя силы изъ Азіи, гдѣ Турки-Сельджуки оставили на короткое время въ покоѣ византійскія владѣнія, чтобъ овладѣть столицею халифата Багдадомъ. Въ ожиданіи, когда соберется вся его армія, Мономахъ сдѣлалъ еще разъ попытку склонить Печенѣговъ къ покорности или, по крайней мѣрѣ, къ дружелюбному соглашенію. Въ Константинополѣ оставались еще Тирахъ и нѣсколько князей печенѣжскихъ, задержанныхъ здѣсь съ 1048 года. Осыпанные богатыми дарами, обнадеженные еще большими милостями въ будущемъ, они были отправлены въ печенѣжскія кочевья съ порученіемъ уговаривать своихъ соплеменниковъ къ примиренію съ византійскимъ императоромъ и съ клятвеннымъ обязательствомъ во всякомъ случаѣ воротиться назадъ. Но въ родныхъ вѣжахъ Печенѣги забыли свои обѣщанія, отреклись отъ христіанскаго креста, на которомъ клялись, и отъ самаго крещенія. Византійцы увидѣли Тираха во главѣ печенѣжской конницы, когда ихъ полки собрались, и дѣло дошло до борьбы въ открытомъ полѣ. Ополченія «восточныхъ» округовъ подъ главнымъ начальствомъ евнуха Никифора, который былъ нѣкогда домашнимъ священникомъ у Мономаха, потомъ покинулъ служеніе алтарю ради мірского славолюбія и носилъ теперь званіе ректора и стратопедарха [1]), 132
и сверхъ того отряды наемныхъ Франковъ съ ихъ предводителемъ Ерве́ (Hervé, Ἐρβέβιος) прибыли изъ Азіи. Чрезъ такъ называемый Желѣзный заворъ (клисура) Византійцы перешли за Балканы и расположились въ мѣстности, носившей названіе Діакене (Διακενέ, Indja-kevi) [2]) неподалеку отъ Ста-Холмовъ, гдѣ были главныя становища Печенѣговъ. Воинственный евнухъ Никифоръ былъ увѣренъ въ побѣдѣ и боялся только одного:

1) Cedren. II, 593.
2) [Ср. Διαβαινά въ Manuelis Philae Carmina ed. E. Miller II, 249.]

какъ бы Печенѣги не разбѣжались преждевременно; ему хотѣлось захватить ихъ всѣхъ разомъ. Такія надежды раздѣляла вся византійская армія, которая даже запаслась веревками и ремнями, чтобы вязать плѣнныхъ Печенѣговъ [1]). Византійская кичливость была наказана самымъ чувствительнымъ образомъ: Печенѣги, оградившись кругомъ своими телѣгами, отбили два нападенія Византійцевъ, осыпая ихъ сверху градомъ стрѣлъ, мѣтко пускаемыхъ [2]), а затѣмъ сами перешли въ наступленіе. Византійская армія не устояла, ея вожди первые показали примѣръ бѣгства. Пораженіе было страшное, множество убитыхъ осталось на мѣстѣ битвы, остатки разбитой арміи Никифора едва нашли себѣ спасеніе въ лѣсахъ и ущельяхъ Балканскихъ горъ [3]).

Послѣ этого никто не мѣшалъ Печенѣгамъ грабить и разорять Македонскую провинцію; два или три раза они возвращались въ свои палатки, отягченные богатою добычею. Такъ прошло время отъ осени 1049 года до наступленія слѣдующаго лѣта. 8-го іюня 1050 года Печенѣги явились подъ Адріанополемъ, гдѣ, въ укрѣпленномъ лагерѣ, снова собрались значительныя силы подъ начальствомъ Константина Аріанита. Наученный опытомъ, Адріанопольскій воевода хотѣлъ соблюдать самую большую осторожность. Онъ не выходилъ изъ-за рвовъ и окоповъ, которыми огражденъ былъ его укрѣпленный лагерь, и располагалъ напасть на Печенѣговъ только тогда, какъ ихъ пылъ остынетъ и силы утомятся въ напрасныхъ попыткахъ противъ неприступной позиціи. Это былъ, нужно думать, самый благоразумный образъ дѣйствія противъ нетерпѣливыхъ варваровъ. Но планъ былъ разрушенъ своевольною и неумѣстною отвагой одного изъ второстепенныхъ начальниковъ. Не дожидаясь позволенія главнаго вождя, онъ вышелъ изъ окоповъ и завя-
133 залъ сраженіе. Печенѣжская конница, какъ вихрь, накинулась на византійскую пѣхоту и смяла ее. Константинъ Аріанитъ, чтобы спасти стѣсненный отрядъ отъ несомнѣнной гибели, поспѣшилъ на помощь подчиненному, нарушившему требованія

1) Cedren. II, 598.
2) Attaliota p. 32.
3) Attaliota p. 33. Ср. Cedren. II, 599.

дисциплины. Общее сраженіе завязалось въ Адріанопольскихъ предмѣстьяхъ, на вспаханныхъ поляхъ и среди виноградниковъ [1]). Византійцы были обращены въ бѣгство, при чемъ оставили множество убитыхъ на мѣстѣ сраженія. Самъ главный воевода Константинъ, очевидно, самый способный въ средѣ вождей Мономаха, тяжело раненый, попался въ плѣнъ Печенѣгамъ и за покушеніе на жизнь ихъ князя, сдѣланное въ порывѣ болѣзненнаго раздраженія, погибъ мучительною смертію [2]). Уцѣлѣвшая часть разбитаго войска спаслась за окопами, которыхъ не слѣдовало оставлять, и должна была здѣсь выдержать осаду. Печенѣги пытались завалить ровъ каменьями и вѣтвями порубленныхъ виноградниковъ. Быть можетъ, они и успѣли бы взять лагерь; но счастливый случай, направившій ударъ греческой катапульты въ одного изъ князей печенѣжскихъ Сулчу, спасъ Грековъ отъ этой опасности. Ошеломленные смертію своего предводителя, услышавъ въ то же время о приближеніи болгарскаго ополченія, Печенѣги, снявъ осаду, разсѣялись. За то ихъ разбойническія шайки стали появляться въ разныхъ мѣстахъ Македоніи и Ѳракіи, вездѣ оставляя за собою страшные слѣды. Опустошая поля, сожигая села, уводя въ плѣнъ или избивая жителей, Печенѣги не щадили самыхъ дѣтей и звѣрски умерщвляли ихъ, отнимая отъ материнской груди [3]). Нѣкоторые дерзкіе отряды доходили почти до самыхъ стѣнъ Константинополя. Мономахъ принялъ, наконецъ, такъ близко къ сердцу бѣдствія своихъ подданныхъ, какъ это за нимъ не всегда водилось. Онъ собирался лично стать во главѣ своей гвардіи, чтобъ биться съ врагами, и только жестокая подагра, слѣдствіе невоздержной жизни, заставила его остаться въ креслахъ, въ которыхъ онъ съ нѣкотораго времени сидѣлъ неподвижно [4]).

Противъ печенѣжскихъ наѣздниковъ, подошедшихъ къ столицѣ, вмѣсто больного императора, отправился одинъ изъ спальныхъ евнуховъ императрицы Зои, патрицій Іоаннъ, по прозва-

1) [Jireček, Heerstrasse, стр. 100.]

2) Attaliota p. 34. Cedren. II, 601. У Кедрина небольшое разногласіе съ первымъ источникомъ.

3) Cedren. II, 603.

4) Attaliota p. 35.

нію Философъ, принявъ начальство надъ императорскими тѣлохранителями и дворцовою прислугой. Евнухъ нашелъ Печенѣ-
134 говъ недалеко отъ Константинополя, напалъ на враговъ, когда они спали непробуднымъ сномъ, и перерѣзалъ всѣхъ ихъ. На крестьянскихъ телѣгахъ привезены были груды печенѣжскихъ головъ въ столицу и представлены императору [1]). Самымъ лучшимъ и единственно возможнымъ средствомъ для защиты обѣихъ провинцій Македоніи и Ѳракіи пока былъ признанъ слѣдующій способъ веденія войны. Византійская армія засѣла по крѣпостямъ. Когда Печенѣги разсыпались въ окрестностяхъ для грабежа, или еще лучше когда они, обремененные затруднительною тяжестію добычи, возвращались назадъ, тогда только византійскіе отряды выходили изъ своихъ укрѣпленій и отнимали награбленное богатство, не всегда отдавая его обратно въ руки пострадавшихъ жителей [2]). Еще разъ прибѣгъ Константинъ Мономахъ къ средству, которое уже было испытано и оказалось совершенно непригоднымъ. Изъ всѣхъ печенѣжскихъ князей, принятыхъ въ византійское подданство около 1048 года, оставался въ Константинополѣ одинъ Кегенъ, излѣчившійся отъ ранъ, но содержимый подъ стражею со времени извѣстнаго покушенія на его жизнь. Онъ былъ выпущенъ на свободу и отправленъ къ Печенѣгамъ, чтобъ уговорить ихъ къ миру, или, по крайней мѣрѣ, отвлечь отъ общаго печенѣжскаго союза Пагуманидовъ и Белемарнидовъ, нѣкогда признававшихъ его власть. Заподозрѣнный прежде Мономахомъ, Кегенъ, повидимому, хотѣлъ исполнить свое обѣщаніе добросовѣстно. Но у него было много враговъ, которые давно искали его гибели. Заманивъ къ себѣ Кегена обманомъ, приверженцы Тираха убили его и разсѣкли трупъ его на мелкія части [3]).

Необходимы были мѣры болѣе рѣшительныя и болѣе дѣйствительныя. Вызваны были изъ Азіи послѣднія греческія силы, тамъ остававшіяся, мѣстныя ополченія округа Телухъ, Черной горы и проч. Это были, по своему вооруженію, конные стрѣлки,

1) Cedren. II, 603.
2) Attaliota p. 35.
3) Cedren. II, 603.

слѣдовательно, самое цѣлесообразное войско въ борьбѣ съ дикими кочевниками. Всего набралось до 20 тысячъ. Принявъ главное начальство надъ этими силами, Никифоръ Вріенній, будущій претендентъ на императорскій престолъ, долженъ былъ обуздывать дерзость печенѣжскихъ шаекъ, не вступая въ рѣшительное сраженіе. Между тѣмъ какъ Вріенній довольно удачно исполнялъ свою задачу въ Адріанопольской области, въ то самое время со- 135
средоточены были на югѣ западныя силы, высланы въ поле Варяги и Франки, подъ начальствомъ патриція Михаила, который носилъ званіе аколуѳа, то-есть главнаго начальника варяжскихъ дружинъ [1]). Несмотря на дѣйствія Вріеннія на сѣверѣ, все пространство на юго-востокъ отъ Адріанополя до рѣки Ергена (Еркенé) было наполнено печенѣжскими разъѣздами; они опустошали окрестности Аркадіополя (теперь Люле-Бургасъ) и Халкиды и проникали еще далѣе. Михаилъ Аколуѳъ расположился лагеремъ въ Харіуполѣ, въ укрѣпленіи, находившемся въ суточномъ разстояніи отъ приморскаго города Родосто. Чрезъ нѣсколько времени и здѣсь появились Печенѣги. Безпечность варваровъ простиралась до того, что они спокойно расположились для отдыха вблизи византійскихъ силъ, давая знать о начавшемся веселомъ пирѣ игрою на свирѣляхъ и цимбалахъ [2]). Ночью Михаилъ напалъ на нихъ и безъ труда истребилъ большую часть ихъ шайки [3]). Это навело нѣкоторый страхъ на Печенѣговъ, которые уже привыкали грабить безнаказанно.

Въ Адріанополѣ Михаилъ соединился съ Вріенніемъ, и оба направились къ сѣверу, очищая провинцію отъ загоновъ печенѣжскихъ, разсѣявшихся повсюду. Имъ удалось настигнуть двѣ значительныя шайки: одну при Топлицѣ, недалеко отъ Адріанополя, на рѣкѣ Марицѣ, и потомъ другую при Галоѣ, уже вблизи Балканскаго хребта, и разбить ихъ на голову [4]). Печенѣги были

1) [Ср. Cedren II, 606.]

2) Cedren. II, 604.

3) Attaliota p. 36. Cedren II, 604.

4) Attaliota p. 36: Τοπλιτζόν, τόπος δὲ οὗτος οὐ μικρὸν ἄποθεν τῆς Ἀνδριανουπολεως Ср. Cedren. II, 604: φρούριον - - παρὰ τὸν Ἕβρον. Кедринъ говоритъ о стычкѣ при Топлицѣ прежде случая подъ Харіуполемъ и вообще разставляетъ событія нѣсколько иначе, чѣмъ Атталіота. Мы слѣдуемъ болѣе послѣднему, такъ какъ это самостоятельный писатель, а Кедринъ — компиляторъ не всегда искусный.

прогнаны за Балканы; ихъ дерзость была нѣсколько обуздана. Хотя они продолжали дѣлать набѣги на область Адріанопольскую, по по крайней мѣрѣ съ большею осторожностію, чѣмъ прежде [1]). Такъ прошли 1051 и 1052 годы.

Чтобы прекратить тягостные набѣги Печенѣговъ, чтобы возвратить Византіи ея придунайскія владѣнія, Константинъ Мономахъ велѣлъ (въ 1053 году) своимъ воеводамъ перейти
136 Балканы. Тотъ же самый аколуѳъ Михаилъ и знакомый намъ Василій Монахъ, правитель Болгаріи, имѣвшій свое мѣстопребываніе въ Нишѣ, перешли съ своимъ войскомъ горные проходы и при Великомъ Прѣславѣ (у нынѣшняго Ески-Стамбула, близъ Шумлы) основали лагерь, укрѣпленный глубокимъ рвомъ и палисадомъ. Византійская армія скоро была окружена здѣсь полчищами Печенѣговъ и подверглась полной осадѣ. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, начинающійся голодъ заставилъ воеводъ рѣшиться на отступленіе, которое должно было совершиться подъ покровомъ ночной темноты. Но движеніе Византійцевъ было открыто Печенѣгами, и путь былъ прегражденъ. Въ страшномъ ночномъ побоищѣ смятые полки византійскіе почти безъ сопротивленія были истреблены варварами: въ числѣ убитыхъ находился и правитель Болгаріи синкеллъ Василій; только небольшая часть успѣла какъ-то добраться до Адріанополя. Всѣ плоды прежнихъ побѣдъ были потеряны. Огорченный императоръ хотѣлъ набирать новую армію, но ему посовѣтовали отказаться отъ дальнѣйшей борьбы съ Печенѣгами: Богу, очевидно, не угодно, чтобы кѣмъ бы то ни было уничтоженъ былъ одинъ изъ языковъ, существующихъ въ извѣстномъ числѣ по его волѣ [2]). Такъ въ благочестивой гордости утѣшали себя Византійцы, принужденные покупать у варваровъ миръ дорогою цѣною. Смягченные щедрыми дарами, Печенѣги обязались въ продолженіе тридцати лѣтъ спокойно жить въ занятыхъ ими областяхъ, не переходя за Балканы безъ призыва. Ихъ князья приняты были въ число чиновъ Константинопольскаго двора.

---

1) Cedren. II, 604: οὐκ ἀνέτως - - ἀλλὰ μετὰ φειδοῦς.

2) Attaliota p. 43: ὡς τὸ θεῖον οὐκ ἐπινεύει τὸ ἔθνος ἡβηδὸν καταχεντηθῆναι καὶ γλῶσσαν μίαν τῶν ἀπηριθμημένων σχολάσαι.

Съ тѣхъ поръ мы не слышимъ о Печенѣгахъ до 1059 года. Въ этомъ году они, какъ выражается византійскій историкъ, выползли изъ норъ, въ которыхъ скрывались [1]), и снова начали опустошать греческія области — едва-ли не по наущенію короля венгерскаго Андрея (1046 — 1061), который въ то же самое время разорвалъ мирный договоръ съ Византіей и началъ враждебныя дѣйствія. Но Венгрія скоро примирилась съ имперіей. Венгерскіе послы встрѣтили императора Исаака (Комнина) въ Срѣдцѣ (Сардикѣ, Софіи), куда онъ прибылъ со своею арміей. Миръ былъ возстановленъ на условіяхъ намъ неизвѣстныхъ. Послѣ того Исаакъ направился къ востоку, за Балканы, для усмиренія Печенѣговъ. На этотъ разъ они почти не противопоставили ни- 137
какого отпора. Между князьями отдѣльныхъ печенѣжскихъ колѣнъ не было единодушія и согласія; одинъ за другимъ они признали надъ собою власть византійскаго императора и обѣщались сохранить вѣрность [2]). Только Селте, извѣстный намъ по знаменитой переправѣ чрезъ Босфоръ, не хотѣлъ покориться, надѣясь на неприступное положеніе своего убѣжища, которое онъ нашелъ себѣ на берегу Дуная на какой-то скалѣ. Варваръ дошелъ до такой дерзости, что не побоялся выйти въ открытое поле противъ всѣхъ силъ императора. Онъ былъ скоро наказанъ за свою смѣлость. Разбитый на голову высланнымъ противъ него отрядомъ, Селте избѣжалъ плѣна только въ густыхъ лѣсахъ около Дуная; его укрѣпленіе было занято византійскимъ гарнизономъ. Императоръ Исаакъ съ торжествомъ возвратился назадъ. Но на возвратномъ пути его армія страшно пострадала отъ дождей, бурь, града и разлива рѣки Осмы, чрезъ которую, близъ Ловчи, ему пришлось переправиться [3]).

1) Scylitz. p. 645.

2) Attaliota p. 66: Τῶν δὲ πρὸς ἥλιον δυνοντα Σαυροματῶν ταραττομένων, σὺν αὐτοῖς δὲ καὶ τῶν περὶ τὸν Ἴστρον Σκυθῶν. p. 67: καταπλήξας τοὺς Σαυρομάτας. У Скилицы (p. 645) и Зонары (III, 512) вмѣсто Сарматовъ: Οὔγγρων—Οὐγγάρων. Атталіота и въ другихъ мѣстахъ (p 97 sq.) называетъ Мадьяръ Сарматами. Но у Анны Комниной, которая тоже упоминаетъ о походѣ Исаака, — другая терминологія: см. I, 166. Мадьяры у нея называются Даками (ср. I, 331 и конецъ договора съ Боемундомъ, II, 246), а вмѣсто Печенѣговъ Атталіоты и Скилицы названы Сарматы (Σαυρομάται), что въ другихъ мѣстахъ у нея означаетъ Узовъ (см. I, 344 и ср I, 254). Узы же, мы увидимъ, и у Скилицы смѣшиваются съ Печенѣгами.

3) Attaliota p. 67 sq. Cedren. II, 646. Zonar. III, 672. Anna Comn. I, 166.

Походъ Исаака Комнина имѣлъ, повидимому, болѣе важное значеніе, чѣмъ это можно заключать изъ краткихъ и неполныхъ извѣстій, сообщаемыхъ источниками. Слѣдствіемъ его было возстановленіе византійской власти на Дунаѣ. Магистръ Василій Апокапъ и Никифоръ Вотаніатъ, будущій императоръ, оставлены были начальниками придунайскихъ городовъ. Печенѣги, живя среди болгарскаго населенія подъ управленіемъ своихъ родовыхъ князей, признавая въ то же время верховныя права имперіи, не могли, конечно, сдѣлаться вдругъ осѣдлыми и спокойными подданными. Время отъ времени ихъ бродячія шайки пускались грабить своихъ сосѣдей и не церемонились выходить изъ границъ, имъ указанныхъ для кочевья [1]). Но если бы не было прилива новыхъ сродныхъ элементовъ изъ-за Дуная, то хотя мало по
138 малу еще можно было пріучать Печенѣговъ къ нѣкоторой осѣдлости, можно было внушить имъ уваженіе къ авторитету Константинопольской власти.

Между тѣмъ на Дунаѣ тѣснились уже новыя толпы турецкихъ кочевниковъ, двигавшіяся по слѣдамъ Печенѣговъ, ушедшихъ отъ нихъ въ предѣлы Византійской имперіи.

III.

Въ сентябрѣ 1064 года Узы явились на Дунаѣ [2]). Это было настоящее переселеніе; цѣлое племя, въ числѣ 600 тысячъ [3]), со всѣмъ своимъ имуществомъ и скарбомъ, толпилось на лѣвомъ берегу рѣки. Всѣ усилія воспрепятствовать ихъ переправѣ были напрасны. На челнокахъ, выдолбленныхъ изъ древесныхъ стволовъ, на кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ соломой, Узы переплыли на византійскій берегъ. Болгары и Греки, которые хотѣли

1) Attaliota p. 83.

2) [О пораженіи, нанесенномъ «Торкамъ» въ 1060 г. русскими князьями, говорится въ Лавр. лѣт. П. С. Р. Л. I, 70.]

3) Attaliota p. 83: συνεψηφίζετο γαρ τὸ ἔθνος εἰς ἑξήκοντα μυριάδας ἀνδρῶν. Scylitz. p. 654 (въ концѣ) — беретъ эту цифру у Атталіоты, который служитъ ему болѣе чѣмъ источникомъ. Зонара III, 678, написалъ, правда: ἑξήκοντα χιλιάδας, но и онъ точно также сокращаетъ первоначальный разсказъ Атталіоты: въ виду того, что у самого Атталіоты говорится о миріадахъ и это же слово повторено у Скилицы, отступленіе Зонары можетъ быть объяснено только его невнимательностію.

удержать ихъ, были разбиты; двое сановниковъ императорскихъ попались въ плѣнъ. Дунайская равнина была во власти страшной орды. Скоро наводнила она болѣе отдаленныя области имперіи; одна часть Узовъ отдѣлилась отъ прочей массы и бросилась на юго-западъ: Солунская область и самая Эллада испытали всѣ ужасы варварскаго нашествія. Императоръ Константинъ X Дука, услышавъ о страшномъ событіи, совсѣмъ потерялъ голову; казалось совершеннымъ безуміемъ пытаться противопоставить военную силу имперіи этимъ миріадамъ свирѣпыхъ хищниковъ, изъ коихъ каждый почти родился на лошади и выросъ съ лукомъ и копьемъ въ рукахъ. Самыя сокровища казны императорской, столько разъ спасавшія Византію, казались недостаточными въ виду необозримой массы враговъ. Только понуждаемый народнымъ ропотомъ, обвиняющимъ его въ скупости, императоръ отправилъ посольство къ предводителямъ Узовъ; щедрыми подарками и еще болѣе щедрыми обѣщаніями онъ старался склонить ихъ къ миролюбивымъ чувствамъ и убѣждалъ воротиться опять за Дунай. Нѣсколько знатныхъ Узовъ, привлеченныхъ щедростію императора и богатствомъ его казны, явились, по его приглашенію, въ Константинополь и были здѣсь приняты съ самымъ 139
благосклоннымъ вниманіемъ. Но все это мало помогло. Въ опустошенной еще Печенѣгами Болгаріи многочисленныя толпы Узовъ не находили себѣ удовлетворительной добычи, ни даже достаточнаго пропитанія. Вмѣсто того, чтобы возвращаться назадъ, они стремились все впередъ. Македонія и Оракія пострадали подобно Солунской области. Набѣги кочевниковъ доходили снова почти до стѣнъ Константинополя. Горесть и отчаяніе жителей столицы достигли послѣдней степени. Они начинали серіозно разсуждать между собою о необходимости выселенія изъ Европы, точно такъ, какъ послѣ въ Кіевѣ, подъ вліяніемъ всеобщаго броженія, охватившаго восточную Европу вслѣдствіе движенія турецкихъ племенъ, сбирались двинуться въ Греческую землю. Въ Византіи объявленъ былъ всенародный постъ и покаяніе, чтобъ умилостивить разгнѣванное правосудіе небесное; крестные ходы въ столицѣ повторялись ежедневно, самъ императоръ принималъ въ нихъ участіе и плакалъ въ виду сокрушенной толпы. Несмотря на это сочувствіе къ народному бѣдствію, положеніе Констан-

тина Дуки во дворцѣ Влахернскомъ сдѣлалось невыносимымъ. Византійцы привыкли смотрѣть на бѣдствія общественныя, какъ на казнь Божію за грѣхи правителей: образованный и умный историкъ этого времени отмѣчаетъ именно здѣсь это воззрѣніе и выражаетъ ему нѣкоторое сочувствіе, несмотря на то, что его сочиненіе посвящено также одному изъ императоровъ. Константинъ Дука, непопулярный за суровость во взысканіи всѣхъ податныхъ недоимокъ, сдѣлался предметомъ саркастическихъ насмѣшекъ у толпы, перешедшей отъ религіознаго умиленія къ дерзкимъ демонстраціямъ. Скрываясь отъ народнаго негодованія, императоръ оставилъ столицу [1]) и съ небольшою свитой — съ нимъ было 150 человѣкъ — остановился въ своемъ загородномъ имѣніи около мѣстечка Хировакхи (между Буйюкъ-Чекмедже и Кучукъ-Чекмедже, въ 4—5 часахъ отъ Константинополя [2]).

Злоязычные Византійцы говорили, что ихъ государь отправился противъ Узовъ съ арміей столь же многочисленною и доблестною, какъ армія Діониса (Бахуса), съ которою онъ совершилъ походъ въ Индію. Но, можетъ-быть, императоръ лучше зналъ, чего нужно ожидать. Когда онъ раскинулъ палатки въ открытой равнинѣ, чрезъ нѣсколько времени явились въ его лагерь гонцы, которые были посланы на сѣверъ: они принесли радостныя извѣстія. Плѣнные воеводы — Апокапъ и Вотаніатъ — были освобождены изъ плѣна и давали знать о совершенной гибели страшной орды. Лучшіе люди въ средѣ Узовъ поддались дѣйствію византійскаго золота и, склонясь на убѣжденія придунайскихъ правителей, ушли обратно за Дунай, покинувъ своихъ на произволъ судьбы. Между тѣмъ — обычное слѣдствіе варварской неумѣренности и невоздержности — въ многолюдныхъ улусахъ уже свирѣпствовали повальныя болѣзни. За изобиліемъ, вызвавшимъ излишества, послѣдовалъ недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасахъ, затѣмъ голодъ и эпидемія, какъ уже это было съ Печенѣгами. Необозримое число пришель-

1) [Ср. Psell. hist. p. 268].

2) Хировакхи между рр. Меласомъ и Аѳирой (Cinn. p. 74), между Карасу (Черная вода) и Sazli-dere (на картѣ Викенеля: La Thrace), между заливами Буйюкъ-Чекмедже и Кучукъ-Чекмедже, въ четырехъ-пяти часахъ отъ Константинополя (Viquesnel, La Thrace, I, 144—146).

цевъ быстро сократилось подъ ударами этихъ бичей. Остальные были до такой степени истомлены физически и убиты нравственно, что или сдѣлались легкою добычею Болгаръ и Печенѣговъ, которые брали ихъ въ плѣнъ и безъ милосердія топтали копытами ихъ же лошадей, давили колесами ихъ же телѣгъ, или просили съ покорностію милости и пощады у властей византійскихъ.

Императоръ съ торжествомъ воротился въ столицу. Избавленіе отъ страшнаго врага справедливо приписывалось одному Богу, потому что храбрость войска или умѣнье его вождей нисколько въ томъ не участвовали. Въ народѣ говорили о чудѣ; разсказывали, что въ тотъ самый день, какъ въ Константинополѣ совершался крестный ходъ, отрядъ Узовъ, расположившійся въ Чурулѣ (Чорлу), былъ прогнанъ невидимою силою, воздушнымъ войскомъ, которое метало свои стрѣлы и не оставило ни одного врага не уязвленнымъ.

Неизвѣстно, какъ велико было число Узовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ видимыхъ и невидимыхъ казней; но, вѣроятно, оно было довольно значительно. Часть поступила на службу византійскаго императора, получивъ въ надѣлъ казенныя земли въ Македоніи; въ греческой арміи являются потомъ отряды Узовъ, при дворѣ и въ высокихъ званіяхъ встрѣчаются имена, принадлежащія этому племени, тамъ и здѣсь часто соединяемыя и смѣшиваемыя съ Печенѣгами подъ однимъ общимъ названіемъ Скиѳовъ. Другая часть, перебравшись во-время за Дунай, если избѣгла болѣзней, то не спаслась отъ голода и также принуждена была подчиниться высшимъ требованіямъ осѣдлой жизни среди христіанскаго народа. Византійскій писатель говоритъ о какомъ-то князѣ Мирмидоновъ, который разсѣялъ Узовъ по своимъ городамъ. Онъ разумѣетъ подъ этимъ страннымъ названіемъ какого-либо 141
изъ князей русскихъ, у которыхъ Узы именовались Торками[1]).

1) Attaliota p. 87: καὶ τούτους φασὶ τῷ τῶν Μυρμιδόνων ἄρχοντι προσρυῆναι καὶ παρ' αὐτοῦ διασπαρῆναι ταῖς ἀμφ' αὐτὸν πόλεσι. Никто другой, кромѣ русскаго князя, не можетъ разумѣться подъ княземъ Мирмидоновъ уже потому, что онъ живетъ за Дунаемъ. Мадьяре у Атталіоты называются Сарматами, а имя Русскихъ онъ ни однажды не употребляетъ, говоря о Русской землѣ и Русскихъ князьяхъ. Сверхъ того (указаніе, сдѣланное намъ А. А. Куникомъ), къ объясненію, почему Атталіота Русскихъ называетъ Мирмидонами, быть можетъ, служитъ то мѣсто у Льва Діакона (pag. 150), гдѣ онъ говоритъ

«Такимъ образомъ, при царѣ Константинѣ, съ одной стороны, обрушились сильные удары на Ромэйскую землю, съ другой — послѣдовало избавленіе отъ величайшей опасности: враги были поражены неожиданною гибелью, какой никто и никогда не могъ надѣяться. Поэтому люди, разумно сопоставляющіе обстоятельства, соизмѣряли бѣдственныя или благополучныя событія недостоинствомъ или добродѣтелью императора. Но не погрѣшитъ противъ истины и тотъ, кто сочтетъ бѣдственныя событія возмездіемъ вообще за грѣхи человѣческіе, а благополучіе припишетъ единственно божественному милосердію, а не царской добродѣтели. Ибо всякое благо нисходитъ свыше. Но при этомъ усердная молитва, подкрѣпляемая благими дѣлами, также преклоняетъ на милость. На счетъ царей ставятся событія, потому что на нихъ, по справедливости, падаетъ бо́льшее порицаніе и бо́льшее неудовольствіе за неразумныя дѣйствія, равно какъ имъ принадлежитъ бо́льшая благодарность за разумныя дѣйствія, совершенно такъ, какъ на тѣхъ, кто управляетъ колесницей, а не на самыхъ лошадей, возлагается отвѣтственность за успѣхъ или неудачу въ состязаніи» [1]).

Между тѣмъ какъ Печенѣги и Узы тревожили европейскія области имперіи, ихъ восточные соплеменники Сельджуки постоянно расширяли кругъ своей власти и своихъ завоеваній въ Азіи. Въ 1050 году Тогрильбей вошелъ въ Багдадъ съ Узами (Ghus) и Туркменами, частію приведенными имъ съ береговъ Окса (изъ Бухары и Киргизскихъ степей), частію еще ранѣе выселившимися
142 во владѣнія халифовъ [2]). Въ 1064 году Альпъ-Арлсланъ, племянникъ Тогрильбея, напалъ на Грузію, покорилъ Нахичевань, Карсъ, Ани, главный городъ Арменіи [3]). Въ 1067 году Турки опустошали Месопотамію, Сирію, Киликію и Каппадокію. Они перерѣзали жителей Кесаріи, ограбили въ церкви Василія Вели-

о сходствѣ погребальныхъ обрядовъ у воиновъ Святослава и у древнихъ Грековъ. Эти обычаи ведутъ свое начало отъ спутниковъ Ахиллеса. Ахиллесъ былъ Скиѳъ родомъ изъ Мирмикіона (Μυρμηκιῶνος), города на Мэотійскомъ озерѣ (между Керчью и Еникале по Палласу): свѣтлые волосы, голубые глаза и другіе признаки служатъ доказательствомъ, что Ахиллесъ былъ Скиѳъ и даже Таврoскиѳъ, то-есть, Русскій.

1) Attaliota p. 86 sq.

2) Weil, Geschichte der islamitischen Völker, стр. 227 сл.

3) Тамъ же, стр. 230.

каго богатства, составившіяся пожертвованіями многихъ поколѣній, и остались зимовать въ границахъ имперіи. Слабая рука женщины не въ силахъ была управлять государствомъ въ такое тяжелое время. Разрѣшенная патріархомъ отъ клятвы, данной умирающему мужу, оставаться до смерти вдовой, императрица Евдокія посадила на тронъ рядомъ съ собою присужденнаго къ казни заговорщика и бунтовщика. 1-го января 1068 года былъ провозглашенъ императоромъ героическій и несчастный Романъ IV Діогенъ, прославившійся прежде того въ войнахъ съ Мадьярами и Печенѣгами.

Печенѣги и Узы, поселенные въ предѣлахъ монархіи, очерченныхъ нѣкогда мечемъ Василія II, принимали дѣятельное участіе въ турецкихъ походахъ Романа IV. Они составляли въ византійской арміи легкую конницу, родъ войска, столь важный въ борьбѣ съ племенами, также сохранявшими быстроту и смѣлость кочевыхъ набѣговъ. Въ передовые отряды и сторожевые разъѣзды посылались Узы и Печенѣги. Когда утомленное войско греческое останавливалось на привалѣ, не имѣя чѣмъ подкрѣпить свои силы, Печенѣги, не слѣзая съ коней, бросались въ окрестности для добыванія припасовъ. Когда нужно было разорить страну, занятую непріятелемъ, отправляли впередъ Узовъ[1]). Однимъ словомъ, услуги бывшихъ степныхъ наѣзниковъ были весьма полезны. Но было одно неудобство и одна опасность при 143
пользованіи этимъ родомъ войска. Участники походовъ Романа, наблюдая вблизи своихъ новыхъ товарищей въ ихъ стычкахъ съ Турками-Сельджуками, поражены были близкимъ родственнымъ

---

1) Замѣчательно, что Атталіота, который описываетъ походъ Романа, какъ очевидецъ и важный участникъ, вездѣ употребляетъ названіе «Скиѳы», которое у него, какъ у другихъ, означаетъ Печенѣговъ (см. p. 30: Σκύθαι δέ, οὓς Πατζινάκους οἶδεν ὁ δημώδης λόγος καλεῖν. p. 66: Σκυθῶν, οὓς Πατζινάκους τὸ πλῆθος κικλήσκουσιν), а Скилица, рабски слѣдуя Атталіотѣ и только сокращая его разсказъ, вмѣсто Скиѳовъ почти постоянно ставитъ «Узы».

Attaliota p. 108: πρὸ τοῦ καταβῆναι δὲ τοῦ ἵππου, τούς τε Σκύθας - - εἰς προνομὴν ἀποστείλας. Ср. Scylitz. p. 672 (здѣсь тоже Скиѳы).

Attaliota p. 148: προυπέστειλε μὲν ὁ βασιλεὺς ἐκ τοῦ μισθοφορικοῦ Σκύθας εἰς τοῦ Χλίατ προνομήν τε καὶ διασκύλευσιν. Ср. Scylitz. p. 691: τὸ μισθοφορικὸν τῶν Οὔζων.

Attaliota p. 150: παραβοηθήσων τοῖς προαποσταλεῖσι Σκύθαις. Ср. Scylitz. p. 692: βοηθήσων τοῖς Οὔζοις.

сходствомъ тѣхъ и другихъ: та же, на взглядъ Грековъ, безобразная наружность, тѣ же крики, тѣ же военныя ухватки [1]). Когда турецкая конница нападала на узо-печенѣжскій станъ, то Греки теряли всякую возможность разобрать, кто ихъ союзники и кто непріятель: только привычный глазъ могъ при близкомъ сходствѣ отыскать внѣшніе признаки отличія [2]). Языкъ въ этомъ случаѣ едва-ли могъ оказать помощь: если и была разница въ нарѣчіяхъ сельджукскомъ и печенѣжскомъ, то не такого рода, чтобы поразить слухъ не знающихъ ни того, ни другого языка. Слѣдовало опасаться, что несмотря на византійское золото и ткани Скиѳы не останутся глухи къ голосу крови, узнаютъ въ Туркахъ своихъ братьевъ и передадутся на ихъ сторону. Предъ самою роковою битвою, которая кончилась плѣномъ Романа, цѣлый отрядъ узо-печенѣжскій ушелъ въ лагерь враговъ [3]). Страхъ, что всѣ другіе послѣдуютъ этому примѣру, едва-ли былъ изглаженъ возобновленною присягой на вѣрность имперіи, которую предводители Узо-Печенѣговъ дали по обычаямъ своей варварской обрядности [4]). Можетъ-быть, это опасеніе роковымъ образомъ подѣйствовало на исходъ сраженія при Манцикертѣ, хотя Печенѣги честно сохранили клятву (1071 года).

Византійское государство, въ числѣ немаловажныхъ заслугъ котораго исторія должна зачесть его содѣйствіе сближенію племенъ и народовъ, познакомило между собою двѣ разрозненныя вѣтви турецкаго племени. Это знакомство не осталось безъ вліянія на ходъ будущихъ событій и принесло не малый вредъ имперіи.

Помимо всего прочаго и сами по себѣ Узо-Печенѣги представляли въ высшей степени неугомонный, крайне безпокойный элементъ населенія. Всякую минуту они готовы были сѣсть на

---

1) Attaliota p. 142. Одинъ изъ турецкихъ вождей перешелъ къ Діогену, и вотъ что говоритъ очевидецъ: τὴν ὄψιν Σκύθης καὶ ἄχαρις, ἐπειδὴ καὶ τοῦτο τὸ γένος ἐκ Σκυθῶν καὶ τῆς ἐκείνων κακοηθείας καὶ δυσμορφίας κατάγεται. Ср. Scylitz. p. 688.

2) Attaliota p. 156: τὸ γὰρ τῶν Σκυθῶν μισθοφορικόν, ἐμφερὲς κατὰ πάντα τοῖς Τούρκοις ὄν. Ср. Scylitz. p. 695.

3) Attaliota p. 157 μοῖρά τις Σκυθική. Scylitz. p. 695: μοῖρά τις Οὐζική.

4) Attaliota p. 158: τοὺς Σκύθας. Ср. Scylitz. p. 696: Σκυθῶν, τῶν Οὔζων φημί.

своихъ лошадей, идти за каждымъ искателемъ приключеній, который обѣщалъ имъ награду и добычу. Кто имѣлъ неудовольствіе на византійское правительство и думалъ о мести, кто имѣлъ при- 144
тязанія сѣсть на престолъ Юстиніана и Василія, тому стоило только перейти за Балканы, чтобъ отыскать цѣлую армію готовыхъ помощниковъ. На Дунаѣ образовалась странная смѣсь бродячаго населенія, составленнаго изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Здѣсь, по словамъ византійскаго историка, можно было встрѣтить людей всякаго языка [1]). Вслѣдъ за Печенѣгами и Узами стремились Половцы, и безъ сомнѣнія являлись русскіе поселенцы. Мы не знаемъ, въ какой степени заслуживаетъ вниманія предположеніе, что Славяне, распространившіеся на почвѣ древней Дакіи съ VI вѣка, были тѣ самые, которые послѣ получили названіе Русскихъ, и что уже къ нимъ должны быть возводимы слѣды русскаго населенія, сохраняющіеся здѣсь въ мѣстныхъ названіяхъ. Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ пѣтъ достаточныхъ основаній отдѣлять славянскія поселенія, которыя сидѣли на лѣвомъ берегу Дуная и въ области р. Тисы, отъ той большой славянской массы, которая наполняла Балканскій полуостровъ до прихода восточныхъ народовъ и которая ассимилировала Болгарскую орду и отсюда получила свое названіе. Во всякомъ случаѣ, было ли у нихъ тамъ прямо единокровное населеніе, или только родственное славянское, но съ X вѣка Русскихъ сильно тянуло къ Дунаю. Въ XI вѣкѣ туда ходила русская вольница, вслѣдъ за нею двигались и мирныя осѣдлыя колоніи. Указанія на это можно найти какъ въ нашихъ лѣтописяхъ, такъ и въ источникахъ византійскихъ [2]). Очень вѣроятно, что придунайскіе города, называемые русскими въ источникахъ перваго рода, сдѣлались такими именно съ того времени, въ которое Византійцы отмѣчаютъ наплывъ туда новаго населенія. Нѣтъ никакой возможности думать, чтобы Печенѣги, а потомъ Половцы, отъ кочевого быта могли вдругъ переходить къ городской жизни, и чтобъ они безъ всякаго принужденія и необходимости стали заниматься земледѣліемъ, что̀, какъ мы увидимъ, дѣлали переселенцы. Византійскій

1) Attaliota p 204 (мѣсто приведено ниже)
2) См. приложеніе II.

писатель XI вѣка, впрочемъ, прямо говоритъ, что смѣшанное населеніе нѣкоторыхъ большихъ городовъ по Дунаю, поражавшее своимъ разноязычнымъ составомъ, хотя подъ вліяніемъ сосѣдства съ кочевниками и усвоило печенѣжскій образъ жизни и печенѣжское своеволіе, но тѣмъ не менѣе не было печенѣжскимъ, а напротивъ иногда много терпѣло отъ этихъ сосѣдей [1]). Константинопольское правительство поняло, какую выгоду оно можетъ извлечь изъ этой противоположности. Чтобъ удержать за собою по крайней мѣрѣ номинальную власть на Дунаѣ, чтобы замкнуть кочевую орду, поселившуюся въ Болгаріи, въ болѣе или менѣе твердомъ кругѣ, оно приносило большія жертвы. Въ то время какъ Охридская Болгарія стонала подъ игомъ византійской финансовой системы, воинственное населеніе придунайскихъ городовъ ежегодно получало изъ Константинополя богатыя поминки. Нечего говорить о томъ, что само оно ничего не платило. Эта уступчивость и щедрость притязательной казны византійской объясняется желаніемъ поддержать ослабѣвающія связи между центромъ имперіи и сѣверными ея окраинами, чтобы не выпустить изъ рукъ вліянія на всю страну между Дунаемъ и Балканами.

Когда на византійскомъ престолѣ сидѣлъ Михаилъ VII Парапинакъ, неспособный ученикъ ученаго Пселла, государствомъ правилъ одинъ изъ самыхъ безжалостныхъ и суровыхъ представителей финансовой византійской политики, евнухъ Никифоръ, любимецъ императора и его первый министръ. Въ числѣ другихъ мѣръ, принятыхъ для пользы казначейства, но едва не погубившихъ государства, этотъ министръ произвелъ сокращеніе въ тѣхъ денежныхъ подаркахъ, которые посылались въ придунайскіе города (около 1074 г.). Неумѣстная бережливость имѣла самыя дурныя послѣдствія. Придунайская вольница порвала всякія связи съ имперіей, вошла въ тѣсный союзъ съ кочевниками и замышляла нѣчто болѣе опасное. Въ Дерстрѣ (Силистріи), который по своему значенію стоялъ во главѣ прежнихъ болгарскихъ

1) Attaliota p 204 sq : τὸ παρὰ τὸν Ἴστρον κατοικοῦν μιξοβάρβαρον. παράκεινται γὰρ τῇ ὄχθῃ τούτου πολλαὶ καὶ μεγάλαι πόλεις, ἐκ πάσης γλώσσης συνηγμένον ἔχουσαι πλῆθος—πρὸς αἷς οἱ περαιωθέντες Σκύθαι (Печенѣги) τὸ πρότερον τὸν Σκυθικὸν ἐπιφέρουσι βίον. παρ' ὧν καταληιζόμεναι ——

городовъ на Дунаѣ, сталъ властвовать какой-то Татушъ, Печенѣгъ, судя по имени. Византійское правительство хотѣло поправить свою ошибку.

Вестархъ Несторъ, пользовавшійся личнымъ довѣріемъ императора, Славянинъ по происхожденію, способный, слѣдовательно, привлечь къ себѣ славянскіе элементы волновавшихся городовъ, посланъ былъ на сѣверную границу имперіи въ званіи катапана. Вліятельные жители Дерстра, прибывшіе въ Константинополь, увѣрили императора, что какъ скоро Несторъ явится, городъ и крѣпость, отказавшись отъ союза съ Печенѣгами, признаютъ власть византійскаго правительства. Но катапанъ скоро убѣдился въ томъ, что полномочія, принесенныя изъ 146
Константинополя, не имѣютъ никакого значенія на Дунаѣ. Онъ очутился въ странномъ положеніи правителя, не признаваемаго своими подчиненными. Онъ потомъ дѣйствительно успѣлъ сблизиться со своими единоплеменниками, но только уступивъ ихъ стремленіямъ и раздѣливъ ихъ планы, то-есть отказавшись отъ намѣренія сблизить ихъ съ Византіей.

Предводители воинственныхъ дружинъ въ Дерстрѣ и другихъ городахъ взяли съ греческаго катапана клятву, что онъ во всемъ будетъ заодно съ ними, вмѣстѣ вошли въ соглашеніе съ Печенѣгами и рѣшили идти на Константинополь. Говорятъ, что Несторъ, кстати, былъ лично раздраженъ противъ евнуха Никифора, который, узнавъ о неуспѣхѣ его миссіи на Дунаѣ, хотѣлъ воротить большія деньги, данныя ему въ руки, и конфисковалъ его домъ въ Константинополѣ. Союзники перешли Балканы, безпрепятственно грабили въ Адріанопольской области и достигли столицы. Осажденный Константинополь скоро былъ поставленъ въ тяжелое положеніе отъ недостатка въ средствахъ пропитанія. Обвиняя во всемъ ненавистнаго Никифора, жители волновались и требовали у своего императора, чтобъ онъ выдалъ любимца головою смертельному врагу его Нестору, который на этомъ условіи обѣщалъ снять осаду. Михаилъ Парапинакъ обнаружилъ упорство, едва-ли впрочемъ объяснимое благородною твердостію, а скорѣе вліяніемъ того же логоѳета Никифора. «Онъ не хотѣлъ», говоритъ съ нѣкоторымъ упрекомъ современникъ, «пожертвовать однимъ человѣкомъ спасенію всего греческаго народа». Быть

можетъ, Михаилъ VII надѣялся также на содѣйствіе Запада, гдѣ папа Григорій VII, съ которымъ онъ завязалъ сношенія, призывалъ всѣхъ христіанъ на помощь Восточной имперіи противъ язычниковъ, дошедшихъ уже до стѣнъ Константинополя [1]). Избавленіе пришло другимъ путемъ, довольно темнымъ. Византійцы говорили о сверхъестественной помощи и заступничествѣ Богоматери. Исторія намекаетъ на интриги, произведшія раздѣ-
147 леніе въ лагерѣ союзниковъ. Печенѣги, отправленные въ Константинополь для переговоровъ, послѣ своего возвращенія заподозрѣны были въ замыслахъ на жизнь Нестора, главнаго руководителя въ походѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что союзники сняли осаду и пошли обратно къ Дунаю, довершая разореніе Ѳракіи и Македоніи.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ, (въ 1078 г.) безпощадное и разорительное хозяйничанье логоѳета Никифора довело наконецъ до послѣдней крайности ненависть къ существующему правительству подданныхъ Михаила VII. Пользуясь такимъ настроеніемъ, нѣсколько претендентовъ одновременно заявили свои притязанія на императорскій престолъ. Въ Азіи явился Никифоръ Вотаніатъ, напявшій къ себѣ на службу Турокъ, въ Европѣ—Врієнній, который нашелъ поддержку среди населенія Адріанопольской области; на заднемъ планѣ стоялъ Василаки, управлявшій Драчемъ и византійскими владѣніями на Адріатическомъ морѣ. Печенѣги не могли остаться въ сторонѣ отъ движенія, которое обѣщало имъ хорошую поживу.

Мы видимъ ихъ сначала въ роли защитниковъ законной власти Михаила VII. Они осаждаютъ Врієннія въ Адріанополѣ, грабятъ и угоняютъ скотъ у сосѣднихъ жителей, не разбирая, конечно, кто признаетъ Михаила, и кто Никифора Врієннія. Врієнній принужденъ былъ уплатить Печенѣгамъ громадную сумму въ 20 кентинарій, не считая дорогихъ тканей и серебря-

1) Jaffé, Monumenta Gregoriana (Bibl. rer. Germ. II) p. 69: Notum vobis esse volumus, hunc virum praesentium portitorem, dum de ultramarinis nuper reverteretur partibus,—nostram praesentiam visitasse A quo sicut a plerisque aliis cognovimus, gentem paganorum contra christianum fortiter invaluisse imperium et miseranda crudelitate iam fere usque ad muros Constantinopolitane civitatis omnia devastasse. Это писано въ мартѣ 1074 г. Ср. письмо къ Гейнриху IV отъ 7-го декабря того же года Jaffé, Monum. Greg. p. 145.

ныхъ сосудовъ [1]). Тѣ же самые, а можетъ-быть и другіе Печенѣги ходили съ братомъ Вріеннія къ Константинополю, вблизи котораго онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Франковъ и Варяго-Руссовъ, состоявшихъ на службѣ Михаила VII [2]). За Вріеннія бились потомъ Печенѣги съ своими единоплеменниками Турками, которыхъ привелъ полководецъ уже воцарившагося Никифора Вотаніата [3]). Наконецъ, у нихъ же искалъ себѣ помощи и Василаки. Печенѣги, повидимому, не поспѣли къ рѣшительному сраженію, которое произошло при Солуни, но нѣсколько позже еще разъ явились подъ Адріанополемъ, сожгли его предмѣстья и ушли назадъ, узнавъ о гибели своего союзника. Въ этомъ послѣднемъ походѣ Печенѣговъ сопровождали Куманы, или что то же, Половцы: первое упоминаніе этого имени въ византійской исторіи [4]). Повидимому, какое время могло быть благопріятнѣе 148
для той вольницы, которая собралась на Дунаѣ, какъ не этотъ періодъ борьбы трехъ претендентовъ за престолъ византійскій? Но моментъ, которымъ воспользовались Печенѣги, прошелъ для нея въ праздномъ спокойствіи. Причины тому надобно искать въ расположеніи, а можетъ-быть, и въ дѣйствіяхъ князей южнорусскихъ, Святослава и Всеволода. Еще Михаилъ VII просилъ ихъ помощи для обузданія безпокойнаго населенія городовъ болгарскихъ. Митрополитъ Кіевскій Георгій, находившійся въ Константинополѣ въ 1073 году, и зодчіе, отправленные въ слѣдующемъ году въ Кіевъ для построенія Печерской церкви, — вотъ два обстоятельства, которыя заставляютъ угадывать, что отказа не могло быть. Русскіе корабли были въ Мраморномъ морѣ, русскіе Варяги, на нихъ прибывшіе, помогли разбить Вріеннія въ 1077 году. По другимъ извѣстіямъ Святославъ Ярославичъ предъ своею смертію, которая послѣдовала 25-го Февраля 1076 года, сбирался идти «на Болгары»; его преемникъ Всеволодъ распустилъ собранное войско, уже получивъ извѣстіе о воцареніи Никифора Вотаніата (мартъ 1078 года). Чрезъ нѣсколько

1) Attaliota p. 261 sq Scylitz. p. 731. Zonar. II p. 290 Par

2) Attaliota p. 117 ⟨252 sqq.?⟩. Nicepli. Bryenn. p. 114. О Варяго-Руссахъ см. въ приложеніи II.

3) Attaliota p. 290. Bryenn. p. 136. 139. Anna p. 12 Par.

4) Attaliota p. 298. 301. Scylitz. p. 739. 741.

времени въ Константинополь прибыло посольство изъ-за Дуная. Источники не говорятъ опредѣленно, кѣмъ оно было отправлено; но послы явились съ самыми дружелюбными заявленіями. Они называли тѣхъ изъ своихъ единоземцевъ, которые побратались во вредъ имперіи съ Печенѣгами и заодно съ ними участвовали въ походѣ Нестора, явными отступниками, прямыми схизматиками. Чтобы доставить полное удовлетвореніе священной особѣ греческаго императора, послы привели съ собою нѣсколько человѣкъ, виновныхъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ 1074 года, и подвергли ихъ безчестному наказанію въ присутствіи самого Никифора Вотаніата.

Несмотря на то, на Дунаѣ все осталось по прежнему. Въ 1086 году мы находимъ города придунайскіе въ томъ же самомъ положеніи, какъ это было за десять лѣтъ предъ тѣмъ. Въ Дерстрѣ господствуетъ Татушъ, въ Виддинѣ—Хали (Χαλῆ: Олегъ?); Всеславъ и Сача (Σατζᾶς) захватили другіе города. Постоянно новыя толпы поселенцевъ наплывали къ Дунаю. Анна говоритъ о прибытіи «какого-то скиѳскаго племени»: оставивъ свою родину, оно явилось на Дунаѣ и, дружелюбно принятое Татушемъ и Всеславомъ, перешло на другой берегъ рѣки, потомъ завладѣло здѣсь нѣкоторыми небольшими городами. Видно, что это не были кочевники; нѣсколько прочнѣе усѣвшись, переселенцы начинали заниматься земледѣліемъ, сѣяли пшеницу и овесъ. Самый
149 способъ выраженія гордой цесаревны, боявшейся осквернить страницы своего сочиненія какимъ-либо лишнимъ варварскимъ названіемъ, и появленіе русскихъ посадниковъ на Дунаѣ въ началѣ слѣдующаго столѣтія — все заставляетъ думать, что эти переселенцы были Русскіе, и что ихъ число здѣсь возрастало постоянно [1]).

IV.

Утвердившись между Дунаемъ и Балканами, Печенѣги своими набѣгами сдѣлали не мало зла и кореннымъ византійско-греческимъ владѣніямъ въ Македоніи и Ѳракіи. Несмотря на крещеніе, совершенное надъ ними монахомъ Евѳиміемъ, они очень

1) См. приложеніе II.

медленно и туго поддавались вліянію Византіи — религіозному и политическому. Нѣкоторые признаки сближенія мы замѣчаемъ только на Дунаѣ; Болгары, составлявшіе старое туземное населеніе, и русскіе бродники, толпившіеся на рѣкѣ, такъ хорошо знакомой древней русской пѣснѣ и древнимъ русскимъ поэтамъ, одни — увлекаемые глубокою ненавистію къ византійскому правительству и національною враждою къ греческому народу, другіе — побуждаемые неусидчивостію и удальствомъ, естественными въ молодомъ обществѣ, не прочь были отъ сближенія и дружбы съ кочевниками, вмѣстѣ съ ними ходили за Балканы, подчинялись власти ихъ князей, но и сами подчиняли ихъ своему вліянію. Если это вліяніе простиралось и на религіозную область, то едвали оно было въ пользу православія или даже настоящаго христіанства. Съ X вѣка въ Болгаріи сильно распространилась ересь богомильская, родственная съ манихейскими дуалистическими сектами, такъ широко господствовавшими въ Европѣ и Азіи [1]). Въ богомильствѣ несомнѣнно выражалась также національная, политическая оппозиція славянская противъ тяжелаго господства Грековъ въ церковной и свѣтской области. Съ этой точки зрѣнія, положеніе Придунайской Болгаріи въ XI вѣкѣ было весьма благопріятно широкому распространенію и укрѣпленію ереси. Средоточіе церковнаго управленія находилось далеко, въ центрѣ Македонской Болгаріи, въ городѣ Охридѣ. Послѣ покоренія Болгарскаго царства Василіемъ II настало обычное безчеловѣчное и кровопійственное хозяйничанье греческихъ финансовыхъ чиновниковъ, цѣлая армія которыхъ накинулась на Болгарію. Мы знаемъ эти порядки и этихъ людей изъ писемъ Θеофилакта Болгарскаго: бо́льшая часть этихъ писемъ наполнена горькими жалобами на греческихъ писцовъ, дозорщиковъ, сборщиковъ по- 150
датей и пр. Если они не щадили архіепископа родомъ Грека, человѣка имѣвшаго важныя связи при дворѣ, то что̀ было и что̀ дѣлалось съ простымъ Болгариномъ! Изъ той же переписки Θеофилакта мы видимъ, съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ относились даже лучшіе изъ архипастырей-Грековъ къ своей сла-

1) См. Собраніе сочиненій А Ѳ. Гильфердинга I, стр. 130 и слѣд., 226 и сл.

вянской паствѣ, къ этимъ «нечистымъ варварамъ, отъ которыхъ издали несетъ козлинымъ запахомъ ихъ одежды». При такомъ настроеніи съ одной стороны, легко себѣ представить то не совсѣмъ дружелюбное чувство, которое другая сторона питала къ Грекамъ, занимавшимъ епископскія каѳедры Виддина, Срѣдца и т. д. Богомилы и Армяне, первые распространители манихейства, упоминаемые нѣсколько разъ Ѳеофилактомъ, находили самую удобную почву для своей пропаганды.

Павликіанство, одна изъ главныхъ отраслей манихеизма, принесено было въ Европу поселенцами, которыхъ вывели изъ Арменіи Константинъ Копронимъ и Іоаннъ Цимисхій. Центромъ павликіанства въ Греческой имперіи былъ Филиппополь. Помѣщая въ окрестностяхъ этого города восточную колонію, побѣдитель нашего Святослава имѣлъ въ виду двойную цѣль: во-первыхъ, удалить непокорныхъ и воинственныхъ сектантовъ отъ горныхъ замковъ (φρουρίων) и ущелій ихъ родины, гдѣ съ ними было трудно справиться, и во-вторыхъ, поставить ихъ оплотомъ противъ постоянныхъ нашествій и набѣговъ на Ѳракію со стороны скиѳскаго сѣвера, изъ-за Балканъ [1]). Результатъ оказался противоположный цѣлямъ византійской политики, всегда любившей размѣщать подвластныхъ «варваровъ», какъ ей вздумается. Филиппопольскіе павликіане и появившіеся рядомъ съ ними богомилы участвовали, повидимому, въ возстаніяхъ Болгаріи противъ византійскаго ига. Въ концѣ XI вѣка — въ періодъ, которымъ мы занимаемся — они протягивали руку своимъ собратьямъ въ Дунайской Болгаріи и вмѣсто того, чтобъ охранять Балканскіе проходы отъ Печенѣговъ, призвали этихъ «Скиѳовъ» противъ Византіи, съ которою они разсорились. Мы увидимъ, какой страшный вредъ они нанесли этимъ имперіи.

Связи Филиппопольскихъ манихеевъ съ Печенѣгами и потомъ Куманами или Половцами такъ постоянны и прочны, что сами собою наводятъ на нѣкоторыя соображенія и догадки. Нужно
151 припомнить, что въ странахъ Трансоксанскихъ, первоначальной родинѣ турецкихъ племенъ, манихеизмъ господствовалъ въ широкихъ размѣрахъ съ самыхъ первыхъ временъ своего появле-

1) Anna p. 451 B sq Ср. Гильфердинга Собр. сочиненій I, 227.

нія (съ конца III вѣка). Арабскіе источники разсказываютъ, что когда въ Персіи, вслѣдъ за казнію самого Мани, начались преслѣдованія противъ его учениковъ и приверженцевъ, то большое число ихъ перешло «рѣку Бальха» (Оксъ, Аму-Дарья) и поселилось во владѣніяхъ Турецкаго хана (князя). Впослѣдствіи, когда Персидское царство Сассанидовъ было покорено Арабами-мусульманами, часть манихеевъ воротилась обратно на берега Евфрата и Тигра (провинція Иракъ) [1]). Въ X вѣкѣ, при халифѣ Муктадирѣ (908 — 932), манихеи снова подверглись гоненію и опять искали убѣжища въ Хорасанѣ и Туркестанѣ, находившихся подъ властію одного и того же князя (изъ династіи Саманидовъ). Въ Самаркандѣ собралось пятьсотъ человѣкъ, открыто заявившихъ свою принадлежность къ гонимой халифомъ сектѣ. Властитель Хорасана также былъ ревностный мусульманинъ; когда ему сдѣлалось извѣстно о появленіи въ его владѣніяхъ послѣдователей манихейства, онъ хотѣлъ всѣхъ ихъ убить. Манихеи, однако, имѣли сильнаго покровителя въ князѣ турецкаго племени Тагазгазъ, который самъ исповѣдывалъ манихейское ученіе. Вслѣдствіе его угрозъ манихеизмъ былъ признанъ терпимымъ въ Хорасанѣ и Туркестанѣ; въ половинѣ X вѣка, по свидѣтельству современника, манихеи были въ Самаркандѣ, Согдѣ и Нункатѣ [2]). Что касается до племени Тагазгазъ, обитавшаго на границахъ Китая и Кашгара, въ самой срединѣ между Хорасаномъ и Китаемъ, то о принадлежности его къ манихейской ереси есть другія несомнѣнныя свидѣтельства того же X вѣка [3]). Наконецъ,

1) [О манихеизмѣ среди мусульманъ см. Alfred v. Kremer, Culturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams, Leipzig 1873, стр. 35 сл.—Афшинъ, всемогущій любимецъ халифа Мотасима, принадлежалъ къ послѣдователямъ манихеизма, который даже былъ распространенъ въ сѣверной Персіи. Афшинъ происходилъ изъ провинціи Осрушна. См. Weil, Geschichte der Chalifen II, 326 сл.]

2) Flügel, Mani, seine Lehre und seine Schriften (Aus dem Fihrist des Abû-'lfaradsch Muḥammad ben Isḥaḳ al-Warrâḳ, bekannt unter dem Namen Ibn-Abî-Ja'ḳûb an-Nadîm), Leipzig, 1862, S. 105 (переводный текстъ) и S. 385—401 (комментаріи). Ср. Reinaud въ ниже указанномъ мѣстѣ; также А. А. Куникъ, Историческіе матеріалы и розысканія въ Учен. Записк. Академіи Наукъ, т II (годъ 1854), стр. 761.

3) Reinaud, Géographie d'Aboulféda, t. I (Introduction générale à la géographie des orientaux), p. 360 Ренò приводитъ мѣсто изъ Масуди, гдѣ прямо сказано, что Тагазгазъ, самое могущественное турецкое племя, исповѣдуютъ манихеизмъ. По мнѣнію Ренò, Тагазгазъ — Уйгуры; см. стр. 363.

мы имѣемъ извѣстія о существованіи манихеизма на старой турецкой родинѣ въ XII столѣтіи [1]).

152 Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что если не Печенѣги, то Куманы или Узы, занимавшіе въ X вѣкѣ обширныя страны на востокѣ, сѣверѣ и сѣверо-западѣ Аральскаго озера, именно въ сосѣдствѣ съ областію турецкаго манихеизма, принесли съ собою болѣе или менѣе темныя воспоминанія и болѣе или менѣе искаженные обрывки ученія Мани. О религіи Печенѣговъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій, но о Куманахъ или Половцахъ одинъ арабскій писатель говоритъ, что они поклоняются звѣздамъ, вѣрятъ въ небесныя вліянія и предаются изученію астрологіи [2]). Итакъ, они сохранили еще преданія сабеизма, отъ котораго, думаютъ, манихеизмъ заимствовалъ свои основные принципы (не отвергая воздѣйствія другихъ родственныхъ вліяній), что̀, конечно, не исключаетъ возможности и прямой памяти объ ученіи Мани. На эту память, позволяемъ себѣ догадываться, указываетъ между прочимъ имя Маніаха или Маніака, которое, съ одной стороны, носилъ князь Согда, жившій въ VI вѣкѣ, съ другой стороны—Половецкій ханъ, съ которымъ мы еще встрѣтимся въ нашей исторіи [3]). Та легкость, съ какою заключались родственныя связи между христіанскими русскими князьями и половецкими ханами, быть можетъ, объясняется присутствіемъ въ азіатскомъ манихействѣ хотя очень затемненныхъ

---

1) У Ибнъ-аль-Атира подъ 536 (1142) годомъ ⟨vol. XI, 55⟩: «Въ 522 году эль-Аваръ, онъ же гурханъ Китайскій, выступилъ къ границамъ Кашгара съ значительнымъ отрядомъ—Пораженный владѣтелемъ Кашгара, онъ вскорѣ послѣ того умеръ. И наслѣдовалъ ему Китайскій куханъ (то-есть, великій царь); и одѣвался онъ въ нарядъ ихъ царей съ покрываломъ и платкомъ и былъ манихей. И когда онъ вышелъ изъ Китая въ Туркестанъ, присоединились къ нему Китайскіе Турки». Переводъ этого мѣста сообщенъ намъ П. И. Лерхомъ, которому и приносимъ за это благодарность О Гурханѣ см. Weil, Gesch. der islamit. Volker S. 244. «Gurchan, der Hauptling der Chatai-Turkomanen, welcher die nordlichen Provinzen Turkistans und einen Theil China's beherrschte, — bedrohte Samarkand».

2) Ибнъ-Саидъ, цитуемый Абуль-Федой въ Reinaud, Géographie d'Aboulféda t. II, p. 291.—Ибнъ-Саидъ жилъ около половины XIII стол.

3) Menandri histor. quae supersunt ⟨p. 297 Bonn., fr. 18 Muell.⟩: ὁ Μανιάχ, ὃς τῶν Σογδαϊτῶν προεστήκει. Такъ это имя постоянно пишется у Менандра. Половецкій Маніакъ у Анны Комниной VIII, 4 p 228 Par. ὁ Μανιάχ (такъ два раза); мы увидимъ далѣе, что это — лицо хорошо извѣстное въ русской исторіи.

христіанскихъ идей и обрядовъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отвергать воспріимчивости къ манихейскимъ ученіямъ какъ со стороны Половцевъ, находившихся издавна въ близкомъ сосѣдствѣ съ Печенѣгами и съ послѣдней четверти XI столѣтія иногда вмѣстѣ съ ними ходившихъ за Балканы, такъ и со стороны самихъ Печенѣговъ. Въ послѣднемъ десятилѣтіи XI вѣка остатки Печенѣговъ были поселены въ Могленской области, — а въ XII 153
здѣсь господствуетъ манихейско-богомильская ересь [1]). Обращаемся къ порядку историческихъ событій.

Въ царствованіе Никифора Вотаніата (1077—1081) среди жителей Филиппополя, державшихся павликіанской ереси, былъ какой-то Лека; по происхожденію это былъ Грекъ, но тѣмъ не менѣе онъ породнился посредствомъ брака съ Печенѣгами, которые жили между Дунаемъ и Балканами [2]). Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ Лека оставилъ свою родину, ушелъ къ Печенѣгамъ и сталъ ихъ возбуждать противъ Грековъ и византійскаго правительства. Съ нимъ заодно дѣйствовалъ Доброміръ, повидимому Болгаринъ, державшійся богомильской ереси. Доброміръ изъ приморскаго города Месимвріи (Мисиври), близкаго къ центру печенѣжскихъ кочевьевъ, завязалъ точно такъ-же сношенія съ Печенѣгами и Куманами (Половцами [3]), въ свою очередь наущая ихъ противъ Константинопольской власти.

---

1) О поселеніи Печенѣговъ въ Могленской области будетъ сказано ниже, при извѣстіи о манихеизмѣ въ Могленской эпархіи; см. Житіе Иларіона у А. Н Попова, Изборникъ статей изъ хронографовъ, стр. 15—17. — [Anna по Codex Leidens въ Recueil des hist. des crois Hist. grecs I, p. 112 sq Ἐπεὶ δὲ καὶ ἀπὸ τῶν Κομάνων, ὧν ὁ Κοντοστέφανος εἰς τὰ κάτεργα εἶχεν (εἶχε γὰρ πολλοὺς, ἐξέβησαν δὲ τότε εἰς κούρσος), συνέβη καὶ ἐπίασαν ἀπὸ τούτων ἕξ, καὶ ἀπέστειλαν αὐτοὺς πρὸς τὸν Βαϊμοῦνδον. Ὁ δὲ ὥσπερ εὕρεμα τῆς γνώμης αὐτοῦ τούτους λαβὼν, ἀπέρχεται πρὸς τὸν Πάπαν -- ἐδείκνυε καὶ τοὺς Κομάνους πρὸς ἀληθῆ μαρτυρίαν τῶν λόγων αὐτοῦ. Ἔλεγε γὰρ ὡς ὁ βασιλεὺς Ἀλέξιος κατὰ τῶν Χριστιανῶν μαίνεται, καὶ τους ἐθνικοὺς καὶ ἀπίστους ἅπαντας ἀγαπᾷ καὶ τοὺς Βογομίλους αὐτούς». Ср. ibid. p. 99.]

2) Attaliota p 302: Λέκα τοῦ τοὺς Πατζινάκους ἐνσείοντος (Ῥωμαῖος γὰρ ὢν ἐξ ἐπιγαμβρείας αὐτοῖς ηὐτομόλησε). Scylitz. p 741 Λέκας δέ τις ἀπὸ Παυλικιάνων Φιλιππουπόλεως ὡρμημένος ἐξ Ἐπιγαμβρίας ηὐτομόλησε τοῖς Πατζινάκοις и т. д. Въ латинскомъ переводѣ Скилицы слово Ἐπιγαμβρία принято забавнымъ образомъ за собственное имя: Epigambria ad Patzinacas transfugit.

3) Attaliota l. cit.: καὶ κατὰ τοῦ τὴν ἐν Μεσημβρίᾳ διακυκῶντος Δοβρομηροῦ γῆν. Здѣсь, напротивъ, переводчикъ Атталіоты собственное имя Месимвріи принялъ за нарицательное и поставилъ безсмысленныя слова: qui terram australem concuteret. Ср. Scylitz. p. 741.

Слѣдствіемъ этой агитаціи былъ новый печенѣжскій набѣгъ на области, подвластныя имперіи. Печенѣги опустошили окрестности Ниша и Срѣдца. Въ послѣднемъ изъ двухъ названныхъ городовъ Лека убилъ мѣстнаго епископа, по имени Михаила, который увѣщевалъ свою паству оставаться вѣрною греческому правительству и, конечно, самъ былъ Грекъ по происхожденію. Но успѣхи манихейско-печенѣжскаго движенія были остановлены искусными дѣйствіями Алексѣя Комнина, который зашелъ въ тылъ Печенѣгамъ и принудилъ ихъ удалиться за Дунай. Комнинъ воротился въ Филиппополь, гдѣ павликіане, повидимому, тоже не были вполнѣ спокойны. Здѣсь лучшій воевода и государственный дѣятель императора Никифора, скоро свергнувшій своего благодѣтеля съ престола, имѣлъ первый случай познако-
154 миться съ духомъ и отношеніями Филиппопольской еретической общины, которая послѣ надѣлала ему такъ много хлопотъ [1]). Благодаря снисходительности и щедрости Никифора Вотаніата, Лека, точно такъ какъ и Доброміръ, покорились ему добровольно и явились съ повинною головой, за что были возведены въ высокіе чины и получили богатые дары [2]). Скоро однако нашлись другіе люди, которые пошли по слѣдамъ Леки и Доброміра.

Въ составѣ разноплеменной арміи Алексѣя Комнина, выведенной имъ противъ Норманновъ, находилось 2.800 манихеевъ (богомиловъ) подъ начальствомъ собственныхъ вождей, Ксанты и Кулеона. Въ самую критическую минуту этотъ отрядъ поки-

---

1) Scylitz. p 741 sq Nicephi. Bryenn. p. 157. Съ извѣстіями Атталіоты и Скилицы, который, заимствуя отчасти буквально у перваго, имѣетъ и самостоятельныя извѣстія (объ убійствѣ епископа), мы сопоставляемъ разсказъ Никифора Вріеннія о нашествіи Печенѣговъ на страну, лежащую между Нишемъ и Скопіей (Σκούπων), 1) потому что этотъ разсказъ занимаетъ то же мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ изложенія у Вріеннія, какое у Скилицы занимаетъ извѣстіе объ убійствѣ епископа Михаила и у Атталіоты извѣстіе объ агитаціи Леки и Доброміра; 2) потому что, по Вріеннію, Скиеы (Печенѣги), очевидно, были въ Срѣдцѣ: они оставили его послѣ того, какъ обошелъ его Алексѣй Комнинъ (παρελθόντος--τὴν Σαρδικήν); и по Скилицѣ — то же, ибо епископъ Михаилъ убитъ, очевидно, въ столицѣ своей эпархіи. Что Филиппопольскіе павликіане не были спокойны, это мы заключаемъ изъ словъ Вріеннія: πρὸς τὴν Φιλίππου αὖθις ἐπάνεισι (ὁ Ἀλέξιος), καὶ τὰ κατὰ τὴν χώραν εὖ διαθέμενος--

2) Attaliota p. 302. Scylitz.p. 741. Съ разсказанными сейчасъ событіями должно имѣть связь назначеніе въ 1073 году новаго правителя (δοὺξ) въ ‹Скопію› (Σκοπίων) и отправленіе Льва Діаватина въ Месимврію, гдѣ онъ заключилъ сдѣлку и договоръ съ Печенѣгами или Куманами; см. Scylitz. p. 743.

нулъ Алексѣя: манихеи ушли домой. Улучивъ первый свободный моментъ, императоръ рѣшился строго наказать измѣнниковъ. Хитростію, не совсѣмъ согласною съ императорскимъ достоинствомъ, заманивъ къ себѣ главныхъ вождей и болѣе видныхъ представителей Филиппопольской еретической общины, онъ заперъ ихъ всѣхъ въ тюрьму, конфисковалъ ихъ имущество и потомъ роздалъ своимъ солдатамъ. Императорскій чиновникъ, которому поручено было исполнить эту мѣру (τὴν οἰκονομίαν), взялся за дѣло съ грубою жестокостію. Семейства еретиковъ, попавшихся въ императорскую западню, не были пощажены: ихъ женъ вытолкали изъ домовъ новые владѣльцы, а правительство дало имъ кровъ — въ Филиппопольской крѣпости подъ арестомъ [1]). Въ числѣ этихъ женщинъ находились четыре сестры одного изъ приближенныхъ домашнихъ слугъ Алексѣя, по имени Травла. Травлъ, уроженецъ Филиппополя, былъ взятъ Алексѣемъ въ свой домъ еще до восшествія на императорскій престолъ, при чемъ его окрестили, а потомъ и женили на одной изъ служанокъ императрицы. Узнавъ о бѣдствіи, постигшемъ его близкихъ, Травлъ бѣжалъ изъ Константинополя, подговоривъ къ тому и своихъ знакомыхъ и родныхъ. Въ Филиппополѣ также нашлось не мало людей, готовыхъ всюду идти за Травломъ, на котораго еретическая община привыкла смотрѣть какъ на заступника и тайнаго главу своего. На подобіе какого-нибудь западнаго рыцаря, Травлъ съ своими приверженцами засѣлъ въ одной горной крѣпости (Бѣлятовѣ), неподалеку отъ Филиппополя, и отсюда повелъ войну противъ Византійскаго государства и общества. Новые поселенцы въ старинномъ центрѣ богомильской ереси жестоко поплатились за пожалованныя имъ помѣстья и домы. Травлъ не давалъ имъ покою своими набѣгами. 155

Византійское правительство, конечно, нашло бы средства укротить наконецъ смѣлаго сектанта, несмотря на всю воинственность его павликіанской дружины. Но Травлъ, который понималъ это, нашелъ себѣ союзниковъ. Дочь императора Алексѣя говоритъ, что сторону Травла приняли уже извѣстные намъ власти-

1) Anna p. 154 sq.

тели придунайскихъ городовъ, и что при посредствѣ ихъ Травлъ вступилъ въ союзъ съ Печенѣгами, кочевавшими поблизости Дуная. Для скрѣпленія союза Травлъ, бросившій свою православную жену, въ которой онъ нашелъ мало сочувствія къ бѣдствіямъ своихъ тайныхъ единовѣрцевъ, сосваталъ себѣ дочь одного изъ знатныхъ «Скиѳовъ». Печенѣги опять готовились подняться на защиту манихейско-богомильской общины и церкви. Ихъ угрожающія приготовленія сдѣлались извѣстными въ Византійской столицѣ. Императоръ Алексѣй хотѣлъ предупредить бѣду переговорами съ Травломъ, но тотъ остался глухъ къ обѣщаніямъ своего прежняго господина и не повѣрилъ византійской золотой грамотѣ, подписанной красными императорскими чернилами [1]). Императоръ Алексѣй принужденъ былъ выслать противъ Бѣлятовы настоящую армію, давъ ей въ начальники своихъ лучшихъ воеводъ. Между тѣмъ приверженцы Травла заняли горные проходы и ущелья и пригласили Печенѣговъ. Доместикъ Запада Пакуріанъ и его товарищъ Врана, прибывъ къ манихейскому убѣжищу, противъ своего ожиданія нашли здѣсь «безчисленное множество» новыхъ враговъ, такъ что осторожный Пакуріанъ хотѣлъ воротиться назадъ, и только пылкій и отважный
156 Врана настоялъ на необходимости дать сраженіе. Оно было несчастно для Грековъ: самъ Врана былъ убитъ, Пакуріанъ смертельно раненъ, армія разсѣялась во всѣ стороны [2]). Возобновилась прежняя исторія: Печенѣги стали грабить окрестности Филиппополя, императоръ Алексѣй призывалъ войска изъ Малой Азіи, хотя они и тамъ были весьма нужны — Турки уже осаждали Никею.

Изъ Азіи прибыли Татикій, природный Турокъ, мальчикомъ попавшійся въ плѣнъ Византійцамъ и выросшій вмѣстѣ съ Алексѣемъ, и Константинъ Гумбертопулъ (сынъ Гумберта), одинъ изъ южно-итальянскихъ Норманновъ, перешедшихъ въ византійскую службу. Татикій нашелъ Печенѣговъ недалеко отъ Филиппополя. Расположившись лагеремъ на берегу рѣчки, протекающей около мѣстечка Влисна, въ двухъ дняхъ пути отъ Филиппо-

1) Anna p. 158 BC.
2) Anna p. 182 sq.

поля на востокъ [1]), Татикій увидѣлъ толпу Печенѣговъ, возвращающихся послѣ набѣга на окрестныя села съ большою добычею и множествомъ полоненнаго народу. Когда онъ пошелъ по слѣдамъ ихъ, хищники подъ глазами у него присоединились къ главному печенѣжскому стану, расположенному на рѣкѣ Марицѣ [2]). Воевода Алексѣя повелъ нападеніе и одержалъ верхъ въ схваткѣ. Печенѣги разсѣялись, а Татикій вошелъ побѣдителемъ въ Филиппополь. Но здѣсь онъ узналъ отъ посланныхъ впередъ лазутчиковъ, что большія печенѣжскія силы собрались около укрѣпленія, недавно занятаго богомилами, то-есть, около Бѣлятовы, и что окрестности страдаютъ отъ ихъ грабежа. Чрезъ нѣсколько времени какой-то варваръ принесъ извѣстіе, что Печенѣги всею ордой идутъ къ Филиппополю. Несмотря на недостаточность своихъ силъ, Татикій двинулся навстрѣчу и, перейдя р. Марицу, дѣйствительно увидѣлъ передъ собою страшныя тучи степныхъ наѣздниковъ. Византійская армія съ своими пышными знаменами, блестящими кольчугами и наплечьями, на которыхъ отражались солнечные лучи, и печенѣжскія массы, пугающія своею необозримою густотой, изумительною быстротою своихъ коней, стали другъ противъ друга. Ни та, ни другая сторона не хотѣла 157
начинать рѣшительнаго боя. Печенѣговъ пугало византійское вооруженіе, осторожный Татикій опасался подавляющаго многолюдства варваровъ. Только одни Франки съ Гумбертопуломъ горѣли жаждою битвы: они «точили зубы и желѣзо» и рвались впередъ, но были остановлены главнымъ воеводой [3]). Простоявъ день, обѣ стороны воротились каждая въ свой лагерь. То же повторилось и на слѣдующій день. А на утро третьяго дня Печенѣги, не выдержавъ утомительной пытки, поворотили назадъ къ Балканскимъ проходамъ. Татикій погнался было за ними, — но

---

1) Annap 183 C: παρὰ τῷ χείλει τοῦ κατὰ τὸν Βλίσνον ῥέοντος ποταμοῦ. У Вильгардуэна (éd. de Wailly 1874, p. 266 § 445) Blisme въ однодневномъ разстояніи отъ Верои (Эски-Загра). См. Wiener Jahrbuch. der Literat B. 42 S. 53: Blisimos слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ ручей Ядина (Jadina) впадаетъ въ Марицу, противъ деревни Bahadere. Fischer, Kreuzzug Friedrich's I, S. 95· на дорогѣ отъ Филиппополя къ Адріанополю, вѣроятно по близости теперешняго Papaslu.

2) Anna p. 183 D: κατὰ τὸν † πυρὸν ὄχθον—вмѣсто Εὔρου ὄχθον.

3) Anna p. 184 D.

пѣшій конному не товарищъ, замѣчаетъ Анна греческою пословицей, имѣющею смыслъ именно нашей поговорки [1]). Когда Византійцы пришли къ «желѣзному запору», думая настигнуть здѣсь враговъ, то и слѣдъ ихъ простылъ. Татикій вернулся въ Адріанополь и, оставивъ здѣсь Франковъ, распустивъ по домамъ другихъ ополченцевъ, съ небольшимъ отрядомъ прибылъ въ столицу [2]). Все это было осенью 1086 года.

Въ началѣ 1087 года въ печенѣжскихъ кочевьяхъ за Балканами и далѣе — въ половецкихъ вѣжахъ около Днѣпра и Дона, собиралась новая гроза для несчастныхъ подданныхъ императора Византійскаго. Венгерскій король Соломонъ, сынъ Андрея, лишенный (въ 1074 году) престола своими двоюродными братьями (Гейза до 1077 г. и Владиславъ съ 1077 по 1095 г.), отвергнутый своею женою (Юдиѳь, сестра Гейнриха IV Германскаго) [3]), послѣ неудачной попытки воротить себѣ королевскій престолъ при помощи половецкаго хана Кутеска [4]), задумалъ — вмѣстѣ со своимъ союзникомъ и вмѣстѣ съ печенѣжскимъ княземъ Челгу — одно общее большое нападеніе на Византію, можетъ быть, съ цѣлію основать новое царство взамѣнъ утраченнаго [5]). Челгу съ Печенѣгами, съ Половцами и Соломонъ съ своими мадьярскими приверженцами, ушедшими вмѣстѣ съ нимъ въ кочевья дикарей, — цѣлая 80-ти тысячная орда нахлынула по веснѣ
158 1087 года на Македонію и, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, прошла мимо Адріанополя; страшный потокъ, наводнивъ долину

1) Anna p. 185: ἀλλὰ πεζός φασιν παρὰ Λύδιον ἅρμα.

2) Anna p 185 B: τῶν δὲ στρατιωτῶν οἴκοι πορευθῆναι ἕκαστον κελεύσας.

3) См. Bernoldi Chronic. MG SS V, 439 и 446. Siegeberti Chron MG. SS. VI, 363. Chronicon Posoniense, Endlicher Monum. Arpadiana p. 56.

4) Thwrocz [=Chronicon pictum Vindob. (Historiae Hungaricae fontes, SS. II) p. 194: adiit ducem Cunorum qui uocabatur Kutesk. Chronicon Dubnicense (ibid. III) p. 94 sq].

5) Anna p. 188: σύμμικτον ἐπαγόμενος στράτευμα — — ἔκ τε Σαυροματῶν καὶ Σκυθῶν καὶ ἀπὸ τοῦ Δακικοῦ στρατεύματος οὐκ ὀλίγους, ὧν ὁ οὕτω καλούμενος Σολομὼν δημαγωγὸς ἦν. [Chron. pictum Vindob. p. 195· At rex Salomon cum latrunculis Cunorum invasit Bulgariam et confinia Grecie, ubi ab exercitu imperatoris Grecie miserabiliter sunt percussi, e quibus pauci valde euaserunt. Cum enim uidissent Cuni magnam multitudinem loricatorum, timuerunt valde, ceperuntque festinare ut transirent Danubium, priusquam ab hostibus concluderentur.] Финлей принялъ Даковъ за Влаховъ и по поводу имени Соломона припоминаетъ замѣтку Веніамина Тудельскаго о распространенности еврейскихъ именъ между Влахами.

рѣки Марицы (Гебра), спускался къ Мраморному морю. Населеніе селъ и деревень въ страхѣ бѣжало въ укрѣпленные города, думая найти въ нихъ безопасное убѣжище. Напрасная надежда. Города были разоряемы точно такъ же, какъ и села. Печенѣги взяли уже Харіуполь, въ суточномъ разстояніи отъ Родосто (при Мраморномъ морѣ [1]). Только здѣсь и теперь военныя силы имперіи подали признакъ своего существованія. Двое воеводъ византійскихъ заняли укрѣпленное мѣсто Памфилъ [2]), думая въ немъ защищаться. Но приближеніе Печенѣговъ и Половцевъ, предъ которыми все бѣжало, принудило ихъ спуститься къ городку Кулѣ, по дорогѣ отъ Эноса къ Константинополю [3]). Печенѣги шли сзади по пятамъ, какъ гончія собаки. Николай Маврокатакалонъ, главный воевода, послѣ нѣсколькихъ колебаній рѣшился дать отпоръ врагамъ, которыми начальствовалъ самъ Челгу. Блестящій, неожиданный успѣхъ увѣнчалъ его смѣлое рѣшеніе. Челгу палъ въ сраженіи; здѣсь же, повидимому, сложилъ свою голову и Соломонъ [4]). Печенѣги бѣжали, много изъ нихъ было убито, да не мало потонуло въ двухъ рѣчкахъ, между которыми они очутились. Побѣдоносное войско византійское, вмѣсто того чтобы преслѣдовать враговъ, которыхъ впрочемъ нагнать было не легко,

---

1) Харіуполь рядомъ съ Родосто: Partitio regni Graeci, у Tafel, Urkunden, I (Fontes rer. Austr. XII), 466. Villehard. ed. de Wailly p. 220 § 373: Cariople; ночь и день ѣхали отъ Харіуполя до Родосто.

2) Τὸ Πάμφυλον между Родосто и Димотикою (Partitio p. 481): одинъ день пути отъ Адріанополя на югъ (Villehard. p 218 § 369: Panfile).

3) Anna p. 188 B: τὸ τοῦ Κούλη πολίχνιον. Partitio p. 480: pertinentia Culi. Вѣроятно, Tschelebi-koi, въ 4 мил. къ с.-в. отъ Эноса: Fischer, Kreuzzug Friedrich's I, S. 100 и 133 со ссылкою на Wiener Jahrbücher.

4) Bernoldi Chron. sub anno 1087, MG. SS. V, 446: Salomon quondam rex Ungarorum..., dum quiddam contra regem Grecorum molitur, post incredibilem hostium stragem et ipse viriliter occubuit. Annalista Saxo, ann. 1087, MG. SS. VI, 724: Salaman Ungarie quondam rex et Knut rex Danorum a suis occisi sunt. Въ Венгерскихъ источникахъ (Кеза, Турочь) басни. [Cronicon pictum Vindob. p 195 sq, разсказываетъ о Соломонѣ, что онъ успѣлъ все-таки спастись во время бѣгства отъ преслѣдованія враговъ, но затѣмъ скрылся отъ своихъ спутниковъ, обратился на путь раскаянія и въ уединеніи велъ жизнь подвижника, только изрѣдка показывался людямъ (его видѣли въ Венгріи во время короля Коломана), онъ умеръ и погребенъ въ Полѣ (Pole in ciuitate Istria). Кеза (Hist. Hung. Fontes SS II) p. 87 сообщаетъ еще нѣкоторыя подробности о подвижнической монашеской жизни Соломона, который въ видѣ нищаго получилъ подаянія отъ брата короля Владислава.]

воротилось въ столицу, дабы получить достойную награду за свой подвигъ [1]).

Печенѣги, оставивъ Ѳракію и Македонію, ушли за Балканы, гдѣ они уже давно хозяйничали, какъ у себя дома, на всемъ пространствѣ до рѣки Дуная. Византійское правительство не могло, однако, примириться окончательно съ мыслію о потерѣ
159 такой обширной области, и если бы могло, то все-таки невыносимо было оставаться подъ угрозой постоянныхъ набѣговъ на Филиппополь, Адріанополь, чуть не на самый Константинополь. Всѣ усилія византійской политики посѣять раздоръ въ печенѣжскихъ вѣжахъ и привлечь на свою сторону вліятельныхъ хановъ до сихъ поръ оказывались тщетными. Къ удивленію Грековъ, хорошо понимавшихъ силу золота, ни одинъ важный перебѣжчикъ не являлся къ императору Алексѣю [2]). Печенѣги находили болѣе выгоднымъ дружно дѣлиться добычей и брать огромныя суммы съ казны императорской за выкупъ плѣнныхъ. Такъ, за одного изъ своихъ вельможъ Алексѣй заплатилъ 40,000 монетъ[3]). Частые набѣги Печенѣговъ не прекращались ни осенью, ни даже зимою 1087—1088 годовъ, и на слѣдующую весну все предвѣщало повтореніе прошлогоднихъ событій.

Императоръ Алексѣй, ободренный успѣхомъ, рѣшился предупредить непріятныхъ гостей — перейти за Балканы и, если можно, выгнать Печенѣговъ изъ предѣловъ имперіи, границею которой считался Дунай. Лѣтомъ 1088 года онъ расположился лагеремъ между Діамполемъ (Jambol, Jamboli) и Голоей при южной подошвѣ хребта Балканскаго, неподалеку отъ «Желѣзнаго запора» (Демиръ-капу). Онъ простоялъ здѣсь сорокъ дней, чтобы дать время собраться всѣмъ военнымъ силамъ, которыми имперія располагала въ Европѣ. Въ то же время византійская флотилія на Черномъ морѣ, обыкновенно стоявшая въ Анхіалѣ, получила приказаніе плыть къ устьямъ Дуная и, поднявшись вверхъ по теченію, дѣйствовать противъ Печенѣговъ заодно съ

---

1) Anna p. 189 Par.
2) Anna p. 190.
3) Ibid. Это былъ Григорій Маврокатакалонъ, вѣроятно, братъ побѣдителя Челгу.

сухопутною арміей. Начальство надъ нею было поручено Георгію Евфорвину. Планъ былъ задуманъ хорошо и на широкую ногу, и трудно понять, отчего онъ нашелъ себѣ сочувствіе только въ пылкой и неопытной молодежи (Георгій Палеологъ, Николай Маврокатакалонъ) и, напротивъ того, былъ встрѣченъ неодобрительно такими опытными людьми, какъ бывшій претендентъ на корону, слѣпой Вріенній, давно примирившійся съ Алексѣемъ. Что касается Печенѣговъ, то одновременное появленіе Евфорвина на водахъ Дуная и сухопутной арміи въ Балканской Болгаріи произвело на нихъ сильное впечатлѣніе; Печенѣжскіе князья снарядили огромное (въ 150 чел.) посольство просить миръ [1]). 160 Самъ императоръ объяснялся съ варварскою депутаціей. Переходя отъ смиренной покорности къ наглой дерзости, печенѣжскіе кибитные политики то хотѣли соблазнить Алексѣя обѣщаніемъ вѣрнаго союза, предлагая поставлять 30,000 всадниковъ для всякаго похода въ Европѣ или Азіи, то начинали сыпать угрозами [2]). Не трудно было догадаться, что миръ, заключенный при такихъ обстоятельствахъ, то-есть, ранѣе чѣмъ была нѣсколько принижена заносчивая смѣлость грубыхъ кочевниковъ, окажется очень непрочнымъ. Византія должна была возстановить нѣкоторое почтительное уваженіе къ себѣ среди дикихъ ордъ, уже взявшихъ привычку презирать ее. Поэтому Алексѣй Комнинъ поступилъ весьма разумно, отвергнувъ мирныя предложенія Печенѣговъ. Но этого было мало; онъ хотѣлъ показать, что само небо покровительствуетъ Грекамъ и даетъ свои откровенія ихъ императору, уполномочивая его на вѣроломное нарушеніе общенародныхъ обычаевъ, охраняющихъ неприкосновенность посла у самыхъ дикихъ племенъ. Одинъ изъ секретарей императора, знатокъ астрономіи, какихъ въ ученой Византіи было еще немало, шепнулъ на ухо своему повелителю, во время его объясненій съ печенѣжскою депутаціей, что въ этотъ день (это было 20-е іюля 1088 г.) должно послѣдовать солнечное затменіе. Императоръ сейчасъ понялъ намекъ и внушеніе; обращаясь къ посламъ, онъ объявилъ, что отдаетъ дѣло на судъ Божій: «Самъ Богъ пока-

1) Anna p. 192 B.
2) Anna p. 192 C.

жетъ, съ ложью или правдой вы пришли ко мнѣ: если послѣдуетъ какое знаменіе на небѣ, значитъ—вы обманываете меня; а если не будетъ никакого знаменія, то, значитъ — я подозрѣваю васъ напрасно». Не прошло двухъ часовъ, какъ свѣтъ дневной померкъ, и весь кругъ солнечный закрылся тьмою [1]). Удивленные небеснымъ знаменіемъ, послы еще болѣе изумились, когда ихъ взяли подъ стражу, какъ обманщиковъ, и отправили въ Константинополь. Дорогой они, впрочемъ, нашли возможность освободиться; убивъ ночью своихъ стражей, они пробрались горными тропинками, которыя имъ были хорошо извѣстны, къ своимъ «сердоболямъ» за Балканами.

Ожидая общаго движенія Печенѣговъ, императоръ Алексѣй, принимавшій посольство, повидимому, еще въ Голоѣ, перешелъ,
161 вслѣдъ за главною арміей, горные проходы и направился къ городу Плискову [2]). Печенѣги, какъ голодные волки, рыскали кругомъ византійскаго войска и перехватывали мелкіе фуражирные отряды, убивая и забирая въ плѣнъ людей. Двигаясь далѣе къ сѣверу, Греки подошли къ Дерстру (Силистріи) и остановились лагеремъ въ 24 стадіяхъ отъ города на рѣчкѣ, впадающей въ Дунай. Вдругъ со стороны, откуда ихъ не ожидали, толпой налетѣли съ своимъ обычнымъ крикомъ и ревомъ отчаянные печенѣжскіе наѣздники, ворвались въ лагерь, проскакали до самой императорской палатки и произвели страшную суматоху и безпорядокъ, среди которыхъ опрокинута была императорская палатка — дурное предзнаменованіе было замѣчено; выхватили нѣсколько плѣнниковъ и, безъ особеннаго вреда для себя, удалились [3]). Императоръ Алексѣй послѣ этого перемѣнилъ позицію и, совсѣмъ придвинувшись къ Дерстру, началъ правильную осаду. При помощи стѣнобитныхъ машинъ, городъ былъ взятъ; но два

---

1) Anna p. 192 sq. Ср. Auctarium Mellicense sub a. 1088 MG. SS. IX, 539: Eclipsis solis facta est. Въ Воскресенской лѣтописи (Полное Собраніе, VII, 4) подъ 6596 годомъ также обозначено затменіе, но оно перемѣшано съ другимъ, которое было 21-го мая 1091 года, какъ это и стоитъ на своемъ мѣстѣ въ Лаврентьевскомъ спискѣ.

2) Anna p. 193 C. καταλαμβάνει τὴν Πλίσκοβαν. На одной картѣ Болгаріи показана Плиска на югъ отъ Силистріи, по направленію къ Эски-Стамбулу. Гильфердингъ, I, 151, со ссылкою на Черткова.

3) Anna p 193 sq.

замка, возвышавшіеся надъ нимъ, представляли непреодолимую твердыню; въ нихъ засѣли родичи (συγγενεῖς) Татуша, давно извѣстнаго намъ властителя дунайскихъ береговъ. Самъ Татушъ, узнавъ о приближеніи самого императора съ арміей и предвидя осаду, ушелъ за Дунай къ Половцамъ. Онъ хотѣлъ убѣдить ихъ подать руку помощи единоплеменному народу печенѣжскому. Несмотря на отсутствіе главнаго вождя, его «родичи» держались упорно, и Алексѣй счелъ за лучшее снять осаду. Впрочемъ, онъ продолжалъ держаться дунайскаго берега, опираясь на флотъ, который могъ всегда оказать существенную услугу, какъ при нападеніи, такъ и при отступленіи; византійская армія именно здѣсь, по мысли Алексѣя, должна была дать сраженіе Печенѣгамъ, приходъ которыхъ ожидался. Главный станъ печенѣжскій, главное средоточіе ихъ силы находилось, по прежнему, въ холмистой мѣстности на югъ отъ Великой Прѣславы (между Шумлой, Варной и Балканами?); здѣсь былъ сооруженъ ихъ лагерь. Опять, вслѣдствіе убѣжденій со стороны своихъ молодыхъ совѣтниковъ (Палеолога, Маврокатакалона), императоръ Алексѣй отказался отъ своего первоначальнаго плана и рѣшился предпринять экспедицію на югъ къ прежней столицѣ царей Болгарскихъ, находившейся теперь во власти Печенѣговъ. Можетъ 162
быть, ожидаемое прибытіе Половцевъ осталось не безъ вліянія на такое рѣшеніе. Очевидно, что греческая армія могла очутиться, оставаясь на Дунаѣ, между Печенѣгами, которые прійдутъ съ юга, и Половцами, которыхъ приведетъ Татушъ. Палеологъ и Катакалонъ разсуждали, что, овладѣвъ Прѣславою, Византійцы могутъ стать твердою ногою на сѣверѣ хребта Балканскаго, и что постоянно тревожа Печенѣговъ, пресѣкая имъ всѣ средства къ грабежу и, слѣдовательно, пропитанію, можно будетъ окончательно выжить ихъ изъ Болгаріи [1]). Утромъ, съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, въ полномъ боевомъ порядкѣ двинулась византійская армія отъ Дерстра къ югу; но враги были гораздо ближе, чѣмъ о нихъ думали. Скоро появилась на пути отступленія цѣлая орда печенѣжская. Впереди скакали всадники, которые сейчасъ же начали задирать Грековъ; сзади тянулись

1) Anna p. 195.

печенѣжскія арбы съ женами и дѣтьми. Началась жестокая битва. Самъ императоръ стоялъ въ центрѣ своего войска, окруженный родственниками и отрядомъ Франковъ, которымъ начальствовалъ его братъ Адріанъ; сверхъ того, Алексѣй избралъ еще шесть человѣкъ, которымъ спеціально ввѣрилъ охрану своей особы; въ числѣ ихъ были два сына покойнаго императора Діогена, начальникъ варяжской дружины Нампитъ и проч. На лѣвомъ крылѣ начальствовалъ кесарь Никифоръ Мелиссинъ, зять императора по сестрѣ, на правомъ, кромѣ Татикія, стояли Узà и Карачà съ своими соплеменниками, то-есть, Узами, оставшимися на службѣ византійской [1]). Цѣлый почти день длился бой; съ обѣихъ сторонъ пало не мало убитыхъ, въ числѣ ихъ былъ сынъ Діогена, Левъ, который, увлекшись военнымъ пыломъ, подскакалъ слишкомъ быстро къ печенѣжскимъ телѣгамъ и былъ оттуда пораженъ смертельнымъ ударомъ; то же самое едва не случилось съ братомъ императора Адріаномъ. Исходъ сраженія оставался нерѣшеннымъ до самаго вечера, когда вдругъ появились вдали новыя толпы Печенѣговъ въ числѣ 36 тысячъ, спѣша на помощь къ своимъ. Тогда византійцы не устояли и обратились въ бѣгство. Напрасно Алексѣй пытался удержать ихъ; онъ сталъ впереди своего отряда, держа въ одной рукѣ обнаженный мечъ, въ другой—распущенный въ видѣ знамени омофоръ Влахернской Богоматери, столько разъ спасавшій греческую столицу отъ варвaровъ. Покинутый своею арміей, оставаясь только съ двадцатью человѣками, императоръ подвергался лично большой опасности. Трое пѣшихъ Печенѣговъ бросились на него; одинъ схватилъ его за ногу, двое другихъ держали узду его лошади. Сильныя мышцы спасли Алексѣя: одинъ изъ враговъ потерялъ руку, другой, пораженный ударомъ, повалился на землю, третій обратился въ бѣгство. Протостраторъ Михаилъ Дука, оглянувшись кругомъ и не видя нигдѣ поддержки, приглашалъ императора позаботиться о своей жизни. Алексѣй съ жаромъ отвѣчалъ, что онъ предпочитаетъ смерть постыдному бѣгству. Но, получивъ напоминаніе о долгѣ императора, который не имѣетъ права жертво-

163

1) Anna p. 195 D: Σαυρομάται Ср. p. 142 C: Οὐζᾶς δὲ τὴν κλῆσιν φερώνυμον ἐκ τοῦ γένους λαχών.

вать своею жизнью, какъ простой солдатъ, и отъ жизни котораго зависитъ судьба государства и самая возможность поправить бѣду въ будущемъ, Алексѣй послѣдовалъ общему примѣру. Съ большимъ трудомъ, съ опасностью на каждомъ шагу, послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ преслѣдующими Грековъ Печенѣгами, при чемъ Алексѣй снова доказалъ силу своего плеча и ловкость въ управленіи своимъ мечемъ, удалось ему съ протостраторомъ Михаиломъ избѣгнуть плѣна, отдѣлавшись неопасною, хотя оставившею надолго сильную боль контузіей [1]). Онъ принужденъ былъ, для сохраненія драгоцѣнной святыни, которая въ сраженіи служила ему знаменемъ, спрятать омофоръ Богородицы въ густой травѣ на пути своего бѣгства [2]). Ночью прибылъ императоръ въ Голою, по другую сторону Балканъ, а чрезъ день явился въ Вероѣ. Когда въ столицѣ узнали о печальной развязкѣ похода, то между гражданами распространилась ироническая поговорка: «Отъ Дерстра до Голои хорошая станція, Комнинъ» [3]).

Въ Вероѣ (Эски-Загра) явился къ Алексѣю одинъ изъ вѣрнѣйшихъ его друзей и совѣтниковъ, Георгій Палеологъ, отставшій во время бѣгства. Палеологъ разсказывалъ, что онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни только чуду. Его загнанная лошадь пала, Печенѣги преслѣдовали его по пятамъ, но въ самую критическую минуту какое-то сверхъестественное существо явилось ему въ образѣ одного епископа (Халкидонскаго) и подвело ему коня, на которомъ Палеологъ и успѣлъ ускакать отъ погони. Чудесный конь былъ потомъ все-таки убитъ подъ бѣглецомъ печенѣжскою стрѣлой, и Палеологъ болѣе десяти дней скрывался въ го- 164
рахъ у одной бѣдной вдовы. Тѣмъ не менѣе Анна, вѣруя въ чудо, искренно недоумѣваетъ, какъ могла небесная сила избрать для своего проявленія образъ епископа, который не былъ пріятенъ ея отцу и заподозрѣнъ былъ въ неправильномъ пониманіи нѣкоторыхъ богословскихъ вопросовъ.

Не всѣ были такъ счастливы, какъ императоръ Алексѣй и

---

1) Anna p. 198. Анна замѣчаетъ, что она пересказываетъ всѣ подробности со словъ отца, на основаніи его воспоминаній въ семейномъ дружескомъ кругѣ, p. 198 B.

2) Anna p. 198 D.

3) Anna ibid.: ἀπὸ τὴν Δρίστραν εἰς Γολόην καλὸν ἄπληκτον, Κομνηνε.

Георгій Палеологъ. Число Византійцевъ, доставшихся въ плѣнники Печенѣгамъ, было весьма велико; въ этомъ числѣ были такія знатныя лица, какъ зять императора (по сестрѣ) кесарь Никифоръ Мелиссинъ. Князья Печенѣжскіе, раздраженные нападеніемъ Алексѣя на ихъ улусы, думали о самой варварской мести и хотѣли перерѣзать всѣхъ плѣнныхъ Грековъ безъ исключенія. Къ счастію, первобытныя формы печенѣжскаго политическаго устройства требовали въ важныхъ дѣлахъ всенароднаго согласія на вѣчѣ. Печенѣжскій коментъ, въ исторіи св. Бруно являющійся такъ свирѣпымъ, на этотъ разъ возсталъ противъ жестокаго рѣшенія своихъ хановъ: пусть лучше императоръ выкупитъ плѣнныхъ; ради своихъ родныхъ онъ, конечно, не откажется дать выкупъ богатый. Кесарь Никифоръ, изъ опасенія за свою жизнь «поощрявшій» Печенѣговъ къ такому рѣшенію, написалъ императору въ Верою объ условіяхъ выкупа. Много убыло казны изъ Константинопольскаго казначейства для удовлетворенія корыстолюбивыхъ варваровъ [1]).

Печенѣги умѣли цѣнить византійскіе дукаты съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ греческая монета явилась на свѣтъ съ этимъ названіемъ (то есть, уже со временъ Константина Дуки); они знали также достоинство шелковыхъ тканей съ Ѳивскихъ и Коринѳскихъ фабрикъ; но на этотъ разъ богатство принесло несчастіе Печенѣгамъ. Едва они успѣли подѣлить свои барыши, какъ явились Куманы, приведенные Татушемъ (который, какъ сказано было, отправился искать ихъ помощи). Половецкіе ханы, которые до сихъ поръ грабили больше небогатые города и села русскія, поражены были удивленіемъ и завистію при видѣ сокровищъ, доставшихся ихъ соплеменникамъ, и потребовали новаго дѣлежа въ пользу Половцевъ, совершившихъ такой далекій путь. Нужно признать, что соображенія и мотивы, которые кесаревна Анна влагаетъ въ уста опоздавшихъ помощниковъ, весьма согласны съ обстоятельствами и характеромъ дѣйствующихъ лицъ. «Мы оставили свои вежи», говорили Куманы, «проѣхали такое
165 пространство, чтобы поспѣшить на помощь вамъ. Мы готовы были раздѣлить всѣ опасности, слѣдовательно, имѣемъ право

1) Anna p. 200.

разсчитывать на всѣ выгоды счастливой побѣды. Мы, съ своей стороны, сдѣлали все, что отъ насъ требовалось: нельзя послѣ этого отпустить насъ съ пустыми руками. Развѣ мы виноваты, что греческій каганъ вступилъ въ сраженіе, не дождавшись насъ»? Жадные и неблагодарные Печенѣги остались глухи предъ голосомъ справедливости и логики и на отрѣзъ отказались удовлетворить своихъ союзниковъ. Что произошло далѣе, можно впередъ угадать. Варвары разсорились, а потомъ подрались изъ-за византійскаго золота. Щадить другъ друга они не умѣли: завязалась обычная кровавая, дикая, неумолимая борьба. Половцы оказались сильнѣе; Печенѣги были разбиты и загнаны въ болота около низовьевъ Дуная. Только недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ заставилъ Половцевъ отказаться отъ желанія довершить свою месть надъ Печенѣгами полнымъ ихъ истребленіемъ. Уходя домой, на берега Днѣпра и Дона, Половецкіе ханы возымѣли, однако, твердое намѣреніе воротиться въ скоромъ времени назадъ.

V.

243

Въ то время, какъ христіанскій востокъ истощалъ свои силы въ утомительной непрерывной и тяжкой борьбѣ съ турецкими ордами въ Европѣ и Азіи, болѣе счастливый западъ свободно развивалъ свою юную мощь и элементы новой гражданственности. Феодальные замки, которыми была покрыта западная Европа, были переполнены иногда грубыми и жесткими, но бодрыми людьми; гордая независимость личности соединялась у нихъ съ безпредѣльною энергіей и безпокойною предпріимчивостью. Толпы смѣльчаковъ стремились въ южную Италію, гдѣ семь почти сказочныхъ героевъ завоевали цѣлое королевство; шли далѣе на востокъ, гдѣ поступали на службу византійскаго императора, сражались подъ его знаменами въ глубинѣ Азіи и пытались иногда, не поладивъ съ порядками византійскаго чиноначалія, дѣйствовать на свой страхъ, какъ знаменитый Норманнъ Урсель, едва не положившій основанія независимому франкскому государству на азіатскомъ берегу Понта[1]). Самыя формы мистиче-

1) Finlay, History of Greece, Oxford 1877, III, 43.

скаго и аскетическаго благочестія западныхъ людей носили господствующій оттѣнокъ неусидчивой предпріимчивости. Массы пилигримовъ, стремившихся въ Палестину, становились все многочисленнѣе и гуще. Для западной Европы исчезла послѣдняя гроза варварскихъ нашествій; воинственная орда номадовъ, пришедшая на Дунай съ Арпадомъ и долго служившая для Германіи, Италіи и самой Франціи такимъ же страшнымъ бичемъ небеснаго гнѣва, какимъ для восточной Европы продолжали быть Печенѣги и Половцы, — сама превратилась въ христіанское государство съ романо-германскими религіозными и политическими учрежденіями, съ сохраненіемъ цивилизующихъ отношеній къ
244 Византіи, откуда были получены и первые начатки христіанскаго образованія. Съ тѣхъ поръ все чаще и чаще толпы благочестивыхъ странниковъ являлись на сѣверныхъ границахъ Византійской имперіи, въ Дунайской Болгаріи. Венгерскіе короли, преемники Арпада, благосклонно принимали западныхъ богомольцевъ, покровительствуемыхъ католическою церковію, предводимыхъ ревностными епископами и уважаемыми аббатами, и открывали имъ свободный проходъ въ византійскія владѣнія. Подивившись многочисленности и богатству храмовъ греческой столицы, благочестиво позавидовавъ ея неоцѣнимымъ святынямъ и неисчетному количеству мощей, пилигримы садились на греческіе корабли и переѣзжали въ Азію. Вотъ на этомъ пути пришлось познакомиться и западной Европѣ съ наводящими ужасъ именами Печенѣговъ и Узовъ. Въ 1053 году, въ тотъ самый годъ, какъ воеводы Константина Мономаха потерпѣли страшное пораженіе за Балканами отъ Печенѣговъ, пришла въ Венгрію толпа пилигримовъ, желавшихъ пробраться въ Палестину, но съ глубокимъ огорченіемъ она должна была вернуться назадъ, искать себѣ другого, хотя и менѣе близкаго пути — чрезъ Италію: путь чрезъ византійскія владѣнія былъ прегражденъ нашествіемъ Печенѣговъ [1]). Въ 1065 году, въ годъ, послѣдовавшій за ужаснымъ

1) Vita Theoderici abbatis Andaginensis, MG. SS. XII, 44. Sed interea cum videret plurimos Hierosolimam -- tendere, ipse -- coepit eodem proficisci velle -- Cum aliis -- in Hungariam venit. -- Turbata illic incursione barbarorum re publica, tam ipse quam comites eius transire prohibiti, Pannoniam conversi, multa difficultate venerunt ad urbem Romam. Они хотѣли побывать на горѣ Гаргано, по-

нашествіемъ Узовъ, караванъ, состоявшій изъ 12 тысячъ пилигримовъ, предводимый четырьмя епископами (Майнца, Утрехта, Регенсбурга и Бабенберга), вступивъ въ Византійскую имперію и перейдя рѣку Мораву, скоро наткнулся на хищниковъ и разбойниковъ, имя которымъ было Узы. Успѣвъ добраться до святой земли, испытавъ въ Азіи величайшія бѣдствія, пилигримы не забыли этихъ страшныхъ людей и въ своихъ письмахъ на родину говорили о нихъ съ отвращеніемъ [1]). Двѣнадцати-тысячная толпа, сопровождавшая епископовъ Утрехта и Майнца, предвѣщала 245
близость народнаго движенія, во главѣ котораго станутъ Вальтеры и Эмиконы съ Петромъ Аміенскимъ. Рыцарскую часть перваго Крестоваго похода началъ Фландрскій графъ Робертъ, по прозванію Фризъ [2]), и его пятьсотъ всадниковъ, которые явились на помощь Алексѣю Комнину противъ Печенѣговъ и Турокъ.

Робертъ I Фризъ, графъ Фландріи, Зеландіи и Голландіи, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ воиновъ и властите-

---

томъ направить свой путь все-таки чрезъ Константинополь, но и Адріатическое море не было безопасно: diffusis toto, ut fama erat, Adria pyratis. [Chronicon S. Andreae, MG. SS. VII, 535: De profectione domni episcopi Lietberti in Ierusalem. Barbaram quam colunt Huni transmeat patriam. Transito itaque Danubio, ad regem Pannoniarum pervenit; et pretergressus eius patriam, vastas ingreditur solitudines, quas deserta Bulgariae vocant, quasque latrunculi Scythicae gentis inhabitant. Hi degentes more ferarum, nullis coercentur legibus, nullis continentur urbibus; sub dio manent, quas nox coegerit sedes habent, praetereuntes obsident, obvios interficiunt, ceteros depredantur. Cf. Vita Lietberti c. 33, ibid. adn. 21: Gregatim vadunt, omnia sua secum portantes cum tota supellictile, parvulis et uxoribus. Nullius heresis nominata secta, nullius religionis divino cultu tenentur; tamen sicut ex eorum interfectis vidimus, more Saracenorum, circumciduntur; barbari crudeles, homicidae, sine affectu, sine pietate.] — См. объ этихъ пилигримахъ [также Herigeri Gesta, MG. SS.] VII, 171. [Chron. S. Huberti Andag. ibid.] VIII, 572.

1) Annales Altahenses maiores, MG. SS. XX, 815: Igitur mox, ut fluvium, qui Marowa dicitur, transierunt, statim pericula latronum et raptorum crebro incidere, quae tamen ipsi prudenter declinantes et caute, tandem urbem Constantinopolitanam adiere. Далѣе сообщается отрывокъ изъ письма Гунтера Бабенбергскаго (писано въ Лаодикеѣ): Experti - sumus Ungros sine fide famulantes, Vulgarios occulte rapientes, fugimus Uzos aperte debachantes, Constantinopolitanos vidimus graece et imperialiter arrogantes и т. д. — Ср. MG. SS. XII, 230. [См. также Michaud, Hist. des crois. 4. édit. I, 65.—Baronius, Ann. eccles. (Theiner) XVII, 251, относитъ это событіе къ 1064 году.]

2) [О Робертѣ Фризѣ см. Giesebrecht, Gesch. d. d. Kaiserz. (3 изд.), 167 сл., 1113 сл.]

лей своего времени. Человѣкъ съ характеромъ сильнымъ и несдержаннымъ, онъ вращался въ непрерывной борьбѣ и не боялся никакихъ средствъ, чтобы восторжествовать надъ болѣе могущественнымъ противникомъ: изгнанный изъ отечества оружіемъ герцога Готфрида Горбатаго, онъ погубилъ своего врага посредствомъ наемнаго убійцы. Онъ былъ въ ссорѣ съ своей невѣсткою Рихильдой Геннегау (Hainaut), вдовствующею графиней Фландріи, и отнялъ у ея дѣтей, своихъ племянниковъ, наслѣдство ихъ отца. Дѣло поступило на судъ короля Франціи [Филиппа I [1]], какъ верховнаго сюзерена незаконно захваченныхъ владѣній; Евстаѳій Булонскій, отецъ Готфрида, героя перваго Крестоваго похода, склонилъ приговоръ противъ Роберта. Но военное счастіе рѣшило иначе: въ первой схваткѣ палъ Арнульфъ, законный наслѣдникъ графства Фландрскаго [2]), во второй — Евстаѳій попался въ плѣнъ, въ третьей—Робертъ поразилъ соединенныя силы Готфрида Лотарингскаго, Альберта Намюрскаго и другихъ [3]). Балдуинъ, младшій племянникъ, долженъ былъ считать себя счастливымъ, что ему удалось удержать за собой хотя наслѣдіе своей матери (Геннегау) [4]).

Въ 1087 году графъ Робертъ, желая загладить свои грѣхи, хотя и не думалъ возвращать племяннику того, что̀ у него было преступнымъ образомъ отнято, отправился въ Святую Землю. Рядъ чудесъ сопровождалъ это путешествіе; если мы повѣримъ благочестивымъ лѣтописцамъ Фландріи, Іерусалимскія ворота заперлись сами собою, когда хотѣлъ войти въ нихъ графъ Робертъ. Пустынникъ, извѣстный своею святостію, къ которому графъ обратился, потребовалъ, чтобъ онъ принесъ покаяніе въ убійствѣ своего племянника Арнульфа и далъ обѣщаніе возвратить Балдуину Фландрію. Ворота открылись сами собою, когда
246 раскаявшійся графъ снова передъ ними явился. Во время пребыванія въ Іерусалимѣ, въ домѣ одного знатнаго Сарацина, Ро-

1) [Gisliberti Chron. Hanon., MG. SS. XXI, 491, невѣрно называетъ короля Генриха.]

2) [Gislib. ibid. p. 492. Ann. Egmund., MG. SS. XVI, 447. Sigebert., MG. SS. VI, 362. Cp. S. Hubert. Andagin, MG. SS. VIII, 582. Herimann. Tornac., Lucae d'Achéry Spicileg. (ed. 2), II, 892 sq.]

3) [Cp. Chron. S. Andreae, MG. SS. VII, 537 sq.]

4) Sybel, Geschichte des ersten Kreuzzugs, Leipzig 1881, S. 222.

бертъ Фризъ слышалъ отъ сарацинскихъ астрологовъ предсказаніе, что Іерусалимъ будетъ скоро взятъ христіанами [1]). Далѣе слѣдуютъ факты несомнѣнные и очень важные по своимъ послѣдствіямъ. На возвратномъ пути изъ своего покаяннаго странствія Фландрскій графъ зимою 1089 года прибылъ въ Константинополь [2]).

---

1) Genealogiae comitum Flandriae, MG. SS. IX, 393 (варіанты Брюссельскаго кодекса). Также Recueil des chroniques de Flandre (Collection de chroniques Belges inédites), t. I, p. 67. [Ср. Guibert. de Novig., Migne Patrol. lat. 156, col. 816: Ante duodecennium ferme enim quam proceres nostri Hierosolymitanum aggrederentur iter, Robertus Flandrensium senior comes - - Hierusalem, orationis gratia, est profectus. Онъ услышалъ тамъ предсказаніе астролога.]

2) Хронологія палестинскаго пилигримства графа Роберта довольно запутана, но между тѣмъ имѣетъ для насъ важное значеніе. Одинъ изъ спеціальныхъ историковъ Фландріи (Kervyn de Lettenhove, Histoire de Flandre, I, 305) считаетъ годомъ отправленія графа Роберта во Святую Землю 1085 годъ и утверждаетъ, что путешествіе продолжалось четыре года (p. 306). Зибель, на основаніи нѣкоторыхъ не вполнѣ точныхъ источниковъ, указываетъ, съ одной стороны, также 1085 годъ (Geschichte des ersten Kreuzz S. 182), а съ другой (S. 463), на основаніи стараго сочиненія Мейера, на которое ссылался еще Дюканжъ, утверждаетъ, что въ 1089 году Робертъ Фризъ еще не воротился въ свое отечество. Вотъ болѣе положительныя и вполнѣ достовѣрныя данныя: 1) Въ одномъ документѣ (напечатанномъ въ Recueil des chroniques de Flandre, t. I. Appendices № 2, p. 704) маркизъ Робертъ младшій, сынъ Роберта Фриза, называетъ іюль 1087 года началомъ своего правленія: in exordio principatus nostri - - Actum - - pridie nonas julii, anno Dominicae incarnationis MLXXXVII, epacta XIV, indictione X; а Робертъ младшій и по тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя полагаютъ отправленіе его отца въ Палестину въ 1085 году, сдѣланъ былъ правителемъ Фландріи именно по случаю отправленія Фриза въ Палестину. Итакъ, Робертъ Фризъ оставилъ графство своему сыну и ушелъ въ Палестину не ранѣе первыхъ мѣсяцевъ 1087 года. Нѣкоторые источники (см MG. SS. V, 66), назначающіе для этого 1088 годъ, ошибаются все-таки менѣе, чѣмъ, напримѣръ, Бертинская хроника. 2) Въ болѣе краткой и болѣе достовѣрной генеалогіи графовъ Фландрскихъ сказано, что путешествіе графа продолжалось только два года. MG. SS. IX, 307: Post aliquot annos ivit in Ierusalem; unde post duos annos reversus и т. д. Итакъ, графъ Робертъ Фризъ возвращался и былъ въ Константинополѣ не позже зимы 1088—1089 года, что вполнѣ согласно съ ходомъ разсказа у Анны Комниной. Легко объяснить ошибку, назначающую четыре года для палестинскаго пилигримства Роберта I. По возвращеніи изъ Константинополя, онъ вскорѣ отправился со своею сестрой Аделью чрезъ Францію въ Италію. Такимъ образомъ стали говорить, что онъ отсутствовалъ или былъ въ путешествіи четыре года, а потомъ отнесли время его отправленія къ 1085 году. 3) Мы не имѣли въ рукахъ сочиненія Мейера и не знаемъ, къ какому мѣсяцу 1089 г. относится документъ, имъ приводимый. Но если это тотъ самый документъ, который касается канцлерскаго достоинства Фландріи, то онъ былъ приведенъ Мейеромъ безъ обозначенія мѣсяца, потому что въ такомъ именно видѣ приводится онъ снова въ другихъ сочиненіяхъ (См. Monuments pour servir à l'histoire des provinces de Namur, de Hainaut et de Luxembourg. recueillis - - par le Baron de Reiffenberg. T. I, p. 564. Warnkönig, Flandrische Staats- und Rechtsge-

247 Императоръ Алексѣй Комнинъ, еще не оправившійся послѣ пораженія около Дерстра, принялъ его съ большимъ радушіемъ и успѣлъ расположить въ свою пользу гордаго Франка. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ извѣстіи, сообщаемомъ дочерью Алексѣя, что графъ Робертъ далъ византійскому императору ленную присягу; превосходя силами и значеніемъ короля французскаго, своего законнаго сюзерена, еще менѣе уважая отлученнаго отъ церкви германскаго императора Генриха, фландрскій графъ тѣмъ съ большимъ уваженіемъ расположенъ былъ смотрѣть на восточнаго римскаго императора. Обѣщаніе, данное Робертомъ Фризомъ Алексѣю, — прислать по возвращеніи домой значительную помощь для борьбы съ Печенѣгами [1]), было первымъ проявленіемъ тѣхъ прочныхъ связей, которыя образовались съ этого времени между восточнымъ императоромъ и феодальнымъ властителемъ крайняго запада.

Между тѣмъ Печенѣги, оставленные на свободѣ Половцами, опять требовали вниманія. Они снова прошли чрезъ балканскіе проходы (желѣзнымъ запоромъ) и расположились лагеремъ между Голоей и Ямболи (Діамполемъ), гдѣ недавно стоялъ императоръ Алексѣй. Разставшись съ графомъ Фландрскимъ, неутомимый вѣнценосецъ византійскій отправился къ своей арміи, которая собралась въ Адріанополѣ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе о планахъ, созрѣвшихъ между тѣмъ въ половецкихъ вежахъ. Половцы намѣрены были, какъ уже сказано, преслѣдовать Печенѣговъ гдѣ бы то ни было, готовились къ походу за Дунай и Балканы. Мало хорошаго обѣщали Византіи эти извѣстія. Половцы были теперь естественными союзниками имперіи противъ Печенѣговъ, но непріятно было бы имѣть такихъ союзниковъ слишкомъ близко. Благоразуміе требовало не пускать ихъ по крайней мѣрѣ на югъ Балканскихъ горъ—въ коренныя греческія провинціи, не давать имъ случая познакомиться съ путями къ Адріанополю и столицѣ.

---

schichte, I, 262. III, 119). Итакъ, Робертъ Фризъ дѣйствительно не возвращался въ свое отечество въ первыхъ мѣсяцахъ 1089 года, но лѣтомъ этого года былъ во Фландріи. [Ср. также Michaud, Hist. des crois. I, 69.]

1) Anna p. 201 sq. Par.: τότε καὶ ὁ Φλάντρας κόμης ἐξ Ἱεροσολύμων ἐπανερχόμενος ἐκεῖσε καταλαμβάνει τὸν αὐτοκράτορα καὶ τὸν συνήθη τοῖς Λατίνοις ἀποδίδωσιν ὅρκον ὑποσχόμενος -- ἀποστεῖλαί οἱ ἱππεῖς πενταχοσίους.

Императоръ Алексѣй отправилъ своего посла къ печенѣжскимъ князьямъ съ золотыми грамотами и щедрыми обѣщаніями, предлагая миръ и союзъ. Печенѣги, сами неспокойные на счетъ своихъ прежнихъ задунайскихъ друзей, пошли на миръ, брали подарки и не отказывались, на словахъ, дать заложниковъ. Между тѣмъ Половцы не заставили долго ожидать себя. Приблизившись 248
къ Балканамъ, еще не будучи знакомы съ горными «запорами», но увидѣвъ здѣсь византійскіе отряды — вслѣдствіе соглашенія съ Печенѣгами, — они потребовали себѣ пропуска и проводниковъ.

Половецкіе ханы объясняли, что имъ необходимо сразиться съ Печенѣгами, ихъ смертельными врагами, которые къ тому же были всегда врагами греческаго императора. Византійцы благодарили Половцевъ за дружеское расположеніе, но учтиво просили ихъ воротиться назадъ. «Въ настоящее время мы не нуждаемся въ вашей помощи; получите дары и возвращайтесь домой» [1]). Степные хищники были на этотъ разъ сговорчивы, нашли подарки удовлетворительными и ушли съ миромъ. Такая смиренная покорность заставляетъ думать, что не безъ тайнаго наущенія изъ Константинополя они поспѣшили изъ своихъ степей припугнуть Печенѣговъ, что̀ именно лежало въ видахъ византійской политики.

Половцы ушли, а Печенѣги начали грабить города и села, лежащіе по близости къ Балканамъ. Освобожденные византійскимъ золотомъ отъ страшнаго столкновенія съ половецкими единоплеменниками, варвары вовсе не думали соблюдать мирнаго договора съ имперіей. Расточивши множество казны на выкупъ плѣнныхъ и на умиротвореніе Половцевъ и не имѣя достаточно военныхъ силъ, императоръ очутился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Онъ могъ противопоставить Печенѣгамъ частную, такъ-сказать, партизанскую войну — нападать на печенѣжскіе отряды въ городахъ, ими занятыхъ, когда они отдыхали послѣ грабежа и попойки. Это не помѣшало вѣроломнымъ наѣзднікамъ занять Филиппополь, куда ихъ уже давно звали Богомилы, и разсыпаться мелкими загонами по всей долинѣ рѣки

1) Anna p. 202.

Гебра (Марицы). Они захватили Кипселлу [1]), и безпокоили самую столицу. Не видя никакихъ средствъ остановить этотъ бѣдственный разливъ дикихъ ордъ, Алексѣй принужденъ былъ искать мира. Анна Комнина съ необычною у ней скромностію выражается, что ея отецъ просилъ мира у Печенѣговъ. Изъ другого источника мы узнаемъ, что, несмотря на всю безысходную опасность положенія, византійскія приличія были соблюдены, и дѣло было поведено такъ, какъ будто сами Печенѣги, грозившіе Константинополю, умоляли о мирѣ.

249 Недолгій отдыхъ купленъ былъ у Печенѣговъ предъ наступленіемъ зимы 1088—1090 года[2]). Въ январѣ съ обычнымъ придворнымъ церемоніаломъ былъ отпразднованъ день Богоявленія. Знаменитый въ то время ораторъ, глава риторической школы, Θеофилактъ, вскорѣ вступившій на болгарскую каѳедру, держалъ требуемую церемоніаломъ рѣчь къ императору. Сильнымъ и краснорѣчивымъ, хотя нѣсколько риторическимъ языкомъ, описавъ ужасъ печенѣжскаго нашествія [3]), ораторъ продолжалъ: «Тѣмъ не менѣе, страхъ, наведенный на нихъ тобою (Алексѣемъ), замѣнилъ десятитысячное войско и принудилъ ихъ дать отдыхъ своимъ конямъ, воткнуть въ землю копья и сложить щиты. Но я едва не забылъ о хитрой продѣлкѣ Скиѳа. Онъ искалъ мира, но прислалъ пословъ, которые не сами просили мира, а готовы были дать миръ просящему. Императоръ угадалъ обманъ варваровъ, превзошелъ Омировыхъ ораторовъ (δημηγάρους), то рѣзко и отрывисто обвиняя Скиѳа, то держа рѣчь подобно зимней вьюгѣ (Iliad. III, v. 222). Посрамленные, они (послы) признались, что жаждутъ мира, издали почувствовавъ силу твоего огня. И тѣ, которые едва знали другое рѣшеніе кромѣ крови, ввѣрились грамотѣ и договору. О, счастливый день! О, славныя руки императора, одержавшія побѣду, прежде чѣмъ началась война... Если

---

1) Anna p. 203: τὰ Κύψελλα, теперь Ипсала, недалеко отъ Марицы на югъ отъ Адріанополя и Димотики, у Вильгардуэна (p. 297, c. 115 § 495 и 496): Quipesale.

2) Anna p. 204: ἀπάραντες ἀπὸ τῶν Κυψέλλων καταλαμβάνουσι τὸν Ταυρόκωμον κἀκεῖ παραχειμάσαντες - -

3) Отрывокъ приведенъ въ началѣ статьи. Доказательство, что это сочиненіе относится къ 1090 году, см. въ приложеніи III.

бы война была увѣнчана миромъ послѣ опасностей труда военнаго, послѣ потоковъ крови, то и это было бы великимъ дѣломъ. Теперь же мы видѣли дѣло гораздо болѣе достойное удивленія: враги не дождались сраженія (τὴν χεῖρα), но, осудивъ себя, сами произнесли справедливое рѣшеніе. Только въ этомъ они не были Скиѳами и варварами, что прежде бѣды приняли благоразумнѣйшее рѣшеніе... Другой не принялъ бы посольства, показалъ бы бо̀льшую, чѣмъ слѣдуетъ, суровость, поднялъ бы брови выше надлежащаго и не прежде отказался бы отъ мести, чѣмъ насытилъ бы звѣря въ своемъ сердцѣ скиѳскою кровію. Но ты и въ томъ показалъ небывалый примѣръ, что не захотѣлъ попирать ногами лежащихъ, не оттолкнулъ просящихъ милости... Не царское, не божественное дѣло—находить удовольствіе въ мести, но злое и дьявольское, свойственное злымъ натурамъ и злымъ силамъ... Итакъ, ты далъ миръ ищущимъ его и возвратилъ Римской имперіи многіе города, какъ матери плѣнныхъ дочерей. Теперь земледѣлецъ спитъ и видитъ безмятежные сны, благодаря твоему о насъ бдѣнію; ему не снится, что вотъ его пре- 250
слѣдуютъ, настигаютъ, ловятъ, вотъ уже связываютъ, вотъ заносятъ мечъ надъ нимъ; но взошло солнце, и онъ исходитъ на дѣланіе свое даже до вечера. Солнце пошло на западъ, и онъ оставляетъ работу; устрояетъ безъ страха полную трапезу и, наполнивъ свободную чашу, поздравляетъ себя съ твоею силою, съ презрѣніемъ и отвращеніемъ вспоминаетъ о Скиѳахъ (τῶν δὲ Σκυθῶν κατερεύγεται), шутитъ съ домашними, сладко ихъ обнимаетъ, напоминая, что онъ видитъ все это, и они его видятъ — благодаря Великому Алексѣю» [1]).

Странныя рѣчи въ устахъ человѣка глубоко образованнаго и, какъ увидимъ ниже, умѣющаго также говорить языкомъ истины, любви христіанской и гуманности. До того проникласъ горделивою ложью офиціальная Византія, что и ея лучшіе люди спокойно плавали въ ней, какъ въ привычной стихіи. Не пришлось совсѣмъ несчастному земледѣльцу Ѳракіи и Македоніи увидѣть тѣ счастливые дни, о которыхъ бредила придворная риторика.

1) Theophylacti Oratio in Alexium Comnenum, Migne, Patr. gr. t. 126 col. 293—297.

Оставивъ Кипселлу, Печенѣги расположились недалеко отъ Адріанополя — въ Таврокомѣ [1]) и провели здѣсь зиму. Жители Адріанопольской области своими слезами могли бы свидѣтельствовать о томъ, что законы цивилизованныхъ странъ не писаны для дикихъ кочевниковъ. Самъ императоръ Алексѣй, серіозно выслушивавшій обязательную лесть, не обманывалъ себя насчетъ продолжительности мира съ Печенѣгами. Всю зиму онъ занятъ былъ приготовленіемъ возможныхъ средствъ обороны. Въ ожиданіи помощи, обѣщанной графомъ Фландрскимъ, онъ составилъ особый отборный полкъ такъ-называемыхъ архонтопуловъ изъ сыновей убитыхъ воиновъ, наименованный такъ (архонтопулы— сыновья архонтовъ) ради почета и поощренія къ военной доблести. Спеціально приготовленный къ борьбѣ съ Печенѣгами и обученный самимъ, опытнымъ въ военной тактикѣ, императоромъ, этотъ двухтысячный отрядъ напоминалъ классически образованной дочери Алексѣя «священный отрядъ Лаконцевъ» [2]). Едва наступила весна 1090 года, какъ печенѣжскія шайки появились опять близъ Харіуполя, гдѣ мы ихъ уже разъ видѣли. Здѣсь произошла схватка, кончившаяся несчастно для Византійцевъ: архонтопулы должны были сдѣлать первую пробу своей пригод-
251 ности, и триста юношей положили свои головы предъ печенѣжскими телѣгами, на которыхъ стояли мѣткіе стрѣлки зоркихъ кочевниковъ. Императоръ Алексѣй оплакалъ лично дорогихъ ему юношей, проливая горькія слезы и произнося горячія причитанія [3]). Удачнѣе была схватка подъ Апромъ (Апри [4]), который Алексѣй успѣлъ занять ранѣе Печенѣговъ. Печенѣжскій отрядъ, вышедшій на добычу, былъ разбитъ Татикіемъ съ Франками: триста буйныхъ головъ печенѣжскихъ попались въ плѣнъ. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ и ободреніемъ послужило также прибытіе рыцарскаго отряда изъ далекаго запада; графъ Робертъ блистательно исполнилъ свои обѣщанія: пятьсотъ отборныхъ всадни-

1) Anna l. l. Ср. Nicet. Choniat. p. 516.

2) Anna p. 204 C.

3) Anna p. 204 D: ὀνομαστὶ ἕκαστον καθαπερεὶ ἀπόδημον ἀνακαλούμενος (призывая каждаго поименно, какъ ушедшаго въ чужую землю). Что это, какъ не причитаніе?

4) Ἄπρος, Apri, подлѣ Памфила и Гареллы. Nicet. p. 820. 831. Partitio p. 481. [Cedren. I, 568: Θεοδοσιοπολιν - - τὸν πρὶν λεγόμενον Ἄπρων]

ковъ явились для борьбы съ Печенѣгами на помощь Алексѣю [1]); закованные въ желѣзо, смѣлые и гордые рыцари Фландріи были самою страшною грозою для легкихъ стрѣлковъ печенѣжскихъ. Византійскій императоръ такъ нуждался въ конницѣ и коняхъ, что принялъ съ великою благодарностью полтораста лошадей, присланныхъ въ подарокъ ему лично Робертомъ Фризомъ; сверхъ того, купилъ у новоприбывшихъ за деньги ихъ излишнихъ запасныхъ лошадей. Къ несчастію, Алексѣй не могъ дать рыцарямъ того назначенія, которое предполагалось для нихъ первоначально. Положеніе имперіи было тѣмъ болѣе критическое, что турецкія орды (Печенѣги и Сельджуки) наступали одновременно въ Европѣ и Азіи, и что Турки Сельджуки стремились подать чрезъ проливъ руку своимъ единоплеменникамъ въ Европѣ. Предпріимчивый турецкій пиратъ Чахà (Τζαχᾶς), когда-то приведенный малолѣтнимъ плѣнникомъ въ византійскую столицу, воспитанный при дворѣ Никифора Вотаніата, облеченный титуломъ протонобилиссима, потомъ измѣнившій своему второму отечеству для перваго родного [2]), питалъ широкіе замыслы, которые не доступны были до сихъ поръ турецкой ограниченности Сельджуковъ. Онъ понялъ, что самый жестокій ударъ Константинополю можно нанести съ моря; онъ завелъ при помощи Смирнскихъ Грековъ собственный флотъ, завладѣлъ приморскими городами Фокеей и Клазоменами, островами Лесбосомъ и Хіосомъ [3]) и завязалъ сношенія съ Печенѣгами, которые были ему хорошо из- 252
вѣстны со времени пребыванія въ Константинополѣ. Какіе-то Печенѣги, неизвѣстно откуда появляющіеся, сообщали ему свѣдѣнія о движеніяхъ и намѣреніяхъ византійскихъ воеводъ [4]). Необходимы были рѣшительныя мѣры и надежныя силы, чтобъ остановить дерзкаго пирата. Алексѣй отправилъ въ Малую Азію Фландрскихъ рыцарей, откуда, впрочемъ, нѣсколько позже они снова были вызваны въ Европу.

1) Anna p. 205 B. καταλαμβάνουσιν οἱ παρὰ τοῦ Φλάντρα ἀποσταλέντες ἱππεῖς ἔκκριτοι ὡσεὶ πεντακόσιοι.

2) Anna p. 208 C

3) [Въ житіи св. Христодула, составленномъ Іоанномъ митрополитомъ Родосскимъ (Ἀκολουθία ἱερὰ τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Χριστοδούλου τοῦ Θαυματουργοῦ, Ἀθήνησιν 1884, стр. 129), говорится о завоеваніи острововъ Сарацинами].

4) Anna p 208 B. [Султанъ зналъ о планахъ Печенѣговъ. Anna p. 177.]

Себѣ императоръ предоставилъ справиться съ печенѣжскимъ погромомъ. Тяжело прошло для него лѣто 1090 года. Вслѣдствіе лагерной жизни, душевныхъ и физическихъ тревогъ, его мучила жестокая лихорадка. Ему приходилось быть свидѣтелемъ сценъ потрясающихъ, унизительныхъ для его достоинства, и молча глотать оскорбленія, подавлять и скрывать гнѣвъ въ глубинѣ души. Одинъ значительный печенѣжскій перебѣжчикъ — такіе теперь были — на глазахъ императора закололъ человѣка, который, благодаря своему знанію печенѣжскаго нарѣчія, обличилъ варвара въ обманѣ или даже явной измѣнѣ. На царскомъ конѣ, подарокъ котораго долженъ былъ свидѣтельствовать объ отсутствіи гнѣва въ душѣ Алексѣя, смѣтливый варваръ ускакалъ потомъ къ Печенѣгамъ, понимая, что дерзкій поступокъ не пройдетъ ему даромъ, и что только затрудненія минуты спасли его отъ неизбѣжной казни. Другой его товарищъ нѣсколько разъ переходилъ съ одной стороны на другую, и несмотря на то не былъ подвергаемъ никакому наказанію [1]). Такъ мало надежны были тѣ элементы, которыми приходилось пользоваться Византійскому императору. Военныя дѣйствія, если можно называть такъ печенѣжскіе грабежъ и разбой, происходили за это лѣто (1090 г.) около города Русія (Ruskioi) [2]), потомъ императоръ перенесъ свою главную квартиру далѣе на востокъ въ Чурулъ (Tchorlou), гдѣ его сейчасъ же окружили Печенѣги. Этотъ городъ, находящійся въ разстояніи двадцати льё отъ Константинополя, лежалъ на горѣ, которая быстрымъ скатомъ спускалась къ долинѣ. На вершинѣ горы, подъ стѣнами крѣпости, Алексѣй
253 велѣлъ поставить въ рядъ тяжелыя телѣги, отобранныя у мѣстныхъ жителей; снявъ настилку, оставивъ только оси и колеса, Византійцы привязали эти новоизобрѣтенныя военныя машины кругомъ къ стѣнамъ крѣпости, и какъ скоро печенѣжскіе всадники бросились на приступъ и уже были на половинѣ подъема,— они обрубили веревки, которыми телѣги были удерживаемы; ка-

1) Anna p. 212 (Νεάντζης), 213 C (Τατράνης)

2) Anna p. 212 : Ῥούσιον = Ruskioi, на востокъ отъ Ипсалы, въ 13 миляхъ къ югу отъ Адріанополя и $5^1/_2$ м. къ сѣверу отъ Эноса. Fischer, Kreuzz. Friedr. I, S. 107. У Вильгардуэна: (la) Rousse, въ разстояніи одного дня пути отъ Родосто (p. 240—245 § 402—410). По Дюмону, цитуемому у de Wailly [p. 604], можетъ-быть, на мѣстѣ нынѣшняго Кешана (Kechan).

тясь внизъ съ неудержимою быстротою, массивныя колесницы производили разстройство и безпорядокъ въ рядахъ вражескихъ [1]). Подъ прикрытіемъ такой странной артиллеріи Греки сдѣлали вылазку и нанесли довольно чувствительное пораженіе варварамъ. Этотъ частный успѣхъ, какъ онъ ни обрадовалъ императора, не имѣлъ, конечно, никакого вліянія на общее положеніе дѣлъ. Печенѣги все-таки оставались въ близкомъ сосѣдствѣ къ Константинополю. При началѣ зимы они раскинули свои палатки не далеко на сѣверъ отъ Чурула, за рѣкою Еркенé (около Визы и Люле-Бургаса) [2]). Алексѣй съ своей стороны воротился въ столицу и думалъ готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ слѣдующею весной. Печенѣги не дали ему отдыха. Не пробывъ и недѣли въ своей столицѣ, Алексѣй узналъ, что вслѣдъ за нимъ былъ отправленъ Печенѣгами значительный отрядъ къ Хировакхамъ (между Кучукъ-Чекмедже и Буюкъ-Чекмедже, ближе къ послѣднему). Вооруживъ городской гарнизонъ и новобранцевъ—всего до 500 человѣкъ,—утромъ 14-го Февраля (пятница мясопустной недѣли) императоръ Алексѣй отправился въ мѣстечко Хировакхи и сейчасъ же приказалъ запереть ворота, оставивъ ключи у себя, ибо было основаніе опасаться, что Печенѣги найдутъ себѣ друзей въ самой крѣпости. Съ восходомъ солнца на другой день дѣйствительно показались толпы дикихъ наѣздниковъ и расположились на одномъ холмѣ вблизи городскихъ стѣнъ; потомъ отъ ихъ становища, на глазахъ Грековъ, отдѣлилась масса въ 6,000 человѣкъ и разсыпалась по окрестностямъ для грабежа и разбоя. Алексѣй опасался за самыя стѣны своей столицы, не вполнѣ полагаясь на бдительность властей въ своемъ отсутствіи. Съ другой 254
стороны, онъ понималъ, что самое лучшее было воспользоваться раздробленіемъ непріятельской силы. Онъ взошелъ на верхъ городской стѣны, окинулъ зоркимъ взглядомъ сосѣдніе холмы и

1) Anna p. 215 B—217 B.

2) Anna p. 217 D: μεταξὺ τοῦ Βουλγαροφύγου καὶ τῆς μικρᾶς Νικαίας τὰς σκηνὰς ἐπήγνυντο. Bulgarophygum по сосѣдству съ Визой (Viza) и рѣкой Регинеей (Erkené): Tafel, Partitio, S 268; у Вильгардуэна [p. 204 § 344]: Bulgarofle между Nequise (Малою Никеей) и Аркадіополемъ, то-есть, Люле-Бургасомъ (Дюмонъ у de Wailly); ἡ Μικρὰ Νίκαια или Νικίτζα вовсе не есть Нишъ (Нисса), какъ думалъ Дюканжъ (Notae ad Alexiad. p. 328), а то же, что Nequise у Вильгардуэна, то-есть, теперешній Chasskói, почти день пути на ю.-в. отъ Адріанополя по дорогѣ къ Бургасу: Fischer, Kreuzz. S. 98.

долины, чтобъ убѣдиться, не скрываются ли гдѣ еще другія толпы Печенѣговъ, не поставлено ли гдѣ засады. Все кругомъ было пусто: только вблизи — прибывшій утромъ и ослабленный отдѣленіемъ шести тысячъ — отрядъ Печенѣговъ отдыхалъ отъ походнаго утомленія: одни спали, другіе еще ѣли. Императоръ рѣшилъ захватить врага въ расплохъ. Большого труда стоило ему склонить на такое смѣлое предпріятіе свою малочисленную дружину: новобранцамъ и гарнизонной стражѣ, привыкшей сидѣть за крѣпкими и высокими стѣнами столицы, его замыселъ казался безумнымъ и дерзкимъ, въ виду явнаго превосходства силъ на сторонѣ Печенѣговъ, о которыхъ они наслышались всего страшнаго. «Мы погибли», убѣждалъ ихъ Алексѣй, «если тотъ шеститысячный отрядъ, который теперь ушелъ на добычу, соединится съ этимъ, который мы видимъ предъ собою; мы все одно погибли, если, расположившись подъ стѣнами столицы, шесть тысячъ ушедшихъ Печенѣговъ лишатъ насъ всякой возможности воротиться въ столицу. Лучше идти на встрѣчу опасности, чѣмъ умереть въ постыдномъ бездѣйствіи. Я первый иду впереди всѣхъ; кто хочетъ, пусть слѣдуетъ за мною и не отстаетъ отъ меня, когда я брошусь въ середину печенѣжскаго стана; кто не хочетъ со мною идти, пусть остается здѣсь и даже пусть не выглядываетъ изъ-за стѣны». Потихоньку отворились городскія ворота, и тайкомъ Греки зашли сзади того холма, на которомъ отдыхали безпечные варвары; императоръ первый бросился въ ихъ средину и первый убилъ попавшагося ему подъ руку Печенѣга. Его примѣръ подѣйствовалъ и пробудилъ нѣкоторый пылъ и военный задоръ въ сподвижникахъ. Печенѣги, не успѣвшіе, быть можетъ, сѣсть на коней, были отчасти перебиты, отчасти взяты въ плѣнъ. Побѣдоносные Византійцы, по приказанію императора, нарядились въ печенѣжское платье, снятое съ плѣнныхъ и убитыхъ, сѣли на печенѣжскихъ лошадей, взяли ихъ знамена и сдѣлались до того похожи на Печенѣговъ, что могли бы испугаться самихъ себя. Въ этомъ видѣ они направились къ рѣкѣ Меласу (Карасу́), протекающей вблизи Хировакхъ, гдѣ долженъ былъ проходить на возвратномъ пути печенѣжскій отрядъ, ушедшій къ столицѣ. Разсчетъ Алексѣя вполнѣ оправдался. Шеститысячная шайка Печенѣговъ, возвращаясь съ награбленнымъ

дромъ, издали приняла переряженныхъ Византійцевъ за своихъ земляковъ и, неосторожно приблизившись къ нимъ, понесла 255
чувствительное пораженіе. Число плѣнниковъ увеличилось, точно такъ же, какъ и число головъ, снятыхъ съ печенѣжскихъ труповъ. Это было въ субботу вечеромъ 15-го февраля[1]).

Въ понедѣльникъ масляной недѣли (17-го февраля) утромъ императоръ Алексѣй Комнинъ отправился обратно изъ Хировакхъ въ Константинополь въ торжественномъ и странномъ шествіи: впереди ѣхали на печенѣжскихъ коняхъ и въ варварскомъ убранствѣ переодѣтые Византійцы, за ними шли со связанными на спинѣ руками настоящіе Печенѣги, которыхъ вели крестьяне, собранные изъ ближайшихъ селъ; затѣмъ еще слѣдовали греческіе всадники, подявъ къ верху окровавленныя копья съ воткнутыми на нихъ отрубленными головами убитыхъ Печенѣговъ. Классически-образованная дочь Алексѣя съ видимымъ удовольствіемъ описываетъ этотъ отвратительный маскарадъ, которымъ ея отецъ праздновалъ наступленіе масляницы; она съ наслажденіемъ припоминаетъ разсказы участниковъ маскарада о разныхъ забавныхъ случаяхъ, которые сопровождали его шествіе. Что̀ въ самомъ дѣлѣ могло быть комичнѣе той сцены, когда попадавшіеся навстрѣчу вооруженные Греки трусили предъ мнимыми Печенѣгами, пока не узнавали въ нихъ подлинныхъ Византійцевъ? Въ такомъ же шествіи вступилъ императоръ въ свою столицу. Населеніе встрѣтило его съ восторгомъ, радуясь минутному избавленію отъ опасности и сочувственно удивляясь забавной выдумкѣ. Но среди толпы, помѣшавшейся отъ масляничнаго веселья, нашелся одинъ благоразумный человѣкъ, который напомнилъ о томъ, что для особеннаго торжества нѣтъ соотвѣтствующаго повода. «Много радости, да мало пользы, много печали, да мало вреда», сказалъ кесарь Никифоръ Мелиссинъ, опредѣляя значеніе побѣды, одержанной Алексѣемъ при Хировакхахъ, для побѣдителей и побѣжденныхъ[2]). Его замѣчаніе не замедлило оправдаться самымъ горькимъ образомъ. Потеря нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ не много ослабила грозную массу Печенѣжской орды, но зато сильно возбудила въ ней желаніе скорѣйшей мести и

1) Anna p. 233 C.
2) Anna p. 225 C: ἡ νίκη αὕτη χαρὰ μὲν ἀκερδής, λύπη δὲ ἀζήμιος.

побудила сняться съ зимнихъ кочевьевъ ранѣе обыкновенной поры. Не прошло двухъ недѣль, какъ Печенѣги снова разоряли города и села въ окрестностяхъ Константинополя. Въ первое воскресенье поста (2-го марта въ 1091 году) греко-восточная церковь празднуетъ память мученика Ѳеодора Тирона, который
256 во время отступника Юліана чудеснымъ образомъ спасъ христіанъ отъ осквернения пищей, тайно окропленной кровію языческихъ жертвъ. Въ этотъ день благочестивые жители греческой столицы въ особенномъ множествѣ посѣщали храмъ мученика Ѳеодора въ предмѣстьяхъ за городскою стѣною. Теперь они должны были отказаться отъ своего обычая: подлѣ самаго храма стояли Печенѣги, городскія ворота были заперты, изъ города никого не выпускали.

Съ моря грозила не меньшая опасность. Предпріимчивый Чаха, увеличивъ свой флотъ купеческими кораблями завоеванныхъ приморскихъ городовъ, замышлялъ нѣчто ужасное, хотѣлъ напомнить гордой Византіи времена давно забытыя, когда Сарацины съ моря, Авары и Болгары на сушѣ держали ее въ крѣпкой осадѣ недалеко отъ конечной гибели. Въ Константинополѣ сдѣлалось извѣстно, что эмиссары смѣлаго пирата, породнившагося съ султаномъ Никейскимъ, появлялись среди палатокъ печенѣжскихъ. Турецкая орда Сельджуковъ и турецкая орда Печенѣговъ, давно разлученныя въ своихъ странствованіяхъ, затѣмъ снова встрѣтившіяся на поляхъ Малой Азіи въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ и уже тогда пришедшія къ сознанію своего родства, готовились теперь соединить свои усилія, чтобъ основать на развалинахъ Восточной имперіи турецкое Сельджуко-Печенѣжское царство. Чаха требовалъ, чтобы къ слѣдующей веснѣ Печенѣги заняли Херсонисъ Ѳракійскій (полуостровъ Галлиполи), то-есть, хотѣлъ открыть съ ними прямыя и постоянныя сообщенія чрезъ Дарданеллы, заставить ихъ дѣйствовать по общему плану, отрѣзать совершенно Константинополь отъ всякихъ связей съ провинціями въ Европѣ и въ то же время запереть его съ моря [1]). Сдѣлалось извѣстно также, что Чаха былъ въ тай-

1) Anna p. 226 B: ὁ Τζαχᾶς -- κατὰ τῶν ἑσπερίων χωρῶν διανοεῖσθαι ἐπικεχείρηκε καὶ πρὸς τοὺς Σκύθας διαπεμπόμενος συνεβούλευε τὴν Χερρόνησον καταλαβεῖν.

ныхъ сношеніяхъ съ тѣми изъ своихъ азіатскихъ соплеменниковъ-Турокъ, которые въ извѣстномъ количествѣ находились на службѣ въ видѣ наемниковъ у греческаго императора, и склонялъ ихъ щедрыми обѣщаніями на свою сторону, назначая удобный моментъ для измѣны, когда онъ самъ займетъ южную оконечность полуострова Галлиполи [1]). Чаха такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, 257
что уже заранѣе называлъ себя Византійскимъ императоромъ [2]).

Давно Византійская имперія не бывала въ такомъ критическомъ положеніи. Въ самой природѣ совершались явленія, которыя поселяли на веселыхъ берегахъ Босфора печаль и уныніе, которыя на нѣсколько времени нарушили обычный строй городской жизни и сдѣлали затруднительными ободряющія общественныя отношенія. На улицахъ Константинополя выпалъ снѣгъ въ такомъ количествѣ, какого никто не помнилъ, какъ-будто уже заранѣе начиналось превращеніе Византіи въ жилище людей, пришедшихъ съ сѣвера. Нѣсколько времени, говоритъ Анна, положительно невозможно было отворить дверей въ домѣ отъ глубокаго снѣга [3]).

Что же предпринялъ императоръ Алексѣй Комнинъ, чтобъ отвратить грозящую бѣду, чтобы спасти себя, столицу, наконецъ, имперію?

Византійская гордость, очевидно, не любила вспоминать объ этой тяжелой зимѣ 1091 года. Царственная дочь императора Алексѣя, которая взяла на себя задачу описать подвиги своего

---

1) Anna p. 226 C: ὁπηνίκα τὰς κριθὰς καταλύβοι; по-латыни переведено: simulatque copiam pabuli comparasset Но переводъ этотъ не точенъ, а въ точномъ видѣ («когда онъ захватитъ, получитъ ячмень») былъ бы безсмысленъ. Очевидно, что подъ κριθὰς должно скрываться собственное имя, тѣмъ болѣе, что Анна постоянно употребляетъ глаголъ καταλαμβάνω въ значеніи: прибыть куда, занять какое мѣсто. Такъ какъ на томъ полуостровѣ и теперь еще есть городъ Криѳія, то требуется только самая легкая поправка, чтобы возстановить настоящій смыслъ. [⟨На поляхъ двухъ печатныхъ экземпляровъ этой статьи находятся у этого мѣста рукописныя замѣтки Василія Григорьевича. Въ одномъ экземплярѣ:⟩ Strabo VII fr. 55 ⟨fr. 56 Mein⟩· Σηστὸς - - Καλλίπολις - - εἶτα πολίχνιον κατεσκαμμένον Κριθωτή (на Херсонисѣ Ѳракійскомъ). Въ нѣкоторыхъ спискахъ Птолемея ⟨см. Claudii Ptolemaei Geogr. ed. Car. Muller I p. 491, 10 not.⟩: Καλλίπολις, Κριθέα, Μάδις. ⟨Въ другомъ экземплярѣ⟩ Theodori Prodromi carmina въ Recueil des hist. des croisades. Hist. grecs II. Appendix p. 755, v. 158: οὐαὶ τῇ πόλει πέφθακεν εἰς τὰς Κριθὰς ὁ στόλος]

2) Anna p. 245 C.

3) Anna p. 226 C.

отца, выражается о его дѣйствіяхъ за это время какъ-будто съ разсчитанною краткостію и намѣренною темнотою: «императоръ съ возможною поспѣшностію отправилъ во всѣ стороны посланія, призывающія наемное войско»[1]).

Можно подумать, что рѣчь идетъ о совершенно обычныхъ хлопотахъ византійской дипломатіи и казначейства нанять побольше охочихъ людей въ свою армію, такъ какъ Византія, считавшая во многихъ изъ своихъ безчисленныхъ монастырей по пяти и семи сотъ монаховъ, постоянно чувствовала недостатокъ въ земномъ войскѣ.

Но совершенно напротивъ, рѣчь идетъ о такихъ рѣшеніяхъ, которыя, съ одной стороны, могли быть внушены только отчаяніемъ, съ другой — давали совершенно новое направленіе всей византійской политикѣ, и которыя опредѣлили на долгіе годы судьбу династіи Комниновъ и самой ихъ имперіи.

Испытано было, правда, и старое средство византійской политики, которое часто удавалось прежде, но въ настоящемъ случаѣ, именно, и могло привести къ совершенной погибели, не говоря о томъ, что оно во всякомъ случаѣ соединено было съ глу-
258 бокимъ униженіемъ. Византійскій умъ, искусившійся въ политическихъ комбинаціяхъ, до сихъ поръ вѣрилъ въ себя крѣпко и, съ высоты своего превосходства относясь къ грубой недальновидности варваровъ, окружающихъ имперію, не затруднялся пользоваться ихъ услугами. Ученый императоръ Константинъ съ нѣкоторымъ педантическимъ добродушіемъ раскрылъ въ наставленіе сыну тайны византійскаго макіавелизма, подробно объясняя, какъ одинъ варварскій народъ можетъ быть обуздываемъ при помощи другого. Появленіе на сцену новыхъ племенъ и народовъ нисколько не смущало хладнокровную разсчетливость Босфорскихъ политиковъ. Они скоро соображали мѣсто, которое будетъ принадлежать новому народу въ кровавой игрѣ самоистребленія всѣхъ этихъ дикарей, окружающихъ имперію. Во Влахернскомъ дворцѣ не особенно дорожили и тѣми варварами, которые жили вдали отъ столицы въ разныхъ провинціяхъ и несли на себѣ всю

1) Anna p. 226 D: ὡς ἑνὸν διὰ γραμμάτων ἁπανταχόθεν ἔσπευδε μισθοφορικὸν μεταχαλέσασθαι.

тягость содержанія десяти тысячъ членовъ придворнаго синклита и цѣлой арміи мѣстныхъ чиновниковъ. Запасъ варварскаго міра былъ неистощимъ: на мѣсто однихъ явятся другіе. Такъ, Печенѣги были приняты въ предѣлы имперіи взамѣнъ истребленнаго славянскаго населенія. Византія думала найти въ нихъ совершенно пригодную ставку противъ новаго хода, сдѣланнаго азіатскимъ мусульманствомъ въ лицѣ Сельджуковъ, на которыхъ Печенѣги кстати такъ были похожи. Къ несчастію, Печенѣжскіе дикари, несмотря на поспѣшное крещеніе въ дунайской водѣ, оказались мало способными служить высшимъ цѣлямъ византійской политики. Къ несчастію оказалось, что они слишкомъ схожи съ тѣми Турками, съ которыми имъ слѣдовало на глазахъ Византійцевъ безпощадно бороться, и встрѣтили въ предѣлахъ самой имперіи элементы, готовые вступить съ ними въ союзъ для ея разрушенія. Сверхъ того, въ настоящую минуту Печенѣги, готовые, съ одной стороны, подать руку Туркамъ-Сельджукамъ, могли въ то же время найти себѣ поддержку среди кочевниковъ, занявшихъ ихъ прежнія поселенія, съ которыми теперь имъ дѣлить было нечего. Только грубая варварская жадность къ добычѣ и дикое неумѣнье разобраться миролюбиво предупредили общее нападеніе Печенѣговъ и Половцевъ на имперію въ 1088 году. Византійская политика не замедлила, повидимому, воспользоваться раздоромъ, обнаруживавшимся среди единоплеменниковъ: можетъ-быть, не безъ ея тайнаго участія появились Половцы на византійской сторонѣ Балканъ, въ тылу побѣдоносныхъ Печенѣговъ. Но, достигнувъ своей цѣли, пригрозивъ Печенѣгамъ союзомъ съ ихъ раздраженными единоплеменниками и принудивъ ихъ такимъ образомъ къ миру, даже къ обѣщанію 259
покорности, императоръ Алексѣй счелъ за лучшее не брать на свои плеча еще новой опасной тяжести въ видѣ такихъ ненадежныхъ друзей, какъ Половцы. Опираясь на соглашеніе съ Печенѣгами и на очень, впрочемъ, сократившееся богатство Константинопольской казны, онъ заставилъ Половецкихъ хановъ совершить обратный путь къ низовьямъ рѣки Днѣпра, гдѣ они могли продолжать свои набѣги на небогатые города русскіе. Но если императоръ Алексѣй надѣялся справиться съ Печенѣжскою ордою только собственными средствами, то событія не оправдали его

разсчетовъ. Всего хуже было то, что въ лицѣ Чахи явился врагъ, который съ предпріимчивою смѣлостію варвара соединялъ тонкость византійскаго образованія и отличное знаніе всѣхъ политическихъ отношеній тогдашней восточной Европы, который задумалъ сдѣлаться душой общаго турецкаго движенія, который хотѣлъ и могъ дать безсмысленнымъ печенѣжскимъ блужданіямъ и разбоямъ разумную опредѣленную цѣль и общій планъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ опасностями, императоръ Алексѣй вынужденъ былъ обратиться опять къ тѣмъ же Половцамъ, которые недавно были обижены предпочтеніемъ, оказаннымъ ихъ врагамъ, и невниманіемъ къ ихъ готовности оказать услугу имперіи истребленіемъ сихъ послѣднихъ. Нѣкоторыя изъ грамотъ, о которыхъ говоритъ дочь Алексѣя, безъ сомнѣнія, пошли въ половецкія вежи на берегахъ Днѣпра и Дона, вѣроятно, также и къ князьямъ русскимъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что для такого умнаго и опытнаго человѣка, какъ императоръ Алексѣй, и теперь были очевидны всѣ опасныя послѣдствія того шага, который онъ дѣлалъ, приглашая въ предѣлы имперіи новыя толпы свирѣпыхъ варваровъ. Единовѣрные съ Византіей князья русскіе не могли придти на помощь къ Грекамъ безъ согласія или мира съ Бонякомъ и Тугорканомъ. А отправившись, какъ это часто дѣлалось, вмѣстѣ съ полками половецкими, русскіе князья не могли привести съ собою столько собственныхъ силъ, чтобъ имѣть рѣшительное вліяніе на дикую
260 волю половецкихъ кочевниковъ. Что же будетъ, если Половцы найдутъ болѣе выгоднымъ соединиться съ своими единоплеменниками и обратиться вмѣстѣ съ ними противъ византійской столицы? Кто могъ поручиться за постоянство вражды или дружбы, управляемыхъ только необузданными порывами хищническихъ инстинктовъ? Если даже Печенѣги будутъ разбиты при помощи Половцевъ, то не будутъ ли всѣ благіе плоды побѣды состоять

1) Что императоръ Алексѣй самъ призывалъ Кумановъ, объ этомъ говоритъ Анна — также мимоходомъ и вскользь, какъ объ ожидаемой помощи изъ Рима; см р. 228 B: καὶ γὰρ προέφθη τούτους μεταπαλέσασθαι. Что касается до обращенія къ князьямъ русскимъ, то помимо того, что оно было вполнѣ естественно, мы встрѣтимся въ дальнѣйшемъ разсказѣ съ нѣкоторыми фактами, заставляющими прямо предполагать, что кто-нибудь изъ русскихъ князей приходилъ на помощь Алексѣю вмѣстѣ съ Половцами.

въ томъ, что имперія попадетъ, какъ говорилось и у Грековъ, изъ огня въ полымя? Не зачѣмъ было и задавать себѣ вопроса о томъ, что̀ будетъ дѣлать побѣдоносная орда Половцевъ, когда она утвердится въ нѣдрахъ имперіи. Она будетъ дѣлать то же, что̀ дѣлали Печенѣги. Самъ императоръ Алексѣй, посылавшій посольство къ Боняку и Тугоркану, чрезъ нѣсколько времени не могъ сказать, противъ кого направятся тѣ силы, которыя сбирались въ низовьяхъ Днѣпра и Дона.

Византійская имперія тонула въ турецкомъ нападеніи: утопающій не разбираетъ средствъ для своего спасенія. Нечестивый, безбожный, шелудивый Бонякъ и его не менѣе достойный товарищъ Тугортакъ или Тугорканъ были союзниками отчаянія; они должны были въ самомъ благопріятномъ случаѣ только помочь императору Алексѣю пережить критическую минуту, пока не придутъ болѣе надежные, болѣе цивилизованные и человѣчные союзники. Этими союзниками были люди латинскаго запада; у нихъ проспилъ себѣ помощи императоръ Алексѣй, туда были отправлены грамоты, призывавшія со всѣхъ сторонъ наемное войско: фактъ, до сихъ поръ отвергаемый патріотизмомъ греческимъ, но тѣмъ не менѣе не подверженный ни малѣйшему сомнѣнію.

VI.

Первые годы послѣдняго десятилѣтія въ XI вѣкѣ—это былъ моментъ, когда государственная Византія, гордая своими римскими преданіями, своимъ незапятнаннымъ православіемъ, своимъ безконечнымъ превосходствомъ надъ всѣмъ варварскимъ міромъ, грубыми инстинктами котораго она умѣла управлять съ такимъ искусствомъ и къ средѣ котораго она причисляла какъ западныхъ христіанъ, такъ и своихъ славянскихъ единовѣрцевъ, потеряла вѣру въ себя и въ высокія заслуги своего православія. Эти заслуги предъ судомъ исторіи, дѣйствительно, высоки, но онѣ, конечно, не оправдывали того іудейскаго, во всякомъ случаѣ не христіанскаго воззрѣнія, что догматъ и обрядъ составляютъ всю сущность христіанства—помимо духа любви христіан-

261 ской; что общество, которое умѣетъ понимать и толковать всѣ глубины догмата и лучше другихъ сохранило правильность обряда, есть уже новый сосудъ избранія, во всѣхъ случаяхъ какъбы обязательно охраняемый самимъ Богомъ; что временныя несчастія и бѣдствія происходятъ только отъ случайныхъ и частныхъ нарушеній въ какомъ-то подразумѣваемомъ договорѣ съ Божествомъ, а не отъ постояннаго забвенія основной заповѣди о христіанскомъ братствѣ и любви.

Есть въ высшей степени характеристичные и замѣчательные документы, открывающіе намъ просвѣтъ въ строй византійскаго міросозерцанія, какъ оно выражалось подъ вліяніемъ тяжелыхъ событій. Вынужденный тяжелымъ кризисомъ норманнскаго нашествія, императоръ Алексѣй прибѣгнулъ къ крайнему средству для поправленія своего истощеннаго казначейства. Онъ «коснулся» священныхъ сокровищъ въ богатыхъ церквахъ византійскихъ и употребилъ ихъ на «государственныя» нужды. «Я полагалъ въ моемъ сердцѣ, что Богъ не разгнѣвается на это, такъ какъ у меня не было злого намѣренія, которое предосуждаетъ виновнаго», объясняетъ намъ императорская грамота [1]). Но византійское благочестіе, не сознавая за собою никакого догматическаго прегрѣшенія и, слѣдовательно, никакой вины предъ Богомъ, здѣсь-то именно и поспѣшило открыть причину всѣхъ бѣдствій, обрушившихся на имперію. Еще въ 1084 году, когда Алексѣй воротился въ свою столицу изъ похода, до его ушей дошелъ всеобщій и громкій ропотъ населенія столицы, такъ рабски безгласнаго во всемъ, что̀ не касалось церкви. Онъ долженъ былъ защищать себя и оправдываться въ торжественномъ собраніи синклита и священнаго синода Константинопольской церкви. Смѣшивая классическія преданія съ библейскими, онъ ссылался и на Перикла, который безотчетно истратилъ деньги на «нужное» (εἰς δέον), и на царя Давида, который въ крайности вкусилъ священныхъ хлѣбовъ, и все-таки кончилъ обѣщаніемъ вознаградить ущербъ, причиненный церковнымъ ризницамъ, и обиду, сдѣланную самому Богу [2]). Продолжавшіяся затрудненія со стороны

1) Ср. Anna p. 128 sq.
2) Anna p 155 sq.

Печенѣговъ помѣшали исполнить обѣщаніе. Между тѣмъ въ глазахъ всѣхъ настоящихъ Византійцевъ эти затрудненія были именно слѣдствіемъ продолжавшагося гнѣва небеснаго: императоръ, святотатственно прикоснувшійся къ церковному достоянію, былъ не лучше, чѣмъ прямой еретикъ и, слѣдственно, онъ несетъ отвѣтственность за всѣ несчастія. Въ безчисленномъ сонмѣ 262
Константинопольскаго монашества нашлись лица, которыя не стѣснялись громко и почти въ лицо говорить это «тирану». Епископъ Левъ Халкидонскій, поплатившійся за свою смѣлость низверженіемъ и ссылкою, въ глазахъ толпы окруженъ былъ ореоломъ мученичества, и даже лица, приближенныя къ императору, разсказывали о его чудесныхъ явленіяхъ [1]). Императоръ Алексѣй, истый и кровный Византіецъ, не устоялъ противъ такого напора общественнаго мнѣнія; сильныя сомнѣнія закрались въ его душу. «Такъ какъ сокровища, взятыя у святыхъ церквей, были истрачены не на приличныя этому достоянію нужды (εἰς μηδὲν δέον), и всякое прежнее намѣреніе наше (исправить злоупотребленіе) при затрудненіяхъ, окружающихъ Романію, обратилось въ противное, такъ какъ со многихъ сторонъ возвысился рогъ возстающихъ на ны, и ладья имперіи подвергается опасности утонуть въ волнахъ, ее обуревающихъ, если всемогущая Божественная сила не поможетъ ей какими знаетъ путями и не превратитъ кораблекрушенія въ ясную тишину,—то изволилось нашему императорству прилежнѣе изслѣдовать и разыскать, что̀ же такое именно подвигло на столько гнѣвъ Божій и направило на насъ стремленіе ярости его. Мы разсмотрѣли съ духовными и божественными мужами этотъ вопросъ и узнали отъ нихъ, что не послѣдняя причина Божественнаго гнѣва заключается въ томъ, что мы коснулись святыхъ сокровищъ Господнихъ; хотя это сдѣлалось и совершилось не отъ лукаваго сердца, но совершенно не позволительно приношенія, врученныя въ руки Бога, снова вынимать изъ этихъ рукъ и обращать на другія нужды» [2]). Импе-

1) [См. Zachariae v. Lingenthal, Commentatio de biblioth. Bodlejana (приложеніе къ изданію Prochiron, Heidelb. 1837) p. 313. Cod. Bodl. 205 fol. 562b: Σημείωμα -- Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ ἐπὶ τῇ καθαιρέσει τοῦ Χαλκηδόνος ἐκείνου κυροῦ Λέοντος, de anno ,ϛφϟδ′ (=1086).]

2) Zachariae, Novellae constitutiones (Ius graeco-romanum, t. III), collect. IV № 22 p. 355 — 358. Новелла обозначена въ концѣ 6590 (1082) годомъ, ия-

263 раторъ далъ обѣтъ предъ лицомъ Божіимъ возвратить церквамъ ихъ достояніе, какъ скоро утихнетъ мірская буря вражескаго нашествія, и произнесъ страшныя заклятія на будущее время противъ себя и своихъ преемниковъ.

Не куплена была этимъ милость Божія. Напротивъ того, послѣ 1088 года, къ которому относится приведенная нами новелла, буря, воздвигнутая гнѣвомъ небеснымъ, достигла еще бо̀льшаго напряженія. Послѣ десятилѣтней неустанной борьбы за цѣлость имперіи на востокѣ, сѣверѣ и западѣ, у императора Алексѣя опустились руки, упалъ духъ, смирилась его гордость, гордость православнаго царя въ отношеніи къ неправовѣрному Западу.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ событіяхъ, которыя привели къ окончательному разрыву восточной и западной церквей, бо̀льшая часть вины падаетъ на властолюбіе и заносчивость представителей Римскаго престола. Но едва-ли также можно утверждать, что всѣ слова и дѣйствія Керуларія были проникнуты духомъ хри-

---

тымъ индиктомъ. Вѣрность этой даты заподозрилъ уже Цахаріэ: см. примѣч. стр. 356 Послѣ такихъ заклятій, которыя находятся въ концѣ новеллы, Алексѣй Комнинъ едва ли рѣшился бы во второй разъ простереть руку къ церковнымъ сокровищамъ,—а это было сдѣлано во время печенѣжскихъ затрудненій, какъ мы знаемъ отъ Анны (p. 129 CD: ἐπεὶ καὶ αὖθις ἄλλο νέφος ἐχθρῶν, τοὺς Σκύθας φημί, κατ' αὐτοῦ ἐξορμῶν ἤδη μεμαθήκοι,- - ἡ συλλογὴ τῶν χρημάτων- - ἐσπουδάζετο. Ср. p. 155 C),—едва-ли рѣшился бы преслѣдовать Халкидонскаго епископа за смѣлыя или, можетъ быть, дерзкія рѣчи въ защиту церковнаго имущества; а Левъ Халкидонскій былъ низложенъ въ 1086 г. (Zachar. p. 356 примѣч., ср. Anna p. 130). Въ новеллѣ есть указаніе на то, что императоръ намѣренъ былъ возвратить церквамъ ихъ имущество, но не могъ этого сдѣлать; указаніе это соотвѣтствуетъ словамъ Анны (p. 130): ὑπισχνουμένου ἅμα καὶ τὰ ἱερὰ ταῖς ἁγίαις ἐκκλησίαις λαμπρότερα ἀποδοῦναι καὶ πᾶν ὅ τι δέοι ποιεῖν πρὸς διόρθωσιν и ея разсказу о мѣрахъ, принятыхъ для удовлетворенія церквей въ 1084 г. (см. p. 157 B). Слѣдовательно, новелла должна относиться къ позднѣйшимъ годамъ, чѣмъ 1084 и даже 1086, и вѣроятно, какъ замѣтилъ Цахаріэ, находится въ связи съ возвращеніемъ изъ ссылки Льва Халкидонскаго. Въ іюлѣ 1088 года епископъ Левъ былъ еще въ ссылкѣ (Anna p. 199), но чудесное явленіе Палеологу, конечно, уже предвѣщало его скорое возвращеніе. Положеніе имперіи, какъ оно описано въ новеллѣ, совершенно соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ 1088 года. Въ августѣ этого года — мѣсяцъ обозначенъ въ самой датѣ—послѣ страшнаго пораженія около Дерстра, Алексѣй Комминъ долженъ былъ именно говорить такимъ тономъ, какой господствуетъ въ его документѣ; что касается до ошибки въ датѣ, то ее нужно приписать первому издателю новеллы Леунклавію: Цахаріэ не имѣлъ ея списка. Вмѣсто прочитаннаго τῆς ε' ἰνδικτιῶνος ἐν ἔτει τῷ ,ϛφϟ' (6590) могло стоять: τῆς ἐνδ(εκάτης) ἰνδικτιῶνος, ἐν ἔτει τῷ ,ϛφϟϛ' (6596) Ср. Zachariae l. c. p. 375.

стіанской кротости и братолюбія, хотя, конечно, весьма можно сомнѣваться въ томъ, что лицо противоположнаго характера на Константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ могло бы предупредить разрывъ, коренившійся весьма глубоко. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что честь православнаго Востока гораздо болѣе поддержана была возвышенною, миролюбивою и въ то же время твердою рѣчью патріарха Антіохійскаго, чѣмъ страстными обличеніями Керуларія. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ пожалѣть, что полемика, которая потомъ завязалась между богословами обѣихъ церквей, вовсе не шла тѣмъ путемъ соглашенія, мира и уступчивости, который былъ указанъ истинно-христіанскимъ, истинно гуманнымъ голосомъ Петра Антіохійскаго[1]). «Намъ прилично», 264
писалъ онъ, «принимать въ разсчетъ доброе намѣреніе (заблуждающихся) и тамъ, гдѣ дѣло не касается ни Бога, ни вѣры, всегда склоняться къ миру и братолюбію. Они — наши братья, хотя по грубости и невѣдѣнію часто уклоняются отъ того, что̀ прилично, слѣдуя своей волѣ». Послѣ прибавленія къ символу, которымъ римская церковь дѣйствительно нарушила самымъ глубокимъ образомъ союзъ единенія, болѣе важнымъ пунктомъ разногласія было совершеніе таинства евхаристіи на опрѣснокахъ вмѣсто квасного хлѣба. Извѣстно посланіе Петра Антіохійскаго къ архіепископу Аквилейскому (или Градскому, Градо), отличающееся такою высокою ученостію. Восточный іерархъ доказывалъ въ немъ, что вечеря, на которой Христосъ установилъ таинство, была совершена прежде наступленія ветхозавѣтной еврейской Пасхи, когда законъ еще не допускалъ опрѣсноковъ, слѣдовательно, употребленіе ихъ въ западной церкви ни на чемъ не основано. Несмотря на это, Петръ Антіохійскій писалъ Михаилу Керуларію: «Я выскажу свою мысль прямо: если они (латиняне) исправятся относительно прибавленія къ символу, то я не искалъ бы отъ нихъ ничего болѣе, оставляя безразличнымъ въ числѣ другихъ и вопросъ объ опрѣснокахъ, хотя въ посланіи къ епископу Венеціанскому я показалъ ясно, что вечеря, на которой Спаситель и Господь нашъ предалъ своимъ ученикамъ обрядъ божественнаго

1) [Мы находимъ любопытныя данныя и свидѣтельства терпимости о Петрѣ Антіохійскомъ у Никона Черногорца. См. статью А., Изъ записокъ Синайскаго богомольца, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1873, III, стр. 331.]

таинства, была совершена, когда еще не наступило законное время ѣсть Пасху. Увѣщеваю и твое боголѣпное блаженство принять мою мысль, чтобы, всего требуя, не потерять всего». Понятно, что съ тѣмъ бо̀льшимъ снисхожденіемъ расположенъ былъ смотрѣть патріархъ Антіохійскій на другія обвиненія противъ латинскихъ братьевъ, сообщенныя ему Керуларіемъ: одни изъ нихъ исцѣлимы, другія могутъ быть оставлены безъ вниманія[1]). Если латинскіе епископы носятъ на рукахъ перстни въ знакъ обрученія съ церковію, то и въ восточной церкви существуютъ аналогическіе обычаи; если латиняне брѣютъ бороды, то и мы оставляемъ на верхушкѣ головы вѣнчикъ (τὴν παπαλήθραν) и т. д.[2]). «Прошу, умоляю, припадая мысленно къ твоимъ святымъ ногамъ, пусть твое священное блаженство ослабитъ излишнюю строгость и снизойдетъ къ дѣйствительному положенію вещей». Мы уже сказали, что не въ такомъ духѣ велась дальнѣйшая полемика. Всѣ жестокія обличенія и нетерпимые упреки,
265 всѣ презрительныя выходки, весь пылъ и задоръ вражды продолжаютъ, къ несчастію, обнаруживать себя на обѣихъ сторонахъ. Близкій намъ примѣръ представляетъ посланіе ученаго митрополита Кіевскаго Іоанна II Продрома[3]) къ папѣ Клименту, писанное около 1089 года. Заблужденіе относительно опрѣсноковъ есть, по его мнѣнію, одна изъ многихъ ересей, въ которыхъ повинна западная церковь, начало и корень ихъ. Это пятое заблужденіе, которому предшествуетъ неправильность въ соблюденіи постовъ и безбрачіе духовенства, есть именно скрытая ересь древнихъ еретиковъ—Валента, Аполлинарія, Евтихія, Діоскора и т. д.[4]).

Императоръ Алексѣй и какъ ревностный богословъ, — ибо богословское образованіе составляло необходимую часть высшаго образованія въ Византіи, — и какъ политикъ, кото-

---

1) Will, Acta et scripta, quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saeculo XI composita extant, Lipsiae 1861: τὰ δὲ ἱάσιμα τὰ δὲ παροράσεως ἄξια.

2) [Germani Patriarchae rerum eccles. contempl., Migne 98, 392: Τὸ δὲ ξύρισμα τῆς κεφαλῆς τοῦ ἱερέως καὶ τὸ γυροειδὲς αὐτοῦ τμῆμα τὸ μέσον τῶν τριχῶν ἀντὶ τοῦ ἀκανθίνου στεφάνου, ὅνπερ ὁ Χριστὸς ἐφόρεσεν.]

3) См. Приложеніе V, въ концѣ.

4) Посланіе митрополита Іоанна II въ Ученыхъ Запискахъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, книга 1-я, III, 9.

рому необходимо было примирить духовенство съ мѣрами, ознаменовавшими начало его правленія, вполнѣ проникнутъ былъ воззрѣніями строгой противолатинской партіи. Практическое примѣненіе этихъ воззрѣній можно видѣть въ запрещеніи христіанамъ латинскаго обряда, живущимъ въ предѣлахъ имперіи, отправлять богослуженіе на опрѣснокахъ и въ предписаніи, имъ данномъ, слѣдовать греческому обычаю. Эта мѣра повела къ перепискѣ съ папою. Урбанъ II, восшедшій на престолъ римскихъ первосвященниковъ въ 1088 году, нашелъ необходимымъ вступиться за своихъ единовѣрцевъ. Около 1089 года онъ отправилъ въ Константинополь посольство, во главѣ котораго стоялъ аббатъ греческаго монастыря близъ Рима (Grotta Ferrata[1]). Посольство пришлось именно на то время, когда Византійскій императоръ тяжелыми обстоятельствами, въ которыхъ находилась имперія, былъ расположенъ къ смиренію и уступчивости, когда послѣ переговоровъ съ графомъ Фландрскимъ онъ уже думалъ о помощи Запада. Чтобъ устранить препятствія къ союзу съ латинскимъ міромъ, чтобы склонить въ свою пользу папу, отъ котораго такъ много зависѣло это дѣло, Алексѣй Комнинъ, отказавшись отъ прежнихъ своихъ связей съ Генрихомъ IV Германскимъ, подалъ Урбану II руку примиренія и соглашенія. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи, отправленномъ съ аббатомъ Гротта-Ферратскимъ, онъ предлагалъ папѣ соборъ въ Константинополѣ; на этомъ соборѣ вопросъ объ опрѣснокахъ, а съ нимъ, конечно, и другіе вопросы должны были подвергнуться дружелюбному разсмотрѣнію представителей той и другой церкви. Съ своей сто- 266
роны, императоръ заранѣе обязался принять безпрекословно рѣшенія собора и, сверхъ того, назначилъ срокъ для его собранія не позже какъ чрезъ полтора года.

Папа Урбанъ, посовѣтовавшись съ графомъ Рожеромъ Сицилійскимъ, во владѣніяхъ котораго находилось много Грековъ, державшихся восточнаго обряда, принялъ предложеніе Византійскаго императора[2]). Серіозность его миролюбиваго настроенія

1) [О монастырѣ Гроттаферратскомъ см. Σ. Ζαμπελίου, Ἰταλοελληνικά. Ἐν Ἀθήναις 1865, стр. 25.]

2) Gaufredi Malaterrae historia Sicula, lib. IV cap. 13, Muratori Rerum Italicarum Scriptores V, 594: Agunt ad invicem de negotio, quod Aposto-

доказывается тѣмъ, что въ томъ же 1089 году послѣдовало разрѣшеніе Алексѣя Комнина отъ церковнаго отлученія, которое лежало на немъ, какъ схизматикѣ [1]).

Въ самомъ Константинополѣ желаніе примиренія съ Западомъ могло только возрастать сильнѣе и сильнѣе. При отсутствіи прямыхъ историческихъ на это указаній, которыхъ мы не находимъ въ главномъ византійскомъ источникѣ для времени Алексѣя по причинѣ уже указанной, мы обращаемся къ произведеніямъ знаменитаго іерарха и богослова греческой церкви, извѣстнаго намъ Θеофилакта Болгарскаго, который именно около этого времени былъ поставленъ въ санъ архіепископа и всегда былъ очень близокъ ко двору и къ сферамъ, рѣшавшимъ вопросы церкви и государства [2]). Мы не ошибемся, если его въ высшей степени замѣчательное сочиненіе о заблужденіяхъ латинянъ отнесемъ приблизительно къ 1091 — 1092 годамъ и увидимъ въ немъ знаменіе времени. Сочиненіе писано по вызову одного духовнаго лица, занимавшаго довольно видное мѣсто въ рядахъ клира великой церкви въ Константинополѣ [3]), но авторъ имѣетъ въ виду болѣе

---

licum accessisse compulerat. Nam idem Apostolicus ante paucos dies Alexium Imperatorem Constantinopolitanum per Nicolaum Abbatem Cryptae ferratae, et Rogerium diaconum conveniens paterna increpatione commonuerat, quod Christianis Latinis, qui in sua provincia morabantur, azymo immolari interdixerat, praecipiens in sacrificiis more Graecorum fermentato uti--. Imperator vero--invitat eum per eosdem legatos,--ut--Constantinopolitano Concilio congregato, disputatio fieret inter Graecos et Latinos-- Terminum etiam, quo Papa accedere deberet, statuit, anni videlicet et dimidii, et cet.

1) Bernoldi Chronic. sub a. 1089, MG. SS. V, 450. Domnus papa Constantinopolitanum imperatorem ab excommunicatione per legatos suos absolvit.

2) См. приложеніе III.

3) Къ кому было адресовано посланіе Θеофилакта, мы узнаемъ отъ одного изъ его преемниковъ по болгарской каѳедрѣ, митрополита Димитрія Хоматина (въ началѣ XIII стол.). Вызванный также подать свое мнѣніе о латинскихъ заблужденіяхъ, онъ приводитъ мнѣнія прежнихъ писателей и говоритъ, что нѣкоторые смотрѣли на вопросъ снисходительнѣе (φιλανθρωπότερον) и, допуская уступки въ прочемъ, возставали только противъ прибавленія къ символу; къ числу этихъ нѣкоторыхъ принадлежалъ и блаженный Θеофилактъ, который въ сочиненіи, посланномъ къ діакону канстризію (πρὸς καναστρίσιον) Николаю, впослѣдствіи епископу Мелесовы, выражается такимъ образомъ (слѣдуетъ мѣсто изъ Θеофилакта у Rhally et Potly, Syntagma V, 431). О значеніи слова καναστρίσιος см. Ducange Glossarium: это былъ діаконъ, завѣдывающій архіерейскимъ облаченіемъ, и т. д. Извѣстно, что вообще санъ діакона великой церкви имѣлъ очень высокое значеніе, что̀ подтверждается и позднѣйшимъ назначеніемъ Николая на епископскую каѳедру. [Καναστρίσιος встрѣчается также въ соборномъ дѣяніи на Сотириха, A. Mai, Spicil. rom. X, 21: ἐκ δὲ τῆς

обширный кругъ читателей и постоянно обращается вообще «къ 267
братьямъ», къ «рабамъ Христовымъ, друзьямъ и братьямъ», то-есть, ко всему клиру Софійской церкви, глубоко заинтересованному въ начатыхъ переговорахъ съ папою. Вопросъ о заблужденіяхъ латинянъ, обращенный къ Θеофилакту, именно былъ вынужденъ тяжелыми и суровыми обстоятельствами, какъ это прямо сказано въ самомъ началѣ отвѣтнаго посланія. Но авторъ радуется, что Божественныя знаменія, служащія однимъ въ наказаніе, на другихъ производятъ спасительное дѣйствіе.

Что касается основной темы сочиненія, то она въ высшей степени поразительна. Авторъ посланія прямо объявляетъ, что онъ не раздѣляетъ общепринятаго мнѣнія о раздѣленіи церквей. Онъ не находитъ, чтобъ ошибки (σφάλματα) латинянъ были многочисленны, и чтобъ эти ошибки дѣлали церковное раздѣленіе неизбѣжнымъ. Онъ возстаетъ противъ того духа богословской нетерпимости и теологическаго высокомѣрія, которое господствуетъ среди его ученыхъ единоземцевъ и современниковъ. «Мы думаемъ», говоритъ онъ, «что для пріобрѣтенія въ глазахъ толпы славы первостепенныхъ мудрецовъ въ дѣлахъ божественныхъ необходимо какъ можно большее число людей записать въ еретики; что только тогда мы докажемъ, что имѣемъ глаза, когда ясный свѣтъ представимъ глубокою тьмою»[1]). Съ нѣкоторою ироніей перечисляетъ ученый архипастырь ходячія обвиненія противъ латинянъ: кромѣ опрѣсноковъ, поста субботняго и безбрачія духовенства, имъ ставятъ въ великую вину то, что у нихъ священники брѣютъ бороды, носятъ на рукахъ золотые 268
перстни и одѣваются въ шелковыя ткани и т. д., что монахи позволяютъ себѣ ѣсть мясо и пр. «Быть можетъ, кто-нибудь», замѣчаетъ Θеофилактъ, «изъ вѣрныхъ и болѣе горячихъ ревни-

---

ἐντιμοτέρας τῶν τε θεοφιλεστάτων ἀρχόντων πληθύος καὶ τῆς ἄλλης ἱερᾶς γερουσίας οὗτοι· ὁ μέγας ἀρχιδιάκονος-- ὁ κανστρίσιος--.]—Отрывки изъ посланія Θеофилакта приводятся также съ его именемъ у Іоанна Векка, Migne, Patrol. gr. t. 141 col. 150. Самое посланіе было напечатано много разъ, въ послѣднее время у Migne, Patrol. gr. t. 126 col 221, и Will, Acta et scripta, quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae seculo XI composita extant p. 229 sq

1) Will, Acta et scripta p. 230 (§ 1) καὶ κριθήσεσθαι παρὰ τοῖς πολλοῖς τὰ πρῶτα τῶν τὰ θεῖα σοφῶν οἰόμεθα, εἰ τοῖς πλησίον αἱρεσίν τινα ἐπιτρίψαιμεν, καὶ φανήσεσθαι δοκοῦμεν ὄμματα ἔχοντες, εἰ τὸν ἐωσφόρον μελαναυχῆ παρεισάξομεν.

телей православія возстанетъ и обличитъ меня въ невѣжествѣ, въ непониманіи вещей божественныхъ, пожалуй въ холодности, или даже въ предательской измѣнѣ своей церкви. Конечно, самъ онъ насчиталъ бы (латинскихъ заблужденій) много больше того, что̀ я привелъ. Но я, — заявляетъ Ѳеофилактъ въ выраженіяхъ, напоминающихъ Петра Антіохійскаго,—даже изъ числа перечисленныхъ заблужденій одни считаю не заслуживающими вниманія, другія—заслуживающими умѣреннаго исправленія, то-есть, такого, что если кто его совершитъ, то окажетъ нѣкоторую услугу церкви, а если нѣтъ, то тоже не будетъ большого вреда»[1]).

Есть только одинъ пунктъ, который дѣйствительно раздѣляетъ двѣ церкви — это нововведеніе въ символѣ вѣры, сдѣланное латинянами. Здѣсь невозможна никакая уступка, здѣсь Ѳеофилактъ прямо обращается къ Римлянамъ съ обличеніемъ ихъ заблужденія. Здѣсь онъ не можетъ принять никакихъ извинительныхъ соображеній. «Латиняне могутъ сказать, что они вѣруютъ и мыслятъ точно такъ же, какъ мы, что подъ исхожденіемъ отъ Сына они понимаютъ другого рода исхожденіе, чѣмъ отъ Отца: отъ Отца Духъ исходитъ, потому что Отецъ виновникъ его бытія, отъ Сына Духъ исходитъ въ томъ смыслѣ, что какъ-бы изливается и раздается Сыномъ, а не въ томъ, чтобы Сынъ былъ виновникомъ Его бытія, что̀ принадлежитъ только Отцу. Латиняне могутъ сослаться на бѣдность и скудость латинскаго языка, которыя заставляютъ ихъ два разныя понятія выражать однимъ и тѣмъ же словомъ, не отступая нисколько отъ согласія въ вѣрѣ съ Греками». Учитель греческой церкви готовъ на братское снисхожденіе. Но оно можетъ состоять только въ томъ, что латинянамъ будетъ предоставлено право пользоваться своимъ способомъ выраженія въ церковныхъ бесѣдахъ и поученіяхъ, съ объясненіемъ однако смысла употребляемыхъ выраженій. Что же касается символа, то здѣсь не можетъ быть и допущена никакая неясность и двусмысленность, никакое прибавленіе; ибо въ символѣ именно выражается согласіе, единодушіе вѣры, исповѣданіе, всѣми одинако понимаемое, безъ чего-либо подразумѣваемаго.

---

1) Will, Acta et scripta p. 230 sq. (§ 2).

Употребленіе греческою церковію квасного хлѣба въ таин- 269
ствѣ евхаристіи Θеофилактъ оправдываетъ и утверждаетъ примѣромъ апостоловъ, которые преломляли такой хлѣбъ, и общимъ согласіемъ церковнаго преданія, отказываясь при этомъ отъ главнаго довода, который былъ развиваемъ Петромъ Антіохійскимъ, но въ глазахъ Θеофилакта оказывался несостоятельнымъ. На такихъ же основаніяхъ отвергается субботній постъ латинянъ. Но относительно этихъ вопросовъ архіепископъ Болгаріи направляетъ остроту своихъ разсужденій въ обѣ стороны. Онъ доказываетъ, что Римляне неправы въ томъ отношеніи, что они ошибаются и погрѣшаютъ противъ церковнаго преданія, но Греки также неправы въ томъ, что не хотятъ быть снисходительными къ ошибкамъ ближняго. «Великая и огня жарчайшая ревность» противъ приношенія опрѣсноковъ въ тѣхъ людяхъ, которые заявляютъ, что они скорѣе положатъ свою душу, чѣмъ поступятся своимъ мнѣніемъ объ этомъ предметѣ,—не находитъ одобренія въ глазахъ Θеофилакта: эти люди болѣе угождаютъ собственной страсти и попадаютъ въ сѣти діавола. «Нѣтъ, братія», обращается Θеофилактъ къ своимъ читателямъ, «не должно отъ всѣхъ требовать всего. Если что́, не будучи исполнено, приноситъ вредъ смертельный, противу этого нужно бороться, какъ говорится, и руками и ногами. Но есть такія вещи, отъ лишенія которыхъ нѣтъ большого вреда, но будетъ величайшій вредъ, если мы силою достигнемъ того, что и онѣ будутъ пріобрѣтены для насъ. Оставить это быть такъ, какъ есть—вотъ что́ требуется отъ разсудительнаго человѣка, знающаго законы домостроительства, которыми предписывается ради великаго жертвовать малымъ, а не ради малѣйшихъ (выгодъ) величайшими интересами»[1]).

«Если поэтому западные, благоустроивъ вопросъ о догматѣ и отказавшись отъ нововведенія въ пользу древности, обнаружатъ сердечную привязанность къ опрѣснокамъ и постамъ своимъ и отступятъ назадъ предъ нашими просьбами, сдѣланными въ духѣ кротости, объ единомысліи и въ этихъ предметахъ, то будь на этотъ разъ Павломъ, который для тѣхъ, кои были подъ закономъ, самъ являлся сущимъ подъ закономъ и принималъ участіе

1) Will, Acta et scripta p. 244 sq. (§ 13).

въ жертвахъ очищенія». «Искусство кормчаго должно состоять въ томъ, чтобы не напрягать всѣ паруса, особенно когда вѣетъ сильный духъ гордости и народнаго самомнѣнія; нужно и послаблять съ умѣньемъ, ибо лучше совершать плаваніе съ безопасною
270 медленностію, чѣмъ съ смертельною быстротою, лучше сохранить корабль ослабленіемъ бѣга, чѣмъ потерпѣть кораблекрушеніе отъ упрямой неуступчивости [1]).

«Итакъ, мы не противопоставимъ суровой непреклонности не привыкшему гнуться духу этого (западнаго) народа — ни въ вопросѣ объ опрѣснокахъ, ни въ вопросѣ о постахъ [2]).

«Иной могъ бы потребовать, чтобъ я подвергъ также обсужденію и вопросъ о бракахъ, въ которомъ они, повидимому [3]), также погрѣшаютъ. Но у меня нѣтъ желанія трогать этой Камарины по разнымъ причинамъ, и между прочимъ потому, что они, съ своей стороны, ставятъ противъ насъ бракъ священниковъ въ числѣ своихъ обвиненій, и не только эту брачность, но и другія безчисленныя обвиненія. Итакъ, когда представится имъ случай оправдывать свои обвиненія противъ насъ, тогда будетъ время говорить и о бракѣ, мы ли погрѣшаемъ, или они, или же дѣло находится въ хорошемъ положеніи у тѣхъ и другихъ, относительно цѣли, предположенной каждымъ» [4]).

Сочиненіе оканчивается сильнымъ обращеніемъ къ греческой сторонѣ, которая считаетъ себя во всемъ правою. «Что сдѣлало фарисеевъ несчастными? Развѣ не любочестіе, не страсть къ первенству и желаніе быть называемымъ у людей «равви»?.. Развѣ ты не видишь Павла, который избираетъ Петра судьею своего благовѣстія? Развѣ ты не видишь Петра, обличаемаго Павломъ и переносящаго обличеніе съ кротостію? Но ты, если ты замѣчаешь, что предъ громомъ твоего голоса не трепещутъ всѣ и не падаютъ предъ твоими молніями навзничь, тогда именно ты от-

---

1) Will, Acta et scripta p. 247 sq (§ 14)

2) Will. ibid. p. 249 (§ 14). οὐ τοίνυν οὔτε περὶ τῶν ἀζύμων, οὔτε περὶ τῶν νηστειῶν ἀντισκληρυνθησόμεθα τῷ ἀκαμπεῖ τοῦ ἔθνους φρονήματι.

3) [Cp. Georgii Cyprii Proverb collectio, Migne t. 142 col. 461: Μὴ κίνει Καμάριναν. Λίμνη ἦν ἀπηγόρευεν ὁ χρησμὸς μετοχετεῦσαι· οἱ δὲ χρησάμενοι παρακούσαντες ἐβλάβησαν.]

4) Will, Acta et scripta p. 244 (§ 12): ὅτι τοίνυν ἀπολογεῖσθαι τούτοις καιρὸς πρὸς τὰ καθ' ἡμῶν ἐγκλήματα, τότε καὶ περὶ τοῦ γάμου λέγειν καιρός--

капываешь и выводишь на сцену Симоновъ и Маркіоновъ (которыхъ благодѣтельное время закопало и навсегда скрыло въ землѣ), тогда ты приводишь въ движеніе прахъ гностиковъ, вырываешь волхвованіе Сабеллія и безуміе Арія.. И все это ты навязываешь своему брату (о, слѣпота!), одному и тому же, несмотря на все ихъ взаимное противорѣчіе, навязываешь, какъ какія длинныя веревочки, которыми ты хочешь поймать убѣгающаго. И не одинъ ты дѣлаешь это, но находишь себѣ участниковъ, которыхъ привлекаешь подъ видомъ благочестія, тогда какъ они часто не знаютъ, что такое благочестіе, но только любятъ заслужить этотъ титулъ осужденіемъ своего брата» [1]).

«Нѣтъ, рабы Христовы, други и братія, отталкивая отъ себя 271
почти всѣхъ своимъ высокомѣріемъ, не будемъ отчуждать себя отъ Бога, всѣхъ привлекающаго къ себѣ любовію» [2]).

Соборъ, который долженъ былъ примирить Востокъ съ Западомъ, сдѣлать возможнымъ политическій союзъ Византійской имперіи съ христіанствомъ римскимъ, въ виду котораго, очевидно, было написано сочиненіе Θеофилакта, назначенъ былъ на 1091 годъ. Но онъ не могъ состояться въ этомъ году: затруднительное положеніе, въ которое Урбанъ II былъ поставленъ Римлянами, призвавшими анти-папу Климента, еще болѣе затруднительное, критическое положеніе Византійскаго императора заставило отложить всякую мысль о немъ. Императоръ Алексѣй нуждался не въ соборѣ, а въ быстрой, немедленной помощи. Печенѣги и Чахà грозили Константинополю; намѣренія половецкихъ хановъ, которые готовились двинуться въ предѣлы имперіи съ шестидесятитысячною ордою, были покрыты загадочною тьмою. Ясно было только то, что отъ нихъ зависѣло нанести послѣдній смертельный ударъ Византійскому государству. Нужно имѣть предъ глазами это отчаянное положеніе Византіи въ началѣ 1091 года, чтобы понять ту послѣднюю степень униженія, до которой спустилась гордость восточнаго императора. Не совсѣмъ обычнымъ дѣломъ было для греческаго автократора, который считалъ себя высшимъ представителемъ церкви, покорно выслу-

1) Will, Acta et scripta p 252 sq. (§ 15).
2) Will, ibid. p. 253· αὐτοὶ διὰ τὴν ὑπερηφανίαν πάντας σχεδὸν ἀπωθούμενοι.

шивать обличенія своего духовенства и оправдываться въ своихъ ошибкахъ. Уступчивость въ отношеніи латинской церкви, готовность на примиреніе съ папствомъ какъ послѣ, такъ и теперь, знаменовали глубокій упадокъ духа въ Влахернскомъ дворцѣ и почти прямое отреченіе отъ тѣхъ идей, которыми жила и дышала средневѣковая Византія. Но и этого было мало. Въ 1091 году съ береговъ Босфора донесся до западной Европы прямой вопль отчаянія, настоящій крикъ утопающаго, который уже не можетъ различать, дружеская или непріязненная рука протянется для его спасенія. Византійскій императоръ не усумнился теперь раскрыть предъ глазами посторонихъ всю ту бездну стыда, позора и униженія, въ которую низвергнута была имперія греческихъ христіанъ.

«Святѣйшая имперія христіанъ греческихъ сильно утѣсняется Печенѣгами и Турками: они грабятъ ее ежедневно и отнимаютъ ея области. Убійства и поруганія христіанъ, ужасы, которые при этомъ совершаются, неисчислимы и такъ страшны для
272 слуха, что способны возмутить самый воздухъ. Они (то-есть, Турки) подвергаютъ обрѣзанію дѣтей и юношей христіанскихъ, изливая кровь обрѣзанія въ купели христіанскаго крещенія. Они насилуютъ женъ и дѣвъ христіанскихъ предъ глазами ихъ матерей, которыхъ при этомъ заставляютъ пѣть гнусныя и развратныя пѣсни. Надъ отроками и юношами, надъ рабами и благородными, надъ клириками и монахами, надъ самими епископами они совершаютъ мерзкія гнусности содомскаго грѣха. Почти вся земля отъ Іерусалима до Греціи и вся Греція съ верхними (азіатскими) областями, главные острова, какъ Хіосъ и Митилина, и многіе другіе острова и страны, не исключая Ѳракіи, подверглись ихъ нашествію. Остается одинъ Константинополь, но они угрожаютъ въ самомъ скоромъ времени и его отнять у насъ, если не подоспѣетъ быстрая помощь вѣрныхъ христіанъ латинскихъ. Пропонтида уже покрыта двумя стами кораблей, которые принуждены были выстроить для своихъ угнетателей (мало-азійскіе) Греки: такимъ образомъ Константинополь подвергается опасности не только съ суши, но и съ моря. Я самъ, облеченный саномъ императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасенія: я принужденъ бѣгать предъ ли-

цомъ Турокъ и Печенѣговъ, оставаясь въ одномъ городѣ, пока ихъ приближеніе не заставитъ меня искать убѣжища въ другомъ.

«Итакъ, именемъ Бога и всѣхъ христіанскихъ провозвѣстниковъ, умоляемъ васъ, воины Христа, кто бы вы ни были, спѣшите на помощь мнѣ и греческимъ христіанамъ. Мы отдаемся въ ваши руки; мы предпочитаемъ быть подъ властью вашихъ латинянъ, чѣмъ подъ игомъ язычниковъ. Пусть Константинополь достанется лучше вамъ, чѣмъ Туркамъ и Печенѣгамъ. Для васъ должна быть такъ же дорога та святыня, которая украшаетъ городъ Константина, какъ она дорога для насъ. Орудія нашего спасенія — орудія мученій и смерти Искупителя, терновый вѣнецъ, который былъ возложенъ на его главу, трость, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ, часть креста, на которомъ онъ былъ распятъ, и проч., многочисленныя мощи святыхъ апостоловъ и мучениковъ, какъ глава Іоанна Крестителя, нетлѣнное тѣло первомученика Стефана — все это не должно достаться во власть язычниковъ, ибо это будетъ великая потеря для христіанъ и ихъ осужденіе.

«Если, сверхъ ожиданія, васъ не одушевляетъ мысль объ этихъ христіанскихъ сокровищахъ, то я напоминаю вамъ о безчисленныхъ богатствахъ и дрогоцѣнностяхъ, которыя накоплены въ столицѣ нашей. Сокровища однѣхъ церквей Константинопольскихъ, въ серебрѣ, золотѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, 273
въ шелковыхъ тканяхъ, могутъ быть достаточны для украшенія всѣхъ церквей міра. Но богатства Софійскаго храма могутъ превзойти всѣ эти сокровища вмѣстѣ взятыя и равняются развѣ только богатству храма Соломонова. Нечего говорить о той неисчислимой казнѣ, которая скрывается въ кладовыхъ прежнихъ императоровъ и знатныхъ вельможъ греческихъ.

«Итакъ, спѣшите со всѣмъ вашимъ народомъ (gente), напрягите всѣ усилія, чтобы такія сокровища не достались въ руки Турокъ и Печенѣговъ. Ибо кромѣ того безконечнаго числа, которое находится въ предѣлахъ имперіи, ожидается ежедневно прибытіе новой шестидесяти-тысячной толпы. Мы не можемъ положиться и на тѣ войска, которыя у насъ остаются, такъ какъ и они могутъ быть соблазнены надеждой общаго рас-

хищенія. Итакъ, дѣйствуйте, пока имѣете время, дабы христіанское царство и, что еще важнѣе, гробъ Господень—не были для васъ потеряны, дабы вы могли получить не осужденіе, но вѣчную награду на небеси» [1]).

Вотъ какого содержанія письма были отправлены императоромъ Алексѣемъ «во всѣ стороны». Понятно, что его дочь, которая писала Алексіаду при совершенно иномъ положеніи своего отечества, не сочла нужнымъ ознакомить насъ съ такими горькими воспоминаніями. До насъ дошелъ одинъ экземпляръ посланія, именно отправленный къ старому знакомцу и другу Алексѣя, графу Роберту Фландрскому. Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ другихъ мѣстахъ—во Франціи и Италіи—былъ услышанъ призывный крикъ о помощи съ береговъ Босфора. Когда папа Урбанъ II въ 1091 году находился въ Кампаніи, при немъ были послы Византійскаго императора [2]). Сама Анна, говоря о событіяхъ лѣта 1091 года, мимоходомъ обронила замѣчаніе, что ея отецъ ожидалъ помощи изъ Рима. У одного изъ позднѣйшихъ историковъ Фландріи, которому были доступны старые документы графскаго семейнаго архива, прямо сказано, что посланія такого же содержанія, какъ полученное графомъ Робертомъ Фризомъ, пришли и во Францію [3]). Наконецъ, едва-ли не находится въ связи съ дружелюбными отношеніями стараго и новаго Рима, съ предполагаемымъ общимъ церковнымъ и политическо-военнымъ союзомъ Востока и Запада—замѣчательное извѣстіе русской лѣтописи [4]).

274

---

1) Вопросы, касающіеся этого документа, мы разбираемъ въ приложеніи IV.

2) Bernoldi Chronic, MG. SS. V, 450: Domnus papa eo tempore in partibus Campaniae morabatur, et ab omnibus catholicis debita reverentia colebatur, videlicet a Constantinopolitano imperatore, et a Philippo Francorum rege.

3) Gisleberti Chronic. Hanoniense, MG. SS. XXI, 503: Constantinopolitanus imperator, Alexis nomine, assiduis gentilium incursionibus minuto magna in parte regno suo, tremefactus misit nuncios in Franciam cum epistolis ad animandos principes, ut desolate Iherusalem et periclitanti Grecie subveniret. Unde confidentius scripsit Roberto seniori Flandrensium comiti

4) Никоновская лѣтопись подъ 6599 г. (П. С. Р. Л. IX, 116): «Прiиде Феодоръ Грекъ митрополичь отъ папы изъ Рима и принесе много мощей святыхъ». Если мы предположимъ, что въ числѣ этихъ мощей находилась частица отъ мощей чудотворца Николая (которыя въ 1087 году были похищены южно-италіанскими моряками у Грековъ въ Ликіи и перенесены въ городъ Барн), то совершенно понятно будетъ установленіе праздника 9-го мая, не существую-

Въ 1091 году прибылъ въ Кіевъ одинъ изъ единоземцевъ и близкихъ келейныхъ людей русскаго митрополита; онъ воротился изъ Рима отъ папы и привезъ съ собою много мощей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что впечатлительный и предпріимчивый Западъ, уже давно наслушавшійся разсказовъ о Туркахъ, которые оскверняли христіанскую святыню, и объ Узо-Печенѣгахъ, которые останавливали благочестивыхъ пилигримовъ на пути ихъ странствія, былъ сильно и глубоко потрясенъ страшною картиною, развернутою предъ его глазами съ такою яркостію. Завѣса, скрывавшая за собою таинственное величіе имперіи Константина, Ѳеодосія и Юстиніана, была разорвана: за нею представился христіанскій государь, носящій уважаемый по преданіямъ титулъ Римскаго или Греческаго императора, преслѣдуемый толпами страшныхъ дикарей-язычниковъ. За нею представился городъ Константина, этотъ новой Римъ, для всякаго христіанина имѣющій почти столько же правъ на почтительное чувство, сколько и старый, — но теперь готовый со всѣми своими святынями и мощами сдѣлаться добычею невѣрнаго Турка или гнуснаго Печенѣга. Въ замкахъ Франціи и богатой уже тогда Фландріи начиналось движеніе, которое очень мало нуждалось въ какомъ-либо ничтожномъ пустынникѣ, чтобы перейти въ смѣлое предпріятіе. Гробъ Господень въ Іерусалимѣ, упомянутый въ концѣ Алексѣева посланія, былъ, конечно, для толпы, для простой вѣры и 275
не знающаго сердца гораздо понятнѣе, чѣмъ Восточная имперія и Константинополь. Одного этого имени—Іерусалимъ, раздавшагося на Клермонскомъ соборѣ изъ устъ папы, могло быть достаточно для того, чтобъ увлечь толпу. Но въ умахъ графовъ Фландрскихъ, Боэмундовъ и Робертовъ Норманнскихъ идея о крестовомъ походѣ созрѣла независимо отъ папы и первоначально не была, конечно, связана съ однимъ Іерусалимомъ и, можетъ-

---

щаго, какъ извѣстно, въ греческой церкви, но издавна принятаго въ русской. Во всякомъ случаѣ объясненіе этому надобно искать въ дружелюбныхъ сношеніяхъ между обѣими церквами въ концѣ XI столѣтія. Ассемани (Calendaria, VI, 333) предполагаетъ, что представители русской церкви могли присутствовать на Барійскомъ соборѣ 1098 года, гдѣ греческіе епископы разсуждали съ Ансельмомъ Кентерберійскимъ объ исхожденіи Св. Духа, и по возвращеніи въ отечество могли повѣдать о чудесахъ, совершавшихся въ Бари при мощахъ св. Николая, что и должно было дать поводъ къ установленію праздника.

быть, вовсе не была соединена съ этимъ именемъ. Призывъ папы Урбана потому нашелъ такой скорый и сильный отзывъ въ рыцарствѣ Фландріи, Нормандіи и Франціи, что ему предшествовалъ призывъ императора Алексѣя. Не въ одинъ годъ, не въ нѣсколько мѣсяцевъ созрѣваютъ такія предпріятія и такія движенія, какъ первый крестовый походъ. Не одни мистическіе порывы и аскетическія потребности произвели его; не путешествіе на воздушныхъ шарахъ въ невѣдомую страну предпринимали Франки въ концѣ XI столѣтія. Они сбирались спасать своего союзника, который звалъ ихъ къ себѣ на помощь; они шли съ большою надеждою на мірскія выгоды, съ мыслію о богатствахъ Византіи. Въ глазахъ рыцарства графъ Робертъ Фризъ былъ, конечно, болѣе краснорѣчивымъ и болѣе убѣдительнымъ проповѣдникомъ, чѣмъ какая-либо темная личность въ родѣ Петра Аміенскаго. Обладая образованіемъ, рѣдкимъ для своего времени [1]), умомъ и характеромъ въ высшей степени независимымъ, графъ Робертъ возбуждалъ противъ себя сильныя жалобы духовенства, которыя не смолкли и послѣ его покаяннаго путешествія въ Палестину [2]), но зато онъ былъ идоломъ всего рыцарства. Когда, по возвращеніи изъ Константинополя, онъ провожалъ (въ 1090 г.) свою дочь Адель чрезъ Францію въ Италію, гдѣ она должна была выйти замужъ за графа Рожера Апулійскаго, то его путешествіе по Франціи было похоже на тріумфальное шествіе; его принимали съ живѣйшимъ энтузіазмомъ всѣ люди, принадлежащіе къ племени Франковъ [3]). Вообще это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и сильныхъ госу-
276 дарей всего христіанскаго міра, какимъ онъ въ мѣстныхъ источникахъ и величается [4]). Его родственныя связи были обширны и

1) Папа въ увѣщательной буллѣ Фризу писалъ: quod maximum est inter seculi principes rarum, dote litterarum scientiae atque religionis te (Deus) donavit. Recueil des chroniques de Flandre, I, p. 3.

2) Recueil des chroniques de Flandre, I, p. 4. Посланіе фландрскаго духовенства къ архіепископу съ жалобами на графа. Жалобы интересны: графъ Робертъ требовалъ, чтобы всѣ священники были непремѣнно достойные, какъ будто замѣчаютъ клирики, грѣшникъ уже не человѣкъ. Но если грѣшникъ не человѣкъ, то не нужно бы и искупленія.

3) Kervyn de Lettenhove, Histoire de Flandre, I, 306.

4) Brevior genealogia, Recueil des chr. de Fl., I, p. 14: Robertus cognomento Friso strenuissimus principum totius christianitatis tempore suo.

важны. Кромѣ дочери Адели [1]), которая ранѣе своего италіанскаго брака была за Канутомъ Датскимъ, онъ имѣлъ сестру — Матильду; мужемъ послѣдней былъ не кто другой, какъ самъ Вильгельмъ Завоеватель. Что касается Востока, то тамъ слава Фландрскаго графа утвердилась еще гораздо ранѣе его путешествія во Святую Землю. Двадцать лѣтъ тому назадъ (въ 1071 г.), когда юный Робертъ Фризъ былъ не болѣе, какъ смѣлымъ искателемъ приключеній, Норманны, забравшіеся въ Восточную имперію въ видѣ наемниковъ, призывали его къ себѣ въ Константинополь и обѣщали возвести его на тронъ Константина Великаго, недостойно занимаемый Михаиломъ Дукой [2]). Если бы графу Роберту суждено было дожить до 1096 года, то безъ сомнѣнія никто другой не стоялъ бы во главѣ рыцарскихъ крестоносцевъ, и не было бы послѣ никакого спора о томъ, кто долженъ носить корону Іерусалимскаго королевства: мечта юности, тянувшая Фландрскаго героя на востокъ, исполнилась бы другимъ путемъ. Въ рядахъ крестовой рати находилось не мало близкихъ родственниковъ знаменитаго Роберта Фриза; но ни сынъ его, наслѣдовавшій вмѣстѣ съ графствомъ имя отца, ни оба племянника (Балдуинъ Фландрскій и Робертъ Норманнскій), ни другіе не могли замѣнить умершаго. Имѣя въ виду первоначальный планъ похода, по которому онъ прежде всего долженъ былъ направиться противъ Печенѣговъ, на спасеніе Константинополя, западное рыцарство по извѣстіямъ, заслуживающимъ вниманія, питало мысль поставить во главѣ предпріятія короля венгерскаго св. Владислава, владѣнія котораго точно такъ же не мало терпѣли отъ печенѣжскихъ набѣговъ [3]); но и этотъ планъ рушился съ преждевременною кончиною Владислава.

---

1) [См. De genere comitum Flandrensium notae Parisienses. MG. SS. XIII, 258.]

2) Lamberti Annales (современные, оканчиваются 1077 годомъ), MG. SS. V, 181: Assumpto plebeio habitu, inter eos, qui Hierosolimam causa orationis pergebant, Constantinopolim ire parabat, vocatus eo crebris legationibus Northmannorum, qui sub imperatore Constantinopolitano militabant, quique ei, si illuc veniret, tocius Greciae principatum pollicebantur - -

3) Legenda S. Ladislai regis, Endlicher, Monum. Arpadiana p. 240: cum autem fama sancti Ladislai regis nomen longe lateque diffudisset, duces Francorum, Lothoringorum et Allemannorum, idem peregrinacionis iter conuoluentes, pium regem Ladislaum sibi suisque ducem et preceptorem fore concorditer pecierunt. Ср. Thwrocz [=Chron. pictum Vindob. p. 199].

277 Смерть графа Роберта Фриза, послѣдовавшая въ 1093 году (13-го октября), имѣла, безъ сомнѣнія, важное значеніе для дальнѣйшаго—болѣе скораго или болѣе медленнаго — развитія тѣхъ плановъ, которые разрѣшились великимъ движеніемъ Запада на Востокъ. Но самое глубокое измѣненіе въ этихъ планахъ произведено было рѣзкимъ и неожиданнымъ вмѣшательствомъ въ судьбу христіанской цивилизаціи со стороны двухъ варваровъ, которые не знали ни папы Урбана, ни графа Фландрскаго, и которыхъ въ ихъ очередь не хотѣли знать не только старинные благочестивые повѣствователи о папѣ Урбанѣ на Клермонскомъ соборѣ и о Петрѣ Аміенскомъ, но и новѣйшіе историческіе изслѣдователи, привыкшіе, подобно своимъ средневѣковымъ предшественникамъ, смотрѣть на ходъ исторіи только подъ своимъ угломъ зрѣнія. Въ 1091 году предполагалось, что западное рыцарство явится во имя Христа и христіанства на берегахъ Босфора для защиты Византійской имперіи и Константинополя, что императоръ Алексѣй Комнинъ отдастъ въ руки Франковъ судьбу своей имперіи и столицы, то-есть, отдастъ въ ихъ руки судьбу всего христіанскаго міра, довольный тѣмъ, что спасется отъ печенѣжскаго плѣна, и покорно отступитъ на задній планъ исторіи.

Два половецкихъ хана—въ соучастіи, быть можетъ, съ однимъ изъ князей русскихъ—рѣшили вопросъ иначе.

VII.

Зима 1091 года, столь тяжелая для византійской столицы, наконецъ миновала. Прошла грозная война стихій, смягчился гнѣвъ бурнаго моря, говоритъ Анна Комнина[1]). Но страхъ двойнаго турецкаго нашествія все еще стоялъ предъ воротами Константинополя, хотя Печенѣги на нѣкоторое время и отхлынули отъ стѣнъ столицы. Наступившая весна и утихшее море благопріятствовали грознымъ планамъ турецкаго завоевателя (въ Малой Азіи). Чахà готовилъ свой флотъ, чтобы сдѣлать высадку на полуостровѣ Галлиполи, чтобы соединиться съ Печенѣгами и потомъ двинуться съ моря и суши на Константинополь. Печенѣжская орда, оставивъ предмѣстья столицы, обратилась на западъ,

1) Anna p. 226 D.

къ долинѣ рѣки Гебра (Марицы). Было ясно, что она шла на соединеніе съ турецкими силами, прибытіе которыхъ ожидалось; что степные дикари исполняли планъ, не ими составленный. Императоръ Алексѣй, еще зимою получившій свѣдѣніе о замы- 278
слахъ Чахи, былъ способнѣе, чѣмъ кто-либо, понять всю опасность положенія. Мѣры, имъ принятыя для ея отвращенія, были быстры и вполнѣ разумны. Кесарь Никифоръ Мелиссинъ по приказанію императора произвелъ новый военный наборъ; всѣ прежнія наличныя силы были размѣщены въ разныхъ болѣе важныхъ пунктахъ Македоніи и Θракіи и не могли быть оттуда вызваны безъ крайней опасности какъ для нихъ самихъ, такъ и для городовъ, ими охраняемыхъ. Болгары, населявшіе западную часть имперіи — долины рѣкъ Вардара и Струмы, скотоводы и пастухи, Влахи, кочевавшіе въ Θессаліи, жители другихъ провинцій, свободныхъ отъ печенѣжскаго нашествія, были подняты для спасенія Византіи [1]). Сборнымъ пунктомъ для новой арміи былъ назначенъ городъ Эносъ, близъ устьевъ рѣки Гебра. Это былъ пунктъ, изъ котораго можно было наблюдать за дѣйствіями враговъ на сушѣ и на морѣ, изъ котораго можно было воспрепятствовать движенію Печенѣжской орды на соединеніе съ морскими силами Сельджуковъ. Самъ императоръ Алексѣй поспѣшилъ занять эту важную позицію. Съ послѣдними силами, которыя оставались въ его распоряженіи, вызвавъ изъ Никомидіи 500 Фландрскихъ рыцарей, онъ сѣлъ на корабли и поплылъ на западъ. Небольшой флотъ, можно сказать, заключалъ въ себѣ всю Византійскую имперію и ея судьбы. Высадившись въ Эносѣ, Алексѣй вслѣдъ затѣмъ внимательно осмотрѣлъ теченіе рѣки Гебра и положеніе обоихъ береговъ, чтобъ отыскать удобное мѣсто для военнаго лагеря. Равнина, разстилавшаяся на правой сторонѣ рѣки, прикрытая съ одной стороны ея теченіемъ, съ другой — топкимъ, болотистымъ пространствомъ, представляла большія выгоды для слабой числомъ греческой арміи. Здѣсь, близъ мѣстечка Хирины (Χοιρηνούς [2]), она и была помѣщена въ

1) Anna p 227 B. νεολέκτους καταλέγων, ὁπόσοι τε ἐκ Βουλγάρων καὶ ὁπόσοι τὸν νομάδα βίον εἵλοντο (Βλάχους τούτους ἡ κοινὴ καλεῖν οἶδε διάλεκτος).

2) [Procop. De Aedif. p. 306,17 Bonn.: Χεροῖνον; p. 545 въ указателѣ: Cheroenum vel Cerdinum castrum Thraciae.]

ожиданіи тѣхъ подкрѣпленій, которыя долженъ былъ привести Никифоръ Мелиссинъ. Прикрытый съ боковъ рѣкой и болотомъ, лагерь былъ огражденъ съ другихъ сторонъ глубокимъ рвомъ.

Императоръ воротился въ Эносъ и скоро получилъ извѣстіе о приближеніи къ укрѣпленному лагерю несмѣтной толпы Печенѣговъ. Онъ немедленно явился на мѣсто опасности. Убѣдившись въ страшномъ неравенствѣ силъ, Алексѣй смутился; боязнь проникла въ его душу, привыкшую давно къ самымъ труднымъ по-
279 ложеніямъ. Судя по человѣчески, говоритъ Анна, не было надежды на спасеніе[1]). Въ то время, какъ самыя тяжелыя и тревожныя мысли волновали умъ императора, на четвертый день послѣ прибытія въ лагерь показались новыя массы степныхъ наѣздниковъ. Это были Половцы: они пришли ордою въ 40 тысячъ человѣкъ. Никто не могъ сказать, что̀ несла съ собою эта грозная орда: спасеніе или конечную гибель. Было неизвѣстно, явились ли Половцы какъ союзники на зовъ императора, вслѣдствіе его грамотъ, посланныхъ еще зимою въ приднѣпровскія степи, или же они предпочтутъ вмѣстѣ съ своими единоплеменниками, Печенѣгами, нанести послѣдній и рѣшительный ударъ Византійской имперіи, разнести и расхитить ея провинціи и, быть можетъ, ея столицу. Во главѣ половецкихъ полчищъ стояло нѣсколько предводителей, но главными были двое: Тугорканъ и Бонякъ, два хищника, такъ хорошо извѣстные въ русской
280 исторіи[2]). Въ ихъ рукахъ находилась судьба христіанскаго міра.

---

1) Anna p. 228. μὴ ἔχων τὸν ἐπαρήγοντα κατὰ ἄνθρωπον.

2) Anna p. 228 B: προαγοὶ δὲ πάντων ὁ Τογορτάχ, ὁ Μανιὰχ καὶ ἕτεροι ἄνδρες μαχιμώτατοι. Что Тогортакъ или Тогорта (ср. варіанты Τογορτὰν, Τογορτοῦ, Τογορτᾶ p. 277B) у византійской писательницы и Тугоркань, Турткань и Тугторакань русскихъ лѣтописей—одно и то же лицо, это не требуетъ доказательствъ. Но тождество Маніака и Боняка точно такъ-же несомнѣнно: какъ *М*агометъ назывался у Русскихъ *Б*охмитомъ, *м*усульмане—*б*усурманами, точно такъ-же *М*аніакъ (Маньякъ, Манякъ) долженъ былъ превратиться въ *Б*оняка. Откуда происходитъ это различіе въ выговорѣ турецкихъ словъ, мы не знаемъ; быть можетъ, причина находится въ самомъ турецкомъ языкѣ или въ діалектическихъ отличіяхъ его нарѣчій, хотя и внутри славянскихъ нарѣчій существуетъ подобный переходъ звуковъ *м* и *б*: *b*enetki, *b*enàtki, *m*letak, *m*lecі (Венеція). Помимо филологическаго тождества словъ Манякъ и Бонякъ, вотъ еще одно несомнѣнное и очень интересное доказательство, что Бонякъ русскихъ лѣтописей есть Маніакъ Анны Комниной. Мы обязаны этимъ доказательствомъ образцовому изслѣдованію К. Н. Бестужева-Рюмина («О составѣ русскихъ лѣтописей») и потому приводимъ его такъ, какъ оно находится въ этомъ изслѣдованіи. Въ прило-

Императоръ Алексѣй самъ былъ проникнутъ такимъ убѣжденіемъ, и его дочь, помнившая бесѣды отца въ семейномъ кругу, сохранила это убѣжденіе на страницахъ своей исторіи[1]). Чтобы выйти изъ тяжелой неизвѣстности, чтобы склонить половецкихъ хановъ на сторону имперіи, Алексѣй поспѣшилъ пригласить ихъ къ себѣ для дружеской бесѣды. Онъ пережилъ еще нѣсколько тяжелыхъ минутъ, прежде чѣмъ они явились. Долѣе другихъ заставилъ ожидать себя самый страшный и самый сильный — шелудивый Бонякъ: на первое приглашеніе онъ отвѣчалъ отказомъ. Богатая и роскошная трапеза была предложена гнуснымъ сыроядцамъ. За столомъ Византійскій императоръ старался быть какъ можно болѣе любезнымъ. Послѣ обѣда, за которымъ варвары отлично и сытно угостились, Алексѣй расцѣловался съ ними и поднесъ каждому богатые подарки всякаго рода[2]). Самъ суровый и мрачный Бонякъ не устоялъ противъ такого пріема и такой ласки. Умягченные варвары готовы были сдѣлать все угодное Византійскому императору. Алексѣй потребовалъ отъ хановъ, чтобъ они дали клятву быть его друзьями и помогать ему противъ Печенѣговъ, и просилъ заложниковъ. Половецкіе ханы дали клятву, обѣщали прислать заложниковъ. Съ кичливымъ панибратствомъ они успокоивали императора насчетъ Печенѣговъ, обѣщали покончить съ ними въ три дня, пусть только императоръ предоставитъ имъ на эти три дня полную свободу расправляться съ Печенѣгами, какъ они знаютъ. Съ самонадѣянною щедростію они дѣлили добычу и цѣлую половину обѣщали дать

женіи, посвященномъ сличенію текста русскихъ извѣстій Длугоша съ текстомъ самихъ источниковъ Длугоша, то-есть русскихъ лѣтописей, на стр. 152 книги выписаны извѣстія Длугоша, параллельныя П. С. Р. Л. I, 107—109. Между прочимъ «Interim Dux Maniak (Бонякъ) cum Polowcys venit contra Kiow et multis spoliis et damnis commissis, curiam Ducalem in Berestow comburit, Tuhorka insuper alter Polowconum Dux» и т. д. Итакъ, Длугошъ, сокращавшій русскую лѣтопись, назвалъ въ одномъ случаѣ Боняка Maniak'омъ. Трудно думать, что это случайность; несмотря на неисправное состояніе текста Длугоша въ существующихъ (устарѣлыхъ) изданіяхъ, нельзя предполагать, чтобъ это была опечатка Мы думаемъ, что Длугошъ въ томъ спискѣ русской лѣтописи, которою онъ пользовался, могъ читать вмѣсто теперешняго «Бонякъ» его византійское названіе...

1) Anna p. 228 B: οὐδὲν ἄλλο ἐντεῦθεν τὸ ἐλπιζόμενον ἢ πανωλεθρία — и далѣе passim.

2) Anna p. 228 C: καλῶς -- εὐωχηθέντας -- φιλοφρονησάμενος αὐτοὺς καὶ παντοίων δωρεῶν ἀξιώσας.

императору. Обрадованный Алексѣй съ удовольствіемъ давалъ не три, а цѣлыхъ десять дней для единоборства съ Печенѣгами, отказывался отъ добычи и всю уступалъ Половцамъ. Союзники разстались довольные другъ другомъ.....

Тяжелая неизвѣстность положенія еще не скоро миновала. Прошло три дня, и опасенія относительно вѣрности половецкихъ обѣщаній снова стали осаждать умъ Алексѣя. Въ страшной тревогѣ онъ нѣсколько разъ мѣнялъ расположеніе своего лагеря, переходя съ одной стороны Гебра на другую. Какъ настроена была небольшая византійская армія, достаточно показалъ одинъ случай. Никифоръ Мелиссинъ, исполнивъ порученіе импера-
281 тора, выслалъ на помощь къ нему значительное количество новобранцевъ; крестьяне, превращенные въ воиновъ, шли пѣшкомъ, а пожитки и запасы ихъ слѣдовали за ними на телѣгахъ, запряженныхъ волами. Греки увидѣли вдали этотъ рядъ повозокъ, и смятеніе распространилось въ лагерѣ. Всѣмъ казалось, что это приближается печенѣжскій таборъ, что еще новая орда кочевниковъ идетъ съ востока. Самъ императоръ смутился. Скоро однако оказалось, что весь страхъ былъ напрасенъ, что вмѣсто Печенѣговъ идетъ подкрѣпленіе, котораго давно слѣдовало ожидать. Послѣ этого Византійцы стали нѣсколько смѣлѣе. При новомъ перемѣщеніи лагеря они встрѣтились съ отрядомъ настоящихъ Печенѣговъ и вступили съ нимъ въ схватку: императоръ Алексѣй, самъ управлявшій движеніемъ, одержалъ побѣду [1]).

Новымъ поводомъ къ безпокойству послужили извѣстія о сношеніяхъ между Половцами и Печенѣгами. Печенѣги пытались переманить Половцевъ на свою сторону и присылалиословъ къ самому императору съ мирными предложеніями. Алексѣй угадывалъ злыя намѣренія хитрыхъ варваровъ и давалъ уклончивые и неопредѣленные отвѣты. Ему хотѣлось какъ можно долѣе протянуть время; несмотря на соглашеніе съ Бонякомъ и Тугоркапомъ, онъ боялся рѣшительной минуты. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ извѣстій съ запада и разсчитывалъ на скорое прибытіе вспомогательнаго войска изъ Италіи [2]).

---

1) Anna p. 229 sq.

2) Anna p. 230 D: ἀπαιωρεῖν ἐθέλων τοὺς αὐτῶν λογισμούς, εἴ που καὶ τὸ ἐκ τῆς Ῥώμης προσδοκώμενον μισθοφορικὸν καταλάβοι.

Половцамъ первымъ наскучила праздная бездѣятельность. Обѣщанія Печенѣговъ не прельстили ихъ, но и медленность императора имъ не нравилась. Половецкіе ханы послали сказать Алексѣю: «До коихъ поръ мы должны будемъ откладывать битву? Знай, что мы не будемъ ждать болѣе; завтра съ восходомъ солнца мы будемъ ѣсть либо волчье мясо, либо баранье» [1]).

Дикая, кровожадная рѣчь означала, что Половцы на слѣдующій день будутъ биться, если не съ Печенѣгами, то съ Византійцами. Императоръ Алексѣй хорошо понималъ, какъ серіозна была эта рѣчь въ устахъ варваровъ, способныхъ внезапно принять самое неожиданное рѣшеніе. Онъ обѣщалъ имъ битву на слѣдующій день. Но тревожныя опасенія не переставали его мучить. Половцы были такъ-же страшны, какъ и Печенѣги; какая- 282
нибудь внезапная вспышка могла превратить союзниковъ въ безпощадныхъ враговъ; на самомъ полѣ битвы обѣ единоплеменныя орды могли примириться и сообща обратить свои стрѣлы на византійскую армію. Неожиданное, счастливое событіе было нѣсколько ободрило смущенный духъ императора. Наканунѣ рокового дня, предъ закатомъ солнечнымъ, пятитысячный отрядъ отдѣлился отъ половецкаго стана и присоединился къ греческому лагерю. Это были смѣлые и мужественные обитатели горныхъ странъ, то-есть, Русскіе, пришедшіе вмѣстѣ съ Половцами изъ Карпатской Руси [2]).

---

1) Anna ibid.

2) Anna p. 231 B: ταῦτα γοῦν διασκοπουμένου τοῦ βασιλέως κατέλαβον πρὸς αὐτὸν τῶν ὀρεινοτέρων μερῶν ἄνδρες τολμητίαι καὶ Ἀρειμάνιοι αὐτόμολοι πρὸς συνασπισμὸν αὐτοῦ, εἰς χιλιάδας ποσούμενοι πέντε. Что это были Русскіе, мы думаемъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) слово αὐτόμολοι (перебѣжчики) показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о собственныхъ подданныхъ Алексѣя, жителяхъ той или другой горной страны, входившей въ составъ имперіи, которые неожиданно пришли на помощь. Слово αὐτόμολοι, пожалуй, могло бы означать людей, пришедшихъ добровольно, но не въ такомъ смыслѣ употребляетъ это слово Анна; одной страницею назадъ она пишетъ (p 230 C). πρόσεισι - - αὐτόμολος ὁ Νεάντζης καὶ σὺν αὐτῷ ὀλίγοι Σκύθαι,—рѣчь идетъ несомнѣнно о перебѣжчикѣ, о человѣкѣ, перешедшемъ изъ одного лагеря въ другой. Слѣдовательно, и здѣсь разумѣются люди, оставившіе печенѣжскій или половецкій лагерь и перешедшіе въ греческій. [Ср. употребленіе слова αὐτόμολος p. 57 B. 478 D. 470 B; но p. 82 A?] 2) Сказано, что пять тысячъ не только пришли къ Алексѣю (πρὸς αὐτόν), но что они перешли въ «его строй»: πρὸς συνασπισμὸν αὐτοῦ. Ср. о значеніи слова у Анны p. 207 C: κελεύσαντος μηδένα τὸν συνασπισμὸν λύειν. Смыслъ этихъ словъ подкрѣпляетъ значеніе слова αὐτόμολοι. Очевидно, что рѣчь идетъ только о перемѣнѣ рядовъ, строя, что люди, пришедшіе къ Але-

283 Ихъ князь, знаменитый своею предпріимчивостью Василько Ростиславовичъ, еще въ томъ-же 1091 году участвовалъ въ походѣ Половцевъ на Венгрію, въ 1092 году съ ними же ходилъ на Ляховъ. Нужно думать, что и теперь онъ не усидѣлъ дома и былъ въ числѣ тѣхъ второстепенныхъ вождей, которые обѣдали у Алексѣя, но не названы по имени его дочерью.

ксѣю, и прежде готовы были къ бою, но только находились въ другихъ рядахъ, то-есть, въ рядахъ половецкихъ. 3) Даже названіе людей, пришедшихъ къ Алексѣю, «смѣлыми и марсоподобными» (τολμητίαι καὶ Ἀρειμάνιοι) служитъ въ пользу такого объясненія Сколько мы помнимъ, Анна употребляетъ эти выраженія преимущественно объ иностранцахъ; такъ р. 50 D, Гумбертопулъ у нея называется Ἀρειμάνιος; такъ р. 63 C, съ Марсомъ сравнивается нѣмецъ Гильбрехтъ, измѣнившій Никифору въ пользу Алексѣя; такъ р. 184 D, латиняне названы смѣльчаками (τολμητίαι), такъ р. 236 B, одинъ Армянинъ и Норманнъ Гумбертопулъ названы марсоподобными (Ἀρειμάνιοι), такъ, р. 213 B, Монастра и Уза, единоплеменные съ Половцами; [р. 58 самъ императоръ Алексѣй Комнинъ называется Ἀρηίφιλος.]. Когда Анна хочетъ похвалить мужество Византійца, она выражается. «онъ сражался не какъ Грекъ (Ῥωμαῖος), а какъ Норманнъ» (р. 277).... Итакъ, пятитысячный отрядъ, ободрившій Алексѣя, не какая-либо вольная дружина, состоявшая изъ подданныхъ имперіи. 4) По ходу разсказа видно, что «перебѣжчики» могли быть изъ Печенѣжскаго стана или изъ Половецкаго, ибо впереди стоятъ слова· «Алексѣй боялся безчисленнаго множества Печенѣговъ и Кумановъ и союза ихъ». Но уже въ выраженіи, указывающемъ только на перемѣну военнаго строя или рядовъ, лежитъ намекъ на то, что переходъ совершился изъ стана, болѣе дружественнаго Алексѣю, то-есть Половецкаго 5) Далѣе сказано, что люди, перешедшіе къ Алексѣю, были «изъ странъ болѣе горныхъ», то-есть, вѣроятно, по отношенію къ землѣ Половецкой и (прежней) Печенѣжской. Припомнимъ географію Константина Багрянороднаго (De adm. imp. c. 13 p. 81, 9 Bonn.): въ болѣе сѣверной части, въ сосѣдствѣ съ Венграми, живутъ Печенѣги, а въ горахъ, подлѣ нихъ, лежатъ Хорваты (πρὸς δὲ τὸ βορειότερον οἱ Πατζινακῖται -- οἱ δὲ Χρωβάτοι πρὸς τὰ ὄρη τοῖς Τούρκοις παράκεινται). Это насъ приводитъ въ Русь прикарпатскую, гдѣ въ это время жилъ и дѣйствовалъ предпріимчивый князь Василько Ростиславовичъ, питавшій широкіе планы, между прочимъ сбиравшійся «переять» Болгаръ Дунайскихъ и поселить ихъ у себя. Около 1091 года воинственный князь былъ въ дружбѣ съ Половцами и водилъ ихъ на сосѣднія страны. Подъ 1092 годомъ въ нашей лѣтописи сказано: «Въ се же лѣто воеваша Половьци Ляхы съ Василькомъ Ростиславичемъ». Къ самому 1091 году относится разсказъ венгерскихъ источниковъ о нападеніи Половцевъ на Венгрію, которое было предпринято не безъ участія «Русскихъ». Thwrocz II, 58, p. 132 [=Chronic. pictum Vindob. p. 198]: Post hec (послѣ того, какъ были разбиты Половцы) autem rex gloriosus inuasit Rusciam, eo quod Kuni per consilium eorum Hungariam intrauerunt. Ср. Budinger, Ein Buch Ungarisch. Gesch. SS 79 и 80. Нужно думать, что Половцы, напавшіе на Венгрію въ 1091 году, сдѣлали это нашествіе на возвратномъ пути изъ предѣловъ Византіи. Король Венгерскій, разбивъ одну орду, долженъ былъ бороться съ другою, которая появилась на Дунаѣ; это вполнѣ соотвѣтствуетъ разсказу Анны Комниной о возвращеніи Половцевъ двумя толпами и въ два пріема...

Половина ночи прошла въ молитвѣ; при свѣтѣ зажженныхъ факеловъ все войско пѣло священные гимны; кто могъ, тотъ украсилъ свое военное копье восковою свѣчей или лампадой. Послѣ полуночи послѣдовалъ кратковременный отдыхъ. Съ восходомъ солнца началась кровавая битва. Греки и Половцы бросились на печенѣжскій станъ, огражденный громадными степными телѣгами; императоръ Алексѣй былъ впереди всѣхъ. Печенѣги не выдержали напора и потеряли духъ. Видя неминуемую бѣду, нѣсколько Печенѣговъ выѣхали навстрѣчу и отдались Половцамъ, прося ихъ посредничества для примиренія съ императоромъ. Этотъ случай опять возбудилъ подозрѣнія Алексѣя: онъ боялся, что и другіе послѣдуютъ тому же примѣру, что это охладитъ военный пылъ и усердную ревность его союзниковъ, пришедшихъ съ Бонякомъ и Тугорканомъ.

Онъ приказалъ знаменосцу стать съ императорскимъ знаме- 284
немъ посреди половецкаго ополченія и идти впередъ, чтобъ увлечь за собою воинственныхъ кочевниковъ. Стратагема увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Сопротивленіе Печенѣговъ было окончательно сломлено; началась безпощадная, невиданная рѣзня позади телѣгъ, ограждавшихъ станъ печенѣжскій. Полуденное, жаркое весеннее солнце освѣщало ужасную сцену остервенѣнія; утомленные зноемъ и жаждою побѣдители готовы были прекратить свою кровавую работу, усталыя руки отказывались служить болѣе. Но императоръ Алексѣй еще разъ находчиво распорядился. Онъ послалъ гонцовъ въ ближайшія деревни; по ихъ требованію, крестьяне явились къ арміи и привезли на своихъ лошакахъ бочки, кувшины и мѣха, наполненные водою. Немного освѣжившись, воины и союзники Алексѣя снова начали сраженіе, то-есть, безпощадное истребленіе побѣжденнаго врага. «Здѣсь можно было видѣть новое зрѣлище», говоритъ Анна Комнина, «какъ цѣлый народъ, считавшійся не десятками тысячъ, превышавшій всякое число, съ женами и дѣтьми погибъ въ одинъ день»[1]). Только на закатѣ солнечномъ прекратилась рѣзня беззащитныхъ и безоружныхъ Печенѣговъ, ихъ женъ и дѣтей, скрывавшихся въ повозкахъ и кибиткахъ и всегда сопровождавшихъ воинственную

1) Anna p. 233 C.

орду въ ея передвиженіяхъ. Все, что̀ уцѣлѣло отъ меча, попало въ плѣнъ къ побѣдителямъ. Несмотря на кровопролитіе, продолжавшееся цѣлый день, число плѣнныхъ было громадно. Припомнимъ, что, по словамъ византійскаго историка, Печенѣжская орда за сорокъ лѣтъ тому назадъ вступила въ предѣлы имперіи въ числѣ 800 тысячъ [а теперь состояла изъ 600 тысячъ].

Такъ кончился день 29-го апрѣля 1091 года (вторникъ), о которомъ въ Константинополѣ сложили пѣсню съ такимъ припѣвомъ: «Изъ-за одного дня Скиѳы не увидѣли мая»[1]). За страшнымъ днемъ послѣдовала не менѣе ужасная ночь. Огромное число плѣнниковъ, при утомленіи войска, при близости Половцевъ, въ которыхъ могло пробудиться состраданіе къ своимъ единоязычнымъ одноплеменникамъ, казалось весьма опаснымъ воеводамъ и приближеннымъ совѣтникамъ Алексѣя. Одинъ изъ нихъ явился къ императору, когда тотъ садился за ужинъ, и съ дьявольскимъ хладнокровіемъ просилъ позволенія низвести число плѣнниковъ до безопаснаго количества, то-есть, перерѣзать бо̀льшую часть
285 ихъ. Алексѣй взглянулъ сурово на безчеловѣчнаго Синесія — это очень почтенное имя носилъ Византіецъ — и сказалъ: «Хоть то и Скиѳы, но все-таки люди, хоть и враги, но все-таки достойны жалости». Отославъ съ гнѣвомъ кровожаднаго искусителя, императоръ строго приказалъ у всѣхъ Печенѣговъ отобрать оружіе, сложить его въ одно мѣсто и приставить стражу къ связаннымъ плѣнникамъ; потомъ спокойно отдался ночному сну, пріятному послѣ утомительнаго и труднаго дня. Тѣмъ не менѣе, ночью бо̀льшая часть плѣнныхъ Печенѣговъ была перебита солдатами. Сообщая ужасный фактъ, дочь императора Алексѣя дѣлаетъ замѣчаніе, которое заставитъ всякаго содрогнуться еще больше, чѣмъ самое происшествіе, если только понимать замѣчаніе въ буквальномъ смыслѣ. Цесаревна Анна не можетъ рѣшить, совершилось ли избіеніе плѣнныхъ «по божественному внушенію или какимъ-другимъ образомъ», во всякомъ случаѣ оно совершилось вдругъ какъ-бы по данному знаку[2]). Самъ императоръ Алексѣй

1) Anna ibid.. διὰ μίαν ἡμέραν οἱ Σκύθαι τὸν Μάϊον οὐκ εἶδον.

2) Anna p. 234 D: εἴτε ἐκ θείας ὁμφῆς εἴτε καὶ ὅπως οὐκ οἶδα, ὁμῶς δ' οὖν ὡς ἐξ ἑνὸς συνθήματος. Для чести Анны можно предполагать, что она безсознательно употребляетъ отмѣченное выраженіе въ древне-классическомъ смыслѣ, то-есть,

узналъ о кровавыхъ событіяхъ ночи только утромъ на другой день и подозрѣвалъ виновника въ своемъ вчерашнемъ совѣтникѣ. Онъ хотѣлъ строго наказать Синезія, но просьбы всѣхъ родныхъ знатнаго вельможи склонили Алексѣя къ милости.

Половцы, о волчьихъ обычаяхъ которыхъ говорятъ византійскіе писатели, даже Бонякъ, въ самомъ дѣлѣ такъ искусно подражавшій вою этихъ кровожадныхъ звѣрей, что они охотно ему отзывались [1]), все-таки были приведены въ ужасъ поступкомъ образованныхъ Византійцевъ. «Они боялись», говоритъ Анна, «чтобы на слѣдующую ночь императоръ не сдѣлалъ съ ними того же, что̀ случилось съ Печенѣгами» [2]), и при ея наступленіи оставили свой лагерь, зараженный запахомъ труповъ и крови. Они съ такою неожиданною поспѣшностью бѣжали, что забыли о наградѣ, имъ слѣдующей, или, можетъ быть, не хотѣли прикоснуться къ ней въ первую минуту ужаса. Нужно было посылать за ними погоню, чтобы вручить имъ то, что̀ имъ слѣдовало по уговору сверхъ добычи. Вѣроятно, для многихъ были не понятны побужденія императора, предписывавшія такую пре- 286
увеличенную честность; онъ нашелъ не лишнимъ публично сказать длинную «проповѣдь» о лжи и ея грѣховности [3]). Впрочемъ, не всѣ союзники, участвовавшіе въ битьѣ 29 апрѣля, бѣжали за Балканы. Тѣ, которые остались, сначала получили щедрое угощеніе; вниманіе императора къ нимъ простиралось такъ далеко, что онъ выдалъ имъ награду только тогда, когда они проспались отъ опьяненія и стали хоть немного сознавать, что̀ совершается вокругъ ихъ [4]). Важный греческій чиновникъ проводилъ этихъ «Кумановъ» до Балканскихъ проходовъ, такъ какъ они считали это нужнымъ для своей безопасности. Но за Балканами воин-

---

въ значеніи слуха, неизвѣстно откуда явившагося, затѣмъ въ значеніи стремленія, овладѣвшаго умами помимо всякой воли. Но ср. p. 284, гдѣ ὁμφὴ θεία употребляется для обозначенія божественнаго внушенія въ христіанскомъ смыслѣ. [Ср. p. 326 C].

1) П. С. Р. Л. I, 115: и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха отъ вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти инози.

2) Anna p. 235.

3) Anna p. 235 C: ὁμιλίαν ἱκανὴν πρὸς ἅπαντας περὶ ψεύδους.

4) Anna p. 235C: καταπέψαι τὸν οἶνον καὶ οὕτω - - ἐν ἐπιγνώσει γενέσθαι τοῦ πραττομένου.—Трудно удержаться отъ догадки, что въ числѣ этихъ послѣднихъ были и люди того племени, которому веселіе пити.

ственной ордѣ была предоставлена полная свобода, и она не замедлила ею воспользоваться для того, чтобы, вслѣдъ за ушедшими ранѣе товарищами, устремиться на Венгрію. Едва король Владиславъ успѣлъ справиться съ Куманами, опустошившими Трансильванскую область и нѣкоторые восточные венгерскіе комитаты[1]), какъ на Дунаѣ, на юго-восточной границѣ, явились новыя полчища той же самой Половецкой орды, въ сопровожденіи, можно догадываться, удальцовъ другой народности. Предводитель орды требовалъ у Венгерскаго короля выдачи своихъ полоненныхъ соплеменниковъ[2]). Владиславъ, отвергнувъ дерзкія требованія, быстро вышелъ навстрѣчу врагамъ и разбилъ ихъ на голову не въ далекомъ разстояніи отъ Дуная[3]). Считая Русскихъ виновниками или, вѣроятно, участниками половецкаго нашествія, король Венгерскій вслѣдъ затѣмъ обратился немедленно противъ сосѣднихъ русскихъ областей. Венгерскій лѣтописецъ, быть можетъ нѣсколько хвастливый, разсказываетъ, что Русскіе, сильно стѣсненные королемъ Владиславомъ, просили у него помилованія и обѣщали ему полную вѣрность, и что раскаяніе ихъ было принято побѣдителемъ благосклонно[4]).

---

1) [Chronicon pictum Vindob. p. 196 sq.: Post hec autem quidam de Cunis nomine Copulch filius Krul cum ualida manu intrauit in Hungariam, ut debellaret. Qui ultrasiluanum regnum depredauit, et predam secum ducebat -- Rex autem Ladizlaus cum suis in Sclauonia fuerat --]

2) [Chron. pict. Vindob. p. 197: Hoc audientes Cuni de seruiente illo qui euaserat valde contristati sunt, qui etiam coniurantes promiserunt se iniuriam Kopulch uindicaturos. Miseruntque ad regem nuncios, et captiuos dimittere preceperunt uerbis superbis et contumeliosis.]

3) [Chron. pict. Vindob. p 197: Et quodam sabbato sumpto (sic) mane prope Danubium impetum super Cunos fecit.]

4) Thwrocz II, cap. 58 [=Chronic. pict. Vindob. p. 198]: Post hec autem rex gloriosus inuasit Rusciam, eo quod Kuni per consilium eorum Hungariam intrauerunt. Cumque uidissent se Ruteni male coartari, rogauerunt regis clemenciam, et promiserunt regi fidelitatem in omnibus. Quos rex piissimus graniter (варіантъ: gratanter) suscepit. Deinde irruit in Poloniam. Кромѣ приведеннаго источника,] о побѣдѣ Владислава надъ турецкою ордою говоритъ: 1) легенда св. Владислава (Endlicher, Monumenta Arpadiana, p. 239 — 240), называя вмѣсто Кумановъ (Kuni) Печенѣговъ (latrunculi Byssenorum) и разсказывая о разныхъ чудесахъ при этомъ случившихся; 2) Симонъ Кеза l. c. p. 87, у котораго враги тоже названы Печенѣгами (Bessi). Смѣшеніе Печенѣговъ съ Половцами довольно естественно; если есть какая нужда на немъ останавливаться, то можно предполагать, что вмѣстѣ съ Половцами дѣйствительно ушла нѣкоторая часть Печенѣговъ (см. Budinger, Ein Buch Ungarisch. Gesch. S. 79). Но разсказъ Кезы заставляетъ сверхъ того думать, что этотъ писатель зналъ о совершенномъ

Въ началѣ мая императоръ Алексѣй съ торжествомъ воро- 287
тился въ свою столицу. Ужасные враги, которые недавно стояли подъ ея стѣнами, лежали теперь грудами труповъ въ долинѣ рѣки Гебра. Только небольшая часть Печенѣговъ уцѣлѣла въ греческомъ лагерѣ. Эти остатки несмѣтной прежде орды были поселены императоромъ Алексѣемъ на востокъ отъ рѣки Вардара, въ Могленской области, и являются потомъ въ рядахъ византійской арміи, составляя въ ней особый родъ войска [1]).

Половцы оказали громадную услугу христіанскому міру. Предводители ихъ, Бонякъ и Тугорканъ, должны быть, по справедливости, названы спасителями Византійской имперіи. Помощь запада, которой просилъ и уже ожидалъ императоръ Алексѣй, не могла прибыть такъ скоро, какъ онъ это считалъ возможнымъ; не оконченная борьба съ императоромъ и антипапа Климентъ связывали совершенно дѣятельность Урбана II до 1094 года, когда онъ восторжествовалъ надъ своими врагами и надъ всѣми домашними затрудненіями; ранѣе этого года умеръ рыцарскій другъ Алексѣя, графъ Робертъ Фризъ, союзникъ, быть можетъ, болѣе дѣятельный, но зато и болѣе отдаленный. Между тѣмъ Византія, какъ мы знаемъ изъ прямыхъ признаній цесаревны Анны, рѣшительно не имѣла силъ и средствъ, чтобы продолжать борьбу съ двойнымъ турецкимъ нашествіемъ. Предположимъ самый благопріятный ходъ дѣла. Константинополь могъ выдержать долгую осаду, могъ дождаться крестоноснаго ополченія; оно собралось бы скорѣе въ виду настоятельной и продолжающейся опасности и ради усердной мольбы Византійскаго императора, скорѣе, чѣмъ это послѣдовало на самомъ дѣлѣ. Но пер-

---

истребленіи печенѣжскаго племени въ 1091 году, но только на томъ или другомъ основаніи причиною этого истребленія считалъ побѣды короля Владислава: [Istius (Ladislai) igitur temporibus in Septem castris, in monte qui Kyrioleis dicitur,] Bessi Hungaris infestissimi, [spoliata Hungaria fugientes coniunguntur, et per eundem Ladislaum regem ac Hungaros] taliter superantur, ut nec unus ex ipsis fertur remansisse. [Ср. Chron. Andr. Dand, Muratori XII, p. 248: Bessi Ungaris infestissimi, spoliata Ungaria, fugiebant; sed ab Ungaris ita oppressi dicuntur, ut ne unus quidem effugerit.]

1) Zonar II, 299 D. ed. Par. [Matthieu d'Édesse (Recueil des hist. des crois. Docum. Arm. I) p. 86: Kogh'-Vasil envoya aux deux chefs francs un détachement de huit cents hommes et un corps des Patzinaces à la solde de l'empereur des Romains, et cantonnés dans la ville de Mĕcis (Mopsueste).]

вый крестовый походъ имѣлъ бы несомнѣнно совершенно другое направленіе и совершенно другой исходъ, если бы Боэмунды и Готфриды явились какъ спасители греческой столицы, если бы обдуманному и смѣлому честолюбію одного и упрямой благочестивой гордости другого не было противопоставлено ни самостоятельной византійской политики, ни самостоятельной греческой арміи, если бы въ распоряженіи Алексѣя Комнина не было, какъ это было въ 1096 году, тѣхъ печенѣжскихъ наѣздниковъ, которыми онъ такъ искусно пользовался, когда нужно было побудить крестоносныхъ союзниковъ къ скорѣйшему удаленію отъ стѣнъ Константинополя, къ скорѣйшей переправѣ на азіатскій берегъ Босфора, когда нужно было предупредить отклоненіе крестоносной рати отъ прямой, ей указанной дороги и отъ святой и высокой цѣли — освобожденія Гроба Господня, а не Константинополя, какъ это предполагалось прежде и какъ это засѣло въ умахъ крестоносныхъ ратниковъ. Велико было разочарованіе и сильно было неудовольствіе западнаго рыцарства и особенно его предводителей, когда они увидѣли, что Печенѣги и Турки, отъ которыхъ они должны были спасать Восточную имперію, находятся теперь въ рядахъ византійской арміи, и что императоръ Алексѣй самымъ постыднымъ и вѣроломнымъ образомъ пользуется службою невѣрныхъ язычниковъ, высылая ихъ противъ христіанъ, воиновъ креста и гроба Христова. Но если бы грозная сила печенѣжской орды не была уничтожена половецкими полками и остатки ея не были превращены въ покорное орудіе византійской политики, то Константинополь въ концѣ XI столѣтія былъ бы либо турецкимъ городомъ, либо столицею Латинской имперіи на Востокѣ.

288

Турецкій [эмиръ] Чахà, который мечталъ о покореніи Константинополя и уже носилъ титулъ и облаченіе восточныхъ императоровъ[1]), не успѣлъ привести своего флота на помощь своимъ союзникамъ, Печенѣгамъ, весною 1091 года, и тѣмъ самымъ осудилъ себя самого на гибель. Въ борьбѣ съ греческими морскими силами онъ потерялъ сначала часть своихъ завоеваній, а потомъ и самую жизнь. Византійская интрига успѣла вооружить

1) Anna p. 245 C.

противъ-него Никейскаго султана, на дочери котораго онъ былъ женатъ, и опасный своею предпріимчивостію врагъ погибъ отъ руки своего тестя [1]).

Съ такимъ же успѣхомъ, какъ враги внѣшніе, была подавлена и внутренняя смута; заговорщики и претенденты, которые хотѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ отечества и своего государя, были открыты и наказаны. По странному стеченію обстоятельствъ, самымъ опаснымъ изъ этихъ враговъ оказался тотъ, котораго Алексѣй считалъ всего менѣе 289
заслуживающимъ серіознаго вниманія. Этотъ врагъ явился въ половецкихъ вежахъ, гдѣ, повидимому, осталось горькое чувство неудовольствія и досады на Византію, сдѣлавшую Половцевъ участниками и виновниками истребленія единоплеменной имъ Печенѣжской орды. Въ 1095 году, предъ самымъ крестовымъ походомъ, Половцы еще разъ появились въ предѣлахъ имперіи; ихъ нашествіе едва не уничтожило всѣхъ плодовъ той побѣды, которая четыре года назадъ была одержана при ихъ помощи. На этомъ послѣднемъ эпизодѣ мы остановимся.

Въ 1090 году какой-то бродяга, человѣкъ низкаго происхожденія, вышедшій изъ военнаго лагеря, прибывшій въ столицу въ видѣ нищаго, одѣтаго въ лохмотья, сталъ выдавать себя за одного изъ сыновей бывшаго императора Романа Діогена, Константина, хотя сынъ несчастнаго Романа IV, носившій это имя, еще двадцать лѣтъ тому назадъ былъ убитъ подъ Антіохіей въ сраженіи съ Турками [2]). Самозванецъ сталъ распростра-

1) Anna p. 251 C.

2) Анна Комнина (p. 271D) говоритъ, что самозванецъ принялъ имя другого сына Діогенова, Льва. Но это очевидная ошибка или скорѣе обмолвка. Она сама говоритъ, что тотъ сынъ Діогена, имя котораго принялъ самозванецъ, былъ убитъ Турками подъ Антіохіей Но подъ Антіохіей былъ убитъ Константинъ, какъ объ этомъ разсказано у Вріеннія (p 99 Bonn.), мужа Анны, исторію котораго она продолжаетъ и къ которому сама отсылаетъ читателя. Левъ же, по собственнымъ словамъ Анны (p. 196D), былъ убитъ въ сраженіи съ Печенѣгами. [Что сынъ Діогена, имя котораго принялъ самозванецъ, былъ Константинъ, видно также изъ того, что Вріеній (p. 99) называетъ Константина зятемъ Алексѣя Комнина по сестрѣ. Объ этомъ бракѣ онъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ (p. 24), гдѣ сообщаетъ о томъ, что Анна Далассина выдала свою младшую дочь Ѳеодору за сына Діогенова вскорѣ послѣ вступленія послѣдняго на престолъ. По словамъ Анны, этотъ Діогеновичъ, имя котораго принялъ самозванецъ, былъ мужемъ Ѳеодоры]. Зонара (II, 301 A Par.) не называетъ того сына Діогенова, имя котораго принялъ самозванецъ.

нять сказку о своемъ происхожденіи и о своемъ спасеніи — вѣроятно изъ турецкаго плѣна — сначала тайно въ частныхъ домахъ, а потомъ и публично на улицахъ. Нашлось немало людей, которые ему вѣрили; несмотря на несчастный исходъ смѣлаго похода въ глубину Азіи, имя героическаго Романа было популярно въ народѣ. Самозванецъ 1090 года — первый, но не послѣдній изъ тѣхъ искателей приключеній, которые составили себѣ замѣчательную историческую карьеру, опираясь на это дорогое народу имя[1]). Императоръ Алексѣй, очень подозрительно смотрѣвшій за поведеніемъ настоящихъ сыновей Романа, занятый другими заботами, сначала не обращалъ никакого вниманія на бродягу, который принялъ чужое имя, чтобы спасти себя отъ голода. Но его росказни дошли до монастыря, гдѣ спасалась, постригшись въ монашество, жена настоящаго Константина, сестра самого Алексѣя, по имени Ѳеодора. Она не только не думала признавать въ самозванцѣ своего мужа, но встрѣтила слухи
290 о немъ съ негодованіемъ и досадою, какъ безумную и оскорбительную сказку. Два или три раза, говоритъ дочь Алексѣя, мнимому сыну Діогена было сдѣлано внушеніе, чтобъ онъ отказался отъ своихъ неумѣстныхъ рѣчей.

Упорство самозванца, который уже былъ окруженъ толпою легковѣрныхъ приверженцевъ, раздражило Алексѣя и заставило подозрѣвать существованіе заговора. Очень вѣроятно, что въ разныхъ глухихъ и темныхъ углахъ толковали о правахъ сына Діогенова на Византійскій престолъ. Чтобы прекратить всѣ толки, задушить заговоръ въ зародышѣ, Алексѣй велѣлъ захватить самозванца вмѣстѣ съ его ближайшими друзьями и подвергъ ихъ унизительному, но не кровавому наказанію: всѣмъ имъ обрили голову и бороду и выставили ихъ въ такомъ видѣ на позорище площадной толпѣ, а самого лже-Діогеновича привязали сверхъ того къ висѣльному столбу, чтобы навести на него больше страха[2]).

---

1) Послѣ явился Левъ Діогеновичъ.

2) Новое, до сихъ поръ не замѣченное извѣстіе о лже-Діогеновичѣ мы находимъ въ рѣчи Ѳеофилакта Болгарскаго къ императору Алексѣю, отрывки изъ которой были уже приведены выше. Но Ѳеофилактъ, разсказывающій о позорномъ наказаніи самозванца, знаетъ только его первоначальную исторію до отправленія въ Херсонъ: самая рѣчь была сказана въ 1090 году (см. приложеніе III). Что въ рѣчи Ѳеофилакта говорится о томъ самомъ самозванцѣ, о

Это, вѣроятно, и было одно изъ тѣхъ внушеній, о которыхъ говоритъ Анна Комнина. Потому ли, что оно не подѣйствовало, или для бо́льшаго спокойствія, самозванецъ былъ потомъ сосланъ въ Херсонъ, гдѣ его велѣно было держать въ городской башнѣ, служившей тюрьмою. Но въ своемъ заключеніи лже-Діогеновичъ нашелъ возможность войти въ сношеніе съ Половцами (Куманами), которые часто пріѣзжали въ городъ для торговли и для покупки необходимыхъ вещей[1]). При помощи ихъ онъ успѣлъ выбраться изъ своей башни и около 1092 года ушелъ съ ними въ ихъ степи. Здѣсь мнимый сынъ Діогена сталъ уже прямо величать себя царемъ или императоромъ; въ этомъ санѣ признали его прежде всѣхъ половецкіе кочевники, относившіеся не безъ уваженія къ имперіи, которую они недавно спасли отъ гибели. Слухъ о «Девгеновичѣ» дошелъ и до Русской земли, гдѣ, пови- 291
димому, не сомнѣвались въ истинности его высокаго происхожденія[2]).

Князья половецкіе, и во главѣ ихъ тесть Кіевскаго князя Святополка II—Тугорканъ, не были настолько дикими варварами, чтобы не понять выгодъ, какія могло имъ доставить присутствіе въ ихъ кочевьяхъ претендента на греческій престолъ. Они рѣшились еще разъ послужить Византіи, взявъ на себя обязанность возстановленія сына Діогенова на престолѣ его отца, и стали готовить поголовный походъ въ предѣлы имперіи. Анна Комнина говоритъ, что варварами руководило только желаніе напиться человѣческой крови и насытиться человѣческимъ мясомъ[3]). Такъ отзывается она о спасителяхъ Византійской имперіи, — людоѣдами они, во всякомъ случаѣ, не были, но мысль о добычѣ, несомнѣнно, занимала важное мѣсто въ ихъ планахъ. Можно думать, что прежде всего они хотѣли отмстить императору Але-

---

которомъ подробный разсказъ мы имѣемъ у Анны въ X книгѣ,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы думаемъ даже, что Анна въ своей характеристикѣ самозванца пользуется рѣчью архіепископа, какъ источникомъ. На это указываютъ нѣсколько ея выраженій, буквально сходныхъ съ тѣми, которыя читаются у Θеофилакта. См. Migne, t. 126 col. 297.

1) Anna p. 272 C· τοῖς συνήθως φοιτῶσι Κομάνοις ἐμπορίας χάριν καὶ τοῦ τὰ πρὸς χρείαν ἐκεῖθεν (изъ Херсона) κομίζεσθαι.

2) Въ русской лѣтописи (П. С. Р Л. I, 97) подъ 6603 (1094—1095 г.): Идоша Половци на Грькы съ Девгеневичемъ.

3) Anna p. 272 C.

ксѣю за то, что онъ недостаточно оцѣнилъ ихъ услуги въ 1091 году. Такъ или иначе, Половцы довольно благоразумно скрывали до времени свое намѣреніе двинуться за Дунай, желая застать императора Алексѣя врасплохъ. Какъ узналъ Алексѣй о планахъ, созрѣвшихъ снова въ половецкихъ вежахъ, неизвѣстно; но они отъ него не скрылись, и онъ заранѣе принялъ мѣры противъ половецкаго нашествія. Замѣчательно, что, несмотря на истребленіе Печенѣжской орды, Византійскій императоръ вовсе не думалъ или не находилъ возможнымъ принимать какія-либо мѣры на Дунаѣ; границей имперіи все-таки считались Балканы, приготовленія къ встрѣчѣ полчищъ Тугоркана ограничились укрѣпленіемъ узкихъ горныхъ проходовъ (клисуры), расположеніемъ въ нихъ военныхъ отрядовъ.

Наконецъ пришло ожидаемое извѣстіе, что Куманы перешли Дунай вмѣстѣ съ самозванцемъ. Алексѣй собралъ совѣтъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ и своихъ родственниковъ и предложилъ ему вопросъ: что̀ слѣдуетъ дѣлать, идти ли съ войскомъ навстрѣчу варварамъ, или же защищаться, какъ это было принято во время печенѣжскаго нашествія, въ крѣпостяхъ и за стѣнами? Синклитъ высказался въ пользу болѣе осторожнаго и болѣе безопаснаго образа дѣйствій; императоръ питалъ предпочтеніе къ болѣе мужественнымъ рѣшеніямъ. Но еще не было забыто, чѣмъ кончилось смѣлое движеніе къ Дерстру, предпри-
292 нятое Алексѣемъ вопреки совѣтамъ людей старыхъ и опытныхъ. Чтобы не подвергнуть себя упрекамъ и снять съ себя отвѣтственность, императоръ, не возражая противъ общаго голоса, обратился къ высшей волѣ и объявилъ, что онъ отдаетъ рѣшеніе вопроса на волю Божію. Кромѣ гаданій по книгамъ Священнаго Писанія, въ Византіи существовалъ особенный торжественный способъ вызывать или узнавать рѣшеніе Верховной силы и мудрости, способъ, извѣстный намъ близко по его приложенію въ Новгородѣ къ избранію владыкъ Новгородскихъ[1]). Императоръ, сопровождаемый военными чинами и многочисленнымъ духовенствомъ, отправился вечеромъ во храмъ св. Софіи. Въ присутствіи патріарха онъ написалъ два жребія на двухъ табличкахъ или

1) См. Приложеніе V.

хартіяхъ, то-есть, на одной было написано — слѣдуетъ идти въ походъ противъ Половцевъ, на другой—не слѣдуетъ. По приказанію императора, патріархъ положилъ оба жребія на престолѣ великой церкви, гдѣ они и оставались во время всенощнаго бдѣнія. По окончаніи богослуженія, уже утромъ, патріархъ снова вошелъ въ алтарь и вынесъ одну изъ хартій, которая была имъ при всѣхъ распечатана и громогласно прочитана. Вышелъ жребій, рѣшающій походъ навстрѣчу Половцамъ.

Собравъ войско, императоръ расположился лагеремъ въ городѣ Анхіалѣ; Никифоръ Мелиссинъ и Георгій Палеологъ были отправлены въ Верою (Эски-Загра) съ наказомъ бдительно охранять этотъ городъ и сосѣдніе пункты; другіе отряды высланы были къ горнымъ Балканскимъ проходамъ. Самъ императоръ прибылъ изъ Анхіала и осмотрѣлъ весь рядъ укрѣпленій или «заповъ» вдоль хребта Балканскаго. Едва успѣлъ онъ воротиться въ свой лагерь, расположенный около «Священнаго озера» близъ Анхіала, какъ ночью явился сюда какой-то знатный Влахъ и принесъ извѣстіе о приближеніи Половцевъ къ Балканамъ [1]). Утромъ былъ созванъ военный совѣтъ, состоявшій изъ главныхъ военныхъ начальниковъ и родственниковъ императора. Совѣтъ единогласно рѣшилъ, что императоръ со своимъ войскомъ долженъ оставаться въ Анхіалѣ. Алексѣй согласился оставаться на своемъ наблюдательномъ постѣ возлѣ морского берега и, считая нужнымъ занять также городъ Θермы (Бургасъ) на югъ отъ Анхіала, отправилъ туда Татикія и Кантакузина [2]). Узнавъ потомъ 293
какими-то путями, что варвары имѣютъ въ виду нападеніе на Адріанополь, императоръ вызвалъ къ себѣ знатныхъ жителей этого города,—слѣпой Никифоръ Вріенній, Катакалонъ и Тарханіотъ [3])

---

1) Anna p. 274: νυκτὸς δὲ καταλαβόντος Πουδίλου τινὸς ἐκκρίτου τῶν Βλάχων καὶ τὴν τῶν Κομάνων διὰ τοῦ Δανούβεως διαπεραίωσιν ἀπαγγείλαντος; но о переходѣ Половцами Дуная было уже ранѣе извѣстно.

2) Θερμά, у Вильгардуэна à la Ferme (во Θракіи), теперь Бургасъ по Дюмону.

3) [На печати, изданной Мордтманномъ въ изданіи Константинопольскаго Ἑλλην. Φιλ Σύλλογος VII, стр. 80 читается: Κύριε βοήθει Μαριανῷ τῷ Μαυροκαταλῶν Это былъ зять Анны, женатый на одной изъ сестеръ Вріеннія; онъ участвовалъ въ 1108 г. въ походѣ противъ Боэмунда (Anna p. 395 B. 397). На другой печати, изданной тамъ-же стр. 79, читается: Κύριε βοήθει τῷ δούλῳ Καταχαλῶνι κουροπαλάτῃ τῷ Τραχανιώτῃ. См. Bryenn. p. 136, 8 Bonn.]

занимали среди ихъ самое видное мѣсто, — чтобы дать имъ надлежащія внушенія и нужныя наставленія. Онъ убѣждалъ Адріанополитянъ не терять мужества при видѣ враговъ, но и не увлекаться излишнимъ пыломъ, крѣпко запереть городскія ворота, держаться бдительно на стѣнахъ и не щадить стрѣлъ, когда непріятель вздумаетъ къ нимъ приблизиться. Мысль о возможности удержать кочевниковъ въ горныхъ проходахъ была покинута; отряды, расположенные при клисурахъ, получили приказаніе идти по пятамъ варваровъ, какъ скоро сдѣлается извѣстнымъ, что они прошли Балканы, и тревожить ихъ неожиданными нападеніями съ тылу.

При помощи Влаховъ, которые указали имъ горныя тропинки, Куманы легко перебрались чрезъ Балканы и явились подъ Голоей; жители города встрѣтили ихъ какъ друзей, перевязали гарнизонъ крѣпости и выдали его Куманамъ. Примѣру Голои послѣдовали Діамполь и другіе сосѣдніе города, отворившіе ворота Половцамъ и провозгласившіе императоромъ лже-Константина Діогеновича. Самозванецъ, обольщенный такими успѣхами, хотѣлъ рѣшить дѣло смѣлымъ ударомъ и повелъ своихъ Половцевъ прямо на Анхіалъ, гдѣ находился его соперникъ, императоръ Алексѣй. Предпріятіе слишкомъ дерзкое, чтобъ увѣнчаться успѣхомъ. Анхіалъ представлялъ собою почти неприступную крѣпость, защищенную съ одной стороны моремъ, съ другой — виноградниками, разведенными на неровной холмистой мѣстности, что̀ отнимало у половецкой конницы всякую возможность дѣйствовать. Три дня простояли варвары подъ стѣнами города; увидѣвъ, что они здѣсь ничего не могутъ сдѣлать, они обратились на Адріанополь. Самозванецъ обѣщалъ своимъ спутникамъ легкій успѣхъ и увѣрялъ всѣхъ, кто его слушалъ, что стоитъ ему только явиться подъ стѣнами Адріанополя, и городъ будетъ въ его рукахъ. Онъ ссылался на тѣсную дружбу, которая соединяла его отца, бывшаго императора Діогена, съ Никифоромъ Вріенніемъ, главнымъ лицомъ въ городѣ. Онъ называлъ Вріеннія своимъ дядей на томъ основаніи, что Вріенній и Діогенъ, какъ всѣмъ было извѣстно, заключили нѣкогда формальный союзъ
294 братства предъ церковнымъ алтаремъ, а названные братья считались такими же близкими родственниками, какъ и братья по

крови [1]). Но Никифоръ Вріенній не отворилъ воротъ Адріанополя своему племяннику и не принялъ самозванца съ распростертыми объятіями, какъ тотъ увѣрялъ заранѣе Половцевъ. Напротивъ, вызванный мнимымъ сыномъ Діогена для объясненій на городскія стѣны, слѣпой Вріенній объявилъ, что сынъ его названнаго брата, какъ ему хорошо извѣстно, давно убитъ въ Антіохіи, и что только обманщикъ и самозванецъ можетъ говорить другое. Семь недѣль простояли Куманы подъ Адріанополемъ, думая голодомъ принудить жителей къ сдачѣ. Осажденные дѣйствительно начинали терпѣть большую тѣсноту и дали знать объ этомъ императору, прося о помощи. Попытка Катакалона, отправленнаго Алексѣемъ, тайкомъ пробраться въ городъ кончилась неудачно. Половецкая конница, разъѣзжавшая по всѣмъ окрестностямъ, открыла приближавшійся отрядъ и принудила его воротиться назадъ. Большая вылазка, устроенная Вріенніемъ, также не привела къ освобожденію города отъ осады, несмотря на храбрость мѣстной аристократической молодежи. Одинъ изъ ея представителей наскакалъ на самого предстaвителя Половцевъ, хана Тугоркана [2]), и уже занесъ надъ нимъ смертельный ударъ, но едва самъ не погибъ отъ руки Половцевъ, окружавшихъ хана. Едва избѣгнувъ смерти, онъ встрѣтился потомъ съ самимъ самозванцемъ, который уже нарядился въ царскую одежду и въ красную обувь, но въ пылу битвы былъ покинутъ своею свитой. Молодой аристократъ поднялъ надъ головой самозванца свой бичъ и, обругавъ его лжецомъ и обманщикомъ, нанесъ ему позорный ударъ. Вылазка стоила большихъ потерь той и другой сторонѣ, но не улучшила положеніе дѣлъ въ Адріанополѣ. Императоръ Алексѣй, опасаясь за судьбу одного изъ первыхъ по значенію городовъ въ имперіи, готовился двинуться на помощь осажденнымъ изъ Анхіала. Но прежде, чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, онъ успѣлъ освободить себя отъ опаснаго врага, присутствіе котораго въ лагерѣ половецкомъ превращало

1) Anna p. 265 D sq. Церковная молитва при заключеніи духовнаго братства и весь обрядъ напечатаны у Goara. Goar, Εὐχολόγιον sive Rituale Graecorum, Lutetiae Parisiorum 1647, p. 898: Ἀκολουθία εἰς ἀδελφοποιίαν πνευματικήν.

2) Anna p. 277 B: τοῦ Τογορτὰκ - - (ἡγεμὼν δὲ οὗτος ὑπερέχων τῆς τῶν Κομάνων στρατιᾶς). О тожествѣ Тогортака съ Тугорканомъ мы говорили выше.

обыкновенный разбойничій набѣгъ въ предпріятіе, направленное противъ династіи. Съ согласія Алексѣя, но по собственному вызову, въ станъ самозванца подъ Адріанополемъ отправился одинъ
295 ловкій Грекъ-Византіецъ; онъ успѣлъ вкрасться въ довѣренность лже-Константина, явившись сюда съ позорно-обритыми бородой и волосами на головѣ, что̀ нѣкогда испыталъ самъ мнимый сынъ Діогена. Новый Зопиръ, какъ называетъ проходимца царевна Анна, для довершенія сходства съ древнимъ даже изувѣчилъ свое лицо, чтобы придать вѣроятіе сказкѣ о жестокомъ обращеніи съ своими подданными императора Алексѣя. Послѣ этого ему не стоило большого труда заманить лже-Діогеновича въ одну крѣпость, комендантъ которой заранѣе получилъ отъ императора приказъ исполнять всѣ требованія Ала́касея — такъ назывался византійскій Зопиръ. Принятый комендантомъ съ почестями, подобающими его сану, самозванецъ заснулъ послѣ обильнаго угощенія и проснулся уже въ кандалахъ, а его пьяные спутники безъ церемоній были перерѣзаны. Драгоцѣнная добыча не могла быть отправлена въ Анхіалъ — прямо къ императору: половецкія шайки мѣшали этому; самозванца повезли въ столицу. Въ крѣпости Чурулѣ (Чорлу) онъ былъ принятъ высланными навстрѣчу важными чинами имперіи, которые и распорядились его ослѣпить, вѣроятно, на основаніи полномочія, даннаго императрицей-матерью, оставшеюся въ Константинополѣ [1]).

Неудача подъ Адріанополемъ и плѣнъ самозванца имѣли то слѣдствіе, что дѣйствія половецкихъ хановъ лишились всякой опредѣленной цѣли. Оставался только грабежъ. Въ этихъ видахъ отдѣльныя шайки кочевниковъ разсыпались по всѣмъ направленіямъ, спѣша награбить сколько можно болѣе и воротиться назадъ въ свои степи. Задача Алексѣя состояла теперь въ томъ, чтобы не выпускать хищниковъ, обремененныхъ добычею, изъ предѣловъ имперіи и чтобъ истреблять порознь ихъ загоны.

Часть задачи была исполнена движеніемъ самого императора къ Малой Никеѣ, въ недальнемъ разстояніи на ю.-в. отъ Адріа-

---

1) Anna p. 279 CD. Русская лѣтопись (П. С. Р. Л. I, 97): Идоша Половци на Грькы съ Девгеневичемъ, воеваша по Гречьстѣй земли; и царь я Девгенича, и повелѣ и слѣпити.

нополя. Опустошивъ беззащитную страну, отряды половецкіе соединились вблизи этого города въ одномъ лагерѣ въ количествѣ 12.000 человѣкъ. Подъ личнымъ начальствомъ Алексѣя, лагерь былъ взятъ, 7.000 Половцевъ были убиты, 3.000 взяты въ плѣнъ; награбленная ими добыча была отобрана у побѣдоносной византійской арміи и возвращена мѣстнымъ жителямъ; восторгъ ихъ тѣмъ понятнѣе, что они не привыкли къ такимъ мѣрамъ. Императоръ вошелъ съ торжествомъ въ Адріанополь. Здѣсь яви- 296
лось къ нему половецкое посольство, изъявляя готовность жить въ мирѣ съ имперіей и служить императору. Хитрые варвары желали только протянуть время, чтобы дать возможность хищнымъ шайкамъ убраться за Балканы съ награбленнымъ добромъ; на третьи сутки ночью депутаты скрылись изъ греческаго лагеря. Алексѣй понялъ теперь хитрость и сейчасъ же послалъ приказаніе бдительно охранять тропинки и проходы въ горномъ хребтѣ Балканскомъ. Онъ вскорѣ узналъ, что вся масса половецкихъ шаекъ, соединившись вмѣстѣ, направилась также на сѣверъ. Послѣ того оставалось только преслѣдовать враговъ. Византійская армія шла по пятамъ кочевниковъ, но не особенно крѣпко на нихъ налегая. Только при «Желѣзномъ Запорѣ» (главный проходъ въ Балканахъ) произошла довольно горячая схватка; Куманы потеряли много убитыхъ и часть награбленной добычи.

Съ удаленіемъ Половецкой орды за Балканы императоръ Алексѣй считалъ свою задачу поконченною. Не думая преслѣдовать далѣе хищныхъ кочевниковъ, онъ воротился въ Константинополь и скоро услышалъ о приближеніи къ предѣламъ своего государства первыхъ крестоносныхъ отрядовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О Куманскомъ (Половецкомъ) словарѣ.

Куманскій словарь обнародованъ былъ Клапротомъ [1]), который слѣдующимъ образомъ объяснялъ его происхожденіе (см. Mémoires relatifs à l'Asie, par M. J. Klaproth, III, 113 и слѣд. Третій томъ вышелъ въ 1822 году):

«Куманы или Половцы занимали въ X вѣкѣ страны на сѣверѣ Чернаго моря и Меотійскаго озера, и простирались отъ Волги до устья Дуная. Едризи и другіе географы арабскіе называютъ ихъ землю Ал-Каманія. Куманы принадлежали къ той же турецкой расѣ, какъ Узы и Печенѣги, потому что, по свидѣтельству Анны Комниной, они говорили однимъ языкомъ съ послѣдними, и этотъ языкъ былъ турецкимъ нарѣчіемъ, какъ мы узнаемъ отъ Рюисбрека (Рубруквиса), посѣтившаго ихъ страну въ 1253 году. Рюисбрекъ выражается такимъ образомъ въ восьмой главѣ: «У Уйгуровъ находимъ мы происхожденіе и источникъ языка турецкаго и куманскаго».

«Куманы и Печенѣги составляли народъ, называемый Кипчакъ или Капчакъ. Рюисбрекъ говоритъ, что первые давали себѣ имя Capchat; въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ ихъ Coman-Capchat.... Послѣ пораженія Кипчака Монголами (въ 1237 году),

---

1) <Статья В. Г. Васильевскаго появилась въ 1872 г. Съ того времени вышло новое изданіе Куманскаго словаря: Kuun, Codex Cumanicus, Budapest 1880, которымъ мы и пользуемся ниже. (Ср. отзывъ Н. П. Дашкевича въ Кіевскихъ Унив. Изв. 1882, № 4, стр. 147 сл.). См. также статью: Blau, Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen въ Zeitschrift d. deutschen morgenl. Gesellschaft, XXIX (1876), 569 сл. и Radloff, Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus, въ Mém. de l'Acad. des sciences de St.-Pétersbourg, 1887, VII série, t. XXXV, № 6.>

часть Кумановъ переселилась въ Венгрію, а другая осталась
въ старомъ отечествѣ, между Дономъ и Волгой, и нечувстви- 297
тельно смѣшалась съ Ногаями, которые, подобно имъ, были турецкаго происхожденія....

«Въ эпоху монгольскаго владычества миссіонеры, посылаемые въ Татарію для обращенія народовъ этой обширной страны, совершали свой путь обыкновенно чрезъ прежнюю Куманскую землю — на сѣверѣ Чернаго моря. Турецкій діалектъ, которымъ говорили Куманы, давалъ имъ возможность быть понятными во всей средней Азіи до горъ Алтайскихъ, гдѣ начинались жилища монгольскихъ колѣнъ. Итакъ, кажется, что эти монахи знакомились съ куманскимъ нарѣчіемъ прежде, чѣмъ пуститься въ длинное и тяжелое путешествіе.

«Генуэзцы, утвердившіеся въ Крыму [1]), также находились въ прямыхъ сношеніяхъ съ Куманами; они имѣли, поэтому, особый интересъ изучать то нарѣчіе, знаніе котораго облегчало торговое знакомство съ самыми отдаленными странами Азіи. Нужно, слѣдовательно, предполагать, что значительное число европейцевъ, и въ особенности Итальянцевъ, занимались въ XIII и XIV вѣкѣ изученіемъ куманскаго языка.

«Пробѣгая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, біографію Петрарки, написанную Томазини и озаглавленную «Petrarka redivivus» (напечатана въ Падуѣ, въ 1650 году), я нашелъ въ ней указаніе, что въ числѣ манускриптовъ, завѣщанныхъ этимъ знаменитымъ поэтомъ Венеціанской республикѣ, находился: Alphabetum persicum comanicum et latinum, написанный въ 1303 году».

Когда Клапротъ получилъ изъ Венеціанской библіотеки копію этой рукописи, то оказалось, что она заключаетъ въ себѣ цѣлый словарь въ 2500 словъ. Словарь написанъ тремя колоннами: первая заключаетъ латинское слово, вторая — персидское, и третья — куманское. На первыхъ 58 страницахъ идутъ существительныя и прилагательныя въ порядкѣ латинскаго алфавита, послѣднія отчасти со своимъ склоненіемъ. Дальнѣйшія страницы,

---

1) [О торговлѣ здѣсь въ концѣ XIII в. см. Tafel und Thomas, Urkunden zur älteren Handels-und Staatsgeschichte der Republik Venedig (Font. rerum Austriacarum, XIV), III, 245.]

до конца, содержатъ слова, расположенныя по семействамъ, по порядку матерій. Нужно предполагать, что словарь составленъ не монахомъ, а купцомъ, потому что здѣсь съ особеннымъ вниманіемъ собраны названія различныхъ тканей и товаровъ, которые отправлялись въ Татарію въ эпоху господства Генуэзцевъ на Черномъ морѣ. Сравненіе куманскихъ грамматическихъ формъ и словаря съ османскимъ турецкимъ и отчасти восточнымъ турецкимъ нарѣчіями мы беремъ у Реслера (Romänische Studien, S. 353 и слѣд.). Въ концѣ мы присоединяемъ нѣсколько словъ, не приведенныхъ Рёслеромъ, но любопытныхъ по отношенію къ русскому языку. Мы не думаемъ предполагать, чтобъ эти слова были взяты Русскими именно отъ Половцевъ; напротивъ, слово изба скорѣе Половцами заимствовано отъ Русскихъ; но мы помѣстили эти слова какъ интересныя.

Спряженія:	*Куманское.*	*Турецко-османское.*
Настоящее: я слышу	eziturmen	işidir-im
	esitursen	işidir-sin
	esitur	işidır.
	esitur bis	işidir-iz
	esitur sis	işidir-siniz
	esitur lar	işidir-ler
Преходящее:	esitur edim	işidir-idim и т. д.
Прошедшее:	esit-um	işid-dim
Будущее:	esit-caymen	işid-eǵeg-im и т. д.

298 *Мѣстоименія личныя:*

	Куманск.	*Турецк.-Осм.*	*Тур.-Вост.*
Перв. лица: им.	men	ben	men
род.	mening	benim	mening
дат.	manga	bana	manga
вин.	menj	beni	meni
твор.	medan	benden	menden
множ.	bix	biz	biz
	bising	bizim и т. д.	

	Куманск.	*Турецк.-Осм.*	*Тур.-Вост.*
Второго лица:	sen	sen	sen
	sening	senin	sening
	sanga	sana	sanga и т. д.
Третьяго лица:	ol	ol	ol, ul
	aning	anun	aning и т. д.
множ.	anlar	anlar	

Мѣстоименія притяжательныя:

мой	mening	benim
твой	sening	senin
его	aning	anyn
нашъ	bixing	bizim
вашъ	sixin	sizim

Мѣстоименія указательныя:

этотъ	bu	bu	bu
род.	muningi	bunun	munung и т. д.
множ.	bular	bunlar	bular

мужъ, супругъ	Er	er
дѣдъ	abaga	abaga
младшій братъ	ynj	ini
сынъ	ogul	ogul
дочь	chex	kyz
тесть	chain	kain
братъ	charandas	karyndaš
Богъ	tengri	tangri
море	tengis	deñïz
гора	tag	dag
долина	enis	eniš (склонъ)
камень	tas	taš
трава	ot	ot
смола	samala	

	Куманск.
сундукъ	sinduc [1])
рыба	baluc [2])
изумрудъ	smurut
алмазъ	yalmas [3])
изба	yxba
[печь	peč]

Рёслеръ, думаемъ, совершенно основательно утверждаетъ, что при такомъ сходствѣ грамматическихъ формъ и словаря не
299 можетъ быть никакого сомнѣнія въ ближайшемъ родствѣ куманскаго языка съ другими турецкими, и что все различіе есть различіе только діалектическое.

II.

Русскіе на Дунаѣ въ XI вѣкѣ.

Свидѣтельства начальной русской лѣтописи о древности жительства Русскихъ на Дунаѣ извѣстны. ‹П. С. Р. Л. I, 4 сл.:› Кій, послѣ основанія Кіева, опять «приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби градокъмалъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша

---

1) [Σεντοῦχιν Sathas, Bibl. II, 629. σάνδυξ Hesych. σεντούκιον Nicet. p. 129. 439.]

2) [См. Roesler въ рецензіи на книгу J. G. Cuno, Forschungen im Gebiet der alten Völkerkunde. I. Die Skythen. Berlin 1871, въ Zeitschr. für die Oesterr. Gymnas. XXIII (1872), S. 292 f. Онъ приводитъ Tzetzes, Chiliad. VIII, v. 773 sq. (ed. Kiessling p. 312):

Τοῖς Σκύθαις αὕτη Καρμπαλοὺκ ἡ λίμνη κλῆσιν φέρει·
τὸ Καρμπαλοὺκ δ' ἐλληνισθὲν πόλις ἰχθύων λέγει·
τὸ Κὰρμ γὰρ πόλις σκυθικῶς, τὸ δὲ Παλοὺκ ἰχθύες,
καὶ τάχα ἓν σημαίνουσι, τὸ Καρμπαλούκ, Μαιῶτις.
περὶ Βορᾶν ἡ λίμνη μὲν ἡ Καρμπαλούκ, Μαιῶτις·
Μαιῶται καὶ οἱ Σκύθαι δὲ οἱ πρὸς αὐτῇ καλοῦνται.

Кáг по-самоѣдски означаетъ городъ, но османскій языкъ не знаетъ этого слова. Baluq, balyq по-османски значитъ рыба. Кармпалоúк, по мнѣнію Куно, имѣетъ значеніе Fisch-Stadt, тогда какъ по Реслеру оно скорѣе могло бы имѣть значеніе Stadtfisch.]

3) ‹Словамъ sinduc, baluc, yalmas соотвѣтствуютъ османскія слова sanduk, balyk, elmas.›

ему ту близь живущіи; еже и донынѣ наричють Дунайци городище Кіевець.... Улучи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви». Съ другой стороны подъ 898-мъ годомъ ‹П. С. Р. Л. I, 10 сл.›: «Идоша Угри мимо Кіевъ горою, ...устремишася черезъ горы великія, и почаша воевати на жиущая ту Волхи и Словѣни. Сѣдяху бо ту преже Словѣни, и Волъхве пріяша землю Словѣньску; посемъ же Угри прогнаша Волъхи». Списокъ русскихъ городовъ, сохранившійся при Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л. VII, 240), гласитъ слѣдующее: «А се имена градомъ всѣмъ Русскымъ, далнимъ и ближнимъ: На Дунаѣ Видицовъ о седми стѣнь каменныхъ, Мдинъ (Бдынь, Виддинъ), объ ону страну Дуная Тръновъ, ту лежитъ Святая Пятница; а по Дунаю: Дреставинъ, Дичинъ, Киліа (Кіевецъ?), на устьѣ Дуная Новое Село, Аколятря, на морѣ Карна, Каварна. А на сей странѣ Дуная: на усть Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ, Чернъ, Аскый Торгъ, на Прутѣ рѣцѣ Романовъ Торгъ, на Молдовѣ Немечь, въ горахъ Корочюновъ Камень, Сочава, Сереть, Баня, Нечюнъ, Коломыя, Городокъ наЧеремошѣ, на Днѣстрѣ Хотѣнъ, а то Болгарьскый и Волосскій городокъ».

Приводимъ въ объясненіе этихъ мѣстъ слова одного русскаго ученаго:

«Теперь я убѣдился вполнѣ, неопровержимыми доказательствами, что русская стихія простиралась на юго-западъ ...вплоть до Дуная, задолго до вторженія Мадьяровъ въ Паннонію; что Мадьяры не привели сюда съ собою Руссовъ, а нашли ихъ здѣсь, осилили, расположились жить и господствовать межъ ихъ, и такимъ образомъ разорвали то непосредственное сосѣдство, въ которомъ Руссы, по свидѣтельству и нашихъ отечественныхъ, и чужихъ преданій, находились нѣкогда съ Сербами, Хорватами и Славяно-Чехами. Доказательства, на коихъ основалось мое переубѣжденіе, суть: историческія, этнографическія, топографическія и даже лингвистическія. На сей разъ упомяну объ одномъ, у насъ едва ли извѣстномъ фактѣ, но котораго важность чрезвычайна: въ Трансильваніи, въ сокровеннѣйшихъ ущельяхъ Карпата, при истокѣ Ольты, между Румынами, Мадьяро-Секлерами и Саксами, находятся деревни, которыя по сіе время называются «русскими», жители которыхъ, на памяти нынѣ живущаго поколѣнія, гово-

рили между собою «по-русски», то-есть, карпато-русскимъ, или, что то же, малороссійскимъ языкомъ! Никто не знаетъ и не помнитъ, какимъ образомъ и когда образовались здѣсь эти оазисы: они очевидно отмыты отъ родного материка приливомъ Мадьяровъ и Нѣмцевъ. Что̀ можно сказать противъ этого живого, вопіющаго свидѣтельства? Какой новый свѣтъ открылся мнѣ, когда я, подъ моею путническою ногою, ощутилъ вездѣ слѣды старой, самородной русской жизни, на этомъ забытомъ нами пространствѣ южно-славянскаго міра! Начало нашей исторіи, происхожденіе и смыслъ нашей древней лѣтописи, разлитіе благодатныхъ лучей христіанства въ нашемъ отечествѣ, путешествіе къ намъ церковно-славянскаго языка, имѣвшаго столь существенное вліяніе на наше умственное и литературное образованіе: всѣ эти пункты, болѣе или менѣе загадочные, ...прояснились. Я понимаю теперь, какъ нашъ достопочтенный Несторъ могъ говорить о разселеніи Славяно-Руссовъ на сѣверъ съ Дуная: это взялъ онъ не изъ преданій отдаленной древности, какъ думаютъ обыкновенно, но изъ живого, нагляднаго познанія при-дунайской стороны, которая въ его время, безъ сомнѣнія, еще ощутительно трепетала чистою русскою жизнію. Я понимаю даже сказку о Кіи, основателѣ Кіева, которую многіе изъ восторженнѣйшихъ чтителей древняго лѣтописца считаютъ баснею, вымышленною изъ патріотическаго хвастовства. Понимаю извѣстный списокъ «русскихъ городовъ, дальнихъ и ближнихъ», сохранившійся при нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописяхъ: эту загадку сфинкса, которая до сихъ поръ не находила еще счастливаго Эдипа» и т. д. Надежнинъ «О путешествіи по южно-славянскимъ землямъ» (Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія ч. 34, 1842 г., Отд. II, стр. 103—105).

Мысли, съ такимъ блескомъ, хотя и мимоходомъ, высказанныя русскимъ ученымъ, въ настоящее время подтверждаются изслѣдованіями нѣмецкой науки. Рёслеръ въ превосходномъ сочиненіи, вышедшемъ въ прошедшемъ году (Robert Roesler, Romänische Studien, Leipzig 1871), доказываетъ, что древнѣйшее населеніе какъ Молдавіи, такъ и Трансильваніи, было русское. Онъ пишетъ (стр. 321) слѣдующее:

«Утверждать древнее жительство Русскихъ (der Rutenen) въ

Молдавіи — это новость, которая не замедлитъ вызвать противорѣчіе у раздражительныхъ румынскихъ литераторовъ этой страны. Но попытаемся свести вмѣстѣ то, что говоритъ въ пользу нашего взгляда.

«Народъ, который носитъ теперь имя Рутеновъ, иногда Русиновъ и Малороссовъ, назывался, въ началѣ нашего знакомства съ нимъ, Славянами (Sclaveni) и обиталъ въ сосѣдствѣ съ Антами. Я сомнѣваюсь, чтобъ это имя было отлично отъ формы «Венды», какъ уже принималъ и Домбровскій. Достаточно того, что это названіе обозначаетъ одну изъ главныхъ вѣтвей славянскаго семейства, выступающаго на сцену въ VI вѣкѣ. Первый писатель, называющій Антовъ, Прокопій, назначаетъ ихъ жилища на сѣверѣ отъ Гунновъ, которые жили въ степяхъ при Черномъ морѣ. Іорданъ (Іорнандъ) называетъ Днѣстръ, какъ ихъ западную границу [1]). Отъ нея далѣе на западъ жили Славяне (Sclaveni) до самыхъ болотъ при Дунайскихъ устьяхъ. Позднѣе они подвинулись, по всѣмъ признакамъ, до Трансильванской горной возвышенности, земли Каука Готовъ (Kaukaland); мы даже находимъ ихъ, какъ будетъ ниже показано, въ этой странѣ. Драгоцѣнное сочиненіе Маврикія обозначаетъ ихъ землю, какъ страну, въ которой къ Дунаю текутъ четыре параллельныя рѣки [2]). Это, можетъ быть, только Молдавія и Валахія, гдѣ Прутъ, Серетъ, 301
Димбовица, Алюта (Ольта) и другія, съ многочисленными параллельными притоками, катятъ свои волны къ Дунаю. Вслѣдствіе отчасти добровольныхъ, отчасти вынужденныхъ переселеній на Греческій полуостровъ, славянское населеніе въ указанной области становилось рѣже и рѣже; оно жило по старо-славянскому обычаю безъ крѣпкой политической связи, въ слабыхъ волостныхъ союзахъ. Это тѣ славянскія жупанства IX вѣка, о которыхъ дошло до насъ извѣстіе [3]). Эти жупы, живущія безъ всякой взаим-

1) Jordan. Get., MG. Auctor. antiq. V, 1, p. 63. Sclaveni a civitate Novietunense, et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur: hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur, a Danastro extenduntur usque ad Danaprum.

2) Mauricius ed. Scheffer, Upsaliae 1664, p. 282. 284: τῶν γὰρ ποταμῶν αὐτῶν (τῶν Ἀντῶν) ἐπιμιγνυμένων τῷ Δανουβίῳ и пр

3) Incertus auctor, ed. Bonn. Въ 813 году Болгарскій князь Крумъ снаряжаетъ войско: λαὸν πολὺν συναθροίσας τοὺς Ἀβάρεις καὶ πάσας τὰς Σκλαβινίας.

ной связи, не имѣли достаточно силы, чтобъ удержаться на почвѣ, по преимуществу, открытой нашествіямъ народовъ. Однако славянскій (sclavenische) элементъ, который мы уже должны назвать русскимъ, удержалъ, хотя и живя подъ чужимъ гнетомъ, свое существованіе до вторженія Румыновъ въ Валахію и Молдавію. Еще Длугошъ называетъ Русскихъ древнѣйшими обитателями послѣдней земли[1]), и мы должны въ этомъ случаѣ дать ему вѣру, какъ ни мало удовлетворителенъ онъ въ частностяхъ.

«Въ концѣ VI вѣка, въ правленіе Маврикія (582 — 602) Ромэи дѣлали частые набѣги противъ Славянъ «твердой земли», то-есть, областей на сѣверномъ берегу Дуная, въ нынѣшней Валахіи. Что театръ борьбы былъ именно тамъ, доказываютъ указанія на мѣста переправы; когда однажды полководецъ Петръ готовилъ зимній походъ противъ Славянъ, то онъ расположился лагеремъ въ Палатіолонѣ (‹ἐν Παλαστόλῳ›: Theophylact. Simoc. p. 323 ed. Bonn.), въ укрѣпленіи, насупротивъ котораго, на валахскомъ берегу, лежала Зикидива (Zikidiva). А объ этой мы знаемъ, что она находилась неподалеку Вида (Utus, Vid) и Ольты (Alutus, Alt), при переправѣ Islas, еще до сихъ поръ важной. Этимъ пунктомъ пользовались также, какъ упоминаетъ Прокопій, варвары сѣвернаго берега — именно тѣ же самые Славяне — для нападеній на Римскую имперію. Ромэи (Византійцы), при заключеніи мира съ Аварами, придавали особенную важность тому, чтобы «Склавены» не были включаемы въ договоръ, но чтобы византійскому оружію была предоставлена свобода предпринимать вторженіе въ ихъ область»[2]).

Далѣе Рёслеръ приводитъ изъ позднѣйшаго времени документъ Ивана Берладника (1134 года), которымъ доказывается существованіе русскаго княжества въ Молдавіи еще въ XII в. Но документъ слишкомъ подозрителенъ, чтобы придавать ему цѣну, хотя самый фактъ существованія русскихъ владѣній и княженіе Ивана Ростиславича не подлежитъ сомнѣнію.

«Громче и внятнѣе, чѣмъ скудныя историческія извѣстія, говорятъ топографическія свидѣтельства — славянскія названія

1) Histor. Polon., p. 1122.
2) Theophylact. Simocatt. p. 299.

мѣстностей. Они не пререкаемы. Они доказываютъ прежнее жительство Русскихъ на почвѣ Молдавіи—въ ея древнемъ объемѣ, когда къ ней принадлежала и Буковина. Здѣсь нельзя думать о Болгарахъ, которые не достигали за Дунай. Видъ молдавской страны, правда, измѣнился со времени господства Римлянъ; страна, до тѣхъ поръ безгородная, покрылась селами и городами, которые отъ своихъ основателей получили румынскія имена; но 302
рѣки и многія поля сохранили славянскіе звуки, идущіе отъ древняго населенія. Подобно надгробнымъ памятникамъ, сохраняютъ они память о націи, которая на этой почвѣ частію отступила назадъ, частію амальгамировалась съ болѣе крѣпкою румынскою народностію. Ибо и теперь вездѣ, гдѣ Румыны живутъ вмѣстѣ со славянскимъ населеніемъ, наблюдается то явленіе, что Славянинъ, легко и охотно усвоивающій румынскій языкъ отъ Румына, пренебрегающаго изученіемъ славянскаго нарѣчія, подвергается денаціонализаціи. Изъ такихъ названій рѣкъ и ручьевъ, еще существующихъ въ Молдавіи, я привожу ради примѣра: Бахлуецъ, Быстрица, Достана (Достаница, рѣка въ Седмиградіи), Іеланъ, Іеланецъ, Іезеру, Кросна, Молдова, Молдовица, Ракова, Щакавецъ, Сланикъ, Стибникъ, Студенецъ, Сущица, Тополица, Тутова.... Имена мѣстъ: Белка, Кукова, Липова, Лунка, Младина, Таборъ, Тройца, Нѣмцы.... Въ Валахіи Русскіе, вѣроятно, были въ меньшемъ числѣ; топографическія имена гораздо рѣже, однако встрѣчаются названія рѣкъ: Димбовица, Яломица, Олтецъ, Милковъ; названія мѣстностей: Крайова, Красна, Яблоница, Рибрицены, Рымникъ, Тирговиште и т. д.

«На почвѣ Седмиградьи мы также натыкаемся на многочисленныя названія мѣстностей, въ которыхъ хранится память о прежнемъ славянскомъ населеніи.... (слѣдуетъ многочисленный списокъ ихъ). Но еще сильнѣе доказываютъ присутствіе Русскихъ въ Седмиградьи тѣ имена, въ которыхъ продолжаетъ жить выраженіе «Русскій» (нѣмецкое Reussen, венгерское Orosz), носимое ими: Reussdorf, Reussdórfchen, Reussen, Reussmarkt (старинное Rhuzmark), Russberg, Russholz, Orosz-faja, Orosz-falu, ‹Orosz-idécs›, Orosz-mezö, Orosz-teluk».

Возраженіе, что Русскіе Седмиградьи, сообщившіе всѣ эти названія, суть позднѣйшіе переселенцы (XV вѣка), Рёслеръ

предупреждаетъ указаніемъ на то, что мѣстныя имена Седмиградьи и восточной Венгріи въ большинствѣ принадлежатъ древнѣйшимъ поселеніямъ, что названія рѣкъ (славянскія) встрѣчаются при началѣ новой венгерско-саксонской культуры, что уже въ XII вѣкѣ на ряду съ собственными географическими именами попадаются и нарицательныя (потокъ, potok, patak, ручей; холмъ, chlŭmŭ).

Выводы Рёслера встрѣтили нѣкоторое противорѣчіе со стороны чешскаго ученаго Томашека (Tomaszek), въ подробной рецензіи на его книгу (Zeitschrift für die Oesterreich. Gymnasien 1872, стр. 141—157) стр. 147 сл.:

«Правда, что славянскіе элементы проникли въ румынскій языкъ, но они проникли въ него не изъ русскаго языка. Русское племя распространилось и расширилось только въ позднѣйшее время; на югъ до Дуная оно никогда не простиралось. Предположеніе, что Славяне, которые распространились на дакійской почвѣ съ VI вѣка, были Русскіе, и что славянскія мѣстности въ этой области доказываютъ присутствіе въ прежнее время русскаго населенія, — произвольно. Нѣтъ никакого основанія отдѣлять тѣ славянскія поселенія, которыя сидѣли на лѣвомъ берегу Дуная и въ области рѣки Тиссы, отъ той большой славянской массы, которая наполняла Балканскій полуостровъ до прихода восточныхъ народовъ и среди которой, послѣ ассимиляціи Болгаръ, достигъ процвѣтанія «древне-болгарскій языкъ». Уже съ эпохи гунской Болгары находились во внутренней связи со Славянами и могли постепенно ассимилироваться съ ними; разбойническія шайки, тревожившія потомъ римскія провинціи, называются то Болгарами, то Славянами; предводитель одной болгар-
303 ской орды носитъ славянское имя Пирагаста (Theophylact. VII, 4, за 596 г.); мѣстомъ его убѣжища называется пространство земли при рѣкѣ Ἠλιβακίας, то-есть, Jalowac, Jalomica; славянскій князь (riga) Мусокъ (Musok) имѣетъ свое мѣстопребываніе на сосѣдней рѣкѣ Παστίριος, то-есть, валашск. Pazę pęręu. Правда, Рёслеръ подробно (стр. 201 — 204) оспариваетъ мнѣніе, что Болгары господствовали въ области на сѣверѣ Дуная, но не опровергая главнаго доказательства. Именно, какъ замѣтилъ Дюммлеръ (Ueber die südöstlichen Marken, S. 9), значитель-

ные остатки Аваровъ были, повидимому, оттѣснены Франками за Тиссу и остались въ сосѣднихъ областяхъ; а около 805 года болгарскій хаганъ Крумъ покорилъ этихъ Аваровъ, вѣроятно, при помощи живущихъ тамъ Словеновъ (Suidas I p. 1017 <s. Βούλγαροι>: ὅτι τοὺς Ἀβάρις κατακράτος ἄρδην ἠφάνισαν οἱ αὐτοὶ Βούλγαροι· ἠρώτησε δὲ Κρὲμ τοὺς τῶν Ἀβάρων αἰχμαλώτους и т. д.); не задолго до своей смерти (814 г.) Крумъ готовясь нанести послѣдній ударъ Византіи, пригласилъ также Аваровъ и соединенныя съ ними славянскія племена (Symeon Mag. p. 617). Итакъ, Болгары господствовали и на сѣверѣ отъ Дуная. Вслѣдствіе того, выраженіе: Βουλγαρία ἐκεῖθεν τοῦ Ἴστρου (см. Рёслера стр. 205) находитъ свое объясненіе, и важность его не можетъ умалить никакая софистика. Позднѣе, при хаганѣ Богорѣ (Богорисѣ), который въ 864 году принялъ христіанство, и эти сѣверные Славяне, называвшіе себя также Болгарами, какъ и южные ихъ собратья, а вмѣстѣ съ ними и Валахи, должны были принять греческое исповѣданіе; впрочемъ, христіанское ученіе еще со времени готскаго князя Атанариха имѣло многочисленныхъ приверженцевъ на дакійской почвѣ».

Легко усмотрѣть, что возраженія чешскаго ученаго слабѣе, чѣмъ доказательства нѣмецкаго. Томашекъ опустилъ изъ виду рядъ словъ чисто русскихъ и мѣстностей, выдающихъ себя и теперь русскими, на которыя указывалъ Рёслеръ, которыя находятся и въ Седмиградьи и даже въ Валахіи (Ursi-tscheni близъ Яломицы). Мы, впрочемъ, не имѣемъ столько свѣдѣній въ этой области, чтобы считать себя въ правѣ произнести окончательный приговоръ. Быть можетъ, весь споръ не имѣетъ большой важности, и противорѣчія легко могутъ быть соглашены, если мы примемъ мнѣніе, высказанное покойнымъ Гильфердингомъ, что Славяне, переселившіеся на Балканскій полуостровъ, выходили изъ нынѣшней Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи, и что то были колѣна славянскія, ближайшія по родству съ племенами Ильменскими и Днѣпровскими (Собраніе сочиненій, I, 15). Мы привели отрывокъ изъ сочиненія Надеждина, указанный намъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, между прочимъ потому, что онъ, кажется, совсѣмъ забытъ у насъ, и выписку изъ сочиненія Рёслера потому, что объ этомъ замѣчательномъ изслѣдованіи въ на-

шей литературѣ не сказано еще ни одного слова. Мы хотѣли также объяснить нерѣшительныя выраженія о древнихъ русскихъ поселеніяхъ на Дунаѣ, употребленныя въ нашей статьѣ.

Но какъ бы то ни было, жили или нѣтъ славянскіе русскіе предки на Дунаѣ во времена глубокой древности, по старымъ слѣдамъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ въ XI и XII вѣкѣ на Дунаѣ несомнѣнно являются новыя русскія поселенія, и если тамъ существовала русская жизнь искони, то оживляютъ ее снова, если же существовала только родственная стихія славянская, то накладываютъ на нее спеціальную русскую окраску. Русскія свидѣтельства о господствѣ русскихъ князей и о житель-
304 ствѣ Русскихъ на Дунаѣ въ XII вѣкѣ извѣстны. Слово о полку Игоревѣ характеризуетъ такими словами могущество Ярослава Осмомысла: «Галичьскы Ярославе Осмомысле! Высоко сѣдиши на своемъ златокованномъ столѣ. Подпеpъ горы Угорскія своими желѣзными пълки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная». Въ другомъ мѣстѣ: «дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси (ихъ) чрезъ море до Кыева» на радости, что «Игорь, князь въ Русьской землѣ», освободился изъ половецкаго плѣна. Можно допустить, что и преданія, записанныя въ нашей лѣтописи о жилищахъ русскихъ Славянъ, присѣдящихъ къ Дунаю, составились въ началѣ XII вѣка, потому только, что въ то время тамъ дѣйствительно оказывались русскія поселенія. Но это уже приводитъ насъ, по крайней мѣрѣ, къ XI вѣку. Точно такъ жеможно объяснять и списокъ городовъ русскихъ позднѣйшимъ господствомъ галицкихъ князей на Дунаѣ и тѣми удѣлами, которые въ XII вѣкѣ русскіе князья получали здѣсь отъ византійскаго императора.

Обращаемся къ византійскимъ источникамъ. Мы привели въ статьѣ свидѣтельство Атталіоты, писателя современнаго, о разнохарактерности населенія въ дунайскихъ городахъ послѣ прекращенія тамъ греческой власти (въ XI вѣкѣ). Разнохарактерность эта существуетъ помимо Печенѣжской орды, поселившейся между Балканами и Дунаемъ. Главные элементы, по крайней мѣрѣ въ городахъ, были славянскіе, что̀ доказывается и назначеніемъ сюда изъ Византіи Несгора, который велъ свой родъ

отъ славянъ — ἀπὸ Ἰλλυριῶν δὲ τὸ γένος ἕλκοντα, Attaliota p. 205,9.

Отъ Анны Комниной мы узнаемъ, что среди этого славянскаго населенія были несомнѣнно Русскіе: властитель одного изъ придунайскихъ городовъ называется чисто русскимъ именемъ Всеслава. Anna p. 182 B ed. Par.: τοῦ τε Τατοῦ καὶ Χαλῆ ὀνομαζομένου καὶ τοῦ Σεσθλάβου καὶ τοῦ Σατζᾶ, -- τοῦ μὲν τὴν Δρίστραν κατέχοντος, τῶν δὲ τὴν Βιτζίναν καὶ τἆλλα. — Βιτζίνα есть скорѣе Бичинъ (Дичинъ русскаго списка), а не Виддинъ, какъ мы написали по недосмотру въ текстѣ статьи. Анна Комнина на той же самой страницѣ (182 AB) прибавляетъ, что когда вышепоименованные варвары (Татушъ-Печенѣгъ, Всеславъ и пр.) господствовали въ придунайскихъ городахъ, то «какой-то родъ скиѳскій, подвергавшійся постоянному разбою Савроматовъ, снявшись съ родины спустился къ Дунаю; переселенцы вошли потомъ въ соглашеніе съ вышеуказанными властителями придунайскихъ городовъ и стали тогда безъ опасенія переходить на другую сторону Дуная, опустошая прилежащую страну, такъ что они захватили даже и нѣкоторые городки. Послѣ этого, пользуясь нѣкоторымъ спокойствіемъ (перемиріемъ), они пахали землю и сѣяли овесъ и пшеницу» (γένος τι Σκυθικὸν παρὰ τῶν Σαυροματῶν καθ' ἑκάστην σκυλευόμενοι, ἀπάραντες τῶν οἴκοι κατῆλθον πρὸς τὸν Δάνουβιν -- σπεισάμενοι γοῦν μετ' αὐτῶν ἀδεῶς τοῦ λοιποῦ διαπερῶντες τὸν Δάνουβιν ἐλήζοντο τὴν παρακειμένην χώραν, ὡς καὶ πολίχνιά τινα κατασχεῖν. κἀντεῦθεν ἐκεχειρίαν τινὰ σχόντες ἀροτριῶντες ἔσπειρον κέγχρους τε καὶ πυρούς). Что переселенцы не были Печенѣги, хотя Скиѳами у Анны по преимуществу называются Печенѣги, это доказывается самымъ способомъ ея выраженій: 305
«какой-то скиѳскій родъ». Такъ она не могла говорить о Печенѣгахъ, слишкомъ хорошо извѣстныхъ изъ ея исторіи. Такой способъ выраженія употребляется въ XII вѣкѣ о Русскихъ (τὸ δ' ἔθνος τῶν Ῥῶς Σκυθικὸν ὄν, Zonar. II, 162 A Par). Извѣстно, что и Русскіе назывались вообще Скиѳами, и въ частности Таврускиѳами: но этого послѣдняго названія Анна не употребляетъ, и, такимъ образомъ, она не имѣетъ никакого спеціальнаго обозначенія для Русскихъ. Далѣе, переселенцы пришли на Дунай, тѣснимые Савроматами или Сарматами: мы знаемъ, что

Сарматами у Анны Комниной называются Узы, или, что то-же—Куманы-Половцы. Узà, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ ея отца, получившій свое имя отъ племени, къ которому принадлежалъ по происхожденію (p. 142 C: Οὐζᾶς δὲ τὴν κλῆσιν φερώνυμον ἐκ τοῦ γένους λαχών), называется Сарматомъ p. 195 D: ὅ τε Οὐζᾶς καὶ ὁ Καρατζᾶς οἱ Σαυρομάται и p. 281 B: τόν τε Οὐζᾶν (ἐκ Σαυροματῶν δὲ οὗτος). Такъ какъ переселеніе «скиѳскаго рода» совершилось послѣ утвержденія Печенѣговъ въ предѣлахъ Византійской имперіи, то кто же могъ быть всего скорѣе тѣснимъ Узами или Половцами, если не Русскіе? Мы указали въ своей статьѣ на то обстоятельство, что въ смутное время, послѣдовавшее за низверженіемъ Михаила VII, придунайская вольница не принимала никакого участія въ борьбѣ претендентовъ, тогда какъ Печенѣги и даже Половцы спѣшили поживиться. Въ связи съ этимъ мы поставили замѣчательный разсказъ Атталіоты, одного изъ придворныхъ Никифора Вотаніата, о посольствѣ со стороны какихъ-то Скиѳовъ, жившихъ около Дуная. Послы заявляли о вѣрности и готовности повиновенія со стороны тѣхъ, кто ихъ отправилъ. Для того, чтобы доставить удовлетвореніе вновь воцарившемуся императору, послы привели съ собою нѣсколько соотечественниковъ, вступившихъ въ связь съ Печенѣгами при Михаилѣ VII, и подвергли ихъ наказанію предъ самимъ императоромъ, называя поступокъ ихъ схизмою и отступничествомъ (Attaliota p. 302 sq.: Οἱ δὲ περὶ τὸν Ἴστρον Σκύθαι -- πρέσβεις ἀπέστειλαν εἰς αὐτόν -- καί τινας ἀποστάτας συνδυάσαι τοῖς Πατζινάκοις ἐπὶ τοῦ προβεβασιλευκότος διαγνωσθέντας ἐνώπιον αὐτοῦ δεινῶς κατηχίσαντο, τὸ σχίσμα πάντως παραδεικνύοντες καὶ τὴν ἀπ᾽ ἐκείνου προφανεστάτην ἀπόστασιν). Скиѳы, приславшіе пословъ,—не Печенѣги, ибо они наказываютъ своихъ за участіе въ печенѣжскихъ набѣгахъ на Византію; это не Куманы, ибо Атталіота и назвалъ бы ихъ такъ, если бы это были они, уже будучи знакомъ съ этимъ именемъ (см. p. 301,1). Замѣчательныя выраженія о схизмѣ и отступничествѣ тѣхъ Скиѳовъ, которые связались съ Печенѣгами, заставляетъ думать о родственномъ по вѣрѣ съ Греками придунайскомъ населеніи — изъ среды его, нужно думать, были виновные—и о дружественномъ отношеніи властителей, отправившихъ посольство.

Мы объясняемъ разсказъ Атталіоты русскими извѣстіями о мирныхъ сношеніяхъ русскихъ князей съ Византіею при концѣ правленія Михаила Дуки и началѣ царствованія Никифора. Мы, во-первыхъ, обращаемъ вниманіе на извѣстіе Татищева (II, 131. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ Русскихъ лѣтописей, Приложенія, стр. 54): «Михаилъ царь Греческій..... прислалъ ко Святославу пословъ со многими дары и обѣщаніи; прося его и Всеволода о помощи на Болгаръ и Корсунянъ (?). Святославъ же, согласяся со Всеволодомъ, хотѣлъ на Болгары самъ итти съ сыны, а Владимира сыновца и съ нимъ сына Глѣба послалъ на Корсунянъ; но вскорѣ самъ разболѣвся пословъ от- 306
пустилъ, съ тѣмъ, что самъ немедленно пойдетъ, или сыновъ своихъ пошлетъ. По смерти же Святослава (25-го декабря 1076 г.) пришла отъ Грекъ вѣдомость, что Михаилъ умеръ, а царство пріялъ Никифоръ (1078 г.). Всеволодъ же войско все распустилъ въ домы, и сыны Владимира изъ Корсуня возвратилъ». Извѣстій Татищева объ отношеніяхъ Русскихъ къ Грекамъ никакъ нельзя отвергать безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Въ нихъ что-то есть. Подобно тому, какъ сейчасъ приведенный отрывокъ совпадаетъ съ византійскими извѣстіями, точно такъ-же и другой разсказъ — о ссорѣ Святополка и Владиміра съ Алексѣемъ и о походѣ русскихъ князей на Корсунь съ Торками (Узами, Половцами?) и Козарами, относящійся къ 1095 году (II, 156. Бестужевъ-Рюминъ, въ вышесказанномъ сочиненіи, стр. 58), совпадаетъ съ освобожденіемъ лже-Діогеновича Половцами изъ заключенія въ Корсунѣ и съ походомъ тестя Святополкова Тугоркана на Византію. Намъ думается, что еще не потеряна надежда открыть источникъ, изъ котораго Татищевъ взялъ эти свѣдѣнія, но въ этомъ источникѣ Татищевымъ, вѣроятно, не все понято и многое искажено. Только въ видѣ рискованной догадки мы можемъ пока предположить, что извѣстный хорошо Корсунь поставленъ Татищевымъ, пожалуй, не всякій разъ на своемъ мѣстѣ, и что въ источникѣ Татищева былъ названъ какой-нибудь похожій городъ (Корчуновъ, Камень?)[1]). Къ тому же почти году

1) [Cp. Prisci fragm. 1 (Hist. gr. min. I 277, 27 Dind.): οἱ δὲ παρὰ Ῥωμαίους καταφυγόντες ἐξεδόθησαν βαρβάροις - -, οὓς ἐν Καρσῷ φρουρίῳ Θρακίῳ οἱ παρειληφότες ἐσταύρωσαν. Procop. De Aedif. p. 308: Καρσώ.]

(1074), подъ которымъ Татищевъ помѣщаетъ извѣстіе о заключеніи союза между Михаиломъ VII и Святославомъ Кіевскимъ, относится пребываніе въ Константинополѣ русскаго митрополита Георгія (начальная лѣтопись подъ 6581=1073 г. П. С. Р. Л. I, 78 сл.). Наконецъ, здѣсь же отмѣчено основаніе церкви Печерской въ Кіевѣ: «Въ се же лѣто основана бысть церквы Печерьская, игуменомъ Ѳеодосьемъ и епископомъ Михаиломъ, митрополиту Георгію тогда сущю въ Грьцѣхъ, Святославу Кыевѣ сѣдящю». Преданія, сохраненныя Кіевскимъ Патерикомъ, совершенно достовѣрно указываютъ, что первыми строителями церкви были художники, прибывшіе изъ Царяграда, точно такъ-же, какъ чрезъ нѣсколько времени оттуда явились и живописцы (Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные Влад. Яковлевымъ, стр. 117 и 121). Все это указываетъ на дружественныя связи русскихъ князей съ Константинополемъ въ концѣ правленія Михаила и въ началѣ правленія Вотаніата, и все это наконецъ подтверждается извѣстіемъ Атталіоты (p. 253 sq.) о русскихъ корабляхъ вблизи Константинополя и о Варяго-Руссахъ, сражавшихся здѣсь около 1078 года за права Михаила Дуки противъ одного изъ узурпаторовъ [1]).

III.

Ѳеофилактъ Болгарскій и его сочиненія.

Кромѣ сочиненій богословскаго содержанія, толкованій на книги Священнаго Писанія новаго и ветхаго завѣта, кромѣ двухъ

---

1) [Въ грамотѣ Михаила Стратіотика 1060 года (Порфирія Успенскаго, Исторія Аѳона, III, 1, стр. 186) говорится, что Лавра св. Аѳанасія на Аѳонѣ освобождается λογαριακῆς εἰσπράξεως Βαράγγων Ῥῶς, ἢ Σαρακινῶν, ἢ Φραγγῶν, ἢ ἑτέρων ἐθνικῶν καὶ Ῥωμαίων.—Ср. хрисовуллъ Алексѣя Комнина 1088 г. (Zachariae v. Lingenthal, Jus Graeco-Rom. III, 373): ῥώσων, βαράννων, κουλπίννων, ἰγγλίνων, φράγγων, νεμίτζων, βουλγάρων, σαρακηνῶν, ἀλανῶν, ἀβασγῶν, ἀθανάτων (an ἀθαμάνων?) καὶ λοιπῶν ἁπάντων ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν. См. хрисовуллы Михаила Дуки 1075 г. и Никифора Вотаніаты 1079 г. (Sathas Bibl. I, p. 55 и 64). Ῥῶς, Βαράγγων, ἢ Κουλπίγγων, ἢ Φράγγων, ἢ Βουλγάρων, ἢ Σαρακηνῶν, ἢ ἄλλων τινων ἀντιμιτάτων ἀπλήκτων.]

сочиненій, драгоцѣнныхъ для исторіи древней Болгарской церкви (жизнь Тиверіупольскихъ мучениковъ и жизнь св. Климента, архіепископа Болгарскаго), знаменитый архипастырь Болгаріи, одинъ изъ образованнѣйшихъ Грековъ своего времени, ученикъ прославленнаго и плодовитаго полигистора и энциклопедиста Михаила Пселла, самъ, до поступленія на Охридскую каѳедру носившій званіе «магистра риторовъ» въ Константинополѣ, — 307
оставилъ намъ нѣсколько мелкихъ произведеній своего пера, одну рѣчь, произнесенную предъ императоромъ, два посланія и цѣлое собраніе писемъ, отправленныхъ къ лицамъ, занимавшимъ самое высокое положеніе при дворѣ императора Алексѣя Комнина и въ церковной іерархіи того времени.

Значеніе и важность этого рода сочиненій при изученіи византійской исторіи очень хорошо оцѣнены покойнымъ византинистомъ Тафелемъ, оказавшимъ такія большія услуги византійской наукѣ изданіемъ мелкихъ сочиненій Евстаѳія Солунскаго и отчасти Михаила Акомината, митрополита Аѳинскаго.

«Исторія Византіи», писалъ онъ, «требуетъ не только новыхъ изслѣдованій, но и новыхъ источниковъ, которыхъ недостатокъ свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ давно ощущаютъ съ неудовольствіемъ. Сочиненія ученаго митрополита Евстаѳія Ѳессаликскаго и Михаила Акомината Аѳинскаго много поясняютъ вѣкъ Комниновъ въ историко-литературномъ, политическомъ и церковномъ отношеніяхъ, особенно въ царствованіе трехъ послѣднихъ Комниновъ, Мануила, Алексѣя II и Андроника. При всемъ томъ для точнѣйшаго познанія 1081 — 1204 годовъ мы все еще до крайности бѣдны источниками, если вспомнимъ, какъ ничтожно, между греческими писателями того времени, число настоящихъ историковъ, изъ которыхъ только одинъ, Киннамъ, былъ современникомъ своего героя, императора Мануила, а Вріенній и Анна писали уже довольно спустя послѣ событій.... Славный періодъ Алексѣя I и его доблестнаго сына и наслѣдника Іоанна, безъ сомнѣнія, также имѣлъ современныхъ историковъ; но надежда отыскать сочиненія писателей того времени, можетъ-быть, всегда будетъ оставаться тщетною.

«Этой бѣдности источниковъ, въ собственномъ смыслѣ историческихъ, кажется, поможетъ обиліе другихъ современныхъ

сочиненій, и поможетъ такъ, что нельзя пренебречь этою помощью: я разумѣю почти безчисленное множество рѣчей на разные случаи, писемъ (посланій) и подобныхъ сочиненій, въ которыхъ муза византійской исторіи пожертвовала собою на службу ораторскому краснорѣчію. Эти источники, взятые въ совокупности, представятъ богатую картину жизни, безъ слѣда погибшей, но проведенной въ образованіи и въ порчѣ образованія, въ непоколебимой вѣрѣ и въ отступничествѣ, въ радости и въ горѣ.... Подробный разборъ ихъ содержанія вскорѣ убѣдитъ, что ихъ надобно признать за источники для современной исторіи, какъ это и теперь уже можно съ буквальною очевидностію доказать близкими отношеніями Никиты Акомината (Хонскаго), въ его повѣствованіи о царствованіяхъ Андроника и Исаака Ангела, къ рѣчамъ митрополита Евстаѳія и многими другими примѣрами».

Прибавимъ къ этому, что бо̀льшая часть указанныхъ сочиненій явно имѣетъ офиціальный характеръ, каковы, напримѣръ, публичныя рѣчи къ императорамъ: изъ такихъ памятниковъ мы пріобрѣтаемъ множество подробностей — именъ и предметовъ — для біографіи, хронологіи, географіи и топографіи, финансоваго управленія, церковной статистики, равно и для объясненія поземельныхъ отношеній. (См. статью А. А. Куника «О трудахъ византиниста Тафеля», Ученыя записки Имп. Академіи Наукъ по I и III отдѣленіямъ, томъ II, стр. 444—454).

Все то, что ученый Тафель говорилъ по поводу изданія со-
308 чиненій Евстаѳія Солунскаго и Михаила Аѳинскаго, вполнѣ можетъ быть приложено къ такого же рода произведеніямъ Ѳеофилакта Болгарскаго. Различіе только въ томъ, что рѣчи, посланія и письма архіепископа Болгарскаго уже давно были изданы, тогда какъ бо̀льшая часть важныхъ, въ историческомъ отношеніи, сочиненій Евстаѳія и Михаила оставались въ архивахъ до временъ Тафеля. Различіе весьма мало существенное, потому что труды Ѳеофилакта Болгарскаго въ старинныхъ и рѣдкихъ изданіяхъ были, можно сказать, такъ-же глубоко погребены, какъ если бы они раздѣляли судьбу многихъ драгоцѣнныхъ рукописей, до сихъ поръ остающихся въ книгохранилищахъ Эскуріала и Венеціи. Мы не видимъ, чтобы кто-нибудь изъ ученыхъ, излагавшихъ исторію Византіи (Лебо, Финлей, Гопфъ), сколько-ни-

будь пользовался живымъ и непосредственнымъ матеріаломъ, заключающимся въ Венеціанскомъ изданіи трудовъ и сочиненій Θеофилакта. Въ послѣднее время перепечатка Миня (Migne, Patrologiae cursus completus) сдѣлала этотъ матеріалъ болѣе доступнымъ[1]). Его значеніе оцѣнилъ одинъ изъ немногихъ русскихъ ученыхъ, занимающихся исторіей Византіи. Е.Е. Голубинскій въ своемъ «Краткомъ очеркѣ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской» (Москва 1871 г.) сообщилъ нѣкоторыя извлеченія изъ переписки Θеофилакта для характеристики внутренняго состоянія Болгарской церкви и слегка сдѣлалъ нѣсколько другихъ указаній.

Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы сочиненія Θеофилакта Болгарскаго уже были введены въ кругъ историческаго изслѣдованія. Самый первоначальный, и поэтому самый важный, вопросъ о хронологіи ихъ еще не былъ подвергнутъ сколько-нибудь внимательному изученію. Въ недавно вышедшей второй части «Опыта Византійской хронографіи» Муральта (Muralt, Essai de chronographie Byzantine 1057—1453, Bâle et Genève—St. Pétersbourg, 1871) не только ничего не сдѣлано въ этомъ отношеніи, но еще гораздо хуже — бо̀льшая часть указаній на Θеофилакта сдѣланы совершенно безтолково и не на мѣстѣ. Несомнѣнно, что составитель хронографіи совсѣмъ не раскрывалъ того или другого изданія твореній Болгарскаго архипастыря. Онъ зналъ о его рѣчахъ и письмахъ только изъ указаній, находящихся въ церковныхъ анналахъ Баронія, и бралъ безъ всякаго размышленія оттуда свои отмѣтки, которыя даже на основаніи его собственнаго труда могутъ быть обличены въ полной нелѣпости. Напримѣръ, подъ 1079 годомъ у Муральта стоитъ: Nicéphore (Вріенній) nomme Jean Arinos (искаженіе вмѣсто Ἄοινος, трезвый) archevêque de Bulgarie après la mort de Jean. Итакъ, въ 1079 году назначенъ былъ на Болгарскую каѳедру Іоаннъ Трезвый, которому послѣ наслѣдовалъ Θеофилактъ (см. у Муральта подъ 1091 г. § 17). Несмотря на это, Муральтъ еще подъ 1073 и 1074 годами ци-

1) [Новыя стихотворенія Θеофилакта изъ cod. Monac. graec. 201, fol. 42 — 43 издалъ въ Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια IV (1883), стр. 141, В. Γεωργιάδης.]

туетъ письма Θеофилакта о дѣлахъ болгарскихъ, писанныя, какъ легко убѣдиться при самомъ бѣгломъ чтеніи, въ званіи архіепископа Болгарскаго. Такіе пріемы въ хронологическомъ сочиненіи, первое достоинство котораго — совершенная точность, объясняютъ, мимоходомъ сказать, почему въ своей статьѣ мы ни разу не считали нужнымъ сослаться на трудъ Муральта.

Здѣсь не мѣсто заниматься хронологіей переписки Θеофилакта, на которую намъ пришлось сослаться только мимоходомъ. Этотъ вопросъ потребовалъ бы довольно сложнаго и длиннаго
309 изслѣдованія. Оставляя такую задачу до другого случая, замѣтимъ только, что послѣ внимательнаго изученія можно принять, что почти всѣ письма Θеофилакта написаны въ періодъ между 1091 и 1108 годами. Самыя интересныя изъ нихъ для характеристики внутренняго состоянія Болгаріи подъ византійскимъ владычествомъ адресованы къ великому доместику и родному брату Алексѣя Комнина Адріану и къ кесарю Вріеннію. Но Адріанъ сдѣлался великимъ доместикомъ съ 1087 года, послѣ смерти Пакуріана (Anna p. 189 C), и умеръ въ апрѣлѣ 1105 года (Montfaucon, Palaeographia graeca p. 47) [1]): этимъ опредѣляется хронологія писемъ къ Адріану и къ Никифору Вріеннію, такъ какъ тѣ и другія — и еще многія — имѣютъ одно и то же содержаніе. Въ нѣсколькихъ письмахъ Θеофилакта совершенно ясно говорится о нашествіи Боэмунда на Византію, какъ это указано еще Дюканжемъ: походъ Боэмунда относится къ 1107 и 1108 годамъ, и это есть послѣдняя точная дата, которую можно дать перепискѣ Θеофилакта. Этихъ замѣчаній пока достаточно.

Но мы обязаны нѣсколько подробнѣе заняться хронологическимъ опредѣленіемъ трехъ произведеній Θеофилакта другого рода, изъ коихъ одно служитъ издавна точкою отправленія для всѣхъ соображеній и догадокъ о времени его вступленія на Болгарскую каѳедру, а два слѣдующія приведены въ довольно подробныхъ изложеніяхъ въ нашей статьѣ и пріурочены къ важнымъ историческимъ событіямъ.

---

1) [О происхожденіи Пакуріана см. Anna p. 50 B Par. и Cedren. II, 447, 22 Bonn. Въ печати, изданной Мордтманномъ, онъ называется: Γρηγόριος σεβαστὸς καὶ δοὺξ ὁ Παχουριανός (Ἑλλ. Φιλολ. Σύλλ. VII, 79). Ср. Georgius Musaeus, Γρηγόριος Παχουριανὸς μέγας δομέστικος τῆς δύσεως. Lipsiae 1888.]

Первое сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: «Иже во святыхъ отца нашего Θеофилакта, архіепископа Болгарскаго, о царскомъ воспитаніи къ Константину Порфирородному» (Παιδεία βασιλικὴ, Institutio regia). Здѣсь Θеофилактъ называетъ себя нѣсколько разъ учителемъ Константина.

Еще ученый Паги, въ критическихъ замѣчаніяхъ на церковныя анналы Баронія, утверждалъ, что это сочиненіе несомнѣнно доказываетъ, будто Θеофилактъ, воспитатель Константина Дуки, жилъ и дѣйствовалъ при Михаилѣ Дукѣ, а не при Алексѣѣ Комнинѣ, какъ заключалъ Дюканжъ изъ писемъ Θеофилакта.

Константинъ Порфирородный, сынъ Михаила Дуки и Маріи изъ рода царей Грузинскихъ, родился около 1074 года. Анна Комнина, которая считалась нѣкоторое время его невѣстою, подъ 1081 годомъ замѣчаетъ, что въ этомъ году ему еще не исполнилось семи лѣтъ (p. 71 C). Въ 1076 году, слѣдовательно, еще двухъ-трехъ лѣтъ, онъ былъ обрученъ съ Еленою, дочерью Роберта Гвискара (Lupus Protospatarius, MG. SS. V, 60: Hoc anno (1076) dedit praefatus dux filiam suam nurum imperatori Constantinopolis. Ср. Scylitz. p. 724 ed. Bonn.; Anna p. 23 B. 28 D. 29 C; Zonaras II, 288 D). Никифоръ Вотаніатъ, овладѣвшій византійскимъ престоломъ въ 1078 году и низвергнувшій Михаила Дуку, разорвалъ этотъ брачный договоръ и отослалъ Елену, которая находилась при Константинопольскомъ дворѣ, къ ея отцу. Самъ Михаилъ Дука былъ заключенъ въ монастырѣ Студійскомъ, равно какъ и жена его съ сыномъ Константиномъ; потомъ бывшій императоръ былъ постриженъ въ монахи и сдѣлался митрополитомъ Ефесскимъ, а Марія, его жена, съ нарушеніемъ церковныхъ законовъ, была обвѣнчана съ Никифоромъ Вотаніатомъ, который уже и безъ того былъ женатъ два раза и, притомъ, его вторая жена была жива (Bryenn. p., 126 sq. ed Bonn; Zonar. II, 291 sq. ed. Par. и проч.). Вслѣдствіе этого политическаго, но преступнаго брака сынъ Маріи отъ перваго мужа Константинъ былъ возвращенъ 310
во дворецъ и вмѣсто простой черной обуви, которую надѣлъ послѣ смерти отца, получилъ право носить разноцвѣтную изъ шелковыхъ матерій (Anna p. 79 C.). Когда Никифоръ Вотаніатъ въ свою очередь былъ низверженъ Алексѣемъ Комнинымъ, который былъ не задолго передъ тѣмъ усыновленъ Маріей и вмѣ-

стѣ съ своимъ братомъ пользовался ея покровительствомъ (Anna p. 44 C sq.), то по просьбѣ матери и на основаніи прежде заключенныхъ условій (ead. p. 46 D и 79 sq.) Константинъ Дука получилъ титулъ императора и право носить опять красную обувь, багряную одежду и царскій вѣнецъ, а имя его провозглашалось на ряду съ именемъ Алексѣя. Когда у Алексѣя Комнина родилась дочь Анна, въ 1083 году (Anna p. 166 BC), то она предназначена была сдѣлаться женою Константина и вмѣстѣ съ нимъ наслѣдницею престола. Имена Константина и Анны провозглашались въ обычныхъ многолѣтіяхъ византійскихъ (ἐν ταῖς εὐφημίαις) непосредственно за именами Алексѣя и супруги его Ирины (ead. p. 167 C). Но по истеченіи нѣкотораго времени вдовствующая императрица Марія и ея сынъ, обрученный съ дочерью Алексѣя, потеряли расположеніе послѣдняго, и ихъ положеніе измѣнилось. Объ этомъ прямо говоритъ Зонара, не щадившій въ своемъ сочиненіи императора Алексѣя Комнина и не желавшій скрывать его неблагодарности. Императрица Марія, которая сначала жила съ приличною ея сану обстановкою въ своемъ дворцѣ при Манганскомъ монастырѣ (Anna p. 80 AB; Zonar. II, 296 CD), должна была, по словамъ Зонары, снять съ себя свѣтскую одежду и надѣть черную монашескую; она сдѣлала это на половину добровольно, на половину по принужденію. У ея сына Константина точно такъ-же были отняты пурпуровыя сандаліи; званіе самодержца и титулъ императорскій остались за однимъ Комнинымъ (Алексѣемъ) (Zonar. l. c.). Когда это произошло, Зонара опредѣлительно не указываетъ. Но мы находимъ нѣкоторые хронологическіе намеки въ VI книгѣ Алексіады, гдѣ Анна разсказываетъ о своемъ рожденіи и о судьбѣ своего дѣтства (p. 167 B sq.). Упомянувъ о своемъ появленіи на свѣтъ, она продолжаетъ: «Такъ какъ Константинъ, сынъ прежняго императора Михаила Дуки, еще соцарствовалъ (συμβασιλεύοντος ἔτι) самодержцу и моему отцу, подписывался вмѣстѣ съ нимъ красными чернилами на дарственныхъ грамотахъ и слѣдовалъ за нимъ въ торжественныхъ процессіяхъ съ тіарою на головѣ, и такъ какъ онъ провозглашался въ многолѣтіяхъ на второмъ мѣстѣ, то и я (обрученная съ Константиномъ) должна была упоминаться въ этихъ возглашеніяхъ, такъ что въ надлежащее время предначи-

натели возглашенія вмѣстѣ произносили имена Константина и Анны. Это исполнялось довольно долгое время». Далѣе цесаревна разсказываетъ, какъ ея родители, послѣ рожденія второй дочери, страстно желали имѣть сына и какъ молились объ этомъ Богу; въ теченіе одиннадцатаго индикта (1087 — 1088 г.) у нихъ наконецъ рождается младенецъ мужескаго пола; описывается радость отца и матери и всѣхъ подданныхъ; впрочемъ, искренность ликованія послѣднихъ Анна заподозрѣваетъ. «Итакъ, желая возвести этого сына въ достоинство самодержца и оставить ему Ромейскую имперію какъ-бы въ видѣ наслѣдства, они (Алексѣй и его супруга Ирина) удостоили его святого крещенія въ Великой церкви и (царскаго) вѣнца. Вотъ что̀ случилось съ нами, родившимися въ пурпурѣ, при самомъ началѣ нашего бытія».

Разсказъ Анны, проникнутый горечью и сдержаннымъ ропо- 311
томъ, заставляетъ думать, что именно рожденіе брата было причиною той перемѣны въ ея судьбѣ и, слѣдовательно, судьбѣ ея нареченнаго супруга, которую она называетъ предзнаменованіемъ будущихъ несчастій своей жизни. Извѣстно, что отношенія между братомъ и сестрой остались навсегда враждебными, что Анна замышляла, послѣ смерти отца (1118 г.), лишить Калоіоанна престола, и что она должна была потомъ удалиться въ монастырь. Обращаясь къ судьбѣ Константина и его матери, мы предполагаемъ, что охлажденіе между ними и Алексѣемъ точно такъ-же было слѣдствіемъ появленія на свѣтъ мужеской отрасли въ царственномъ семействѣ Комниновъ. Въ 1092 году, какъ будетъ ниже показано, Іоаннъ былъ дѣйствительно провозглашенъ императоромъ и соправителемъ своего отца. Около этого времени, нужно думать, прекратились возглашенія Константина и Анны, о которыхъ послѣдняя такъ сожалѣетъ; около этого времени Константинъ Дука лишился императорскаго титула. Принимая слова Зонары въ точномъ буквальномъ смыслѣ, мы должны предположить, что Константинъ потерялъ свое высокое положеніе нѣсколько ранѣе провозглашенія Іоанна императоромъ, ибо Зонара говоритъ, что нѣкоторое время титулъ царскій оставался у одного Алексѣя Комнина. На существованіе охлажденія между императоромъ Алексѣемъ и его прежнею благодѣтельницей и названною матерью около 1090 года указываетъ и слѣдующее обстоя-

тельство: Анна Комнина воспитывалась первоначально въ домѣ царицы Маріи и только на восьмомъ году возраста была взята оттуда своимъ отцомъ (Anna p. 72). Такъ какъ она родилась въ декабрѣ 1083 года, то этотъ фактъ относится къ 1090—1091 годамъ. Совпаденіе его со временемъ провозглашенія сына Алексѣева императоромъ не лишено значенія. Итакъ: 1) Константинъ Дука носилъ титулъ императора несомнѣнно со времени воцаренія Алексѣя Комнина до 1083 года и еще нѣсколько лѣтъ послѣ этого года; 2) онъ потерялъ этотъ титулъ около 1090—1091 года; 3) что касается до времени, когда его мать оставила царскій образъ жизни и начала вести монашескій, надѣвъ черную одежду, то, быть можетъ, это случилось нѣсколько ранѣе, чѣмъ у ея сына былъ отнятъ императорскій титулъ, ибо Зонара ставитъ впереди измѣненіе въ ея положеніи; во всякомъ случаѣ это произошло не тотчасъ послѣ воцаренія Алексѣя, а въ такое время, когда можно было подозрѣвать нѣкоторое принужденіе, то-есть, существованіе вышеупомянутаго охлажденія, слѣдовательно около 1088—1090 годовъ. Полнаго разрыва, впрочемъ, не было и въ 1091 году. Марія, несмотря на монашескую жизнь, владѣла обширными помѣстьями въ разныхъ мѣстахъ имперіи (Anna p. 255 C); ея сынъ Константинъ еще въ 1093 году пользовался покровительствомъ и благосклоннымъ вниманіемъ Алексѣя (Anna p. 247 D. 250 C). Но императрица Марія, страстно любившая своего сына и вступившая нѣкогда въ союзъ съ Комнинами противъ своего второго мужа Никифора Вотаніата съ цѣлію обезпечить за сыномъ наслѣдство престола, таила въ своей душѣ неудовольствіе; если вѣрить Аннѣ Комниной—а причины не вѣрить нѣтъ,—она была замѣшана въ одномъ заговорѣ противъ императора Алексѣя, открытомъ именно въ 1093 году, и не соглашалась на убійство его, на что были готовы другіе заговорщики, ея родственники (Anna p. 261 B). Алексѣй Комнинъ не хо-
312 тѣлъ подвергнуть свою прежнюю благодѣтельницу и союзницу, свою мать по усыновленію, какому-либо открытому преслѣдованію или суду, но, разумѣется, прежнихъ дружескихъ отношеній или даже благосклоннаго вниманія съ его стороны не могла ожидать ни сама Марія, ни ея сынъ. Изъ писемъ Θеофилакта мы знаемъ, что она жила послѣ на одномъ изъ острововъ, служив-

шемъ при прежнихъ императорахъ мѣстомъ ссылки. Неизвѣстно, выдалъ ли бы Алексѣй свою дочь Анну за Константина, если бъ этотъ дожилъ до ея совершеннолѣтія. Онъ умеръ, по словамъ Зонары (II, 298 D), ея женихомъ (ἐπὶ τῇ μνηστείᾳ), а въ 1097 году Анна была уже замужемъ за Никифоромъ Вріенніемъ (Anna p. 295 D), будучи тогда 14-ти лѣтъ отъ роду (Дюканжъ, въ примѣчаніи къ сейчасъ указанному мѣсту, дѣлаетъ ошибку, предполагая, что Анна родилась въ 1086 году).

Теперь мы легко можемъ опредѣлить, къ какому времени относится сочиненіе Θеофилакта о царскомъ воспитаніи. 1) Оно писано тогда, когда Константинъ Дука, съ одной стороны, еще носилъ императорскій титулъ и знаки императорскаго достоинства (Institutio regia, pars II, cap. 27, Migne, Patrol. gr. t. 126 col. 285: οἶδα γάρ, ὦ κράτιστε βασιλεῦ, ὅτι τὰ κόκκινά σοι ὑποδήματα καὶ ἐνδύματα τοῦ πυρός εἰσι σύμβολα), а съ другой — его мать вела монашескую жизнь, носила власяницу и черное облаченіе (ibid., I, cap. 7, col. 260); слѣдовательно, не при Михаилѣ Дукѣ, женою котораго была Марія и съ которымъ она раздѣляла престолъ и блестящую придворную жизнь, и не при Никифорѣ Вотаніатѣ, когда Константинъ Дука не носилъ пурпура. Оно писано при Алексѣѣ Комнинѣ, и притомъ не въ первые годы его правленія, но не позже 1091 года, всего вѣроятнѣе — около 1088 или 1089 года. 2) Въ эти годы Константину было около 14—15 лѣтъ, что̀ вполнѣ согласно съ описаніемъ его физическихъ занятій (ibid., I, c. 4, col. 257: онъ отличается въ искусствѣ верховой ѣзды, ловко владѣетъ копьемъ и лукомъ, никому не уступаетъ въ смѣлости на охотѣ и пр.); что̀, далѣе, вполнѣ согласно съ его умственными занятіями, имѣющими своею цѣлію облагороженіе языка, развитіе ума, пріобрѣтеніе историческихъ познаній подъ руководствомъ многихъ наставниковъ (ibid. I, 13, col. 265).

Среди многихъ наставниковъ занимаетъ мѣсто и Θеофилактъ, тогда еще не носившій архіепископскаго сана. Онъ прямо называетъ себя учителемъ Константина и гордится этимъ званіемъ. Что въ это время, то-есть, въ 1088—1089 годахъ, Θеофилактъ не занималъ еще архіепископской болгарской каѳедры, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, несмотря на довольно,

впрочемъ, странное заглавіе сочиненія. Θеофилактъ не только не упоминаетъ ни однимъ словомъ о высокомъ духовномъ санѣ, не только ни слова не говоритъ о Болгаріи, что̀ составляетъ постоянную тему его писемъ, но прямо называетъ себя жителемъ столицы, «счастливаго» Константинополя (ibid. I, 3, col. 256: οὐχ ὁρᾷς γάρ τοι καὶ τοὺς τῶν δένδρων καρπούς, οἷς ἐντρυφῶμεν οἱ τῆς εὐδαίμονος οἰκήτορες πόλεως). Этимъ устраняютсякакъ возраженія ученаго Паги противъ указаній Дюканжа, такъ и всѣ другія предположенія, между прочимъ и то, которое высказано въ предисловіи къ русскому переводу Толкованія Θеофилакта на Евангеліе (Благовѣстникъ, Ч. I, стр. 7, въ приложеніяхъ къ Правосл. Собесѣднику 1855 г.).

Второе сочиненіе Θеофилакта, имѣющее для насъ первостепенную важность и нѣсколько разъ приводимое въ статьѣ, есть 313
его рѣчь къ императору Алексѣю Комнину. Несмотря на то, что она не имѣетъ даты, мы отнесли ее къ 6-му января, къ празднику Крещенія. Θеофилактъ говоритъ въ своей рѣчи о юномъ сынѣ Алексѣя и его супруги Ирины, который уже присутствуетъ при торжествѣ, «смотритъ уже съ острымъ вниманіемъ», но еще представляется «птенцомъ, ожидающимъ крыльевъ». Ораторъ обращается къ отцу съ такими вопросами: «Но почему ты, отецъ, оказываешься въ отношеніи къ сыну болѣе медлительнымъ, чѣмъ требуетъ сама природа? Почему не опредѣляешь царемъ царственнаго сына, но отлагаешь желаемое провозглашеніе? (Τί μὴ τὸν βασιλέα υἱὸν καὶ βασιλέα γνωρίζεις, ἀλλ' ἀναδύῃ τὴν ποθουμένην ἀνάρρησιν. Cap. 7, Migne, t. 126 col. 301). Почему не даешь имени тому, кто участвуетъ по природѣ въ самой вещи (означаемой именемъ)? Но если бы ты даже не хотѣлъ, непреложный законъ природы таковъ, что львиный дѣтенышъ будетъ львомъ». Итакъ, хронологическія границы, въ которыхъ должна помѣститься рѣчь Θеофилакта, очень тѣсны. Мы знаемъ годъ рожденія Іоанна — это одиннадцатый индиктъ, то-есть, 1087—1088 годъ. Мы имѣемъ возможность опредѣлить совершенно точнымъ образомъ время, когда Іоаннъ былъ провозглашенъ императоромъ. Само собою разумѣется, что оно будетъ находиться не въ дальнемъ разстояніи отъ произнесенія рѣчи. Θеофилактъ могъ обращаться съ смѣлыми вопросами къ

отцу, только зная его намѣренія, зная, что запросъ будетъ пріятенъ. Точныя указанія на время провозглашенія Іоанна императоромъ представляютъ документы Неаполитанскаго архива (Regii Neapolitani archivi monumenta, vol. V), съ обозначеніемъ византійскихъ императоровъ, номинальная власть которыхъ признавалась въ Италіи и послѣ ея фактическаго прекращенія. Приводимъ рядъ тѣхъ, которые обозначены первымъ годомъ соправленія Іоанна.

1) № 457 (V, 146). In nomine domini Dei salvatoris nostri Ihesu Christi imperante domino nostro Alexio magno imperatore anno duodecimo, sed et Iohannes porfilogenito (sic) magno imperatore eius filio anno primo. die quinta decima mensis nobembrii indictione prima. Neapoli. Двѣнадцатый годъ царствованія Алексѣя начался съ апрѣля 1092-го года, въ ноябрѣ же этого года Іоаннъ извѣстенъ въ Неаполѣ какъ соправитель отца.

2) № 458 (V, 148). Alexio--anno duodecimo, sed et Iohannes porfilogenito--anno primo. die nona mensis Decembrii indictione prima.

3) № 462 (V, 157). Iohannes--anno primo. die quinta decima mensis Februarii indictione prima.—Февраль 1093 года.

4) № 463 (V, 159). Iohannes--anno primo. die sexta mensis Martii.

5) № 464 (V, 165). Iohannes--anno primo. die nona mensis Aprelis.

6) № 467 (V, 174). Imperante domino nostro Alexio magno imperatore anno tertiodecimo, sed et Iohanne porfilogenito magno imperatore eius filio anno secundo. die prima mensis Septembrii indictione secunda.

Итакъ, въ ноябрѣ 1092 года былъ первый годъ царствованія Іоанна, а въ сентябрѣ 1093 года уже второй. Нужно думать, что именно при наступленіи новаго (сентябрьскаго) года въ 1092 году Іоаннъ и объявленъ былъ императоромъ[1]).

1) [Cp. Chron. Andr. Dand., Muratori XII, 258: Post Gotifredi obitum--Alexius Augustus Joannem Porphyrogenitum sibi aequalem et postea successorem constituit.]

Обращаемся къ рѣчи Θеофилакта. Она произнесена между 1088 годомъ и сентябремъ 1092 года; въ ней говорится о борь-
314 бѣ съ Печенѣгами и о заключеніи съ ними мира. Такъ какъ событія этихъ годовъ очень подробно описаны у Анны Комниной, то намъ нужно было только отыскать тотъ годъ, въ который былъ заключенъ миръ съ Печенѣгами, что̀ мы и сдѣлали. Анна говоритъ о мирѣ съ Печенѣгами, заключенномъ, по ходу ея разсказа, съ наступленіемъ зимы 1089 — 1090 года. Далѣе, она произнесена въ такой день, когда существующій обычай требовалъ этого, на что указывается въ самомъ приступѣ оратора. Въ одномъ драгоцѣнномъ рукописномъ сборникѣ Эскуріальской библіотеки, оглавленіе котораго напечатано Миллеромъ въ описаніи эскуріальскихъ греческихъ манускриптовъ (E. Miller, Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escurial, Paris 1848), мы находимъ цѣлый рядъ указаній, что византійскій церемоніалъ XII вѣка требовалъ произнесенія рѣчи предъ императоромъ въ праздникъ свѣтовъ, то-есть, въ день Богоявленія (см. стр. 208 сл.). Тутъ же указана причина, почему одинъ разъ рѣчь произнесена ранѣе обычнаго дня: императоръ отправлялся въ походъ. (Ср. также стр. 211 сл.). Нужно думать, что обычай, существовавшій до послѣдняго времени въ нашихъ семинаріяхъ, по которому ученики риторики говорили въ Рождественскій праздникъ рѣчи предъ архіереемъ, ведетъ свое начало отъ этого византійскаго обыкновенія.

Опредѣливъ время, когда произнесена рѣчь Θеофилакта къ Алексѣю Комнину, мы должны сдѣлать, на основаніи ея, еще два замѣчанія. Рѣчи въ праздникъ свѣтовъ произносятся главнымъ офиціальнымъ риторомъ, который завѣдуетъ Константинопольскою риторическою школою. Въ концѣ своей рѣчи Θеофилактъ обращается къ своимъ спутникамъ, сопровождавшимъ его во дворецъ: «Я теперь, дѣти мои, поставилъ основу драгоцѣнной одеждѣ царскаго благохваленія, а вы должны на ней выткать свою ткань. Я для того и передалъ вамъ свое искусство, чтобы драгоцѣнная одежда была какъ можно пестрѣе и совершеннѣе» (Migne, t. 126 col. 305). По оглавленію Эскуріальскаго сборника, крещенскую рѣчь также произноситъ обыкновенно магистръ риторовъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что и въ началѣ

1090 года Θеофилактъ не былъ еще Болгарскимъ архіепископомъ? Изъ одного письма, принадлежащаго Θеофилакту, мы видимъ, что, получивъ санъ архіепископа, онъ не сохранилъ званія магистра риторовъ. «Кто бы собралъ вокругъ меня хоръ риторовъ, чтобъ я, сдѣлавшись ихъ корифеемъ, чѣмъ я былъ нѣкогда, и подавъ имъ тонъ, сообща исполнилъ словесный танецъ», пишетъ онъ, сбираясь восхвалить одного изъ близкихъ родственниковъ императора и прося его доказать свое расположеніе къ архіепископу покровительствомъ его роднымъ на Еврипѣ (Евбеѣ, Негропонтѣ) и въ Греціи (см. письмо № 2 изъ сборника Ватиканскаго, Migne, t. 126 col. 309 и 312).

Второе замѣчаніе по поводу рѣчи Θеофилакта императору Алексѣю будетъ опять касаться Константина Дуки. Почему Θеофилактъ, прославляющій братскую любовь и совокупное управленіе имперіей сыновей Анны Далассины — Алексѣя и Исаака, не упомянулъ ни даже однимъ словомъ о другомъ императорѣ, своемъ ученикѣ? Не заключается ли причина именно въ его приглашеніи, обращенномъ къ Алексѣю, провозгласить императоромъ сына Іоанна, то-есть, не понималъ ли тонкій ораторъ, что при существованіи у Алексѣя собственнаго наслѣдника, при 315
охлажденіи его къ Маріи и Константину, благоразуміе и приличіе требуетъ пройти молчаніемъ эти отношенія?

Третье и послѣднее сочиненіе Θеофилакта, о которомъ мы должны сказать нѣсколько словъ для объясненія мѣста, даннаго ему въ статьѣ, есть его знаменитое посланіе о заблужденіяхъ латинянъ. Въ примѣчаніи, сопровождающемъ сдѣланныя нами извлеченія изъ этого сочиненія, указано лицо или, лучше сказать, лица, къ которому или къ которымъ обращено посланіе. Въ текстѣ отмѣчены тѣ выраженія, которыя указываютъ на какія-то, какъ будто предстоящія, пренія съ латинянами, на имѣющійся въ виду случай, когда латиняне могутъ представить свои обвиненія противъ греческой церкви, и т. д. Намъ кажется, такимъ образомъ, что самое содержаніе посланія о заблужденіяхъ латинянъ и его тонъ даютъ право сопоставить его появленіе съ извѣстіемъ Готфрида Малатерры, писателя современнаго, о соборѣ, предположенномъ на 1091 годъ въ Константинополѣ съ цѣлію примиренія обѣихъ церквей. Мы можемъ прибавить къ этому,

что посланіе писано Ѳеофилактомъ уже въ званіи архіепископа, какъ это прямо сказано въ самомъ началѣ, слѣдовательно, послѣ 1089 и не въ началѣ 1090 года. Оно писано не позднѣе 1108 года, потому что около этого времени прекращается переписка Ѳеофилакта съ друзьями и покровителями, что̀ предполагаетъ конецъ его дѣятельности и самой жизни. Что посланіе написано архіепископомъ Болгарскимъ не изъ одной потребности высказать свой взглядъ на причины церковнаго раздѣленія, взглядъ, не многими раздѣляемый, хотя весьма авторитетно развитый еще патріархомъ Антіохійскимъ Петромъ, это видно изъ вступительныхъ строкъ сочиненія, гдѣ сказано, что «настоящее время, какъ суровый и грубый привратникъ, какъ бы выталкиваетъ этотъ вопросъ на обсужденіе». Есть извѣстіе о дальнѣйшихъ сношеніяхъ между Греками и латинянами въ промежуткѣ между 1090 и 1108 годами въ видахъ обсужденія того же самаго вопроса о соединеніи церквей. Греки присутствовали на «всеобщемъ» соборѣ, созванномъ папою въ городѣ Бари въ 1098 году, и подняли вопросъ объ исхожденіи Святого Духа, но были, будто бы, побѣждены въ диспутѣ Ансельмомъ Кентерберійскимъ (Florentii Wigorniensis historia, MG. SS. V, 564. Ср. Lupus protospat., MG. SS. V, 63. Объ этихъ попыткахъ примиренія церквей въ XI и XII в. есть статья игумена Арсенія въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія Ч. 133 (1867 г.), Отд. II, стр. 499 сл.: тамъ, на стр. 503, говорится и о соборѣ Барійскомъ). Но едва-ли Барійскій соборъ 1098 года такъ близко интересовалъ клиръ Софійской церкви въ Константинополѣ; Греки, споривше на немъ съ Ансельмомъ, могли быть просто мѣстные Греки. Притомъ, 1098 годъ — это не было уже такое суровое время, какъ предшествовавшіе годы. Мы наконецъ прибавляемъ въ дополненіе и подтвержденіе къ свидѣтельству Малатерры о соборѣ, предполагавшемся въ Константинополѣ, указанія, находящіяся въ догматической исторіи Георгія Метохиты (Novae patrum bibliothecae ab Angelo Maio editae t. VIII a Iosepho Cozza absolutus, Romae 1871, pars II, c. 16 p. 21). Латинствующій Грекъ разсказываетъ, что Алексѣй Комнинъ, по вступленіи на престолъ, несмотря на многія заботы и великія предпріятія, былъ сильно занятъ вопросомъ объ уничтоженіи схизмы; ду-

мая, что прежде съ обѣихъ сторонъ дѣло было ведено нехорошо, онъ «составилъ судъ, собралъ соборъ епископовъ» (ἀρχιερέων συναθροίζει κατάλογον), предложилъ имъ примириться съ западною цер- 316
ковію, порицалъ раздѣленіе, указывалъ на его безполезность и вредъ и настаивалъ на неканоничности исключенія папскаго имени изъ диптиховъ. Подробное изложеніе всего этого Метохита читалъ въ какомъ-то документѣ, хранящемся въ архивѣ, въ которомъ желающій и можетъ найти болѣе полное и ясное объясненіе. Метохита знаетъ, что старанія Алексѣя не достигли цѣли, но не умѣетъ указать настоящей причины такой неудачи.

IV.

О посланіи императора Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому.

Приводимъ прежде всего замѣчанія Зибеля, сдѣланныя въ его классическомъ сочиненіи о первомъ крестовомъ походѣ, первую часть котораго составляетъ критика источниковъ и литературы для исторіи этого великаго событія:

«Аббатъ Гибертъ въ своей исторіи крестоваго похода даетъ намъ первое извѣстіе объ этомъ посланіи и сообщаетъ его содержаніе довольно подробно. Сверхъ того, мы имѣемъ другую копію посланія въ сборникѣ Мартеня (Martène, Thesaur. anecdot., I, col. 267 сл.), во многихъ отношеніяхъ до того сходную съ изложеніемъ Гиберта, что на этомъ основаніи высказаны были весьма положительныя сомнѣнія противъ подлинности всего документа. Критика принимала въ разсчетъ молчаніе греческихъ источниковъ, ссылаясь на замѣтную часто недостовѣрность Гиберта, и объявляла редакцію Мартеневскаго сборника за одно изъ монашескихъ упражненій, обыкновенныхъ въ средніе вѣка, за вольную переработку Гибертова текста. Къ тому же, нѣкоторая странность содержанія не могла быть отрицаема; въ документѣ не встрѣчали высокомѣрнаго канцелярскаго стиля Греческой имперіи и находили, въ видѣ приманки для христіанскихъ крестоносцевъ, неприличную похвалу восточнымъ женщинамъ, совершенно ребяческую въ устахъ византійскаго властителя.

«Я очень далекъ отъ того, чтобы защищать подлинность Мартеневскаго посланія; вѣроятность предполагаемой переработки бросается въ глаза сама собою, и до сихъ поръ недостаетъ какого-либо положительнаго удостовѣренія въ его пользу. Но я тѣмъ болѣе считаю нужнымъ взять подъ защиту Гиберта, которому, какъ увидимъ ниже, не такъ легко взвалить на плеча обвиненіе въ вымыслѣ. Куда приведетъ насъ—въ исторіи этого времени, и прежде всего относительно греческихъ дѣлъ—тотъ чисто отрицательный пріемъ историческихъ доказательствъ, на основаніи которыхъ отказываютъ въ вѣрѣ свѣдущему западному писателю, потому только, что Византіецъ умолчалъ, что его императоръ умолялъ о помощи какого-то Фландрскаго графа? Въ высшей степени вѣроятно, что Гибертъ получилъ упомянутое сообщеніе непосредственно отъ самого графа. Мнѣ кажется, что мы можемъ удивляться странности содержанія, но не должны отвергать совершенно того, что, на ряду съ извѣстіями Альберта (Ахенскаго) и Вильгельма (Тирскаго), никогда не подвергавшимися сомнѣнію, представляется все-таки фактомъ, не выходящимъ изъ ряда совершенной обыденности».

Мы, съ своей стороны, пришли къ убѣжденію, почти діаметрально противоположному мнѣнію Зибеля. Мы считаемъ до-
317 кументъ, какъ онъ сообщается у Мартеня, совершенно подлиннымъ и, допуская, что Гибертъ имѣлъ его подъ рукой, и слѣдовательно не обвиняя этого писателя въ совершенномъ вымыслѣ, утверждаемъ, что аббатъ монастыря Ножанскаго прибавилъ нѣкоторыя собственныя украшенія, и что именно то, что есть особенно страннаго въ Гибертовомъ изложеніи посланія, принадлежитъ только самому Гиберту.

Сообщаемъ, во-первыхъ, болѣе подробную исторію документа. Въ первый разъ его напечаталъ не Мартень, а Дюканжъ въ своихъ комментаріяхъ къ Алексіадѣ Анны Комниной ‹p. 201 D›. Но слѣдуетъ думать, что Дюканжъ имѣлъ въ рукахъ списокъ или слишкомъ ветхій, или очень неразборчивый. Документъ напечатанъ въ изданіи Дюканжа со многими пропусками: недостаетъ иногда нѣсколькихъ словъ, а иногда и цѣлыхъ строкъ. Очень замѣчательно, что вездѣ, гдѣ должно бы стоять имя Печенѣговъ, стоитъ рядъ точекъ: Дюканжъ или не могъ угадать настоящаго

чтенія, не могъ прійти къ мысли, что крестовый походъ, по мысли восточнаго императора, назначался первоначально не противъ однихъ Сельджуковъ, а прежде всего противъ Печенѣговъ, или же онъ не хотѣлъ дѣлать даже легкую попытку къ возстановленію текста либо стертаго, либо неразборчиваго. Изъ того обстоятельства, что точки стоятъ всегда и непремѣнно тамъ, гдѣ послѣ явились Печенѣги (въ изданіяхъ Мартеня), можно, конечно, заключить, что списокъ документа, находившійся въ рукахъ Дюканжа, скорѣе былъ неразборчивъ, чѣмъ встхъ. Но — что̀ особенно важно — Дюканжъ указываетъ, откуда онъ взялъ свой документъ, и приводитъ его съ надписаніемъ, котораго нѣтъ въ Мартеневскихъ изданіяхъ. Онъ взялъ документъ изъ рукописнаго кодекса, содержавшаго въ себѣ Іерусалимскую исторію (Historia Hierosolymitana, то-есть, исторію перваго крестоваго похода) Роберта Монаха. Жаль, что онъ при этомъ ни слова не сказалъ о самомъ кодексѣ, откуда онъ и какого вѣка. Робертъ Монахъ, современникъ перваго крестоваго похода, присутствовалъ на Клермонтскомъ соборѣ; списки его сочиненій очень древни: въ Парижѣ—XIII вѣка, въ Монпелье—XII вѣка, въ Компьени—XII вѣка. Надписаніе, которое въ кодексѣ Дюканжа стояло наверху посланія, было слѣдующее:

«Посланія такого содержанія (hoc exemplar epistolae) за четыре года до славнаго пути Іерусалимскаго отправлены были Константинопольскимъ императоромъ ко всѣмъ западнымъ церквамъ, но особенно (praecipue tamen) къ графу Роберту Фландрскому; ибо оный графъ уже воротился отъ гроба Господня съ посохомъ и сумой, и во время сего путешествія они увидѣлись и имѣли между собою привѣтливый и дружественный разговоръ. Но означенный императоръ, какъ самъ жалуется въ своемъ письмѣ, былъ крайне утѣсненъ проклятымъ народомъ языческимъ (a nefanda gente paganorum), надъ коимъ власть держалъ Солиманъ старый, отецъ младшаго Солимана (то-есть, того, котораго наши впослѣдствіи побѣдили въ воинственномъ столкновеніи, какъ упоминаетъ объ этомъ сія книга, и принудили бѣжать). По сему не мало нужно удивляться, отъ чего сказанный императоръ всегда имѣлъ такую ядовитую душу (venenosum animum) противъ нашихъ и не побоялся воздать зломъ за добро».

Послѣ Дюканжа документъ, въ болѣе исправномъ видѣ, но
непзвѣстно по какимъ спискамъ, былъ напечатанъ Мартенемъ,
и не однажды, а два раза: сначала въ Thesaurus anecdotorum
318 novus, Paris. 1717 года, потомъ въ Veterum scriptorum et monumentorum historicorum, ecclesiasticorum, dogmaticorum, moralium amplissima collectio, Paris. 1724 — 39 (t. I, col. 572 sq.). Второе изданіе документа у Мартеня не представляетъ никакого существеннаго отличія отъ перваго, за исключеніемъ болѣе правильнаго и яснаго чтенія нѣкоторыхъ словъ. Такъ, въ первомъ изданіи напечатано: imperium christianorum Graecorum angustiatur--a Pincinaois et Turcis, а во второмъ:--a Pincinnatis et Turcis; далѣе — въ первомъ изданіи читается: semper a facie Turcorum et Pinemacorum fugio, во второмъ: a facie Turcorum et Pincinatorum fugio. Но одно слово, очевидно, лучше прочитано въ первомъ изданіи, чѣмъ во второмъ, именно: въ первомъ: regiones et insulae -- usque Thracias ab eis jam invasae sunt, а во второмъ: usque Tachias. <См. ниже, стр. 164*>.

Переходимъ къ вопросу о томъ отношеніи, которое существуетъ между изложеніемъ посланія у Гиберта Ножанскаго (de Novigento) и между Дюканже-Мартеневскимъ документомъ, выдающимъ себя за самое подлинное посланіе.

Гибертъ, аббатъ монастыря Ножанскаго (sanctae Mariae de Novigento, Nogeant sous Coucy), извѣстный своею автобіографіей (De vita sua), есть также авторъ исторіи перваго крестоваго похода, носящей заглавіе: Gesta Dei per Francos sive Historia Hierosolymitana. Первая часть этого сочиненія, которая насъ прежде всего интересуетъ, написана или въ 1108 году, или не далѣе какъ въ 1109. Гибертъ говоритъ въ ней о походѣ Боэмунда на Византію, какъ о событіи, еще продолжающемся, и ожидаетъ отъ него большихъ результатовъ — низверженія съ престола Алексѣя Комнина[1]). Въ пятой главѣ (первой части) ученый аббатъ сообщаетъ содержаніе того посланія, съ которымъ Византійскій императоръ обратился къ графу Фландріи.

1) [Migne, Patr. lat. t. 156 col. 696: Auditum tamen nobis constat--matrem hunc (duxium) habuisse sortilegam -- Cujus oraculum ipsis effectibus explere forsitan Boemundus affectat. Col. 715: praedicti Alexis agressus est obtinere violenter imperium.]

Причина, почему Алексѣй, нуждаясь въ помощи Запада, обратился именно къ Роберту старшему, заключается въ прежнемъ знакомствѣ: Фландрскій графъ «отправился нѣкогда въ Іерусалимъ ради молитвы и случайно, имѣя на пути Константинополь, говорилъ съ самимъ императоромъ, вслѣдствіе чего, внушивъ большое къ себѣ довѣріе, сдѣлался первымъ его прибѣжищемъ въ испрошеніи помощи». «Самаго письма» говоритъ Гибертъ «я не хочу помѣщать въ своемъ сочиненіи, но сообщу только нѣчто изъ его содержанія, выразивъ при томъ это собственными моими словами» (Col. 693: Ipsam autem epistolam, quam inserere opusculo isti omnino piguit, quaedam ibidem dictorum, verbis tamen vestita meis, proferre libuit).

Гибертъ сообщаетъ затѣмъ изъ письма императора жалобы на превращеніе христіанскихъ церквей въ мечети, въ конюшни, въ стойла для муловъ и другихъ животныхъ; на убійства, совершаемыя надъ христіанами, на насилія, которымъ подвергаются греческія дѣвы и жены и даже лица мужескаго пола. Все изложеніе здѣсь очень близко къ тому, что мы читаемъ въ Мартеневскомъ документѣ; но есть стилистическія отличія, которыя не говорятъ въ пользу первоначальности Гибертова текста сравнительно съ текстомъ Мартеня и Дюканжа.

У Гиберта Алексѣй Комнинъ пишетъ: «впрочемъ, я не буду говорить напрасно объ убіеніи католиковъ, потому что умершимъ въ вѣрѣ предстоитъ воздаяніе жизни вѣчной, а оставшіеся въ живыхъ подъ игомъ жалкаго рабства ведутъ жизнь, какъ я думаю, горчайшую самой смерти». Этого страннаго риторическаго перехода отъ убійствъ, совершенныхъ Турками, къ насиліямъ надъ живыми нѣтъ въ документѣ Мартеня и Дюканжа; точно 319
такъ-же нѣтъ тамъ и слова католикъ. Описавъ мерзкія и срамныя насилія невѣрныхъ надъ христіанами, аббатъ Гибертъ заставляетъ Восточнаго императора писать: «Не щадя женскаго пола, что̀ еще можетъ быть извиняемо ради требованій природы, они обращаются и на мужескій, перенося на него злое звѣрство, нарушая законы человѣчества». Опять въ документѣ Мартеня, который впрочемъ совершенно близокъ къ Гиберту, нѣтъ этого неумѣстнаго извиненія турецкимъ злодѣйствамъ. Относительно ужасной смерти одного епископа, о чемъ въ документѣ

упомянуто мимоходомъ, въ одной строкѣ, у Гиберта снова стереотипныя фразы монаха-проповѣдника о похоти, «которая чѣмъ чаще погашается, тѣмъ болѣе живымъ пламенемъ возжигается» и т. д. Впрочемъ это послѣднее мѣсто, вопреки изданію, которое у насъ находится подъ руками (и въ которомъ оно отмѣчено ковычками), мы готовы считать за одно изъ размышленій, сопровождающихъ у Гиберта выдержки изъ письма.

Затѣмъ Гибертъ Ножанскій слѣдующимъ образомъ передаетъ дальнѣйшее содержаніе письма къ графу Роберту: «Послѣ разсужденія, со многими жалобами, объ осадѣ Константинополя, которой онъ всего болѣе опасался, и которая уже предстояла послѣ перехода (то-есть, Турками) пролива св. Георгія, онъ (императоръ) между прочимъ пишетъ, что, если намъ не представляется другого повода помочь ему, то, какъ онъ утверждаетъ, знаменитѣйшій городъ въ высшей степени достоинъ всякой помощи ради шести Апостоловъ, тѣла которыхъ тамъ погребены, дабы они не были сожжены огнемъ или ввержены въ морскую пучину».

Соотвѣтственно этому въ документѣ Мартеня — исчисленіе провинцій, занятыхъ Турками, до самой Θракіи, указаніе на то, что у Грековъ остается почти одинъ Константинополь, который, однако, они угрожаютъ скоро отнять, упоминаніе о двухъ стахъ корабляхъ, построенныхъ для нихъ (то-есть, для Турокъ Чахи) Греками, ссылка на помощь, оказанную въ прошедшемъ году Грекамъ латинскими христіанами. И тутъ же замѣчательное сознаніе Алексѣя, что онъ бѣгаетъ предъ лицомъ Турокъ и Печенѣговъ, и, наконецъ, гораздо болѣе подробное вычисленіе мощей и святынь Византійскихъ.

Оставивъ въ сторонѣ другія святыни, перечисленныя въ документѣ, аббатъ Гибертъ останавливается на главѣ св. Іоанна Крестителя и пользуется упоминовеніемъ объ этой святынѣ въ письмѣ Алексѣя для доказательства, что Анжерскіе монахи совершенно ложно хвалятся такою же точно святынею[1]). Вопросъ о святыхъ мощахъ занималъ ученаго аббата Ножанскаго; онъ написалъ объ этомъ цѣлое сочиненіе (De pignoribus sanctorum.

1) [О главѣ св. Іоанна Крестителя см Ademar. MG. SS. IV, 141.]

Migne, Patrol. lat. t. 156 col. 611 — 680). Но во всякомъ случаѣ замѣчательна его увѣренность въ подлинности и авторитетѣ посланія къ Роберту Фландрскому, если онъ пользуется имъ въ ущербъ интересамъ католичества.

Въ самомъ концѣ у нашего автора приводятся слова, которыя будто бы были написаны Византійскимъ императоромъ и въ которыхъ этотъ послѣдній будто бы соблазнялъ Франковъ прійти къ нему на помощь красотою греческихъ женщинъ, какъ будто, прибавляетъ ученый аббатъ, — греческія женщины въ какомъ-либо отношеніи превосходили французскихъ. Затѣмъ слѣдуютъ довольно пелѣпые разсказы о законодательствѣ Византійскаго императора Алексѣя Комнина, показывающія, что свѣдѣнія Гиберта о Востокѣ не всегда были получаемы изъ чистыхъ 320
источниковъ, и что ножанскій аббатъ былъ весьма дурно расположенъ къ Грекамъ и повелителю ихъ. Въ концѣ главы онъ изъявляетъ желаніе, чтобы Боэмунду удалось исполнить то предсказаніе, которое сдѣлала матери Алексѣя одна волшебница, именно, что сынъ, имѣющій отъ нея родиться, будетъ лишенъ царства однимъ Франкомъ.

Внимательный читатель долженъ остановиться на томъ обстоятельствѣ, что въ концѣ документа, сообщаемаго Дюканжемъ и Мартенемъ, нѣтъ той неприличной похвалы красотѣ греческихъ женщинъ, которую мы находимъ у Гиберта.

Что же слѣдуетъ изъ нашего сличенія Мартеневской редакціи посланія и его изложенія Гибертомъ?

Обѣ редакціи—и полная у Мартеня, и сокращенная у Гиберта—находятся въ такомъ несомнѣнномъ и близкомъ родствѣ одна съ другою, что, дѣйствительно, нельзя ихъ считать самостоятельными, но одна непремѣнно происходитъ отъ другой.

Никакъ нельзя думать, чтобы болѣе полная редакція была переработкою болѣе краткой редакціи Гиберта, монашескою поддѣлкою именно на тему, сообщенную Гибертомъ. 1) Полная редакція, какъ мы ее читаемъ у Мартеня, сообщаетъ гораздо болѣе вѣрныхъ и точныхъ историческихъ фактовъ, чѣмъ ихъ находится въ изложеніи Гиберта Ножанскаго. Гибертъ Ножанскій, подобно всѣмъ западнымъ историкамъ крестовыхъ походовъ, ничего не знаетъ объ одномъ изъ главныхъ враговъ Византій-

ской имперіи, именно о Печенѣгахъ; въ самомъ изложеніи посланія Алексѣева у него нѣтъ ни одного мѣста, въ которомъ упоминалось бы объ этихъ кочевникахъ. Между тѣмъ документъ, сообщаемый Мартенемъ и Дюканжемъ, нѣсколько разъ называетъ Печенѣговъ и указываетъ на ихъ грозную роль въ печальныхъ судьбахъ имперіи. Изъ Анны Комниной мы знаемъ, что Алексѣй Комнинъ дѣйствительно нѣсколько разъ бѣгалъ отъ этихъ свирѣпыхъ враговъ, что они не задолго до прихода крестоносной рати являлись предъ воротами Константинополя. Гибертъ Ножанскій ничего не знаетъ о флотѣ, построенномъ для Турокъ малоазіатскими Греками, а редакція Мартеня упоминаетъ объ этомъ фактѣ, извѣстномъ намъ по книгѣ цесаревны Анны, и т. д. 2) Приведенное у Дюканжа надписаніе, которое носилъ документъ, приложенный къ сочиненію монаха Роберта, указываетъ на годъ отправленія письма къ графу Роберту, чего опять нѣтъ у Гиберга, и указываетъ совершенно вѣрно, если мы будемъ считать началомъ Іерусалимскаго пути Клермонтскій соборъ или даже движеніе народныхъ массъ съ Петромъ Пустынникомъ и другими. 3) Въ краткой редакціи Гиберта есть нѣкоторыя странныя мѣста, обличающія церковную монашескую риторику, есть въ отдѣльныхъ случаяхъ бросающаяся въ глаза, надутая амплификація, въ сравненіи съ которою полный текстъ является болѣе естественнымъ, простымъ и на сей разъ даже болѣе краткимъ. 4) Въ редакціи Мартеня нѣтъ крайне страннаго мѣста о греческихъ женщинахъ, что̀, очевидно, прибавилъ отъ себя аббатъ Гибертъ.

Итакъ, остается сказать то, что говорилъ въ сущности и самъ авторъ краткой редакціи посланія. Гибертъ передавалъ своими словами и съ большими сокращеніями (нѣчто, quaedam) болѣе полный текстъ посланія, именно тотъ самый текстъ, который мы теперь имѣемъ въ изданіяхъ Дюканжа и Мартеня.
321 Извѣстно, что аббатъ Ножанскій былъ необычайно высокаго мнѣнія о себѣ, своей учености и своихъ литературныхъ талантахъ. Ему не нравился стиль посланія, и вотъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придалъ ему болѣе приличную, по его мнѣнію, форму, прибавилъ своей риторики и, сверхъ того, одну пикантную черту, что̀ совершенно соотвѣтствуетъ его литературному характеру.

Для дальнѣйшихъ соображеній мы должны предварительно указать еще на одно обстоятельство, которое осталось неизвѣстнымъ Зибелю и до сихъ поръ не было никѣмъ замѣчено. Полный текстъ посланія существовалъ въ началѣ XII вѣка и былъ извѣстенъ не одному Гиберту. Мы не хотимъ говорить о заглавной припискѣ въ Іерусалимской исторіи монаха Роберта. Есть другой писатель, который приводитъ, не указывая, впрочемъ, на источникъ, отрывокъ изъ посланія императора Алексѣя къ графу Роберту Фризу, именно ту его часть, которая подверглась самому сильному сокращенію у Гиберта Ножанскаго. Гуго изъ Флери, авторъ «дѣяній новыхъ королей французскихъ» (отъ Карла Лысаго до Людовика VII), посвящавшій свои сочиненія то Адели, женѣ Стефана Блуа, дочери Вильгельма Завоевателя, слѣдовательно, племянницѣ графа Роберта Фландрскаго, то Матильдѣ, внучкѣ Вильгельма, дочери Генриха I Англійскаго, и вообще литераторъ, имѣвшій самыя высокія связи, предъ которымъ могли быть открыты семейные архивы царствующихъ домовъ королевской Англіи и графской Фландріи[1]), воспользовался документомъ, доставшимся въ его руки, при описаніи Клермонтскаго собора и отчасти вложилъ въ уста папы Урбана то, что было написано императоромъ Алексѣемъ въ посланіи къ графу Роберту къ самому папѣ и что, вѣроятно, было прочитано на соборѣ. Благодаря документу, находившемуся въ его рукахъ, Гуго Флерійскій, одинъ изъ всѣхъ западныхъ историковъ перваго крестоваго похода, упомянулъ на ряду съ Турками и о Печенѣгахъ (см. MG. SS. IX, 392: imperium enim orientale a Turcis et Pincenatis graviter infestabatur) и могъ перечислить провинціи и острова, потерянные Греками, равно какъ и главныя, но все-таки многочисленныя святыни, хранившіяся въ Константинополѣ: все это, повторяемъ, съ буквальнымъ тождествомъ въ отношеніи къ редакціи посланія, изданной Дюканжемъ и потомъ Мартенемъ.

---

1) См. MG. SS. IX, 376, предисловіе къ сочиненію «Hugonis Floriacensis modernorum regum Francorum actus»; также Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, II, 189—190 (5-е изд.) Сочиненіе Гуго доведено до смерти короля Филиппа, до 1108 года, но посвященіе, которое могло быть прибавлено послѣ, писано только въ 1114 году, потому что Матильда названа въ немъ императрицей, а она вышла за Гейнриха V Германскаго только въ 1114 году. Ср. MG. SS. IX, 376.

Мы не имѣемъ подлинныхъ актовъ Клермонтскаго собора и не знаемъ дѣйствительной рѣчи Урбана II; позднѣйшіе историки, какъ Вильгельмъ Тирскій, при ея передачѣ болѣе упражнялись сами въ ораторскомъ искусствѣ, чѣмъ заботились ознакомить потомство съ искусствомъ папы Урбана[1]). Очевидцы, присутствовавшіе на соборѣ (Балдрихъ Дольскій, Гибертъ и монахъ Робертъ), отказываются отъ буквальной передачи всемірно-исторической Клермонтской рѣчи и сообщаютъ на память общее ея содержаніе[2]). Но ни одинъ изъ нихъ не заставляетъ папу Урбана упоминать о Константинополѣ и его святыняхъ, то-есть, никто не сообщаетъ ничего подобнаго тому, что мы можемъ читать у Гуго Флерійскаго. Несомнѣнно, поэтому, что послѣдній составилъ Клермонтскую рѣчь самъ и, не желая утруждать свое воображеніе, взялъ готовое содержаніе изъ вышеуказаннаго источника. Но нельзя, наконецъ, пройти молчаніемъ и того, также не замѣченнаго до сихъ поръ обстоятельства, что у монаха Роберта, одного изъ трехъ очевидцевъ Клермонтскаго собора, слышавшихъ рѣчь папы Урбана, въ его передачѣ этой рѣчи есть нѣсколько строкъ, почти буквально сходныхъ съ начальными строками посланія къ графу Роберту: Altaria suis foeditatibus inquinata subvertunt, Christianos circumcidunt, cruoremque circumcisionis aut super altaria fundunt aut in vasis baptisterii immergunt (Robert. Monach., Recueil des hist. des crois. Hist. occid., III, 727). Этого очень не много, чтобы дѣлать какія-либо заключенія, но, если-бы кто захотѣлъ ихъ дѣлать, то мы, съ своей стороны, напомнили бы о приложеніи къ кодексу Дюканжа, заключавшему рукопись Іерусалимской исторіи Роберта Монаха, то-есть о документѣ — посланіи Алексѣя, которое взято Дюканжемъ изъ этой рукописи. Развѣ не позволительно догадываться, что самъ монахъ Робертъ приложилъ къ своей исторіи письмо Алексѣя къ Роберту и что, слѣдовательно, могъ имъ воспользоваться и въ текстѣ своего сочиненія?

322

---

1) Sybel, Gesch. des ersten Kreuzzugs, S 185.

2) Guiberti Gesta Dei, Migne, Patr. lat t. 156 col. 699. His ergo, etsi non verbis, tamen intentionibus usus est.—Baldric. Dolens, Migne, Patr. lat. t. 166 col 1069: His vel hujuscemodi aliis a Domino apostolico -- intimatis

Гуго Флерійскій писалъ свое сочиненіе въ одно время съ Гибертомъ Ножанскимъ и совершенно независимо отъ него; тѣмъ не менѣе Гибертъ уже читалъ въ своемъ источникѣ и передавалъ въ сильномъ сокращеніи то мѣсто посланія, гдѣ заключались многія жалобы — multa querela tractaret — Алексѣя на опасности, угрожающія имперіи и Константинополю, жалобы, подробно изложенныя какъ Гуго Флерійскимъ, такъ и въ полной редакціи письма къ графу Роберту Фризу. Это совершенно устраняетъ всякую возможность предположенія, къ которому могли бы прибѣгнуть защитники подложности Мартеневскаго документа, именно, что средневѣковой монахъ, поддѣлавшій документъ, составилъ его изъ двухъ частей, одну взявъ у Гиберта, другую у Гуго. Но дѣло въ томъ, что Гибертъ ранѣе своего предполагаемаго фальсификатора читалъ и сокращалъ то, что приписывается фальсификаціи.

Остается еще одинъ, послѣдній, вопросъ. Документъ, напечатанный у Дюканжа и Мартена, былъ уже извѣстенъ въ началѣ XII вѣка, былъ извѣстенъ разнымъ писателямъ, независимымъ другъ отъ друга, былъ довольно распространенъ въ образованной средѣ. Не былъ ли онъ, тѣмъ не менѣе, искусною поддѣлкою, которая появилась ранѣе, чѣмъ начали писать два сейчасъ названные автора, то-есть, въ самыхъ первыхъ годахъ XII столѣтія или даже въ концѣ XI? Но пусть намъ тогда укажутъ, кто изъ западныхъ монаховъ или вообще образованныхъ и грамотныхъ людей могъ знать такъ хорошо исторію Византіи за 10 лѣтъ или даже 5 лѣтъ назадъ, какъ ея не зналъ ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ писателей? Мы уже указывали на то обстоятельство, что, не говоря объ Алексіадѣ Анны Комниной, только въ одномъ посланіи мы читаемъ о Печенѣгахъ, заставляющихъ 323
бѣгать императора Византійскаго, о флотѣ малоазіатскихъ Сельджуковъ, о помощи, оказанной Франками Грекамъ въ Азіи около 1090 года. Все это факты, впослѣдствіи изложенные подробно въ сочиненіи, написанномъ дочерью императора Алексѣя, но до появленія ея исторіи и даже послѣ остававшіеся неизвѣстными историкамъ крестовыхъ походовъ. Всѣ эти писатели «Іерусалимскихъ исторій» и «Дѣяній Бога чрезъ Франковъ» знаютъ Печенѣговъ въ томъ положеніи, въ какомъ они были послѣ 1091 года,

то-есть, какъ особое воинственное племя, живущее въ предѣлахъ Восточной имперіи, подвластное Византійскому императору, составляющее часть его арміи и крайне непріятное для крестоносцевъ. «Не спасла тебя отъ этихъ (турецкихъ) мечей, благородный Константинополь, ни тысячеобразная хитрость твоего царя, ни многолюдство гражданъ, не защитило тебя множество Варяговъ, твоихъ Туркопуловъ или Печенѣговъ» (Ekkehardi Chron., MG. SS. VI, 212): вотъ роль Печенѣжской орды, извѣстная лучшимъ западнымъ писателямъ начала XII вѣка. Печенѣги производили очень сильное впечатлѣніе на крестоносцевъ Западной Европы и остались имъ чрезвычайно памятны, но только какъ орудіе позорной и вѣроломной, въ ихъ глазахъ, политики Алексѣя, употребляемое противъ воиновъ Христа, когда они обнаруживали стремленіе сильно загоститься въ Византіи, и т. п.

Послѣднимъ убѣжищемъ скептицизма можетъ быть предположеніе, что документъ былъ поддѣланъ ранѣе монахомъ, жившимъ на Западѣ, либо въ Византійской имперіи, наконецъ—въ самомъ Константинополѣ. Но съ какою цѣлью? Зачѣмъ было составлять подложныя письма отъ имени Алексѣя Комнина съ призывомъ западныхъ христіанъ на помощь, когда одновременно были подлинныя такого же содержанія? А что такія были, мы знаемъ изъ сочиненія Анны Комниной. Она говоритъ, что ея отецъ въ роковую зиму 1091 года обращался съ просьбой о помощи во всѣ стороны, призывалъ Половцевъ, ожидалъ войска изъ Рима, ранѣе того получилъ отъ Роберта Фриза вспомогательный отрядъ изъ 500 рыцарей. Прежде крестоваго похода—около 1091 года (на этотъ годъ указываетъ надписаніе документа въ рукописи Дюканжа)—подлогъ могъ быть сдѣланъ только съ желаніемъ пользы Византійской имперіи, въ интересахъ Алексѣя. Есть нѣкоторые признаки, что документъ былъ даже написанъ первопачально на греческомъ языкѣ и переведенъ на латинскій не совсѣмъ искусно въ самомъ Константинополѣ. Императоръ Алексѣй пишетъ къ своему другу, графу Роберту, чтобъ онъ велъ къ нему на помощь всѣхъ, кто изъявитъ на то согласіе въ его землѣ, «дабы подобно тому, какъ въ предыдущемъ году они (то-есть, воины земли графа Роберта, bellatores--in terra tua?) нѣсколько освободили отъ ига язычниковъ Галатію и другія царства запад-

ныхъ (?), такъ и нынѣ попытались освободить царство Греческое»: sicut Galaciam (другое чтеніе: Galiciam) et cetera Occidentalium regna, anno preterito, a iugo paganorum aliquantulum liberaverunt. Что касается до Галатіи, то тутъ большихъ сомнѣній быть не можетъ. Старинная провинція Галатія граничила съ Виѳиніей; византійская тема Вукелларіевъ (τῶν Βουκελλαρίων), соотвѣтствующая ей въ офиціальномъ раздѣленіи имперіи, съ главнымъ городомъ Анкирой [1]), заключала въ себѣ Клавдіополь, Гераклею, Прусію (Брусу) и даже городъ Василію (Βασίλειαν), который, по словамъ Анны (p. 171 D), находился только въ 12 стадіяхъ отъ Никеи [2]). Такимъ образомъ фландрскіе рыцари, присланные Робертомъ на помощь Алексѣю (Anna p. 201D sq.) и 324
потомъ отправленные симъ послѣднимъ противъ эмира Никейскаго, угрожавшаго Никомидіи, должны были дѣйствовать и дѣйствовали именно въ Вукелларійской темѣ, или, что̀ почти то же—въ Галатіи (См. Constant. Porphyrog., De thematibus I p. 28 Bonn.). Но дальнѣйшія слова—cetera Occidentalium regna—могутъ имѣть смыслъ только тогда, когда мы переведемъ ихъ на греческій языкъ: καὶ τὰς ἄλλας τῶν δυτικῶν ἐπαρχίας. Извѣстно, что провинціи Византійской имперіи раздѣлялись на два разряда: на западныя, то-есть европейскія, и на восточныя, то-есть азіатскія (τὰ δυτικὰ θέματα и τὰ ἀνατολικά); извѣстно, что византійскіе писатели вмѣсто офиціальнаго термина θέμα (тема) постоянно употребляютъ слово епархія, точно такъ, какъ вмѣсто административнаго дѣленія имѣютъ чаще въ виду старое историческое. Греческія слова, которыя мы поставили вмѣсто латинскихъ caetera occidentalium regna, могутъ значить или: «и другія провинціи, принадлежащія западнымъ», то-есть, другія азіатскія провинціи, остающіяся во власти западныхъ европейскихъ Грековъ, или же, со значеніемъ слова ἄλλος у классическихъ писателей: «и другія провинціи—западныя», то-есть, подъ другими провинціями будутъ разумѣться уже провинціи самихъ западныхъ Грековъ или европейскія провинціи. — То и другое толкованіе не

1) [Bryenn. p. 65,14: τὴν τῶν Γαλατῶν μητρόπολιν κατέλαβεν Ἄγκυραν.]

2) [Ср. Bryenn. p. 160,4: καὶ τὰ Βιθυνῶν διελθὼν ὅρια ἐστρατοπέδευσε περί τι καστέλλιον ὃ καλοῦσι Βασιλέα, πλεῖον ἢ τεσσαράκοντα σταδίων Νικαίας ἀπέχον.]

будетъ противорѣчить извѣстнымъ намъ историческимъ фактамъ. Фландрскіе рыцари явились къ Алексѣю тогда, когда онъ боролся еще въ Европѣ съ Печенѣгами; если не они, то другіе «латиняне» прямо упоминаются какъ помощники Алексѣя, съ которыми онъ одержалъ нѣкоторые успѣхи противъ Печенѣговъ въ 1089 — 1090 годахъ (Anna p. 205 AB. 210 D. 227 B). Что касается другихъ восточныхъ провинцій, помимо Галатіи, то очень можетъ быть, что фландрскій отрядъ участвовалъ въ счастливыхъ дѣйствіяхъ Θеодора Гавры, положившихъ начало Трапезунтскому царству (Anna p. 240). Если кому переводъ слова ἐπαρχία латинскимъ словомъ regnum представится невозможнымъ, то вмѣсто нашего перевода онъ можетъ сдѣлать другой, съ удержаніемъ слова βασιλεία, соотвѣтствующаго regnum, напримѣръ: Γαλατίαν καὶ τὰ ἄλλα τῆς τῶν δυτικῶν βασιλείας, или же, наконецъ, предполагая пропускъ одного слова: καὶ τὰ ἄλλα τῆς τῶν δυτικῶν Ῥωμαίων βασιλείας. Во всякомъ случаѣ непонятное на первый взглядъ выраженіе документа можетъ быть легко объяснено, и объяснено такъ, что оно послужитъ новымъ доказательствомъ его подлинности. Противоположность между западными европейскими провинціями Византійской имперіи и азіатскими восточными существовала только для Грека и, слѣдовательно, только Грекъ могъ написать первоначальный текстъ документа, текстъ греческій.

Мы считаемъ излишнимъ говорить о той странности, что въ документѣ нѣтъ слѣдовъ обычнаго высокомѣрнаго тона греческой дипломатіи. Отчаянное положеніе имперіи и глубокій упадокъ духа въ императорѣ Алексѣѣ, достаточно ясные изъ фактовъ и другихъ несомнѣнно подлинныхъ документовъ, приведенныхъ въ статьѣ, вполнѣ объясняютъ отсутствіе высокомѣрнаго тона.

Мимоходомъ мы упомянули о греческомъ патріотизмѣ, возстающемъ противъ истинности историческаго факта, что Византійскій императоръ Алексѣй предъ первымъ крестовымъ походомъ обращался къ Западу съ просьбой о помощи. Мы имѣли въ виду лекцію ученаго профессора Аѳинскаго университета Папарригопуло, напечатанную въ журналѣ Пандора (Πανδώρα,

1859 г., ноября, стр. 380 *). Эта лекція заслуживаетъ вниманія. Папарригопуло весьма остроумно доказываетъ, что Алексѣй 325
Комнинъ, побѣдившій Норманновъ, Печенѣговъ, Кумановъ, вовсе не нуждался въ помощи Запада для того, чтобы справиться съ раздѣленными и ослабленными Сельджуками: это былъ врагъ менѣе опасный, чѣмъ прежніе. Но изъ этого слѣдуетъ то, что Византійскій императоръ не обращался къ Западу въ 1095 или 1096 году, о чемъ разсуждать мы теперь не имѣемъ нужды, ибо мы доказываемъ, что онъ просилъ этой помощи въ 1091 году, когда не были побѣждены ни Печенѣги, ни Половцы. Папарригопуло опирается на то, что византійскіе «хронографы» ни слова не говорятъ о приглашеніи Алексѣемъ западныхъ христіанъ къ себѣ на помощь предъ первымъ крестовымъ походомъ. Это вѣрно опять по отношенію къ годамъ, непосредственно предшествующимъ 1096 году; но, описывая событія 1091 года, дочь Алексѣя говоритъ, что ея отецъ ожидалъ помощи изъ Рима. Аѳинскій профессоръ знаетъ посланіе Алексѣя Комнина къ графу Роберту по двумъ сборникамъ Мартеня и Дюрана и пользуется (р. 383) невѣрною датой, поставленною въ «Amplissima collectio» (именно 1100 годъ), для опроверженія его подлинности; но для ученаго профессора осталось неизвѣстнымъ изданіе документа у Дюканжа, который сообщилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и рукописное предисловіе къ документу, опредѣляющее время его происхожденія весьма точно, ясно и согласно со всѣми другими историческими данными **).

Такъ какъ документъ, о которомъ намъ пришлось такъ много говорить, находится въ рѣдкихъ изданіяхъ, то большую часть его мы приводимъ здѣсь точнымъ образомъ; это тѣмъ нужнѣе, что въ текстѣ статьи мы не нашли удобнымъ передать его въ буквальномъ переводѣ. Для доставленія читателю возможности про-

---

*) ‹Ср. Παπαρρηγοπούλου Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους, IV, 2 изд. (1887), стр. 451 сл. Его же Histoire de la civilisation hellénique, Paris 1878, стр. 337 сл. Его же Lettre d'Alexios Comnène à Robert V comte de Flandre въ Bulletin de corresp. hellén. IV (1880), стр. 24 сл., и по гречески въ Παρνασσός IV (1880), стр. 89 сл›

**) ‹Къ вопросу о подлинности посланія Алексѣя Комнина В. Г. Васильевскій вернулся въ статьѣ «Письмо Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому» въ Журн. Мин. Нар. Пр. Ч. 207 (1880 г.), Отд. II, стр 223 слл. О дальнѣйшей исторіи вопроса F. Chalandon, Essai sur le régne d'Alexis I-er Comnène, Paris 1900, стр. 325 слл.›

вѣрить наши выводы, мы ставимъ параллельно текстъ Гиберта Ножанскаго и указанное нами заимствованіе Гуго Флерійскаго. То, что̀ мы опускаемъ въ текстѣ документа изъ соображеній чисто внѣшняго характера, не имѣетъ существенной важности.

Martène et Durand, Amplissima collectio, t. I, col. 572 sq.*)

O inclitissime comes! et maxime christiane fidei consolator! notificare prudencie vestre volo, quantum sanctissimum imperium christianorum Grecorum angustiatur fortiter a Pincinatis et Turcis, et cotidie depredatur, et adquiritur sine intermissione, et fiunt ibi cedes diverse et inenarrabiles christianorum interfectiones et derisiones. Sed quia sunt multa mala que agunt, et, ut diximus, inenarrabilia, de multis dicamus pauca, que tamen sunt auditu horribilia, et que conturbant eciam ipsum aerem. Nam pueros et iuvenes christianorum circumcidunt super baptisteria christianorum, et circumcisionis sanguinem, in despectum Christi, fundunt in eisdem baptisteriis, et de-
326 super eos mingere compellunt, et deinceps in circuitu ecclesie eos violenter deducunt, et nomen et fidem sancte Trinitatis blasfe-

Guiberti abbatis S. Mariae de Novigento Gesta Dei per Francos (Migne, Patr. lat., t. 156 col. 693 sq.*)

De ecclesiis querimonia est quas siquidem gentilitas, eversa christianitate, tenebat, in quibus equorum ac mulorum, ceterorumque animalium catabula construebat. Quod in tantum verum fuit, ut etiam fana sua, que Machomarias vocant, inibi instituerent, et infinite quoque turpitudinis commercia exercerent, ut non iam basilice, sed meritoria et scene fierent. Porro de catholicorum necibus frustra agerem, quum mortuis in fide vite eternalis videretur instare concambium, superstites sub miseri iugo famulatus vitam gererent, ipsis, ut arbitror, mortibus acriorem.

*) ⟨Приводимъ тексты «посланія» и Гиберта по изданію графа Ріана (Riant): Alexii I Comneni -- ad Robertum I epistola spuria, Genevae 1879, гдѣ «посланіе» читается на стр. 10 слл., а извлеченіе изъ Гиберта на стр. 21 сл.⟩

mare compellunt. Illos vero nolentes ea, diversis penis affligunt, et ad ultimum eos interficiunt. Nobiles vero matronas ac earum filias, depredatas, invicem succedendo ut animalia, adulterando deludunt. Alij vero, corrumpendo turpiter, virgines statuunt ante facies earum matres, compellentes eas nepharias et luxuriosas decantare cantilenas, donec compleant ipsa sua nefaria. -- veniamus ad deteriora: tocius etatis et ordinis viros, id est pueros, adolescentes, iuvenes, senes, nobiles, servos, et, quod peius et impudencius est, clericos et monachos, et heu! proh dolor! et quod ab inicio non dictum neque auditum est, episcopos, Sodomitico peccato deludunt, et eciam unum episcopum sub hoc nephario peccato iam crepuerunt. Loca vero sancta innumerabilibus modis contaminant et destruunt, et peiora eis minantur. Et ad hec quis non plangit? quis non compatitur? quis non horret? quis non orat? nam pene tota terra ab Iherusalem usque Greciam, et tota Grecia cum suis regionibus superioribus, que sunt Capadocia minor, alia maior, Frygia, Bithinia, minor Frygia, id est Troia, Pontus, Galacia, Lidia, Pamfilia, Ysauria, Licia, et

Virgines enim fidelium deprehense publicum fieri precipiebantur scortum, quum nusquam pudori deferretur ac honestati coniugum. Matres correpte in conspectu filiarum, multipliciter repetitis diversorum coitibus vexabantur, quum filie assistentes, carmina precinere saltando nefaria inter huiusmodi cogerentur. Eadem statim passio, quod dici quidem et dolor et pudor est, revolvebatur ad filias, que etiam feditas obscenis infelicium matrum cancionibus ornabatur. Tocius denique nominis reverencia christiani prostibulo tradebatur. Quumque sexui femineo non parcitur, quod tamen excusari poterit pro competenti natura, in masculinum, pecualitate transgressa, solutis humanitatum legibus, itur.

Unde, ut unius execranda et penitus intolerabili auribus maiestate flagicij, illa, que in mediocres et infimos defurebat, petulantia panderetur, dicit (Alexius): quemdam eos abusione Sodomitica interemisse episcopum. (Далѣе слѣдуетъ отрывокъ, который мы не выписываемъ, потому что онъ представляетъ, быть можетъ, соб-

insule principales Chios et Mitylena, et multe alie regiones et insule, quas non valemus modo enumerare, usque Thracias, ab eis iam invase sunt; et fere iam nichil remansit nisi Constantinopolis, quam ipsi minantur citissime nobis auferre, nisi auxilium Dei et fidelium christianorum Latinorum velociter nobis subvenerit. Nam et Propontidem, qui et Avidus dicitur, et ex Ponto iuxta eam-
327 dem Constantinopolim in Mare Magnum decurrit, cum ducentis navibus invaserunt, quas Greci, ab eis predati, fabricaverant, et remigiis, velint nolint, deducunt, et minantur, tam per terram quam per eamdem Propontidem, Constantinopolim, ut diximus, velociter caperc. -- Igitur, pro Dei amore -- rogamus ut quoscumque fideles Christi bellatores, tam maiores quam minores cum mediocribus, in terra tua adquirere poteris, ad auxilium mei et Grecorum christianorum, huc deducas, et sicut Galiciam (Galaciam), et cetera Occidentalium regna, anno preterito, a iugo paganorum aliquantulum liberaverunt, ita et nunc, ob salutem animarum suarum, regnum Grecorum liberare temptent, quum ego, quamvis imperator, nullum

ственное размышленіе Гиберта, хотя въ изданіи и отмѣченъ кавычками).

Hugonis Florialensis Modernorum regum Francorum Actus (MG. SS. IX, 392 sq.).

Eodem etiam anno (1095) Urbanus papa venit in Galliam, et magnum apud Clarummontem concilium -- celebravit. Imperium enim orientale a Turcis et Pincenatis graviter infestabatur, et iam Capadocia minor et maior et Frigia maior et minor et Bithinia simul et Asia, Galacia quoque et Libia et Pamphilia et Isauria et Licia et insulae principales illarum regionum, Chio videlicet et Mithilena, ab eis captae tenebantur, et fiebant cotidie diversae cedes christianorum et derisiones in Christum dominum et in religionem nostram. Unde papa in memorato concilio exortatus est Gallorum gentem, quam noverat bellicosissimam, ut viriliter oppressis fratribus succurrerent, ne eorum temporibus christianismus in Orientis partibus penitus deperiret. Asserebatque, gloriosam et ineffabilem mercedem in celo assecuturos esse eos omnes, qui cruce Domini insigniti propter hoc negocium exequendum peterent sanctum sepulchrum.

tamen michi remedium, neque idoneum consilium scio invenire; sed semper a facie Turcorum et Pincinatorum fugio, et tamdiu in singula civitate maneo, donec adventum eorum prope sencio, et melius esse subiectus vestris Latinis cupio, quam paganorum ludibriis. Ergo, antequam capiatur ab eis Constantinopolis, certare totis viribus maxime debetis, ut gloriosam et ineffabilem mercedem in celo gaudentes recipiatis. Nam melius est ut vos habeatis Constantinopolim, quam pagani, quia in ea habentur preciosissime reliquie Domini, id est: statua, ad quam fuit ligatus; flagellum, a quo fuit flagellatus; chlamys coccinea, qua fuit indutus; corona spinea, qua fuit coronatus; harundo, quam vice sceptri in manibus tulit; vestimenta, quibus ante crucem exspoliatus fuit; pars maxima ligni crucis [1]), in qua crucifixus fuit; clavi, quibus affixus fuit; linteamina, post resurrectionem eius inventa in sepulchro; duodecim cophini fragmentorum ex quinque panibus et duobus piscibus; caput [2]) cum

Monebat etiam, ut antequam barbari Constantinopolitanam urbem sibi subicerent, eo festinarent; in qua est statua, ubi Christus fuit ligatus et flagellatus, et clamis coccinea, qua fuit indutus, et spinea corona, qua fuit coronatus, et flagellum quo fuit flagellatus, et arundo quam pro sceptro tenuit, et vestimenta quibus antequam crucifigeretur expoliatus fuit, et quedam [1]) porcio crucis in qua confixus pependit, et clavi quibus affixus fuit, et aliae simul sanctae reliquiae, quae magnum omnibus christianis generarent detrimentum si amitterentur.

---

1) [Ср. хрисовуллъ Романа Старшаго 924 г. монастырю Ксиропотамскому, Zachariae v. Lingenthal, Jus graeco-romanum, III, prolegom. p. XXVII sq.]

2) [Глава Іоанна Предтечи перенесена въ Константинополь въ 384 или 391 году. См. Chron. Pasch. p. 564,17. Zonar. II, 227 D. Sozom. VII, 21 (Migne Patr. gr. t. 67 col. 1481 sq). Hertzberg, Gesch. Griech. III, 416]

capillis integrum et barba[1]) san-
328 cti Iohannis Baptiste; reliquie vel corpora multorum innocencium, quorumdam prophetarum et apostolorum, martyrum et maxime sancti Stephani protomartyris, et confessorum ac virginum, que, ob nimium incrementum, singulariter scribere intermisimus. Que tamen omnia predicta christiani magis quam pagani habere debent; et munimen magnum erit omnibus christianis, si hec omnia habuerint, detrimentum vero et iudicium, si perdiderint. Quod si ob hoc certare noluerint, et aurum magis amaverint, in ea plus invenient quam in toto mundo.--Currite ergo cum tota gente vestra, et ex omnibus viribus vestris certate! ne talis thesaurus in manus Turcorum et Pincinatorum cadat: quia, dum sint infiniti, adhuc LX millia expectantur cotidie, et timeo ne per illum thesaurum paulatim nostros seducant cupidos milites, quemadmodum Iulius Cesar olim fecit, qui regnum Francorum cupiditate invasit, et quomodo Antichristus, capturus totum mundum, in fine mundi est acturus. Agite ergo! dum tempus habetis, ne christianorum regnum et, quod maius est,

Guiberti abbatis Gesta Dei (Migne, Patr. lat. t. 156 col. 694).

Quum ergo de Constantinopolitana, quam potissimum verebatur, et que, transito sancti Georgij Brachio, imminebat, obsidione, multa querela tractaret, inter cetera intulit: «Quod videlicet, si non alia subveniendi sibi videretur nobis occasio, saltem propter senos, quorum corpora ibidem tumulata habentur apostolos, ne ab impiis aut incendio conflagrentur, aut invo ragines demergantur, celeberrimam perhibet civitatem omnimodo opitulacione dignissimam»... Sequitur demum post apostolorum illationem, et dicit: «apud se beati Iohannis Baptiste caput haberi, quod», quamvis falso dicat, «hodieque, ac si viventis, capillis et cute videatur insigniri»... Preterea adiicit ut, «Si non tanti cohibicio mali, si non prefatorum sanctorum ad hoc ipsum eos animaret amor; saltem auri argentique, quorum innumerabiles illic habentur copie, cupiditas illiceret». Infert denique et quiddam bonorum virorum frugalitati incompetens, ut videlicet, «preter hec universa, pulcherrimarum femi-

1) [Cp. Leo Diac. p. 166, 3 Bonn. Παπαρρηγόπουλος IV, 208.]

Domini perdatis sepulchrum, et inde non iudicium, sed mercedem habeatis in celo. Amen.

narum voluptate trahantur», quasi Grecarum mulierum species tanta esset, ut Gallicis modo quolibet preferrentur, solaque earum causa Francorum exercitus in Thraciam ageretur.

V.

Объ испытаніи воли Божіей двумя жребіями.

Указанный въ статьѣ <стр. 112> обычай находится, безъ сомнѣнія, въ связи съ гаданіемъ посредствомъ книгъ Священнаго Писанія, извѣстнымъ въ самой глубокой древности, съ такъ называемыми sortes. Еще Греки и Римляне гадали по Гомеру и Виргилію, раскрывая наудачу то или другое мѣсто и принимая первый попавшійся стихъ какъ изреченіе оракула[1]). Гомера и Виргилія замѣнили у христіанъ, сохранившихъ суевѣрное стремленіе проникать въ тайны будущаго, очень естественно — книги Священнаго Писанія; на западѣ явились sortes sanctorum (scilic. biblio- 329
rum), которыя состояли въ томъ, что вѣрующій, закрывъ глаза, развертывалъ Библію или сочиненіе одного изъ отцовъ церкви, и смыслъ попавшагося заранѣе опредѣленнаго стиха или строчки принималъ какъ отвѣтъ на вопросъ, обращенный къ судьбѣ. Церковь не преслѣдовала этого обычая, хотя и не одобряла его вполнѣ. Она различала sortes divinatoriae и sortes consultatoriae: различіе понятно изъ самаго названія[2]). Обычай гаданія по книгамъ Священнаго Писанія существовалъ и у насъ, какъ извѣстно изъ поученія Владиміра Мономаха, изъ Ипатьевской лѣтописи (подъ 6484 годомъ, о Владимірѣ Васильковичѣ); въ одной рукописи XIV вѣка при псалмахъ находится рядъ подстрочныхъ

1) Лампридій разсказываетъ объ Александрѣ Северѣ (cap. 14): accepisse dicitur uersus adhuc paruulus; et primum quidem sortibus: Te manet imperium caeli terraeque.

2) Любопытныя подробности можно найти между прочимъ въ слѣдующемъ сочиненіи: Fehr, Staat und Kirche im Fränkischen Reiche, 1869, стр. 450 сл. [Félix Rocquain, Des sorts des saints ou des apôtres, въ Bibliothèque de l'École des chartes, 1880, стр. 457 сл.]

замѣчаній для объясненія смысла пророчества примѣнительно къ вопросамъ разнаго рода. (См. статью И. И. Срезневскаго, Гадальныя приписки къ пророческимъ книгамъ Св. Писанія. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XXXIV). Обычай пришелъ къ намъ изъ Византіи, гдѣ гаданіе по священнымъ книгамъ было также распространено, какъ это видно изъ многихъ примѣровъ, относящихся между прочимъ и къ XII вѣку. (См. Cinnam. p. 209,22 и примѣчаніе Дюканжа къ этому мѣсту. Интересно, что и къ Магометанамъ перешелъ тотъ же самый пріемъ гаданія, см. Fleischer, Ueber die Loosbücher der Muhammedaner въ Berichte über die Verhandl. der Kgl. Sächsischen Gesellsch. der Wissenschaften zu Leipzig, Philolog.-Hist. Classe за 1861 годъ, стр. 24 сл.).

Первый извѣстный намъ примѣръ двухъ писанныхъ жребіевъ-свитковъ есть сказаніе о чудѣ великомученицы Евфиміи. Мы прочитали о немъ въ одномъ изъ послѣднихъ разсказовъ Амедея Тьерри, относящихся къ византійской исторіи (Revue des deux mondes за мартъ и апрѣль 1872 г., t. 98, p. 69. 507), и потомъ находимъ это описаніе чуда въ нашихъ прологахъ — подъ 11-мъ іюлемъ и подъ 16-мъ того-же мѣсяца. Событія относятся къ Халкидонскому собору противъ Евтихія при императорѣ Маркіанѣ. «Пріемшу же царство Маркіану, повелѣ собору быти, иже и собравшеся епископовъ числомъ 630, и написаша два свитка, купно православніи же и ересеначальницы. И отверзше раку всехвалныя (Евфиміи), и знаменовавше, на персѣхъ ея положиша. И по три дни помолившеся, отверзше видѣша еретическій свитокъ подъ ногама святыя, православный же въ руку ея держимь». (Печатный прологъ 11-го іюля).

Мы привели въ статьѣ одинъ примѣръ того, какъ важный государственный и военный вопросъ рѣшается посредствомъ двухъ свитковъ, возложенныхъ на престолъ церковный. Анна Комнина разсказываетъ (p. 471D) о своемъ отцѣ другой случай, когда онъ прибѣгнулъ къ тому же самому средству. Во время похода противъ Турокъ Сельджуковъ (около 1116 г.) «онъ рѣшается вопросить Бога, слѣдуетъ ли идти на Иконіумъ, или устремиться противъ варваровъ, находящихся около Филомилія. Итакъ вопросивъ объ этомъ въ двухъ хартіяхъ—ἐν δυσὶ γοῦν χαρτίοις περὶ

τούτων ἐπερωτήσας — и возложивъ ихъ на священной трапезѣ, онъ вознесъ къ Богу пѣснопѣніе (τὸν ὕμνον) и усердныя моленія. А съ наступленіемъ утра, священникъ (ὁ ἱερεύς), войдя во храмъ и взявъ одну изъ возложенныхъ хартій и развязавъ въ виду всѣхъ присутствующихъ, прочиталъ самодержцу жребій, опредѣляющій походъ къ Филомилію».

Наконецъ, избраніе посредствомъ жребія высшихъ духов- 330
ныхъ властей было также съ глубокой древности употребительно въ христіанской церкви. Дюканжъ въ примѣчаніяхъ къ Алексіадѣ и къ исторіи Киннама приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ практики западной церкви; мы же прибавимъ отъ себя любопытный примѣръ изъ практики восточной церкви XI столѣтія.

Въ жизнеописаніи св. Аніана (жившаго въ V вѣкѣ и извѣстнаго по исторіи нашествія Аттилы на Галлію) говорится слѣдующее объ его избраніи въ епископы города Орлеана: Atque ut id ipsum divinae electionis claresceret, cum triduanum epinium more ecclesiastico indixisset, brevibus et libris super altare positis, necdum loquentem parvulum afferri praecepit, ut ipse brevia ab altari sublevaret. Tunc Christi operante virtute, cum puer manum subjecisset altari, mox ut breve tetigit, vox incosueta novella verba prodidit, tetesque populo prociamavit: «Anianus, Anianus, Anianus istius civitatis pontifex est institutus». Знаменитый обличитель Альбигойской ереси, Райнеръ Саккони, укорялъ еретиковъ южной Франціи за то, что они смѣялись надъ мірянами, «избиравшими своихъ святыхъ жребіемъ на алтарѣ» (quod laicos qui sorte sanctos eligebant in altari deriderent.

Жена Алексѣя Комнина императрица Ирина въ своемъ уставѣ для женскаго монастыря, ею основаннаго, постановляетъ слѣдующій способъ избранія игумены въ томъ случаѣ, если умершая не назначитъ себѣ преемницы. Избираются сначала три сестры-монахини голосами всѣхъ сестеръ, изъ среды же этихъ трехъ кандидатокъ самъ Богъ отдаетъ предпочтеніе одной. Въ извѣстный день духовный отецъ монахинь беретъ три равные и одинаковые свитка (хартіи) и на каждомъ пишетъ слѣдующія слова: «Владыко Господи нашъ Іисусе Христе сердцевѣдче, молитвами всенепорочной Владычицы нашей Богородицы, покажи намъ, грѣшнымъ, считаешь ли ты достойною игуменскаго надъ

нами сана сестру нашу такую-то» (слѣдовало имя). И на другихъ хартіяхъ онъ пишетъ опять тѣ же самыя слова съ измѣненіемъ только именъ; потомъ хартіи, запечатанныя печатью и рукою попечительницы монастыря (изъ рода Ирины), въ присутствіи ея и сестеръ возлагаются священникомъ на священную трапезу во время субботняго повечерія. На слѣдующій день, послѣ окончанія божественной литургіи, священникъ остается облаченнымъ въ іерейскія ризы, а монахинями совершается Трисвятое и поются слѣдующіе тропари: «Помилуй насъ, Господи; Слава; Господи, воззри съ небесе и виждь; И нынѣ; Единородне, Единосущне». Іерей совершаетъ великую ектенію, возглашая послѣ другихъ прошеній и слѣдующее: «Еще молимся о еже открыти намъ Господу Богу нашему достойную предстоянія надъ нами». Монахини возглашаютъ: Господи помилуй, и дѣлаютъ 15 колѣнопреклоненій, взывая съ воздѣяніемъ рукъ своихъ къ Богу про себя: «Боже сердцевѣдецъ, покажи намъ грѣшнымъ достойную власти надъ нами». Послѣ сихъ колѣнопреклоненій іерей, также совершивъ три колѣнопреклоненія до земли предъ святою трапезой и говоря то же самое воззваніе, беретъ одну изъ трехъ хартій и передаетъ ее, въ присутствіи всѣхъ сестеръ, той, которая положила на ней свою печать; когда она признаетъ свою печать, то хартія, предъ глазами всѣхъ, открывается; той сестрѣ, имя которой окажется въ ней написаннымъ, вручается монастырскій уставъ и посохъ, то-есть, она признается игуменьей. См. Типикъ императрицы Ирины (Τυπικὸν - - κυρᾶς Εἰρήνης τῆς Δου-
331 καίνης, Migne, Patrol. gr., t. 127 col. 1020 [1]). — Сравни объ

1) [Въ уставѣ, данномъ Михаиломъ Атталіотой монастырю при богадѣльнѣ, говорится (Sathas, Bibl. I, 27 sq.): Εἰ δὲ διχόνοια γένηται περὶ ἀρετῆς δύο προσώπων, ἵνα γράφωνται αἱ ὀνομασίαι αὐτῶν ἐν δυσὶ τεμαχίοις χάρτου καὶ ἀποτίθενται τῇ ἁγίᾳ τραπέζῃ τοῦ θυσιαστηρίου τοῦ ναοῦ καὶ λειτουργῶνται, καὶ εἰσέρχηται παιδίον ἀγνὸν καὶ ἄκακον, καὶ ἀναλαμβάνηται τὸ ἓν χαρτίον καὶ ἐξάγῃ, καὶ οὗτινος ὀνομασία εὑρεθῇ, ἄξιος τῆς οἰκονομίας καὶ τῆς ἡγουμενείας λογίζηται- - См. также М. Сабинина, Полное жизнеописаніе святыхъ Грузинской церкви, СПБ. 1871, II, 172. Георгій Святогорецъ, ктиторъ Иверской обители на Аѳонѣ, былъ избранъ игуменомъ, но одновременно другая существовавшая въ обители партія избрала на это мѣсто другого. Тогда по существующему обычаю бросили жребій такимъ образомъ: имена избранныхъ написывались на кускахъ бумаги и клались подъ престоломъ соборнаго храма; по принесеніи безкровной жертвы вынимали писанную бумагу, и кому выпадалъ жребій, тому и доставалась должность настоятельская. Жребій 3 раза выпалъ на Георгія.]

избраніи Новгородскихъ владыкъ: К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, стр. 353, прим. 3).

Гаданіе двумя жребіями Алексѣя Комнина напоминаетъ другой разсказъ Анны Комниной о своемъ отцѣ. Мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній по поводу этого разсказа. Анна (p. 376 AB) говоритъ, что когда Алексѣй отправился въ походъ противъ Боэмунда (въ 1107 году), то у Влахернской Богоматери не произошло «обычнаго чуда» (τὸ σύνηθες θαῦμα); вслѣдствіе того императоръ чрезъ нѣсколько дней воротился въ Константинополь, вошелъ въ храмъ Богоматери въ сопровожденіи немногихъ лицъ; когда онъ совершилъ пѣснопѣніе и усердное моленіе, то «обычное чудо» произошло, и такимъ образомъ Алексѣй пустился въ походъ уже съ хорошими надеждами.

Еще Дюканжъ (Constantinopolis Christiana, lib. II, cap. IV, § II, p. 117) указалъ на сочиненіе одного знаменитаго богослова XII вѣка, принадлежавшаго къ Парижскому университету, именно Белета, гдѣ находится объясненіе Влахернскаго чуда. Сочиненіе Белета (Belethi, Rationale divinorum officiorum) напечатано теперь въ Патрологіи Миня (Series latina, t. 202); въ 51-й главѣ (col. 57 sq.) мы читаемъ слѣдующее: «Былъ нѣкогда въ Константинополѣ въ одной церкви образъ Святой Дѣвы, предъ которымъ висѣлъ нѣкоторый покровъ, закрывающій его совершенно. Но въ пятницу на вечернѣ этотъ покровъ безъ всякаго содѣйствія ниспадалъ самъ собою и божественнымъ чудомъ какъ бы поднимался къ небу, такъ что всѣ это могли ясно и вполнѣ видѣть; а въ субботу, по окончаніи вечерни, покровъ нисходилъ на тотъ же образъ и оставался до слѣдующей пятницы».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно такого рода чудо разумѣется у Анны Комниной. Принявъ въ разсчетъ четыре дня, которые простоялъ Алексѣй въ лагерѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ Константинополя, и путь сюда и обратно въ столицу, мы получимъ именно недѣлю и новую пятницу, когда должно было совершиться «обычное чудо» (не всегда, однако, совершавшееся въ свой урочный день).

Въ замѣчательномъ разсказѣ о взятіи Константинополя Латинами, находящемся въ нашихъ лѣтописяхъ, сообщается слѣ-

дующая подробность (П. С. Р. Л., IV, 29): «Святую Богородицю, иже въ Влахернѣ, идѣже святыи Духъ съхожаше на вся пятницѣ, и ту одраша». Такъ читается мѣсто въ первой Новгородской лѣтописи; но въ другихъ спискахъ (Воскресенскомъ и Софійскомъ) вмѣсто пятницы стоитъ пятидесятница. Не слѣдуетъ ли признать первое чтеніе болѣе правильнымъ? Не слѣдуетъ ли разумѣть подъ какимъ-то особеннымъ схожденіемъ Святого Духа во Влахернской церкви именно то обычное чудо, о которомъ говоритъ Анна Комнина?

Наконецъ, присоединяемъ здѣсь замѣтку, которую мы упустили сдѣлать на своемъ надлежащемъ мѣстѣ <стр. 82>. Мы назвали извѣстнаго Кіевскаго митрополита Іоанна II Продромомъ, хотя онъ не извѣстенъ у насъ подъ такимъ прозваніемъ. Византійскій поэтъ XII в., сочиненіе котораго чрезвычайно важно для изученія эпохи Комниновъ, говоритъ о себѣ въ одномъ стихотвореніи, что онъ родился въ семействѣ благочестивомъ, и что самыя прозванія членовъ этого рода указываютъ на ихъ благочестіе:

332 «Мой дѣдъ носилъ имя Продрома (Предтечи),
«А мой дядя назывался Христомъ
«И былъ предстоятелемъ (іерархомъ, митрополитомъ) Русской земли, сильнымъ въ словѣ.
«Ими я воспитанъ въ благочестіи».

Πάππου γὰρ εὐμοίρηκα Προδρομωνύμου,
Καὶ θεῖον ἔσχον Χριστὸν ὠνομασμένον
Γῆς Ῥωσικῆς πρόεδρον ἀβρὸν ἐν λόγοις.

Migne, Patrol. gr. t. 133 col. 1412.

Дядя Ѳеодора Птохо-Продрома долженъ былъ имѣть два прозванія: родовое Продромъ и личное Христосъ. Онъ жилъ въ самомъ началѣ XII вѣка или въ концѣ XI, ибо его племянникъ, имъ воспитанный, уже при Калоіоаннѣ (съ 1118 года) былъ придворнымъ поэтомъ. Подъ 1089 годомъ въ нашей лѣтописи

говорится о смерти митрополита Іоанна, родомъ Грека, который былъ «мужъ хытръ книгамъ и ученью, рѣчистъ» и т. д. Этотъ Іоаннъ оставилъ сочиненіе, которое на русскомъ языкѣ носитъ слѣдующее странное заглавіе: «Церковное правило митрополита Іоанна, пророка Христова». Мы подозрѣваемъ въ послѣднихъ словахъ неправильный переводъ греческаго надписанія: τοῦ Προδρόμου τοῦ Χριστοῦ.

ВАРЯГО-РУССКАЯ И ВАРЯГО-АНГЛІЙСКАЯ ДРУЖИНА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ XI И XII ВѢКОВЪ *).

I.

Положеніе вопроса о Византійскихъ Варангахъ и источники для его рѣшенія.

Одинъ изъ главныхъ борцевъ-противниковъ норманской теоріи, С. А. Гедеоновъ **) первый обратилъ вниманіе на то чрезвычайно важное обстоятельство, что имя Варяговъ появляется въ византійскихъ источникахъ очень поздно, не ранѣе 1034 года. Съ большимъ остроуміемъ онъ сопоставилъ появленіе въ Византіи новой по имени дружины Варяговъ съ извѣстіемъ русской лѣтописи, относящимся къ 980 году: въ этомъ «году Владиміръ, недовольный требованіями своихъ норманскихъ Варяговъ-союзниковъ, отправляетъ ихъ въ Грецію; его посольство къ императору доказываетъ, что дѣло идетъ о новомъ, до того времени небываломъ случаѣ, то-есть, о появленіи въ Константинополѣ цѣлой массы Норманновъ, вмѣсто отдѣльныхъ, въ русской дружинѣ изчезавшихъ лицъ». Прежде, то-есть, до 971 года, до эпохи разрыва Святослава съ Греками, наемное войско греческихъ императоровъ состояло главнымъ образомъ изъ Руссовъ (по теоріи г. Гедеонова, исконныхъ славянскихъ жителей южной Россіи);

*) ‹Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 176 (1874 г.), Отд. II, 105—144. Часть 177 (1875 г.), Отд. II, стр. 394—451. Часть 178 (1875 г.), Отд. II, стр. 76—152.›

**) ‹Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ. Прилож. ко II-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. № 3 стр. 138. 164 сл.›

только нѣкоторые, немногіе Норманны вступали въ это русское отдѣленіе греческаго войска и служили подъ тѣмъ же именемъ Ῥῶς. Со времени прибытія Варяговъ, отправленныхъ Владиміромъ, становятся извѣстными въ Греціи два отдѣльные корпуса: вопервыхъ — Руссовъ, уже чисто-славянскій корпусъ безъ всякой норманнской примѣси, и во вторыхъ — Варяговъ-Норманновъ. О постоянномъ отличіи обоихъ свидѣтельствуютъ всѣ писатели того времени.

Д. И. Иловайскій*) пишетъ: «Норманисты много и убѣдительно доказывали, что Варанги Византійскіе были Норманны и означали то же, что̀ у насъ Варяги. Съ чѣмъ мы совершенно 106
согласны; только и въ этомъ случаѣ скандинавоманы слишкомъ упираютъ на Скандинавію. Относительно отечества Варанговъ византійскія извѣстія указываютъ иногда на Германію, иногда на далекій островъ, находящійся на океанѣ, который они называютъ Туле, а чаще всего причисляютъ ихъ къ Англичанамъ. Подъ островомъ Туле у Византійцевъ разумѣется вообще крайній сѣверный островъ, такъ что, смотря по обстоятельствамъ, подъ нимъ можно разумѣть острова Британскіе, Исландію, острова и полуострова Скандинавскіе. Но что̀-жь изъ этого? Мы все-таки не видимъ главнаго: тожества съ Русью, и не только нѣтъ никакого тожества, напротивъ, Византійцы ясно различаютъ Русь и Варяговъ; — для насъ, повторяю, важно то обстоятельство, что Византійцы, близко, въ очію видѣвшіе предъ собою въ одно и то же время и Варанговъ и Русь, нигдѣ ихъ не смѣшиваютъ и нигдѣ не говорятъ о ихъ племенномъ родствѣ».

И въ другомъ мѣстѣ: «Византійцы нигдѣ не смѣшиваютъ Русь съ Варягами. О Варягахъ они упоминаютъ только съ XI вѣка; а о народѣ Рось, подъ этимъ ея именемъ, говорятъ преимущественно со времени нападенія ея на Константинополь въ 865 году. Но и послѣ того они продолжаютъ именовать Руссовъ Скиѳами, Тавроскиѳами, Сарматами и т. д.»**).

*) <О мнимомъ призваніи Варяговъ, Русск. Вѣстн. 1871 г., ноябрь, стр. 21 сл.>

**) <Д. Иловайскій, Еще о Норманизмѣ, Русск. Вѣстн. 1872 г., декабрь, стр. 504.>

На страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія мы еще недавно читали: Византійское Βάραγγοι произошло не прямо отъ Vering (тогда было бы Βάριγγοι), а чрезъ посредство славянскаго «Варязи», которое впервые пришло къ Грекамъ изъ Кіева, вѣроятно, въ письменномъ сообщеніи. По свидѣтельству нашей лѣтописи, это было именно въ 980 году, когда наемники «Варязи», озаботившіе было Владиміра своими притязаніями, отпущены были имъ на службу къ императору, и притомъ съ рекомендаціей, не слишкомъ для нихъ лестною. Эти-то «Варязи» и были, стало быть, первыми Варангами въ Греціи, гдѣ до ихъ появленія имя Βάραγγοι было совершенно неизвѣстно, что̀ вполнѣ доказано уже г. Гедеоновымъ».

Тотъ же авторъ, объясняя вставныя, по его мнѣнію, слова лѣтописи «сице бо тіи звахуся Варязи Русь» и проч.,—пишетъ: «Толкованіе это вставлено послѣ, и никакъ не ранѣе XI вѣка, когда Варяговъ, называвшихся Русью, нигдѣ уже не было, когда пришедшіе къ намъ Варяги-Русь уже ославянились
107 и, утративъ свое отдѣльное существованіе, слились съ массою туземнаго славянскаго населенія, которому сообщили свое имя, и когда вслѣдствіе этого сліянія самое имя Русь получило уже совершенно другое значеніе,—стало означать уже нашу славянскую, православную Русь, народъ Русскій» [1]).

Итакъ въ настоящее время и норманистами, и противниками ихъ признаются несомнѣнными два слѣдующія положенія:

1) Имя Варанговъ появляется въ Византіи въ XI вѣкѣ, и появленіе этого имени объясняется прибытіемъ туда варяжской дружины, о которой говорится въ русской лѣтописи.

2) Съ XI вѣка Византійцы различали Русь и Варяговъ и никогда не смѣшивали этихъ двухъ названій.

Мы намѣрены провѣрить оба положенія полнымъ разборомъ всѣхъ византійскихъ извѣстій XI вѣка, гдѣ говорится о Варягахъ. Намъ уже давно казалось, что второе положеніе высказано и принято безъ достаточнаго изученія именно того визап-

1) ‹Н. Ламбинъ, Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 173 (1874 г.), Отд. II, стр. 259; ч. 174 (1874), Отд. II, стр. 71.›

тійскаго писателя, который въ этомъ случаѣ былъ важнѣе другихъ. Мы разумѣемъ Атталіата или Атталіоту, который жилъ и писалъ дѣйствительно въ XI вѣкѣ и не былъ компиляторомъ, какъ Зонара и Кедринъ, писатели болѣе поздніе. Лѣтомъ нынѣшняго года изданъ наконецъ и другой самостоятельный и оригинальный источникъ для византійской исторіи XI вѣка. Въ Bibliotheca graeca medii aevi (t. IV) напечатана исторія Михаила Пселла. Всѣ ученые, занимающіеся византійскою или русскою исторіей, должны будутъ принести глубокую благодарность ученому греку Саѳѣ (Sathas), неожиданно подарившему ихъ такимъ дорогимъ и цѣннымъ сюрпризомъ. Пселлъ, какъ извѣстно, былъ не только первымъ ученымъ своего времени, но и игралъ первостепенную политическую роль при Византійскомъ дворѣ Константина Мономаха и его преемниковъ. Онъ описываетъ то, чему самъ былъ свидѣтелемъ, въ чемъ самъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Изъ его исторіи мы узнаемъ, что вмѣстѣ съ императоромъ Константиномъ Мономахомъ онъ слѣдилъ своими глазами за ходомъ морскаго сраженія Византійцевъ съ Русскими въ 1043 году. Разсказъ его о походѣ Владиміра Ярославича, представляющій нѣкоторыя особенности противъ другихъ ранѣе извѣстныхъ источниковъ, мы приводимъ въ концѣ статьи въ видѣ приложенія, и оставляемъ за собою право поговорить впослѣдствіи подробнѣе о всемъ IV томѣ «Греческой средневѣковой Библіотеки», гдѣ, кромѣ исторіи, находятся и нѣкоторыя другія мелкія сочиненія того же Пселла. Въ настоящее время мы воспользуемся тѣми данными, какія можно извлечь изъ исторіи Пселла относительно значенія слова Βάραγγοι у Византійцевъ, и 108
относительно состава варяжской дружины въ XI вѣкѣ. Любопытно то обстоятельство, что Пселлъ, окончившій свою исторію около 1088 года, ни однажды не употребляетъ выраженія «Варанги», хотя несомнѣнно говоритъ о самомъ предметѣ и даже описываетъ одну сцену, въ которой самъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а Варяги представляли грозную обстановку. Кромѣ Пселла и Атталіоты, мы должны будемъ приводить мѣста, относящіяся къ XI столѣтію, еще изъ четырехъ писателей: Іоанна Скилицы или Іоанна Ѳракисійскаго, Никифора Вріеннія, Кедрина и Зонары. Но изъ всѣхъ этихъ писателей

только первый можетъ быть почитаемъ сколько-нибудь самостоятельнымъ писателемъ. Іоаннъ Θракисійскій, сановникъ императора Алексѣя Комнина (1081—1118 гг.), написалъ Ἐπιτομὴ ἱστοριῶν отъ 811—1057 гг., и это сочиненіе было такъ основательно обокрадено Кедринымъ, что по справедливости во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ называться Кедринъ, слѣдовало бы писать и читать Іоаннъ Скилица. Іоаннъ Скилица и самъ поступалъ въ отношеніи другихъ не лучше, чѣмъ Кедринъ въ отношеніи къ нему. Онъ написалъ, нѣсколько позже, продолженіе своего первоначальнаго труда, обнимающее время отъ 1057 года по 1081, и здѣсь довольно безцеремонно воспользовался сочиненіемъ Атталіоты. Эта именно часть труда и напечатана въ Боннскомъ изданіи подъ собственнымъ именемъ Скилицы, тогда какъ первая пропала въ компиляціи Кедрина. Никифоръ Вріенній и Зонара жили въ XII вѣкѣ, точно также, какъ и Кедринъ, и подобно ему не имѣютъ ничего своего самостоятельнаго. Это все нужно знать и имѣть въ виду при рѣшеніи всякаго частнаго вопроса, заставляющаго обращаться къ названнымъ источникамъ. Тѣмъ болѣе это нужно, что въ концѣ XI вѣка, какъ мы будемъ доказывать, составъ варяжской дружины въ Константинополѣ совершенно измѣнился, а между тѣмъ этого какъ будто не хотѣли знать писатели-компиляторы XII вѣка (Вріенній и Кедринъ). Въ суетномъ и тщетномъ желаніи придать себѣ нѣкоторый видъ самостоятельности, они прибѣгали нерѣдко къ легкимъ стилистическимъ измѣненіямъ подлинника и вносили при этомъ въ источникъ XI вѣка воззрѣнія своего времени. Это съ полною очевидностію можетъ быть доказано относительно Вріеннія и того объяснительнаго замѣчанія, которое онъ счелъ за нужное сдѣлать относительно Варяговъ. Но, съ другой стороны, такія стилистическія измѣненія и легкія добавленія помогаютъ намъ узнавать Варанговъ въ такихъ мѣстахъ у писателей XI вѣка, въ которыхъ безъ этого мы
109 должны были бы ограничиваться однѣми догадками, не для всѣхъ убѣдительными. Невизантійскими источниками мы пользуемся на столько, на сколько это необходимо для объясненія византійскихъ.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Мы не считаемъ себя компетентными въ вопросахъ русской исторіи настолько, чтобы

вмѣшиваться въ споръ, снова поднятый уважаемымъ Д. И. Иловайскимъ. Небольшое изслѣдованіе, которое мы посвящаемъ Византійскимъ Варягамъ, нисколько не касается существа норманской теоріи, и выводы, которые изъ него позволительно будетъ сдѣлать, могутъ быть обращены въ свою пользу какъ норманистами, такъ и съ такимъ же правомъ противниками ихъ. Мы совсѣмъ не касаемся вопроса о томъ, что̀ такое была Русь, о которой говорится въ бесѣдахъ патріарха Фотія и въ договорахъ Русскихъ князей съ Греками,—равно какъ и вопроса о томъ, кто была та служебная Русь въ Византіи, о которой упоминается въ сочиненіяхъ Константина Багрянороднаго,—и отправляемся отъ того положенія, въ настоящее время признаваемаго, кажется, обѣими сторонами, что въ XI вѣкѣ Русь есть не иная какая Русь, какъ славянская, православная.

II.

Варяги, отправленные въ Константинополь Владиміромъ, и первыя свидѣтельства исландскихъ сагъ о Норманнахъ, вступившихъ въ варяжскую дружину.

Первый изъ двухъ вышеозначенныхъ пунктовъ, подлежащихъ здѣсь изслѣдованію, состоитъ въ томъ, что появленіе на страницахъ византійской исторіи имени Варанговъ объясняется прибытіемъ въ Царьградъ дружины, находившейся до тѣхъ поръ на службѣ Кіевскихъ князей, въ частности—Кіевскаго князя Владиміра; или, другими словами: первые Варанги въ Константинополѣ суть тѣ Варяги, которые были приведены Владиміромъ изъ-за моря, а потомъ, недовольные имъ, ушли въ Царьградъ. Положеніе это основывается на сопоставленіи двухъ явленій, связь между которыми открыта только комбинирующею силой ума извѣстнаго и замѣчательнаго русскаго изслѣдователя. Въ 980 году отправились изъ Кіева въ Византію Варяги; въ 1034 году у византійскихъ историковъ въ первый разъ упоминаются Варанги, до сихъ поръ имъ неизвѣстные; слѣдовательно, Византійцы узнали Варанговъ не задолго до 1034 года и всего скорѣе познакомились съ ними въ лицѣ тѣхъ Варяговъ, о при-

бытіи которыхъ въ Константинополь мы имѣемъ положительныя
110 свѣдѣнія. Законность такого вывода и вообще такого пріема въ историческомъ изслѣдованіи не можетъ быть отрицаема. Но къ нему нужно прибѣгать только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ никакихъ другихъ прямыхъ указаній, объясняющихъ вопросъ болѣе положительнымъ образомъ, и особенно—когда ничего не противорѣчитъ выводу. Мы оставляемъ въ сторонѣ довольно насильственное пониманіе г. Гедеоновымъ первоначальной лѣтописи. Услышавъ, что Ярополкъ убилъ Олега, Владиміръ бѣжалъ за море, то-есть, по объясненію г. Гедеонова, не къ Шведамъ, а, безъ сомнѣнія, къ своимъ западнымъ однокровникамъ (на Балтійскомъ поморьи), быть можетъ, въ Юмну. Черезъ два года онъ пришелъ съ Варягами къ Новугороду, при помощи ихъ взялъ Кіевъ; въ его войскѣ преобладалъ вендо-варяжскій элементъ (Отрывки, стр. 162). А между тѣмъ Варяги, отправившіеся въ Константинополь, были Скандинавы. Такое довольно натянутое толкованіе находится въ связи съ теоріей г. Гедеонова о призваніи князей съ Балтійскаго поморья, которая не подлежитъ здѣсь обсужденію. Нашъ вопросъ состоитъ въ томъ, существуетъ ли дѣйствительно связь между разсказомъ первоначальной русской лѣтописи, помѣщеннымъ подъ 980 годомъ, и первымъ упоминаніемъ Варанговъ у византійскаго писателя. Въ лѣтописи мы читаемъ:

«Варязи (при помощи которыхъ Владиміръ одержалъ верхъ надъ Ярополкомъ и овладѣлъ Кіевомъ) рѣша Володимеру: «се градъ нашь; мы пріяхомъ и́, да хочемъ имати окупъ на нихъ по двѣ гривнѣ отъ человѣка». И рече имъ Володимеръ: «пождѣте, да же вы куны сберуть, за мѣсяць». И ждаша мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: «сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки»; онъ же рече имъ: «идѣте». И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сице царю: «се идуть къ тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створять ти зло, якоже и сдѣ, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ни единого».

Сопоставляя это свидѣтельство съ толкованіемъ г. Гедеонова, замѣтимъ:

Во-первыхъ, на какомъ основаніи мы будемъ думать, что Византійскій императоръ не послушалъ даннаго ему совѣта? Само собою понятно, что лѣтописецъ, кто бы онъ ни былъ, никакъ не имѣлъ въ виду разсказывать о какихъ-либо безплодныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Кіева съ Константинополемъ. Совѣтъ Владиміра предполагаетъ исполненіе или даже есть только живая лѣтописная (эпическая) форма для передачи факта, совер- 111
шившагося въ дѣйствительности. Варяги, отправившіеся изъ Кіева въ Византію, не остались въ городѣ, не остались при дворѣ императора, слѣдовательно, не сдѣлались его тѣлохранителями или лейбъ-гвардіей, то-есть, тѣмъ, чѣмъ, по общепринятому мнѣнію, были Варанги въ Византіи. Они были *разсыяны*, расточены розно; слѣдовательно, не могли образовать какого-либо отдѣльнаго военнаго корпуса [1]). Мы знаемъ, что дѣйствительно въ Византіи не всегда благосклонно принимали вооруженную толпу, приходившую изъ Кіева. Примѣръ Хрисохира извѣстенъ и будетъ приведенъ ниже.

Во-вторыхъ, мы можемъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что между 980 и 1034 годами приходится все-таки слишкомъ значительный промежутокъ. Съ той поры, какъ Варанги въ первый разъ были упомянуты въ византійской исторіи, они являются въ ней безпрерывно, постоянно и довольно часто. Отчего нѣтъ никакихъ слѣдовъ ихъ существованія въ первые пятьдесятъ четыре, или, принимая въ расчетъ и невизантійскіе источники, въ первыя тридцать лѣтъ ихъ предполагаемаго пребыванія въ Константинополѣ? Правда, византійскіе источники очень скудны именно за послѣдніе годы X столѣтія. Но они восполняются лѣтописями армянскими, грузинскими, а потомъ южно-италіанскими, наконецъ, — исландскими сагами, обильнымъ источникомъ именно для исторіи Варяговъ и Варанговъ [2]).

---

1) [Вовсе не важно, образовали ли они лейбъ-гвардію или особенный корпусъ; вопросъ въ томъ, были ли они въ ней? Кажется, нужно будетъ признать первоначально отдѣльное существованіе Варанговъ съ 980 года.]

2) [Удивительно, что въ Византійской хроникѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, несмотря на очень подробную повѣсть о военныхъ дѣйствіяхъ 980-го и слѣдующихъ годовъ. Еще удивительнѣе, что и сѣверные источники, Скандинавскія саги, не даютъ опредѣленныхъ указаній, а оставляютъ большой промежутокъ. Однако промежутокъ не такъ великъ, какъ мнѣ прежде представля-

Въ-третьихъ, эти же самыя исландскія саги и опровергаютъ окончательно мысль, пущенную въ оборотъ г. Гедеоновымъ. Спѣшимъ, однако, замѣтить, что свидѣтельства исландскихъ сагъ опровергаютъ не только теорію г. Гедеонова о происхожденіи Византійскихъ Варанговъ, но точно такъ же и всѣ возраженія, сдѣланныя на нее изъ противнаго лагеря, именно на основаніи исландскихъ сагъ.

А. А. Куникъ, съ нѣкоторою резигнаціей принявшій многіе изъ ударовъ (часто дѣйствительныхъ, иногда мнимыхъ), нанесенныхъ норманнской теоріи авторомъ «Отрывковъ о Варяжскомъ вопросѣ», дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія относительно византійскихъ «гвардейскихъ сѣкироносцевъ»: «Относительно поѣздокъ въ Византію надобно различать Шведовъ и Норвежцевъ строже, чѣмъ это дѣлаетъ г. Гедеоновъ. Первое извѣстіе о Шведахъ, явившихся въ Византію, относится къ 838 году, и даже г. Гедеоновъ допускаетъ это, хотя и старается этотъ неудобный для него фактъ всячески перевернуть и перетолковать. А когда въ первый разъ прибыли въ Византію Норвежцы? Едва ли раньше 934 года, когда Норвежецъ Эгиль титуловалъ себя предикатомъ foldväringi, а вѣрнѣе 40 или 50 лѣтъ спустя. Сѣверныя саги, которыя, по ихъ содержанію, конечно, должно раздѣлить на ми-
112 ѳическія, романическія и болѣе или менѣе историческія, толкуютъ объ этомъ довольно опредѣленно. Какъ извѣстно, онѣ почти никогда не показываютъ годовъ, а представляютъ только не прямыя хронологическія данныя. Зато въ нихъ — мы имѣемъ здѣсь въ виду саги историческія — называется по имени множество Норвежцевъ и Исландцевъ съ ихъ родословными, которыхъ древніе Исландцы собрали огромную массу. Иной разъ установить хронологію извѣстій помогаютъ также введенныя въ саги событія нескандинавскихъ странъ. *Такимъ путемъ* можно дойти до того, что первые Норвежцы и Исландцы отправились въ Византію *для* поступленія въ военную службу, *по всей исторической вѣроятности* (курсивъ подлинника), лишь по смерти Святослава († 972). Первый императоръ, упоминаемый въ сагахъ,

---

лось. Болле былъ, положимъ, первый норманнъ на византійской службѣ, но Варанги и ихъ дружины были тамъ ранѣе.]

есть Jón (то-есть, Іоаннъ Цимисхій, † 10-го января 976 года), побѣдитель Святослава. Чаще же стали такія поѣздки лишь съ начала XI столѣтія, какъ прямо даетъ понять одна сага. Этимъ подрывается положеніе г. Гедеонова о вступленіи (норвежскихъ) Väringjar въ лейбъ-гвардію императоровъ». (Отрывки, стр. 223).

Но для того, чтобы сдѣлаться Варангомъ, мало было пріѣхать въ Грецію, а нужно было вступить въ военную службу, или даже, по общепринятому воззрѣнію, въ число тѣлохранителей императора, въ составъ его лейбъ-гвардіи. Извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей о людяхъ, посланныхъ императоромъ Θеофиломъ къ Людовику Благочестивому, которые называли себя Росъ, а по разслѣдованіи оказались Шведами, совершенно не относится къ вопросу о Византійскихъ Варангахъ, ибо нигдѣ не сказано, что это были Варанги. Далѣе, то, что Норвежецъ Эгиль титуловалъ себя въ 934 году foldväringi, также нисколько не служитъ къ опроверженію г. Гедеонова. Это слово объяснено самимъ А. А. Куникомъ на одной изъ предыдущихъ страницъ его замѣчаній (стр. 219) и значитъ защитникъ наслѣдственной земли (противъ несправедливаго приговора суда), ruris defensor, vindex. Если скандинавское названіе Варяговъ и происходитъ отъ корня, означающаго на сѣверномъ языкѣ защищать, оберегать, то это не значитъ, что для полученія названія защитникъ (чего бы то ни было) необходимо было съѣздить въ Византію. А главное, зачѣмъ дѣлать гадательныя предположенія, когда въ сагахъ есть совершенно опредѣленныя указанія о томъ, кто именно и когда именно былъ первымъ Норманномъ, вступившимъ въ варяжскую дружину. Мы удивляемся, какимъ образомъ никто до сихъ поръ не обратилъ вниманія на слѣдующее въ высшей степени важное мѣсто въ одной изъ древнѣй- 113
шихъ и наиболѣе достовѣрныхъ историческихъ сагъ:

«Когда Болле провелъ одну зиму въ Даніи, онъ рѣшилъ отправиться въ болѣе отдаленныя страны, и не прежде остановился въ своемъ путешествіи, чѣмъ прибылъ въ Миклагардъ (Византію); онъ провелъ тамъ короткое время, какъ вступилъ въ общество Вэринговъ (=Варанговъ). У насъ нѣтъ преданія (намъ не передано), чтобы кто-нибудь изъ Норманновъ служилъ у Константинопольскаго императора прежде,

чѣмъ Болле, сынъ Болле. Онъ провелъ тамъ много зимъ и во всѣхъ опасностяхъ являлся храбрѣйшимъ и всегда между первыми; подлинно, Вэринги много цѣнили Болле, когда онъ жилъ въ Константинополѣ». (Quumque Bollius in Dania transegisset, ad remotiores regiones adire paravit, haud itinere desistebat prius quam Miklagardum pervenisset; brevi ibi fuerat moratus, quum Vaeringiorum inivit societatem. Nec nobis quidem relatum est, Normannorum aliquem sub Constantinopolitano rege meruisse prius, quam Bollium Bolli filium. Multas ibi degit hyemes ac in omnibus periculis fortissimus est habitus, ac semper inter principes, ac magni sane Vaeringi Bollium existimavere, dum Constantinopoli moraretur).

Это читается въ Лаксдэльской сагѣ (Laxdaela-Saga. Historia de rebus gestis Laxdolensium. Ex mss. leg. Arn. Magn. cum interpretatione latina et cet. Hafniae, 1827), стр. 315. Лаксдэльская сага записана, какъ полагаютъ, въ началѣ XIII столѣтія; слѣдовательно, по времени записанія она не принадлежитъ къ самымъ древнимъ, но событія, въ ней описываемыя, оканчиваются около половины XI вѣка [1]). Такимъ образомъ она, подобно всѣмъ другимъ сагамъ, довольно долго сохранялась въ устномъ преданіи. Вопросъ о томъ, въ какой степени первая письменная редакція сохранила подлинный устный текстъ саги, для насъ пока не имѣетъ никакой важности. Если замѣчаніе о томъ, что Болле Боллесонъ былъ первымъ Норманномъ, вступившимъ въ военную службу къ Византійскому императору, сдѣлано только при письменной редакціи, то это будетъ значить, что въ началѣ XIII вѣка, то-есть, во времена Снорри Стурлесона—когда послѣдній кульминаціонный пунктъ своеобразнаго историческаго
114 творчества въ Исландіи уже завершился—не было извѣстно ни

1) См. Peter Erasmus Muller, Sagenbibliothek (Aus der dänischen Handschrift übersetzt von K. Lachmann. Berlin, 1816) I, стр. 162 и слѣд., а также Rosselet, Islandische Litteratur въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, II-е отдѣленіе, томъ 31, стр. 302. <Критическое изданіе саги далъ Kålund (Копенгаг. 1889—91), со всѣми варіантами и т. п. Текстъ этого изданія повторенъ имъ и снабженъ предисловіемъ и примѣчаніями въ Altnordische Saga-Bibliothek IV, Halle 1896. Критическій разборъ саги см. у F. Jónsson, Den oldnorske og oldislandske Litteraturs Historie II, 1 (1898) p 440—453, и у Mogk, Gesch. d. norw.-isl. Litteratur p. 198 ss (Grundriss d. germ. Phil. ed. Paul, 2 изд.) Ѳ. Б>.

одной саги, которая говорила бы о болѣе ранней службѣ Норманновъ-Скандинавовъ въ Византіи.

Къ какому же времени относится вступленіе Болле Боллесона въ общество Варанговъ? Рѣшить этотъ вопросъ не трудно, потому что лица, дѣйствующія въ Лаксдэльской сагѣ, не только встрѣчаются въ другихъ историческихъ сагахъ, но упоминаются также у Аре Фроди, перваго исландскаго лѣтописца, то-есть, суть лица вполнѣ историческія. Отецъ перваго Византійскаго Варанга изъ Норманновъ, по имени Болле, есть одно изъ такихъ лицъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи; другой герой саги, Кіартанъ, не только появляется во всѣхъ разсказахъ о стремленіяхъ короля Олафа Тригвасона обратить Исландію въ христіанство, но даже его гробница съ руническою надписью сохранилась до нашего времени. Болле отецъ, по лѣтописи, былъ убитъ въ 1007 году, а только послѣ его смерти родился его сынъ, Болле младшій или Боллесонъ. Двѣнадцати лѣтъ, по сагѣ, онъ предпринимаетъ исполнить долгъ мести за своего отца (1018 г.), но потерпѣлъ неудачу. Потомъ онъ женился и только послѣ этого отправился въ далекія страны, сначала въ Данію, а потомъ въ Константинополь. Итакъ, первый Норманнъ явился въ числѣ Варанговъ никакъ не ранѣе 1020 года, а, повидимому, послѣ 1023 или даже 1026 года. О путешествіи Болле Боллесона говорится послѣ разсказа о гибели Торкеля Ейольфсона, что относится къ одному изъ сейчасъ означенныхъ годовъ [1]).

---

1) Müller-Lachmann, SagenBibliothek, I, 163 «Пребываніе Болле младшаго въ Константинополѣ опредѣляется сагой хронологически точнѣе, чѣмъ думалъ В. Г. Родившись послѣ смерти отца въ 1007 г., Болле женится 18-и лѣтъ отъ роду, т. е. лѣтомъ 1025 г. (гл. 70 § 11 сл.). Проживъ годъ съ женой, онъ въ обществѣ своего брата Торлейка отправляется въ путешествіе лѣтомъ 1026 г. (73,1); осенью они пріѣзжаютъ въ Норвегію, гдѣ Торлейкъ остается, тогда какъ Болле той же осенью направляется въ Данію (73, 16), гдѣ проводитъ зиму 1026—27 г., и лишь весной 1027 г. предпринимаетъ поѣздку въ Миклагардъ, о которой говорится въ вышеприведенномъ отрывкѣ (гл. 73, 17—19). Въ Византію онъ могъ прибыть, слѣдовательно, не раньше лѣта 1027 г. Во время его отсутствія (а не до его отъѣзда) погибаетъ его вотчимъ Торкель Эйольфсонъ, — фактъ, опредѣляемый вполнѣ точно 1026 годомъ. Черезъ 4 года (гл 77, 1), т. е. въ 1030 г., Болле возвращается въ Исландію. Съ этимъ вполнѣ согласуется указаніе саги (78, 1), что черезъ годъ умеръ Снорри Годи: смерть этого знаменитаго исландскаго дѣятеля дѣйствительно относится къ 1031 г. Слѣдовательно, служба Болле у византійскаго императора продол-

Такому заключенію, повидимому, противорѣчитъ упоминаніе Вэринговъ въ двухъ другихъ историческихъ сагахъ, считаемыхъ самыми древними—какъ на основаніи ихъ содержанія, такъ и по времени письменной редакціи, относящейся къ первой половинѣ XII-го вѣка [1]). Это суть: 1) сага о Вига-Стирѣ и 2) сага о битвѣ на полѣ (auf der Heide) или Heidharvíga-Saga. Въ первой является на сцену Гестъ, сынъ Торгалла (Thórhall); убивъ Стира (1007 г.), одного изъ старшинъ или князьковъ Исландскихъ, онъ удаляется изъ опасенія мести сначала въ Норвегію, а потомъ въ Миклагардъ, гдѣ поступаетъ въ число Вэринговъ. Здѣсь находитъ его сынъ Стира, Торстейнъ (Thorstein), застаетъ его во время игръ среди Вэринговъ и бросается на
115 него съ мечемъ въ рукахъ, и т. д. [2]). Событіе должно относиться

жалась съ 1027 до 1030 г., т. е. всего три года, что̀ не вполнѣ согласно съ утвержденіемъ саги (73, 19), будто онъ былъ въ Миклагардѣ «очень много зимъ» (mjǫk marga vetr). Но и помимо этого, весь эпизодъ путешествія Болле въ Норвегію и Византію, и вообще вся послѣдняя треть саги (послѣ 1007 г.) обставлена хронологически очень сбивчиво и находится въ полномъ противорѣчіи съ указаніями другихъ сагъ (F. Jónsson l. c. p. 445. Ср. предисловіе къ изд. Kålund-a 1896 г. стр. V sq.), вслѣдствіе чего достовѣрность всего разсказа о службѣ Болле въ Константинополѣ подлежитъ серіозному сомнѣнію. Весьма возможно, что разсказъ этотъ вовсе не принадлежалъ къ составу устнаго преданія и присочиненъ авторомъ саги въ первой половинѣ XIII-го в. лишь съ цѣлью прославленія Болле, выдвинутаго въ концѣ саги на первый планъ. Генеалогія потомковъ Болле въ гл. 78 и нѣкоторые другіе признаки заставляютъ признать за этой частью саги явную тенденцію возвеличенія этого героя. Можетъ быть, авторъ саги принадлежалъ къ числу его потомковъ или находился въ какихъ либо отношеніяхъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, указанными фактами сильно подрывается довѣріе къ этому эпизоду. Ѳ. Б.›

1) Muller-Lachmann, p. 29. Rosselet, p. 300. Сравни, впрочемъ, Konrad Maurer, Island (Munchen, 1874) p. 463. ‹Сага о Вига-Стирѣ, оригиналъ которой до насъ не дошелъ, составляла, вѣроятно, одно цѣлое съ Heidharvígasaga, служа какъ-бы введеніемъ къ послѣдней. Хронологическое опредѣленіе, даваемое въ текстѣ, нѣсколько преувеличиваетъ древность саги: она относится не къ первой половинѣ, а къ концу XII-го вѣка. См. о ней теперь F. Jónsson l. c. II 485 sq. и Mogk, Gesch l. c. p. 204. Послѣднее изданіе: Valdimar Asmundarson, Vigastýrssaga ok Heidharviga, Reykjavik 1899. Ѳ. Б.›

2) Islendinga Sögur (Kjobenh. 1847) II, 304 сл.: «Гестъ видѣлъ, что онъ не въ состояніи держаться противъ происковъ Торстейна въ Норвегіи, и отправился на югъ въ Миклагардъ и нанялся тамъ служить съ Вэрингами; онъ разсчитывалъ тамъ быть лучше скрытымъ. До Торстейна дошли о томъ вѣсти, и онъ въ то же лѣто отправился въ Миклагардъ. Но таковъ обычай у Вэринговъ и Норманновъ, что день они проводятъ въ играхъ и борьбѣ». Торстейнъ, вступившій въ среду Вэринговъ, засталъ Геста во время борьбы, выхватилъ мечъ и ранилъ его. Вэринги подбѣжали и хотѣли тотчасъ убить Тор-

къ 1011 году, и, слѣдовательно, сказаніе о Стирѣ противорѣчитъ прямому свидѣтельству Лаксдэльской саги о первомъ Норманнѣ въ Византійской гвардіи. Но весьма легко рѣшить, на которой сторонѣ находится бо̀льшая достовѣрность. Подлинная первоначальная рукопись Вигастировой саги и единственный списокъ съ нея, сдѣланный для Арна Магнусона (Arni Magnússon), сгорѣли при Копенгагенскомъ пожарѣ 1728 года. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ сага возстановлена по памяти переписчикомъ Арна Магнусона [1]). Понятно, что при этомъ не могли вполнѣ удержаться всѣ подлинныя выраженія саги, и легко могли явиться прибавки, особенно подъ вліяніемъ знакомства съ другими сагами. Путешествіе въ Царьградъ и вступленіе въ варяжскую дружину Византійскаго царя самая обычная черта въ позднѣйшихъ сагахъ; она легко могла попасть изъ нихъ чрезъ посредство такого поздняго редактора и въ Вигастирову сагу. Между тѣмъ не всегда нужно было ѣздить въ Византію, чтобы сдѣлаться Варангомъ: въ началѣ XI вѣка для этого можно было ограничиться Кіевомъ или вообще Русскою землей.

Не совсѣмъ вѣрно утверждаютъ, что Норманны, служившіе у Русскихъ князей, никогда въ сѣверныхъ сагахъ не называются Вэрингами. Въ Гейдарвига-сагѣ, которая составляетъ продолженіе Вигастировой, но по времени записанія даже древнѣе ея и сохранилась въ очень хорошей рукописи до нашего времени [2]), разсказывается о Вига-Барди, что онъ, изгнанный судомъ изъ своей родины, т. е. Исландіи, послѣ нѣсколькихъ скитаній, прибылъ съ женою въ Галогаландъ (Halogaland), то-есть, въ сѣверо-западную приморскую окраину Норвегіи. Здѣсь онъ поссорился съ женой и опять пустился путешествовать. «Онъ не оста- 116

стейна, потому что былъ такой законъ, что если кто покусится на жизнь другаго во время игръ, то долженъ потерять свою. Но самъ Гестъ освободилъ Торстейна, заплативъ за него выкупъ и потомъ помирившись съ нимъ. Ср. Müller-Lachmann, Sagenbibl. I, 28.

1) Müller-Lachmann. Sagenbibl. I, p. 30. Ср. Rosselet, p. 300, примѣч. 49-е.

2) <Сага возникла одновременно съ Вигастировой, съ которою составляла, вѣроятно, одно цѣлое. См. выше, стр. 188$_1$. Въ «хорошей рукописи», которую разумѣетъ В. Г., т. е. въ cod. holm. perg. 18,4°, сохранилась лишь часть саги. Ѳ. Б.>

вилъ своего пути, пока не прибылъ въ Гардарики; и сдѣлался тамъ наемникомъ, и былъ тамъ съ Вэрингами, и всѣ Норманны высоко чтили его и вошли съ нимъ въ дружбу» (Islendinga Sögur II, 394: Kom í Gardaríki, ok gekk thar á mála ok var thar medh Vaeríngium, ok thótti öllum Nordhmönnum mikils um hann vert, ok höfdhu hann í kaerleikum medh sér) [1]).

Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о Русскихъ Варягахъ, о Варягахъ, находящихся въ Гардарикѣ; напрасно, стало быть, помѣщаютъ (Гопфъ и самъ Конрадъ Мауреръ) Вига-Стира въ число Византійскихъ Варанговъ. Но еслибъ это и было основательно, то и тогда прямое свидѣтельство Лаксдэльской саги не потеряетъ своего значенія. Событія, разсказываемыя Гейдарвига-сагою, относятся къ началу XI-го столѣтія; эпоха битвы, отъ которой произошло самое названіе саги, опредѣляется лѣтописными показаніями 1013 годомъ, а по другимъ сагамъ битва произошла въ 1014 или даже въ 1015 году [2]). Между сраженіемъ и судебнымъ приговоромъ, произнесеннымъ противъ Вига-Барди, находится значительный промежутокъ времени, такъ что варяжская служба нашего героя падаетъ къ 1020 годамъ, а съ точностію не можетъ быть опредѣлена хронологически. По свидѣтельству ученыхъ издателей подлинной саги, она кончается 1025 годомъ, а послѣднее событіе, въ ней разсказанное, есть именно смерть Барди, павшаго въ битвѣ послѣ трехлѣтней службы въ Вэрингахъ.

Третья сага, упоминающая о Вэрингахъ, есть Ньялова сага (Niála или Niáls-Saga). По Мюллеру и Росселету, она записана въ первой половинѣ XII вѣка, и событія, составляющія ея содержаніе, относятся къ началу XI вѣка и оканчиваются приблизительно 1017 годомъ. Нужно однако думать, что мы имѣемъ сагу не въ томъ видѣ, какъ она была первоначально записана, а въ переработкѣ гораздо болѣе поздняго времени [3]). Здѣсь идетъ

1) Для перевода нужныхъ намъ мѣстъ въ сагахъ, не переведенныхъ на латинскій языкъ, мы обращались къ профессору А. Н. Веселовскому.

2) Müller-Lachmann, Sagenbibl. I, 32.

3) Müller-Lachmann, I, 43; Rosselet, p. 300. Сравни замѣчанія Конрада Маурера въ только что вышедшей книгѣ (Island, p 57—65, 66 и о самой сагѣ p. 59): Manches deutet darauf hin, dass die Sage in der Gestalt, in welcher wir sie allein kennen, eine spätere Ueberarbeitung eines alteren Originals

рѣчь о Норманнѣ (Исландцѣ) Колскеггѣ: «Онъ отправился въ Данію и поступилъ на службу къ королю Даніи Свену Двойнобородому (tjúguskegg, furcibarbus) и здѣсь пользовался большимъ 117
почетомъ. Въ Даніи Колскеггъ принялъ крещеніе, но не поселился тамъ окончательно, а пошелъ на востокъ, въ Московію (sic), и провелъ тамъ одну зиму. Вскорѣ онъ отправился оттуда въ Константинополь и началъ тамъ служить наемникомъ. Послѣдній слухъ, принесенный о немъ, былъ тотъ, что онъ тамъ соединился бракомъ и, поставленный во главѣ стражей царства, остался тамъ до послѣдняго дня: и здѣсь упоминаніе о немъ заключается». (Jam de Kolskeggo memorandum est — Daniam orientem versus profectum se regi Danorum Sveini furcibarbo commendasse... Moscoviam ad orientem versus petiit... mox inde Constantinopolim profectus ibi stipendia coepit facere. Novissima de illo fama tulerat, illic matrimonio junctum et custodibus regni praefectum, ad supremam diem permansisse: atque hic mentio ejus clauditur. — Historia Niali et filiorum latine reddita. Hafniae, 1809, p. 256 sq.).

Мы можемъ принять разсказъ о Колскеггѣ за вполнѣ достовѣрный, предполагая, что въ оригиналѣ вмѣсто Московіи читалось Гардарика[1]), и что указаніе на послѣдній слухъ о судьбѣ Колскегга принадлежитъ не иначе какъ современнику. Но на первый взглядъ очевидно, что такимъ образомъ извѣстіе о службѣ Колскегга среди Варанговъ (ибо они, конечно, разумѣются подъ custodes regni) нѣсколько выходитъ изъ рамки повѣствованія, ограничиваемаго 1017 годомъ, и будетъ относиться по крайней мѣрѣ къ двадцатымъ годамъ XI столѣтія[2]).

---

sei и т. д. ‹Въ томъ видѣ, въ какомъ она до насъ дошла, сага сочинена, вѣроятно, лишь во второй половинѣ XIII-го в. Авторъ при этомъ слилъ двѣ саги, первоначально самостоятельныя, о Гуннарѣ и о Ньялѣ. Критическое изданіе: Islendinga Sogur III; текстъ также у V. Asmundarson-a, Reykjavik 1894 — Разборъ саги см. у F. Jónsson, l. c. II, 525 sqq., Mogk l. c. p. 214 sq. Ѳ. Б›

1) ‹Такъ дѣйствительно и читается въ рукописяхъ. См., напр., текстъ въ Antiquités russes II p. 246. Московія оказалась здѣсь лишь по неточности переводчика Ѳ. Б.›

2) ‹Именно тотъ отрывокъ, которымъ здѣсь пользуется В. Г. (18-ая глава саги), безъ всякаго сомнѣнія — поздняя вставка и не принадлежитъ къ составу древняго преданія: Колскеггу снится сонъ, который истолковывается такъ, что ему предстоитъ сдѣлаться «божьимъ рыцаремъ» (gudhs riddari). Въ

Въ Hallfredhar-Saga мы читаемъ о Грисѣ Сэмингссонѣ (Griss Saemingsson): «Есть человѣкъ, называемый Грисъ, сынъ Сэминга, мой пріятель и живетъ въ Гейтаскардѣ въ Длинной долинѣ (Langadal); онъ былъ въ Миклагардѣ и собралъ тамъ большія почести; онъ—богатый человѣкъ и у него много друзей» (Fornsögur изд. Vigfusson и Möbius, Leipzig 1860, стр. 88).

Грисъ Сэмингссонъ жилъ также въ началѣ XI столѣтія, подобно Болле Боллесону и Колскеггу; потому нѣтъ никакой нужды пускаться въ хронологическія соображенія о томъ, не поступилъ ли онъ въ Варанги ранѣе Боллесона[1]). Сверхъ того, въ сагѣ даже и не утверждается прямо, что онъ служилъ въ наемной византійской дружинѣ.

Что же касается Грегтировой саги (Grettis-saga, Grettla по имени Скальда Греттира) и до Вэринговъ, въ ней упоминаемыхъ, то здѣсь пока не время говорить о нихъ. Торбіорнъ Онгулъ и его товарищи суть уже современники Гаральда Гардраде, въ одно съ нимъ время служатъ византійскому царю или царицѣ:
118 слѣдовательно, они вступили въ число Варанговъ позднѣе вышеозначенныхъ Исландцевъ[2]). Въ сагѣ прямо сказано, что Онгулъ (Aungul) и Дромундъ пришли въ Миклагардъ тогда, когда уже былъ большой приливъ туда сѣверныхъ людей, и именно при Михаилѣ Каталакѣ (то-есть, Калафатѣ). (См. Grettla-saga ved S. Magnussen, Kjobenh. 1852. ‹Критическій текстъ далъ Boer 1900 (Altnord. Sagabibl. VII), гл. 86 p. 294 sq.› Ср. Müller-Lachmann I, 189).

Послѣ этого мы имѣемъ полное право утверждать, что исландскія саги не подтверждаютъ предположеніе, высказанное г. Ге-

---

виду этого хронологическіе выводы, построенные на этомъ отрывкѣ, теряютъ всякую почву. Ѳ. Б›

1) ‹Если вѣрить хронологіи самой саги (а нѣтъ никакого основанія не вѣрить ей), то пребываніе Гриса въ Константинополѣ должно относиться къ болѣе раннему времени. Разговоръ, отрывокъ котораго приведенъ въ текстѣ, происходилъ никакъ не позже 994-го года, такъ какъ лишь послѣ него и послѣ свадьбы Гриса и Кольфинны, которую любилъ Галльфредъ, послѣдній уѣзжаетъ въ Норвегію, гдѣ застаетъ еще въ живыхъ ярла Гакона, умершаго въ 995 г. А въ этомъ разговорѣ о пребываніи Гриса въ Миклагардѣ говорится, какъ о событіи прошломъ. Оно должно относиться поэтому къ 985—993 годамъ. Ѳ. Б.›

2) ‹Прибытіе въ Константинополь какъ Торстейна Дромунда, такъ и Торбіорна Онгула опредѣляется сагой 1032—1033 годами. Ѳ. Б.›

деоновымъ и потомъ принятое другими. Первые Норманны, служащіе въ византійской гвардіи и носящіе имя Варяговъ, не были Варяги-Скандинавы, ушедшіе въ 980 году изъ Кіева, а другіе, отправившіеся туда позднѣе и намъ извѣстные поименно [1]).

Нельзя, однако, оставить безъ вниманія слѣдующаго соображенія, подсказываемаго нѣкоторыми выраженіями въ приведенныхъ выше отрывкахъ. Норманны, приходящіе изъ Норвегіи и Исландіи, какъ будто отличаются отъ другихъ Варяговъ или Варанговъ. Варяжская дружина какъ на Руси, такъ и въ Миклагардѣ существуетъ ранѣе ихъ, ранѣе Болле Боллесона и ранѣе Вига-Стира. I. Олафсонъ, вышеупомянутый переписчикъ и возсоздатель Вига-стировой саги, отмѣтилъ старинныя выраженія и обороты, въ ней встрѣчавшіеся. Въ его эксцерптахъ прямо замѣчено, что въ подлинной сагѣ Норманны часто отличались отъ Вэринговъ (Saepius eru Nordhmenn distingueradir frá Vaeríngjum. Islendinga Sögur, II, 481).

Изъ кого же состояла варяжская дружина въ Цареградѣ по вступленіи въ нее Норвежцевъ, и кто составлялъ варяжскую дружину на Руси помимо Норманновъ?

Отвѣтъ на это можетъ быть двоякій. Норманисты должны сказать, что и здѣсь и тамъ это были Шведы, то-есть, что когда исландская сага говоритъ о первомъ Норманнѣ, вступившемъ въ общество Варяговъ, и когда она отличаетъ въ русской варяжской дружинѣ, какъ особую составную часть, Норманновъ, то при этомъ подъ Норманнами она разумѣетъ только Норвежцевъ, живущихъ на самомъ полуостровѣ и въ Исландіи, вы-

---

1) ‹Аргументація Василья Григорьевича, поскольку она основана на матеріалѣ исландскихъ сагъ, содержитъ въ себѣ нѣсколько недоразумѣній и въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ значительно устарѣла. Безусловно невѣренъ исходный ея пунктъ, основанный на слишкомъ большомъ довѣріи къ разсказу Лаксдэльской саги: Болле Боллесонъ никоимъ образомъ не можетъ считаться «первымъ норманномъ, вступившимъ въ военную службу къ византійскому императору», даже если мы припишемъ эпизодъ о немъ устному преданію (см. выше, стр. 187_1). Утвержденіе саги объ этомъ—либо сознательно тенденціозно, либо основано на недоразумѣніи. Вслѣдствіе этого и общій выводъ Василья Григорьевича, направленный противъ Гедеонова, теряетъ свою силу. Саги, знающія норманновъ въ Византіи съ 80-хъ годовъ X вѣка, косвенно скорѣе подтверждаютъ догадку Гедеонова. Прямыхъ доказательствъ, однако, саги ни въ томъ ни въ другомъ направленіи не даютъ. Ѳ. Б.›

ключая отсюда Шведовъ. Шведы, слѣдовательно, могли и ранѣе быть Варангами въ Константинополѣ, точно такъ, какъ на Руси они были долго первыми и единственными Варягами. Мы думаемъ, что такое положеніе будетъ очень трудно доказать. Выраженіе «Нордманны, Nordhmenn» въ сагахъ употребляется въ двоякомъ значеніи. Въ первомъ, обширномъ значеніи оно обнимаетъ не только всѣхъ жителей Скандинавскаго полуострова, но
119 также Датчанъ и, само собою разумѣется, Исландцевъ. Когда нужно несомнѣнно и ясно отличить между Норманнами Норвежца, тогда въ сагахъ употребляются выраженія: Austmenn или Noregsmenn. Второе, болѣе тѣсное значеніе слова Норманнъ, или, собственно, nordhmadhur, norraenn, дѣйствительно, исключаетъ Датчанъ, Шведовъ и Готовъ,но оно исключаетъ также и всѣхъ людей Норвежскаго племени, поселившихся внѣ Норвегіи, то-есть, между прочимъ, Исландцевъ [; а означаетъ однихъ жителей Норвегіи] [1]). Ясно, что въ этомъ второмъ значеніи слово Норманнъ не могло быть приложено къ Болле Боллесону, родившемуся въ Исландіи и отправившемуся въ Византію изъ Даніи. Слѣдовательно, выраженіе Норманны въ Лаксдэльской сагѣ мы должны принимать въ широкомъ значеніи. Болле былъ первый скандинавскій Норманнъ, вступившій въ варяжскую дружину. Притомъ съ предполагаемымъ нами норманo-шведскимъ толкованіемъ мы все-таки не далеко уйдемъ въ византійской исторіи варяжскаго военнаго корпуса. Все-таки останется несомнѣннымъ, что этотъ корпусъ является въ Константинополѣ очень поздно, на глазахъ вполнѣ ясной исторіи, которая и отмѣчаетъ Шведовъ въ составѣ Варанговъ, какъ скоро они въ немъ оказались (Шведы упоминаются въ числѣ Варанговъ, но только нѣсколько позднѣе и на ряду съ другими— въ сагѣ объ Олафѣ Святомъ и о Гаральдѣ). *)

---

1) См. объ этомъ въ превосходной статьѣ К. Маурера: «Ueber die Ausdrucke altnordische, altnorwegische und isländische Sprache», примѣчаніе 71 на стр. 705, въ Abhandlungen der Bayer. Akademie der Wissensch. Philol. Classe, Bd. XI (1867 г.). Тамъ приведено много примѣровъ того и другого словоупотребленія.

*) <Здѣсь мы опустили нѣсколько строкъ, которыя въ экземплярѣ Василья Григорьевича зачеркнуты.>

Послѣ этого намъ понятно будетъ, почему даже въ исланд- 120
скихъ сагахъ Норманны XI столѣтія, приходящіе на службу Русскаго князя, «отличаются» отъ прочихъ Варяговъ.

Обращаясь къ Византійскимъ Варангамъ, мы заранѣе можемъ высказать ожиданіе, что и тамъ насъ встрѣтитъ такое же явленіе, то-есть, что и византійскій военный корпусъ Варанговъ вовсе не состоялъ изъ однихъ только Норманновъ-Скандинавовъ, даже, быть можетъ, Норманны составляли небольшую его долю. Теперь для насъ всего важнѣе то, что Норманны, то-есть, Исландцы, Норвежцы, а потомъ Шведы, вступаютъ въ Константинополь уже въ готовое «Варяжское общество». Вопросъ, поставленный въ началѣ главы, остается пока не рѣшеннымъ. Мы не приняли сопоставленія, сдѣланнаго г. Гедеоновымъ, между Варягами, отправившимися изъ Кіева въ 980 году, и Византійскими Варангами 1034 года,—на томъ преимущественно основаніи, что этихъ Варяговъ г. Гедеоновъ считаетъ Норманнами, а Норманны появились въ составѣ византійской варяжской дружины гораздо позднѣе 980 года: мы опредѣленно знаемъ, когда именно. Но если Варяги существуютъ въ Константинополѣ ранѣе 1020 года, ранѣе перваго появленія среди нихъ Норманновъ, то, во-первыхъ, кто жъ они были?—а во-вторыхъ, и это для насъ теперь главное, когда же былъ сформированъ знаменитый варяжскій корпусъ въ Византіи? Можно, конечно, оставить объясненіе г. Гедеонова, подвергнувъ оное небольшому видоизмѣненію. Варяги, отправившіеся въ 980 году изъ Кіева въ Царьградъ, не были Норманны, а или тѣ самые Венды-Славяне, которые, 121
по теоріи г. Гедеонова, въ сущности и были настоящими и основными Варягами, или просто Русскіе-Славяне, безъ сомнѣнія, также вступавшіе въ Кіевскую варяжскую дружину. Но мы уже указали трудности, какія встрѣтитъ такое толкованіе. Нужно будетъ предполагать, что Василій II не послушался совѣта, поданнаго Кіевскимъ княземъ. Нужно будетъ доказывать, что именно Варяги-пришельцы, которые все-таки были въ Кіевской варяжской дружинѣ и повидимому, только что приведены были Владиміромъ изъ-за моря, остались на Руси, а ушли свои Русскіе, которымъ приходилось разстаться съ родиною. Можно здѣсь прибавить и еще одно соображеніе, помимо другихъ, которыя пусть

лучше подразумѣваются. Въ 988 году Русскій князь Владиміръ находился въ открытой враждѣ съ Византійскою имперіей; взятіе въ этомъ году Херсона извѣстно какъ изъ русской лѣтописи, такъ равно изъ византійскихъ источниковъ (Левъ діаконъ) [1]). Что же въ этомъ году сдѣлалось съ отрядомъ Варанговъ, находившимся въ Византіи и состоявшимъ исключительно изъ Русскихъ? Послѣ, при подобныхъ случаяхъ, отправляли Варанговъ подальше изъ Константинополя: но мы не видимъ, чтобы въ 988 году была принята такая мѣра. Правда, можно замѣтить, что въ 988 году Русскіе не угрожали самому Константинополю, какъ это было въ томъ нашествіи, которое мы подразумѣваемъ. Но во всякомъ случаѣ есть очень ясныя указанія, что зимой 987—988 годовъ не было въ Цареградѣ Русскихъ, а если они здѣсь явились въ продолженіе года, то это были не прежніе и старые пришельцы, а новые. Именно послѣ взятія Херсона и послѣ женитьбы Владиміра на греческой царевнѣ Аннѣ Русскіе въ Византіи являются вновь, послѣ перерыва, бывшаго слѣдствіемъ Болгарской войны Святослава. Наши русскіе историки и ученые разыскатели, гоняясь иногда за призраками, пропустили и пропускаютъ безъ вниманія фактъ громаднѣйшей важности въ исторіи не только русской, но и всего сѣвера. Этотъ фактъ мы выражаемъ надписаніемъ слѣдующей главы нашего изслѣдованія.

III.

Шеститысячный русскій корпусъ въ Константинополѣ съ 988 года.

На первыхъ страницахъ исторіи Михаила Пселла, начинающейся со смерти Цимисхія и, такимъ образомъ, служащей прямымъ продолженіемъ Льва діакона, разсказывается о возмущеніи 122
Варды Фоки противъ Василія II: непріятели дошли до самой Пропонтиды и расположились лагеремъ на другой сторонѣ моря, въ виду Константинополя. Тогда: «Императоръ Василій убѣдился въ

1) Одна и та же комета предвѣщала для Льва діакона и возмущеніе Варды Фоки (987—989 гг.), и взятіе Херсона Русскими.

нерасположеніи къ нему Грековъ, и такъ какъ не задолго предъ тѣмъ къ нему пришелъ отъ Тавроскиѳовъ значительный военный отрядъ, то онъ, соединивъ ихъ вмѣстѣ и устроивъ другую наемную силу, выслалъ (ихъ) противъ расположенной на другой сторонѣ фаланги» (Ὁ δὲ βασιλεὺς Βασίλειος τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀγνωμοσύνης κατεγνωκὼς, ἐπειδήπερ οὐ πρὸ πολλοῦ ἀπὸ τῶν ἐν τῷ Ταύρῳ Σκυθῶν λογὰς πρὸς αὐτὸν ἐφοίτησεν ἀξιόμαχος, τούτους δὴ συγκροτήσας καὶ ξενικὴν ἑτέραν ξυλλοχισάμενος δύναμιν, κατὰ τῆς ἀντικειμένης ἐκπέμπει φάλαγγος [1]).

Что подъ Тавроскиѳами здѣсь разумѣется Русь, это не требуетъ никакихъ доказательствъ. Въ такомъ смыслѣ это слово употребляется у Льва діакона, къ послѣднимъ страницамъ котораго примыкаетъ, какъ продолженіе, трудъ Михаила Пселла. У другихъ позднѣйшихъ историковъ мы сейчасъ увидимъ именно Русь при разсказѣ о томъ же самомъ фактѣ. Приведенное нами мѣсто представляетъ неопредѣленность и неясность не относительно національности «значительнаго военнаго отряда», а совершенно въ другихъ отношеніяхъ. Возмущеніе Варды Фоки падаетъ на 987—989 годы; военныя дѣйствія, въ которыхъ участвуютъ Русскіе, не многимъ предшествуютъ апрѣлю 989 года, когда Фока умеръ, а его армія разсѣялась [2]). Итакъ, куда должно быть отодвинуто «не задолго предъ тѣмъ», опредѣляющее время прибытія русскаго отряда? На основаніи неопредѣленныхъ выраженій Пселла можно было предположить, что здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ Варягахъ, которые отправились изъ Кіева въ 980 году. По прямому смыслу вышеприведеннаго отрывка, къ 989 году относится не прибытіе Русскихъ военныхъ людей въ Константинополь, а ихъ организація въ особый отрядъ, внушающій болѣе довѣрія, чѣмъ мѣстныя силы. Слово συγκροτήσας (со-

1) ‹Mich. Psell. ed. Sathas, Bibl. gr. med. aevi, IV, p. 10›.

2) День смерти Варды Фоки отмѣченъ у Кедрина (vol. II p. 446 Bonn.) въ апрѣлѣ 647 (989-го) года. Дельфина разбитъ нѣсколько ранѣе того—въ февралѣ или самомъ началѣ марта того же года. Это видно изъ отчетливаго разсказа армянскаго историка Асохика (переводъ Эмина, стр. 479). Сраженіе около Скутари полагается въ 988 году, но это годъ мартовскій. Непосредственно затѣмъ читаемъ: «съ наступленіемъ (989) слѣдующаго года—время стояло весеннее—царь Василій отправился» противъ самого Фоки. На Муральта полагаться нельзя.

единивъ, собравъ въ одно мѣсто) могло бы быть принято, какъ
123 намекъ на то, что значительное количество русскихъ людей хотя и находилось (съ 980 года) въ Византіи, но было разсѣяно въ разныхъ мѣстахъ (какъ совѣтовалъ поступить Владиміръ). Все это оказалось бы, однако, напрасными и неосновательными догадками. Не совсѣмъ удовлетворительны для нашей пытливости, которой, конечно, Пселлъ не могъ имѣть въ виду, и послѣднія фразы выписаннаго нами отрывка. Слова ξενικὴν ἑτέραν δύναμιν могутъ быть понимаемы или въ смыслѣ противоположенія ненадежнымъ Грекамъ, служившимъ не по найму, или же въ смыслѣ сопоставленія съ русскимъ отрядомъ; такъ что въ первомъ случаѣ именно Русскіе и будутъ составлять наемную другую силу, а во второмъ нужно будетъ допустить существованіе или учрежденіе еще какой-то иной, помимо Русскихъ, военной наемной силы. Гораздо естественнѣе первое объясненіе, потому, во-первыхъ, что образованіе новой силы выше мотивируется только прибытіемъ однихъ русскихъ людей; во-вторыхъ, потому, что два глагола συγχροτήσας и ξυλλοχισάμενος въ сущности представляютъ естественную градацію двухъ дѣйствій, относящихся къ одному объекту: первое значитъ стянуть, собрать въ одно мѣсто массу военныхъ людей, а второе—раздѣлить ихъ на отряды, дать надлежащую организацію; въ-третьихъ, потому, что другіе источники всѣ говорятъ объ однихъ Русскихъ.

То, что̀ неясно въ разсказѣ Пселла, объясняется параллельными мѣстами двухъ византійскихъ писателей XII вѣка, почерпавшихъ свои извѣстія изъ одного источника, то-есть, рабски копировавшихъ хронику Іоанна Ѳракисійскаго. Іоаннъ Ѳракисійскій, какъ уже было замѣчено, жилъ въ концѣ XII столѣтія. Мы имѣемъ одну докладную записку (ὑπόμνησις), представленную имъ Алексѣю Комнину въ 1092 году (Zachariae, Ius graeco-romanum, III p. 376). Но есть очень много признаковъ, что извѣстія, относящіяся къ первой половинѣ XI вѣка и вошедшія первоначально въ его хронику, были записаны современно самымъ событіямъ, именно въ Малой Азіи. Во всякомъ случаѣ, съ перваго взгляда очевидно, что въ данномъ, насъ интересующемъ, мѣстѣ Кедринъ и Зонара независимы отъ Пселла.

Разсказывая исторію возмущенія Варды Фоки, Кедринъ (II,

444) пишетъ, что когда одинъ отрядъ Варды явился въ виду Хрисополя (теперь Скутари), то Василій II «приготовилъ ночью корабли и посадилъ на нихъ Русь, такъ какъ кстати онъ призвалъ къ себѣ изъ нихъ союзную (военную) силу и сдѣлалъ зятемъ князя ихъ Владиміра по своей сестрѣ Аннѣ; переправившись съ ними, онъ неожиданно нападаетъ на враговъ и легко захватываетъ въ свои руки»: πλοῖα παρασκευάσας νυκτὸς καὶ τούτοις ἐμβιβάσας Ῥώς (ἔτυχε γὰρ συμμαχίαν προσκαλεσάμενος ἐξ αὐτῶν, καὶ κηδεστὴν ποιησάμενος τὸν ἄρχοντα τούτων Βλαδιμηρὸν ἐπὶ τῇ ἑαυτοῦ ἀδελφῇ Ἄννῃ), περαιωθεὶς μετ' αὐτῶν ἀνοήτως ἐπιτίθεται τοῖς ἐχθροῖς καὶ ῥᾷον χειροῦται. 124

Въ подобныхъ же выраженіяхъ описывается событіе у Зонары (vol. II p. 221 B Paris.): «Когда Дельфина (сторонникъ Фоки) расположился лагеремъ противъ Хрисополя, императоръ напалъ на нихъ съ Русскимъ народомъ, потому что онъ, устроивъ родственный союзъ съ княземъ ихъ Владиміромъ чрезъ сестру свою Анну, получилъ оттуда вспомогательный военный отрядъ: онъ одержалъ верхъ надъ противниками»: αἰφνίδιον ἐπῆλθεν ὁ βασιλεὺς μετὰ λαοῦ Ῥωσικοῦ (κῆδος γὰρ πρὸς Βλαδιμηρὸν τὸν ἄρχοντα τούτων ἐπὶ Ἄννῃ τῇ ἀδελφῇ αὐτοῦ θέμενος συμμαχικὸν ἐκεῖθεν ἐδέξατο), καὶ ῥᾷον τῶν ἐναντίων ἐκράτησε.

Не останавливаясь на томъ, что здѣсь вмѣсто Тавроскиѳовъ является Русь, Русскій народъ, состоящій подъ властію князя Владиміра, мы получаемъ совершенно новое, болѣе яркое освѣщеніе факта и объясненіе причины, вслѣдствіе которой явился въ Византію «значительный военный отрядъ» Пселла. Эта причина есть бракъ Кіевскаго князя на сестрѣ императора Василія, а по русской лѣтописи—соединенное съ нимъ крещеніе Владиміра, относимое къ 988 году. Слѣдовательно, вспомогательный русскій корпусъ отправленъ былъ въ Византію только въ 988 году, предъ самымъ приближеніемъ мало-азіатскихъ инсургентовъ къ Царьграду, на что и указываютъ выраженія Кедрина (ἔτυχε). Очевидно, все это вмѣстѣ бросаетъ нѣсколько новыхъ лучей свѣта на одно изъ важнѣйшихъ событій русской исторіи; съ одной стороны, должно быть оцѣнено затруднительное положеніе Василія II въ 988 году, а съ другой—должно быть признано, что не одно желаніе обратить Кіевскаго князя въ христіанство за-

ставило царевну Анну отправиться въ Корсунь; что, наконецъ, условія брачнаго союза не ограничивались однимъ принятіемъ крещенія и возвращеніемъ Херсона. Обращаемся, однако, къ своему предмету.

Помимо Византійцевъ, объ отправленіи Владиміромъ вспомогательнаго союзнаго отряда въ Византію свидѣтельствуютъ два армянскіе историка. Одинъ изъ нихъ, Степаносъ Таронскій, по прозванію Асохикъ, есть ближайшій современникъ Владиміра Кіевскаго и Василія II. Онъ предпринялъ свой трудъ по приглашенію владыки Саргиса, о которомъ извѣстно, что онъ вступилъ на патріаршій престолъ армянской церкви въ 992 году (см. введеніе Эмина ко Всеобщей исторіи Асохика, Москва 1864, стр. VII). «Асохикъ», по словамъ его русскаго переводчика, «занимаетъ одно изъ почетныхъ и видныхъ мѣстъ между писателями своего отечества. Не говоря о правдивости, которою онъ по справедливости можетъ гордиться наравнѣ со всѣми армянскими историками, у которыхъ она составляетъ характеристическую черту и одно изъ главныхъ достоинствъ, онъ имѣетъ передъ ними еще то огромное преимущество, что съ необыкновенною тщательностью относится къ хронологіи» (стр. XII). То и другое качество, дѣйствительно, должно быть признано за Степаносомъ Таронскимъ; на точность его хронологіи мы сами обратили вниманіе ранѣе, чѣмъ прочитали предисловіе почтеннаго переводчика.

Въ концѣ своего сочиненія Асохикъ разсказываетъ о приходѣ греческаго царя въ Восточную землю, то-есть, въ Арменію. Событіе, которое случилось при этомъ, имѣло своимъ ближайшимъ театромъ мѣстность, сосѣднюю съ Таронскимъ округомъ (теперь Мушъ, между Діарбекиромъ и Эрзерумомъ), то-есть, именно совершилось на родинѣ Степаноса Таронскаго. Оно относится къ 1000 году. Въ Таикской провинціи, въ городѣ Хавтчитчѣ Византійскій императоръ былъ встрѣченъ Багаратомъ, царемъ Абхазскимъ, и отцомъ его Гургеномъ, царемъ Иверійскимъ. Василій, сдѣлавъ великолѣпный пріемъ обоимъ царямъ, отпустилъ ихъ въ ихъ земли.

«Въ самый день отъѣзда послѣдняго (то-есть, Грузинскаго царя) въ греческомъ лагерѣ произошла сильная схватка изъ-за

ничтожной причины. Князья и вассалы куропалата Давида (властитель Карталинскій и царь Армяногрузинской провинціи Даика, на сѣверо-востокѣ верхней Арменіи), прибывшіе туда, стояли недалеко отъ греческаго лагеря. Изъ пѣхотнаго отряда Рузовъ какой-то воинъ несъ сѣно для своей лошади. Подошелъ къ нему одинъ изъ Иверійцевъ и отнялъ у него сѣно. Тогда прибѣжалъ къ Рузу на помощь другой Рузъ. Иверіецъ кликнулъ къ своимъ, которые, прибѣжавъ, убили перваго Руза. Тогда весь народъ Рузовъ, бывшій тамъ, поднялся на бой: ихъ было 6.000 человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ копьями и щитами, которыхъ просилъ царь Василій у царя Рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго.— Въ это же самое время Рузы увѣровали во Христа. Всѣ князья и вассалы Тайк'скіе выступили противъ нихъ и были побѣждены. Тутъ погибли: великій князь князей, по имени Петріархъ (Патрикій? имя искажено въ рукописяхъ), два сына Очопѣнтре — Габріель и Іоаннесъ, Чортванелъ внукъ Абу-Харба 126
и многіе другіе; ибо гнѣвъ Божій тяготѣлъ надъ ними за ихъ высокомѣріе» (стр. 200—201).

Разсказъ въ высокой степени ясный, простой и естественный; ни одна малѣйшая подробность не возбуждаетъ сомнѣнія. Что русскій человѣкъ способенъ былъ подраться съ Грузиномъ изъ-за сѣнца, приготовленнаго для лошади, этому всякій повѣритъ, и уже никто, надѣемся, не скажетъ, что это чисто норманское качество. Критика, которая захочетъ быть строгою, можетъ напасть только на лошадь, которую имѣетъ пѣхотинецъ. На этотъ случай можно сдѣлать уступку. Въ другомъ переводѣ лошади именно и нѣтъ. Тамъ читается: «Les princes et les nobles de Daïk avaient établi leur camp auprès de celui des Grecs. Or, un fantassin russe, étant sorti du camp, y rentra apportant une botte de foin. Un soldat géorgien, s'approchant de lui, la lui enleva» и т. д. (отрывокъ переведенъ въ примѣчаніи къ тому мѣсту другаго армянскаго писателя, которымъ мы сейчасъ займемся). Но мы вѣримъ и въ лошадь; она могла быть какъ въ спискѣ г. Эмина, такъ и у русскаго пѣхотинца—въ видѣ военной добычи или для перевоза добычи. Походъ, изъ котораго возвращались Русскіе, былъ также не близкій: Василій II шелъ изъ Сиріи и Киликіи. Очень

можетъ быть, наконецъ, что имѣющій лошадь Русскій служилъ пѣхотинцемъ, потому что это было выше и почетнѣе, то-есть, это была русская пѣхотная гвардія. Что касается шеститысячнаго числа русскихъ военныхъ людей, то оно, конечно, неожиданно. Но за то оно напоминаетъ шеститысячную гвардію, около этого же времени учрежденную въ Англіи, знаменитый корпусъ Housecarls—на другомъ концѣ Европы. Неожиданныя, но также не подлежащія сомнѣнію цифры мы встрѣтимъ и далѣе. Утверждаютъ, напримѣръ, что варяжская гвардія въ Константинополѣ едва достигала пятисотеннаго числа (г. Гедеоновъ), а окажется, что ее надобно считать тысячами. Но мы забѣгаемъ впередъ.

О схваткѣ Русскихъ съ Грузинами упоминаетъ и продолжатель Асохика, Аристакесъ Ластивертскій, жившій въ первой половинѣ XI вѣка. Въ самомъ началѣ своей «Исторіи Арменіи» онъ повѣствуетъ о посѣщеніи Василіемъ II армянскихъ областей: «Воины благороднаго отряда провинціи Даикъ вышли ему навстрѣчу. Они были почтены большими дарами, каждый по своему достоинству, своему титулу или своей степени, и это исполнило ихъ великою радостію. Но тотчасъ исполнилось надъ ними пророчество, внушенное Духомъ Святымъ Давиду: «Утромъ они
127 произрастутъ изъ земли, будутъ блистать и цвѣсти какъ трава, а вечеромъ они увянутъ, засохнутъ и упадутъ». Вслѣдствіе не знаю какихъ причинъ, поднялась ссора между западными воинами, называемыми Русскими, и благороднымъ отрядомъ; тридцать человѣкъ самыхъ знатныхъ изъ этого послѣдняго умерли на этомъ мѣстѣ. Въ этотъ день не ускользнулъ ни одинъ благородный Даика; всѣ заплатили немедленною смертію за свое преступленіе» (Une rixe s'étant élevée, je ne sais pour quels motifs, entre les soldats occidentaux appelés Russes et la legion noble, trente hommes des plus honorables de cette dernière moururent en cet endroit и т. д.—Histoire d'Arménie par Arisdaguès de Lasdiverd, traduite par M. Evariste Prud' homme. Paris, 1864, p. 9).

Преступленіе, совершенное благороднымъ легіономъ грузинскимъ, насъ не касается. Но если позволительно искать причины кровавой ссоры между Русскими и Грузинами помимо клочка сѣна, упомянутаго Асохикомъ, то мы должны обратиться назадъ къ

событіямъ 989 года. Варда Фока, какъ мы узнаемъ отъ Пселла (стр. 11) и отъ самого Асохика, кромѣ греческихъ силъ опирался, главнымъ образомъ, на сочувствіе къ нему Грузинъ; въ сраженіи, которое рѣшило его участь, грузинская пѣхота составляла лучшую часть его войска (Пселлъ). Асохикъ (стр. 178) прямо утверждаетъ, что Фока началъ войну противъ царственнаго города Константинополя во главѣ греческихъ и иверійскихъ войскъ. Когда Дельфина укрѣпился насупротивъ царственнаго города, «Василій привелъ на противоположный берегъ всѣ войска, бывшія въ городѣ, равно и войска западныхъ странъ». Мы сейчасъ видѣли, что Аристакесъ называетъ Русскихъ западными воинами. Такимъ образомъ, сверхъ вышеприведенныхъ источниковъ, и армянскій историкъ, по крайней мѣрѣ, намекаетъ на то, что Грузины Варды Фоки въ 989 году пострадали, главнымъ образомъ, отъ вновь организованнаго русскаго корпуса. Память объ этомъ тяжеломъ посрамленіи народной чести могла оставаться тѣмъ болѣе, что, повидимому, Русскіе заняли мѣсто Грузинъ въ Византійской арміи; послѣ эти самые предикаты придаются Тавроскиѳамъ.

Итакъ, фактъ присутствія въ Византійской имперіи съ 988 тода до первыхъ годовъ XI столѣтія большаго русскаго военнаго корпуса—по крайней мѣрѣ, шеститысячнаго,—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы только мимоходомъ отмѣчаемъ теперь то, конечно, не лишенное значенія обстоятельство, что Тавроскиѳы (=Русскіе), упомянутые Михаиломъ Пселломъ при повѣствованіи о Василіи II Болгаробойцѣ, встрѣчаются потомъ нѣсколько разъ на страницахъ его исторіи и притомъ прямо въ видѣ Варяговъ. Это будетъ видно въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія. Теперь, оставляя пока Пселла въ сторонѣ, мы обращаемся къ другимъ источникамъ, у которыхъ находимъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о важности и многочисленности русскаго элемента въ Византійской арміи. Мы находимъ въ нихъ продолженіе исторіи все того же русскаго корпуса. 128

Но извѣстное мѣсто Льва Остійскаго (MG. SS. VII, 652), въ которомъ норманисты и даже ихъ противники совершенно напрасно находили Варяговъ на ряду съ Русью, мы, по строгой справедливости, должны признать не имѣющимъ для насъ пока

никакого значенія. Левъ Остійскій, разсказывая о южно-италіанскихъ событіяхъ 1110 года, упоминаетъ о возстаніи Мело, прибавляя, что это былъ самый дѣятельный и умный изъ всѣхъ гражданъ города Бари и даже цѣлой Италіи. Когда Апулійцы не могли болѣе переносить высокомѣрія и наглости Грековъ, не задолго предъ тѣмъ, то-есть, во время Оттона I, при помощи союзныхъ Датчанъ, Русскихъ и Гуалановъ, присвоившихъ себѣ Апулію и Калабрію, то Мело сталъ во главѣ возмущенія (Grecorum, qui non multo ante, a tempore scilicet primi Ottonis Apuliam sibi Calabriamque sociatis in auxilium suum Danis, Russis, et Gualanis vendicaverant).

Во-первыхъ, Левъ Остійскій писалъ свою хронику Монте-Кассинскаго монастыря въ самомъ концѣ XI столѣтія и относительно южно-италіанской, греко-норманской исторіи пользовался сочиненіемъ своего старшаго по времени собрата, именно «Норманскою исторіей» Кассинскаго монаха Амата. Аматъ служилъ для него главнымъ источникомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что даже въ томъ случаѣ, если бы событіе, совершившееся будто бы при помощи Датчанъ, Русскихъ и, положимъ, Варяговъ (хотя въ Gualani скорѣе скрываются Аланы или Вандалы Барійской лѣтописи), относилось къ началу XI столѣтія, то Левъ Остійскій самъ по себѣ далеко не былъ бы такимъ свидѣтелемъ, на точность котораго, особенно въ подробностяхъ, слѣдовало бы полагаться. Между тѣмъ, именно этой вставочной исторической реминисценціи и нѣтъ у Амата, тогда какъ изложеніе главнаго событія въ хроникѣ Льва несомнѣнно находится въ самой близкой зависимости отъ его L'ystoire de li Normant. «Sequentia Amatus non habet», замѣчено предъ вышеприведеннымъ отрывкомъ въ лучшемъ изданіи Льва Остійскаго (MG. VII, p. 652, adn. 63).

129 Во-вторыхъ, событіе, въ которомъ участвовали Датчане, Русскіе и (предполагаемые) Варяги, должно относиться даже не къ XI столѣтію, а къ 60 годамъ X вѣка, ко времени Оттона I, которое еще менѣе было извѣстно Монте-Кассинскому монаху, писавшему около 1098 года, чѣмъ первая полонина XI вѣка. Не только подробности, но и самая сущность и основа сообщаемаго мимоходомъ извѣстія—ошибочны. Апулію и Калабрію Греки приевоили себѣ вовсе не при Оттонѣ I. Итакъ, если Русскіе

и Варяги сколько-нибудь различаются у Льва Остійскаго, то это можетъ имѣть значеніе лишь для опредѣленія тѣхъ воззрѣній и той дѣйствительности, которыя существовали въ концѣ XI вѣка, а не въ началѣ его.

Черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ появленія русской наемной дружины въ Константинополѣ, мы встрѣчаемъ Русскихъ среди византійской арміи въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ только шли военныя дѣйствія. Положимъ, что тотъ родственникъ князя Владиміра, который содѣйствовалъ покоренію Византійцами Хазаріи, не былъ на службѣ Василія II, а былъ отправленъ на помощь изъ Кіева, либо самъ пришелъ изъ какого-нибудь русскаго княжества. За то Русскіе, дѣйствовавшіе подъ греческими знаменами въ южной Италіи и Болгаріи, несомнѣнно входили въ составъ домашнихъ военныхъ силъ императора Византійскаго. Въ 1016 году, въ походѣ на Болгаръ, Василій II въ равнинахъ Пелагоніи захватилъ множество плѣнниковъ. Онъ раздѣлилъ добычу на три части и одну часть предоставилъ союзной Руси, другую грекамъ, а третью взялъ себѣ: καὶ τριχῇ τοὺς ἁλόντας μερισάμενος, καὶ μίαν μὲν μερίδα τοῖς συμμαχοῦσι παρεσχηκὼς Ῥῶς ἑτέραν δὲ Ῥωμαίοις, καὶ ἄλλην ἑαυτῷ παρακατασχών, ἐχώρει προσωτέρω (Cedren. II, 465). Нужно думать, что число Русскихъ, служившихъ въ Греческой арміи, было весьма значительно, если они получаютъ цѣлую половину добычи, доставшейся на долю войска. Въ 1019 году французскіе Норманны, явившіеся въ южной Италіи на помощь апулійскимъ инсургентамъ и вышеупомянутому Барійцу Мело, были разбиты греческимъ катапаномъ въ сраженіи при Каннахъ. Помимо классическихъ воспоминаній, пробуждаемыхъ названіемъ мѣста битвы, сраженіе замѣчательно тѣмъ, что здѣсь противъ Норманновъ дѣйствовали Русскіе, и что они-то были главными виновниками побѣды: «Когда императоръ услыхалъ, что смѣлые рыцари напали на его землю, онъ противъ Норманновъ отправилъ самыхъ храбрыхъ людей, какихъ только онъ могъ найти» (L'ystoire de li Normant, I, 21). «Въ первыхъ трехъ сраженіяхъ Норманны остались побѣдителями, но въ четвертой битвѣ, гдѣ имъ пришлось бороться съ народомъ Русскимъ, они были побѣждены, обращены въ ничто и въ безчисленномъ количествѣ отведены въ Константинополь, гдѣ до конца жизни

были истязуемы въ темницахъ. Отсюда вышла пословица «Грекъ на телѣгѣ ловитъ зайца» (Congressione bis et ter facta, victores Normanni existunt. Quarto congressu cum gente Russorum victi et prostrati sunt et ad nichilum redacti, et innumeri ducti Constantinopolim и т. д.—Ademari historiarum libri III, MG. SS. IV, 140. Ср. Leo Ostiens. MG. SS. VII, 652). Авторъ извѣстія, писавшій въ южной Франціи, кончилъ свою исторію въ 1028 году, когда, вѣроятно, умеръ; онъ вообще обнаруживаетъ знакомство съ дѣлами Іерусалимскими и Константинопольскими (см. предисловіе Вайца). Выраженіе gens Russorum напоминаетъ λαὸν Ῥωσικὸν Зонары. Пословица на счетъ Грековъ: Graecus cum carruca leporem capit, напоминаетъ галицкую пословицу: «Волом заяца не догонишь» (Ср. Гедеоновъ, Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ, стр. 165).

Одно византійское извѣстіе, которое относится или къ послѣднимъ годамъ правленія св. Владиміра, или же къ первымъ годамъ правленія Ярослава (1011—1025 гг.), указываетъ на постоянный приливъ русскихъ военныхъ людей въ Константинополь, такъ что византійское правительство стало уже смотрѣть на нихъ подозрительно и принимать мѣры осторожности. Время событія, о которомъ должна идти рѣчь, византійскимъ историкомъ опредѣлено такъ, что оно случилось послѣ того, какъ умерла въ Россіи сестра императора Василія Анна и еще прежде нея мужъ ея Владиміръ. Между тѣмъ, смерть Анны въ первоначальной русской лѣтописи отмѣчена подъ 1011 г., ранѣе смерти Владиміра. Впрочемъ, такъ какъ указаніе на смерть Владиміра повторено два раза, то отъ него и нужно отправляться въ опредѣленіи хронологіи. Съ другой стороны, греческая компилятивная хроника ставитъ сейчасъ приводимый разсказъ предъ самою смертію Василія II, которая случилась въ декабрѣ—послѣ событій 1023 и 1025 годовъ, что, повидимому, можетъ служить болѣе надежнымъ путемъ для возстановленія истиннаго года событія. Итакъ: «Когда умерла на Руси сестра императора, а ранѣе ея мужъ ея Владиміръ, то Хрисохиръ, какой-то сородичъ умершаго, привлекши къ себѣ 800 человѣкъ и посадивъ ихъ на суда, пришелъ въ Константинополь, какъ будто желая вступить въ наемную службу. Но когда императоръ требовалъ, чтобъ онъ

сложилъ оружіе и только въ такомъ видѣ представился на свиданіе, то онъ не захотѣлъ этого и ушелъ черезъ Пропонтиду. Прибывъ въ Абидосъ и столкнувшись со стратигомъ оной (Пропонтиды), наблюдающимъ за морскимъ берегомъ, онъ легко его поборолъ и спустился къ Лемносу. Здѣсь (онъ и его спутники) были обмануты притворными обѣщаніями, данными начальникомъ флота Кивирріотовъ и Давидомъ изъ Охриды, стратигомъ Самоса, да Никифоромъ Кавасилой, дукою Солунскимъ, и всѣ были перебиты» (Cedren. II, 478 — 479: Χρυσόχειρ - - ἄνδρας ὀκτακοσίους προσεταιρισάμενος - - ἦλθεν - - ὡς τάχα μισθοφορήσων. τοῦ δὲ βασιλέως καταθεῖναι τὰ ὅπλα κελεύοντος καὶ οὕτω ποιήσασθαι τὴν ἐντυχίαν, μὴ θελήσας διῆλθε τὴν Προποντίδα - - ἐκεῖσε δὲ - - παρασπονδηθέντες ἅπαντες κατεσφάγησαν). — Норманисты придумываютъ Gullhand'a или Gullmund'a (Kunik, Berufung II, 170), чтобъ изъ Хрисохира сдѣлать Норманна, переводя обратно на норманскій греческое, по ихъ мнѣнію, переводное наименованіе. Противники скандинавской теоріи ссылаются на то, что у Норманновъ прозвища безъ имени не употребляются, тогда какъ въ русскихъ лѣтописяхъ есть и Волчій хвостъ, и Положи шило (Гедеоновъ, Отрывки, стр. 262), слѣдовательно, возможна была и Золотая рука. Но предъ нами находится прозвище греческое, а не норманское: византійскому писателю не было нужды слѣдовать строго законамъ скандинавской ономатологіи. Трудно сказать что-нибудь безспорно убѣдительное по этому вопросу: очень можетъ быть, что въ основѣ греческаго «Хрисохиръ» лежитъ не переводъ, а искаженіе созвучнаго русскаго имени. Мы можемъ остановиться на слѣдующемъ соображеніи: такъ какъ Хрисохиръ былъ сородичъ Владиміра — συγγενής τις τοῦ τελευτήσαντος, то онъ, безспорно, былъ такой же Русскій Славянинъ, какъ и князь Владиміръ, и если онъ былъ Варягъ, то во всякомъ случаѣ не Норманнъ. Норманскіе Варяги, дѣйствительно, были въ Кіевѣ въ 1024 году; но Якунъ съ золотою лудою, ихъ предводитель, послѣ сраженія при Лиственѣ, ушелъ не въ Греки, а назадъ къ себѣ за море, то-есть, за Варяжское море. Было бы большимъ произволомъ предполагать, что именно его Варяги пробрались въ Малую Азію. 131

За то нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что Русскіе, снова дѣйствующіе около этого времени въ южной Италіи, суть тѣ же самые наемные союзники, которые отличались на мѣстѣ, прославленномъ побѣдою Аннибала надъ Римлянами. Въ 1024 (или въ 1025) году знаменитый Болгаробойца сбирался завершить свои подвиги возстановленіемъ греческой власти на
132 Италійскомъ полуостровѣ; одинъ изъ его вѣрныхъ слугъ, постельничій (китонитъ, κοιτωνίτης) Орестъ, отправился впередъ для завоеванія Сициліи, находившейся въ рукахъ невѣрныхъ. Въ одной изъ Барійскихъ лѣтописей описывается составъ войска, приведеннаго Орестомъ въ Италію. Тутъ были на первомъ мѣстѣ Русскіе, далѣе загадочные Вандалы, можетъ быть, одно и то же съ Гуаланами Льва Остійскаго, и тогда всего скорѣе Аланы, то-есть, Грузины, давно служившіе въ греческихъ войскахъ [1]), далѣе Турки, Болгары, Волохи, Македоняне и другіе (Annales Barenses, MG. SS. V, 53). Годъ (1027) поставленъ невѣрно: Hoc anno descendit Ispo chitoniti in Italiam cum exercitu magno, id est Russorum, Guandalorum, Turcorum, Burgarorum, Vlachorum, Macedonum aliorumque, ut caperet Siciliam (Ср. относительно года Cedren. II, 479 и Chronic. Anonym. Barens., Murator. V, 149).

Приведенныя свидѣтельства достаточно убѣждаютъ насъ въ важности, многочисленности и прочномъ, постоянномъ существованіи русскаго элемента въ войскахъ Византійскаго императора. Едва ли кто рѣшится думать, что и въ Болгаріи, и въ южной Италіи все дѣйствуетъ Русь норманская, а не славянская. Ви-

1) Грузины участвовали въ походахъ въ южную Италію. См. Attaliota, p. 9: σύμμαχοι καὶ τῆς ἰσοπολιτείας ἡμῖν συμμετέχοντες, ὡς καὶ αὐτῆς τῆς θρησκείας Ἀλβανοί. Ср. Zonar. II, 101 A Paris.: Ἀλανούς, οὓς Ἀλβανοὺς ὁ Προκόπιος γράφει. Изъ Алановъ тѣмъ легче могли сдѣлаться Гуаланы, что и въ греческомъ средневѣковомъ языкѣ говорилось вмѣсто ἄναξ — γουάναξ, вмѣсто ἐλένη — Γουελένη. Впрочемъ, мы не имѣемъ ничего противъ всякаго другаго объясненія: можно подъ Вандалами разумѣть жителей сѣверной части Ютландскаго полуострова (Wendile); можно разумѣть и славянскихъ Вендовъ, какъ это принимаетъ г. Гедеоновъ. Къ несчастію, всего этого мѣста нѣтъ у анонима Барійскаго, напечатаннаго у Муратори и представляющаго болѣе древнюю и несравненно лучшую редакцію Барійскихъ лѣтописей. О Русскихъ мы все-таки не можемъ сомнѣваться, потому что ужъ Адемаръ засвидѣтельствовалъ ихъ подвиги въ южной Италіи, а Венды или Вандалы остаются еще вопросомъ.

зантійцы твердятъ о Руси, Русскихъ, а что̀ значитъ страна и народъ Русь на ихъ языкѣ? Это страна, гдѣ царствуетъ князь Владиміръ, и гдѣ умираетъ греческая царевна Анна. Это—народъ, находящійся подъ властію зятя страшнаго и славнаго Болгаробойцы; это народъ, котораго князья именуются Ярославомъ, Ростиславомъ, Звенигославомъ (Cedren. II, 515: οἱ τῶν Ῥῶς ἄρχοντες Νοσισθλάβος καὶ Ἱεροσθλάβος καὶ - - Ζινισθλάβος). Это, наконецъ, народъ, котораго архипастырь именовался митрополитомъ Руси, нерѣдко бывалъ въ Константинополѣ и участвовалъ своими вкладами въ византійской церковной литературѣ (напри- 133
мѣръ, Леонтій). Имя Руси, Русскихъ не было, притомъ, для Византійцевъ однимъ изъ тѣхъ унаслѣдованныхъ отъ классической древности терминовъ, которые были обязательны для порядочнаго писателя, и которые, несмотря на свое первоначальное этнографическое значеніе, продолжали въ теченіе вѣковъ прикладываться къ извѣстной странѣ, несмотря на многократную смѣну населенія. Оно означало больше народъ, чѣмъ страну, а теперь, въ XI вѣкѣ—народъ очень хорошо извѣстный. Не тотъ, кто пришелъ съ сѣвера, изъ страны, называемой Русью, былъ Русскій, а тотъ, кто принадлежалъ къ этому извѣстному народу и говорилъ извѣстнымъ языкомъ. Но положимъ, что Византійцы имѣли какія-нибудь причины называть въ XI вѣкѣ Скандинавовъ Русскими. Остается все-таки вопросъ, почему современный армянскій свидѣтель говоритъ, что 6.000 Русскихъ — народъ Рузовъ, крестившійся въ 988 году. Остается вопросъ, почему Адемаръ, описывающій современныя ему событія—на основаніи извѣстій, полученныхъ, вѣроятно, отъ самыхъ участниковъ въ южно-италіанскихъ битвахъ,—употребляетъ выраженіе «gens Russorum», племя или народъ Русскій. Развѣ онъ могъ не знать настоящаго имени Датчанъ, Шведовъ и Норвежцевъ во времена Канута и святаго Олафа?

Мы предоставляемъ норманистамъ доказывать, что въ 988 году въ Кіевѣ крестилась Русь скандинавская, а не славянская, и что эта Русь въ XI столѣтіи была большой народъ, хорошо извѣстный и на Западѣ, и на Востокѣ, но послѣ какъ-то затерявшійся. Насъ можно упрекнуть въ томъ, что мы ставимъ вопросы тамъ, гдѣ нѣтъ никакого вопроса. Скажутъ, что въ настоя-

щее время никто не думаетъ утверждать, будто въ XI вѣкѣ подъ Русью и Русскими разумѣлись скандинавскіе Норманны, и что опровергать такое мнѣніе значитъ воевать съ призраками.

Но если Русскіе, Русь, Ῥῶς, Тавроскиѳы въ XI вѣкѣ суть православные славянскіе люди, то и Варанги XI вѣка были такіе же православные славянскіе люди, другими словами: варяжская дружина въ Византіи состояла первоначально изъ Русскихъ; названіе Варанговъ прежде всего принадлежало тому наемному русскому корпусу, который существовалъ съ 988 года; если скандинавскіе Норманны входили въ составъ этого корпуса, то они вступали въ готовую уже организацію и составляли здѣсь незамѣтное меньшинство, такъ что византійскіе источники могли совершенно умолчать о нихъ и называть варяжскую дружину по преобладающему національному составу русскою или тавроскиѳскою.

134

IV.

Византійскіе Варанги 1034 года.

Въ 1034 году въ Малой Азіи, во Ѳракисійскомъ округѣ (темѣ), обнимавшемъ часть Фригіи, Карію и Лидію, зимовали Варанги. Византійскій писатель, который сообщаетъ этотъ фактъ, не нашелъ необходимымъ объяснить намъ, откуда явились эти военные люди, и какой они были національности, хотя именно здѣсь, при первомъ упоминаніи о Варангахъ, слѣдовало бы это сдѣлать. Само собою разумѣется, что не внезапно явились эти Варанги, что они уже прежде были въ византійской арміи. Мы сами должны поискать, какія именно войска и какой національности могли зимовать въ 1034 году въ Малой Азіи. Если мы будемъ читать византійскаго автора, у котораго встрѣчается первый поминъ о варяжскомъ корпусѣ, въ связи и со вниманіемъ,—чего, кажется, до сихъ поръ никто не догадался сдѣлать,—то обнаружится, что ему и не нужно было объяснять, кого слѣдуетъ разумѣть подъ Варангами,—такъ какъ это было ясно изъ общаго хода разсказа.

Легко догадаться, что мы будемъ искать въ Малой Азіи

Русскихъ, то-есть, слѣдить за переходами того большого русскаго корпуса, о которомъ шла рѣчь въ предшествующей главѣ, и доказывать, что въ 1034 году онъ весь или часть его могли стоять на зимнихъ квартирахъ въ Малой Азіи. Мы не скрываемъ своего намѣренія: весь вопросъ въ томъ, въ какой степени правдоподобны будутъ наши соображенія. Но для нихъ мы должны обратиться нѣсколько назадъ.

Въ 1021 году императоръ Василій II снова былъ въ Арменіи. Причиной его появленія здѣсь были непріязненныя дѣйствія Багратида Георгія (Ҷургена) I, царя Абхазіи и Картліи (Карталиніи), нарушившаго византійскіе интересы захватомъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ областей. Василій II явился на границахъ Арменіи и Грузіи—со всѣми войсками Греціи и значительнымъ числомъ иностранцевъ[1]). Большое сраженіе при Уктикѣ (Ough' thik, на сѣверо-западѣ Великой Арменіи) осталось нерѣшительнымъ. Василій II отступилъ къ Требизонду и зимовалъ со своими войсками въ Халдіи. Между тѣмъ обнаружились связи Георгія I съ внутренними, домашними врагами Василія, именно съ 135
Никифоромъ, сыномъ того Варды Фоки, который прежде нашелъ себѣ большое сочувствіе въ Грузинахъ. Но эта опасность скоро миновала: Фока былъ измѣнически убитъ своимъ главнымъ пособникомъ, а этотъ послѣдній былъ выданъ Болгаробойцѣ приверженцами Фоки, искавшими мести. Послѣ разныхъ, ни къ чему не приведшихъ, переговоровъ съ Багратидомъ во время зимы, императоръ снова двинулся противъ властителя Абхазіи и Картліи. Грузины вели переговоры о мирѣ, а готовились къ войнѣ, желая усыпить Грековъ и напасть на нихъ врасплохъ. Этотъ разсчетъ не удался. Грузинскій передовой отрядъ, вѣроломно напавшій на византійскую армію, былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. «Когда русскіе полки императора сдѣлали натискъ, то успѣло спастись только небольшое число изъ пришедшихъ первыми, потому что еще ни царь, ни кто бы то ни было изъ главнаго корпуса грузинской арміи не подоспѣли. Въ

1) L'empereur Basile se mit en campagne contre lui avec toutes les troupes de la Grèce et avec un nombre considérable d'étrangers. Brosset, Histoire de Géorgie traduite du Géorgien I, 306.

этотъ день погибли также и тѣ, которые противились заключенію мира. Всѣ были обращены въ бѣгство, большое число пало подъ мечемъ, нѣкоторые попались въ плѣнъ, другіе убѣжали. Греки получили громадную добычу и овладѣли всѣмъ тѣмъ, что было у Грузинъ изъ царскихъ сокровищъ» [1]). Такъ разсказываетъ грузинскій источникъ. Аристакесъ Ластивертскій, армянскій историкъ, равнымъ образомъ говоритъ объ этой битвѣ, не упоминая, впрочемъ, о Русскихъ, но только отмѣчая «безчисленное множество» Грузинъ или Абхазовъ, убитыхъ при началѣ сраженія. Самая битва произошла, по армянскому историку, 11-го сентября 1022 года при Шегфѣ (Schëgh'pha), то-есть, не подалеку отъ Эрзерума [2]). Василій преслѣдовалъ Георгія въ самую внутреннюю Грузію и принудилъ его къ миру, покорности и выдачѣ въ заложники собственнаго сына.

Итакъ, вотъ первый несомнѣнный примѣръ того, что Русскіе зимуютъ въ Азіи, даже около Трапезунта, и одинъ изъ нѣсколькихъ случаевъ, когда они рѣшаютъ судьбу битвъ въ пользу византійскаго императора.

Ничтожный и безпечный братъ Василія II, Константинъ VIII, въ продолженіе своего царствованія (1025—1028 гг.) больше былъ озабоченъ ипподромомъ и театромъ, чѣмъ защитою гра-
136 ницъ имперіи противъ ея враговъ, между которыми самыми опасными были Сарацины. Но за то первымъ дѣломъ императора Романа III (1028—1034 гг.) былъ большой походъ именно противъ Сарацинъ, владѣвшихъ Сиріей. Пселлъ (стр. 33), разсказывая о приготовленіяхъ Романа къ безразсудному и ничѣмъ не вызванному, въ его глазахъ, предпріятію, съ нѣкоторою ироніей описываетъ составъ арміи, собранной для похода. Императоръ «собиралъ и устраивалъ всяческое войско, увеличивая число полковъ и выдумывая новые, стягивая наемныя силы и набирая новое множество, какъ будто намѣреваясь съ перваго натиска захватить варвара. Онъ думалъ, что если онъ соберетъ число войска болѣе надлежащаго, и особенно если внесетъ разнообра-

1) Les bataillons russes de l'empereur ayant chargé, il n'échappa qu'un petit nombre des premiers venus и т. д. Brosset, Histoire de Géorgie I, 309.

2) Histoire d'Arméne par Arisdaguès de Lasdiverd, traduite par E. Prud'homme, p. 34 и сл. Ср. Cedren. II, 478.

зіе въ греческій строй, то уже никто не выдержитъ, когда онъ нагрянетъ съ такою громадою своихъ и союзниковъ» (ξενικάς τε συγκροτῶν δυνάμεις - - τοσούτῳ ἐπιὼν πλήθει ἰδίῳ τε καὶ συμμαχικῷ). Мы видѣли и еще нѣсколько разъ увидимъ, что главные наемники и союзники Византійскаго императора въ исторіи Пселла суть Тавроскиѳы, то-есть, Русскіе [1]).

Походъ Романа Аргира кончился самымъ бѣдственнымъ образомъ. Въ сраженіи около Халепа (Верріи, Βέρροια),—присутствіе славянскаго элемента въ этомъ сраженіи замѣчено мѣстными лѣтописцами [2]),—императоръ былъ разбитъ на голову и едва успѣлъ спастись въ Антіохію, благодаря мужеству иностранной дружины, его окружавшей (августъ 1030 г.): ἐκθύμως ἀγωνισαμένων τῶν βασιλικῶν ἑταίρων καὶ διασωσάντων - - τὸν βασιλέα (Cedren. II, 493).

Начальникъ этой иностранной дружины царскихъ тѣлохранителей, или великій этеріархъ (μέγας ἑταιρειάρχης), по имени Ѳеоктистъ, вскорѣ былъ опять отправленъ въ Сирію съ значительными силами греческими, а также иностранными (Cedren. II, 495: μετὰ δυνάμεως ἀδρᾶς Ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν). Послѣднее выраженіе (ἐθνικὸς) означаетъ совершенно то же самое, что̀ у Пселла было названо союзнымъ отрядомъ (συμμαχικόν). Оно вполнѣ объясняется однимъ мѣстомъ въ исторіи Пселла (стр. 221 137
сл.), которое мы и приводимъ для избѣжанія длинныхъ разсужденій: αἱ συμμαχικαὶ δυνάμεις ὁπόσαι παρὰ τῶν ἐθνῶν (= ἐθνικὸς) αὐτοῖς παρεγένοντο, Ἰταλοί τε καὶ Ταυροσκύθαι; то-есть, союзныя силы, какія пришли къ Грекамъ отъ языковъ (народовъ), Италіанцы и Тавроскиѳы.

Все это заставляетъ насъ предполагать, что тотъ военный корпусъ, съ которымъ императоръ Василій II совершилъ два

---

1) Чтобы не было никакихъ сомнѣній, мы здѣсь же, отступая отъ принятаго порядка, приводимъ слова Пселла (стр. 91), относящіяся ко времени Михаила V (1041—1042 гг.): ὅσον ξενικόν τε καὶ συμμαχικὸν εἰώθασι παρατρέφειν οἱ βασῖλεῖς, λέγω δὲ τοὺς περὶ τὸν Ταῦρον Σκύθας ..... то-есть: «наемники и союзники, которыхъ привыкли держать при себѣ (кормить) императоры; я разумѣю Тавроскиѳовъ».

2) Abulpharagii sive Bar-Hebraei chronicon Syriacum (ed. Bruns et Kirsch, Leipzig, 1789), II, 230, говоритъ о Славянахъ, начальствовавшихъ въ арміи.

раза свои походы въ Арменію и Грузію, продолжалъ оставаться въ Малой Азіи и въ 1031 году. Очень вѣроятно, что въ 1025 году въ Италію была отправлена только незначительная часть Русскихъ,—или же, когда планы Василія на Сицилію и Италію были покинуты, и византійское правительство отказалось отъ всякихъ энергическихъ дѣйствій на западѣ, то отправленныя туда силы были вызваны обратно.

Къ концу 1031 года Греки овладѣли Эдессой, городомъ при Евфратѣ, который былъ прославленъ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя. Правитель греческой приевфратской области, Георгій Маніакъ (его мѣстопребываніемъ былъ городъ Самосата), призванный однимъ изъ мѣстныхъ эмировъ, вошелъ въ Эдесскую крѣпость съ небольшимъ отрядомъ въ 400 человѣкъ. Въ этомъ числѣ былъ какой-то слуга, приближенный Маніака, по имени Рузарнъ (Rouzar'n), отправленный посломъ къ эмиру Харранскому (Harran, Carrae, на югъ отъ Эдессы). Рузарнъ, имя котораго [даже въ такомъ видѣ, въ какомъ оно теперь читается] сильно говоритъ за его принадлежность къ Рузамъ, былъ вооруженъ совершенно такъ, какъ были вооружены Русскіе, сражавшіеся при Святославѣ противъ Грековъ, какъ послѣ всегда является вооруженною варяжская дружина: именно, онъ былъ вооруженъ топоромъ или сѣкирою: Un serviteur de Maniacès, nommé Rouzar'n, lequel était venu à lui (то-есть, эмиру Харрана) en qualité de messager..... D'un coup de sa hache d'armes, il l'atteignit à l'épaule (Chronique de Matthieu d'Edesse, trad. par E. Dulaurier, Paris 1858, p. 49) [1]).

Въ 1033 году Романъ Аргиропулъ еще разъ отправилъ въ Сирію главнаго начальника своихъ иностранныхъ легіоновъ, великаго этеріарха Ѳеоктиста, и опять съ громадною силою (Cedren. II, 502). Дѣло шло теперь о завладѣніи Триполисомъ, эмиръ котораго, тѣснимый Египетскимъ султаномъ, передался на сторону Грековъ. Въ то же самое время Сарацинъ Алимъ, въ рукахъ котораго находилась важная, по своему положенію, крѣпость Пергри

1) [По сообщенію К. П. Патканова, въ текстѣ Матвѣя Эдесскаго, напечатанномъ въ Іерусалимскомъ изданіи, стр. 69—70, ясно написано: ourouz arnen = (отъ слуги Маніака) отъ Русскаго человѣка.]

(теперь Баргири) на самой армянской границѣ [1]), добровольно 138
сдалъ ее Хрисилію, Болгарину, занимавшему высокое мѣсто при Константинопольскомъ дворѣ. Алимъ желалъ, чтобы сынъ его, въ награду за расположеніе отца, былъ возведенъ въ санъ патриція. Но въ Константинополѣ приняли юнаго Сарацина довольно холодно; возвратившись съ негодованіемъ на родину, онъ уговорилъ своего отца отнять у Грековъ обратно уступленную имъ крѣпость. Алимъ, при помощи сосѣднихъ сарацинскихъ эмировъ, дѣйствительно привелъ въ исполненіе желаніе и совѣтъ своего сына; при неожиданномъ нападеніи его на крѣпость было убито 600 человѣкъ. Виновенъ былъ въ потерѣ крѣпости и людей прежде всего безпечный Болгаринъ, въ ней начальствовавшій. Вмѣсто него былъ отправленъ патрицій Никита Пигонитъ, которому пришлось брать Пергри уже трудною и продолжительною осадою.

Какія же силы привелъ съ собою патрицій Никита и кто были осаждающіе?

У Кедрина (II,503) прямо сказано, что то были Русскіе и прочая греческая сила. Такимъ образомъ, Русскіе стоятъ на первомъ планѣ: ἀλλὰ μετὰ μικρὸν ὁ πατρίκιος Νικήτας ὁ Πηγονίτης ἄρχειν ἐκεῖσε πεμφθεὶς καὶ ἐπιμόνῳ χρησάμενος πολιορκίᾳ μετὰ Ῥὼς καὶ λοιπῆς ἄλλης Ῥωμαϊκῆς δυνάμεως, τό τε φρούριον κατὰ κράτος εἶλε πολιορκίᾳ καὶ τὸν Ἀλείμ σὺν τῷ υἱῷ ἀπέκτεινε.

Это прямое упоминаніе о Русскихъ подкрѣпляетъ всѣ косвенныя указанія на ихъ присутствіе въ Азіи около 1031—1033 годовъ, приведенныя нами выше. Взятіе крѣпости Пергри Русскими должно относиться къ осени 1033 года. Непосредственно затѣмъ Кедринъ обращается отъ провинціальныхъ азіатскихъ происшествій къ западнымъ — столичнымъ и дворцовымъ; изъ ряда его хронологическихъ отмѣтокъ совершенно ясно, что онъ

---

1) Cedren. II, 502: τὸ φρούριον τὸ λεγόμενον Περκρὶν - - ἔγγιστα Βαβυλῶνος διακείμενον. Подъ Вавилономъ собственно долженъ разумѣться Багдадъ, но невозможно предположить, чтобы Греки зашли такъ далеко: можетъ быть, Кедринъ имѣлъ здѣсь въ виду Мосулъ. Мы думаемъ, что Περκρὶ та же самая крѣпость, о которой говорится чрезъ нѣсколько лѣтъ (1036) у Матвѣя Эдесскаго, и которая у него именуется Пергри, Pergri (стр. 60). По объясненію Дюлорье, это теперешній Баркири (Barkiry) въ пашалыкѣ Ванъ, на сѣверо-востокъ отъ озера Вана (примѣч. къ главѣ 49, стр. 396).

прервалъ свой разсказъ ради важныхъ событій въ Константинополѣ: разумѣются болѣзнь и потомъ смерть Романа III (12-го
139 апрѣля 1034 года). Доведя этотъ главный отдѣлъ до необходимой и естественной грани, до смерти императора, Кедринъ снова обращается къ оставленнымъ на время въ сторонѣ дѣламъ восточнымъ. Такимъ образомъ, первая отмѣтка, относящаяся къ Азіи, будетъ непосредственно примыкать къ исторіи взятія Пергри Русскими.

Какая-жь это будетъ отмѣтка?

«Въ это время случилось и другое событіе, достойное памяти. Одинъ изъ Варанговъ, разсѣянныхъ въ темѣ Θракисійской для зимовки, встрѣтивъ въ пустынномъ мѣстѣ туземную женщину, сдѣлалъ покушеніе на ея цѣломудріе. Не успѣвъ склонить ее убѣжденіемъ, онъ прибѣгъ къ насилію; но женщина, выхвативъ (изъ ноженъ) мечъ этого человѣка, поразила варвара въ сердце и убила его на мѣстѣ. Когда ея поступокъ сдѣлался извѣстнымъ въ окружности, Варанги, собравшись вмѣстѣ, воздали честь этой женщинѣ (буквально: «увѣнчали ее»), отдавъ ей и все имущество насильника, а его бросили безъ погребенія, согласно съ закономъ о самоубійцахъ» (Cedren. II, 508 sq.: τῶν εἰς παραχειμασίαν ἐν τῷ θέματι τῶν Θρακησίων διεσπαρμένων Βαράγγων - - βίαν ἤδη ἐπῆγεν, ἡ δὲ τὸν ἀκινάκην σπασαμένη τἀνδρὸς - - ἀναιρεῖ. τοῦ δὲ ἔργου διαδοθέντος ἐν τῇ περιχώρῳ συναθροισθέντες οἱ Βάραγγοι τήν τε γυναῖκα στεφανοῦσι и т. д.).

Въ этомъ разсказѣ мы должны отмѣтить прежде всего ту черту, что Варанги, зимующіе въ округѣ Θракисійскомъ, являются здѣсь, очевидно, обыкновенными военными людьми, а не царскою дружиною, не императорскими тѣлохранителями (лейбъ-гвардіей). Согласно съ этимъ, по крайней мѣрѣ, тотъ Варягъ, который былъ первымъ виновникомъ появленія имени на страницахъ исторіи, не имѣетъ, повидимому, характеристическаго вооруженія придворныхъ императорскихъ Варяговъ — топора или сѣкиры, хотя, конечно, мечъ (ἀκινάκης) нисколько не мѣшалъ носить и сѣкиру [1]). Если бы то были императорскіе тѣлохрани-

1) Но Муральтъ ошибается, переводя ἀκινάκην военнымъ топоромъ; этого не значитъ самое слово, да и подробности разсказа не позволяютъ предполагать, что рѣчь идетъ о топорѣ.

тели, то они были бы въ Цареградѣ, а не въ Малой Азіи, и не были бы разсѣяны на зимовьяхъ. Но если здѣсь Варанги еще не суть дружина тѣлохранителей, то и вообще Варанги не были исключительно такою дружиною. Привычное представленіе Варанговъ исключительно въ видѣ императорской лейбъ-гвардіи совер- 140
шенно ложно. Это есть одно изъ многихъ недоразумѣній, скопившихся около варяжскаго вопроса. На самомъ дѣлѣ Варанги прежде всего суть наемники или союзники, или другими словами: союзный наемный корпусъ, συμμαχικόν или ξενικόν, и потомъ уже избранный (изъ среды такого корпуса) отрядъ тѣлохранителей, приближенная дружина императорская. Это съ совершенною ясностью обнаруживается, напримѣръ, въ разсказѣ Іоанна Θракисійскаго о возмущеніи Варанговъ въ царствованіе Никифора Вотаніата (Scylitz., p. 737). Здѣсь являются: a) дворцовые Варанги и b) соплеменные имъ «внѣшніе Варанги». У Пселла (стр. 153) перваго рода Варанги обозначаются слѣдующаго рода перифразомъ: « та часть наемническая, которая обыкновенно принимаетъ участіе въ царскихъ выходахъ»; она противополагается союзному корпусу, именно какъ часть цѣлому (οὔτε συμμαχικὸν αὐτοῦ που συνείλχετο, εἰ μή τις ὀλίγη μερὶς ξενικὴ, ὁπόση τις εἴωθεν ἐφέπεσθαι ταῖς βασιλικαῖς πομπαῖς). Да иначе нельзя и представлять себѣ эти отношенія, когда мы знаемъ, что Варанги считались не сотнями, а тысячами. Итакъ, нужно думать, что подъ Варангами 1034 года разумѣется просто союзный наемный корпусъ, который не задолго передъ тѣмъ дѣйствовалъ въ Азіи. А мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что этотъ корпусъ состоялъ главнымъ образомъ изъ Русскихъ.

Находить въ вышеприведенномъ разсказѣ какіе-либо внутренніе признаки, характеризующіе ту или другую народность, мы считаемъ не только совершенно излишнимъ, но и весьма рискованнымъ дѣломъ. Лучшій изъ современныхъ византинистовъ (недавнюю смерть котораго нужно считать величайшею потерею для современной византійской науки), Гопфъ, сдѣлалъ несомнѣнную ошибку, вздумавъ отыскивать въ поведеніи Варанговъ указаніе на высокую нравственность германскаго племени: «Что ядро варяжской лейбъ-гвардіи было германское», говоритъ онъ,—«это не подлежитъ сомнѣнію; даже нравы Ва-

ряговъ указываютъ на это». За германскимъ уваженіемъ къ женской чести является на сцену и Deutsche Treue: «Германцы своею вѣрностію (ob ihrer Treue) были тогда столько же знамениты, какъ послѣ Швейцарцы; они были лучшею, даже единственною опорою колеблющейся имперіи Ромейской» (Geschichte Griechenland's im Mittelalter въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, т. 85, стр. 149). Маленькое, но совершенно излишнее патріотическое увлеченіе. Что касается до германской вѣрности, то византійская исторія никакъ не можетъ служить ея доказа-
141 тельствомъ. Напротивъ того, по мнѣнію Византійцевъ XI вѣка, предателей всего скорѣе можно было найти именно среди Нѣмцевъ, которые также были на службѣ византійской, но отличались отъ Варяговъ, между прочимъ, своею продажностію (См. Anna Comn. p. 62 C. ed. Paris. и главу XII нашего изслѣдованія). Факты подтверждали это воззрѣніе.

Разсказъ о такомъ частномъ и въ сущности маловажномъ событіи, какъ убійство одного Варяга женщиною, могъ попасть въ общую исторію Кедрина только изъ какихъ-либо мѣстныхъ источниковъ. Дѣйствительно, около этого времени мы находимъ въ сочиненіи этого Византійца XII вѣка цѣлый рядъ замѣтокъ, относящихся къ Θракисійской темѣ, и особенную подробность относительно дѣлъ восточныхъ. Въ 1029 году во Θракисійской темѣ былъ слышенъ въ горахъ около одного источника какой-то жалобный плачущій голосъ (II, 489). Въ томъ же самомъ 1034 году отмѣчено появленіе саранчи во Θракисійскомъ округѣ; подъ 1035 говорится о нападеніи на него Сарацинъ съ моря и о новомъ появленіи саранчи и т. д. Прежде всего, естественно припомнить отношеніе исторіи Кедрина къ произведенію Іоанна Θракисійскаго или Скилицы. Всѣ эти частныя, мѣстныя замѣтки принадлежатъ собственно этому послѣднему; онѣ ‹касаются› его родины. Но едва ли на этомъ мы можемъ остановиться. Іоаннъ Скилица Θракисійскій жилъ въ самомъ концѣ XI столѣтія; слѣдовательно, замѣтки о двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ столѣтія, носящія вполнѣ характеръ современности съ самыми событіями, не могли принадлежать ему, какъ первому автору. Въ византійской исторіографіи вообще, и въ частности въ исторіографіи XI вѣка, многое остается темнымъ и загадочнымъ.

Изданіе исторіи Михаила Пселла, правда, разъяснило кое-что и въ этомъ отношеніи. Еще болѣе будетъ пролито свѣта полнымъ изданіемъ подлинной исторіи Іоанна Θракисійскаго, что̀ ужъ обѣщано тѣмъ же неутомимымъ работникомъ по исторіи средневѣковой Греціи, которому мы обязаны исторіей Михаила Пселла. Но кромѣ этихъ двухъ писателей и третьяго—Атталіоты, въ XI вѣкѣ былъ еще одинъ историкъ, Іоаннъ, митрополитъ Евхаитскій. Его епархія лежала въ предѣлахъ Византійскаго армянскаго округа (прежняго Еленопонта), не на столько далеко отъ Фригіи, чтобы не могли доходить до него мѣстныя событія послѣдней; самъ онъ былъ старшимъ современникомъ и учителемъ Пселла, современникомъ Константина Мономаха и нашествія Руси на Царьградъ (1043 г.). Къ несчастію, о его хроникѣ мы знаемъ только одно то, что она существовала; знаемъ это изъ одного небольшого стихотворенія, сочиненнаго митрополитомъ Евхаитскимъ на свое историческое произведеніе. Какъ бы то ни 142
было, почти несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что имя Варанговъ впервые внесено было въ греческую письменность какимъ-либо мѣстнымъ малоазіатскимъ писателемъ-лѣтописцемъ. Важно это въ томъ отношеніи, что, быть можетъ, здѣсь находится путь къ объясненію самаго происхожденія византійскаго названія Варанговъ. Уже давно, хотя на довольно шаткихъ основаніяхъ, было высказано предположеніе, что происхожденіе этого слова народное, то-есть, простонародное. Нужно, слѣдовательно, знать особенности малоазіатскихъ нарѣчій средневѣковой Греціи, чтобы безошибочно рѣшать вопросъ. Мы лично не обладаемъ нужными для того свѣдѣніями; да и самыя, теперь довольно многочисленныя, изданія народныхъ греческихъ пѣсенъ Трапезундской, Понтійской и прочихъ областей совсѣмъ почти не доходятъ до Петербурга. Только по цитатамъ у Саѳы, помѣщеннымъ въ предисловіи къ II-му тому Средневѣковой Библіотеки, узнаемъ мы, что въ народныхъ пѣсняхъ припонтійскихъ Грековъ, носящихъ на себѣ слѣды глубокой древности и даже именно XI столѣтія (упоминаніе объ Узахъ), воспѣваются на ряду съ греческими паликарами также и Фаранги, которыхъ Саѳа прямо принимаетъ за Варанговъ. Сценою геройскихъ подвиговъ служатъ ущелья и клисуры Тавра (Девы, Δέβα), то-есть, сосѣдній

съ Θракисіей Кивирреотскій округъ—тотъ самый округъ, куда, между прочимъ, стремился Хрисохиръ со своими удальцами, и далѣе пограничныя области Писидіи, Ликаоніи и Киликіи, за которыми начиналась сарацинская граница XI вѣка, спорный рубежъ между двумя мірами, по направленію къ Евфрату, Эдессѣ и Самосатѣ. Мы не споримъ противъ того, что Фаранги могутъ быть прямо считаемы за Варанговъ; точно также не отвергаемъ тожества съ Варангами и тѣхъ Маранговъ, имя которыхъ подслушалъ еще Пуквилль (Pouqueville) въ собственной Греціи; этимъ именемъ, говорятъ, и теперь дѣти преслѣдуютъ и дразнятъ иностранцевъ:

Φράγγο, Μαράγγο
Πίτσι κακαράγγο!

Мы думаемъ, однако, что напрасно было бы находить здѣсь подтвержденіе западнаго происхожденія Варанговъ. Трудно согласиться даже съ тѣмъ, чтобы φάραγγοι были народною передѣлкой слова φράγγοι. Тогда нужно будетъ принять, что имя Варанговъ образовалось въ Греціи совершенно независимо отъ рус-
143 скаго «Варяги» и перешло не изъ Руси въ Византію, а наоборотъ, и что наша первоначальная лѣтопись современную ей терминологію XI и XII вѣковъ перенесла неправильнымъ образомъ въ предыдущія столѣтія. Легко высказать такое предположеніе, но, чтобы доказать его строго научнымъ образомъ, нужны именно строго научныя доказательства и точныя изслѣдованія. Согласимся, впрочемъ, на время съ тѣмъ, что Франки и Варанги этимологически одно и то же. Такъ думалъ даже Гопфъ, а у насъ независимо отъ него Д. И. Иловайскій. Останется еще вопросъ, кого въ Малой Азіи, гдѣ впервые появилось имя Варанговъ или Фаранговъ, называли Франками, кого могли называть и кого не могли называть. Народъ могъ такъ называть и Русскихъ, могъ называть такъ всѣхъ иностранцевъ. Пѣсни, о которыхъ мы говорили, называютъ же не только Фаранговъ, но и Узовъ Эллинами—въ какомъ смыслѣ? теперь для насъ все одно. Пока гораздо проще предполагать, что сами Русскіе, служившіе въ Византіи, называли себя Варягами, принеся съ собою этотъ терминъ изъ Кіева, и что такъ стали называть ихъ тѣ Греки,

которые прежде всего и особенно близко съ ними познакомились. Маранги представляютъ только другой выговоръ слова Варанги; а Фаранги могло быть или точно также діалектическимъ отличіемъ, или народнымъ искаженіемъ подъ вліяніемъ созвучнаго Φράγγοι.

Для нашей темы останется, во всякомъ случаѣ, тотъ не лишенный значенія выводъ, что названіе Варанговъ появилось тамъ, гдѣ русскій союзный корпусъ прославилъ себя въ походахъ Василія II Болгаробойцы, гдѣ онъ провелъ не одну зиму на постоѣ, гдѣ онъ, повидимому, стоялъ обыкновено и постоянно, гдѣ онъ ясно и прямо указанъ именно около зимы 1034 года. Очень можетъ быть, что въ томъ первоначальномъ источникѣ, изъ котораго разсказъ о женщинѣ, убившей Варяга, попалъ въ компиляцію Кедрина, зимовка Варанговъ въ Θракисійскомъ округѣ и эпизодъ, ознаменовавшій оную, стояли непосредственно за извѣстіемъ о взятіи Русскими крѣпости Баркири или Пергри на армянской границѣ. Могло быть нѣчто въ такомъ родѣ: «Греческими и русскими силами Никита Пигонитъ взялъ крѣпость. Когда же Варяги стали на зимнихъ квартирахъ, случилось слѣдующее достопамятное событіе».

Болѣе рѣшительныя доказательства тожества Варяговъ и русскихъ союзниковъ или наемниковъ въ Византіи слѣдуютъ далѣе. Но прежде мы должны обратиться снова къ южной Италіи, гдѣ встрѣтитъ насъ Гаральдъ и Норманны-Скандинавы, то-есть, 144
по общепринятому мнѣнію, истые, несомнѣнные Варяги. Пока мы можемъ сказать о нихъ только то: пусть они будутъ истинные и настоящіе Варяги, но это нисколько не мѣшало быть подлинными Варягами и другимъ.

V. 394

Варяжскіе баснословные разсказы [1]).

Мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Византійской варяжской дружины, представленіе о многочисленности и особомъ

1) Первыя четыре главы этой статьи напечатаны въ ноябрьской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1874 годъ. Появленіе слѣдующихъ главъ замедли-

значеніи въ ней сѣверныхъ Норманновъ основывается на свидѣтельствѣ исландскихъ сагъ и, въ частности, Гаральдовой саги. Въ послѣдней знаменитый сѣверный принцъ, а послѣ король Норвежскій и искатель англійской короны, сложившій свою го-
395 лову при Стамфордбриджѣ (1066 г.), является предводителемъ Вэринговъ, состоящихъ на службѣ Византійскаго императора, совершаетъ со своими земляками чудеса храбрости и военной хитрости, завоевываетъ для Греческихъ царей десятки и едва не сотни городовъ, даже цѣлыя страны,—и потомъ возвращается на сѣверъ, не оставивъ послѣ себя яснаго слѣда ни въ хроникахъ византійскихъ [1]), ни въ лѣтописяхъ южно-итальянскихъ, близкихъ по мѣсту своего происхожденія къ театру его подвиговъ.

Уже одно это можетъ оправдать сомнѣніе въ исторической

лось по двумъ причинамъ. Одна изъ нихъ указана въ текстѣ, а другая состоитъ въ очень пріятномъ для насъ вниманіи къ нашему косвенному вторженію въ область первоначальной русской исторіи со стороны ученаго авторитета въ этой области. А. А Куникъ, котораго мы слегка упрекнули въ томъ, что онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ вопросъ, котораго хозяиномъ онъ уже былъ давно, въ послѣднее именно время напечаталъ въ Запискахъ Академіи Наукъ двѣ статьи, сюда относящіяся. Въ одной изъ нихъ («О запискѣ Готскаго топарха») онъ упоминаетъ, въ приложеніи, о нашемъ изслѣдованіи и, хотя признаетъ за нимъ нѣкоторую заслугу, но эта заслуга состоитъ въ разъясненіи хотя важнаго, но побочнаго для всей статьи вопроса. По главному вопросу онъ высказываетъ свое почти полное несогласіе, и если дѣлаетъ уступку, то самую маловажную При этомъ онъ отсылаетъ насъ къ другой своей статьѣ, имѣющей скоро появиться въ «Каспіи» акад. Дорна. Благодаря благосклонной любезности автора, мы получили возможность ознакомиться съ этою второю статьей г. Куника прежде ея выхода въ свѣтъ и ради ея нѣсколько пріостановились своею работой. Прочитавъ большую и поучительную статью А. А. Куника, мы все-таки остаемся также при своемъ мнѣніи. Сильные удары, наносимые въ ней противникамъ норманской теоріи въ русской исторіи, на насъ не падаютъ, ибо мы разсуждаемъ исключительно о византійскихъ Варангахъ. А что касается этихъ послѣднихъ, то мы еще не успѣли въ первой статьѣ высказать всѣ свои соображенія и доводы объ ихъ славяно-русскомъ происхожденіи. Поэтому мы воспользовались статьей А. А. Куника такъ, какъ это, по нашему мнѣнію, болѣе всего требовалось интересами науки, то-есть, усиливъ нѣкоторыя мѣста, направленныя противъ противоположнаго нашему мнѣнія. Остальное пусть пока остается безъ перемѣны.

1) ‹Слѣдъ нашелся впослѣдствіи въ византійскомъ памятникѣ XI вѣка, найденномъ самимъ Васильевскимъ. См. его статью «Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI вѣка» въ Ж. М. Н. Пр. 1881. Текстъ изданъ имъ же и В. К. Ернштедтомъ въ Записк. ист.-фил. фак. С.-Пб. университета, ч. 38 (Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus, 1896). См. въ тамъ стр. 10 14. 97.— Ѳ. Б.›

достовѣрности всего разсказа и возбуждаетъ вопросъ освойствѣ и качествѣ того историческаго матеріала, которымъ мы по необходимости должны пользоваться. Вопреки нашему первоначальному плану, оказалось, что мы не можемъ обойти вопроса объ исландскихъ сагахъ безъ вреда для доказываемаго нами положенія. Мы не нашли въ русской ученой литературѣ сочиненія, на которое могли бы сослаться въ этомъ вопросѣ, а съ другой стороны убѣдились, что самые почтенные и основательные изслѣдователи русской исторіи, при пользованіи сагами, рѣдко даютъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, съ какого рода источниками они имѣютъ дѣло, то-есть, забываютъ первую обязанность критики. Мы не можемъ идти впередъ, не расчистивъ предварительно пути предъ собою и не отыскавъ твердой почвы. Мы постараемся прежде всего выдѣлить въ сагахъ тотъ элементъ, который нужно признать совершенно неисторическимъ, и потомъ посмотримъ, что̀ въ нихъ останется историческаго. Съ этою цѣлію мы сначала приведемъ нѣсколько образчиковъ, наглядно указывающихъ необходимость болѣе критическаго и благоразумнаго отношенія къ сагамъ, даже историческимъ, чѣмъ то, какое вообще принято въ нашей наукѣ. При выборѣ примѣровъ мы руководствуемся тѣмъ соображеніемъ, чтобъ они были прямо полезны для нашей темы и относились именно къ Варягамъ.

Мы уже упомянули о Греттировой сагѣ и о лицахъ, которыя, 396
по ея свидѣтельству, отправились въ Константинополь для поступленія въ варяжскую службу. Разсказъ о нихъ находится въ концѣ саги и не относится къ самому ея герою, знаменитому скальду Греттиру, а составляетъ исторію мести за его убійство, совершившейся въ Византіи. Вотъ этотъ разсказъ:

Торбіорнъ Онгулъ, убійца Греттира, избѣгая встрѣчи съ братомъ убитаго, удалился въ Миклагардъ, «куда въ то время отправились многіе Норманны и поступили тамъ на службу» (J thenna tíma fór margt Nordhmanna út í Miklagardh, ok gengu thar á mála. См. Antiqu. Russes II, 298)[1]. Какъ скоро узналъ объ этомъ братъ Греттира, Торстейнъ Дромундъ, онъ сейчасъ

1) <О неточности перевода этой фразы авторомъ см. ниже стр. 231 примѣч. 3. Ѳ. Б.>.

же продалъ свои большія владѣнія въ Норвегіи и отправился вслѣдъ за преступникомъ. Оба прибыли почти въ одно время въ Миклагардъ, гдѣ въ то время былъ царемъ Михаилъ Каталакъ (thá var Mikael katalak konungr yfir Miklagardhi), и оба безъ труда были приняты въ среду Вэринговъ, какъ скоро сдѣлалось извѣстно, что они Норманны; но Онгулъ и Дромундъ сначала не узнали другъ друга. Въ скоромъ времени случилось, что Вэринги должны были отправляться въ походъ, а былъ такой законъ, чтобы при этомъ случаѣ предварительно совершался военный смотръ (várpathing), при чемъ каждый показывалъ свое оружіе. Онгулъ показалъ мечъ, принадлежавшій нѣкогда Греттиру, и когда его спросили, отчего такой прекрасный мечъ имѣетъ въ срединѣ зазубрину, онъ разсказалъ о томъ, какого храбраго человѣка побѣдилъ онъ и какъ онъ разсѣкъ своему страшному противнику черепъ этимъ самымъ мечомъ: съ тѣхъ поръ и осталась зазубрина. Дромундъ взялъ вслѣдъ за другими диковинное оружіе, какъ будто желая полюбоваться имъ, но тотчасъ же разсѣкъ имъ голову Онгула. Власти распорядились немедленно схватить Дромунда, такъ какъ онъ оскорбилъ священное собраніе (á heilugu thingi). Дромундъ въ оправданіе разсказалъ свою исторію и указалъ на долгъ мести, лежавшій на немъ; но такъ какъ онъ не могъ представить свидѣтелей, и такъ какъ было постановлено закономъ, что убійство наказывается смертною казнью, то онъ былъ заключенъ въ темницу, и затѣмъ должна была послѣдовать казнь, еслибъ его никто не выкупилъ. Въ тюрьмѣ Дромундъ нашелъ себѣ товарища въ другомъ осужденномъ, который находился въ совершенномъ унынiи. Чтобы нѣсколько ободрить его, Дромундъ запѣлъ пѣсню; онъ имѣлъ отличный громкій голосъ и на сей разъ не щадилъ его, такъ что стѣны дрожали. Проходила по улицѣ, сосѣдней съ тюрьмою, одна знатная византійская дама,
397 по имени Спесъ (Spes), вышедшая замужъ за человѣка ея недостойнаго по своему происхожденію, за простого Грека [1]), по имени Сигурда. Она услышала пѣніе; съ большою свитой, которая ее сопровождала, подошла она къ тюрьмѣ, вступила въ разговоръ

1) <Въ оригиналѣ не сказано, что Сигурдъ — Грекъ. Съ точки зрѣнія саги онъ могъ быть и Скандинавомъ. Ѳ. Б.>.

съ Торстейномъ и, узнавъ его исторію и уже заинтересовавшись имъ, рѣшилась выкупить его, а кстати и его товарища по заключенію, такъ какъ Дромундъ не хотѣлъ свободы себѣ одному. Деньги были заплачены Вэрингамъ, а Торстейнъ Дромундъ отправился въ домъ своей благодѣтельницы, которая приняла его и стала держать у себя тайно отъ мужа. Впрочемъ, когда Вэринги ходили въ походъ, то и Дромундъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, обнаруживая необычайное геройство. Въ то время въ Миклагардѣ былъ Гаральдъ, сынъ Сигурда; Торстейнъ пріобрѣлъ его дружбу и тѣмъ болѣе отличался среди другихъ, что всегда имѣлъ видъ богатаго человѣка, такъ какъ Спесъ въ изобиліи снабжала деньгами своего любовника. Но византіецъ Сигурдъ былъ недоволенъ какъ измѣнившимся обращеніемъ съ нимъ его жены, такъ и замѣтнымъ раззореніемъ семейнаго состоянія, ввѣреннаго попеченію госпожи дома. Угадывая причину, онъ хотѣлъ уличить свою супругу и однажды вечеромъ подстерегъ было ее съ Дромундомъ, но Спесъ запрятала любовника въ сундукъ съ драгоцѣнными вещами. Въ другой разъ попытка мужа была также неудачна, ибо Спесъ успѣла скрыть Варяга подъ грудою платья, на которую сама и сѣла; въ третій разъ она удалила его чрезъ потайную дверь, нарочно для такихъ случаевъ сдѣланную въ комнатѣ, и упорно отпиралась въ томъ, чтобы кто-нибудь былъ у нея предъ входомъ мужа, хотя это видѣлъ не одинъ онъ, но и многіе призванные имъ свидѣтели. Тогда Сигурдъ потребовалъ, чтобы Спесъ очистила себя присягою предъ мѣстнымъ епископомъ. Невѣрная жена отвѣчала, что она этого желаетъ не менѣе его самого, потому что не хочетъ оставаться подъ тяжестію позора и безславія, навлеченнаго на нее ревнивымъ мужемъ. На слѣдующій день мужъ и жена явились къ епископу; Сигурдъ обвинялъ жену въ нарушеніи супружеской вѣрности и въ расточеніи имущества; епископъ пригласилъ обвиняемую принести очистительную присягу, и когда на это послѣдовало согласіе съ ея стороны, назначилъ срокъ и день. Само собою разумѣется, что ранѣе, чѣмъ такой срокъ наступилъ, Спесъ повидалась съ Торстейномъ, и оба условились, какъ имъ дѣйствовать.

Въ тотъ день, когда слѣдовало присягать, была сырая, дожд-

ливая погода. Спесъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ спут-
398 ницъ и спутниковъ, пришла къ такому мѣсту, гдѣ была большая грязная лужа. Тутъ стояло много нищихъ; одинъ изъ нихъ, отличавшійся высокимъ ростомъ и бѣлою бородой, учтиво предложилъ болѣе другихъ богато одѣтой госпожѣ перенести ее на рукахъ черезъ лужу. Она согласилась, и случилось вотъ что: когда нищій со своею ношей достигъ середины лужи, онъ зашатался подъ тяжестію и старости и бремени, но, какъ бы напрягши всѣ силы, успѣлъ донести даму до края грязнаго мѣста, а здѣсь уже не выдержалъ и повалился, но такъ, что уронилъ Спесъ на сухой край лужи, а самъ погрузился въ грязь и, лежа здѣсь, запачканною рукой схватился за колѣно и бедро своей дамы. Та поднялась въ негодованіи и грозила прибить несчастнаго; но когда окружающіе вступились за услужливаго и ни въ чемъ неповиннаго бѣдняка, то она сама сжалилась надъ нимъ и щедро наградила его, высыпавъ изъ своего кошелька много золотыхъ монетъ. Легко догадаться, что подъ видомъ нищаго скрывался не кто другой, какъ самъ Торстейнъ Дромундъ. Спесъ явилась потомъ въ храмъ, гдѣ собралось много народу; мужъ повторилъ предъ епископомъ свои обвиненія, а она поклялась, что никто не касался ея, исключая мужа и того нищаго, который переносилъ ее черезъ лужу и теперь стоитъ въ толпѣ, и никому она не давала денегъ, кромѣ этого нищаго. Очистительная присяга была признана вполнѣ удовлетворительною, но послѣ этого родные оправданной женщины потребовали для нея развода съ мужемъ, который напрасно подвергъ ее безславію; и она сама настаивала на томъ же. Спесъ получила разводъ и значительную часть изъ общаго имущества, а вслѣдъ затѣмъ вышла замужъ за своего любовника. Послѣ этого Дромундъ пробылъ еще два года среди Вэринговъ въ Миклагардѣ и пользовался большимъ расположеніемъ Гаральда Гардрада, который приходился ему родственникомъ и, какъ думали, помогалъ ему своими совѣтами въ прежнихъ затруднительныхъ положеніяхъ. Возвратившись потомъ на родину, Торстейнъ пользовался общимъ уваженіемъ и былъ даже принятъ въ число придворныхъ (hirdhmadhr) короля Магнуса Добраго. Когда прошло еще девять лѣтъ, воротился изъ Миклагарда и Гаральдъ, сынъ Сигурда, и царствовалъ сначала вмѣстѣ

съ Магнусомъ, а потомъ, по смерти послѣдняго, единодержавно, но не пользовался такою любовію, какъ Магнусъ, особенно со стороны прежнихъ друзей и приверженцевъ послѣдняго, потому что онъ былъ суровъ и строгъ въ наказаніяхъ (thviat hann var hardhr ok refsingasamr). Торстейнъ Дромундъ былъ тогда старъ лѣтами (прошло шестнадцать лѣтъ послѣ убійства Греттира), но 399
еще бодръ и силенъ. Многіе совѣтовали ему вступить на службу Гаральда (ok geraz honum handgenginn), но Торстейнъ не давалъ отвѣта. Зато онъ охотно послѣдовалъ внушенію и совѣту своей жены Спесъ и вмѣстѣ съ нею отправился въ Римъ замаливать грѣхи юности.

Нечего говорить о томъ, что романтическая исторія Торстейна Дромунда хотя и разыгрывается въ Константинополѣ, но своимъ содержаніемъ весьма мало напоминаетъ византійскіе нравы и обычаи, а скорѣе противорѣчитъ имъ самымъ радикальнымъ образомъ. Если же любовная исторія Вэринга Дромунда и дамы именуемой Спесъ не имѣетъ ничего не только достовѣрнаго, но даже правдоподобнаго, то какую историческую достовѣрность имѣетъ самое пребываніе ея героя въ Константинополѣ, куда онъ отправленъ разскащикомъ саги именно для того, чтобы тамъ быть героемъ романтическаго похожденія?

Разсказъ о византійцѣ Сигурдѣ и его женѣ, носящей имя, въ такой же степени чуждое византійскимъ святцамъ, какъ и имя ея супруга, принадлежитъ не къ области историческихъ фактовъ, а къ литературной исторіи бродячихъ сказокъ, быть можетъ—къ исторіи «литературнаго общенія Востока и Запада». Въ книгѣ А. Н. Веселовскаго [1]) приведенъ разсказъ изъ монгольскаго сказочнаго сборника (Арджи-Борджи), совершенно напоминающій послѣднюю часть исторіи Варяга Торстейна съ византійскою дамою, то-есть, очистительную присягу и клятву съ reservatio mentalis. Тамъ на сценѣ находится царская дочь Наранъ-Герель, также пойманная на мѣстѣ преступленія, но точно такъ же ускользнувшая и не уличенная. Отъ царевны потребовали, чтобъ она принесла очистительную присягу надъ ячменными зер-

1) Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 24.

нами. Назначенъ былъ во всеобщее свѣдѣніе день, когда царевна принесетъ всенародно клятву. Но царскій министръ Саранъ, играющій въ монгольской сказкѣ роль нашего Варяга, имѣлъ въ своей законной женѣ умную совѣтницу, которая убѣдила его вымазаться черною краской, полузакрыть одинъ глазъ, притвориться хромымъ и юродивымъ и въ этомъ видѣ вмѣшаться въ толпу, которая соберется на судилище и т. д. Царевна, конечно, замѣтила своего возлюбленнаго, узнала его въ юродствующемъ старикѣ съ клюкой и поклялась, что она никогда не знала ни одного мужчины, кромѣ развѣ вотъ этого юродиваго; такъ какъ она говорила правду, то зерна и не поднялись вверхъ, что̀ и послужило доказательствомъ правоты ея, а для всѣхъ присутствующихъ и ея невинности.

Бенфей (Pantschatantra, Vorrede стр. XXV) указываетъ на почти буквальное сходство съ монгольскимъ разсказомъ одного французскаго fabliau, а издатели и комментаторы саги о Греттирѣ давно замѣтили сходство эпизода о Спесъ съ судомъ Божіимъ въ средневѣковомъ романѣ о Тристанѣ и Изольдѣ. Романъ этотъ переведенъ былъ на норренскій языкъ въ 1226 году по приказанію короля норвежскаго Гакона Гаконсона. Считается, однако, болѣе вѣроятнымъ, что Spesar thättr (сказаніе о Спесъ), по крайней мѣрѣ въ устной редакціи, появилось ранѣе знакомства съ французскимъ романомъ и не находится въ зависимости отъ него [1]).

Очень можетъ быть, что разсказъ какъ на сѣверъ, такъ и на западъ Европы принесенъ съ Востока. Весьма недавно (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за ноябрь 1874 г.) напечатана въ переводѣ И. П. Минаева прелестная по своей наивной формѣ и лукавому содержанію индѣйская сказка, содержащая, вѣроятно, первоначальную основу какъ монгольскаго разсказа, — Арджи-Борджи въ цѣломъ своемъ составѣ несомнѣнно представляетъ только пересказъ индѣйскаго подлинника,

1) ‹Эпизодъ о Спесъ въ нашей сагѣ гораздо болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ думалъ В. Г. Васильевскій, см. ниже. Что-же касается мотивовъ изъ романа о Тристанѣ и Изольдѣ, то они заимствованы, вѣроятнѣе всего, изъ нѣмецкаго источника. Ѳ. Б.›

проникшаго къ Монголамъ вмѣстѣ съ буддизмомъ, — такъ и западныхъ его редакцій. Тамъ тотъ же судъ Божій, на которомъ жена, питомица брахмана, обманывавшая своего мужа вмѣстѣ съ однимъ плутомъ, приноситъ очистительную присягу: «не знала я прикосновенія руки другого человѣка, кромѣ брахмана», и затѣмъ стала входить въ огонь. Въ тотъ же мигъ плутъ обратился къ народу: «полюбуйтесь на дѣло пурогиты: такую женщину онъ посылаетъ въ огонь», — и схватилъ ее за руку и т. д.

Самое имя византійской госпожи, которое такъ же мало отзывается греческими звуками, какъ и скандинавскими, есть, быть можетъ, признакъ и оставшійся слѣдъ восточнаго происхожденія варяжскаго эпизода въ сагѣ о Греттирѣ. Спесъ напоминаетъ царскихъ стражей или часовыхъ, называемыхъ въ Зендавестѣ Spas, и, слѣдовательно, напоминаетъ смотрителя царскаго сада, поймавшаго Наранъ-Герель на восходѣ солнца вмѣстѣ съ Сараномъ. Такое превращеніе имень и ролей очень возможно при переходѣ сказки отъ одного парода къ другому.

Впрочемъ, пусть это рѣшаютъ тѣ, кого вопросъ ближе касается. Мы совершенно не имѣемъ въ виду изслѣдовать филіацію различныхъ редакцій одной и той же сказки у разныхъ народовъ. 401
Наша цѣль состоитъ только въ томъ, чтобъ отмѣтить неисторическій характеръ того эпизода въ исландской сагѣ, въ которомъ Варягъ Торстейнъ является дѣйствующимъ лицомъ, и только намѣкнуть на возможность «посредничества Византіи» въ передачѣ — литературной и устной — общаго востоку и западу сказочнаго достоянія [1]).

По первому вопросу мы должны сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Намъ могутъ сказать: положимъ, что эпизодическій разсказъ о Спесъ есть бродячая сказка, пріуроченная къ Варягу

---

1) <Сближеніе разсказа о Спесъ съ монгольской и индѣйской сказками здѣсь излишне, потому что разсказъ этотъ не принадлежитъ къ устному преданію и никогда въ устной редакціи, которую допускаетъ нашъ авторъ выше, не существовалъ. Какъ доказалъ Boer въ указанномъ выше изданіи Греттировой саги (предисловіе стр. XXVI сл.), весь Spesar thättr не что иное, какъ довольно неудачная литературная передѣлка одного изъ эпизодовъ саги о Гаральдѣ Гардрадѣ въ редакціи Morkinskinna или близкой къ послѣдней. Авторъ Греттлы прибавилъ отъ себя лишь мотивы, заимствованные изъ романа о Тристанѣ. Ѳ. Б.>

Торстейну Дромунду, но разсказъ о его мести за скальда Греттира и о совершеніи этой мести именно въ Константинополѣ не имѣетъ внутренней связи съ романтическимъ, сказочнымъ эпизодомъ и засвидѣтельствованъ достаточно въ своемъ чисто историческомъ характерѣ ссылкою на Стурле Тордсона, помѣщенною въ концѣ саги и отдѣльнаго сказанія (tháttr). Но судья (lögmadhr) Стурле Тордсонъ жилъ въ концѣ XIII столѣтія († 1284), и его замѣчаніе о Греттирѣ, которому досталась мало завидная, хотя и совершенно исключительная судьба быть отомщеннымъ въ Миклагардѣ, основано, очевидно, на знакомствѣ съ устною или съ первоначальною письменною редакціей Греттировой саги: ибо, не будь саги, какъ Стурле могъ чрезъ 150 лѣтъ знать о такомъ частномъ фактѣ? Отсюда можно заключать только о существованіи двухъ редакцій Греттировой саги и объ очень позднемъ происхожденіи той редакціи, которую мы имѣемъ, то-есть, съ присоединеніемъ не только сказочнаго эпизода, но и учено-литературныхъ соображеній или замѣчаній. Характеръ литературной редакціи или даже сочинительства вообще не чуждъ Греттировой саги, по крайней мѣрѣ той ея части, которая только и важна для насъ. Несомнѣнно знакомство ея составителя не только съ устными преданіями, но и съ другими сагами. Уже разсказъ о прибытіи Торстейна Дромунда въ Царьградъ и о встрѣчѣ его съ Онгуломъ сильно напоминаетъ встрѣчу другого Торстейна съ его противникомъ Гестомъ также среди Вэринговъ въ Миклагардѣ, и это сходство было бы, вѣроятно, еще сильнѣе, если бы Вига-стирова сага дошла до насъ не въ такой новой, по памяти возстановленной редакціи (см. выше стр. 189). Мы не относимъ вполнѣ этого сходства на счетъ возстановителя Вига-стировой саги по двумъ соображеніямъ: 1) потому что Греттирова сага не была издана во время Арна Магнусона, и 2) потому что не въ этомъ только случаѣ замѣчается зависимость Греттлы отъ другихъ сагъ.
402 Она несомнѣнно позднѣе по своему происхожденію саги о Гаральдѣ, ибо послѣдняя ничего не знаетъ о ея герояхъ и о Дромундѣ, будто бы находившемся въ такихъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ къ норвежскому принцу. Зато никакъ нельзя отрицать знакомства у автора Греттлы съ Гаральдовою сагой. На основаніи этой послѣдней сдѣланы хронологическія, почти ученыя за-

мѣчанія, приведенныя нами выше съ намѣреніемъ [1]). Все основано здѣсь на расчетѣ времени, протекшаго отъ битвы при Стиклестадѣ (1030 г.), послѣ которой Гаральдъ удалился сначала въ Гардарику, а потомъ въ Миклагардъ, до смерти короля Магнуса въ 1047 году. Убійство Греттира по сагѣ относится къ 1031 году, прибытіе Торстейна Дромунда въ Миклагардъ и месть надъ Торбіорномъ Онгуломъ, повидимому, къ 1033 или 1034 г. [2]) Чрезъ 11 лѣтъ, то-есть въ 1044 или 1045 году, Гаральдъ, по сагѣ, возвращается въ Норвегію. Это, положимъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности, но только спрашивается: какъ народная память, предполагаемая хранительница сагъ до ихъ письменной, очень поздней редакціи, удержала такія искусныя и точныя хронологическія подробности? Несомнѣнно, повторяемъ, ученое соображеніе данныхъ Гаральдовой саги съ какимъ-либо хронологическимъ руководствомъ (книжка Аре Фроди?) или съ собственною ученою памятью саго-составителя. Точно такъ же на основаніи знакомства съ Гаральдовою сагой сдѣлана замѣтка о большомъ числѣ Скандинавовъ, отправившихся въ Миклагардъ и сдѣлавшихся тамъ Вэрингами при Михаилѣ Каталакѣ. Въ первой части своей статьи мы почти повторили ошибку, которую всѣ дѣлаютъ, придавая словамъ Греттлы, сюда относящимся, самостоятельное значеніе, находя здѣсь свидѣтельство о болѣе частыхъ, чѣмъ прежде, поѣздкахъ Скандинавовъ въ Византію (С. А. Гедеоновъ и А. А. Куникъ). Между тѣмъ, здѣсь просто говорится въ однократномъ смыслѣ и въ однократномъ глагольномъ видѣ: eo tempore complures Nordmanni Miklagardum profecti, ibi militiae nomina dederunt, и разумѣются спутники Гаральда Норвежскаго [3]).

---

1) <Зависимость Греттлы отъ Гаральдовой саги гораздо болѣе значительна, чѣмъ полагалъ В. Г. См. выше стр. 229 наше примѣчаніе о Spesar thättr. Ѳ. Б.>

2) <Точнѣе—къ 1032—33 г. См. выше стр. 192_2. Ѳ. Б.>

3) <Передъ нами тутъ прямое недоразумѣніе, вызванное неточнымъ латинскимъ переводомъ въ Antiquités Russes I, 298, которымъ пользуется въ данномъ случаѣ Васильевскій. Въ оригиналѣ, фраза, приведенная имъ цѣликомъ выше на стр. 223, имѣетъ именно многократный смыслъ: многіе Норманны въ то время «отправлялись» въ Византію и «поступали» тамъ на службу. Рѣчь идетъ здѣсь не объ однихъ только спутникахъ Гаральда, что явствуетъ какъ изъ контекста нашей саги, такъ и изъ самой саги о Гаральдѣ: когда послѣдній

Сказаннаго достаточно о Греттировой сагѣ. Позднее происхожденіе ея такъ же несомнѣнно, какъ и поздняя письменная редакція, всѣми относимая къ концу XIII или началу XIV вѣка [1]). Послѣ того, что̀ мы прибавили къ этому отъ себя, мы не считаемъ возможнымъ сколько-нибудь опираться на такомъ источникѣ. Болѣе къ нему мы не воротимся.

Обращаемся къ Гаральдовой сагѣ и къ подвигамъ этого предводителя Вэринговъ въ сицилійскомъ походѣ. Эти подвиги, по
403 всѣмъ редакціямъ, состояли въ завоеваніи четырехъ городовъ и всякій разъ посредствомъ новой военной хитрости. Первый городъ взятъ посредствомъ птицъ, которыя имѣли свои гнѣзда въ городѣ и были наловлены въ лѣсу, куда онѣ летали для добыванія пищи. Къ спинамъ этихъ птицъ прикрѣплены были сухіе смолистые сучья сосноваго дерева, намазанные воскомъ и сѣрой, и потомъ съ одного конца воспламененныя. Птицы полетѣли въ свои гнѣзда и зажгли городъ; жители испугались, вышли и стали просить мира и прощенія за свои дерзкія рѣчи, произнесенныя ранѣе противъ императора, и потомъ сдались (Heimskringla, гл. 6). Давно замѣчено сходство и тожество этого разсказа съ извѣстнымъ взятіемъ Искоростеня русскою княгинею Ольгой, и даже тутъ находили какую-то опору для нормапнскаго происхожденія Ольги. Д. И. Иловайскій, опровергая такой выводъ, замѣтилъ, что то же самое разсказывается о Чингизъ-ханѣ. Но указаніе на Чингизъ-хана ничего не объясняетъ, потому что онъ могъ по-

---

приплылъ въ Миклагардъ, то тамъ уже было «великое множество (mikill fjöldi) Норманновъ, которыхъ зовутъ Вэрингами»: Fornm. sogur VI, 135. Ср. также Flateyjarbók III, 290 Вообще изъ саги о Гаральдѣ видно, что послѣдній засталъ въ Византіи уже вполнѣ организованный корпусъ Вэринговъ - Норманновъ. Ѳ. Б.›

1) ‹Это положеніе остается въ силѣ и теперь еще, такъ какъ сдѣланная Boer'омъ (въ предисловіи къ критическому изданію 1900 г.) попытка выдѣлить изъ общаго состава письменной традиціи древнѣйшую, т. е. первоначальную редакцію саги о Греттирѣ, близкую къ устному преданію, единогласно отвергнута критикой. См. Mogk. l. c. 203, F. Jónsson, L. H. II, 751 s. Тѣмъ не менѣе, общій выводъ, дѣлаемый отсюда В. Г. Васильевскимъ, едва-ли можетъ считаться достаточно обоснованнымъ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ исторической достовѣрности разсказа о мести Торстейна надъ Торбіорномъ (безъ эпизода о Спесъ) этимъ не рѣшается. Онъ долженъ быть поставленъ на болѣе широкую базу, и рѣшеніе его находится въ зависимости отъ рѣшенія тѣхъ общихъ вопросовъ, которыхъ нашъ авторъ касается въ шестой главѣ. Ѳ. Б.›

дражать либо Ольгѣ, либо Гаральду. Мы можемъ указать лицъ, которыя ту же хитрость употребляли вполнѣ самостоятельно. Это, во-первыхъ, Александръ Македонскій и эмиръ Багдадскій Ибнъ-Хосровъ, жившій въ самомъ концѣ X-го столѣтія. Вотъ что о нихъ повѣствуетъ армянскій историкъ Асохикъ (см. о немъ въ III-й главѣ): «Ибнъ-Хосровъ мудростію своею, равной мудрости Александра, удивлялъ весь міръ. Приказаніемъ онъ бралъ города, словомъ изгонялъ жителей изъ крѣпостей. При осадѣ одного города жители не соглашались сдать его; тогда эмиръ, въ доказательство покорности, потребовалъ, чтобъ изъ каждаго дома дали ему по собакѣ въ видѣ дани. Городъ стоялъ недалеко отъ тростниковаго лѣса, и въ немъ всѣ дома были построены изъ тростника. Когда онъ получилъ надлежащее количество собакъ, приказалъ обмазать ихъ нефтью, поджечь и пустить. Всѣ онѣ сквозь водосточныя отверстія городской стѣны пролѣзли въ городъ по домамъ своимъ и такимъ образомъ зажгли весь городъ. Это мудрое дѣйствіе его напоминаетъ Самсона, который тремя стами лисицъ зажегъ нивы иноплеменниковъ, или Александра, который посредствомъ птицъ поджегъ деревянный дворецъ, находившійся на высокой скалѣ».

Не знаемъ мы, какой это дворецъ подожженъ былъ Македонянами посредствомъ птицъ; у псевдо-Каллисѳена мы не нашли вполнѣ подходящаго разсказа, а только нѣсколько похожій и напоминающій извѣстную хитрость Ганнибала (см. Pseudo-Callisthen. II 13, 5 p. 68 ed Didot.). Но быть можетъ, Асохикъ зналъ о птицахъ изъ армянской редакціи псевдо-Каллисѳена, принадлежащей, вѣроятно, Моисею Хоренскому и до сихъ поръ не 404
переведенной и не вполнѣ изслѣдованной (см. Zacher, Pseudocallisthen., стр. 87).

Къ этому мы должны прибавить, что и эмиръ Ибнъ-Хосровъ не только собакъ мазалъ нефтью, но то же самое, для какой-то непонятной цѣли, дѣлалъ и съ голубями: «Зажегши у голубей крылья, смазанныя нефтью, онъ пускалъ ихъ по поднебесью» и этими поступками вызвалъ даже негодованіе почтеннаго переводчика Асохика на русскій языкъ (стр. 137). Припомнимъ, что все это совершалось и все это разсказывалось въ Арменіи современно съ пребываніемъ тамъ и вблизи русскаго корпуса, почти

современно съ зимовками Варяговъ въ Халдіи, и тогда мы будемъ, по всей вѣроятности, гораздо ближе къ родословной Гаральдовыхъ птицъ и Ольгиныхъ воробьевъ и голубей. Но такіе разсказы, принесенные Варягами и Норманнами съ береговъ Босфора, быть можетъ, подслушанные у военныхъ товарищей, первоначально такъ мало прикрѣплялись къ опредѣленной личности, что Саксонъ грамматикъ, датскій историкъ XIII вѣка, считалъ себя въ правѣ перенести ихъ на датскихъ баснословныхъ королей Гаддинга (Hadding) и Фридлейфа.

Другой (по порядку четвертый) городъ, долго осаждаемый, былъ взятъ посредствомъ такой хитрости: Гаральдъ притворился больнымъ и потомъ мертвымъ и устроилъ себѣ пышныя похороны; горожане не только согласились на просьбу Вэринговъ — допустить погребеніе ихъ знаменитаго предводителя внутри городскихъ стѣнъ, но еще аббаты и монахи различныхъ монастырей спорили между собою о чести имѣть гробницу въ своемъ монастырѣ. Когда Вэринги принесли роскошно украшенный погребальный ящикъ къ городскимъ воротамъ, они опустили его и поставили здѣсь поперекъ, а сами выхватили мечи, которые у нихъ были подъ платьемъ, и т. д.

Но Сенъ-Кентенскій каноникъ Дудо, нѣсколько старшій современникъ Гаральда (писалъ около 1015 года), ту же самую хитрость приписываетъ извѣстному датскому (норманнскому) пирату Алстингу, или Гастингу, имя котораго долго хранилось въ народной памяти Франковъ, много отъ него пострадавшихъ, и который является предводителемъ разбойничьихъ шаекъ отъ 866 до 892 года. Мы разумѣемъ исторію раззоренія города Луны (Luna, Luni) въ Тосканѣ: Dudo, de actis Normannorum (Histor. Normann. scriptores ed. Duchesn., pag. 64).

Вслѣдъ за Дудо, ту же самую исторію о Гастингѣ повторяютъ Робертъ Васъ (Wace), англо-норманнскій труверъ второй половины XII-го вѣка, Бенуа де-Сент-Моръ, придворный труверъ
405 Генриха II Плантагенета, и Вильгельмъ Жюмьежскій (Guilelmus Gemeticensis), авторъ «Дѣяній» герцоговъ норманнскихъ (около 1137 года). Можетъ быть, не лишнее замѣтить, что сочиненіе послѣдняго, для коего Дудо послужилъ источникомъ, было извѣстно и на скандинавскомъ сѣверѣ.

Съ другой стороны, то же самое, что̀ о Гастингѣ, разсказывалось и о норманнскихъ герояхъ южной Италіи,—прежде всего о самомъ Робертѣ Гвискардѣ — Вильгельмомъ Апулійскимъ, писателемъ конца XI и начала XII вѣковъ (Gesta Roberti Wiscardi: MG. SS. IX, 260), потомъ о его знаменитомъ сынѣ, героѣ перваго крестоваго похода. Извѣстенъ интересный эпизодъ, въ которомъ остроумная дочь императора Алексѣя, Анна Комнина, съ большимъ юморомъ описываетъ переѣздъ притворно умершаго Боемунда въ гробницѣ съ востока (изъ Антіохіи) въ Италію (XI, 12 p. 341 ed. Paris.): можетъ быть, это—настоящій и дѣйствительный путь распространенія сказки, которая въ XI и XII вѣкахъ разгуливала по Европѣ. Изъ Алексіады мы видимъ, что она была хорошо знакома въ Византіи. Оттонъ Фрейзингенскій дѣлаетъ изобрѣтателемъ Гаральдовой хитрости короля Рожера Сицилійскаго, но переноситъ сцену обманчивой погребальной процессіи въ предѣлы земли греческой и обманутыми представляетъ греческихъ монаховъ (Gesta Friderici, II 34 p. 43 2-го школьн. изд.).

Въ началѣ XIII вѣка или въ самомъ концѣ XII Саксонъ грамматикъ приписываетъ какъ Гаральдовыхъ птицъ, такъ и Гаральдовы похороны баснословному датскому королю Гадингу и, подобно Оттону Фрейзингенскому, то и другое событіе помѣщаетъ на востокѣ; но этимъ востокомъ для него служитъ наша Русь, которая и въ исландскихъ сагахъ часто сливается въ одно съ византійскою Греціей. Посредствомъ птицъ Гадингъ взялъ городъ Дуну (Dunam), принадлежавшій Гандвану, царю Геллеспонта, и потомъ, одержавъ еще другія побѣды на востокѣ (multo Orientalium robore debellato), воротился въ Швецію [1]). Король датскій Фротo устроилъ себѣ притворныя похороны въ войнѣ съ властителемъ «Русскаго народа» (Rutene gentis tyrannum) для взятія города Полотска (ad urbem Paltiscam). Наконецъ, Матвѣй Парижскій похоронно-военную хитрость приписываетъ Фридриху II Гогенштауфену.

Не останавливаясь на двухъ другихъ хитростяхъ Гаральда,

1) Saxon. Grammatici liber I, p. 12 (ed. *Stephani*), liber II, p. 21. Ср. впрочемъ Annales Ryenses: MG. SS. XVI, 392.

406 изъ которыхъ одна напоминаетъ взятіе Камилломъ города Вейи, а другая ужъ очень проста и потому не только правдоподобна, но и могла повторяться безчисленное множество разъ, мы въ правѣ все-таки спросить: какую историческую достовѣрность имѣетъ сицилійскій походъ Гаральда, состоящій сплошь и всецѣло изъ подвиговъ такого рода, что они принадлежали всѣмъ и никому, и не падаетъ ли варяжество Гаральда и его Скандинавовъ въ область вымысла и фантазіи вмѣстѣ съ походомъ и его сказочными подробностями? Мы, правда, увидимъ, что такъ обставленъ только одинъ изъ южно-итальянскихъ походовъ норвежскаго принца, а другой засвидѣтельствованъ гораздо лучше; но, тѣмъ не менѣе, вопросъ остается пока въ своемъ ограниченномъ объемѣ. Считаютъ мѣста, въ которыхъ упоминаются скандинавскіе Вэринги, насчитываютъ ихъ до сотни: но цѣлый десятокъ мѣстъ вышеозначеннаго характера, цѣлый десятокъ случаевъ, въ которыхъ Вэринги являются съ птицами и въ похоронной процессіи, мы охотно промѣняли бы на одно простое упоминовеніе какого-нибудь одного «скандинаво-византійскаго Вэринга» писателемъ, современнымъ Олафу и Гаральду.

Мы увидимъ далѣе, что Гаральдъ въ сагѣ представляется героемъ одной романтической исторіи, основа которой состоитъ въ томъ, что влюбленный и ищущій руки племянницы (или внучки) принцъ возбуждаетъ ревность тетки (или бабки), а такъ какъ этою ревнивицею была сама императрица Зоя, то Гаральдъ былъ отправленъ въ темницу и освобожденъ былъ изъ нея только чудомъ; затѣмъ, поднявъ народное возстаніе противъ императора, мужа Зои, и похитивъ византійскую принцессу, онъ увезъ ее на своемъ кораблѣ, но, удовольствовавшись тѣмъ, что показалъ свое молодечество, отослалъ принцессу назадъ въ полной неприкосновенности. Другая редакція добавляетъ при этомъ, что Гаральдъ явился при византійскомъ дворѣ подъ чужимъ именемъ и скрывая свое званіе (подъ именемъ Норд-брикта). Очень многое напоминаетъ здѣсь сюжетъ нѣмецкой поэмы о королѣ Ротерѣ, дѣйствіе которой также совершается въ Константинополѣ, и даже византійскій императоръ носитъ имя мужа Зои. Ротеръ, король и владѣтель города Бари, точно такъ же является въ Византію подъ чужимъ именемъ; въ него влюбляется молодая царская дочь; при

ея помощи онъ устраиваетъ подземельный ходъ къ заключеннымъ въ тюрьмѣ своимъ рыцарямъ, которые были сюда посажены за то, что явились ранѣе со сватовствомъ Ротера той же молодой царевны; подобно Гаральду, который, по редакціямъ болѣе полнымъ, сражался и побѣдилъ страшное языческое войско, 407
угрожавшее императору,—Ротеръ разбиваетъ вавилонскаго короля Имелота; присланный вѣстникомъ побѣды, онъ объявляетъ совершенное пораженіе Константина и близость страшныхъ язычниковъ; испуганныя царица и царевна просятъ его взять къ себѣ на корабль и увезти за море, но онъ беретъ съ собою только дочь, а мать оставляетъ, впрочемъ объяснивъ ей обманъ. Этимъ исторія еще не кончается. Царевна была похищена изъ Бари обратно хитростію людей, посланныхъ Константиномъ; Ротеръ, переодѣвшись пилигримомъ, снова является въ Константинополь отыскивать свою невѣсту-жену, попадаетъ въ руки враговъ и былъ уже присужденъ къ казни, но возстаніе народа, греческихъ графовъ и рыцарей, которымъ Ротеръ-Дитрихъ оказалъ прежде разныя услуги, освобождаетъ его; во главѣ возстанія стоялъ графъ Арнольдъ, предводительствуя 15-ю тысячами своихъ вассаловъ. Возставшіе Греки, одержавъ верхъ, однако рѣшили пощадить царя, и Ротеръ получилъ свою жену ужъ изъ рукъ отца.

Поэма о королѣ Ротерѣ имѣетъ себѣ двойника въ древнесѣверной сагѣ о Дитрихѣ, королѣ Бернскомъ, письменная редакція которой принадлежитъ второй половинѣ XIII вѣка. Роль Гаральда и Ротера, хотя въ видѣ значительно отличномъ, играетъ здѣсь Осантриксъ, сынъ Гертнида, короля Русскаго, получившій отъ отца Вилькинскую землю (Wilkinaland), тогда какъ его братъ Владиміръ (Waldemar) получилъ Россію и Польшу, а другой и самый младшій Илья (Ilias) — Грецію. Осантриксъ ищетъ руки Оды, дочери Милія (Milias), короля Гуналанда, и подъ ложнымъ именемъ Дитриха добываетъ ее не столько хитростію, сколько прямою силою. Сага о Дитрихѣ часто ссылается на разсказы Вэринговъ — совершенно такъ же, какъ и относительно романтической исторіи Гаральда съ Зоей и ея племянницей — Вэринги, бывавшіе въ Миклагардѣ и вращавшіеся потомъ въ сѣверныхъ (скандинавскихъ) странахъ,

являются у Снорре Стурлесона ея поручителями и первыми сообщителями [1]).

Не наше дѣло разбирать, которое сказаніе имѣло вліяніе на образованіе, складъ и развитіе другого. Но, повидимому, повѣсть о Гаральдѣ въ XII вѣкѣ въ своей любовно-романтической части разсказывалась нѣсколько иначе. Вильгельмъ Мальмёсберійскій († 1141), смѣшивая Гаральда относительно прозвища, но вѣрно называя его братомъ св. Олафа, пишетъ, что онъ въ юности, находясь на службѣ византійскаго императора, обезчестилъ одну
408 *знатную женщину* и за то, по приказанію императора, былъ брошенъ на съѣденіе льву, но однѣми голыми руками задушилъ страшнаго звѣря (Haroldus Horvagus, frater Olavi, qui etiam imperatori Constantinopolitano dum juvenis militaverat, cujus jussu pro stupro illustris fœminæ leoni objectus belluam immanem nudo lacertorum nisu suffocavit. Это повторяется и у другихъ позднѣйшихъ писателей). Теперь этого льва нѣтъ въ Гаральдовой сагѣ, но очень вѣроятно, что онъ въ ней былъ, точно такъ же, какъ есть сцена съ убиваемымъ львомъ въ поэмѣ о королѣ Ротерѣ.

Съ другой стороны, дѣйствительная и не подлежащая сомнѣнію исторія Гаральда въ Константинополѣ представляетъ нѣкоторыя черты, близкія къ приключеніямъ сказочнаго короля Ротера. Трудно, конечно, предполагать, чтобы подъ баснословнымъ Ротеромъ скрывался дѣйствительный Гаральдъ, или чтобы сага о Дитрихѣ превратилась въ позднѣйшую поэму о Ротерѣ подъ вліяніемъ знакомства съ приключеніями норвежскаго принца и слуховъ, распространенныхъ объ этомъ по всей Европѣ, благодаря разноплеменному и пестрому составу тогдашней византійской арміи. Въ ней были и Русскіе, и сѣверные Норманны, и Франки, и Сарацины; вскорѣ послѣ Гаральда явились въ ней и Нѣмцы. Мы могли бы думать, что и въ Дитриховой сагѣ смѣшеніе именъ русскаго эпоса со всякими другими въ самомъ дѣлѣ идетъ отъ византійскихъ Варяговъ, подъ которыми тутъ разу-

1) ‹Именемъ вэринговъ въ сагѣ о Дитрихѣ называются не византійскіе Варанги, а вообще Скандинавы. Вопросъ объ источникахъ рѣшается самой сагой, по которой главными источниками ея были «разсказы нѣмецкихъ мужей и отчасти ихъ пѣсни». См. изданіе Unger'a, 1853 стр. 2. 334. Ѳ. Б.›

мѣлись бы византійскіе наемники изъ всѣхъ этихъ національностей [1]).

Въ той многолюдной и пестрой смѣси восточныхъ и западныхъ элементовъ, какая сосредоточивалась около береговъ Босфора въ XI вѣкѣ, гораздо ранѣе крестовыхъ походовъ, былъ возможенъ самый широкій взаимный обмѣнъ всѣхъ продуктовъ народнаго творчества и всякаго рода именъ и сказочныхъ сюжетовъ, а также и повѣстей о дѣйствительныхъ событіяхъ, прошедшихъ чрезъ народную фантазію. Въ самой Гаральдовой сагѣ обращаютъ на себя вниманіе иныя греческія слова, какъ будто подслушанныя спутниками Гардрада у ихъ русскихъ товарищей. Такъ, хорошо извѣстный въ византійской исторіи предводитель сицилійскаго похода Георгій Маніакъ въ сагѣ постоянно называется Gyrgir, то-есть, Гюрги (*r* — окончаніе именительнаго падежа); императорскій дворецъ византійскаго владыки именуется polotur (множеств.), то-есть, палатами (отъ palatium, Pfalz).

Все это еще требуетъ разъясненія. Но что касается сход-
ства исторіи Гаральда въ историческихъ ея чертахъ, которыя 409
будутъ нами указаны ниже, съ приключеніями короля Ротера, то, конечно, не одинъ Гаральдъ былъ въ Константинополѣ, не одинъ онъ тамъ сражался съ язычниками и мусульманами: дѣлали то и другіе принцы, графы и рыцари; не одинъ Гаральдъ сиживалъ въ Цареградской тюрьмѣ, если онъ сидѣлъ въ ней, и не одинъ онъ освобождался изъ нея вслѣдствіе нерѣдкихъ въ Византіи престолонаслѣдныхъ переворотовъ и народныхъ возстаній; не одинъ онъ изъ западныхъ людей игралъ важную роль въ такихъ движеніяхъ и участвовалъ въ низверженіи или даже ослѣпленіи императора. Мы можемъ, поэтому, сказать, что исторія Гаральда имѣла вліяніе на сюжетъ и подробности нѣмецкой поэмы настолько, насколько она была общею исторіей западнаго рыцарства, приходившаго на службу къ византійскому царю, точно такъ же, какъ наоборотъ сага о Гаральдѣ сложилась въ ту форму, какая до насъ дошла, подъ вліяніемъ разнаго рода сказаній, относившихся первоначально къ совершенно другимъ лицамъ, историческимъ или фантастическимъ.

1) ‹См. предъидущее примѣчаніе. Ѳ. Б.›

Приведемъ еще одинъ и послѣдній примѣръ. Сага о королѣ Сигурдѣ, палестинскомъ пилигримѣ, разсказываетъ въ числѣ другихъ баснословныхъ подробностей его путешествія о торжественномъ въѣздѣ его въ Царьградъ, не замѣченномъ, конечно, византійскими хрониками. «Люди разсказываютъ», повѣствуетъ Снорре Стурлесонъ,—«что король приказалъ подковать свою лошадь золотомъ, прежде чѣмъ онъ въѣхалъ въ городъ; это было устроено такъ, что одна изъ подковъ должна была свалиться на улицѣ. и никто изъ его людей не долженъ былъ обращать на то свое вниманіе» (Antiquités Russes I, 385). Но старая французская хроника то же самое приписываетъ герцогу Роберту Норманнскому: «A l'entrée de la ville, ou l'empereur estoit, il fist ferrer une mulle, que on lui menoit après lui, de quatre ferres de fin or, et deffendit a tout ses gens que si la mulle se deferroit que nul ne redreçast le fer». Весьма вѣроятно, что Исландцы заимствовали чужой разсказъ и перенесли его на своего короля Сигурда. Подслушали они его въ самомъ Константинополѣ, что̀ возможно, или списали его съ какой-либо французской хроники, что̀ не менѣе вѣроятно: во всякомъ случаѣ такія подробности мало рекомендуютъ историческую достовѣрность саги и не свидѣтельствуютъ въ пользу неизмѣнности и точности исландскаго преданія. Припомнимъ, что время короля Сигурда гораздо ближе къ Снорре-Стурлесону, чѣмъ время Гаральда Гардрада.

410 Послѣ приведенныхъ примѣровъ намъ легче будетъ отвѣчать на вопросы: что̀ такое исландская сага, въ какой степени она можетъ служить историческимъ матеріаломъ, то-есть, насколько въ ней обрѣтается дѣйствительной фактической исторіи, и какъ отдѣлить въ ней историческій элементъ отъ поэзіи и баснословія?

VI.

Пѣсни скальдовъ, какъ единственный историческій матеріалъ въ сагахъ для вопроса о Варягахъ.

Во-первыхъ, чисто историческій элементъ находится не во всѣхъ исландскихъ сагахъ, а только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Всякій прозаическій разсказъ, относится ли его содержаніе

къ области вымысла или имѣетъ историческую подкладку, называется у Исландцевъ сагою (saga, sögur). Большое различіе въ самомъ содержаніи сагъ прежде всего было замѣчено наукой, и критика давно распредѣляетъ саги на нѣсколько видовъ, отдѣляя «вымышленныя» отъ «историческихъ». Было время, когда, по слѣдамъ Саксона Грамматика, всѣхъ миѳическихъ героевъ саги, начиная съ Одина, выдавали за скандинавскихъ князей, но это время давно прошло. Всѣхъ болѣе и прежде другихъ содѣйствовалъ этому датскій ученый епископъ Мюллеръ. Онъ съ достаточною для своего времени точностію изучилъ исторію развитія исландскаго дѣписанія и сдѣлалъ опытъ подробнаго разбора отдѣльныхъ до насъ дошедшихъ прозаическихъ памятниковъ сѣверной письменности. Онъ пытался опредѣлить, какія саги имѣютъ дѣйствительную историческую основу, и какія вымышлены, и потомъ—къ какому времени относится происхожденіе той или другой саги (не письменная редакція). Отъ его проницательности и—по времени—весьма здравой критики не ускользнуло то обстоятельство, что и саги съ историческою основой имѣютъ добавленія совершенно другого характера. На основаніяхъ, указанныхъ Мюллеромъ, раздѣляютъ саги на миѳическія, романтическія, полуисторическія и вполнѣ историческія [1]).

Твердой грани и точныхъ внѣшнихъ признаковъ нѣтъ и не могло быть. Мюллеръ очень часто считаетъ сагу историческою только потому, что лицо, о которомъ въ ней говорится, есть историческое, то-есть, упоминается въ исландскихъ родословныхъ, огромная масса которыхъ заключается въ Landnámabók, или 411
упоминается въ другихъ сагахъ, уже признанныхъ историческими. — Ни тотъ ни другой признакъ въ настоящее время и предъ судомъ болѣе строгой критики не можетъ быть признанъ рѣшительнымъ. Если Илья Муромецъ упоминается въ русскихъ письменныхъ сказаніяхъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что былины объ Ильѣ Муромцѣ заключаютъ въ себѣ чисто историческое фактическое содержаніе. Слагатели сагъ могли брать и дѣйствительно брали своихъ исландскихъ земляковъ въ герои такихъ

1) См. Rosselet, Isländische Litteratur, стр. 290 (въ Энциклопедіи Эрша и Грубера).

разсказовъ, матеріалъ которыхъ былъ заимствованъ изъ домашняго сказочнаго запаса и народныхъ пѣсенъ или же принесенъ съ далекой чужбины—и съ особенною охотою именно въ послѣднемъ случаѣ. Новѣйшая критика причисляетъ Греттирову сагу уже не къ историческимъ, какъ Мюллеръ, а къ такъ называемымъ «лживымъ сагамъ», lygisögur[1]). Сюда же критика относитъ и Финнбогову сагу (Finnbogasaga), и мы не знаемъ, исключитъ ли она изъ этого рода и сагу о Рафнкелѣ (Hrafnkels saga), хотя герои обѣихъ будто бы извѣстны были въ самомъ Миклагардѣ. Помѣщать сказочныя событія въ сказочную страну, въ тридесятое государство, такъ же естественно для народной и ненародной фантазіи, какъ и украшать домашнихъ героевъ чужими перьями. Впрочемъ, разсказъ о похожденіи Финнбога въ чужихъ странахъ даже издателями Antiquités Russes считается почти баснословнымъ, хронологія его путешествія въ Царьградъ несоотвѣтственною съ дѣйствительною исторіей (Antiquités Russes II, 320 и сл.). Только русскіе изслѣдователи хотятъ быть plus royalistes que le roi. Для нихъ Норманнъ, сражавшійся на родинѣ съ какимъ-то «синимъ человѣкомъ» (blámadhr негръ, а по другому объясненію—великанъ) и потомъ отправленный Гакономъ, норвежскимъ ярломъ, въ Миклагардъ за полученіемъ денежнаго долга, есть драгоцѣнная находка, — не столько потому, что онъ показываетъ въ Константинополѣ снова свою необычайную силу, поднявъ императора съ его престоломъ на воздухъ и пронеся его такъ значительное пространство, сколько потому, что должникъ, за которымъ снаряжена была маленькая норвежская экспедиція, сдѣлался изъ раззорившагося купца hirdhmadhr'омъ греческаго короля Іоанна (satelles — гридень — regis Johannis). Такимъ образомъ получается Норманнъ, служившій въ греческой службѣ во время Іоанна Цимисхія (969—976 гг.). Положимъ,

1) <Приговоръ слишкомъ строгій. Новѣйшая критика по прежнему причисляетъ Греттирову сагу къ историческимъ сагамъ объ исландцахъ (Islendingasogur), чѣмъ, конечно, еще не признается историческая достовѣрность всѣхъ ея эпизодовъ и подробностей. Съ бо́льшимъ правомъ названіе «вымышленной саги» (lygisaga) можетъ быть примѣнено къ Финнбоговой сагѣ (о которой см. между проч. изслѣдованіе Ѳ. Д Батюшкова въ Ж. М. Н. Пр. Февраль—іюль 1885), тогда какъ сага о Рафнкелѣ снова возвращаетъ насъ къ чистому типу Islendingasaga. Ѳ. Б>

что онъ не называется Вэрингомъ, но это еще лучше: онъ называется «гриднемъ». Слово hirdhmadhr объявляется такимъ же техническимъ словомъ, какъ и слово Вэрингъ, и означаетъ точно такъ же, какъ и послѣднее, Норманновъ, служившихъ въ Византіи, 412
хотя на самомъ дѣлѣ оно рѣшительно не заключаетъ въ себѣ ничего византійско-техническаго и постоянно, даже въ той же самой сагѣ, употребляется для выраженія домашнихъ, то-есть, скандинавскихъ отношеній короля или князя къ его приближеннымъ. Слово Вэрингъ, по своему происхожденію относящееся или относимое къ самой глубокой обще-тевтонской древности, по употребленію превращается въ младшее, болѣе новое, чѣмъ «гирдмадръ»: сначала оно, это послѣднее, употреблялось для обозначенія Норманновъ, служившихъ въ Византіи, и на ряду съ нимъ стоитъ терминъ совершенно такого же характера (handgenginn), а потомъ вошло въ употребленіе и болѣе древнее выраженіе. Все это намъ кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, и думается, что мы поступили благоразумно, не упомянувъ совершенно Финнбога и Берси въ числѣ вѣроятныхъ скандинавскихъ Вэринговъ. Вовсе не можетъ служить признакомъ историчности тѣхъ или другихъ событій, того или другого лица и то, что о немъ упоминается въ другихъ сагахъ. Такая взаимная порука совершенно естественна, потому что слагатели и составители сагъ часто любили пользоваться готовымъ матеріаломъ, но только такая порука не имѣетъ никакого значенія въ вопросѣ о достовѣрности преданія.

Во-вторыхъ, допуская первоначальную историческую основу въ собственно исландскихъ сагахъ (Jslendinga Sögur) и предполагая, что это основа народная, мы не можемъ въ нихъ видѣть, какъ это видѣлъ Э. Мюллеръ, вѣрное воспроизведеніе хронологически опредѣленной исторіи. Въ каждой героической сагѣ историческій элементъ будетъ находиться только въ томъ видѣ, какъ онъ отразился въ поэтическомъ созерцаніи народа и какъ онъ постоянно съ теченіемъ времени измѣнялся въ постоянно живой народной фантазіи, прежде чѣмъ былъ закрѣпленъ письменною редакціей.

А эта письменная редакція во всякомъ случаѣ будетъ довольно позднею относительно времени предполагаемаго происхо-

жденія саги. Въ началѣ своей статьи, говоря о сагахъ, интересныхъ для насъ по упоминаемымъ въ нихъ Вэрингамъ, мы принимали самое благопріятное для ихъ древности мнѣніе датскихъ и норвежскихъ ученыхъ. Но и при этомъ самыя древнія саги относятся по времени письменной редакціи къ первой половинѣ XII столѣтія, а событія и лица, въ нихъ дѣйствующія, къ са-
413 мому началу XI вѣка [1]). Съ нѣкоторымъ колебаніемъ и большимъ рискомъ можно еще допустить, что въ теченіе такого промежуточнаго времени устная сага могла не утратить своего первоначальнаго колорита или не измѣниться въ своихъ подробностяхъ; что, напримѣръ, Вэринги не явились въ ней такъ, какъ явились Татары въ русскихъ былинахъ о богатыряхъ Владиміра. Но какъ мы поручимся за сагу о Рафнкелѣ, событія которой должны относиться къ первой половинѣ X вѣка, а письменная редакція—по меньшей мѣрѣ къ концу XII столѣтія? Что мы должны будемъ сказать съ этой точки зрѣнія о сагѣ, въ которой дѣйствуетъ уже извѣстный намъ современникъ двухъ не современныхъ государей (Цимисхія и ярла Гакона; см. Antiquités Russes, l. c.)—богатырь Финнбоги? Строгая критика не только имѣетъ право, но и обязана заявить самыя рѣшительныя сомнѣнія относительно

---

1) Конрадъ Мауреръ относительно собственно исландскихъ сагъ замѣчаетъ, что Мюллеръ и его послѣдователи все-таки слишкомъ рано полагаютъ письменную редакцію оныхъ. По его мнѣнію, предположеніе, что уже въ теченіе XII вѣка было записано значительное количество исландскихъ сагъ, основано на ложномъ объясненіи и, быть можетъ, на ложномъ чтеніи одного и единственнаго мѣста въ Sturlungasaga, между тѣмъ какъ самыя полновѣсныя свидѣтельства отодвигаютъ начало сагописанія къ 1170—1180 годамъ. Стиль и языкъ сохранившихся до насъ сагъ вполнѣ сходится съ такими указаніями, такъ что изъ всѣхъ дошедшихъ до нашего времени исландскихъ сагъ—Islendinga Sögur — только самая древняя, именно Heidharvigasaga, можетъ принадлежать концу XII вѣка (Ueber die Ausdrucke, стр. 497 и сл.). <Извѣстная фраза Sturlungasaga (ed. Vigfússon I, 86), на которую здѣсь намекаетъ В. Г. Васильевскій, была предметомъ долгихъ споровъ между учеными, но въ настоящее время вопросъ о ея смыслѣ можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ тѣми соображеніями, которыя привелъ F. Jónsson (въ предисловіи къ изданію Egilssaga Skallagrímssonar 1894, стр. IV примѣч.; ср. также его LH. II, 269 ss. и Mogk l. c. p 182). Въ результатѣ получается выводъ, что большинство такъ наз. Islendingasögur дѣйствительно записано еще въ XII вѣкѣ, а не одна только Heidharvígasaga, какъ полагалъ В. Г. Впрочемъ, вопросъ этотъ не имѣетъ существеннаго значенія для его выводовъ. Въ общемъ, онъ былъ правъ, довѣряя главнымъ образомъ работамъ Маурера, взгляды котораго легли въ основу почти всѣхъ дальнѣйшихъ работъ въ этой области. Ѳ. Б.>

того, чтобы всѣ частности и подробности, вся терминологія, находящіяся въ письменной сагѣ, дѣйствительно относились къ той эпохѣ, которой должно принадлежать ея содержаніе, ея сюжетъ; она не повѣритъ, чтобы все это было точно, вѣрно и сохранно донесено устнымъ преданіемъ чрезъ пространство, считаемое двумя и тремя сотнями лѣтъ. Правда, есть особая теорія о происхожденіи сагъ, по которой все нами считаемое невозможнымъ оказалось бы совершенно естественнымъ. Но даже въ приложеніи къ сагамъ о норвежскихъ короляхъ (Sögur Noregs konunga), для которыхъ она преимущественно и создана, эта теорія не выдерживаетъ критики и въ настоящее время, кажется, можетъ быть почитаема оставленною и опровергнутою [1]).

Королевское общество сѣверныхъ антикваріевъ, издавшее 414
великолѣпные томы, которые носятъ заглавіе: «Древности Русскія по историческимъ памятникамъ Исландцевъ и древнихъ Скандинавовъ» (Antiquités Russes, d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves), оказало, конечно, великую услугу русской исторіи, но оно же упрочило у насъ ложный взглядъ на историческую цѣнность матеріала, предложеннаго имъ къ услугамъ русской исторіи. Идя по слѣдамъ Мюллера, издатели «Русскихъ Древностей» принимали, что записываніе сагъ, относящихся къ Исландіи и Норвегіи, было въ сущности дѣломъ совершенно механическимъ: нужно было записать разсказъ вполнѣ законченный, давно окрѣпшій и окаменѣлый въ своей формѣ и содержаніи и въ такомъ видѣ переходившій изъ устъ въ уста. Вотъ какъ отвѣчаютъ они на вопросъ, что̀ такое историческая исландская сага:

«Слово сага происходитъ отъ segia — говорить, и значитъ просто разсказъ, преданіе (tradition). Но это этимологическое

1) Говоря это, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, изслѣдованія и статьи Конрада Маурера въ Запискахъ Мюнхенской Академіи (Abhandlungen der Bayer. Academie der Wissenschaften. Philos.-Philol. Classe, XI Bd., S. 457—706, 1867 г.; много разъ цитуемое нами сочиненіе носитъ такое заглавіе: Ueber die Ausdrücke altnordische, altnorwegische und isländische Sprache) и въ Журналѣ для нѣмецкой филологіи (Zeitschrift für deutsche Philologie. Erster Bd., 1869: Ueber die norwegische Auffassung der nordischen Literaturgeschichte, S. 25—88). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не только опираемся на общепризнанный авторитетъ Маурера, но заимствуемъ у него иное буквально.

опредѣленіе не исчерпываетъ вполнѣ идеи, которая должна соединяться съ представленіемъ объ исландской сагѣ. Подъ сагою разумѣютъ не только устное преданіе, что̀, конечно, составляетъ существенную часть идеи слова, но разсказъ чистый (pur), ясный и достаточно подробный о фактахъ, изложенный такъ, что онъ представляетъ намъ опредѣленное и законченное цѣлое. Если мы будемъ держаться этой идеи, то намъ легко будетъ опредѣлить отношеніе между сагами записанными и тѣми, которыя передавались устно. Эти послѣднія совпадали, такъ сказать, съ фактами, о которыхъ онѣ сообщали. Для того чтобъ онѣ могли переходить изъ устъ въ уста, не теряя на пути обстоятельствъ второстепенныхъ, но важныхъ, было необходимо тотчасъ же привести ихъ въ извѣстную форму, которая потомъ удерживалась постоянно, допуская только незначительныя измѣненія. Именно эта точно опредѣленная форма составляетъ существенный признакъ исландскихъ сагъ. Именно этой древней формѣ, столько же, сколько ихъ законченной округленности, обязаны мы ихъ сохраненіемъ, иначе не объяснимымъ, отъ времени, когда еще не было извѣстно искусство письма. Отсюда далѣе слѣдуетъ, что при такихъ обстоятельствахъ отдѣльному лицу не было никакого случая проявить свою личность (de se faire valoir). Саги, подъ которыми мы разумѣемъ первоначальную массу старинныхъ преданій, обязаны были своимъ происхожденіемъ себѣ самимъ. Онѣ получили свою редакцію и опредѣленную форму въ устахъ народа, такъ что нельзя было указать автора въ томъ или другомъ лицѣ, и послѣдующему разсказчику или записчику оставалось только принять за основу готовый разсказъ (du récit une fois fait), убавляя или прибавляя въ разныхъ мѣстахъ, но не внося никакого замѣтнаго измѣненія въ первоначальной основѣ (noyau) исторіи. Вотъ причина, по которой мы видимъ, что большая часть фактовъ, сообщаемыхъ намъ сагами, разсказаны совершенно одинаковымъ образомъ, иногда даже тѣми же самыми выраженіями... Послѣдующіе списатели (copistes) сагъ не называли себя по имени изъ такого же естественнаго побужденія, какъ древніе исторіографы классическіе (?); они очень хорошо чувствовали, что исполняютъ только роль кописта и не имѣютъ никакой авторской заслуги» (Antiquités Russes I, 235 и сл.).

Такой взглядъ пользуется тѣмъ бо̀льшимъ сочувствіемъ многихъ сѣверныхъ ученыхъ, что онъ служитъ особаго рода мѣстному патріотизму, основанному на взаимномъ соперничествѣ сѣверныхъ племенъ. Норвежцы и Датчане не хотятъ оставить за Исландцами всей литературной славы, которая имъ принадлежитъ, какъ авторамъ не только исландскихъ, но также норвежскихъ историческихъ сагъ и вообще сѣвернаго дѣписанія. Такъ какъ устное преданіе по самой природѣ своей должно исходить отъ той географической мѣстности, съ которою связываются относящіяся сюда событія, то ясно, что Исландцамъ относительно норвежской исторіи по вышеизложенной теоріи будетъ принадлежать только одна заслуга: они записали, придали письменную форму устному преданію, которое сложилось въ самой Норвегіи; объ авторской, сочинительской дѣятельности въ собственномъ смыслѣ слова не должно быть и рѣчи.

Но болѣе безпристрастная и не замѣшанная въ такого рода вопросахъ, въ то же время болѣе трезвая и строгая, повѣйшая критика совершенно отвергаетъ всѣ основныя положенія теоріи Мюллера, Мунха, Кейзера. Она допускаетъ, что, дѣйствительно, цѣлая масса устныхъ преданій могла обращаться у Исландцевъ и Норвежцевъ, прежде чѣмъ кто-нибудь вздумалъ записывать эти преданія; но эти преданія — совершенно такъ же, какъ и въ настоящее время — переходили изъ устъ въ уста чрезъ посредство отдѣльныхъ лицъ, и обусловленныя этимъ, въ формѣ постоянно измѣняющейся, подвергались и въ своемъ содержаніи 416
въ разныя времена, въ устахъ различныхъ лицъ, разнообразнымъ измѣненіямъ. Конечно, въ тѣ времена, когда искусство письма было еще мало употребляемо, память была гораздо вѣрнѣе и надежнѣе, чѣмъ въ наши письмолюбивыя времена; конечно, все то, что̀ было производимо людьми особенно даровитыми и что̀ переступало границу общедоступности, большею частію сейчасъ же исчезало изъ памяти, такъ какъ толпа не въ состояніи была подхватить и нести далѣе то, что было ей не по плечу; а такъ какъ письмо еще не могло придти на помощь, то пріобрѣтенное указаннымъ путемъ не сохранялось и для немногихъ, болѣе даровитыхъ; конечно, различіе, всегда существующее между образованными и необразованными членами націи, въ

древности было меньше—именно вслѣдствіе того, что оно образуется накопленіемъ произведеній умовъ выдающихся и постояннымъ пользованіемъ ими со стороны одинаково одаренныхъ натуръ. Но при всемъ этомъ рѣчь можетъ быть только о различіи въ степени, а не въ родѣ. И самая счастливая память обладаетъ только ограниченною степенью воспріимчивости. Такимъ образомъ, живущее въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ преданіе различнымъ образомъ ограничивалось, смотря по дарованію, склонности, жизненному положенію отдѣльнаго лица, а съ другой стороны — вновь образующіяся преданія постоянно становились на мѣсто болѣе древнихъ, и эти послѣднія не могли жить рядомъ съ первыми. Вѣчный приливъ и отливъ стараго и новаго давалъ себя чувствовать; преданіе постоянно оставалось въ состояніи текучести, и воспоминаніе хватало назадъ только до опредѣленнаго ряда поколѣній, а далѣе позади ихъ исчезало всякое твердое очертаніе и надежная опора; каждому индивидууму принадлежало личное участіе какъ въ передачѣ, такъ и въ самой духовной производительности, подобно тому какъ и теперь, наоборотъ, каждый индивидуальный сочинитель есть все-таки сынъ своего времени и народа.

Въ поэтической формѣ преданія его вѣрность, правда, охраняется крѣпостію формы и гармоническимъ размѣромъ стиха; но сага именно не имѣла этой опоры, такъ какъ ея принадлежность—прозаическая форма. На ряду съ этимъ простымъ (прозаическимъ) преданіемъ появляется, конечно, и поэтическое (пѣсни скальдовъ), которое можетъ простираться въ старину гораздо далѣе, но нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы поэтическое преданіе началось ранѣе, чѣмъ первое, или съ самаго начала служило для него опорой.

Никто не отвергаетъ, что исландско-норвежское дѣописаніе,
417 во главѣ котораго по времени стоитъ Аре Фроди (1067—
1148 гг.), какъ и всякое другое, первоначально зависѣло отъ устнаго древняго преданія. Оно зависѣло отъ него потолику, поколику не пыталось иногда дополнять данный преданіемъ матеріалъ собственными выдумками или заимствованіями изъ иностранныхъ сочиненій, каковы Вильгельмъ Жюмьежскій, Адамъ Бременскій и другіе (см. Maurer). Но только отсюда никакъ не

слѣдуетъ, что то устное преданіе привязано было къ какой-нибудь опредѣленной формѣ. Напротивъ, каждому отдѣльному сагописателю предоставлялась полная возможность и свобода собирать свой матеріалъ отъ отдѣльныхъ знающихъ лицъ и потомъ придавать ему такую форму, какая ему нравилась.

Такъ поступилъ Аре Фроди, авторъ перваго по времени историческаго сочиненія (Jslendingabók), написаннаго на древнесѣверномъ языкѣ. Его небольшая, но тѣмъ болѣе драгоцѣнная книжка содержитъ въ себѣ хорошо расположенный, но очень краткій и сухой хронологическій обзоръ важнѣйшихъ эпохъ Исландской исторіи. Она составлена на основаніи собственныхъ воспоминаній Аре Фроди и на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ отъ самыхъ различныхъ по своему положенію и званію лицъ, которыхъ онъ считалъ правдивыми и спеціально знающими факты въ той или другой области. Аре постоянно приводитъ имена своихъ поручителей и даже имена тѣхъ, отъ кого его поручители слышали о томъ или другомъ событіи или лицѣ, и это дѣлаетъ онъ всегда по поводу какого-либо отдѣльнаго пункта или факта. Сочиненіе современника Аре, Сэмунда Фроди, написанное на латинскомъ языкѣ и содержавшее уже не Исландскую собственно исторію, а хронику Норвежскихъ королей, было такимъ же сухимъ и скуднымъ хронологическимъ перечнемъ, какъ и книжка Аре[1]). Одинаковаго съ послѣднимъ метода держались тѣ сочинители, которые во второй половинѣ XII вѣка писали исторію своего собственнаго или близкаго имъ времени: Ейрикъ Оддсонъ, авторъ потеряннаго сочиненія (Hryggiarstykki, Хребтовая часть), монахи Оддъ и Гуннлаугъ, сочинившіе оба по латинской легендѣ о королѣ Олафѣ Триггвасонѣ. Здѣсь тѣ же самыя ссылки на отдѣльныхъ свидѣтелей для отдѣльныхъ фактовъ, какъ это видно изъ сохранившейся[2]) легенды монаха Одда, какъ это засвидѣтель-

1) ‹Такъ какъ сочиненіе Сэмунда до насъ не дошло, то мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго о характерѣ и методѣ изложенія его. Даже языкъ не извѣстенъ. Вѣроятно впрочемъ, что онъ писалъ по-латыни, — если вообще писалъ, что̀ нѣкоторыми учеными, напр. Штормомъ, совершенно отрицается. Ѳ. Б.›

2) ‹Сохранились лишь отрывки исландскаго перевода въ трехъ редакціяхъ, тогда какъ латинскій оригиналъ до насъ не дошелъ. Ѳ. Б.›

ствовано относительно его и относительно Гуннлауга однимъ позднѣйшимъ сборникомъ (Flateyjarbók), перечисляющимъ имена приведенныхъ ими поручителей. Притомъ сочиненіе Гуннлауга, судя по слѣдамъ, которые отъ него остались въ позднѣйшихъ
418 сборникахъ, подобно сочиненію Одда, имѣло болѣе легендарный церковный характеръ, чѣмъ чисто историческій, имѣло въ виду болѣе духовное назиданіе читателя, чѣмъ сообщеніе точныхъ историческихъ свѣдѣній. Саги объ Олафѣ Святомъ, явившіяся также въ XII вѣкѣ, имѣли характеръ совершенно сходный съ произведеніями двухъ монаховъ, сейчасъ названныхъ.

Первыя историческія сочиненія, которыя можетъ выставить сѣверная литература, суть, очевидно, продукты чисто личнаго, совершенно индивидуальнаго авторства. Историческая литература сѣвера не имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ записываніе сагъ, обращающихся въ устномъ преданіи, и нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобъ исторія Норвежскихъ королей получила полную закругленную форму первоначально въ устномъ пересказываніи и въ этой формѣ была записана. Что касается огромной массы тѣхъ сочиненій, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ XIII и XIV вѣкамъ, то и о нихъ нужно сказать то же самое. Тѣ изъ нихъ, которыя излагаютъ современную исторію, ссылаются на непосредственное знаніе ихъ сочинителей или на документы, находившіеся въ ихъ рукахъ, а также на свидѣтельства различныхъ названныхъ и не названныхъ поручителей, и ничто не даетъ права предполагать, что сагосоставитель обязанъ былъ этимъ послѣднимъ чѣмъ-нибудь большимъ, кромѣ отдѣльныхъ сообщеній объ отдѣльныхъ фактахъ, которыя онъ потомъ соединилъ въ одно цѣлое съ тѣмъ, что̀ заимствовалъ изъ другихъ источниковъ, придавъ всему угодную ему форму.

Предположеніе, что ранѣе Исландцевъ Аре Фроди, Сэмунда и Одда существовали собственно норвежскіе писатели, ближе сочувствующіе мѣстной народной литературѣ и положившіе начало записыванію готовыхъ сложившихся и цѣльныхъ сагъ, — ни на чемъ не основано. Первый несомнѣнпаго норвежскаго происхожденія историческій писатель есть монахъ Теодорикъ, который между 1176 и 1188 [1]) годами написалъ на латинскомъ языкѣ свое

1) ‹Точнѣе: между 1177 и 1180 гг. См. ниже, стр. 260$_2$. Ѳ. Б.›

сочиненіе «de antiquitate regum Norwagiensium». Но онъ прямо говоритъ, что до него никто не принимался еще за норвежскую исторію, то-есть, очевидно, никто изъ норвежскихъ уроженцевъ, ибо на Исландцевъ самъ же Теодорикъ нѣсколько разъ ссылается (См. Maurer, Ueber die Ausdrücke, стр. 690, примѣч. 52). Никакъ не видно также, чтобы въ его время въ Норвегіи существовали такіе хранители народнаго преданія, въ устахъ которыхъ вся прошедшая исторія имѣла бы видъ полныхъ, законченныхъ и опредѣленныхъ разсказовъ; ибо что̀ заставило бы въ такомъ случаѣ Теодорика обращаться къ Исландцамъ, что̀ помѣ- 419
шало бы ему призвать къ себѣ въ келлію такихъ сказателей— вмѣсто того, чтобы воздавать честь чужестранцамъ, пренебрегая земляками?

Существовалъ, конечно, у Норвежцевъ, и преимущественно Исландцевъ, обычай разсказывать «саги» о древнихъ и новыхъ, даже о живыхъ герояхъ — особенно при торжественныхъ случаяхъ и при народныхъ собраніяхъ. Но нѣтъ причины думать, чтобъ это были сейчасъ же окаменѣлые по формѣ и содержанію или художественные разсказы. Одинъ изъ спутниковъ Гаральда Норвежскаго, Исландецъ Гальдоръ Снорресонъ, разсказывалъ сагу объ его путешествіяхъ и походахъ въ домѣ своего знакомаго; другой Исландецъ Торстейнъ Фроди потомъ повѣствовалъ о томъ же предъ самимъ королемъ Гаральдомъ (Scripta histor. Island. VI p. 331). Когда король спросилъ Торстейна, откуда онъ такъ хорошо все это знаетъ, то разсказчикъ отвѣчалъ, что онъ нѣсколько разъ годъ за годомъ въ народныхъ собраніяхъ слушалъ разсказы объ этомъ именно вышеупомянутаго Гальдора Снорресона. Нужно ли представлять, что повѣствованіе Торстейна сколько-нибудь похоже было на сагу, которую мы теперь имѣемъ? Объ этомъ и думать нельзя, помимо другихъ основаній, уже потому, что Торстейнъ объ однихъ странствованіяхъ Гаральда разсказывалъ цѣлые тринадцать вечеровъ, а то, что̀ мы теперь объ этомъ имѣемъ, удобно можетъ быть разсказано въ одинъ вечеръ.

Наконецъ, ни взаимное сходство между сагами и различными ихъ редакціями, ни безымянность многихъ сагъ ничего не доказываютъ относительно зависимости ихъ отъ устнаго преданія.

Сходство просто объясняется литературнымъ заимствованіемъ, которое такъ было развито во всѣхъ средневѣковыхъ литературахъ и которое, какъ это теперь уже во многихъ случаяхъ хорошо обнаружено новѣйшими изслѣдованіями, было въ обычаяхъ и сѣверныхъ сагослагателей. Безымянность же многихъ сагъ также не представляетъ чего-нибудь необычайнаго или неудобообъяснимаго. Притомъ она далеко не есть общее явленіе; однѣ саги не имѣютъ названныхъ по имени авторовъ, а другія, напротивъ, принадлежатъ извѣстнымъ лицамъ.

Совершенно несомнѣнные признаки убѣждаютъ насъ въ томъ, что, когда исландско-норвежское дѣписаніе обратилось отъ современности или прошлаго, настолько близкаго, что оно еще не изгладилось изъ памяти отдѣльныхъ лицъ, къ болѣе отдаленнымъ временамъ, и особенно къ временамъ глубокой древности, то здѣсь именно и обнаружилась слабость, скудость и безформенность народнаго преданія. Въ первой половинѣ XIII вѣка знатный Исландецъ Снорре Стурлесонъ († 1241 г.), близкій ко двору королей Норвегіи и хорошо знакомый со страною, взялъ на себя трудъ представить связную исторію норвежскихъ королей въ цѣломъ рядѣ сагъ, начавъ отъ самой глубокой древности. Онъ скоро убѣдился въ недостаточности средствъ, которыя находились у него подъ рукою. Онъ очень часто ссылается на устное преданіе, уже не называя опредѣленныхъ лицъ. Но видно сейчасъ же, какого труда ему стоило собрать разные элементы этого преданія. Большею частію это мѣстныя преданія, привязанныя къ различнымъ мѣстнымъ памятникамъ: могиламъ, погребальнымъ холмамъ и насыпямъ, грудамъ камней, къ названіямъ разныхъ мѣстностей, а также фамильныя преданія знатныхъ родовъ, начиная съ его собственнаго. Ссылки на «знающихъ людей», на преданіе вообще—довольно часты въ Heimskringla. Но часть ихъ можетъ относиться къ письменному преданію, а другая остающаяся часть, несомнѣнно принадлежащая народной традиціи, носила общій характеръ преданія, отличалась смутностію, противорѣчіями, неопредѣленностію и недостовѣрностію. Это понималъ самъ Снорре. Въ исторіи Гаральда (с. 36; ср. с. 14) онъ увѣряетъ насъ, что многое изъ того, что̀ онъ узналъ объ этомъ королѣ, онъ оставляетъ безъ всякаго упоминанія, потому

что онъ не хочетъ писать неосновательныхъ «не засвидѣтельствованныхъ» исторій. Онъ нерѣдко ставитъ рядомъ различныя мнѣнія и преданія, оставляя своему читателю избирать болѣе достовѣрныя. Это не показываетъ, чтобы Снорре былъ простымъ редакторомъ полныхъ и цѣльныхъ, вполнѣ готовыхъ устныхъ сагъ.

Литература давала ему также не особенно богатый запасъ готоваго и обработаннаго матеріала. Съ одной стороны, это были хотя совѣстливыя и точныя, но зато крайне сухія и скудныя хронологическія работы, подобныя «книжкѣ» Аре Фроди, а съ другой—легенды, полныя помазанія и назиданія, полныя чудесъ и видѣній, но мало обращавшія вниманія на хронологическую правильность и на чисто историческую дѣйствительность. Изъ такихъ ингредіентовъ предстояло Снорре Стурлесону строить исторію прошедшаго. Сильный поэтическій талантъ и глубокое знакомство съ родною поэзіей повредили при этомъ дѣлу, а также и помогли ему. Снорре Стурлесонъ первый оцѣнилъ надлежащимъ образомъ тотъ совершенно подлинный, достовѣрный и современный событіямъ источникъ, который давно существовалъ въ пѣсняхъ скальдовъ. Это было уже не народное преданіе, измѣняющееся, искажающееся, а именно преданіе, облеченное въ 421
строгую художественную стихотворную и потому неизмѣнную форму. Это были пѣсни придворныхъ поэтовъ, составленныя по извѣстнымъ точнымъ правиламъ и на извѣстные опредѣленные случаи, по извѣстнымъ поводамъ и на извѣстныхъ лицъ. Уже монахъ Теодорикъ указывалъ на пѣсни исландскихъ скальдовъ, какъ на главный источникъ знанія Исландцами норвежской исторіи. Въ древнѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ сѣверной литературы стихи вовсе не встрѣчаются, и ужъ это одно достаточно опровергаетъ предположеніе, что сагослаганіе было соединено съ самаго начала съ поэзіей въ лицѣ скальдовъ. Но есть признаки, что нѣсколько ранѣе Снорре Стурлесона стали обращаться къ этимъ пѣснямъ придворныхъ поэтовъ, вставляя отрывки ихъ въ разсказъ въ видѣ украшенія, а иногда даже въ видѣ подтвержденія истины повѣствуемаго. Но Снорре Стурлесонъ первый возвелъ пользованіе пѣснями скальдовъ въ систему, сознательно принимая ихъ за лучшій историческій документъ, за

лучшую опору исторической правды. Въ прологѣ къ Heimskringla мы читаемъ у него: «Когда Гаральдъ Прекрасноволосый былъ королемъ въ Норвегіи, тогда Исландія получила обитателей. При Гаральдѣ были скальды, и люди еще теперь знаютъ ихъ пѣсни (о немъ), а равно пѣсни о всѣхъ тѣхъ короляхъ, которые съ тѣхъ поръ были въ Норвегіи; и мы заимствуемъ наибольшую часть доказательствъ изъ того, что̀ говорится въ пѣсняхъ, которыя были пѣты предъ самыми князьями и сыновьями ихъ: мы принимали за правду все то, что̀ въ этихъ пѣсняхъ находится о походахъ или сраженіяхъ ихъ (князей). Пріемъ скальдовъ состоитъ въ томъ, чтобы болѣе всего хвалить лицо, предъ которымъ они находятся; однако ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы сказать предъ самымъ этимъ лицомъ о такихъ его дѣлахъ, о которыхъ всѣ слушающіе могли бы знать, что это пустой вздоръ и вымыселъ, такъ же какъ (могъ бы знать) и онъ самъ. Это была бы насмѣшка, а не похвала». Разумный взглядъ на поэзію скальдовъ, выраженный здѣсь, обнаруживается равнымъ образомъ и въ осторожной трезвости сужденія относительно народныхъ пѣсенъ и относительно порчи, которой подвергается устное преданіе въ противоположность пѣснямъ скальдовъ: «Одна часть исторіи написана по старымъ пѣснямъ, которыя люди сложили для препровожденія времени (для забавы). Хотя мы и не знаемъ, что̀ въ нихъ есть правды, но знаемъ однако примѣры, что прежніе знающіе люди принимали ихъ за истину». — «Пѣсни, мнѣ ду-
422 мается, всего менѣе подвержены измѣненію тогда, когда онѣ правильно пропѣты и разумно восприняты» [1]).

Но пѣсни скальдовъ, которыя разумѣются подъ правильно пропѣтыми, не представляли связнаго, подробнаго и длиннаго разсказа о королях̀ или событіяхъ; онѣ касались отдѣльныхъ случаевъ, не всегда ясно указываемыхъ, а только подразумѣваемыхъ или намекаемыхъ; всего менѣе онѣ могли удовлетворить запросу на точную хронологію для цѣлыхъ періодовъ. Многое приходилось Снорре Стурлесону дополнять своимъ соображеніемъ; многое въ сагахъ, которыя для насъ особенно важны,

1) См. объясненіе къ этому мѣсту у Маурера, Ueber die Ausdrucke, стр. 608 сл.

есть только личная комбинація автора, въ XIII вѣкѣ писавшаго о событіяхъ первой половины XI столѣтія. Эти комбинаціи, при помощи которыхъ Снорре Стурлесонъ составлялъ изъ своихъ разнообразныхъ и вообще—то въ томъ, то въ другомъ отношеніи—недостаточныхъ источниковъ одно стройное цѣлое, не могли быть всегда удачными. Снорре Стурлесонъ не хотѣлъ идти по слѣдамъ Аре Фроди и не имѣлъ въ виду ограничиться изложеніемъ отдѣльныхъ скудныхъ фактовъ, пріобрѣтенныхъ путемъ многотруднаго и скрупулёзнаго изслѣдованія и постоянно возводимыхъ къ ихъ первоначальнымъ сообщителямъ и свидѣтелямъ. Его поэтическая натура требовала художественной и полной формы, цѣльной и связной исторіи. При помощи пѣсенъ, съ одной стороны, а съ другой — при помощи болѣе обширныхъ сочиненій Одда и Гуннлауга, носившихъ церковно-легендарный характеръ, онъ успѣлъ дѣйствительно создать полную исторію, стройно и непрерывно изложенную. Пѣсни и народныя преданія дали ему не только новый и богатый матеріалъ, но также и возможность специфически-церковную окраску замѣнить болѣе свѣтскою и народною. Изъ сочиненій своихъ сейчасъ названныхъ предшественниковъ онъ не гнушался черпать подробности для своей исторіи, заимствовалъ у нихъ многія легенды и разсказы, но стремился возстановить въ нихъ послѣдовательность и порядокъ событій, на что тѣ не обращали вниманія, а иногда и отбрасывалъ излишекъ чудесъ и видѣній, когда они казались ему ненужными или совсѣмъ недостовѣрными. Нѣтъ недостатка и въ собственныхъ прибавкахъ автора; онъ допускалъ ихъ, когда являлась потребность въ болѣе картинной и подробной разрисовкѣ событій, переданныхъ только въ сухой и голой основѣ; онъ прибѣгалъ къ остроумнымъ конъектурамъ и догадкамъ, 423
чтобы связать отрывочныя извѣстія, дополнить ихъ или даже исправить. Въ одномъ отношеніи Снорре Стурлесонъ достигъ своей цѣли. Его саги о норвежскихъ корояхъ представляютъ живое и теплое, вполнѣ художественное произведеніе, которымъ онъ совершенно затмилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Но при пользованіи его трудомъ отъ новой исторической критики требуется двойная осторожность. Не весь матеріалъ, который вошелъ въ сочиненіе Снорре, имѣлъ характеръ историческій: ле-

гендами и преданіями, которыми онъ пользовался, мы не могли бы теперь пользоваться такъ, какъ онъ пользовался. Дополненія, догадки и комбинаціи самого автора также не имѣютъ для насъ обязательной силы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ переноситъ сцену дѣйствія въ чужія и далекія страны. Средства его для возстановленія прагматизма и послѣдовательности въ событіяхъ были у него на сей случай крайне недостаточны. Признано, что Снорре не былъ знакомъ съ иностранными языками, даже съ латинскимъ, на которомъ писались почти всѣ западныя лѣтописи и хроники. Только чрезъ какое-либо посредство могли дойти до него, напримѣръ, тѣ каталоги императоровъ римскихъ и византійскихъ, слѣды которыхъ съ вѣроятностію указываются въ сагѣ о Гаральдѣ, насъ интересующей; но даже въ предполагаемомъ подлинникѣ эти каталоги не вполнѣ исправны и точны. На основаніи ихъ нельзя было отличить Михаила IV Пафлагонянина отъ Михаила V Калафата. Вопреки Византійцамъ, Калафатомъ здѣсь назывался Михаилъ IV, а не Михаилъ V (см. каталогъ, напечатанный у Муратори t. V, p. 156) [1]). Несомнѣнно, что въ этихъ случаяхъ мы въ настоящее время обладаемъ гораздо лучшими средствами. Мы гораздо скорѣе и вѣрнѣе дойдемъ къ исторической истинѣ, если оставимъ въ сторонѣ комбинаціи автора — Снорре Стурлесона, касающіяся событій, отдаленныхъ отъ него и по времени и по пространству, и если совершенно отбросимъ весь неисторическій или сомнительный легендарный составъ его саги объ Олафѣ или Гаральдѣ. У насъ останутся тогда пѣсни скальдовъ, которыя онъ самъ выдавалъ за основаніе своей исторіи. Мы, конечно, не имѣемъ ихъ теперь отдѣльно и вполнѣ, но тѣ многочисленные отрывки, которые приводятся въ разныхъ редакціяхъ сагъ, составленныхъ первоначально Стурлесономъ, могутъ служить для насъ замѣною. При ближайшемъ разсмотрѣніи сейчасъ же оказывается, что современныя свидѣтельства скальдовъ лучше согласуются съ современными же или происходящими отъ современныхъ источниками

1) ‹Здѣсь передъ нами недоразумѣніе. Въ сагахъ упоминается не Михаилъ Калафатъ, а Mikael kátalaktús (= καταλλακτής), т. е. совершенно правильно — Михаилъ IV Пафлагонянинъ. Ѳ. Б.›

иностранными, чѣмъ съ прозаическою частію саги, дополняющею 424
и объясняющею ихъ на основаніи другихъ позднѣйшихъ матеріаловъ.

Мы не считаемъ нужнымъ говорить объ отношеніи различныхъ редакцій, въ которыхъ являются намъ саги о норвежскихъ корояхъ. Прежніе изслѣдователи, которые старались отказывать Снорре Стурлесону во всякой самостоятельности, ссылались на сборники, существующіе въ позднѣйшихъ рукописяхъ и содержащіе тѣ же самыя саги, которыя мы читаемъ въ Heimskringla Снорре, но съ нѣкоторыми отмѣнами и прибавленіями; они находили здѣсь настоящую древнюю редакцію сагъ, записанныхъ такъ, какъ онѣ разсказывались устно, и передѣланныхъ слегка Стурлесономъ. Новѣйшіе изслѣдователи (Мауреръ, Петерсенъ и др.) достаточно доказали, что на самомъ дѣлѣ существуетъ обратное отношеніе. Такъ называемый Flateyjarbók, Morkinskinna и пр. представляютъ только позднѣйшую редакцію сагъ, составленныхъ Снорре Стурлесономъ, съ добавленіями и вставками, взятыми изъ тѣхъ же источниковъ, которыми пользовался Снорре, и только поэтому онѣ имѣютъ иногда видъ большей древности [1]).

---

1) <Разбираемый въ шестой главѣ вопросъ объ отношеніи саги, какъ литературнаго памятника, къ устному преданію и о степени зависимости первой отъ послѣдняго является кардинальнымъ для всей работы В. Г. Васильевскаго. Аргументація автора, блестящая по своей стройной логичности и очень остроумная въ частностяхъ, даетъ кое-какія новыя соображенія, оригинально освѣщающія этотъ труднѣйшій въ исторіи исландской литературы вопросъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы этими соображеніями онъ рѣшался удовлетворительно; къ тому-же онъ поставленъ авторомъ нѣсколько односторонне и къ рѣшенію привлеченъ далеко не весь имѣющійся въ настоящее время матеріалъ. Едва-ли полное отрицаніе, къ которому въ данномъ случаѣ склоняется В. Г., можетъ считаться вполнѣ обоснованнымъ, хотя его здравый скептицизмъ и не могъ не подмѣтить слабыхъ сторонъ въ легковѣріи датскихъ и норвежскихъ ученыхъ. Отдавая полную дань справедливости остроумію автора, сумѣвшаго, не будучи начитаннымъ спеціалистомъ въ этой области, своеобразно освѣтить этотъ сложный вопросъ и высказать рядъ новыхъ и весьма цѣнныхъ замѣчаній, я все-же думаю, что зависимость саги отъ преданія гораздо больше, чѣмъ полагалъ В. Г. Въ одномъ пунктѣ, во всякомъ случаѣ, нашъ изслѣдователь ошибается: Снорре не былъ первымъ исландцемъ, который «взялъ на себя трудъ представить связную исторію норвежскихъ королей въ цѣломъ рядѣ сагъ, начавъ отъ самой глубокой древности» (см. выше стр. 252), и далеко не всѣ сборники въ родѣ Morkinskinna и проч. «представляютъ только позднѣйшую редакцію сагъ,

VII.

Дѣйствительная исторія Гаральда и его Вэринговъ въ Константинополѣ.

Сага о Гаральдѣ начинается разсказомъ о битвѣ при Стикклестадѣ, въ которой былъ убитъ братъ его Олафъ (1030 г.). По свидѣтельству скальда Бёльверка, на «слѣдующій годъ» Гаральдъ нашелъ себѣ убѣжище въ Гардарикѣ, то-есть, на Руси, и здѣсь, какъ свидѣтельствуетъ другой скальдъ — Тіодольфъ, принималъ участіе въ битвахъ и походахъ Русскаго князя, между прочимъ сражался съ Ляхами (Laesir). Изъ русской лѣтописи извѣстно, что дѣйствительно въ 1031 году Ярославъ ходилъ на Ляховъ и взялъ Червенскіе города. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, Гаральдъ съ своими норвежскими спутниками ушелъ въ Миклагардъ.

Въ большей части редакцій (Hrokkinskinna, Flateyjarbók, Morkinskinna) скандинавскіе искатели приключеній отправляются въ Константинополь далекимъ окольнымъ путемъ чрезъ земли Вендовъ (прибалтійскихъ Славянъ), черезъ Саксонію, Францію, землю Лонгобардовъ, Римъ и Апулію, и потомъ вступаютъ въ службу въ Миклагардѣ.

Но какая нужда была, отправляясь изъ Кіева, дѣлать такой длинный кругъ? Въ XI вѣкѣ Черное море носило имя Русскаго, вѣроятно — не потому, что Русскіе по нему не плавали. Извѣстіе уже само по себѣ не внушаетъ довѣрія, и спрашивается только, на чемъ оно основано?

Въ подтвержденіе такого длиннаго путешествія сага приводитъ нѣсколько стиховъ скальда Иллуге Бриндальскаго, гдѣ сказано только, что его господинъ (Гаральдъ) часто сражался до свѣту съ Франками при городѣ дѣвы (at bý snótar), и два стиха

составленныхъ Снорре Стурлесономъ» (стр. 257). У Снорре были предшественники въ этой области; 'Agrip, Morkinskinna, а можетъ быть и Fagrskinna независимы отъ Heimskringla и древнѣе послѣдней, какъ оказалось теперь. Если бъ В. Г. это зналъ, то онъ, конечно, измѣнилъ бы свой взглядъ на Снорре и его пріемы собиранія и провѣрки матеріала. Ѳ. Б.>

скальда Тіодольфа, которые гласятъ, что «Гаральдъ съ (мужественнымъ) духомъ прошелъ землю Лонгобардовъ»:

Sá er vidh lund á landi
Langbardha rédh ganga.

Ясное дѣло, что скальды въ этихъ стихахъ, приведенныхъ какъ единственное доказательство страннаго факта, вовсе не говорятъ того, что̀ утверждаетъ сага. Если мы примемъ комбинацію, ею предлагаемую, то будемъ даже поставлены въ необходимость допустить самыя невѣроятныя вещи: именно, что изгнанникъ — норвежскій принцъ оружіемъ проложилъ себѣ дорогу чрезъ Францію и Ломбардію, дабы достигнуть южной Италіи. Скальдъ говоритъ, что Гаральдъ сражался съ Франками: онъ дѣйствительно могъ съ ними сражаться, послѣ того, какъ уже поступилъ въ службу византійскаго императора. Подъ Франками скальдъ, конечно, разумѣлъ французскихъ Норманновъ, которые во время Гаральда овладѣли византійскою частью Италіи; въ борьбѣ съ ними Гаральдъ дѣйствительно участвовалъ. Лонгобардія Тіодольфа есть равнымъ образомъ Лонгобардія византійская, то-есть, старая Лонгобардская земля, иначе Апулія и Калабрія (ср. Cedren. II, 514, 525). Гаральдъ сражался съ Франками и былъ въ землѣ Лонгобардской не на пути въ Миклагардъ, а прибылъ сюда изъ Миклагарда вмѣстѣ съ византійскою арміей, отправленною противъ Франковъ.

Не только нѣтъ никакой нужды предполагать, что Гаральдъ прибылъ въ Грецію не прямо изъ Россіи, но напротивъ, именно это говоритъ болѣе древняя редакція саги (Heimskringla) — на основаніи, повидимому, стиховъ скальда Бёльверка, описавшаго морское путешествіе Гаральда и прибытіе его въ Константинопольскую гавань.

Всего вѣроятнѣе, что Гаральдъ, прибывшій изъ Россіи, при вступленіи въ византійскую службу присоединился вмѣстѣ съ своими спутниками къ тому большому русскому корпусу, существованіе котораго намъ извѣстно, и который около 1033 года дѣйствовалъ въ Малой Азіи. Это намъ кажется вѣроятнымъ a priori, но это же слѣдуетъ изъ современной поэзіи скальдовъ, 426
хотя сага косвенно утверждаетъ совершенно противное.

Heimskringla и всѣ другія подробныя редакціи приводятъ восемь стиховъ скальда Тіодольфа:

«Юноша, ненавистникъ змѣиной руды (золота, то-есть, щедрый, расточительный), на подобіе краснаго пламени, подвергалъ себя опасностямъ; могутъ быть названы восемь десятковъ городовъ, взятыхъ въ землѣ Сарацинской, прежде чѣмъ страшный Сарацинамъ собиратель войска, покрытый щитомъ, отправился совершать игру Гильды (то-есть, воевать) въ равнинѣ Сицилійской».

(Segja má tekna ótta togu borga á Serklandi, ádhr herskordhudhr gekk — Sikileyju: слова поставлены по порядку естественной конструкціи. Союзъ ádhr въ одномъ латинскомъ переводѣ переданъ ante quam — ibat; въ другомъ — quo facto).

Итакъ, прежде чѣмъ Гаральдъ появился въ Сициліи, онъ воевалъ съ Сарацинами гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, и тамъ, при его участіи, взяты были 80 городовъ. Сага во всѣхъ своихъ редакціяхъ представляетъ дѣло совершенно наоборотъ [1]). Изъ Сициліи, куда онъ прибылъ съ Гирги (то-есть, съ Георгіемъ Маніакомъ) прямо изъ Константинополя и непосредственно послѣ вступленія въ Вэринги, Гаральдъ переправился въ Сарацинскую землю, подъ которою слагатель саги разумѣлъ Африку, и взялъ въ ней 80 городовъ. Только монахъ Теодорикъ (1176—1188гг.) [2]) ставитъ подвиги Гаральда въ другомъ порядкѣ, болѣе согласно съ точнымъ смысломъ стиховъ скальда Тіодольфа:

«Iste Haraldus in adolescentia sua multa strenue gesserat, subvertendo plurimas civitates paganorum (80 городовъ?) magnasque pecunias auferendo in Ruscia, in Aethiopia, quam nos materna lingua Blaland vocamus; inde Hierosolymam profectus est, ubique famosus et victoriosus. Postea peragrata Sicilia, magnaque pecunia ab id locorum extorta venit Constantinopolim ibique apud imperatorem accusatus, inflicta eidem imperatori satis probrosa ignominia, inopinabili fuga elapsus est».

---

1) <Это неточно: въ Heimskringla и другихъ редакціяхъ борьба съ Сарацинами и взятіе 80 городовъ предшествуютъ походу на Сицилію. Ѳ. Б.>

2) [Monumenta historica Norvegiae latine conscripta. Ed. G. Storm. Kristiania 1880, p. 57. По Шторму, введ. VIII, Теодорикъ писалъ между 1177 и 1180 гг.]

Здѣсь пропущена Серкландія — страна Сарацинская, но во всякомъ случаѣ Сицилія выдается вовсе не первоначальнымъ мѣстомъ подвиговъ Гаральда, какъ это дѣлается въ сагѣ.

Откуда происходитъ такое противорѣчіе между источниками первоначальными и сагой, ихъ истолковательницею?

Подъ Сарацинскою землею сага разумѣетъ Африку, какъ это прямо объяснено въ Heimskringla и Morkinskinna: «Affríká, 427
er Vaeringjar kalla Serkland», Африка, которую Вэринги называли Серкландіей. Не знаемъ, какіе Вэринги называли Серкландіей Африку, но смѣло утверждаемъ, что скальды не только могли разумѣть, но и дѣйствительно разумѣли подъ этимъ названіемъ нѣчто другое, куда можно было достигнуть, минуя Сицилію.

Въ географическомъ трактатѣ исландскаго аббата Николая, относимомъ къ половинѣ XII вѣка, слѣдовательно, гораздо болѣе близкомъ по времени къ скальдамъ Гаральда, при описаніи Азіи говорится, что третья рѣка, вытекающая изъ Рая, называется Тигромъ и течетъ по Серкландіи: Tigris—fellr of Serkland (Antiquités Russes II, 400). Въ одной редакціи позднѣйшихъ исландскихъ лѣтописей говорится, что Ираклій, императоръ византійскій, принесъ въ Миклагардъ крестъ Господа изъ Серкландіи (ibid. II, 373). Въ словарѣ Клизби-Вигфуссона указано, что слово Serkir, или Сарацины, при переводѣ древнихъ латинскихъ писателей ставится тамъ, гдѣ въ подлинникѣ стоятъ Ассиріане или Вавилоняне. Въ сагѣ объ Александрѣ, перешедшей и на сѣверъ, Серками (Serkir) называются Персы. Серкиръ равняется византійскому Σαρακηνοί, Сарацины, и обозначаетъ, какъ у средневѣковыхъ писателей иныхъ литературъ, Сарацинъ вообще, то-есть, магометанъ или Арабовъ, другими словами, обитателей Халифата и областей, ему подвластныхъ. Слѣдовательно, подъ Серкландіей не было никакой необходимости разумѣть именно Африку, а можно было понимать Сарацинскія земли въ Азіи или Сиро-Месопотамскія земли, принадлежавшія халифу Багдадскому.

Несомнѣнно, что Гаральдъ Гардрадъ никогда не былъ въ той Африкѣ, которую разумѣетъ сага, и не участвовалъ во взятіи городовъ африканскихъ, хотя и сражался противъ «короля африканскаго». Ходъ сицилійской экспедиціи, во главѣ которой

стоялъ Георгій Маніакъ, хорошо извѣстенъ; до перенесенія военныхъ дѣйствій въ Африку далеко не дошло. Но зато мы знаемъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что на островѣ Сициліи Византійцамъ дѣйствительно пришлось сражаться съ африканскими войсками (см. Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia, II, 377, 387). Не Византійцы переплывали въ Африку, а Африканцы приходили въ Сицилію. Скальды, воспѣвающіе подвиги Гаральда въ Сициліи, хорошо знали это и заставляютъ его бороться съ Африкою не въ Африкѣ — Серкландіи, а именно въ Сициліи.

«Глупые трусы были далеко, когда метатель военной молніи покорилъ нѣкогда опасную (страшную) землю. Вепрю Африки
428 (Africa jöfri, jöfurr a wild boar, metaph. a king, warrior) было не легко удержать богатую пастбищами (hagfaldinni) дочь Анара (то-есть, землю) или ея жителей, когда онъ (Гаральдъ) напалъ на нее».

Эти стихи скальда Тіодольфа, приводимые въ доказательство, что Гаральдъ былъ въ Африкѣ—Серкландіи—и даже нѣсколько лѣтъ, вовсе не доказываютъ того, что̀ ими доказывается. Богатая пастбищами дочь Анара есть просто Сицилія, а вепрь Африки есть просто Абдаллахъ, сынъ Моизза, эмира Африканскаго, сражавшійся съ Греками при Трайнѣ (Amari II, 397). Бёльверкъ также говоритъ о покореніи одной земли Гаральдомъ, но сейчасъ же объясняетъ, что это есть Сицилія: «на восточномъ берегу ея лежали на пескѣ тѣла убитыхъ» (въ морскомъ сраженіи).

Новѣйшіе комментаторы саги (Амари, Фримэнъ), не угадывая, въ чемъ дѣло, и не желая обвинять скальдовъ во лжи, полагали, что и 80 городовъ, взятыхъ Гаральдомъ въ Серкландіи—Африкѣ, произошли отъ простого столкновенія его съ африканскимъ вепремъ на островѣ Сициліи. Но такое изъясненіе, очевидно, было бы самымъ тяжкимъ обвиненіемъ. Это значило бы, что скальды смѣшали Сицилію съ Африкой. А главное, такое объясненіе совершенно противорѣчитъ прямому указанію скальдовъ, что Серкландія есть нѣчто другое, чѣмъ Сицилія, и что въ Серкландіи Гаральдъ сражался, прежде чѣмъ явился въ Сициліи.

Остается принять то, что̀ ясно сказано было Тіодольфомъ и

не понято было слагателемъ саги. Гаральдъ, дѣйствительно, сражался въ Серкландіи, то-есть, въ азійско-сарацинскихъ странахъ около Евфрата, въ Месопотаміи и Сиріи; тамъ была первоначальная сцена его подвиговъ. Послѣ похода на Ляховъ и занятія Червенскихъ городовъ въ 1031 году, на Руси настало мирное время:

Въ 1032 году «Ярославъ поча ставити городы по Ръси».

Въ 1033 году «Мстиславичъ Ѥустафій умре».

1034. Пустой годъ.

1035. Пустой годъ.

Значитъ, «мирно бысть». Что было дѣлать юному изгнанному принцу въ Кіевѣ? Онъ отправился, конечно, съ Русскими и сопровождаемый своими норвежскими спутниками-приверженцами, туда, гдѣ воевали Русскіе. Мы знаемъ, что у греческаго правителя приевфратской страны, который овладѣлъ Эдессою, были подъ начальствомъ Русскіе люди (см. выше гл. IV). Этимъ правителемъ былъ именно Георгій Маніакъ, имя котораго такъ тѣсно связано съ исторіей Гаральда. Мы знаемъ, что въ 1033 429
году греческій этеріархъ Ѳеоктистъ былъ отправленъ съ большимъ войскомъ въ Сирію. Мы знаемъ, что въ томъ же году Никита Пигонитъ, начальствуя русскимъ отрядомъ, овладѣлъ крѣпостью Перкри на границахъ Арменіи, вблизи Вавилона,— какъ говоритъ Кедринъ. Вообще Византійцы въ это время одержали нѣсколько весьма важныхъ успѣховъ въ борьбѣ съ Сарацинами. Мы знаемъ, наконецъ, что въ 1034 г. въ Ѳракисійской темѣ стоялъ корпусъ Варанговъ.

Здѣсь и нужно искать Гаральда; въ это время онъ участвовалъ во взятіи 80 городовъ въ Серкландіи (скальдъ не говоритъ прямо, что города взяты Гаральдомъ, и конечно не всѣ эти города были похожи на Эдессу или даже Перкри). Однимъ словомъ, онъ находился среди греческаго иностраннаго корпуса, среди Русскихъ и среди Варанговъ 1034 года.

Четверостишіе скальда Бёльверка, приведенное въ одной редакціи саги (Antiquités Russes II, 23), заставляетъ думать, что первый подвигъ Гаральда былъ совершенъ на морѣ. «Бодрый правитель обагрилъ носы корабельные въ сраженіи и вступилъ въ число наемниковъ (ok gekk á mála — выраженіе, упо-

требляемое о Вэрингахъ); съ тѣхъ поръ (sídhan, ex quo) имѣлъ битвы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и онѣ кончались желаннымъ образомъ» [1]). Это очень возможно. Въ 1032 и 1033 годахъ сицилійскіе и африканскіе Сарацины дѣлали морскіе набѣги на острова и береговыя страны собственной Греціи (Cedren. II, 499 sq.); потомъ въ 1034 году ими разорены были Миры Ликійскіе (ibid., p. 511) и далѣе въ 1035 г. острова Кикладскіе и побережье темы Θракисійской (ibid., 513) и т. д. Въ одномъ изъ морскихъ сраженій, данныхъ имъ Никифоромъ Карантиномъ, могъ участвовать Гаральдъ [2]).

Затѣмъ онъ вступилъ въ число наемниковъ (Варанговъ) и оставался въ средѣ ихъ нѣсколько лѣтъ, то-есть, вѣроятно, до того времени, какъ Георгій Маніакъ и русскій корпусъ отправлены были въ южную Италію (1038 г.). Пребывалъ ли все это время Гаральдъ въ Серкландіи, на это отвѣтъ находимъ у монаха Теодорика. Не называя Серкландіи, этотъ послѣдній именуетъ Блаландію какъ мѣсто подвиговъ Гаральда. О Блаландіи говорится и въ поэзіи скальда Бёльверка (Antiquités Russes II, 28 и въ другихъ мѣстахъ). «Краснорѣчивый
430 воинъ, славный храбростію! Плывя въ Блаландію, ты подвергался опасности, когда сила вѣтра быстро гнала широкую корму. Буря потрясала край корабля, орошенный тяжелыми волнами», и т. д. На первый взглядъ Блаландія, стоящая у Теодорика на мѣстѣ Серкландіи, есть та же самая сарацинская Азія. Но Теодорикъ переводитъ ее по-латыни Эѳіопіей, и притомъ въ сагахъ, какъ утверждаютъ знатоки, Blámadhr (синій человѣкъ, Негръ), житель такой страны, обыкновенно отличается отъ Серкира-Сарацина (Словарь Клизби-Вигфуссона). Блаландію нужно искать въ той Африкѣ, которая не будетъ Серкландіей. Въ 1034 году византійскій береговой флотъ, подъ начальствомъ прото-

1) Sídhan hádhist hildr hvert ár, sem sjálfr vildudh (прозаическая конструкція).

2) ‹В. Г., повидимому, не замѣтилъ, что его догадка подтверждается самой сагой о Гаральдѣ (Heimskr. cap. 3), въ которой говорится объ участіи норвежскаго принца въ плаваніи греческаго флота по «греческому», т. е. Эгейскому морю «вокругъ «греческихъ острововъ» и въ борьбѣ его съ морскими разбойниками. Начальникомъ флота, впрочемъ, является и тутъ Георгій Маніакъ, очевидно замѣнившій въ сагѣ Никифора Карантина. Ѳ. Б›

спаѳарія Текнеи (Τεχνέας), отправился изъ Абидоса къ устьямъ Нила; онъ достигъ Александріи, захватилъ здѣсь множество кораблей и безъ вреда воротился назадъ (Cedren. II, 502). Это и есть походъ Гаральда въ Блаландію. Наконецъ, прежде сицилійскаго похода у Теодорика помѣщается путешествіе Гаральда въ Іерусалимъ; въ сагѣ оно стоитъ совершенно на другомъ мѣстѣ, въ концѣ византійской службы Гаральда, и притомъ вмѣсто простого путешествія тамъ явилось завоеваніе Іерусалима и Палестины. Все это сага сообразила изъ слѣдующихъ стиховъ скальда Стуфа (Heimskr. c. 12, Morkinskinna, Flateyjarbók, Fagrskinna): «Воинственный король, смѣлый въ битвахъ, отправился покорять Іерусалимъ (fór leggja und sik Jórsali). Верхняя страна благопріятствовала (была расположена къ) виновнику битвъ (Гаральду) и Грекамъ; эта земля, не подвергшись какому-либо опустошенію пожаромъ, по причинѣ огромной силы поступила въ справедливое владѣніе воителя». Не совсѣмъ ясны эти слова, но, конечно, исправлять текстъ мы не рѣшимся, хотя это было бы и довольно легко при помощи хорошаго лексикона (вмѣсто leggja und sik, положить подъ себя, — leggja stund sik, положить близко къ себѣ, или въ переносномъ смыслѣ—позаботиться [1]). Во всякомъ случаѣ не сказано, чтобы Гаральдъ успѣлъ покорить Іерусалимъ; это скорѣе можетъ быть предполагаемо о «болѣе высокой» или «лучшей» странѣ, а что̀ подъ нею разумѣется — сказать трудно [2]). Изъ дальнѣйшей цитаты, приведенной сагою, мы убѣждаемся, что скальдъ Стуфъ говорилъ просто о пилигримствѣ Гаральда. «Мудрость и гнѣвъ Агдейскаго повелителя (Гаральда) многихъ невѣрныхъ (вѣроломныхъ) людей укротили (repressit) на берегу Іордана; такъ говорила молва. За свои несомнѣнныя преступленія они получили худой пріемъ отъ правителя и подверглись неизбѣжной гибели». Невѣрные или вѣроломные люди, съ которыми Гаральдъ имѣлъ дѣло на берегу Іордана, были или собственные его люди, или проводники, или 431

1) ‹Совершенно невозможная конъектура. Предлога stund въ др.-исл. языкѣ не существуетъ, а есть только нарѣчіе (вин. пад. ед. ч. отъ сущ. stund), которое въ предполагаемомъ оборотѣ немыслимо. Ѳ. Б.›

2) ‹Переводя «болѣе высокая», «верхняя» страна, авторъ введенъ въ заблужденіе произвольнымъ переводомъ въ Antiquités Russes II, 48: regio superior. Въ оригиналѣ стоитъ fold, т. е. просто «страна, земля». Ѳ. Б.›

же наконецъ, Бедуины, обычные враги пилигримовъ [1]). Такъ или иначе, путешествіе Гаральда въ Іерусалимъ должно находиться въ связи съ тѣмъ, что̀ читается у Кедрина (II, 501) все подъ тѣмъ же 1034 годомъ. Послѣ египетскаго халифа Хакима (Азія, Azios), врага христіанъ, разрушившаго храмъ Іерусалимскій, взошелъ на престолъ сынъ его, рожденный отъ плѣнной Гречанки; онъ позволилъ желающимъ снова выстроить храмъ, и византійскіе императоры Романъ Аргиръ и Михаилъ IV приняли на себя эту заботу и посылали туда своихъ людей. Мирныя сношенія съ Египтомъ послѣ экспедиціи Текнеи (она предшествовала, повидимому, вступленію на престолъ новаго халифа) въ 1036 году увѣнчались даже заключеніемъ мира на 30 лѣтъ (Cedren. II, 515); а послѣ этого совсѣмъ не могло быть рѣчи о завоеваніяхъ византійскихъ въ Палестинѣ. Прибавимъ, что именно къ 1034 году относится пилигримство въ Іерусалимъ другихъ западныхъ людей — въ то время болѣе знаменитыхъ, чѣмъ Гаральдъ. Робертъ Діаволъ, герцогъ Нормандскій, приходилъ сюда со своими баронами замаливать тяжелые грѣхи свои; онъ умеръ на возвратномъ пути изъ Іерусалима въ Никеѣ, 2-го іюля 1035 года [2]).

Всѣ эти совпаденія дѣлаютъ несомнѣннымъ пребываніе Гаральда въ Азіи въ 1033 и 1034 годахъ, и слѣдовательно, мы имѣемъ полное основаніе считать несомнѣннымъ историческимъ фактомъ участіе Гаральда вмѣстѣ съ Русскими въ борьбѣ православнаго Востока съ мусульмано-сарацинскимъ міромъ на украйнахъ того и другого въ Сиріи и Малой Азіи. Представляется при этомъ только одинъ вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ теперь же, прежде чѣмъ мы пойдемъ далѣе по слѣдамъ нашихъ Варяговъ. Нужно полагать, что Гаральдъ, сынъ Сигурда, былъ не единственный Нордманнъ (скандинавскій), вступившій въ византійскую службу; есть указанія весьма достовѣрныя, что ранѣе его прибытія въ Миклагардѣ уже находилось извѣстное число Норвежцевъ и Исландцевъ, и самъ онъ, конечно, пришелъ не одинъ, но, какъ подобало̀ принцу изгнаннику, окруженный

1) [Ср. Martinov, Annus eccles. Graeco-slavicus, p. 298.]
2) См. Freeman, The Norman Conquest I, 473; II, 187.

толпою приверженцевъ. Итакъ, естественно думать, что Гаральдъ съ своими скандинавскими товарищами не просто служили на ряду съ Русскими въ походахъ къ Эдессѣ и Баркири, а составляли особый отрядъ въ иностранномъ греческомъ корпусѣ. Вотъ этотъ отрядъ, согласно съ давно укоренившимся взглядомъ и съ самыми сагами, и могъ бы всего скорѣе быть принятымъ за настоящій и единственный варяжскій отрядъ. Какъ, повидимому, 432
просто и мирно разрѣшались бы тогда всѣ противорѣчія; какъ легко и удобно было бы сопоставить первое упоминаніе о Варангахъ византійскими историками въ 1034 г. съ современными подвигами Норвежскаго принца и его спутниковъ въ Серкландіи!

Но мы не должны увлекаться соблазномъ легкихъ соглашеній и обязаны строго держаться своего принципа. Мы пріобрѣли важный для исторіи фактъ присутствія Гаральда въ Малой Азіи только тогда, когда рѣшились, слѣдуя законамъ исторической критики, держаться первоначальныхъ и современныхъ источниковъ (пѣсенъ скальдовъ) и отвергать позднѣйшія произвольныя объясненія, когда сіи послѣднія прямо противорѣчатъ точному смыслу первыхъ. Не будемъ же сбиваться съ своего пути и соблазняться тѣмъ, что сага постоянно твердитъ о Вэрингахъ и видитъ этихъ своихъ Вэринговъ въ однихъ скандинавскихъ Нордманнахъ. Для насъ авторитетъ — не сага, но ея источники, современныя событіямъ пѣсни скальдовъ. А никто не укажетъ намъ, чтобы въ драгоцѣнныхъ обрывкахъ сѣверной поэзіи XI вѣка именно Скандинавы назывались Вэрингами, чтобы Нордманны въ своей особности и отдѣльности отличались этимъ наименованіемъ отъ другихъ народностей, вмѣстѣ съ ними входившихъ въ составъ иностранной наемной греческой дружины. Слово «Вэринги» въ этомъ смыслѣ не найдется ни въ одномъ изъ многочисленныхъ двустишій, четверостишій и восьмистишій, приведенныхъ въ сагахъ Олафа, короля Магнуса и Гаральда. Совершенно напротивъ. Есть только одинъ поэтическій отрывокъ, упоминающій о Вэрингахъ уже въ XI вѣкѣ: и этотъ единственный, но тѣмъ болѣе драгоцѣнный отрывокъ заставляетъ принца Гаральда избивать Вэринговъ, то-есть, представляетъ Вэринговъ людьми чужими для Гаральда, не Нордманнами. Это важное свидѣтельство въ пользу нашего взгляда мы приведемъ

ниже. Теперь же мы постараемся разъяснить поставленный выше вопросъ другимъ путемъ.

Скальдъ Тіодольфъ называлъ Гаральда «опустошителемъ» или «разорителемъ Булгаріи» (Bolgara brennir). Восьмистишіе, въ которомъ мы встрѣчаемъ это указаніе, находится въ самомъ началѣ Гаральдовой саги въ Heimskringla, а равно и въ другихъ редакціяхъ. Важно при семъ то, что «опустошитель Булгаріи» есть въ глазахъ скальда такой признакъ, по которому всякій долженъ узнать Гаральда: онъ именуетъ своего героя такимъ
433 образомъ пролептически (per anticipationem) уже при описаніи первой битвы, въ которой онъ участвовалъ (Стиклестадская битва 1030 года). Адамъ Бременскій (Lib. III, cap. 12 и 16) говоритъ, какъ извѣстно, о службѣ Гаральда въ Константинополѣ, гдѣ онъ, сдѣлавшись воиномъ императора, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ противъ Сарацинъ на морѣ и противъ Скиѳовъ на сушѣ. Подъ Скиѳами здѣсь также слѣдуетъ разумѣть Булгаръ, потому что съ кѣмъ же иначе, помимо Сарацинъ, могли Греки вести борьбу на сушѣ? Печенѣги, правда, уже были грозою задунайскихъ странъ, но около этого времени намъ извѣстенъ только одинъ набѣгъ ихъ на имперію въ 1034 году, при чемъ, однако, не дошло до сраженія (Cedren. II, 512). За то сами Византійцы, говоря о возстаніи Булгарскомъ 1040 года, называютъ Булгаръ Скиѳами (Pselli hist., p. 71). Въ двухъ наиболѣе подробныхъ редакціяхъ Гаральдовой саги (Morkinskinna и Flateyjarbók, см. Scripta Historica Islandor. VI, 135 и сл. и Antiquités Russes II, 31 и далѣе) находится разсказъ о нашествіи какихъ-то языческовъ въ предѣлы Византійской имперіи. Одна изъ этихъ двухъ редакцій прямо говоритъ, что это было при «королѣ Михаилѣ». Вэринги составляли лучшую часть войска, выведеннаго византійскимъ императоромъ противъ варваровъ. Они же, по его приказанію, должны были первыми выйти противъ страшныхъ враговъ, у которыхъ было «много желѣзныхъ колесницъ, снабженныхъ колесами» и очень гибельныхъ въ сраженіи для противниковъ. Гаральдъ пригласилъ своихъ спутниковъ дать обѣтъ святому Олафу, его брату, что они построятъ храмъ въ честь его, если только онъ даруетъ побѣду надъ врагами, столь многочисленными и грозными. Всѣ на это согласи-

лись. Во главѣ языческаго войска стояло нѣсколько царей (marga konúnga), изъ числа которыхъ одинъ былъ слѣпъ (blindr), но тѣмъ не менѣе, превосходилъ другихъ своимъ умомъ и потому стоялъ во главѣ всѣхъ и всего войска. Когда Вэринги начали сраженіе, и язычники пустили свои колесницы, то эти колесницы не трогались съ мѣста, а слѣпой царь вдругъ прозрѣлъ и увидѣлъ впереди непріятельскаго строя человѣка, сидящаго на бѣломъ конѣ, который распространялъ кругомъ себя страхъ и ужасъ. Когда услышали объ этомъ отъ слѣпого другіе цари, то всѣ обратились въ бѣгство.

Разсказъ этотъ удивительнымъ образомъ напоминаетъ исторію осады города Солуни во время Болгарскаго возстанія 1040 года, какъ она читается у Кедрина (II, 532). Нѣсколько царей языческаго войска суть: Делеанъ, Алусіанъ, Тихоміръ и Ивака, стоявшіе одновременно и порознь во главѣ возстанія. Делеанъ, впослѣдствіи, именно вскорѣ послѣ осады Солунской, ослѣпленный (Psell. p. 73; Cedren. II, 533), отправилъ къ Солуни Алусіана, давъ ему 40 тысячъ войска. Булгары при осадѣ употребляли стѣнобитныя машины разнаго рода (Cedren. II, 532, 4: ἑλεπόλεσι καὶ μηχαναῖς); нѣсколько послѣ у нихъ упоминается деревянная засѣка (ibid. p. 533, 12: δέμα ξύλινον, septum ligneum). Послѣ шестидневной осады, устрашенные жители Солуни обратились съ молитвой къ мощамъ св. Димитрія и потомъ, внезапно растворивъ городскія ворота, неожиданнымъ нападеніемъ обратили въ бѣгство враговъ. Но побѣдой они одолжены были св. мученику Димитрію, который сражался впереди греческаго строя. Плѣнные Булгары клятвенно утверждали, что они видѣли впереди греческаго строя юношу, сидящаго на конѣ и пускающаго огонь на противниковъ. Въ другихъ подобныхъ случаяхъ св. Димитрій является на бѣломъ конѣ и въ бѣлой одеждѣ [1]). 434

Очень легко понять, какимъ образомъ св. Димитрій преобразился въ св. Олафа, а Булгары, подъ перомъ позднѣйшаго саго-

1) Напримѣръ, въ исторіи осады 597 года той же Солуни Аварами: Ἄνδρα πυρράκην καὶ λαμπρόν, ἵππῳ λευκῷ ἐφεζόμενον καὶ ἱμάτιον φοροῦντα λευκόν. Tougard, De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes, Paris 1874, p. 116.

писателя, — въ язычниковъ. Еще легче объяснить, какъ извѣстіе о чудѣ Солунскомъ перешло въ скандинавскую сагу. Намъ стоитъ только предположить, что Гаральдъ съ своими Нордманнами дѣйствительно находился въ 1040 году въ Солуни; а это не представляетъ ничего невозможнаго, ибо онъ оставался въ Византіи до 1043 года. Изъ Атталіоты, сверхъ того, мы знаемъ, что незадолго предъ тѣмъ въ городѣ былъ императоръ Михаилъ со своими тѣлохранителями (Attaliot. p. 9, 20: τοὺς ἐν τῇ αὐλῇ σωματοφύλακας ἔχοντα). Но этого мало. Несомнѣнно, что при отраженіи булгарскаго нападенія на Солунь участвовали не царскіе тѣлохранители (не Варяги въ смыслѣ лейбъ-гвардіи?), а именно какой-то особый родъ войска, одинъ только разъ и упомянутый на страницахъ византійской исторіи, никогда не появлявшійся ни до Гаральда, ни послѣ него. Будемъ читать Кедрина (532,7) внимательнѣе, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось: οἱ ἐπιχώριοι — ἀναπετάσαντες τὰς πύλας ἐξέρχονται κατὰ τῶν Βουλγάρων. συνῆν δὲ τοῖς Θεσσαλονικεῦσι τὸ τάγμα τῶν μεγαθύμων. ἐξελθόντες δέ — τρέπουσι τοὺς Βουλγάρους. Итакъ: «вмѣстѣ съ Солунянами находился отрядъ великосердыхъ».

Вотъ этотъ отрядъ великосердыхъ и есть скандинаво-нордманскій отрядъ Гаральда. Вотъ именно это чудесное отраженіе враговъ Византіи отъ стѣнъ Солуни и дало Гаральду титулъ «опустошителя Булгаріи» у его современниковъ.

Всмотримся еще пристальнѣе въ эти два слова: «τάγμα τῶν μεγαθύμων».

Τάγμα на византійскомъ военномъ языкѣ означаетъ собственно баталіонъ или роту, а точнѣе — военный строй въ 300 или 400 человѣкъ. Такъ было во время императора Маврикія, и благодаря византійскому консерватизму въ понятіяхъ и всякихъ порядкахъ, не могло много измѣниться послѣ него: Χρὴ τάγματα διάφορα γίνεσθαι ἀπὸ τριακοσίων ἢ τετρακοσίων τὸ πλεῖστον ἀνδρῶν (Mauricii, Strategicum ed. Scheffer us, Upsaliæ 1664, p. 30). Впрочемъ, для нѣкоторыхъ родовъ войска, какъ напримѣръ, для оптиматовъ, допускалось нѣсколько большее число, какъ это видно изъ того же Маврикія (p. 31). На этомъ основаніи мы должны думать, что отрядъ Гаральда, отрядъ собственно скандинавскій, состоялъ изъ 400 человѣкъ или немного болѣе. Это

соображеніе разительнымъ образомъ подтверждается единственнымъ прямымъ указаніемъ скандинавской саги относительно количества Вэринговъ, состоявшихъ на византійской службѣ. Въ томъ же самомъ сказаніи о чудѣ св. Олафа, только въ другихъ редакціяхъ, пріурочивающихъ его къ позднѣйшему времени, именно къ царствованію Алексѣя Комнина, и уже прямо, вмѣсто язычниковъ, именующихъ Печенѣжскую орду, число Вэринговъ опредѣляется въ полпяты сотни = 450 человѣкъ [1]).

Что касается выраженія μεγάθυμοι, то, во-первыхъ, оно напоминаетъ другія византійскія названія подобнаго же рода для разныхъ особаго рода военныхъ отрядовъ; для примѣра могутъ служить очень часто упоминаемые «безсмертные», ἀθάνατοι. А во-вторыхъ, μεγάθυμος не можетъ быть переводимо словомъ «великодушный», какъ это сдѣлано въ латинскомъ переводѣ Кедрина, ибо оно вовсе не равносильно съ μεγαλόψυχος (magna- 436
nimus), а означаетъ человѣка или народъ «съ великимъ сердцемъ» и выражаетъ полноту и энергію духа, а также силу и страстность темперамента. Въ такомъ смыслѣ оно употребляется у Гомера не только о людяхъ, но и о животныхъ (о быкѣ), и такой же смыслъ сохраняетъ у позднѣйшихъ писателей. Въ этомъ своемъ настоящемъ значеніи слово μεγάθυμος очень удобно могло служить для перевода скандинавскаго hardhrádhr (или же наоборотъ?), особенно если мы допустимъ необходимость нѣкотораго евфемизма при наименованіи иностраннаго принца и его товарищей. Въ словарѣ Клизби-Вигфуссона «hardhrádhr» объяснено: hard in counsel, tyrannical, въ латинскихъ переводахъ сагъ обыкновенно передается словомъ severus, строгій. Другіе скандинависты (Рафнъ) переводятъ то же самое выраженіе словами «смѣлый» или «храбрый», что уже вполнѣ совпадаетъ съ зна-

1) Въ сагѣ св. Олафа, дополненной чудесами: hálft fimta hundradh. Другое чтеніе «fimm hundradh manna» (500 человѣкъ), очевидно, произошло изъ перваго. См. Antiquités Russes I, 469. Scripta Islandor. V, 148. Ср. Radius (Heisli) стихотвореніе, написанное въ честь Олафа около половины XII-го вѣка, Scripta V, 342. Въ немъ читается также hálft fimta, но въ латинскомъ переводѣ ошибочно поставлено «quingenti quadraginta». Ср. Лексиконъ Клизби-Вигфуссона, стр. 242. О сочиненіи Эйнара Скуласона (Heisli) см. Maurer, «Ueber die Ausdrucke стр. 553. У Кедрина (II, 523) начальникъ отряда (τοῦ τάγματος) Армянъ имѣетъ подъ командою 500 пѣхотинцевъ.

ченіемъ греческаго μεγάθυμος. (См. статью Г. С. Дестуниса, о которой рѣчь будетъ ниже).

Во всякомъ случаѣ, если есть какой несомнѣнный фактъ въ исторіи византійской службы норвежскаго героя, то такой фактъ есть его борьба съ Булгарами и его присутствіе въ Солуни въ сентябрѣ 1040 года. Допустивъ это, мы, по необходимости, должны узнать его и его спутниковъ въ «отрядѣ великосердыхъ», который только разъ, именно въ исторіи Солунской осады Булгарами, и упоминается у Византійцевъ. А изъ этого слѣдуетъ, что отрядъ Гаральда, сына Сигурдова, состоявшій изъ его соотечественниковъ-Скандинавовъ, въ своей отдѣльности и особности отъ цѣлаго союзнаго (русскаго) корпуса не назывался у Византійцевъ Варангами, и что Варанги означало нѣчто другое, а что̀ именно — это мы уже высказали пока въ видѣ положенія, которое будемъ доказывать. Тѣ ученые, которые видятъ въ Варангахъ только императорскихъ тѣлохранителей, тѣмъ безпрепятственнѣе могутъ принять отмѣченный разрядкою выводъ, что, по прямому свидѣтельству Атталіоты, царскіе тѣлохранители во время осады Солуни были въ другомъ мѣстѣ.

Мы должны сказать еще два слова объ участіи норманнской дружины Гаральда въ борьбѣ противъ Булгарскаго возстанія. Къ этому вызываетъ насъ любопытный памятникъ, извѣстный подъ именемъ руничесой надписи на Пирейскомъ (Венеціанскомъ) львѣ. Надпись или, лучше сказать, надписи эти прочитаны датскимъ ученымъ Рафномъ и гласятъ слѣдующее: «Гаконъ, вмѣстѣ съ Ульфомъ, Асмундомъ и Ерномъ завоевали эту гавань. Сіи люди и Гаральдъ Высокій наложили (на жителей той страны) значитель-
437 ныя подати за возмущеніе народа греческаго. Далькъ остался въ плѣну (былъ задержанъ) въ отдаленныхъ странахъ. Егиль отправился въ походъ съ Рагнаромъ въ Руманію и Арменію».

Другая надпись, на другомъ боку льва, начертанная такъ же, какъ и первая, рунами, прочитана слѣдующимъ образомъ: «Асмундъ начертилъ эти руны вмѣстѣ съ Асгейромъ, Торлейфомъ, Тордомъ и Иваромъ, по повелѣнію Гаральда Высокаго, не взирая на запрещеніе Грековъ» [1]).

1) «Пирейская надпись такъ плохо сохранилась, и чтеніе и толкованіе ея

Въ Гаральдѣ Высокомъ Рафнъ узнаетъ нашего героя Солунской исторіи, предполагая, что только позднѣе такое прозваніе замѣнено было въ сагахъ другимъ, означающимъ строгій, смѣлый или храбрый. Мы очень готовы признать такую догадку основательною — съ тѣмъ только видоизмѣненіемъ, что первоначально, въ Византіи, «смѣлыми, храбрыми», hardhradhr, назывался скандинавскій отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ Гаральда, а послѣ слагатели сагъ перенесли это названіе исключительно на одного предводителя «храбрыхъ» [1]). Точно такъ же въ Ульфѣ Рафнъ узнаетъ хорошо извѣстнаго по сагѣ спутника и вѣрнаго друга Гаральдова Ульфа Успаксона. Рагнаръ и Тордъ также могутъ найдти своихъ двойниковъ въ сагахъ (въ самой Гаральдовой и въ Еймундовой сагахъ). Но и тѣ спутники, которые по сагамъ не извѣстны, конечно, отъ этого не становятся болѣе проблематическими, чѣмъ Торбіорнъ и Торстейнъ Греттировой саги.

Чтобы объяснить, какъ Нордманны очутились въ Пиреѣ, Рафнъ обратилъ вниманіе на исторію Булгарскаго возстанія 1040 года. Оно, какъ извѣстно, распространилось на тему Никопольскую, которая тогда обнимала Акарнанію, части Эпира и Θессаліи, и, повидимому, на самую Элладу. По крайней мѣрѣ мы читаемъ у Кедрина (II, 529): «Делеанъ —ославъ значительный отрядъ (войска) подъ начальствомъ «такъ называемаго кавкана» [2]), взялъ Диррахій (Драчь въ Эпирѣ). Онъ послалъ также и другое войско въ Элладу, подъ начальствомъ Анѳима. На встрѣчу этому послѣднему вышелъ Алакассей и, вступивъ въ сраженіе при Θивахъ, обращенъ былъ въ бѣгство, при чемъ убито было большое количество Θиванцевъ». На этомъ 438
Кедринъ останавливается и говоритъ далѣе о добровольномъ переходѣ на сторону Булгаръ жителей темы Никопольской. Но что же послѣдовало за побѣдой Булгаръ подъ Θивами? Кедринъ объ

настолько гадательны, что трудно строить на ней какіе-либо выводы. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, выводы Василья Григорьевича достаточно хорошо обоснованы и безъ привлеченія къ дѣлу надписи. Θ. Б.>

1) Нельзя-ли думать, что: *Hafi* : *uf* есть рунически написанное (ме-)γаϑύμου? Послѣ слова *Harad*, совершенно яснаго, въ обѣихъ надписяхъ слѣдуютъ знаки неполные и неясные.

2) τὸν λεγόμενον Καυκάνον, а по другому чтенію — καυκάρον: итакъ кавкамъ не имя, а титулъ, что заслуживаетъ вниманія.

этомъ молчитъ, равно какъ молчитъ и о томъ, когда воротился Аѳеимъ изъ Эллады, и вообще воротился ли онъ оттуда добровольно. Но само собою разумѣется, что византійское правительство должно было принять какія-нибудь мѣры противъ успѣховъ мятежа, и Нордманны легко могли очутиться въ Элладѣ. Аргументъ a silentio не можетъ быть признанъ вполнѣ несомнѣннымъ, когда имѣешь дѣло съ компиляторами въ родѣ Кедрина. Мы не считаемъ возможнымъ отвергать цѣлый рядъ замѣчательныхъ совпаденій только на томъ основаніи, что у плохого византійскаго компилятора не упомянуто о какомъ-либо возстаніи или волненіи въ Аѳинахъ, городѣ, въ то время весьма незначительномъ и вообще рѣдко упоминаемомъ на страницахъ византійской исторіи. Тема Никопольская несомнѣнно заключала въ себѣ часть Ѳессаліи и чисто греческое населеніе, а она добровольно пошла (προσερρύη) подъ власть Делеана. Въ Элладѣ и Морећ, что̀ бы ни говорили, безъ сомнѣнія, были еще въ XI вѣкѣ слѣды славянскаго населенія, не совсѣмъ уничтоженные побѣдою при Патрахъ, о которой говорится въ извѣстной грамотѣ патріарха Николая (около 1081 г.) и которая относится къ половинѣ IX вѣка, и не наобумъ шло сюда булгарское войско. Сверхъ того: кто допускаетъ, что надпись на Пирейскомъ львѣ дѣйствительно написана рунами, и кто принимаетъ хотя приблизительную вѣрность чтенія Рафна, но отвергаетъ его объясненіе, тотъ долженъ былъ бы принять на себя обязанность дать другое объясненіе и указать, въ какое иное время скандинавская надпись могла быть сдѣлана на Пирейскомъ львѣ. Періодъ времени, въ которомъ пришлось бы осмотрѣться, не былъ бы очень длиненъ, особенно — если допустить вѣрность чтенія хотя въ названіяхъ Гаральда и Арменіи, въ чемъ, повидимому, нѣтъ причины сомнѣваться. Къ XII вѣку, ко времени Гаральда Іорсалафара (іерусалимскаго паломника), надпись не можетъ относиться потому, что Арменія тогда не принадлежала Грекамъ и была далеко отъ пограничныхъ мѣстъ, гдѣ стояли византійскія войска. А къ X вѣку тѣмъ менѣе согласятся относить надпись тѣ, которые не желаютъ отнести ее къ лѣту 1040 года [1]).

1) Возстаніе темы Никопольской и походъ Аѳеима въ Элладу у Кедрина (II, 529—531) почти непосредственно предшествуютъ Солунской осадѣ, кото-

Однимъ словомъ Пирейская надпись подтверждаетъ участіе 439
скандинавскаго отряда въ борьбѣ съ Булгарскимъ возстаніемъ и присутствіе Гаральда въ Солуни, а въ свою очередь подтверждается въ своемъ значеніи, указанномъ Рафномъ, этими несомнѣнными фактами. Нападеніе Булгаръ на Солунь послѣдовало послѣ похода Анѳима въ Элладу, и Гаральдъ, давшій приказаніе сдѣлать надпись въ Пиреѣ, то-есть, укротившій возстаніе въ Аѳинахъ, могъ безъ труда очутиться въ Солуни въ сентябрѣ 1040 года — моремъ или сушею. Но и Пирейская надпись ничего не говоритъ о варяжествѣ Гаральда и его Нордманновъ, хотя, конечно, этого нельзя было отъ нея требовать, даже въ случаѣ, если бъ они были Варягами.

Съ чудомъ св. Олафа, явившагося на помощь къ своему брату, сага соединяетъ извѣстіе о построеніи въ Константинополѣ храма въ честь норвежскаго короля. Вэринги тотчасъ послѣ возвращенія въ Миклагардъ выстроили, согласно съ даннымъ обѣтомъ, большую церковь, но императоръ препятствовалъ ея освященію, и Гаральду стоило нѣкотораго труда побѣдить его упорство и т. д. Само собою разумѣется, что ни въ византійскихъ, ни въ какихъ другихъ источникахъ мы не найдемъ и слѣдовъ, чтобы въ Цареградѣ когда-либо существовалъ храмъ въ честь норвежскаго Олафа, какъ утверждаетъ сага. Другіе

рая у него относится къ сентябрю 1040 года. Наши замѣчанія по поводу пирейской надписи направлены противъ статьи Г. С. Дестуниса, помѣщенной на французскомъ языкѣ въ Бюллетенѣ Академіи Наукъ (t. I, p. 393—399= Mél russes IV 88—98), а на русскомъ въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества 1857 года (т. I стр. 70—74), и отвѣчающей на вопросъ: «подтверждаетъ ли византійская исторія содержаніе Пирейской греческой надписи?» Почтенный авторъ статьи отвѣчаетъ отрицательно, упирая главнымъ образомъ на Никопольскую тему и доказывая, что Эллада не входила въ ея составъ, и что, слѣдовательно, возстаніе въ темѣ Никопольской не предполагаетъ возстанія въ Аѳинахъ. По нашему мнѣнію, больше вниманія при этомъ заслуживалъ бы походъ Анѳима въ Элладу и побѣда его надъ правительственными войсками при Ѳивахъ. Сагою о Гаральдѣ и, въ частности, Пирейскою надписью занимается и англійскій ученый Фримэнъ (Freeman) въ своемъ превосходномъ сочиненіи «The history of the Norman Conquest of England»; см. особенно томъ II, стр. 75—78 и 578 второго изданія, 1870 года; но его замѣчанія по этому частному и въ сущности постороннему для него вопросу не представляютъ ничего новаго и важнаго. См. нерѣшительныя замѣчанія въ III томѣ при сопоставленіи чисто историческихъ извѣстій съ сагами (стр. 328 сл., прим. 710 сл.).

скандинавскіе источники, сага объ Олафѣ въ самой краткой редакціи и гомилія на день святого короля и мученика, принадлежащія та и другая второй половинѣ XII вѣка (Maurer, Ueber
440 die Ausdrücke, примѣч. 18, стр. 351 сл.), не говорятъ, чтобы храмъ, построенный въ честь Олафа, былъ названъ его именемъ. Они представляютъ и самое событіе нѣсколько въ иномъ видѣ. Самъ императоръ византійскій, угрожаемый врагами язычниками, обратился молитвенно къ заступленію св. Олафа и далъ обѣтъ построить въ Константинополѣ храмъ «подъ именемъ святого и въ честь святой дѣвы». Но при исполненіи обѣта оказалось, что греческій императоръ не считалъ для себя и своей церкви обязательнымъ то опредѣленіе норвежскаго народнаго собранія, которымъ еще въ 1031 г. убитый въ сраженіи король Олафъ былъ признанъ и объявленъ святымъ. Храмъ былъ выстроенъ въ честь и во имя святой дѣвы: lèt gera kirkjuna—ос lèt vígia hinni haelgu Maríu (Antiquités Russes I, 476); Вэринги только помогали его постройкѣ и украшенію. Въ такомъ видѣ дѣло гораздо правдоподобнѣе, если не относительно повода, то по крайней мѣрѣ относительно слѣдствія, то-есть, построенія варяжской церкви св. Маріи. Мы узнаемъ здѣсь ту «варяжскую богородицу» — Παναγία Βαραγγιώτισσα, существованіе которой въ Константинополѣ сдѣлалось извѣстнымъ только въ самое послѣднее время по надписямъ, открываемымъ мѣстными учеными. Очень жаль, что труды Паспати, которому такъ много обязана эпиграфика и древняя топографія Константинополя, остаются такъ мало доступными для русскихъ ученыхъ по отсутствію у насъ почти всякихъ сношеній съ Константинополемъ [1]). Но вотъ

1) Мы знали, что труды Паспати по средневѣковой эпиграфикѣ Константинополя помѣщаются въ константинопольскомъ періодическомъ (двухмѣсячномъ) изданіи греческаго филологическаго общества, носящемъ заглавіе: Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος, и употребили немало стараній, чтобы получить возможность воспользоваться изслѣдованіями ученыхъ этого общества. Благодаря любезному участію и посредству Л. Н. Майкова, мы получили нѣсколько нумеровъ изданія изъ Константинополя; Г. С. Дестунисъ отыскалъ другія тетради у здѣшнихъ ученыхъ Грековъ; въ библіотекѣ И. В. Помяловскаго нашелся также одинъ годъ греческаго Σύλλογος: но все-таки мы имѣли въ рукахъ не цѣльное изданіе и, что особенно жаль, не видали послѣднихъ новѣйшихъ выпусковъ. — Обращаемъ вниманіе русскихъ ученыхъ изслѣдователей и ученыхъ обществъ на этотъ интересный журналъ.

что̀ пишетъ французскій генеральный консулъ въ Константино- 441
полѣ, Белэнъ, въ сочиненіи, озаглавленномъ «Исторія латинской церкви въ Константинополѣ»: «Les Varanges, dit M. Paspati, avaient une église particulière Panaia Varanghiotiça «N. D. des Varangues» sise à la façade ouest de Sainte-Sophie, et presque contigue à cette basilique» (Beélin, Histoire de l'église latine à Constantinople, Paris 1872, p. 166). «Варяги имѣли особую церковь, которая называлась Варяжскою Богородицею и была расположена при западномъ фасадѣ св. Софіи, почти соприкасаясь съ этою базиликою». Какъ самое названіе, такъ и мѣстоположеніе храма заставляютъ думать, что это была церковь не латинская, а греческая, православная, и Варяги, которые въ ней молились, которые дѣлали въ ней свои приношенія, были не латинами, а просто православными людьми, то-есть, по нашему мнѣнію, — Русскими. Темные слухи о ея существованіи и значеніи могли быть принесены на сѣверъ либо спутниками Гаральда, служившими въ русскомъ иностранномъ корпусѣ, либо какими-либо другими Нордманнами, ходившими чрезъ Кіевъ въ Византію. Въ какомъ отношеніи церковный пересказъ о чудѣ Олафа, не упоминающій о Гаральдѣ, находится къ выше нами приведенному— рѣшить весьма трудно; но для насъ нѣтъ необходимости заниматься этимъ вопросомъ. Наше убѣжденіе объ участіи Гаральда въ булгарской войнѣ Михаила IV основано на его прозваніи «булгароразорителемъ» въ пѣсняхъ скальдовъ; на «отрядѣ великосердыхъ», находившихся въ Солуни, на Пирейской надписи, — такъ что оно не будетъ поколеблено и въ томъ случаѣ, если бы разсказъ нашей саги о чудѣ оказался только передѣлкою церковной легенды.

Дальнѣйшій пунктъ въ исторіи Гаральда, который мы считаемъ нужнымъ разъяснить въ настоящей главѣ, касается такого

Въ одномъ изъ выпусковъ, которые были у насъ въ рукахъ, помѣщена большая статья о Διπλοκιόνιον—о памятникѣ, воздвигнутомъ, какъ предполагаютъ, въ память побѣды Грековъ надъ Игоремъ; по нѣкоторымъ указаніямъ намъ извѣстно, что на стѣнахъ Константинополя недавно открыта надпись, имѣющая отношеніе къ походу Олега. Быть можетъ, знакомство съ этою надписью было бы полезно какъ для тѣхъ, которые считаютъ походъ Олега сказкою, такъ и для тѣхъ, которые негодуютъ на такое посягательство противъ русской лѣтописи.

замѣчательнаго и громкаго событія, какъ ослѣпленіе византійскаго императора, и служитъ самымъ наглядным доказательствомъ вѣрности нашего критическаго отношенія къ сагамъ вообще и въ особенности къ сагѣ Снорре Стурлесона о Гаральдѣ. Во всѣхъ редакціяхъ саги событіе разказывается почти одинаково. Гаральдъ, возвратившись изъ Іерусалима въ Миклагардъ, свелъ знакомство съ племянницею (по брату, а въ другихъ редакціяхъ — по сестрѣ или даже съ дочерью сына) императрицы Зои, по имени Маріей; забывъ о дочери Ярослава Кіевскаго Елизаветѣ, въ честь которой онъ слагалъ свои стихи, Гаральдъ просилъ руки принцессы, но получилъ отказъ отъ царицы, потому что Зоя сама хотѣла имѣть своимъ мужемъ юнаго и храбраго норвежскаго героя: такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали
442 «Вэринги, бывавшіе здѣсь въ сѣверныхъ странахъ и служившіе въ Миклагардѣ» (сага). Ревнивая Зоя обвинила Гаральда въ разныхъ преступленіяхъ, и греческій царь Константинъ Мономахъ, раздѣлявшій тогда престолъ съ своей супругою Зоей, заключилъ Гаральда въ тюрьму, а вмѣстѣ съ нимъ и двухъ его спутниковъ Гальдора и Ульфа. Сверхъестественнымъ заступничествомъ св. Олафъ спасъ своего брата. Одна византійская дама, которой Олафъ явился во снѣ, вывела Гаральда изъ темницы: побужденія ея, конечно, были чище, чѣмъ побужденія Спесъ, освободившей Греттира, но нѣкоторое сходство въ обоихъ разсказахъ все-таки существуетъ. Получивъ свободу, Гаральдъ тотчасъ бросился къ Вэрингамъ, которые при его входѣ встали и встрѣтили его привѣтствіями, потомъ, по приглашенію вождя, схватили оружіе и устремились туда, гдѣ почивалъ императоръ Константинъ, схватили его и вырвали ему оба глаза. Слагатель саги приводитъ двухъ скальдовъ въ свидѣтели своего разсказа и все-таки самъ удивляется своему повѣствованію: «Въ двухъ похвалахъ Гаральду и во многихъ другихъ стихахъ, къ нему относящихся, упоминается о томъ, что самъ Гаральдъ ослѣпилъ царя греческаго, и нѣтъ основанія отрицать, что ослѣпленъ былъ именно императоръ, потому что поэты могли бы совершенно спокойно сказать, что это случилось съ графомъ или герцогомъ, если бъ они знали это за болѣе истинное; самъ Гаральдъ и тѣ, которые съ нимъ были, такъ передали событіе»

(Morkinskinna, Flateyjarbók и одинъ списокъ Heimskringla: см. Antiquités Russes I, 374; II, 55. Scripta Island. VI, 156).

Посмотримъ, въ чемъ дѣло. Что Гаральдъ такъ или иначе участвовалъ въ ослѣпленіи византійскаго императора, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Два современные скальда объ этомъ свидѣтельствуютъ. Одинъ изъ нихъ Тораринъ, сынъ Скегги (Thórarinn Skeggiason, упоминаемый у Аре Фроди), есть авторъ стиховъ, въ которыхъ говорится, что «превосходный воитель (Гаральдъ) наполнилъ свои руки до-красна раскаленнымъ угольемъ (то-есть, золотомъ) земли Греческой, а престолодержатель (=императоръ), пораженный сильною раною, превращенъ былъ въ совершеннаго слѣпца». Еще яснѣе поэзія Тіодольфа: «Укротитель волчьяго голода приказалъ вырвать тотъ и другой глазъ престолодержателя; тогда поднялось сильное смятеніе (бунтъ, возмущеніе). Князь агденскій (Гаральдъ) наложилъ позорный знакъ сильному царю на Востокѣ, и царь греческій подвергся большому бѣдствію». Итакъ, греческій императоръ дѣйствительно былъ ослѣпленъ, но только этимъ императоромъ никакъ не могъ быть Константинъ Мономахъ. Очень хорошо извѣстно всѣмъ и каждому, знакомому съ 443
исторіей, что Константинъ Мономахъ сохранилъ зрѣніе до конца своей жизни и умеръ спокойно на престолѣ. Опять является предъ нами одна и та же дилемма: или мы должны отбросить прозаическій пересказъ саги, или признать современныхъ событіямъ исландскихъ скальдовъ повинными въ самой наглой лжи. Но послѣднее не возможно, а первое совершенно оправдывается уже самымъ позднимъ происхожденіемъ саги.

Скальды не говорятъ, какой именно императоръ былъ ослѣпленъ. Но такимъ императоромъ могъ быть только Михаилъ V Калафатъ, дѣйствительно низверженный съ престола народнымъ возмущеніемъ и потомъ лишенный зрѣнія самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Низверженіе случилось 20-го апрѣля 1042 года, а ослѣпленіе—21-го апрѣля. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ перенесеніемъ основнаго факта отъ Константина Мономаха на Михаила V, падаютъ и всѣ побочныя подробности, передаваемыя сагой, разрушается вся экономія ея постройки, окончательно подрывается вся хронологія, порядокъ и связь ея эпизо-

довъ. Все это, впрочемъ, и само по себѣ крайне шатко. Не говоря о чудесахъ, совершаемыхъ Олафомъ, мы были бы поставлены въ большое затрудненіе племянницею Зои Маріей, если бы считали сколько-нибудь обязательнымъ для себя вѣрить прозаической поэзіи сагъ. Отецъ Зои Константинъ VIII не имѣлъ дѣтей мужескаго пола, а двѣ сестры Зои были тоже бездѣтны, какъ и она сама; старшая даже постриглась еще при отцѣ въ монахини [1]). Марія, конечно, упоминается въ современной Гаральду византійской исторіи, но это была мать императора Михаила V, низверженнаго и ослѣпленнаго. Если ее похитилъ норвежскій герой во время Константина IX (сага разсказываетъ о похищеніи вслѣдъ за ослѣпленіемъ Мономаха), то нужно подивиться его выбору, потому что это была уже слишкомъ пожилая женщина.

Гораздо поучительнѣе и любопытнѣе будетъ сличеніе данныхъ, сообщаемыхъ современною поэзіей сѣвера, съ достовѣрными фактами византійской исторіи. Быть можетъ, мы найдемъ при этомъ объясненіе той роли, какую Гаральдъ игралъ въ Константинопольскомъ мятежѣ. Возстаніе было вызвано привязанностію народа къ фамиліи Василія II и негодованіемъ противъ Калафата, который отплатилъ черною неблагодарностію племян-
444 ницѣ Василія Зоѣ, усыновившей его и возведшей его на престолъ. Пселлъ, современникъ и очевидецъ, одинъ изъ секретарей Михаила, стоявшій, во время смятенія, предъ дворцомъ въ толпѣ народной (histor. p. 92), сообщаетъ драгоцѣнныя подробности о томъ, что происходило на глазахъ у него. Онъ говоритъ, что не только туземное Цареградское населеніе, мелкіе купцы и лавочники, поднялись противъ Калафата, но и чужестранные наемники. Вотъ въ высшей степени важныя для насъ слова историка: «Даже наемники и союзники, которыхъ привыкли держать при себѣ (кормить) императоры,—я разумѣю Тавроскиѳовъ,—или другіе какіе (люди) не могли удержать гнѣва, но всѣ готовы были положить душу за царицу». Pselli hist. p. 91: Ἀλλ' οὐδ' ὅσον ξενικόν τε καὶ συμμαχικὸν εἰώθασι παρατρέφειν οἱ βασιλεῖς, λέγω δὲ τοὺς περὶ τὸν Ταῦρον Σκύθας, ἢ ἕτεροί τινες, κατέχειν ἠδύ-

1) Psell. hist. p. 26.

ναντο τὰς ὀργάς и т. д. Мы видимъ: a) что и наемники, и союзники у Пселла здѣсь одни и тѣ же Русскіе, точно такъ какъ въ разсказѣ о русскомъ корпусѣ, присланномъ изъ Кіева въ 988 году [1]), и b) далѣе узнаемъ, что Русскіе принимаютъ важное участіе въ апрѣльской престолонаслѣдной революціи 1042 года. Передъ дворцомъ императорскимъ Пселлъ (p. 92) своими глазами видѣлъ людей, держащихъ топоры въ рукахъ и потрясающихъ тяжеложелѣзными сѣкирами: ὁ μὲν πέλεκυν διηγκαλισμένος, ὁ δὲ ῥομφαίαν τινὰ κραδαίνων τῇ χειρὶ βαρυσίδηρον. Въ этихъ людяхъ многіе узнаютъ Варанговъ, но тогда эти Варанги будутъ русскіе Варанги... Въ самомъ началѣ возстанія, толпа разломала двери государственной темницы и, убивъ стражей, освободила узниковъ (Attaliot. p. 15). Усиленная ими, она осадила дворецъ, и когда опасность сдѣлалась грозно-очевидною, «императоръ боялся выйти впередъ, но опасался также и оставаться на одномъ мѣстѣ; у него не было союзной силы во дворцѣ, да и призвать ее не было возможно; ибо самые наемники, содержимые (кормимые) во дворцахъ,—одни были какъ-то двусмысленны въ своемъ настроеніи и не совсѣмъ слушались приказаній, а другіе явнымъ образомъ стояли на противной сторонѣ и, выломившись (изъ подъ послушанія), пристали къ толпѣ». Psell. p. 93 sq.: Συμμαχία τε αὐτῷ οὔτε ἐν τοῖς βασιλείοις ἦν, οὔτε ἐξῆν μεταπέμψασθαι· καὶ αὐτὸ γὰρ τὸ παρατρεφόμενον ἐν ταῖς αὐλαῖς ξενικὸν, οἱ μὲν ἀμφίβολοί πως ἦσαν ταῖς γνώμαις -- οἱ δὲ -- ἀπερρωγότες τοῖς πλήθεσι συνερρώγεσαν. — Если за двѣ страницы подъ наемнымъ войскомъ, содержимымъ императорами, Пселлъ разумѣлъ Тавроскиѳовъ, то и здѣсь несомнѣнно рѣчь идетъ о нихъ же. Русскіе составляли при Михаилѣ V иноземный отрядъ, охранявшій дворецъ и его священную особу. Часть ихъ отложилась отъ него, такъ что императоръ долженъ былъ вооружить придворную прислугу (Psell. p. 94) на помощь немногимъ, оставшимся вѣрными. По словамъ Кедрина (II, 538=Скилица) дворецъ былъ

1) Въ самомъ дѣлѣ, построеніе вышеприведеннаго періода совершенно ясно. При глаголѣ ἠδύναντο стоятъ два субъекта; первый: союзники и наемники, подъ которыми разумѣются Русскіе; второй: всякіе другіе люди, то-есть, не наемники и не союзники, и не Русскіе. Впрочемъ, нѣкоторая неловкость словъ: ἕτεροί τινες не можетъ быть отрицаема: не слѣдуетъ ли читать вмѣсто ἑτερόν τινες (=ἕτερ τινετ), какъ стоитъ въ рукописи, ἑταιρίας или ἑταιρίαν?

взятъ все-таки послѣ упорнаго сопротивленія. «Окружающіе императора, раздѣлившись на три части, сильно защищались, и было большое убійство. Говорятъ, что погибло до 3.000 человѣкъ» (изъ толпы большею частію безоружной). Императоръ Михаилъ успѣлъ бѣжать изъ дворца на морскомъ суднѣ, но та же самая толпа, въ которой были опять люди военной службы (Psell. p. 100), явилась предъ Студійскимъ монастыремъ, гдѣ искалъ убѣжища уже постригшійся императоръ. Утромъ 21-го онъ былъ ослѣпленъ; варварская казнь была совершена какими-то людьми, которыхъ Пселлъ называетъ ἰταμοὺς καὶ θρασεῖς (p. 101), жестокими и смѣлыми.

Касательно участія Русскихъ въ цареградскихъ событіяхъ 1042 года мы можемъ сообщить еще одно весьма цѣнное извѣстіе, которымъ мы обязаны ученой любезности товарища, профессора арабскаго языка въ здѣшнемъ университетѣ, барона В. Р. Розена. Свидѣтельство принадлежитъ Ибнъ-эль-Атиру, автору Всеобщей исторіи, писанной хотя и поздно (въ XIII вѣкѣ), но сообщающей чрезвычайно замѣчательныя и точныя извѣстія о нѣкоторыхъ византійскихъ событіяхъ X и XI вѣковъ; еще не объяснено, изъ какихъ источниковъ заимствованы свѣдѣнія Ибнъ-Атира. Вотъ что̀ онъ сообщаетъ о переворотѣ 1042 года: «Михаилъ V требовалъ настоятельно отъ Зои, чтобъ она шла въ монастырь...Ославъ ее, онъ хотѣлъ схватить патріарха, дабы быть спокойнымъ отъ его приговоровъ; такъ какъ (иначе) царь не могъ остановить (въ этомъ) патріарха. Царь потребовалъ отъ патріарха, чтобъ онъ устроилъ для него пиръ въ одномъ монастырѣ внѣ Константинополя и хотѣлъ присутствовать у него (на пиру). Патріархъ согласился на это и вышелъ въ указанный монастырь, чтобы сдѣлать то, что̀ сказалъ императоръ. Затѣмъ императоръ отправилъ въ монастырь сборище изъ Русовъ и Булгаръ и приказалъ имъ убить тайно патріарха. Они отправились
445 ночью въ монастырь и здѣсь осаждали его. Тогда онъ (патріархъ) раздавалъ имъ большія деньги и вышелъ тайкомъ. Затѣмъ, отправившись въ городъ, патріархъ велѣлъ звонить въ колокола и поднялъ народъ». Дальнѣйшій разсказъ вполнѣ согласенъ съ византійскими источниками, да и самое участіе патріарха въ возстаніи, низвергнувшемъ Михаила V, есть несомнѣнный истори-

ческій фактъ. Кедринъ (II, 537) сообщаетъ, что Калафатъ смотрѣлъ на патріарха Алексѣя какъ на приверженца дочерей Константина VIII и сдѣлалъ попытку «извергнуть его изъ церкви», и что при разгарѣ смятенія народъ устремился въ Софійскую церковь, «гдѣ нашелъ себѣ убѣжище патріархъ, который поносилъ императора и былъ за возвращеніе императрицы». Изъ «великой церкви», дѣйствительно, вышла толпа, которая, не удовольствовавшись возвращеніемъ Зои, отыскала сестру ея Ѳеодору и провозгласила ее также императрицею (Cedren. ibid.; ср. Psell. p. 96). Нужно замѣтить сверхъ того, что роль, приписываемая въ разсказѣ Ибнъ-эль-Атира Русскимъ, вполнѣ согласна съ поведеніемъ Тавроскиѳовъ у Пселла: тѣ и другіе не тверды въ своей вѣрности императору или даже прямо ему измѣняютъ.

Какъ же согласить всѣ эти данныя съ сагой о Гаральдѣ, а если не съ нею, то съ отрывками современныхъ событію пѣсенъ, сложенныхъ скальдами? Кто захочетъ ловить мелькающіе признаки исторической правды въ подробностяхъ саги, не опасаясь увлечься призраками, тотъ можетъ, конечно, думать, что Гаральдъ находился въ числѣ тѣхъ освобожденныхъ мятежниками узниковъ, о которыхъ говорится у Атталіоты. Можно будетъ тогда удержать и другую черту извѣстія, сообщаемаго Вильгельмомъ Мальмесберійскимъ, именно—что Гаральдъ попалъ въ тюрьму за безчестіе, нанесенное знатной византійской дамѣ. Чудесное явленіе Олафа, равно какъ и левъ, задушенный Гаральдомъ, конечно, будутъ оставлены въ области миѳа и легенды. Для насъ важно другое. Въ защитникахъ византійскаго дворца, содержимыхъ императорами, мы узнали Варанговъ, а по яснымъ и прямымъ указаніямъ Пселла эти Варанги суть Тавроскиѳы, то-есть, Русскіе. Гаральдъ является тогда ихъ явнымъ противникомъ; мы должны предполагать его среди возмутившейся толпы, штурмовавшей дворецъ; мы должны предполагать, что именно тогда онъ учинилъ то, что̀ сага (вѣроятно, вслѣдъ за скальдами) называетъ polotaswarf — грабежемъ (царскихъ) палатъ, и наполнилъ руки византійскимъ золотомъ. Такимъ образомъ, имѣя въ рукахъ сагу, мы пришли къ рѣшительному отрицанію того, на чемъ она всего болѣе настаиваетъ, или, по край-

ней мѣрѣ, о чемъ твердитъ на каждой страницѣ, именно—что
447 Гаральдъ былъ главою Вэринговъ; онъ не глава Вэринговъ, а ихъ врагъ. Не слишкомъ ли смѣлы пріемы, приводящіе къ такимъ результатамъ? Они были бы слишкомъ смѣлы, если бы въ самой сагѣ, то-есть, въ приводимыхъ ею пѣсняхъ скальдовъ, мы не находили себѣ опоры. Мы не противорѣчимъ своему главному источнику, а сага противорѣчитъ тому, что̀ она признала своимъ первымъ авторитетомъ. Вотъ повѣрка нашего вывода:

Въ небольшомъ пергаменномъ отрывкѣ, содержащемъ въ себѣ исторіи Норвежскихъ королей (Noregs konúngatal), и въ тожественной по содержанію, но болѣе обширной пергаменной рукописи, названной по красотѣ своего переплета Фагрскинною (Fagr-skinna, прекрасная кожа) и содержащей біографіи Норвежскихъ королей (Aettartal—фамильныя сказанія), то-есть, тѣ же самыя саги Снорре Стурлесона и между ними сагу о Гаральдѣ только въ отличной и, какъ думаютъ, наиболѣе древней редакціи, при разсказѣ о нападеніи на дворецъ и объ ослѣпленіи императора приведены стихи скальда Вальгарда, опущенные какъ въ Heimskringla, такъ и въ другихъ редакціяхъ. Въ изложеніи прозаическомъ нѣтъ почти никакого отличія какъ во всей предыдущей части, такъ и въ той, которая насъ теперь занимаетъ. Гаральдъ освобожденъ изъ тюрьмы женщиною, которой явился во снѣ братъ его св. Олафъ; освобожденный узникъ тотчасъ отправился на варяжское подворье (Vaeringjaskipt), то-есть, въ домы Вэринговъ; когда онъ туда пришелъ, то приказалъ всѣмъ встать и идти въ палаты царя, гдѣ онъ почивалъ; здѣсь они убили нѣсколькихъ Вэринговъ, которые держали стражу надъ царемъ, захватили самого царя живого и выкололи ему оба глаза. За тѣмъ слѣдуютъ стихи Торарина Скеггіасона и Тіодольфа, уже извѣстные намъ, а далѣе отрывокъ сейчасъ упомянутаго скальда Вальгарда, оправдывающій ту особенную черту въ разсказѣ, которой не находится въ иныхъ редакціяхъ, и которая отмѣчена курсивомъ.

«Вальгардъ изъ Велли упоминаетъ сверхъ того о стражахъ (объ убійствѣ стражей въ Noregs konúngatal)»:

Тотчасъ ты, потомокъ шлемоносцевъ (то-есть, государей, князей),
Приказалъ повѣсить тѣхъ, что̀ держали стражу (skipt).

Ты такъ повернулъ дѣло,
Что менѣе стало Вэринговъ (то-есть, что многіе были убиты).

Valgardhr af Velli hefir ok kvedhit um vardhmennina (segir 448
frá drápi vardhmanna: Nor. konungatal):

Helmingi bauttu hánga
hilmis kundr af stundu,
skipt hafi thér svá at eptir
eru Vaeríngiar faeri.

Латинскій переводъ:

Mox tu, create regibus,
Pendere custodes iussisti,
Rem ita administravisti,
Ut pauciores Vaeringi supersint.

(Antiquités Russes II, 107).

Не останавливаемся на томъ, что Гаральдъ приходитъ сначала на варяжское подворье (Vaeríngjaskipt) — по объясненію саги, «такъ назывались у Вэринговъ дворы, въ которыхъ они жили» (svá kalla their thá gardha er Vaeríngjar eru í), — а потомъ, если сопоставить сагу съ четверостишіемъ Вальгарда, находитъ то же самое подворье въ императорскомъ дворцѣ. Слово «Vaeríngjaskipt» (варяжское подворье), извѣстное только изъ этого мѣста Фагрскинны, взято составителемъ саги изъ приведенныхъ имъ стиховъ скальда Вальгарда. Но «skipt», переведенное нами словомъ «подворье» только на основаніи толкованія, прибавленнаго въ сагѣ, объясняется въ Исландско-Англійскомъ словарѣ Клизби и Вигфуссона византійскимъ ἐξκούβιτον (лат. excubitum, Σκούβιτον, Σκουβίτορες, по византійскому народному произношенію), и сообразно съ этимъ будетъ значить или придворную стражу или мѣсто во дворцѣ, гдѣ стояла стража, а не какіе-либо особые отъ того «дворы» Вэринговъ [1]). Тамъ, гдѣ были убиты

1) Ἐξκούβιτον, ἐσκσκούβιτον, ἐσκούβιτον (varie enim haec vox scribitur) significat interdum cohortes praetorias, seu excubitores qui ad palatium excubabant, interdum locum ipsum circa palatium, ubi stationes agebant и т. д. Ducange sub v.

Вэринги, и была стража варяжская, или skipt. Ясное дѣло, что и здѣсь составитель саги не справился съ своимъ основнымъ источникомъ, не говоря о томъ, что разсказъ его никакъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительной исторіи. Остановимся лучше на словахъ
449 скальда Вальгарда, для которыхъ мы собственно и обратились къ Фагрскиннѣ.

Гаральдъ Гардрадъ является здѣсь вождемъ въ какомъ-то смятеніи или возстаніи; онъ ворвался въ ту часть императорскаго дворца, гдѣ стояла стража его (skipt), или тѣлохранители; онъ велѣлъ повѣсить стражей, и число этихъ повѣшенныхъ было такъ значительно, что количество Вэринговъ сократилось. Вотъ подлинный и современный разсказъ скандинавскаго свидѣтеля. Спрашиваемъ: является ли здѣсь Гаральдъ Вэрингомъ, ихъ главою? Нѣтъ, онъ ихъ убиваетъ. Кто же послѣ этого Вэринги? Что они не были Гаральдовы единоплеменники, это даетъ чувствовать самый торжествующій тонъ придворнаго поэта, Вальгарда: безъ всякаго сожалѣнія и, напротивъ того, съ яркимъ сочувствіемъ воспѣваетъ онъ истребленіе Вэринговъ.

Повторяемъ, этотъ отрывокъ скальда Вальгарда есть единственный скандинавскій памятникъ XI вѣка, въ которомъ встрѣчается имя Вэринговъ. Немало драгоцѣнныхъ для историка перловъ сѣверной поэзіи разсыпано на страницахъ Стурлесоновой прозы; но это, очевидно, самый драгоцѣнный изъ нихъ. Ни въ одномъ изъ многочисленныхъ отрывковъ, принадлежащихъ прочимъ скальдамъ XI столѣтія, мы не встрѣчаемъ имени Вэринговъ; мы встрѣчаемъ его только одинъ разъ, и здѣсь оно не означаетъ Гаральда и его спутниковъ. Этимъ осуждена сага и оправдана исторія, оправданы современные византійскіе источники, Пселлъ и Атталіота, оправданъ Іоаннъ Скилица. Какъ объяснить, что сага, составленная въ XIII вѣкѣ, видитъ свѣтъ только въ своемъ окнѣ, не хочетъ знать другихъ Вэринговъ-Ва-

---

Σκουβίτορες, in Glossis Basil. οἱωνεὶ φύλακες ἄγρυπνοι, οὓς πρῶτον κατὰ Ῥωμύλου Τιβέριος καῖσαρ ἐξεῦρε. Ibid.

Замѣчательно, что въ самомъ разсказѣ византійцевъ о нападеніи бунтующей толпы на дворецъ говорится, что одна изъ трехъ частей, на которыя толпа раздѣлилась, бросилась именно на караульную часть дворца — κατὰ τὰ ἐξκούβιτα: Cedren. II, 538.

ряговъ, кромѣ своихъ любезныхъ Исландцевъ и Норвежцевъ,— это другой вопросъ, къ которому мы сейчасъ обратимся.

Теперь мы можемъ сказать, что Вэрингами, защищавшими Михаила V-го, были Русскіе, а норвежскій принцъ былъ въ толпѣ, которая ломилась во дворецъ. Послѣдуемъ за нимъ далѣе: двумя скальдами засвидѣтельствовано участіе Гаральда въ ослѣпленіи императора, которымъ можетъ быть только Михаилъ V. Слѣдовательно, мы должны представлять себѣ, что Гаральдъ и его товарищи не удовлетворились разграбленіемъ дворца, мы должны думать, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ «стратіотовъ», о которыхъ говоритъ Пселлъ, которые отправились ночью съ 20-го на 21-е апрѣля въ Студійскій монастырь, гдѣ нашелъ себѣ убѣжище низверженный императоръ. Пселлъ, очень подробно и наглядно описывающій сцену ослѣпленія, при которой онъ имѣлъ мужество присутствовать (p. 100), не отмѣчаетъ на сей разъ 450
внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было бы опредѣлить національность людей, исполнившихъ при ослѣпленіи мало почетную должность палачей. Это просто были «люди жестокіе и смѣлые». Но если бы захотѣли точнѣе опредѣлить степень участія Гаральда въ кровавой расправѣ съ императоромъ, то намъ слѣдуетъ прежде всего устранить предположеніе, что норвежскій принцъ былъ здѣсь распорядителемъ и раздавалъ приказанія. У Пселла (p. 101) указано, что распоряженіе объ ослѣпленіи вышло отъ лицъ, приближенныхъ къ царицѣ Ѳеодорѣ. А у Кедрина — Скилицы (II, p. 540) и также въ краткомъ каталогѣ византійскихъ императоровъ, приписываемомъ Кодину (Excerpta de antiquitatibus Constantinopolitan., p. 156), сохранилось и названіе того греческаго сановника, который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при сценѣ ослѣпленія; это былъ городской эпархъ Никифоръ Капанеръ или Капаней (παρὰ τοῦ λαοῦ καταχθεὶς-ἐτυφλώθη παρὰ Νικηφόρου ἐπάρχου τοῦ Καπάνεως. Codin.). Но ничто не мѣшаетъ намъ думать, что Гаральдъ находился въ толпѣ, которая вытащила Михаила Калафата изъ храма и всячески издѣвалась надъ низверженнымъ императоромъ, а потомъ присутствовала при ослѣпленіи.

Такъ соглашаются византійскія извѣстія, подкрѣпляемыя арабскими и русскими, съ современными пѣснями скальдовъ.

Обращаемся теперь къ объясненію того, какимъ путемъ сага разошлась со своимъ главнымъ авторитетомъ. Мы думаемъ, что это объясненіе очень легко. Припомнимъ выраженія, которыми древнѣйшія исландскія саги обозначаютъ службу Нордманновъ въ Миклагардѣ и въ Гардарикѣ. «Онъ прибылъ въ Гардарику, сдѣлался тамъ наемникомъ и былъ съ Вэрингами» (Heidharvígasaga). Припомнимъ, что въ Виго-Стировой сагѣ Нордманны хотя также служили въ тѣхъ или другихъ Вэрингахъ, но часто отличались отъ нихъ (см. выше, стр. 193). И Гаральдъ былъ Вэрингомъ, пока онъ состоялъ въ русскомъ военномъ корпусѣ. Въ 1034 году, во Ѳракисійской темѣ, онъ былъ Вэрингомъ. Если ужъ особенно нужно будетъ спасать честь саги, то можно думать, что и въ 1042 году онъ продолжалъ быть Вэрингомъ, то-есть, онъ былъ въ числѣ тѣхъ «Тавроскиѳовъ-наемниковъ», которые прямо отложились отъ императора и потомъ вмѣстѣ съ толпою штурмовали дворецъ, хотя, по нашему мнѣнію, въ такомъ предположеніи нѣтъ необходимости. Однимъ словомъ, мы хотимъ сказать, что не только у Вальгарда, но и у другихъ
451 скальдовъ слово Вэринги, вѣроятно, встрѣчалось, но только въ такомъ смыслѣ, что оно не было прямо и исключительно относимо къ Гаральду и его спутникамъ. Для составителя саги было не только легко, но даже извинительно не понять довольно темныхъ выраженій и намековъ родной поэзіи и нѣсколько увлечься патріотизмомъ. Сага приняла малую часть за все цѣлое, или, лучше сказать, наоборотъ: цѣлое Вэринги = Варяги—въ глазахъ ея уравнялось съ малою долею варяжскаго отряда.

VIII.

Нордманы, Русскіе и Варяги въ Сициліи и Апуліи (1038—1042).

Византійское правительство при Михаилѣ IV Пафлагонянинѣ рѣшилось предпринять серьезную экспедицію, чтобы вырвать изъ рукъ невѣрныхъ мусульманъ островъ Сицилію. Внутреннія междуусобія на островѣ представляли, съ одной стороны, прямой вызовъ къ вмѣшательству Грековъ, а съ другой — подавали надежду легкаго завоеванія. Эмиръ сицилійскій изъ фамиліи

Келбитовъ, Ахмедъ-Ахалъ (Akhal), угрожаемый возстаніемъ подданныхъ, во главѣ которыхъ стоялъ его собственный братъ (Abu-Hafs), обратился къ византійскому двору съ просьбой о союзѣ. Его противники просили помощи султана Тунисскаго (Зейрида) Моезза-ибнъ-Бади (Moezz-ibn-Bâdi), который отправилъ туда значительное войско подъ предводительствомъ своего сына Абдаллы. Уже въ 1034 году византійскія войска боролись съ африканскими на островѣ Сициліи, но скоро воротились въ Апулію. Послѣ удаленія ихъ, инсургенты и приверженцы Тунисскаго султана восторжествовали, Ахмедъ-Ахалъ былъ зарѣзанъ, и голова его представлена Абдаллѣ-ибнъ-Моэззу: послѣдній теперь владѣлъ столицею (Палермо) и всѣмъ островомъ. Въ этотъ моментъ, но уже въ 1038 году, византійская армія снова переправилась чрезъ Мессинскій проливъ [1]).

Приготовленія были сдѣланы большія. Изъ описанія послѣ- 77
дующихъ военныхъ дѣйствій въ источникахъ византійскихъ и норманно-итальянскихъ оказывается, что всѣ роды войскъ, находившіеся до сихъ поръ въ Азіи—какъ старинные мѣстные, такъ и наемные иностранные—были переправлены въ Апулію и потомъ въ Сицилію. Во главѣ экспедиціи былъ поставленъ бывшій правитель пріевфратскихъ городовъ, знаменитый Георгій Маніакъ, прославившій себя взятіемъ Эдессы и борьбою съ азіатскими Сарацинами, тотъ самый Гиргиръ, неразлучнымъ спутникомъ котораго исландская сага представляетъ своего героя, норвежскаго принца Гаральда. Маніакъ, получившій также званіе стратига (византійской) Лонгобардіи (Zonar. II, p. 237 ed. Paris.), старался увеличить свою армію всѣми средствами. Онъ вступилъ въ дружественныя сношенія съ княземъ Салернскимъ Ваймаромъ,

1) Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia, II 375 слѣд. Это превосходное сочиненіе итальянскаго ученаго, а также сочиненіе de Blasiis (La insurrezione Pugliese) служили для насъ важнымъ пособіемъ въ этой главѣ. Нужно упомянуть, кромѣ того, о критическомъ изслѣдованіи Гирша, посвященномъ хроникѣ Амата Монтекассинскаго (Forschungen zur Deutschen Geschichte, VIII Band). Мы старались, по возможности, обходить посторонніе для насъ вопросы и пункты и не всегда приводимъ основанія, почему въ такого рода подробностяхъ принимаемъ извѣстіе того или другого источника. Для повѣрки и для дополненія того, что нами опущено, просимъ обращаться къ указаннымъ сочиненіямъ, [а также къ Jahrbücher des deutschen Reiches unter Heinrich II, von S. Hirsch und H. Breslau. Bd. III (1875)].

у котораго нашли себѣ пріютъ французскіе Норманны, уже внѣдрившіеся въ Италіи. Они, повидимому, были въ тягость своему патрону; онъ убѣдилъ ихъ принять участіе въ борьбѣ съ невѣрными, предложивъ богатую награду отъ имени Грековъ. Къ Маніаку явились братья Готвили, недавно переселившіеся въ Италію изъ своего замка на полуостровѣ Cotentin (въ Нормандіи). Младшихъ и впослѣдствіи болѣе знаменитыхъ Роберта и Рожера еще не было здѣсь, и во главѣ трехсотеннаго норманнскаго отряда стояли три старшіе брата Готвили: Вильгельмъ Желѣзная Рука, въ которомъ совершенно напрасно узнаютъ скандинавскаго Нордманна Гаральда, Дрогонъ и Гумфридъ. Пришло также нѣсколько Ломбардцевъ съ береговъ рѣки По, и во главѣ ихъ Ардуинъ, служебный человѣкъ архіепископа Миланскаго, опять не имѣющій ничего общаго съ Гаральдомъ Гардрадомъ [1]). Вообще въ византійскихъ, а равно и въ южно-итальянскихъ источникахъ нельзя указать лица, подъ которымъ могъ бы скрываться норвежскій герой. Но никакъ нельзя отвергать его присутствія въ Италіи и участія въ борьбѣ съ Сарацинами Сициліи и Африки. Сицилія
78 не только представляется главнымъ театромъ подвиговъ Гаральда въ прозаическомъ разсказѣ саги, но и упоминается нѣсколько разъ въ отрывкахъ поэзіи скальдовъ. Нѣкоторые изъ этихъ отрывковъ уже приведены нами. На основаніи ихъ мы можемъ прямо заключать, что Гаральдъ, уже въ Сарацинской Азіи вступившій въ тѣ или другія отношенія къ Маніаку, вмѣстѣ съ нимъ, въ 1038 году, прибылъ въ Италію. Если мы прослѣдимъ, хотя въ краткихъ чертахъ, дѣйствія византійской арміи въ Сициліи, то еще болѣе убѣдимся въ близкомъ соотвѣтствіи тѣхъ указаній и намековъ, которые заключаются въ стихахъ скальдовъ, съ дѣйствительною, фактическою исторіей, какъ она представляется по историческимъ источникамъ. Греки безпрепятственно переправились черезъ проливъ, не подалеку отъ Мессины, и медленно двигались по направленію къ городу. Мусульмане сдѣлали попытку остановить ихъ; въ жаркой схваткѣ Греки уже поколебались, но

1) Съ Вильгельмомъ Готвилемъ отождествляетъ Гаральда Муральтъ, а съ Ардуиномъ—Гойфъ. Какъ это неосновательно, доказывается цѣлымъ рядомъ мѣстъ, гдѣ онъ именуется то министеріаломъ, то служебникомъ (servicial) св. Амвросія Медіоланскаго. Мѣста собраны у Гирша и другихъ.

норманнскій отрядъ возстановилъ сраженіе; подъ предводительствомъ Вильгельма Желѣзной Руки онъ сломилъ враговъ, которыхъ потомъ Греки гнали до самаго берега. Такъ разсказываютъ южно-норманнскіе источники, съ самаго начала обнаруживая свою задачу—прославленіе подвиговъ своихъ соотечественниковъ. Они умалчиваютъ за то о слѣдующемъ сраженіи, для общаго хода дѣлъ болѣе важномъ и описанномъ Византійцами. По всему видно, что мусульмане хотѣли остановить Грековъ не при Мессинѣ, городѣ, населенномъ христіанами и потому не укрѣпленномъ, а при Раметтѣ, κατὰ τὰ λεγόμενα Ῥήματα (Cedren. II, 520). Громадное войско, въ составѣ котораго Кедринъ-Скилица отмѣчаетъ 50.000 «Карѳагенянъ», пришедшихъ на помощь изъ Африки, преградило Византійцамъ путь внутрь острова. Сраженіе было такъ упорно, что близъ лежащая рѣчка текла кровью (ibid.). Затѣмъ послѣдовало завоеваніе тринадцати укрѣпленныхъ замковъ, въ которыхъ Арабы упорно защищались, и осада Сиракузъ, ознаменованная новымъ богатырскимъ подвигомъ Желѣзной Руки Вильгельма, сообщаемымъ, конечно, соотвѣтствующимъ источникомъ. Между тѣмъ Абдалла-ибнъ-Моеззъ, получивъ подкрѣпленія изъ Африки, снова грозилъ Византійцамъ. Съ шестидесятитысячною арміей,—по самымъ умѣреннымъ показаніямъ (Malaterra), а по Кедрину, по крайней мѣрѣ, съ вдвое большею—«Карѳагенянинъ» расположился лагеремъ на равнинѣ близъ города Траины (Δραγῖναι ἡ πεδιάς: Cedren. II, 522), на сѣверо-западъ отъ горы Этны, откуда онъ могъ тревожить Грековъ въ Катанѣ и подъ Сиракузами. Маніакъ, господствовавшій только надъ восточнымъ берегомъ Сициліи, имѣя предъ собою укрѣпленный городъ, осада котораго затянулась, а позади—непріятельскую армію, 79
устремился противъ послѣдней. Онъ остановился лагеремъ на востокъ отъ Траины, тамъ, гдѣ съ XII вѣка находились аббатство и земля, сохранившія его имя (Maniace) до нашего времени (Amari II, 387). Готовясь вступить въ сраженіе и нанести рѣшительный ударъ врагу, Маніакъ приказалъ начальнику византійскаго флота, то-есть, патрицію Стефану, зятю императора Михаила IV, внимательно оберегать и стеречь морскіе берега Сициліи, чтобы разбитый непріятель не имѣлъ болѣе никакой возможности ускользнуть и снова тревожить византійскія завоеванія и армію. Карѳа-

генянинъ, сынъ Тунисскаго султана, былъ разбитъ; 50.000 Африканцевъ, по словамъ Кедрина, покрывали поле сраженія (II, 522). Но вслѣдствіе небрежности патриція Стефана, Абдалла успѣлъ спастись, посадиться на суда (въ Кароніи или Чефалу, то-есть, на сѣверо-восточномъ берегу Сициліи, по мнѣнію Амари), и потомъ явился въ Палермо, откуда онъ могъ возобновить борьбу. Кедринъ, утверждающій, что Абдалла-ибнъ-Моэззъ уже теперь бѣжалъ въ Африку, противорѣчитъ арабскимъ историкамъ, и очевидно — либо ошибается, либо упускаетъ посредствующіе факты (Amari II, 391). Слѣдствіемъ побѣды при Траинѣ была сдача Сиракузъ, гдѣ Георгій Маніакъ возстановилъ христіанское богослуженіе, а равно и военныя укрѣпленія; замокъ на крайней оконечности древней Ортигіи до сихъ поръ носитъ его имя (Amari II, 391). Въ Сиракузахъ отысканы были мощи св. Лучіи, указанныя какимъ то старцемъ, украшеннымъ почтенною сѣдиною (Aimé, Ystoire de li Normant, II, 9, p. 60 éd. Delarc), и въ серебряной ракѣ отправлены въ Константинополь. Подобно Сиракузамъ, заняты были греческими гарнизонами и другіе вновь завоеванные укрѣпленные арабскіе пункты. Въ первой половинѣ 1040 года почти вся Сицилія была въ рукахъ Грековъ.

Въ это самое время Маніакъ былъ отозванъ изъ Сициліи, въ оковахъ ввезенъ въ Константинополь и брошенъ въ темницу. Раздраженный неисправностью адмирала Стефана послѣ сраженія при Траинѣ, Маніакъ, извѣстный своимъ неукротимымъ характеромъ, назвалъ царскаго зятя трусомъ и предателемъ, мало того, поднялъ на него свой бичъ (Cedren. II, 523). Эта вспышка была причиною паденія Маніака. При византійскомъ дворѣ очень скоро сдались на мстительныя и коварныя внушенія Стефана, что тотъ, кто поднялъ руку на царскаго зятя, не остановится поднять ее и противъ самаго царя и уже готовится протянуть ее къ царскому вѣнцу. Съ удаленіемъ знаменитаго вождя, кончились успѣхи Византійцевъ: они принуждены были оставить почти всѣ свои завоеванія; побѣда, одержанная при Мессинѣ, не поправила положенія дѣлъ, — она только и спасла одну Мессину (Cedren. II, 524 sq.).

Изъ этого краткаго очерка событій двухлѣтняго сицилійскаго похода (1038—1040 гг.) видно, во-первыхъ, что историческій

Маніакъ, оставившій послѣ себя такую прочную память въ Сициліи, вовсе не похожъ былъ на того Гиргира или Гюргія, который въ прозаической сагѣ играетъ такую незавидную и унизительную роль подлѣ норвежскаго героя,—роль арлекина въ комедіи. Характеристика, сообщаемая Пселломъ, который лично зналъ Маніака, очевидно, болѣе сообразна съ историческими фактами. Это былъ человѣкъ ростомъ выше сажени, такъ что окружающимъ приходилось смотрѣть на него снизу, какъ на какую-нибудь колонну или вершину горы. Въ его взглядѣ не было ничего изнѣженнаго и мягкаго, но нѣчто, подобное молніи; громовая рѣчь, руки, способныя потрясать стѣны и сокрушать мѣдныя ворота, стремительность и порывистость льва, внѣшность, внушающая почтительный страхъ. Всѣ остальныя черты его характера были въ полной гармоніи съ этими признаками. Слухъ о его дѣлахъ еще преувеличивалъ дѣйствительность, такъ что всякій варваръ боялся Георгія Маніака—или вслѣдствіе личнаго знакомства, или наслушавшись разсказовъ, которые о немъ ходили (Pselli hist. p. 138). По обыкновенію, только сага находится въ противорѣчіи съ исторіей, а не поэзія скальдовъ. Для насъ теперь совершенно ясно, кого скальды разумѣли подъ африканскимъ вепремъ или царемъ, съ которымъ Гаральдъ сражался въ Сициліи. Но и другой болѣе значительный отрывокъ, въ которомъ говорится о Сициліи, не представитъ намъ теперь никакихъ трудностей.

«Шовъ корабля наполнялся по самыя скважины (букв. уши) кровію тамъ, гдѣ ты, князь, начиналъ кровопролитіе (blézt blódhi); ты привелъ корабли и мужественно покорилъ землю,—трупы убитыхъ, выброшенные съ борту, лежали, имѣя песокъ подъ собою, при южной Сицилійской землѣ, тамъ гдѣ струился (кровавый) потъ многихъ людей» ‹Antiquités Russes II, 28›.

Мы видѣли, что флотъ византійскій долженъ былъ помогать дѣйствіямъ сухопутнаго войска, что тотчасъ послѣ высадки Византійцевъ и послѣ сраженія при Мессинѣ Сарацины были оттѣснены къ берегу, и что послѣ сраженія при Траинѣ греческіе корабли должны были преградить морской путь мусульманамъ: къ тому или другому изъ этихъ моментовъ и должны 81
относиться приведенные стихи скальда Бѣльверка.

Еще важнѣе для насъ то обстоятельство, что, по всѣмъ признакамъ, подвиги Гаральда ограничились именно одною Сициліей. Въ предыдущей главѣ мы собрали доказательства объ участіи Гаральда въ Болгарской войнѣ 1040 года. Такъ какъ осада Солуни относится къ сентябрю этого года, а Гаральдъ нѣсколько ранѣе того предполагается присутствующимъ въ Аѳинахъ, то удаленіе его изъ Сициліи должно падать на лѣто или весну 1040 года, то-есть, оно будетъ совпадать съ отозваніемъ Георгія Маніака, или по крайней мѣрѣ примыкать близко къ этому роковому для византійской имперіи событію. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы Гаральдъ еще разъ когда-либо появился въ Сициліи или южной Италіи. Уже указанное нами выше четверостишіе скальда Иллуге Бриндальскаго ‹Antiquités Russes II, 21›, въ которомъ говорится о сраженіяхъ Гаральда съ Франками, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается столько же возможнымъ отнести къ Сициліи, сколько и другіе поэтическіе отрывки.

«Мой господинъ часто приступалъ къ союзу Франковъ (сражался вмѣстѣ съ Франками) раннимъ утромъ предъ городомъ женщины. Мужественный потомокъ королей не могъ быть удержанъ въ своемъ стремленіи». (Minn drottinn gekk opt á fridh Frakka fyrir óttu at bý snótar; duglum döglingi vara fljótrent. Прозаическая конструкція).

Мы не умѣемъ точно объяснить, что значитъ городъ женщины, хотя и можемъ думать о Палермо, городѣ св. Розаліи, или о Сиракузахъ, городѣ св. Лучіи, и т. п.[1]). По одному варіанту даже выходитъ, что Гаральдъ не торопился вступать въ городъ женщинъ, а это можетъ быть понято иносказательно — объ отсутствіи въ немъ всякой трусости. Но если Гаральдъ сражался

1) [Въ жи́тіи св. Иліи Новаго (AA. SS. 17 Aug., III, 490), конца IX вѣка, говорится о castrum Sanctae Mariae, внутри острова. Въ грамотѣ 1243 г. (Trinchera, Syllabus Graecarum membranarum, № 293, p. 403) упоминается ἐπίσκοπος τοῦ καταντζαρίου καὶ τοῦ γυνεκοκάστρου. По этому поводу Trinchera, p. 574, въ указателѣ, объясняетъ: Catacium, Καταντζάριον, ital. Catanzaro, Calabriae civitas. Въ греческомъ житіи св. Варѳоломея (AA. SS. Septembr., VIII, 818), произведеніи конца XII в., упоминается ὁ μακάριος Πολυχρόνιος ὁ τότε τῆς Γυναικοπόλεως ἐπίσκοπος, а также въ буллѣ папы Каллиста II, 28 декабря 1121 г.— Polychronius évêque de Genicocastro (Batiffol, La chronique de Taverna et les fausses décrétales de Catanzaro, à propos du registre de Callixte II, въ Revue des questions historiques, 1892, Janvier, p. 238)].

не противъ Франковъ, а вмѣстѣ съ Франками (въ латинскомъ переводѣ: cum Francis), то всего скорѣе можно думать о Сицилійскомъ походѣ, во время котораго Франки, то-есть, французскіе Норманны дѣйствительно были союзниками Грековъ, и совсѣмъ не были ихъ противниками, какъ послѣ. Если сага въ болѣе подробной редакціи разсказываетъ о двухъ походахъ Георгія Маніака и Гаральда Гардрада, полагая между ними значительный промежутокъ времени, и цѣлію обоихъ походовъ ставитъ Сицилію, то она просто на просто запуталась въ своихъ соображеніяхъ и не поняла своихъ источниковъ. Мы увидимъ, что Маніакъ дѣйствительно еще разъ явится въ южной Италіи, но тогда дѣло будетъ идти уже не о Сициліи; а то, что Гаральдъ его сопровождалъ снова (послѣ низверженія Михаила V Кала- 82
фата),— это, повторяемъ, весьма сомнительно.

Во всякомъ случаѣ съ сентября 1040 года до мая 1042 года (до низверженія и ослѣпленія Калафата: см. выше въ предыдущей главѣ) Гаральда и его отряда «великосердыхъ» не было въ византійской Лонгобардіи, куда, послѣ удаленія Маніака, перенесены были военныя дѣйствія. Слѣдовательно, если мы встрѣтимъ здѣсь въ этотъ періодъ времени Варанговъ или Вэринговъ, то это не будутъ скандинавскіе Норманны Гаральда. А эти Вэринги или Варяги несомнѣнно участвовали въ сицилійскомъ походѣ Маніака и также несомнѣнно оставались въ южной Италіи въ 1041 году.

Византійцы должны были уже въ 1040 году бороться съ возстаніями недовольныхъ подданныхъ въ своихъ южно-итальянскихъ владѣніяхъ, то-есть, въ Апуліи и Калабріи. Вмѣстѣ съ неудачами, постигшими греческую армію въ Сициліи послѣ отозванія Маніака, эти волненія южно-итальянскаго населенія вынудили преемниковъ Маніака ограничить сицилійскій экспедиціонный корпусъ самыми малыми размѣрами и даже отпустить Норманновъ, которые съ тремя братьями Готвилями воротились въ свою Аверсу. Катапанъ Михаилъ Докіанъ явился въ Апуліи, сопровождаемый Ардуиномъ, ломбардскимъ рыцаремъ или министеріаломъ. Этотъ Ардуинъ, очевидно—не имѣющій ничего общаго съ Гаральдомъ, зная греческій языкъ и служа переводчикомъ въ сношеніяхъ Византійцевъ съ Франками, оказалъ Грекамъ

много услугъ и получилъ отъ византійскаго катапана городъ Мелфи въ управленіе. Но уже со времени своего пребыванія на островѣ онъ питалъ въ душѣ глубокую ненависть противъ Грековъ, хотя и скрывалъ ее. Причина тому заключалась въ позорномъ наказаніи, которому онъ былъ подвергнутъ по однимъ—Георгіемъ Маніакомъ, по другимъ—ближайшимъ его преемникомъ. Онъ «возжегъ въ жителяхъ Мелфи пламя, таившееся подъ пепломъ», раздулъ снова неудовольствіе апулійскаго населенія, возбудилъ его къ открытому возстанію, отправился въ Аверсу и заключилъ договоръ съ Норманнами, на основаніи котораго половина всѣхъ завоеваній въ южной Италіи должна была достаться самому Ардуину, а другая прежнимъ союзникамъ Грековъ — французскимъ Норманнамъ. Весною, именно въ мартѣ 1041 года, Норманны, подъ предводительствомъ 12 избранныхъ рыцарскихъ вождей, вторглись въ Апулію, чтобы положить прочное начало норманнскому владычеству въ Италіи.

Напрасны были усилія катапана Михаила Докіана затушить
83 разгорѣвшійся пожаръ. Онъ далъ двѣ битвы Норманнамъ и апулійскимъ инсургентамъ и два раза былъ разбитъ. Для насъ важны тѣ указанія на составъ византійской арміи, которыя при описаніи сихъ сраженій сдѣланы въ различныхъ источникахъ.

Первое сраженіе произошло не подалеку отъ Мелфи, при рѣкѣ Оливенто, впадающей въ Офанто, 17-го марта 1041 года. Мѣсто и время сраженія съ наибольшею точностью обозначены въ южно-итальянскихъ источникахъ, ближайшихъ къ мѣсту дѣйствія; у Кедрина (II, 546) есть неточность: вмѣсто Оливенто онъ называетъ самый Авфидъ (Офанто). Протоспаѳарій и катапанъ Михаилъ пришелъ въ Ломбардію (то-есть, Апулію) изъ Сициліи, и слѣдовательно, съ тѣми войсками, которыя тамъ стояли; а одною изъ важнѣйшихъ частей его арміи были Русскіе. Annales Barenses, MG. SS. V, 54: Factum est proelium - - iuxta fluvium Dulibentis. Et ceciderunt ibi multi Russi et Obsequiani (ополченіе азіатской темы Обсеквіанцевъ)[1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ катапанъ далъ второе сраженіе. По свидѣтельству Кедрина — вмѣсто того, чтобы позаботиться о надлежа-

1) [Обсеквіанцы = Славяне, въ числѣ 30.000 поселенцы τῆς τοῦ Ὀψικίου χώρας. См. Nicerh. ed. de Boor. p. 36, 20—23. 37, 6].

щихъ подкрѣпленіяхъ и собрать всѣ силы, какія могли найтись подъ рукою, Михаилъ Докіанъ вслѣдствіе безразсудной самонадѣянности вышелъ противъ враговъ съ тѣмъ же войскомъ, которое было разбито въ мартѣ мѣсяцѣ. Оно было усилено только Писидами и Ликаонами, составляющими отрядъ Федератовъ (Cedren. II, 546): τοὺς ἡττηθέντας πάλιν ἀναλαβὼν καὶ Πισσίδας καὶ Λυκάονας, οἵπερ ἀναπληροῦσι τὸ τάγμα τῶν φοιδεράτων. Отмѣчаемъ мимоходомъ фактическую неточность, допущенную ученымъ авторомъ «Отрывковъ о Варяжскомъ вопросѣ» и потомъ повторенную его противниками (за исключеніемъ, конечно, А. А. Куника, который уже указалъ ошибку, см. «Каспій» ак. Дорна, стр. 420). Имя Федератовъ и «послѣдній вѣрный поминъ о нихъ» относится не къ 821, а къ 1041 году. Но вѣрно то, что Федераты этого послѣдняго года мало имѣютъ общаго съ готскимъ 40.000 корпусомъ IV вѣка и ничего общаго не имѣютъ съ Варягами XI вѣка [1]). Число ихъ, безъ сомнѣнія, не превосходило 500 человѣкъ (τάγμα); по свидѣтельству мѣстной Барійской лѣтописи, вся византійская армія состояла изъ 18.600 человѣкъ, и въ составѣ 84
ея находилось много другихъ элементовъ. Приводимъ весьма точныя и важныя для насъ показанія лѣтописи. Deinde collectis mense Maii in unum omnibus Graecis apud Montem Maiorem (Cedren. l. c.: περὶ τὰς λεγομένας Ὥρας) iuxta fluenta Aufidi (Офанто), initiatum est proelium quarto die intrante (4-го марта), ubi perierunt plurimi Natulichi (Anatolici) et Obsequiani, Russi, Trachici (Θρακήσιοι, жители темы Θракисійской), Calabrici, Longobardi, Capitinates. Et Angelus presbyter episcopus Troianus atque Stephanus Acherontinus episcopus ibi interfecti sunt. Nam nempe, ut dictum est ab omnibus qui haec noverunt, aut plures quam duo milia Normandi fuerunt, Graeci vero decem et octo milia, exceptis servitoribus. (MG. SS. V, 54 sq.).

---

1) С. А. Гедеонова, «Отрывки» ‹Прилож. ко II-му тому Записокъ Имп. Ак. Наукъ. № 3› XIII, стр. 132 сл. Сверхъ мѣстъ, собранныхъ здѣсь, и кромѣ вышеприведеннаго дополненія, мы можемъ указать на три юридическіе памятника, въ которыхъ упоминается о Федератахъ. Это суть Πρόχειρον, шестикнижникъ Арменопула (Manuale legum sive Hexabiblos ed. Heimbach, p. 586) и схоліи къ Василикамъ (Basilica ed. Heimbach, t. II, p. 463). [Ср. еще новеллу императора Юстина, I, 38: Zachariae, Ius Graeco-rom. III, 4. Const. Porphyrog. De cerim. I, 734].

Итакъ, кромѣ туземныхъ подданныхъ византійской имперіи, не участвовавшихъ въ возстаніи и предводимыхъ отчасти епископами Ачеренцы и Тройи, восьмнадцатитысячное греческое войско состояло изъ ополченій трехъ византійскихъ округовъ и, сверхъ того, изъ Русскихъ, уже упомянутыхъ при первомъ сраженіи. Писидія и Ликаонія, которыя также, по свидѣтельству Кедрина, имѣли своихъ представителей въ битвѣ съ Норманнами, Барій-цемъ разумѣются подъ Анатолійцами (Natulichi), такъ какъ первая область вся, а послѣдняя отчасти входили въ составъ τοῦ θέματος τῶν Ἀνατολικῶν (Анатолійскаго округа). Намѣреніе современнаго лѣтописца дать не только отчетливое, но и полное перечисленіе разныхъ частей византійской арміи бросается въ глаза само собой, и безъ сомнѣнія, то, что́ для этого сдѣлано имъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли. Если нѣтъ никакого намека на присутствіе скандинавскихъ Вэринговъ, это для насъ вполнѣ понятно: спутники Гаральда были уже далеко. А съ другой стороны — по нашему мнѣнію — о Варягахъ или Вэрингахъ Барійскому лѣтописцу и не было нужды говорить, какъ скоро онъ упомянулъ о Русскихъ.

Въ началѣ сентября (3-го числа) того же 1041 года послѣдовало третье сраженіе Грековъ съ апулійскими инсургентами и Норманнами, ихъ союзниками. Уже Михаилъ Докіанъ готовился къ нему и писалъ въ Сицилію, чтобы прислали ему подкрѣпленіе изъ тѣхъ силъ, которыя еще тамъ оставались; пришли Филиппопольскіе Павликіане, Македоняне, то-есть, Греки, и Калабрійцы. Scripsit ad Siciliam, et venerunt ipsi miseri Macedones et Paulikani et Calabrenses (MG. SS. V, 55).

Но между тѣмъ два раза разбитый полководецъ былъ смѣненъ, и на его мѣсто присланъ изъ Константинополя Воіоаннъ
85 (Βοιωάννης, Bugiano, Budiano), по прозванію Эксавгустъ. Кедринъ (II, 546, 23 sq.) прямо и рѣшительно утверждаетъ, что и на сей разъ византійскій вождь не получилъ никакихъ новыхъ войскъ или подкрѣпленій, а долженъ былъ дѣйствовать съ тѣми силами, недостаточность которыхъ уже была доказана предыдущими событіями: ἀλλὰ καὶ οὗτος ἀπελθὼν κατὰ χώραν καὶ νεαλῆ καὶ ἀκμαίαν δύναμιν μὴ λαβών, ἀλλὰ ἀναγκασθεὶς μετὰ τῶν προητημένων συμβαλεῖν τοῖς ἐχθροῖς. Правда, Аматъ (Ystoire de li

Normant) противорѣчитъ этому самымъ явнымъ и притомъ особенно знаменательнымъ для насъ образомъ. Мы должны привести его слова:

Apres ceste confusion et destruction de li Grex, et la grant victoire de li fortissime Normant, l'ire de lo impeor vint sur Dycclicien, le leva de son office que non fust duc, et le fist son vicaire et lui manda Guarain et altre gent; quar veoit que par lui non combatoient bien Grex. Et lor dona a cesti exauguste ou vicaire de auguste molt de argent; et lui commanda que quant de chevaliers il trouveroit expert de bataille part tout son tenement, les deust prendre a solde pour aler contre li Normant (II, 23 p. 76 sq. éd. Delarc). То-есть, послѣ втораго пораженія, Михаилъ IV Пафлагонянинъ «положилъ гнѣвъ на Докіана, лишилъ его должности, такъ что онъ пересталъ быть дукомъ, и сдѣлалъ дукомъ своего намѣстника (переводъ слова Ексавгустъ) и послалъ ему Гуарановъ (Варановъ, то-есть, Варанговъ) и другихъ иноплеменниковъ», и т. д.

Левъ Остійскій, пользовавшійся хроникой Амата въ латинскомъ (потерянномъ) подлинникѣ, почти буквально повторяетъ его слова: Dehinc imperator - - succensus, pulso Ducliano Exaugustum nomine quendam vice illius cum Normannis dirigit congressurum, Guaranorum illi et aliorum barbarorum copiam maximam socians (MG. SS. VII, 676). Вопросъ о томъ, кто правъ—Кедринъ, утверждающій, что Іоаннъ не получилъ новыхъ подкрѣпленій, или Аматъ, указывающій на отправленіе Варяговъ, имѣетъ для насъ существенную важность. Левъ Остійскій прибавилъ даже, что этихъ Варяговъ было весьма много; но очевидно, это есть только стилистическое украшеніе; за вѣрность самой сущности факта долженъ отвѣчать одинъ Аматъ, который не одинъ разъ находится въ противорѣчіи подобнаго рода съ византійскими источниками. Мы видѣли, что, по Кедрину, во второмъ сраженіи были тѣ же самыя войска, что и въ первомъ, и это показаніе совершенно подтверждалось Барійскою лѣтописью. Между тѣмъ Аматъ повѣствуетъ, что послѣ пораженія при Офанто (въ маѣ) византійскій императоръ въ 86
крайнемъ смятеніи разорвалъ на себѣ одежду, билъ себя въ грудь и восклицалъ, что эти Норманны отнимутъ у него все цар-

ство; онъ созвалъ на совѣтъ своихъ вельможъ и мудрѣйшихъ жителей Константинополя, говорилъ имъ, что онъ впредь отрекается отъ всякой скупости, откроетъ дверь своего казнохранилища и будетъ щедро платить всѣмъ, кто захочетъ сражаться съ Норманнами. Всѣ приняли рѣчь эту съ сочувствіемъ; большой и малый, богатый и бѣдный обѣщали помогать императору деньгами — каждый по своей силѣ. Изъ этихъ пожертвованій императоръ назначилъ двойное жалованье «рыцарямъ», которые пойдутъ противъ храбрыхъ Норманновъ, и такимъ образомъ собралъ новое войско (Ystoire de li Normant II, 22 p. 72 sqq). Мы съ намѣреніемъ привели здѣсь эти черты, обличающія въ Аматѣ какую-то особенную склонность къ эпической наглядности разсказа. Думаемъ, что такія краски никого не обманутъ и никого не приведутъ въ соблазнъ. Никто не поручится за историческую вѣрность вышеприведенныхъ подробностей, но также никто не долженъ строго осуждать Амата и заподозрить его правдолюбіе ради особенностей его стиля. Итакъ, нѣкоторыя противорѣчія «Исторіи Норманновъ» съ другими, болѣе сухими и точными, источниками объясняются особенностями пріемовъ ея автора и, не касаясь сущности, относятся къ внѣшнимъ подробностямъ. То же самое объясненіе мы прилагаемъ и къ обстоятельствамъ битвы при Монте-Пелозо (у Кедрина при Монополи) въ сентябрѣ 1041 года. Варяги въ немъ, дѣйствительно, участвовали, но посылка ихъ изъ Константинополя прибавлена для наглядности разсказа. Самъ Аматъ нѣсколько противорѣчитъ себѣ, говоря, что императоръ только въ смѣненномъ начальникѣ (а не въ малочисленности войскъ) видѣлъ причину, почему Греки сражались несчастливо. Что касается до большихъ денежныхъ суммъ, которыми императоръ снабдилъ Эксавгуста для набора войска, то эта черта вполнѣ соотвѣтствуетъ всегдашнимъ византійскимъ привычкамъ и пріемамъ веденія войны, обличаетъ знакомство съ ними автора и чрезвычайно вѣроятна въ приложеніи къ данному случаю, но не болѣе. Окончательное и полное рѣшеніе между Кедринымъ-Скилицею и Аматомъ въ занимающемъ насъ вопросѣ можетъ быть отдано Барійскимъ анналамъ. Описывая третье (сентябрьское) сраженіе, они снова съ большою опредѣленностію, со словъ участниковъ битвы, отмѣчаютъ числительный составъ

обѣхъ сторонъ: Nam, ut ajunt veraciter qui in ipso bello inventi sunt, Normanni septingenti, et Graeci decem milia fuerunt (MG. SS. V, 55). Семьсотъ норманскихъ рыцарей (на мѣстныхъ 87
апулійскихъ инсургентовъ не обращено вниманія) противъ 10.000 Грековъ: а въ сраженіи при Офанто Грековъ было 18.000. Гдѣ же многочисленныя или даже какія бы то ни было подкрѣпленія, присланныя изъ Константинополя? Ихъ не было, какъ это прямо утверждаетъ Кедринъ-Скилица. Но Варяги все-таки были. Въ описаніи самаго хода сраженія между Монте-Пелозо и горою Сириколо Аматъ вполнѣ сходится съ другими источниками, хотя нѣсколько подробнѣе ихъ. Битва была упорная; чтобы лучше защищать свою жизнь, Греки отступили въ лѣсъ, но мужественные и смѣлые Норманны не побоялись послѣдовать за ними; тутъ послѣдовала самая жаркая схватка: Варяги убиты, Апулійцы и Калабрійцы пали.

Més li Grex -- entrerent en lo fort de la silve, et li bon Normand vaillant et hardi n'orent pas paor d'aler apres, més o grant cuer et hardement les secuterent, et li Guarani sont occis, et Puilloiz sont mort et Calabrois. (II, 25 p. 78). — Iterum in pugnam circa montem cui Piloso nomen est utrimque concurritur. Tandem ruentibus Guaranis, cadentibus Calabris, fugientibus — Grecis и т. д. (Leo Ostiensis, MG. SS. VII, 676).

Греки были окончательно разбиты, и самъ Воіоаннъ былъ взятъ въ плѣнъ. Дальнѣйшій ходъ дѣлъ былъ тѣмъ болѣе неудаченъ для Византіи, что вскорѣ послѣдовала смерть императора Михаила IV (10-го декабря 1041 г.) и затѣмъ — колебанія въ высшихъ сферахъ государственной жизни, при чемъ нельзя было совсѣмъ ожидать какихъ-либо энергическихъ военныхъ дѣйствій. Въ рукахъ Византійцевъ оставались только Тарентъ, Бриндизи и Отранто (Cedren. II, 547). Наконецъ, новый императоръ Михаилъ V Калафатъ, утвердившись на престолѣ, рѣшился на ту мѣру, которая всего скорѣе могла поправить дѣло. Онъ освободилъ изъ тюрьмы Георгія Маніака и снова отправилъ его въ Италію. По Барійской лѣтописи (MG. SS. V, 55), Маніакъ присталъ къ Таренту въ мѣсяцѣ апрѣлѣ 1042 года. Этимъ исправляются менѣе точныя показанія византійскихъ источниковъ, самого Пселла, по которымъ Маніакъ отправляется въ Италію

по волѣ императрицъ Зои и Ѳеодоры. Важно это въ томъ отношеніи, что здѣсь заключается подтвержденіе нашихъ прежнихъ соображеній о Гаральдѣ Гардрадѣ. Онъ не сопровождалъ Гюргія или Гирги во второй его экспедиціи; ибо 20-го и 21-го апрѣля мы знаемъ объ участіи его въ извѣстныхъ намъ сценахъ мятежа и низверженія Михаила V. Слѣдовательно, если теперь и послѣ
88 встрѣтятся намъ тѣ или другія указанія на присутствіе Варяговъ въ Италіи, то это опять не будутъ спутники Гаральда Норвежскаго.

Георгій Маніакъ имѣлъ нѣсколько важныхъ успѣховъ. Онъ взялъ въ іюнѣ 1042 г. городъ Монополи и, вошедши въ городъ Матеру, сурово наказалъ туземцевъ, измѣнившихъ византійскому государю. Но недолго пришлось Маніаку оставаться въ Италіи. Низверженіе Михаила V и восшествіе на престолъ (2-го іюня) избранника Зои, Константина Мономаха, который, по разнымъ личнымъ счетамъ и отношеніямъ, былъ ему прямымъ недругомъ, смутило Маніака и напугало его. Противъ него уже ковалась интрига при дворѣ. Взрывъ былъ произведенъ дерзкимъ обращеніемъ одного изъ довѣренныхъ лицъ новаго императора, отправленнаго въ Италію, чтобъ отозвать заслуженнаго и популярнаго героя Эдессы и Сициліи. Бѣшеный нравъ Георгія Маніака не выдержалъ; онъ поднялъ руку съ угрожающимъ жестомъ на презрѣннаго раба. Вскорѣ затѣмъ онъ самъ провозгласилъ себя императоромъ и переправился съ войскомъ въ Булгарію (въ февралѣ 1043 года).

Для насъ важны нѣкоторыя указанія на составъ арміи, которую успѣлъ собрать себѣ Маніакъ. Очевидно, что личность его возбуждала довѣріе и преданность во всѣхъ варварахъ, всегда уважающихъ силу и энергію. За нимъ послѣдовало не мало (французскихъ) Норманновъ, составившихъ потомъ особенный отрядъ въ византійской арміи (Маніакаты). При Островѣ Маніакъ палъ, уже одержавъ побѣду, но застигнутый внезапнымъ болѣзненнымъ ударомъ. Часть его арміи воротилась домой въ соотвѣтствующія родныя страны, другая перешла на сторону Константина Мономаха (Pselli hist. p. 142). Въ описаніи тріумфа, въ которомъ отрубленная голова Георгія была внесена въ Константинополь, отмѣчаются меченосцы, жезлоносцы и тѣ,

которые потрясаютъ на правомъ плечѣ сѣкирами: ξιφηφόροι τινὲς καὶ ῥαβδοῦχοι καὶ οἱ τοὺς πελέκεις ἀπὸ τοῦ δεξιοῦ σείοντες ὤμου (Psell. p. 142 въ концѣ). Послѣдній признакъ указываетъ на Варанговъ; но остается не совсѣмъ яснымъ въ изложеніи Пселла, суть ли это роды войска, перешедшіе отъ Маніака, или же собственные люди Мономаха.

Конецъ исторіи Маніака даетъ намъ поводъ спросить, что̀ сдѣлалось съ Нордманномъ Гаральдомъ и его спутниками. Несомнѣнно извѣстно только одно, что въ 1044 году Гаральдъ воротился на сѣверъ и уже является дѣйствующимъ лицомъ въ Скандинавіи. Но онъ долженъ былъ воротиться чрезъ Кіевъ, гдѣ онъ женился на дочери Ярослава. Есть, слѣдовательно, пря- 89
мое указаніе на то, что онъ ушелъ изъ Византіи еще въ 1043 году. Если бы связь его съ Маніакомъ въ самомъ дѣлѣ была такъ прочна, какъ представляетъ это сага, то мы могли бы сказать, что онъ былъ въ числѣ людей, воротившихся на родину послѣ смерти Георгія. Во всякомъ случаѣ, Гаральдъ едва ли могъ оставаться въ Константинополѣ весь 1043 годъ [1]). Въ іюнѣ мѣсяцѣ Русскіе, предводительствуемые сыномъ Ярослава Владиміромъ, угрожали Цареграду; союзниками Русскихъ были «жители сѣверныхъ острововъ океана», то-есть, Скандинавы. Очень возможно, что и Гаральдъ былъ въ числѣ ихъ, какъ зять Ярослава или еще только какъ женихъ Ярославны.

IX.

Нашествіе Русскихъ на Константинополь и Варяги 1047 года.

Походъ Владиміра Ярославича на Константинополь имѣетъ не прямое отношеніе къ нашему вопросу. Мы поэтому и не будемъ излагать того, что̀ о немъ извѣстно изъ давно изданныхъ источниковъ. Но, исполняя данное обѣщаніе, мы приводимъ здѣсь разсказъ Пселла (стр. 143—147), только недавно обнародованный и представляющій нѣкоторыя очень важныя черты.

1) [См. Georgii Abulpharagii sive Bar-Hebraei Chron. Syriacum ed. Bruns et Kirsch, p. 244 sq.].

«За низложеніемъ тиранніи (Маніака) послѣдовала варварская война: русскія лодьи (σκάφη Ῥωσικά), превышающія, такъ сказать, всякое число, прибыли въ Пропонтиду, или тайкомъ пробравшись мимо тѣхъ, которые должны были запирать (путь въ нее), или проложивъ себѣ дорогу силою; густое облако, поднявшееся съ моря, наполнило столицу мракомъ. Дошедши въ своемъ разсказѣ до этого мѣста, я хочу объяснить причины, вслѣдствіе которыхъ они произвели это морское движеніе и наступленіе, тогда какъ императоръ ни въ чемъ не показалъ себя ихъ противникомъ.

«Это варварское племя всегда питало яростную и бѣшеную ненависть противъ греческой игемоніи (ἐπὶ τὴν Ῥωμαίων ἡγεμονίαν); при каждомъ удобномъ случаѣ изобрѣтая то или другое обвиненіе, они создавали изъ него предлогъ для войны съ нами. Когда умеръ наводившій на нихъ страхъ императоръ Василій, когда братъ его Константинъ совершилъ предназначенную ему часть вѣка, и зять его принялъ власть [1]), они тотчасъ возобновили противъ насъ
90 старую вражду и вскорѣ начали готовиться къ будущимъ войнамъ. Но и царствованіе Романа показалось имъ блистательнымъ и славнымъ, а сами они не были въ порядкѣ со своими приготовленіями (не успѣли довершить приготовленій) Когда же и Романъ, проживъ короткое время, оставилъ царство, и власть досталась какому-то неизвѣстному Михаилу, то они стали вооружать противъ него собственныя силы и, рѣшивъ напасть на насъ съ моря, нарубили вверху лѣсу, выстроили изъ него малыя и большія лодьи, тайкомъ въ короткое время сдѣлали достаточныя приготовленія и уже готовы были плыть на Михаила большимъ флотомъ. Когда все было у нихъ устроено, и война уже должна была начаться, самъ императоръ предупредилъ ихъ нашествіе, разставшись съ земною жизнію. Умеръ и преемникъ его, едва оставивъ слѣдъ во дворцѣ, а власть перешла къ Константину. Хотя варвары и не имѣли противъ него никакихъ обвиненій, могущихъ служить предлогомъ для войны, но чтобъ ихъ приготовленія не оказались безполезными, они подняли противъ него войну безпричинную:

---

1) Въ подлинникѣ читается: ὁ τὸ εὐγενὲς κράτος ἀπεληλυθὼς — слова совершенно непонятныя для насъ. Мы возстановляемъ смыслъ на основаніи подобныхъ мѣстъ у Пселла (p. 29. 96. 112) и предполагаемъ: ὁ τοῦ ἐκείνου γαμβρὸς τὸ κράτος ἀπελέλῃφε, — чего требуетъ смыслъ.

такова безвинная вина ихъ устремленія противъ самодержца. Когда-жъ они, тайно пробравшись, очутились внутри Пропонтиды, то сначала полагали на нашу волю — заключить миръ, еслибы мы захотѣли заплатить имъ большую цѣну за этотъ миръ; они опредѣляли и число — именно тысячу статировъ на каждую лодью, такъ чтобъ условлено было, что не иначе отсчитаны будутъ эти статиры, какъ на одну извѣстную лодью ихъ. Они предъявляли такія желанія или потому, что предполагали у насъ какіе-то золотые источники, или потому, что, рѣшившись во всякомъ случаѣ сражаться, (нарочно) выставляли неисполнимыя условія, дабы война съ ихъ стороны имѣла благовидный предлогъ. Когда ихъ послы не были даже удостоены отвѣта, то (варвары) такъ были дружно настроены и такъ надѣялись на свою многочисленность, какъ будто они разсчитывали сейчасъ же взять городъ со всѣми его жителями.

«А у насъ въ это время морская военная сила была совсѣмъ недостаточна; огненосные корабли были разсѣяны въ береговыхъ областяхъ, охраняя ту или другую часть имперіи. Императоръ собралъ какіе-то остатки отъ стараго флота и скрѣпилъ ихъ; согналъ потомъ въ одно мѣсто тяжелыя перевозныя дворцовыя суда (ὁλκάδας τε τῶν βασιλικῶν σηναγωγχώς), приготовилъ нѣсколько тріиръ (триремъ), посадилъ на нихъ боевыхъ людей, снабдилъ корабли большимъ количествомъ влажнаго огня (δίυγρον πῦρ), выстроилъ ихъ супротивъ варварскихъ лодокъ, (стоявшихъ) при гавани на другой сторонѣ (καὶ ταύτας δὴ κατέναντι τῶν βαρβαρι- 91
κῶν σκαφῶν ἐπὶ τοῦ κατ᾽ ἀντιπέραν λιμένος συντάξας), и самъ, имѣя съ собою нѣкоторую избранную часть синклита, ночью остановился якоремъ въ той же самой гавани нѣсколько выше и, такимъ образомъ ясно предвозвѣстивъ варварамъ морскую войну, вмѣстѣ съ наступленіемъ утра построилъ корабли въ боевой порядокъ (κατὰ φάλαγγα). Варвары, съ своей стороны, снявшись, какъ будто изъ лагеря и окопа, отъ противоположныхъ намъ пристаней (λιμένων) и выйдя на довольно значительное пространство въ открытое море, поставивъ потомъ всѣ свои корабли по одному въ рядъ и этою цѣпью перехвативъ (ξυνδήσαντες) все море отъ однихъ до другихъ пристаней, построились такъ, чтобъ или самимъ напасть на насъ, или принять наше нападеніе. Не

было человѣка, который, смотря на происходящее тогда, не смутился бы сильно душою; я самъ стоялъ тогда подлѣ императора,— а онъ сидѣлъ на одномъ холмѣ, слегка покатомъ къ морю, — и былъ зрителемъ совершающагося, не будучи самъ видимъ (ἐξ ἀπόπτου).

«Итакъ, расположеніе съ той и другой стороны имѣло вышеуказанный видъ; однако никто не двигался впередъ съ цѣлію битвы, но съ той и другой стороны оба (морскіе) лагеря, сплотившись, стояли неподвижно. Когда прошло уже много дня, тогда императоръ, подавъ знакъ двумъ изъ большихъ кораблей, приказалъ понемногу двигаться впередъ противъ варварскихъ лодій. Когда они ровно и стройно вышли впередъ, то сверху копьеносцы и камнеметатели подняли военный крикъ, а метатели огня построились въ порядкѣ, удобномъ для бросанія его: тогда бо̀льшая часть изъ непріятельскихъ лодокъ, высланныхъ (на встрѣчу), быстро гребя устремилась на наши корабли, а потомъ раздѣлившись, окруживъ и (какъ-бы) опоясавъ каждую изъ отдѣльныхъ тріиръ, старались пробить ихъ снизу балками (κοντοῖς), а другіе (то-есть, Греки), бросали сверху каменьями и веслами. Когда же противъ нихъ (то-есть, Русскихъ) огонь началъ быть метаемъ, и въ глазахъ ихъ потемнѣло, то одни изъ нихъ стали кидаться въ море, какъ бы желая проплыть къ своимъ, а другіе совсѣмъ не знали, что̀ дѣлать, и въ отчаяніи отказались отъ всякаго средства (къ спасенію). Затѣмъ поданъ былъ второй сигналъ, и уже бо̀льшее число тріиръ двинулось вверхъ, за ними другіе корабли, или слѣдуя сзади, или плывя рядомъ; наша сторона ужъ ободрилась, а противная (неподвижно) стояла, пораженная страхомъ. Когда же, разрѣзая воду, тріиры очутились подлѣ самыхъ непріятельскихъ лодокъ, то связь ихъ (послѣднихъ) была разорвана, и строй
92 рушился, и однѣ изъ нихъ осмѣлились остаться на мѣстѣ, а бо̀льшая часть повернули назадъ. Между тѣмъ солнце, уже высоко поднявшись надъ горизонтомъ, внезапно стянуло къ себѣ облако снизу и измѣнило погоду; сильный вѣтеръ двинулся съ востока на западъ; взмутивъ море вихремъ, онъ устремилъ волны на варвара и потопилъ однѣ изъ его лодокъ тутъ же, такъ какъ море поднялось въ средину имъ (?), а другія, загнавъ далеко въ море, разбросалъ по скаламъ и утесистымъ берегамъ; однѣ изъ нихъ

были настигнуты тріирами, которыя и предали ихъ пучинѣ со всѣмъ экипажемъ, а другія, будучи разсѣчены пополамъ военными людьми на нихъ, были вытянуты на ближайшіе берега. Произошло большое избіеніе варваровъ, и море было окрашено по истинѣ убійственнымъ потокомъ, какъ бы идущимъ сверху изъ рѣкъ».

Къ этому разсказу Пселла мы должны прибавить слѣдующія замѣчанія. То, что Василій II держалъ Русскихъ въ страхѣ, это можетъ имѣть нѣкоторое фактическое основаніе въ событіяхъ 988 года. И другой Византіецъ употребляетъ подобное выраженіе: «Варда склонился подъ жезломъ властителя; его трепетали Грузины и страшились Тавроскиѳы» (ἔφριξαν τοῦτον Ἴβηρες, ἔπτηξαν Ταυροσκύθαι, Manasses, Compendium chron. p. 253, v. 5967). Но едва ли Пселлъ хорошо зналъ то, что̀ дѣлалось, и особенно что̀ замышлялось на берегахъ Днѣпра; его извѣстія о постоянномъ враждебномъ настроеніи Русскихъ, о неоднократныхъ ихъ сборахъ къ походу на Константинополь возбуждаютъ недоумѣніе и сомнѣніе. Другое говоритъ Кедринъ или, что̀ то же, Іоаннъ Ѳракисійскій. По его словамъ, Русскіе находились до іюня 1043 года въ совершенно мирныхъ отношеніяхъ къ Византійцамъ; обѣ стороны безбоязненно вели между собой торговлю, вступали въ торговыя сдѣлки [1]). Самый поводъ къ войнѣ возникъ «среди скиѳскихъ купцовъ», находившихся въ Константинополѣ и поссорившихся съ мѣстными Греками; при столкновеніи, обратившемся въ рукопашную схватку, былъ убитъ одинъ важный Скиѳъ, то-есть, Русскій. Владиміръ Ярославичъ, котораго Кедринъ считаетъ повелителемъ Русскихъ, отличаясь раздражительнымъ характеромъ, тотчасъ же сталъ собираться въ походъ. Во всякомъ случаѣ — каковы бы ни были отношенія между русскими

1) [О томъ, что русскіе во время Константина Мономаха жили въ Царградѣ, свидѣтельствуетъ сказаніе о двухъ чудесахъ Николая Чудотворца (о коврѣ и объ оправданіи невинно обвиняемаго), сочиненное очевидно въ Константинополѣ Русскимъ, бывшимъ тогда тамъ. Въ первомъ сказаніи говорится «мнѣ же худому хотящю начати писати чюдо сѣтаго Николы створившееся при моей худости тъгда въ Цр̃иградѣ». Во второмъ сказаніи говорится о царѣ Константинѣ: «отъ цр̃я Константина тогда соушаго». См. Андр. Попова «Описаніе рукопис. библіот. А. И. Хлудова», стр. 451. 453. Ср. «Москвитянинъ» 1845 г., ч VI, № 12, стр. 140—142. Въ Минеѣ за декабрь, рукопись Троицкой Лавры № 90, листъ 223 recto, прямо говорится о купцахъ русскихъ въ Конста̀нтинополѣ: «идѣже Русстіи купци приходяще челядь продаютъ»].

князьями, родственниками Василія II и Константина VIII, и византійскими императорами, мужьями Зои, не всегда къ ней почтительными, — эти отношенія не мѣшали Византійскимъ государямъ держать при себѣ большой союзный русскій корпусъ. Какъ бы ни мало развито было національное сознаніе и представленіе о народномъ или государственномъ единствѣ въ тѣ
93 времена среди Русскихъ, все-таки, повидимому, нельзя было ввѣрять ни безопасности императора, ни охраненія имперіи единоплеменникамъ враждебнаго народа. Когда Русскіе дѣйствительно стали грозить нашествіемъ, то, по свидѣтельству Кедрина (р. 552), византійское правительство нашло необходимымъ удалить изъ столицы какъ русскихъ купцовъ, такъ и русскихъ военныхъ людей: «Скиѳы, находящіеся въ столицѣ въ видѣ союзниковъ, были разсѣяны въ провинціяхъ»—καὶ τοὺς μὲν ἐνδημοῦντας τῇ βασιλίδι ἐμπόρους τῶν Σκυθῶν, ἔτι δὲ καὶ τοὺς κατὰ συμμαχίαν παρόντας διασκορπίσας ἐν τοῖς θέμασι. Это было сдѣлано для того, чтобъ уничтожить возможность какого-либо покушенія или движенія извнутри (ἵνα μὴ καὶ ἀπὸ τῶν ἔνδον ἐπιβουλή τις ἀνεγερθῇ: Cedren. II, 552). Кромѣ указанія на присутствіе русскихъ союзниковъ, русскаго союзнаго корпуса въ Византіи, для насъ важна еще одна черта, отмѣченная Кедринымъ-Скилицею (р. 551). Въ Константинополѣ знали, что Русскіе шли не одни, что и они имѣли много союзниковъ, и что этими союзниками были народы, обитающіе на сѣверныхъ островахъ океана: προσεταιρισάμενος δὲ καὶ συμμαχικὸν οὐκ ὀλίγον ἀπὸ τῶν κατοικούντων ἐν ταῖς προσαρκτίοις τοῦ Ὠκεανοῦ νήσοις ἐθνῶν. Нѣтъ никакой причины сомнѣваться, что здѣсь разумѣются жители Скандинавіи и Исландіи, которыхъ Греки, а по слѣдамъ ихъ—и Византійцы, одинаково считали за островитянъ. Слѣдовательно, Византійцы умѣли отличать Русскихъ отъ Нордманновъ и въ случаѣ нужды не затруднялись найти соотвѣтствующія слова и выраженія для обозначенія послѣднихъ. Сумѣли бы они указать и на скандинавскій характеръ варяжскаго корпуса, если бъ этого требовало самое существо дѣла.

Отсылая для дальнѣйшихъ подробностей и для сличенія новыхъ данныхъ Пселла съ прежде извѣстными къ статьѣ А. А. Куника объ этомъ походѣ, напечатанной въ одномъ изъ академическихъ изданій, мы теперь можемъ идти далѣе.

Непосредственно за разсказомъ о нашествіи Русскихъ на Константинополь слѣдуетъ у Пселла повѣствованіе о новомъ возстаніи противъ Константина Мономаха, виновникомъ котораго былъ родовитый магнатъ, Левъ Торникій, по своему происхожденію армянинъ, но по мѣсту своего жительства—богатый Адріанопольскій землевладѣлецъ: здѣсь, среди Македонянъ, то-есть, Грековъ, онъ имѣлъ наибольшее число приверженцевъ и свою главную опору. По другимъ источникамъ мы имѣемъ возможность точно опредѣлить хронологическія границы событія, что̀ для нашихъ дальнѣйшихъ соображеній окажется очень полезнымъ. Начало 94
возстанія относится къ концу сентября 1047 года, а его печальная, трагическая для соучастниковъ развязка — къ послѣднимъ числамъ декабря того же года (Attaliot. pp. 22. 29 въ концѣ).

Торникій подошелъ къ Константинополю, и положеніе Мономаха было тѣмъ опаснѣе, что онъ могъ разсчитывать только на крѣпость городскихъ стѣнъ да на сомнительную преданность непостояннаго Цареградскаго населенія. Военныхъ силъ почти совсѣмъ не было у него подъ рукою. Фактъ этотъ, указанный прямо всѣми источниками, очень естественно можетъ быть поставленъ въ связь съ извѣстнымъ намъ удаленіемъ изъ столицы и разсѣяніемъ русскаго или, что̀ то же, варяжскаго корпуса. Само собою разумѣется, что связь эта можетъ быть признаваема на столько, на сколько беззащитность Константинополя зависѣла отъ отсутствія чужеземныхъ силъ, помимо мѣстныхъ, имперскихъ. Но послушаемъ, что̀ говоритъ Пселлъ (p. 153):

«Не было собрано ни собственнаго войска, ни союзнаго, исключая небольшой части наемниковъ, которая обыкновенно слѣдуетъ (позади) при императорскихъ (церемоніальныхъ) выходахъ. А что̀ касается войска, находившагося на востокѣ, то отдѣльныя части его даже не были собраны въ какомъ-нибудь одномъ лагерѣ, такъ чтобы могли по данному сигналу скоро собраться и подать помощь императору, находящемуся въ опасности, но онѣ отправились въ походъ въ самую глубину Иверіи, отражая нашествіе одного варвара».

οὔτε γὰρ οἰκεῖον στράτευμα, οὔτε συμμαχικὸν αὐτοῦ που συνείλκετο, εἰ μή τις ὀλίγη μερὶς ξενικὴ, ὁπόση τις εἴωθεν ἐφέπεσθαι ταῖς

βασιλείοις πομπαῖς. ὁ γέ τοι τῆς ἑῴας στρατὸς - - ἐς τὰ βαθύτερα τῆς Ἰβηρίας ἐστρατοπεδεύκεισαν...

Пселлъ разсказываетъ о томъ же самомъ возмущеніи Торникія и въ похвальномъ словѣ патріарху Михаилу Кируларію (Sathas, Bibliotheca graeca, t. IV, 346). Бунтовщикъ поощрялся въ своей дерзости двумя соображеніями: онъ разсчитывалъ на многочисленность собственнаго войска и зналъ, что у императора нѣтъ никакой арміи, которую онъ могъ бы ему противопоставить. Только стѣны спасли насъ въ своей оградѣ отъ всесовершеннаго плѣненія. У императора, содержимаго въ осадѣ, осталась только небольшая часть цѣлаго строя: Καταλέλειπτο γὰρ βραχεῖα μερὶς τοῦ ὅλου συντάγματος. Мы привели этотъ отрывокъ для оправданія своего перевода, для доказательства его точности. Слова μερὶς ξενικὴ не обозначаютъ здѣсь самостоятельнаго рода войска,
95 но именно часть союзнаго корпуса. Мы, впрочемъ, уже ранѣе видѣли, что Пселлъ слова «союзники, союзный корпусъ» (συμμαχικόν) и «наемники, наемная сила» употребляетъ совершенно синонимически. Такъ, русскій союзный отрядъ названъ у него «наемною силою» при первомъ извѣстіи объ его прибытіи въ Византію (988 г., см. гл. III). Такъ, императоръ Романъ, собравъ наемныя силы, нагрянулъ на враговъ съ громадою своихъ и союзниковъ (см. гл. IV). Такъ, въ исторіи низверженія Калафата у императора не было союзной силы, потому что наемники были ему невѣрны (гл. VII). Отсюда слѣдуетъ, что та часть наемниковъ, которая сопровождала императора при церемоніяхъ, то-есть, Варяги въ тѣсномъ смыслѣ, составляла только часть союзниковъ, союзнаго корпуса, Варяговъ въ обширномъ смыслѣ. А до сихъ поръ союзный корпусъ составляла исключительно Русскіе, какъ это было прямо сказано у Пселла: «союзники и наемники, я разумѣю Тавроскиѳовъ» (гл. VII).

Впрочемъ, допустимъ на время другое объясненіе для того, чтобъ его тѣмъ рѣшительнѣе опровергнуть. Въ Константинополѣ при нашествіи Торникія не было союзныхъ силъ, но былъ другой родъ войска, хотя и немногочисленный, была лейбъ-гвардія, были Варяги. Это царскіе тѣлохранители, не имѣющіе ничего общаго съ «союзниками». Всѣ они въ полномъ составѣ своего корпуса находятся теперь, въ 1047 году, подлѣ императора. Выраженія

Пселла для всякаго, знакомаго съ греческимъ языкомъ, ясно показываютъ, что именно весь отрядъ наемническій, то-есть, варяжскій, находится въ Цареградѣ (μερὶς ξενικὴ ὁπόση τις). Другими словами: Варанги—только лейбъ-гвардія; вся лейбъ-гвардія теперь въ столицѣ имперіи.

А съ нашей точки зрѣнія помимо тѣхъ Варанговъ, которые оставались при императорѣ, въ греческихъ провинціяхъ должны находиться другіе Варанги, соотвѣтствующіе союзнымъ силамъ Пселла, отсутствующимъ изъ Константинополя—притомъ они должны находиться и на востокѣ, и на западѣ.

Приводимъ теперь мѣста южно-итальянскихъ лѣтописей за 1046, 1047 и 1048 сентябрьскіе годы:

1046. Ind. XIV. Perrexit imp. Palatino in Taranto et fecit proelium cum Normani et ciderunt Graeci et multi Antopii per gladio et in mare. Et reversu Ip. Catap in Bari. Et fecit Bari cum Umfreida comite. Et descendit Rafayl Catap. cum Guaranci et compraehenderet.... stum.

1047. Ind. XV. Venit Johannes catapanus qui et Rafayl cum ipsis Guarangi in Bari. Intravit in curte Domnica et mansit ibi hunum diem; et deinde ibit et sedit in ipsa Pinna dies 11 cum ip. 96
Guarangi. (Chronic. Anonymi Barensis, Muratori V, 151).

1047. Comprehensum est oppidum Stira a Guaragnis in mense Octobris, et in mense Decembris depopulaverunt Liccem. (Lupi Protospath, MG. SS. V, 59).

1048. Ind. I. Rebellavit Tornibey (= Торникій) cum Makedonis et Botazzi consocruneo suo perrexit Constantinopolim, ut faceret se imperatorem. Argiro magistro exivit sub nocte cum aliquanti Franci et Graeci et fecit ei damnum maximum.— — — Et compraehensa est Licce ab ipsi Guarangi (Chronic. Anonym. Barens., Muratori V, 151).

Итакъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что современно съ возстаніемъ Льва Торникія Варяги дѣйствовали въ южной Италіи; они были тамъ именно въ октябрѣ и декабрѣ 1047 года, или же по сентябрьскому счету—1048 года. Они оставались въ Италіи въ то время, какъ магистръ Аргиръ, хорошо извѣстный въ исторіи греко-норманнской и упоминаемый также Византійцами по поводу своего пребыванія въ Константинополѣ (Cedren. II,

563), принималъ участіе въ оборонѣ отъ Торникія и Ватацци, двухъ бунтовщиковъ. Нѣсколько Франковъ, то-есть, Норманновъ, прибывшихъ, вѣроятно, съ Аргиромъ, не могутъ идти въ разсчетъ при нашихъ соображеніяхъ. Изъ Атталіоты (p. 24 sq.) мы видимъ, что кромѣ «царскихъ копьеносцевъ» (βασιλικὴ δορυφορία=Варанги?) были все-таки при началѣ осады, хотя въ самомъ маломъ количествѣ, и другіе роды войска, между прочимъ Агаряне (Ἀγαρηνῶν τις ξυμμορία τῶν ἐπὶ τῆς φρουρᾶς). Ни Франковъ, ни этихъ послѣднихъ не имѣлъ въ виду Пселлъ.

Обратимся теперь на востокъ. Изъ византійскихъ, армянскихъ и грузинскихъ источниковъ мы знаемъ о политическихъ и военныхъ дѣйствіяхъ Константина Мономаха въ Арменіи за періодъ времени отъ 1045 до 1047 года. Кедринъ (II, 560) пишетъ, что византійская армія, подъ командою Константина (родомъ изъ Сарацинъ), начальника великой этеріи (τῆς μεγάλης ἑταιρίας ἄρχων), осаждала одну армянскую крѣпость, и осажденные уже находились въ большой крайности, когда пришли съ запада извѣстія о возстаніи Льва Торникія.

Дѣла армянскія находились въ тѣсной связи съ грузинскими. Эмиръ Тевина, крѣпость котораго осаждалъ этеріархъ Константинъ, былъ женатъ на сестрѣ Какига II Анійскаго, у котораго Греки отняли царство, заманивъ его самого въ Константинополь, и потому былъ претедентомъ на велико-армянскій престолъ; но Аристакесъ Ластивертскій (перев. Prud'homme въ Revue de l'Orient et de l'Algérie. Nouv. série, vol. XVI p. 69) объясняетъ
97 намъ, что была другая партія, которая хотѣла передать столицу государства (то-есть, городъ Ани) Баграту IV, царю Картліи и Абхазіи. Этому другому сопернику политика Константина Мономаха противопоставила нѣкоего князя Липарита, имѣвшаго большія владѣнія на югѣ рѣки Кура (изъ фамиліи Орбеліани). Кедринъ въ числѣ событій перваго индикта (гг. 1047—1048), разсказываетъ, что Липаритъ разбилъ Баграта, загналъ его въ Кавказскія горы и во внутреннюю Абхазію (p. 572 въ концѣ) и овладѣлъ всею Иверіей; а потомъ онъ послалъ письмо къ Константину Мономаху, предлагая свой союзъ и дружбу (p. 573). Византійскій монархъ принялъ это предложеніе. Изъ Кедрина видно, что заключеніе союза предшествовало первому турецкому

нашествію (1048 года), въ которомъ Липаритъ, сражавшійся на сторонѣ Грековъ, попался въ плѣнъ. По свидѣтельству грузинской хроники, Липаритъ велъ войну съ правителемъ города Тевина, Абулъ-Севаромъ, въ интересахъ византійскаго императора, еще за годъ до появленія Турокъ въ предѣлахъ Арменіи (Après une année révolue, les Turcs s'étant montrés au pays de Basian....— Brosset, Histoire de Géorgie, p. 332). А такъ какъ Турки тамъ явились около сентября 1048 года, то дѣйствія Липарита, на которыя здѣсь указывается, будутъ почти одновременны съ дѣйствіями византійскихъ воеводъ противъ Абулъ-Севара.

Теперь мы можемъ выписать изъ грузинской хроники то, что̀ немного предшествуетъ походу Липарита на Тевинъ—то-есть, октябрю (или ноябрю) 1047 года. Мы сейчасъ встрѣтимъ союзный корпусъ Пселла, находящійся въ Грузіи.

«Зимой (1046—1047 гг.) Липаритъ поднялъ возстаніе. Онъ вызвалъ изъ Греціи Димитрія, брата царя Баграта, который пришелъ (въ Грузію), сопровождаемый греческимъ войскомъ и снабженный греческими деньгами. Липаритъ, опираясь на Димитрія и его средства, посѣялъ раздоръ и раздѣленіе въ царствѣ своего монарха. Одни склонялись въ пользу Димитрія, другіе оставались вѣрными царю Баграту. Кахетинцы были на сторонѣ Липарита, и обѣ партіи употребляли всѣ усилія, чтобъ одержать верхъ». Затѣмъ грузинская хроника, изъ которой почти буквально заимствованъ сейчасъ сообщенный отрывокъ, продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Когда три тысячи Варяговъ пришли на помощь Баграту[1]), то онъ расположилъ ихъ при Бахѣ и взялъ изъ нихъ только семьсотъ человѣкъ; потомъ двинулся впередъ съ силами Хида-Картліи, присоединенными къ Варягамъ, не ожидая Месховъ. Битва произошла при входѣ въ рощу Сасиретъ; армія Хида- 98
Картліи дала тылъ; Абусеръ опять попался въ плѣнъ, и съ нимъ другіе дидебулы. Такъ какъ Варяги не могли принимать участія въ сраженіи, то Липаритъ велѣлъ дать рѣшета, которыми приготовили хлѣбъ, чтобы представить имъ, такъ что они провели

1) [Очевидно, Броссе не понималъ подлинника и здѣсь ошибается]. <См. Прибавленіе въ концѣ этой главы>.

весело время». (Trois mille Varangues étant venus au secours de Bagrat, il les posta à Bach, en prit seulement sept cents, et s'avança avec les forces du Chida-Karthli, réunies à ces Varangues, sans attendre les Meskhes. L'on se battit à l'entrée de la forêt de Sasireth; l'armée du Chida-Karthli tourna le dos; Abouser fut de nouveau fait captif, et avec lui d'autres didébouls. Les Varangues n'ayant pu prendre part au combat, Liparit fit donner des cribles, aves lesquels on prépara du pain, pour leur être présenté, de sorte qu'ils passèrent gaîment le temps) [1]).

Войско, приведенное Димитріемъ изъ Греціи, и 3.000 Варяговъ, пришедшихъ на помощь Баграту, конечно, одно и то же. Странное поведеніе этихъ Варяговъ, которые пришли къ Баграту, но не считаютъ возможнымъ для себя принимать участіе въ сраженіи и заставляютъ Липарита кормить себя, объясняется, по нашему мнѣнію, очень просто, если обратить вниманіе на нѣкоторую безтолковость изложенія, присущую грузинской лѣтописи. Только послѣ извѣстія о побѣдѣ, одержанной надъ Багратомъ партіей Димитрія, она сообщаетъ о смерти этого послѣдняго, нисколько не скрывая своей несообразительности: «Прежде этого Димитрій, братъ царя Баграта, умеръ»... (I, p. 322 въ началѣ). Но если онъ умеръ прежде сраженія, то положеніе греческихъ Варяговъ, приведенныхъ Димитріемъ, было весьма неопредѣленно и двусмысленно. Того, за кого они должны были сражаться, не было болѣе въ живыхъ, и царь, которому можно было служить, теперь на лицо былъ только одинъ, то-есть, Баграт IV. Но съ другой стороны, бунтовщикъ Липаритъ былъ союзникъ умершаго и другъ византійскихъ властей. Здѣсь и заключается разгадка поведенія Варяговъ [2]).

Такимъ образомъ слова Пселла нашли себѣ полное, можно сказать — блистательное подтвержденіе. Кромѣ той части союз-
99 наго корпуса, который служилъ для императора лейбъ-гвардіей,

1) Histoire de la Géorgie, traduite du géorgien par M. Brosset, I, p. 321. Почтенный переводчикъ относительно послѣдней части отрывка замѣчаетъ: Il faut que cette phrase ait paru bien extraordinaire, à d'autres qu'à moi, puisque dans mon manuscrit on lit ici en note: «Ceci est écrit dans trois exemplaires». Признаемся, что мы все-таки не понимаемъ, зачѣмъ тутъ явились рѣшета. <См. Прибавленіе на слѣдующей страницѣ>.

2) <Ср. Прибавленіе>.

Варяги въ 1047 году, осенью, сражались въ Италіи и были въ походѣ на востокѣ. Помимо заключеній, которыя вытекаютъ отсюда сами собою, обратимъ вниманіе на численный составъ варяжскаго, или, что̀ то же, союзнаго (русскаго) корпуса. Въ одной Грузіи мы находимъ три тысячи Варяговъ. Положимъ, что ихъ было почти столько же въ южной Италіи, такъ какъ слишкомъ мало предполагать ихъ здѣсь нельзя уже потому, что на нихъ лежитъ вся тяжесть войны, длящейся въ Апуліи, и они все-таки берутъ города. Тогда мы получимъ шеститысячную цифру, первоначальный составъ русскаго отряда, отправленнаго изъ Кіева или Крыма въ 988 году.

Способъ доказательства, котораго мы держались въ этой главѣ, слѣдующій:

Συμμαχικόν (союзный корпусъ) = Тавроскиѳы, то-есть, Русскіе.

Συμμαχικόν=Варяги (въ Грузіи и южной Италіи).

Слѣдовательно, Русскіе=Варяги.

‹ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ГЛ. IX.

Неудовлетворительность перевода, даннаго Броссе для той части грузинской хроники, о которой идетъ рѣчь на стр. 313 сл., В. Г. Васильевскій ясно чувствовалъ уже во время своей работы и еще сильнѣе отмѣтилъ впослѣдствіи на поляхъ одного экземпляра своего изслѣдованія. Сообщаемъ здѣсь переводъ, исполненный по нашей просьбѣ Н. Я. Марромъ и имъ же снабженный примѣчаніями.

Грузинскія лѣтописи, изд. Brosset, I, стр. 225, 9—20, ср. франц. переводъ Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 321, 6 сл.

«Липаритъ вновь вывелъ изъ Греціи Димитрія, брата царя Баграта. Греческій царь помогалъ ему деньгами и войскомъ. Липаритъ вызвалъ расколъ въ жителяхъ этого царства[1]): нѣкоторыхъ онъ представилъ Димитрію, а нѣкоторые пребыли въ вѣрности Баграту. Іоаннъ, сынъ Липарита, оставался заложникомъ въ рукахъ Баграта: Липаритъ выпросилъ его у Баграта,

1) ‹Абхазо-грузинскаго царства›.

а въ замѣнъ отпустилъ съ миромъ Абусера, возвративъ ему крѣпость. Липарита поддерживали кахи (кахетинцы) съ ихъ силами и армянскій царь Давидъ[1]) съ его силами. Благодаря этимъ силамъ они начали усиливаться на этой сторонѣ Грузіи, и дѣло (Липарита) велось искусно въ обѣихъ частяхъ[2]).

Пришли Варанги, три тысячи человѣкъ, и онъ (Липаритъ) поставилъ ихъ въ Башѣ[3]); съ собою взялъ (Липаритъ) семь сотъ человѣкъ. Багратъ явился съ войскомъ внутреннимъ (съ востока, изъ внутренней Карталиніи). Варанги[4]) (бывшіе съ Липаритомъ) не смогли дождаться Месховъ[5]), пришли и завязали бой (съ Багратомъ) на рубежѣ Сасиретской долины: внутреннее (приведенное Багратомъ изъ внутренней Карталиніи) войско бѣжало. Въ этой битвѣ (войска Липарита) опять захватили Абусера и съ нимъ также другихъ знатныхъ, которые не оказались въ силахъ бороться съ Варангами. Имъ (захваченнымъ въ плѣнъ князьямъ) Липаритъ далъ сита, и тѣ просѣвали муку[6]) въ присутствіи ихъ (Липарита съ Варангами): такъ потѣшились (побѣдители)»[7])›.

X.

Варяги и Франки во второй половинѣ XI вѣка.

Въ продолженіе полустолѣтія мы постоянно находили несомнѣнные слѣды присутствія Русскихъ военныхъ людей въ Византіи и слѣдили за судьбами и переходами Русскаго союзнаго корпуса. Нѣтъ сомнѣнія, что основаніемъ и первымъ ядромъ его

1) ‹Давидъ, царь армянскаго царства въ Таширѣ въ южной Карталиніи›.

2) ‹Т.-е, и на востокѣ, и на западѣ, гдѣ дѣйствовалъ самъ Липаритъ›.

3) ‹Вм. «Баша» въ версіи царицы Маріи: «Шуа», что на грузинскомъ имѣетъ и нарицательное значеніе «середина»›.

4) ‹Въ подлинникѣ ошибочное чтеніе, описка «амит варангита» вм. «амат варангта»›.

5) ‹Въ этотъ моментъ Месхи были союзниками Липарита. Ацкурскій владѣтель прибылъ съ Месхами на помощь сначала къ Баграту, но вскорѣ бѣжалъ отъ него и вошелъ въ соглашеніе съ Липаритомъ, какъ разсказано раньше въ тѣхъ же Груз. Лѣт. (225, 4—7, Brosset, 321, 1—3)›.

6) ‹Буквально: «готовили хлѣбъ»›.

7) ‹Буквально по идіотизму грузинской рѣчи: «такъ перешли потѣху». Потѣха по-грузински «лхин-и». Въ версіи ц. Маріи по опискѣ вм. «лхин-и» стоитъ «лих-и» Случайно такъ называется одна горная цѣпь, и потому чтеніе версіи ц. Маріи можно понять такъ: «такъ перешли черезъ (гору) Лихъ»›.

были тѣ шесть тысячъ человѣкъ, которые отправились изъ Кіева или Херсона въ 988 году. Время отъ времени этотъ первоначальный составъ корпуса восполнялся разными русскими удальцами въ родѣ Хрисохира и вольными пришельцами, искавшими добычи и богатства у щедраго византійскаго повелителя. Какими путями они пробирались въ Константинополь, нельзя сказать опредѣленно. Путь по Днѣпру и Черному морю, повидимому, не былъ совершенно прегражденъ для русскихъ людей. Печенѣги, кочевавшіе между Днѣпромъ и Дунаемъ, тяготѣли болѣе къ послѣднему. Но вотъ около половины XI вѣка начинается страшное движеніе турецкихъ ордъ въ Европѣ и Азіи. Печенѣжская орда переходитъ за Дунай почти одновременно съ первыми успѣхами Сельджукидовъ въ Малой Азіи, одновременно съ нашествіемъ Тогриль-бея на византійскую Арменію. Ея мѣсто въ степяхъ южной Россіи заняли еще болѣе дикіе и свирѣпые кочевники—Турки, именуемые Половцами или Куманами. Сношенія Руси съ Константинополемъ и прямые пути сообщенія сдѣлались еще болѣе затруднительными. Но мы все-таки встрѣчаемъ въ византійской арміи русскіе полки или, по крайней мѣрѣ, баталіоны (τάγματα). Нѣтъ никакой возможности думать, что эти русскіе союзные полки, равно какъ и русскій союзный корпусъ, не суть постоянное учрежденіе въ византійской арміи, а являлись всякій разъ снова по вызову потребности, ощущаемой въ Константинополѣ и признаваемой въ Кіевѣ, то-есть, никакъ нельзя предполагать, что всякій разъ, какъ встрѣчается въ византійскихъ хроникахъ упоминаніе о русскихъ союзныхъ силахъ, мы должны подразумѣвать новые переговоры византійскаго монарха съ русскими князьями и новую посылку послѣдними военной помощи. Это было почти невозможно по самой природѣ вещей. Объ этомъ нигдѣ не говорится ни въ русскихъ, ни въ византійскихъ лѣтописяхъ, а пройти молчаніемъ такіе факты они не могли, или если могли, то одинъ-два раза, а не всякій разъ какъ бы систематически. Наконецъ, это противорѣчило бы прямымъ словамъ извѣстнаго намъ армянскаго историка, который утверждаетъ, что очень хорошо извѣстный ему русскій корпусъ 1000 года прибылъ къ Василію II за 12 лѣтъ передъ тѣмъ; противорѣчило бы буквальному и прямому смыслу тѣхъ мѣстъ

100

въ византійскихъ хроникахъ, въ которыхъ русскіе полки появляются на театръ военныхъ дѣйствій въ Азіи или Европѣ не изъ Руси, а изъ Халдіи или изъ другихъ малоазіатскихъ округовъ. Однимъ словомъ мы должны признать непрерывное существованіе русскаго союзнаго корпуса въ Византіи въ видѣ постояннаго учрежденія.

Но замѣтно, что съ половины XI вѣка значеніе этого корпуса какъ будто падаетъ До 1050 года нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы на ряду съ Русскими какая-либо другая національность участвовала въ войнахъ имперіи въ такой же степени, какъ Русскіе, если исключить народы подвластные или вассальные въ отношеніи къ византійскому императору, то-есть, Армянъ и Грузинъ. Сарацинскій отрядъ, упоминаемый въ 1047 году, былъ очень невеликъ, какъ показываетъ самый терминъ, употребленный для его обозначенія Атталіотой, и маловажность его значенія для обороны Цареградскихъ стѣнъ противъ Торникія. Но съ половины XI вѣка на ряду съ Русскими постоянно встрѣчаются Франки и съ такимъ же совершенно значеніемъ союзниковъ, союзнаго корпуса. Мы очень хорошо знаемъ, откуда явились эти Франки. Въ первый разъ они появляются въ арміи Георгія Маніака при его сицилійскомъ походѣ. Всѣ византійскіе источники отмѣчаютъ здѣсь тотъ фактъ, что Маніакъ набралъ въ
101 Италіи большую дружину изъ Франковъ (προσηταιρίσατο Φράγγους πολλούς). Это были французскіе Норманны, привлекаемые въ южную Италію славой о подвигахъ и удачахъ Райнульфа Quarrel, сдѣлавшагося княземъ Аверсы, и братьевъ Готвилей. Точно такъ же прямо засвидѣтельствовано и первое появленіе значительнаго числа Франковъ въ собственной Греціи и въ Константинополѣ. Скилица разсказываетъ (p. 720), что, когда Маніакъ возсталъ противъ Мономаха и былъ побѣжденъ, то Франки, переправившіеся съ нимъ черезъ море, вступивъ въ службу императора, были названы маніакатами и надолго остались въ имперіи; другіе же не покинули Италіи: οἱ μὲν σὺν αὐτῷ περαιωθέντες τῷ βασιλεῖ δουλωθέντες Μανιακάτοι τε ἐπωνομάσθησαν καὶ τῇ Ῥωμαίων πολλῇ ἐναπέμειναν, οἱ δὲ λοιποὶ ἐν Ἰταλίᾳ ὑπελείφθησαν. Уже въ 1048 году отрядъ наемныхъ Франковъ вмѣстѣ съ Варягами стоялъ въ глубинѣ Азіи, на востокѣ. Его

начальникомъ былъ Франкъ Ервé (Cedren. II, 597: Ἐρβέβιον τὸν Φραγγόπωλον, ἄρχοντα τῷ τότε τῶν ὁμοεθνῶν), о которомъ извѣстно, что онъ сражался съ Маніакомъ въ Сициліи, переселился потомъ въ Византію и даже имѣлъ свой домъ въ Арменіи (Cedren. II, 617. Ср. Attaliot. p. 198). Послѣ онъ надѣлалъ много хлопотъ Византійцамъ за то, что они не дали ему званія магистра (Cedren. 617 sq.). Русская и варяжская дружина, что̀, по нашему мнѣнію, для XI вѣка одно и тоже, прославила себя и оставила прочную память на всемъ сѣверѣ. Но совершенно согласно съ характеромъ племени, къ которому она принадлежала, изъ среды ея не выдвинулось ни одной знаменитой личности, ни одного предводителя, котораго исторія обязана была бы записать на свои страницы. Не такъ было съ Франко-норманнскою дружиной. Ервé былъ первоначальникомъ цѣлаго ряда героевъ, стоявшихъ во главѣ Франкской дружины, отличавшихся безпредѣльною энергіей и безпокойною предпріимчивостью. Таковы были по порядку времени: Робертъ Крепенъ (Crespin, Robertus Crispinus, Κρισπῖνος у Византійцевъ), Урсель де-Баллейль, Pierre d'Aulps и другіе. Всѣ они играютъ видную роль въ исторіи византійской XI вѣка.

Итакъ, мы знаемъ время, когда образовалась постоянная Франкская дружина въ Константинополѣ. Она по своему происхожденію не имѣетъ ничего общаго съ Варягами и постоянно отличается отъ нихъ у византійскихъ писателей. На это слѣдовало бы обратить вниманіе тѣмъ, которые утверждали, что Варяги постоянно отличаются отъ Русскихъ, чего до сихъ поръ мы не видѣли въ нашемъ изслѣдованіи, и чему увидимъ прямое и рѣшительное опроверженіе. Можно ли послѣ этого говорить 102
хотя бы только объ этимологическомъ тождествѣ Франковъ и Варанговъ?... Обращаемся къ разбору отдѣльныхъ мѣстъ, въ которыхъ прямо говорится о Варягахъ.

Въ 1050 году противъ печенѣжской орды, опустошавшей Македонію и Θракію, угрожавшей самому Константинополю, были вызваны греческія силы, находившіяся въ Азіи. Между прочимъ собраны были въ одно мѣсто союзные корпуса Франковъ и Варанговъ: καὶ τὰ συμμαχικὰ πάντα συναθροίσας ὑφ' ἓν, Φράγγους φημὶ καὶ Βαράγγους (Cedren. II, 602).

Приведенная греческая фраза буквально значитъ: «собравъ въ одно мѣсто всѣ союзныя силы, я разумѣю Франковъ и Варанговъ».

До сихъ поръ мы доказывали посредствомъ сопоставленія различныхъ мѣстъ у разныхъ писателей и путемъ иногда нѣсколько сложныхъ соображеній, что варяжскій корпусъ былъ не что иное какъ союзный корпусъ, и что онъ разумѣется въ извѣстныхъ мѣстахъ подъ συμμαχικόν, συμμαχία. Теперь мы встрѣчаемъ полное и непреложно фактическое подтвержденіе нашему взгляду. Въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ, во-первыхъ, Варанги на ряду съ Франками названы просто союзниками, союзнымъ корпусомъ, и во-вторыхъ, сказано, что союзныя силы византійской арміи только и состояли что изъ Франковъ и Варанговъ. Франки и Варанги = πάντα τὰ συμμαχικά. Но такъ было съ недавняго времени. Изъ кого же состояла византійская иностранная гвардія (если можно употреблять этотъ терминъ) до появленія въ Константинополѣ Франковъ? Кажется, отвѣтъ довольно ясенъ: изъ однихъ Варяговъ. Но мы знаемъ, что у Пселла нѣсколько разъ союзниками называются Тавроскиѳы, и точно также именуются Тавроскиѳы-Русскіе у Скилицы и другихъ Византійцевъ. Косвенно отсюда слѣдуетъ тождество Варанговъ и Русскихъ Συμμαχικόν = Βάραγγοι + Φράγγοι. Συμμαχικόν — Φράγγοι = Ταυροσκύθαι. Слѣдовательно, Βάραγγοι = Ταυροσκύθαι [1]).

103 Въ 1053 году Сельджукскій султанъ опустошалъ Грузію, Константинъ Мономахъ отправилъ туда Михаила аколуѳа, который былъ упомянутъ византійскимъ историкомъ въ разсказѣ о

1) Не безполезно будетъ сопоставить слова Кедрина: «собравъ въ одно мѣсто всѣ союзныя силы, я разумѣю Франковъ и Варанговъ», съ приведенною уже разъ фразою Пселла: «союзныя силы, которыя къ нимъ пришли отъ (иноплеменныхъ) народовъ: Италійцы и Тавроскиѳы». Италійцы (Ἰταλοί) соотвѣтствуютъ Франкамъ, потому что подъ Франками обыкновенно разумѣются южно-италійскіе Норманны. Кому же соотвѣтствуютъ Тавроскиѳы? Несомнѣнно — Варягамъ. Слова Кедрина и слова Пселла относятся къ одному и тому же времени. Можно даже предполагать, что Кедринъ написалъ свое: «я разумѣю Франковъ и Варанговъ» подъ вліяніемъ знакомства съ сочиненіемъ Пселла, нѣсколько переиначивая его фразу. Именно Кедрину принадлежатъ, повидимому, эти четыре слова. Ихъ нѣтъ въ томъ латинскомъ Скилицѣ, о которомъ сейчасъ намъ придется говорить. Тамъ (f. 121 r.) читается просто: coactis in unum sociis omnibus (et accersitis equitibus a Teuch). Впрочемъ, нельзя поручиться за точность латинскаго перевода Скилицы и нельзя сказать, чтобы принадлежность этихъ словъ Кедрину много измѣняла положеніе дѣла.

Печенѣжскихъ дѣлахъ 1050 года (Cedren. II, 603). Слово аколуѳъ, то-есть, спутникъ, сопровождающій, слѣдующій за кѣмъ позади, — встрѣчается уже у Константина Багрянороднаго, а у послѣдующихъ писателей часто соединяется особенно тѣснымъ образомъ съ варяжскою дружиною. Аколуѳъ даже прямо является начальникомъ варяжской дружины, но, повидимому, прежде всего начальникомъ той небольшой части варяжскаго корпуса, которая состояла при особѣ императора, была его лейбъ-гвардіей и слѣдовала за нимъ въ церемоніальныхъ выходахъ. Самое слово аколуѳъ находится въ очевидной связи съ этимъ значеніемъ подчиненнаго ему отряда. Но ничто не мѣшало начальнику императорскихъ тѣлохранителей получать время отъ времени команду и надъ всѣми иностранными силами, а иногда и надъ всею византійской арміей. Въ 1053 году аколуѳъ Михаилъ былъ вызванъ съ запада и отправленъ въ Иверію противъ Сельджуковъ. Прибывъ въ Азію, онъ прежде всего собралъ Франковъ и Варанговъ, разсѣянныхъ въ Халдіи и Иверіи: ος ἐκεῖ γενόμενος καὶ τοὺς διεσπαρμένους ἔν τε Χαλδίᾳ καὶ Ἰβηρίᾳ Φράγγους καὶ Βαράγγους ἀγηοχώς (Cedren. II, 606). Это мѣсто едвали требуетъ какихъ-либо новыхъ замѣчаній. Ясно, что Варяги, собираемые Михаиломъ, — или тѣ же самые, которые вызываемы были изъ Азіи въ 1050 году, или жъ это другіе, оставшіеся на мѣстѣ, когда большая часть ихъ товарищей ушла въ Европу сражаться съ Печенѣгами. Въ томъ и другомъ случаѣ Халдія и Грузія являются постояннымъ мѣстопребываніемъ Варяговъ, а они сами являются простыми защитниками византійскихъ пограничныхъ областей, а вовсе не императорскою лейбъ-гвардіей.

Въ 1056 году, въ царствованіе Михаила Стратіотика, произошло возстаніе со стороны одного вельможи, гордаго своимъ родствомъ съ покойнымъ Константиномъ. Ѳеодосій, какъ звали претендента, разломавъ двери государственной тюрьмы, освободилъ заключенныхъ и бросился съ ними на императорскій дворецъ. Но возстаніе скоро сдѣлалось извѣстнымъ евнухамъ. 104
«Воины, содержавшіе стражу во дворцѣ, Греки и Варанги, — вооружились. — Ѳеодосій, узнавъ объ этомъ, оставилъ дворецъ въ сторонѣ и вмѣсто того направился въ великую (Софійскую) церковь; онъ надѣялся, что патріархъ и клиръ примутъ его съ

удовольствіемъ, соберется много народа, и провозгласятъ его императоромъ. Но случилось совершенно наоборотъ». У византійскаго писателя, который разсказываетъ все это, прибавлено совершенно неожиданное объясненіе къ слову Варанги. «Варанги, по происхожденію Кельты, служащіе по найму у Грековъ»: οἱ φυλάσσοντες ἐν τῷ παλατίῳ στρατιῶται Ῥωμαῖοί τε καὶ Βάραγγοι (γένος δὲ Κελτικὸν οἱ Βάραγγοι μισθοφοροῦντες Ῥωμαίοις) καθοπλίζονται (Cedren. II, 613).

Нельзя отрицать, что это мѣсто съ перваго взгляда совершенно противорѣчитъ тѣмъ заключеніямъ о національномъ составѣ варяжской дружины, какія нами были сдѣланы выше. Но нельзя также отрицать, что объяснительная замѣтка къ имени Варанговъ на томъ мѣстѣ, на которомъ она стоитъ, представляется въ высшей степени странною. Развѣ въ первый разъ приходится Кедрину говорить о Варангахъ? Три раза это имя встрѣчалось ранѣе въ его компилятивной хроникѣ, и ни одинъ разъ не оказывалось потребности объяснить его. Положимъ, первое упоминаніе о Варангахъ 1034 года могло быть уже забыто, такъ какъ оно находится далеко позади. Но о Варангахъ 1053 года рѣчь шла только что на одномъ изъ предыдущихъ листовъ.

Мы знаемъ, что Кедринъ, компиляторъ XII вѣка, въ этой части своей хроники рабски копируетъ сочиненіе Іоанна Θракисійскаго (Скилицы). Самое естественное предположеніе было бы то, что глосса, противорѣчащая всѣмъ историческимъ даннымъ XI столѣтія, принадлежитъ Кедрину, и прибавлена имъ съ точки зрѣнія своего времени. Почти механически списывая страницу за страницею, Кедринъ могъ забыть, что, если слово Варанги требовало объясненія, то мѣсто этому объясненію было гораздо раньше, а не здѣсь, подъ 1056 годомъ. Но, повидимому, глосса принадлежитъ самому Скилицѣ. По крайней мѣрѣ, она читается въ старинномъ венеціанскомъ переводѣ Скилицы на латинскій языкъ, который былъ сдѣланъ Баптистою Габіемъ (Historiarum Compendium a Ioanne Curopalate Scillizzae (sic) conscriptum et nunc recens à Ioanne Baptista Gabio e Graeco in Latinum conuersum. Venetiis, 1570). Соотвѣтствующее вышеприведенному греческому отрывку мѣсто здѣсь читается такъ: cito milites in
105 palatii custodia dispositi Romani et Barangi (sunt autem Ba-

rangi Celtica natio) mercede Romanis inseruientes, instruuntur (листъ 123 на оборотѣ). Кромѣ нѣкоторой неисправности перевода, что̀ встрѣчается въ видѣ еще болѣе осязательномъ и въ иныхъ мѣстахъ, мы не находимъ здѣсь никакого отличія отъ греческаго текста Кедрина. Но вопросъ этимъ еще окончательно не рѣшается. Іоаннъ Баптиста Габій, какъ онъ самъ объясняетъ въ предисловіи, переводилъ Скилицу по рукописи, подаренной кардиналу Антонію Амуліо, его покровителю, вице-королемъ Сицилійскимъ Мединою (Сидоніемъ), но дѣлалъ при этомъ сличенія съ другимъ экземпляромъ сочиненія, находившимся въ Ватиканской библіотекѣ. Очень можетъ быть, что этотъ второй экземпляръ представлялъ Скилицу, передѣланнаго или, лучше сказать, переписаннаго Кедринымъ, такъ что и у Габія глосса происходила бы отъ Кедрина. Вотъ одинъ изъ случаевъ, въ которомъ будетъ полезно изданіе подлиннаго греческаго текста Скилицы, обѣщанное Саѳою. Очень возможное дѣло, что тамъ или не будетъ этихъ кельтическихъ Варяговъ, или вмѣсто Кельтовъ явятся сѣкироносцы. Есть признаки, заставляющіе думать, что Кедринъ, редижируя Скилицу для своего изданія, дѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ, навѣянныя и подсказанныя чтеніемъ Пселла. А у Пселла Варяги называются то̀ сѣкироноснымъ родомъ, то щитоноснымъ: τὸ γένος ὅσοι τὸν πέλεκυν - - κραδαίνουσι (p. 105), τοῦτο δὲ γένος ἀσπιδοφόροι σύμπαντες (p. 281). Не слѣдуетъ ли читать въ данномъ мѣстѣ Кедрина: γένος δέ πελεκυφόρον οἱ Βάραγγοι вмѣсто γένος δὲ κελτικὸν οἱ Βάραγγοι? По способу написанія оба реченія очень близки, особенно если мы будемъ имѣть въ виду греческую палеографію и то, что окончаніе ον въ рукописяхъ обозначалось только надстрочнымъ знакомъ. Можно, конечно, допустить и другое объясненіе, именно, что Скилица, писавшій при Алексѣѣ Комнинѣ (p. 739), сдѣлалъ прибавку съ точки зрѣнія своего времени, когда дѣйствительно въ составѣ варяжскаго корпуса и особенно въ тѣснѣйшей варяжской дружинѣ (лейбъ-гвардіи) произошли измѣненія, могущія оправдать его выраженіе. Но тогда поразительна будетъ непослѣдовательность или невнимательность Іоанна Ѳракисійскаго. Мы далѣе увидимъ, что въ другихъ мѣстахъ онъ ставитъ выраженіе Варанги взамѣнъ «Русскихъ», стоящихъ въ его

источникѣ, а потомъ самъ объясняетъ, что внѣшніе и дворцовые Варяги — одноплеменнаго происхожденія. На основаніи послѣдняго выраженія, вполнѣ соотвѣтствующаго уже приведенной фразѣ Пселла о «части наемниковъ-союзниковъ», мы затруд-
106 няемся прибѣгнуть здѣсь къ тому толкованію, которое, повидимому, было бы всего естественнѣе: то-есть, что Кедринъ или Скилица разумѣютъ здѣсь только лейбъ-гвардію, которая могла состоять изъ Кельтовъ, и отличаютъ ее отъ Варяговъ въ обширномъ смыслѣ, которыми были Тавроскиѳы. Можетъ быть, всего проще въ словахъ: «γένος κελτικὸν οἱ Βάραγγοι» видѣть позднѣйшую глоссу, внесенную какимъ-либо переписчикомъ. Во всякомъ случаѣ, эти слова не могутъ быть употреблены въ пользу скандинавскаго состава варяжской дружины; одинаково трудно допустить какъ то, чтобы Византійцы называли Кельтами Скандинавовъ, такъ и то, что они причисляли къ Кельтамъ Русскихъ. У Анны Комниной слово Кельты встрѣчается постоянно, но оно обозначаетъ Французовъ, французскихъ южно-итальянскихъ Норманновъ; у другихъ, но рѣдко, оно означаетъ и Нѣмцевъ Германской имперіи: Hamartol. p. 900 ed. Mur. Ср. Choniat. p. 342.

Михаилъ Стратіотикъ царствовалъ недолго. Въ іюнѣ 1057 года поднялось противъ него возстаніе, болѣе опасное, чѣмъ безумная попытка Ѳеодосія. Исторія заговора византійскихъ генераловъ и военный переворотъ, возведшій на престолъ Исаака Комнина, разсказаны весьма подробно Кедринымъ (=Скилицею) и особенно Пселломъ, который былъ очевидцемъ и участникомъ въ самыхъ важныхъ моментахъ византійской революціи. Возстаніе было чисто военное, и всѣ роды войскъ такъ или иначе играли въ немъ свою роль, такъ что именно здѣсь можно изучать составъ византійской арміи и отношенія ея частей. Во-первыхъ, мы находимъ на знакомомъ намъ мѣстѣ, именно въ Халдіи, на границѣ армянской, два полка франкскіе и одинъ русскій, расположенные здѣсь на зимовку: δύο τάγματα Φραγγικὰ καὶ Ῥωσικὸν ἓν ἐπιχωριάζοντα τῷ τόπῳ πρὸς παραχειμασίαν (Cedren. II, 624). Одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ смотрѣлъ на этихъ чужеземцевъ съ большимъ опасеніемъ, считая ихъ вѣрными императору. Не прежде какъ заручившись преданною ему силою въ 1000 человѣкъ, Кекавменъ (такъ звали византійскаго гене-

рала-заговорщика) рѣшился открыть свои замыслы иностранцамъ. Онъ явился къ нимъ съ поддѣльнымъ императорскимъ указомъ и на основаніи полномочія, въ немъ выраженнаго, собралъ въ долинѣ около Никополя (теперь Кара-Хисаръ) упомянутые три полка союзниковъ — τὰ τῶν συμμάχων τρία τάγματα (Cedren. II, 625). Тутъ же были два полка мѣстнаго греческаго ополченія изъ Халдіи и Колоніи. Опять Кекавменъ склонилъ въ свою пользу сначала «греческіе полки» (τὰ δύο Ῥωμαικὰ τάγματα) и потомъ уже сталъ дѣйствовать на иноплеменниковъ (ἔπειτα καὶ τοῖς ἐξ ἐθνῶν προσήγαγε τὰς προσβολάς). Они 107
оказались совершенно доступными обѣщаніямъ и соблазнамъ мятежника. Далѣе съ такою же отчетливостью излагается Кедринымъ исторія отпаденія другихъ родовъ войска и перехода ихъ на сторону Исаака Комнина. Только одинъ родъ войска не упомянутъ въ этомъ разсказѣ, именно тотъ, который несомнѣнно тамъ долженъ былъ находиться, потому что находился тамъ и въ 1047 году, и въ 1050, и въ 1053: не упомянуты Варанги. Для насъ это совершенно понятно: Варанги не упомянуты потому, что упомянуты Русскіе.

Въ концѣ августа (1057 года) Исаакъ Комнинъ со всѣми восточными силами приближался къ столицѣ съ другой стороны пролива. Что̀ въ это время дѣлалось и предпринималось во дворцѣ, мы съ полною подробностью узнаемъ отъ Пселла. Занимая высокое положеніе при дворѣ и пользуясь полнымъ довѣріемъ стараго императора, Пселлъ совѣтовалъ своему государю рѣшиться на одну изъ трехъ мѣръ: искренно сойтись съ Исаакомъ и раздѣлить съ нимъ власть, завязать дипломатическіе, то-есть, лживые переговоры, дабы выиграть время, или же, наконецъ, собрать полки, стоящіе на западѣ, обратиться къ сосѣднимъ варварамъ съ просьбой о союзной помощи, (такимъ образомъ) подкрѣпить оставшіяся на сторонѣ его наемныя (иностранныя) силы, и поставить во главѣ храбраго вождя. Вообще интересный, совѣтъ Пселла важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что изъ него обнаруживается вполнѣ синонимическое употребленіе словъ συμμαχία (въ конкретномъ значеніи, то-есть, = συμμαχικόν) и ξενική (союзники и наемники): συμμαχίας τε παρὰ τῶν γειτονούντων βαρβάρων ἐπικαλέσασθαι καὶ τὰς παρ' ἡμῖν ξενικὰς δυνάμεις κρατῦναι (p. 214). А такъ

какъ мы подъ тѣмъ и другимъ терминомъ находили прежде Русскихъ, то и теперь должны думать, что помимо того русскаго полка, который стоялъ въ Азіи, были другіе русскіе отряды, оставшіеся на западѣ и сохранившіе вѣрность Михаилу VI (но нуждавшіеся въ подкрѣпленіи).

Они и въ самомъ дѣлѣ являются въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи. Стратіотикъ избралъ послѣднее изъ предложеній Пселла, и вскорѣ произошло сраженіе — неподалеку отъ Никеи. Въ схваткѣ, рѣшившей вопросъ о престолѣ въ пользу претендента и узурпатора, самъ онъ едва не потерялъ жизни. Нѣсколько человѣкъ изъ западнаго лагеря замѣтили въ срединѣ враговъ самого Исаака, не болѣе какъ въ числѣ четырехъ человѣкъ бросились на него съ своими копьями и, хотя не успѣли нанести ему вреда, но своими
108 копьями, устремленными съ разныхъ сторонъ, сжали его такъ, что онъ съ трудомъ могъ освободиться: τοῦτον γοῦν ἔνιοι τοῦ καθ' ἡμᾶς στρατοπέδου ἑωρακότες, ἦσαν δὲ τῶν περὶ τὸν Ταῦρον Σκυθῶν τῶν τεττάρων οὐ πλείους, τὰ δόρατα κατευθύναντες ἐπ' αὐτὸν ἐξ ἑκατέρας πλευρᾶς ὥσαντο... (p. 216).

Побѣда осталась на сторонѣ Исаака. Стратіотикъ, совершенно упавъ духомъ, теперь, когда уже было поздно, рѣшился исполнить второй совѣтъ Пселла и просилъ его принять на себя посольство къ Комнину. Философъ Пселлъ, очень хорошо понимая неудобство и опасность предлагаемой ему роли, старался отклонить отъ себя высокую честь и уступилъ только настоятельнымъ требованіямъ своего государя, который называлъ его своимъ другомъ. Исторія этого посольства въ настоящее время можетъ быть читаема въ весьма подробномъ и занимательномъ разсказѣ самого Пселла (p. 217—227). Прибывъ въ лагерь, расположенный въ окрестностяхъ Никомидіи, онъ былъ отведенъ къ царской палаткѣ узурпатора. «Палатка была окружена большою массою вооруженнаго народа: одни изъ нихъ были опоясаны мечами, другіе потрясали на плечахъ тяжелыми желѣзными сѣкирами, третьи держали въ рукахъ копья» (p. 220: οἱ μὲν ξίφη περιεζώννυντο, οἱ δ' ἀπὸ τῶν ὤμων ῥομφαίας βαρυσιδήρους ἐπέσειον, καὶ ἄλλοι δὲ δόρατα ἠγκαλίζοντο). Когда поднялся занавѣсъ громадной палатки, способной вмѣстить въ себѣ цѣлый лагерь и всѣ наемныя силы, предъ изумленными глазами Пселла открылось величавое зрѣлище.

Исаакъ Комнинъ сидѣлъ на императорскомъ тронѣ, который былъ приподнятъ на воздухѣ и блисталъ золотомъ. Вблизи трона стояли приближенные и составляли нѣсколько круговъ, постепенно удаляющихся, опоясывающихъ другъ друга. «Тѣсный и болѣе короткій кругъ состоялъ изъ ближнихъ людей; это были первѣйшія лица изъ самыхъ лучшихъ фамилій, изображавшія собою полный образъ героическаго величія и представлявшія образецъ наилучшаго порядка для другихъ слѣдующихъ за ними. Ихъ опоясывалъ второй кругъ, щитоносцы первыхъ и ближайшіе ихъ помощники. — За ними слѣдовали безпоясые и свободные (οἱ ἄζωνοι καὶ ἐλεύθεροι), и наконецъ, послѣ этихъ — союзническія силы, которыя пришли къ нимъ отъ иноплеменниковъ, то-есть, Италіанцы и Тавроскиѳы. Они были страшны и видомъ своимъ и наружностью; тѣ и другіе имѣютъ свѣтло-голубые глаза, но одни поддѣлываютъ цвѣтъ (краску) и обнажаютъ поверхность своихъ щекъ (то-есть брились), другіе сохраняютъ это въ природномъ видѣ; одни ужасны въ натискѣ, легкоподвижны и стремительны, другіе яростны, но медлительны; одни неудержимы въ 109
первомъ порывѣ ихъ нападенія, но скоро насыщаютъ свою страстность, другіе же не такъ стремительны, но зато не щадятъ своей крови и презираютъ свои раны (буквально: не обращаютъ вниманія па куски мяса, то-есть, теряемые въ сраженіи). Они (то-есть, Итальянцы и Русскіе) заключали собою циклъ круговъ нося продолговатыя копья и съ одной стороны заостренные топоры; но послѣдніе они опирали на своихъ плечахъ, а древки копій протягивали съ той и другой стороны впередъ и (такимъ образомъ) какъ бы осѣняли кровомъ промежуточное пространство».

Большой интересъ и важность этого описанія требуютъ, чтобы мы привели его въ подлинникѣ, несмотря на нѣкоторую длинноту, тѣмъ болѣе, что сочиненіе Пселла еще не успѣло достаточно распространиться.

Κύκλοι δὲ περὶ αὐτὸν πλεῖστοι περιειστήκεσαν, ἀλλ' ὁ μὲν ἀγχοῦ καὶ βραχύτερος τοῖς πρώτοις περιειλίττετο· ἄνδρες οὗτοι τῶν τε καλλίστων γενῶν τὰ πρῶτα καὶ τῆς ἡρωικῆς οὐδὲν ἀπεοικότες μεγαλειότητος, εἱστήκεσαν δὲ ὑποδείγματα τοῖς μετ' ἐκείνους, τῆς κρείττονος γενόμενοι τάξεως· τούτους δὲ χορὸς περιεκύκλου ἕτερος, ὑπασπισταὶ τούτων καὶ πρωταγωνισταὶ, ἔνιοι δὲ καὶ τοὺς ἐφεξῆς ἀνεπλήρουν λό-

χους, οἱ δὲ καὶ ἡμιλοχῖταί τινες ἦσαν τῶν πρώτων, καὶ πρὸς τῷ εὐωνύμῳ κέρατι ἔστασαν· τούτους δὲ περιεστεφάνουν οἱ ἄζωνοι καὶ ἐλεύθεροι, μεθ' οὓς αἱ συμμαχικαὶ δυνάμεις ὁπόσαι παρὰ τῶν ἐθνῶν αὐτοῖς παρεγένοντο, Ἰταλοί τε καὶ Ταυροσκύθαι, φοβεροὶ καὶ τοῖς εἴδεσι καὶ τοῖς σχήμασιν, ἄμφω μὲν γλαυκιῶντες, ἀλλ' οἱ μὲν τὸ χρῶμα ὑπονοθεύοντες, καὶ κατακενοῦντες τοὺς τῶν βλεφάρων ταρσούς, οἱ δὲ φυλάττοντες γνήσιον, οἱ μὲν ἔμπληκτοι ταῖς ὁρμαῖς, εὐκίνητοί τε καὶ ὁρμητίαι, οἱ δὲ μανικοὶ καὶ ἐπίσχολοι, κἀκεῖνοι μὲν ἀνυπόστατοι τὴν πρώτην πρὸς ἔφοδον ὁρμὴν, ταχὺ δὲ τοῦ ὀξέος πιμπλάμενοι, οἱ δὲ ἧττον μὲν ἐφορμῶντες, ἀφειδεῖς δὲ τῶν αἱμάτων, καὶ τῶν κρευλλίων καταφρονοῦντες. Οὗτοι γὰρ οὖν τὸν κύκλον τῆς ἀσπίδος ἐπλήρουν, ἐπιμήκη τε δόρατα φέροντες καὶ ἀξίνας ἑτεροστόμους· ἀλλ' ἐκείνας μὲν τοῖς ὤμοις ὑπήρειδον, τοὺς δὲ τῶν δοράτων ἑκατέρωθεν ἐπεκτείνοντες στύρακας, τὸ μεταίχμιον, ἵν' οὕτως εἴπω, περιωρόφουν (p. 221 sq.).

Итакъ, союзныя силы состоятъ теперь изъ Итальянцевъ (то-есть, южно-итальянскихъ Норманновъ) и Русскихъ. Но—что̀ еще важнѣе—Итальянцы и Русскіе здѣсь прямо являются въ томъ видѣ, въ какомъ мы привыкли представлять себѣ Варанговъ по описаніямъ византійскихъ авторовъ XII и слѣдующихъ вѣковъ (Никита Хоніатъ, Кодинъ): они окружаютъ тронъ императора, составляютъ нѣкотораго рода гвардію и вооружены топорами. Такъ какъ Франки не встрѣчаются въ настоящее время[1]) (въ XI и XII вѣкахъ) въ видѣ спеціальныхъ сѣкироносцевъ, то можно даже думать, что имъ принадлежатъ копья, а сѣкиры—Русскимъ, то-есть, что собственно Варангами были только Русскіе. Въ высшей степени любопытна характеристика двухъ національностей, сообщаемая такимъ наблюдательнымъ философомъ и государственнымъ человѣкомъ, какимъ былъ Пселлъ. Въ нравственномъ отношеніи Французы представляются намъ съ обычными признаками галльскаго характера, подвижными, стремительными только

1) Въ болѣе древнее время сѣкира, какъ извѣстно, была также національнымъ оружіемъ и у Франковъ: множество мѣстъ, въ которыхъ она упоминается, нѣтъ нужды приводить Но все заставляетъ думать, что въ то время, которымъ мы занимаемся, Франки оставили уже топоры. Иначе зачѣмъ же было англо-норманнскимъ писателямъ, близко знакомымъ съ французскимъ военнымъ бытомъ, такъ настойчиво твердить о securis Danica, какъ объ особенности Англо-Саксовъ? См. объ этомъ ниже.

при первомъ натискѣ, но при неудачѣ скоро ослабѣвающими. Русскіе отличаются болѣе холоднымъ, флегматическимъ темпераментомъ, болѣе сдержанною и менѣе остывающею храбростью. Съ внѣшней стороны различіе заключается въ томъ, что одни обнажаютъ поверхность (площадь) щекъ (τοὺς ταρσοὺς τῶν βλεφάρων: употребленіе βλεφάρων въ этомъ значеніи указано въ Thesaurus Этьеня) и, повидимому, подкрашиваютъ ихъ, а другіе этого не дѣлаютъ. Опять исконный галльскій обычай; Цезарь говоритъ о Бриттахъ: omni parte corporis abrasa, praeter caput et labrum superius. Извѣстно также изображеніе Кельта на Риминійской бронзѣ (aes Ariminium): гладко выбритое лицо съ большими усами на верхней губѣ. Въ такомъ же образѣ явился предъ Византійскимъ дворомъ въ началѣ XII вѣка Норманнскій князь, герой перваго крестоваго похода — Боэмундъ Тарентскій. Цесаревна Анна, тщательно описывая его наружность и цвѣтъ его волосъ, сожалѣетъ о томъ, что не можетъ опредѣлить, какой краски была его борода, потому что (по его щекамъ и подбородку) тщательно прошла бритва: τὸ δὲ γένειον εἴτε πυρσὸν εἴτε ἄλλο τι χρῶμα εἶχεν, οὐκ ἔχω λέγειν· ὁ ξυρὸς γὰρ ἐπεξῆλθεν αὐτὸ καὶ τιτάνου παντὸς ἀκριβέστερον (Alexiad. XIII, 10 p. 404 B ed. Paris). Мы не совсѣмъ понимаемъ, что̀ значитъ у Анны упоминаніе объ извести или гипсѣ (τιτάνου). Быть можетъ, здѣсь заключается намекъ на тотъ блестящій голубой (caeruleus) составъ (vitrum), которымъ, по описанію Цезаря, намазывали себя кельтскіе Бритты для внушенія страха непріятелямъ во время сраженія[1]): тогда и слова 111
Пселла о поддѣльной краскѣ будутъ для насъ ясны. Если мы сравнимъ описаніе норманнскаго героя, Боэмунда, съ изображеніемъ наружности русскаго героя, то-есть, Святослава, у Льва Діакона, то характеристика Пселла станетъ для насъ еще болѣе ясною: Святославъ имѣлъ густыя брови, голубые глаза, рѣдкую бороду и т. д. (IX, 11, p. 156 sq.). Πεζομαχία, πυρσὴ κόμη, γλαυκιῶντες ὀφθαλμοί—общіе признаки Тавроскиѳовъ (ibid. p. 150, 10).

Не слѣдуетъ думать, что церемоніалъ, которымъ окружилъ себя

1) Сравни объ этомъ XI главу Girardi Cambrensis, Descriptio Kambriae (ed. Dimock, London, 1868), VI t. (сочиненій Гирарда), p. 185.

Исаакъ Комнинъ, имѣлъ какой-либо необычайный характеръ, соотвѣтствующій революціонному положенію узурпатора, и что Тавроскиѳы и Норманны занимали здѣсь чужое мѣсто только потому, что они были сообщниками Исаака съ самаго начала его похода. У Пселла (p. 105) есть другое описаніе придворнаго византійскаго чина, относящееся ко времени императрицъ Зои и Ѳеодоры (1042 г.) и опущенное нами для настоящаго болѣе удобнаго случая. Изъ этого описанія видно, что и тогда, при двухъ совершенно законныхъ, то-есть, признанныхъ и вѣнчанныхъ императрицахъ—было то-же самое, что̀ послѣ при Исаакѣ Комнинѣ. «Образъ царской власти для двухъ сестеръ былъ тотъ же самый, какой былъ въ обычаѣ при предшествовавшихъ императорахъ. Онѣ сидѣли обѣ на царскомъ сѣдалищѣ на одной какъ бы линіи, немного уклоняющейся къ Ѳеодорѣ, а вблизи находились жезлоносцы и копьеносцы и люди племени тѣхъ, которые потрясаютъ сѣкирою на правомъ плечѣ. Далѣе внутрь за ними то, что̀ имѣло наибольшее благорасположеніе, и тѣ, которые отправляли подлежащія имъ дѣла. Окружала ихъ (то-есть, императрицъ) и другая копьеносная стража, имѣющая второе мѣсто, какъ болѣе вѣрная; всѣ при этомъ стояли со страхомъ, опустивъ глаза въ землю. Послѣ нихъ первосовѣтники (ἡ πρώτη βουλή) и чинъ избранный, а затѣмъ—получившіе второй и третій классы» (то-есть, патриціи и члены синклита, συγκλητικοί у Константина Багрянороднаго): καὶ ἀγχοῦ μὲν οἱ ῥαβδοῦχοι καὶ ξιφηφόροι καὶ τὸ γένος ὅσοι τὸν πέλεκυν ἀπὸ τοῦ δεξιοῦ ὤμου κραδαίνουσι· τούτων δὲ ἐνδοτέρω μὲν τὸ ἄγαν εὐνούστατον καὶ οἱ διαχειριζόμενοι τὰ καθήκοντα· περιεστεφάνου δὲ αὐτὰς ἔξωθεν ἑτέρα τις δορυφορία δευτέραν ἔχουσα τάξιν τῆς πιστοτέρας и т. д.

Здѣсь мы находимъ совершенно тотъ же самый придворный
112 чинъ, которымъ былъ послѣ обставленъ Исаакъ Комнинъ. Различіе въ описаніи состоитъ только въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ Пселлъ начинаетъ исчисленіе отдѣльныхъ группъ или цикловъ отъ императора, а въ другомъ идетъ отъ болѣе отдаленнаго пункта къ императрицамъ. «Племя (τὸ γένος), потрясающее сѣкирами на плечѣ», очевидно—иностранцы и, безъ сомнѣнія, тѣ самые «наемники и союзники», которыхъ «кормили во дворцахъ» византійскіе императоры Михаилъ V Калафатъ и его предшественники, и ко-

торые не задолго предъ тѣмъ Пселломъ были упомянуты, то-есть, Тавроскиѳы, прямо названные во второмъ описаніи. Слишкомъ далеко повело бы насъ сравненіе обоихъ мѣстъ Пселла съ описаніемъ церемоніальнаго пріема арабскихъ пословъ къ императорамъ Константину и Роману (около 945 года). Но мы имѣемъ право сказать, что сличеніе въ высшей степени подробнаго и даже мелочнаго описанія церемоніи, сохраненнаго намъ самимъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ (de cerimon. l. II c. 15), съ отрывками Пселла можетъ служить хорошимъ комментаріемъ къ послѣднимъ и полнымъ доказательствомъ совершеннаго консерватизма придворныхъ византійскихъ обычаевъ какъ при Зоѣ и Ѳеодорѣ, такъ и при Исаакѣ Комнинѣ.

Варанги далѣе упоминаются, но у одного только Скилицы (p. 644), въ исторіи низложенія съ патріаршества знаменитаго Михаила Кируларія. «Когда наступилъ праздникъ архангеловъ, патріархъ удалился въ одно изъ городскихъ предмѣстій; а императоръ, опасавшійся, чтобы не произошло какого шума и смятенія, ухватился за этотъ удобный случай и послалъ отрядъ военныхъ людей, которые на общеупотребительномъ языкѣ называются Варангами; они съ позоромъ стащили его съ престола и, посадивъ на лошака, отвезли къ Влахернскому берегу»: στῖφος στρατιωτικὸν ἀποστείλας (Βαράγγους αὐτοὺς ἡ κοινὴ ὀνομάζει διάλεκτος).

Способъ выраженія Скилицы не даетъ никакого права заключать, чтобы здѣсь подъ Варангами разумѣлись царскіе тѣлохранители или лейбъ-гвардія: это, по его словамъ, просто военный отрядъ, στρατιῶται. Къ сожалѣнію, ни Атталіота ни Пселлъ не передаютъ намъ никакихъ подробностей о низложеніи Кируларія. Только въ похвальной рѣчи послѣдняго умершему патріарху есть немногіе намеки, которые, впрочемъ, мало уясняютъ дѣло и могутъ быть отнесены какъ къ отряду тѣлохранителей, такъ и къ простому военному отряду, посланному распоряженіемъ, вышедшимъ изъ дворца. Пселлъ въ вышеозначенномъ сочиненіи, напечатанномъ теперь Саѳою (Bibliotheca graeca, IV, 368), го- 113
воритъ, обращаясь къ слушателямъ: «Вы знаете эту осаду, заключеніе, оскорбительное плѣненіе и позоръ; какъ мой Іисусъ, онъ (патріархъ) не противопоставилъ толпѣ другую толпу, мень-

шей—большую, то-есть, толпѣ отъ дворца—толпу изъ города» (οὐ πλήθει πλῆθος ἀντιτάξας ἐλάττονι μεῖζον, τῷ ἐκ τῶν βασιλείων τὸ ἀπὸ τῆς πόλεως). И здѣсь противополагается только военная сила, солдаты, городскому населенію, гражданамъ, и дворецъ, опирающійся на войско, — столичному населенію, стоявшему за патріарха.

Что касается того, что воины, отправленные противъ Кируларія, назывались Варангами на общеупотребительномъ языкѣ, то это выраженіе (ἡ κοινὴ διάλεκτος) само по себѣ вовсе не указываетъ на простонародный говоръ, на какое-либо искаженное простонародною рѣчью слово. Здѣсь разумѣется именно общераспространенный средне-греческій или византійскій языкъ, которымъ говорили одинаково и во дворцѣ и на улицѣ, но котораго ученый педантизмъ и чисто внѣшнее поклоненіе классической формѣ не допускали въ литературномъ сочиненіи, имѣющемъ притязанія на красоту и изящество. Скилица хочетъ сказать только, что слово Варанги не классическое, не освященное древностію, а не то, чтобъ это было слово искаженное или простонародное. Слово Русь, Ῥῶς, безъ сомнѣнія, часто произносилось не только на улицѣ, но и во дворцѣ, а со времени патріарха Фотія и въ храмѣ, но тѣмъ не менѣе и это слово принадлежитъ только къ общеупотребительному говору, ἡ κοινὴ διάλεκτος, классическое же, изящное выраженіе будетъ «Тавроскиѳы». Ταυροσκύθας -, οὓς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ῥῶς εἴωθεν ὀνομάζειν, пишетъ Левъ Діаконъ (IV 6 p. 63, 9 ed. Bonn.).

Въ 1066 году, когда судьба Англо-Саксовъ, также имѣющихъ близкое отношеніе къ послѣдующей исторіи варяжскаго корпуса, рѣшалась на поляхъ Сенлэка (Senlac), мы встрѣчаемъ еще разъ Варяговъ въ южной Италіи, какъ бы въ доказательство того, что они и теперь не были только царскими тѣлохранителями. Въ хроникѣ Анонима Барійскаго отмѣчено подъ означеннымъ годомъ прибытіе въ Баръ-градъ, все еще остававшійся во власти Грековъ, какого-то Мавракія на судахъ съ Варангами: Mabrica cum chelandiis venit Bari cum Guarangi (Muratori V, 153)[1]).

1) Ср. Lup. Protospath. sub anno 1066. MG. SS. V, 59. Здѣсь названъ quidam ductor Graecorum nomine Mambrita. Ductor, вѣроятно, переводъ слова ἀκόλουθος. Mabrica Анонима несомнѣнно Мавракій, какъ nabalis exercitus (подъ 1071 г.) есть navalis exercitus.

Нужно думать, что Бари, центръ византійской власти и вліянія 114
въ южной Италіи, главный военный пунктъ въ борьбѣ съ Норманнами, былъ такимъ же почти постояннымъ мѣстомъ прохожденія и постоя варяжскихъ союзныхъ силъ, какъ и азіатская украйна въ Халдіи и Арменіи. Нѣкоторые Варяги оставались здѣсь, повидимому, навсегда, обзаводились домомъ и семействомъ и были основателями извѣстныхъ фамилій, разумѣется, подвергавшихся въ той или другой степени итальянизаціи. Таковъ былъ Гримоальдъ Варяжкинъ (Grimoaldus de Guaragna, filius Guaragne), играющій важную роль въ городскихъ смятеніяхъ города Бари въ началѣ XII столѣтія (Muratori V, 155 sq.) Быть можетъ, это близкое знакомство Варяговъ съ Баръ-градомъ не осталось безъ вліянія и на русскій Кіевъ, на скорое установленіе праздника въ память перенесенія въ Баръ мощей Николая Чудотворца, похищенныхъ у Грековъ Малой Азіи (1088 г.). Тогда Бари былъ уже подъ властію Норманновъ.

1-го января 1068 года вдовствующая послѣ смерти Константина X Дуки императрица Евдокія провозгласила своимъ мужемъ и вмѣстѣ императоромъ Романа Діогена. Это нарушало права ея собственнаго малолѣтняго сына, Михаила Дуки, а также обѣщаніе, данное умиравшему первому мужу. Прямой протестъ противъ поступка Евдокіи послѣдовалъ со стороны Варанговъ. Скилица (р. 666) представляетъ фактъ въ такомъ видѣ: «Діогенъ ночью былъ введенъ во дворецъ, обвѣнчанъ съ императрицей и тотчасъ провозглашенъ императоромъ тайно отъ всѣхъ сыновей императрицы. Тогда же, однако, было поднято большое смятеніе Варягами, которые не допускали у себя провозглашенія Діогена вопреки общему рѣшенію (γίνεται δὲ παραυτίκα τάραχος παρὰ τῶν Βαράγγων πολύς, μὴ ἀνεχομένων αὐτὸν φημίσαι παρὰ τὰ κοινῇ δόξαντα). Но сынъ ея (Евдокіи) Михаилъ, появившись вмѣстѣ съ братьями, объявили, что случившееся совершилось съ ихъ согласія, и тогда они сами (Варяги), сейчасъ же одумавшись (μετατραπέντες), громкими и пронзительными голосами провозгласили Діогена императоромъ».

Не лишнее замѣтить, что объ этой минутной оппозиціи Варяговъ говоритъ только одинъ Скилица. Внимательный читатель легко убѣдится, что въ исторіи Романа Діогена вообще и въ

частности въ исторіи его воцаренія Іоаннъ Скилица Ѳракисійскій находится въ сильной зависимости отъ Атталіоты. Въ сущности онъ копируетъ Атталіоту, сокращая его и слегка перефразируя. Но пять строкъ, относящихся къ Варягамъ, составляютъ вставку, неизвѣстно откуда заимствованную и очень не-
115 ловко вклеенную. Атталіота, сказавъ, что всѣ приближенные императрицы безъ всякаго сопротивленія признали Діогена, потомъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «и, какъ оказалось на дѣлѣ, не напрасно надѣялись на него многіе» (p. 101, 18 sq.). И Скилица, сообщивъ намъ о сопротивленіи Варяговъ, то-есть, о томъ, что многіе не хотѣли Діогена, необдуманно и рабски повторяетъ за своимъ господиномъ (p. 666, 22 sqq.): «какъ оказалось изъ этого, не напрасно надѣялись на него многіе».

А мы изъ такого образчика можемъ почерпнуть надежду, что почтенный сановникъ императора Алексѣя Комнина не будетъ слишкомъ много мудрствовать со своими источниками; благонадежно будетъ держаться своего основного текста, но зато—гдѣ вознамѣрится комбинировать его съ другими попавшимися подъ руку свѣдѣніями, сдѣлаетъ это не всегда разумно и внимательно.. Далѣе: Пселлъ въ своей исторіи очень подробно описываетъ событія той ночи, которая привела Романа Діогена на византійскій престолъ; а что онъ хорошо зналъ всѣ подробности дворцовыхъ происшествій, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, ибо онъ именно и былъ главнымъ совѣтникомъ императрицы Евдокіи и воспитателемъ ея сына. Между тѣмъ Пселлъ, сопровождавшій Евдокію въ спальню ея сына, присутствовавшій при объясненіи матери съ сыномъ и при той сценѣ, въ которой юный Михаилъ призналъ мужа своей матери своимъ отцомъ и соимператоромъ, ничего не говоритъ о какой-либо оппозиціи съ той или другой стороны.

Изъ этого не слѣдуетъ, что фактъ, сообщаемый Скилицею, долженъ быть отвергнутъ. Мы не можемъ только поручиться за то, что онъ дѣйствительно долженъ стоять на томъ мѣстѣ и въ той связи, въ какой онъ стоялъ въ представленіи Скилицы, или, по крайней мѣрѣ, въ какой онъ очутился подъ его перомъ. Другими словами: нельзя сказать навѣрное, относится ли фактъ сопротивленія Варяговъ къ подробностямъ драмы, разыгравшейся внутри Влахернскаго дворца въ ночь на 1-е января 1068 года,

или же онъ случился послѣ того какъ во дворцѣ уже все было рѣшено, то-есть, при объявленіи новаго императора арміи. Слѣдовательно, изъ вышеприведеннаго отрывка Скилицы не возможно сдѣлать никакого вывода о положеніи Варяговъ въ Византіи и о томъ, о какого рода Варягахъ сейчасъ шла рѣчь. Иначе мы признали бы, что въ разсказѣ Скилицы о восшествіи на престолъ Романа Діогена разумѣются такіе же дворцовые Варяги, какъ и въ исторіи возмущенія Ѳеодосія противъ Стратіотика (см. выше).

Романъ IV Діогенъ оправдалъ общія надежды въ томъ от- 116
ношеніи, что немедленно по восшествіи на престолъ сталъ энергически готовиться къ борьбѣ съ Турками-Сельджуками, что̀ именно и требовало и мужественнаго вождя, и напряженія всѣхъ силъ имперіи. Исторія азіатскихъ походовъ героическаго, но несчастнаго императора прекрасно изложена спутникомъ, секретаремъ и совѣтникомъ его, Михаиломъ Атталіотою. Другіе только сокращаютъ то, что̀ мы можемъ читать у Атталіоты, и прежде всего такимъ образомъ поступаетъ много разъ упомянутый Скилица. Только въ самомъ началѣ своего повѣствованія объ этихъ походахъ Скилица обнаруживаетъ легкое поползновеніе къ самостоятельности. Вотъ его слова: «императоръ велъ съ собою войско не такое, какое подобало императору Ромэевъ, но такое, какое доставляло (дѣлало возможнымъ) его время, то-есть, Македонянъ, Булгаръ, Каппадокійцевъ, Узовъ и другихъ случайно попавшихся иноплеменниковъ, а сверхъ того—Франковъ и Варанговъ» (p. 668): ἔκ τε Μακεδόνων καὶ Βουλγάρων καὶ Καππαδοκῶν καὶ Οὔζων καὶ τῶν ἄλλως παρατυχόντων ἐθνικῶν, πρὸς δὲ καὶ Φράγγων καὶ Βαράγγων.

Далѣе Скилица буквально списываетъ, но этихъ сейчасъ приведенныхъ словъ нѣтъ въ такомъ видѣ у Атталіоты. Мало того, Варанги вовсе не упоминаются Атталіотою во всей исторіи походовъ Романа, точно такъ, какъ не упоминаются и Узы. Откуда же взялъ свои точныя свѣдѣнія о составѣ арміи Діогена нашъ Іоаннъ Ѳракисійскій?

У Атталіоты нѣтъ общаго перечисленія составныхъ частей хорошо знакомой ему арміи; но за то въ разсказѣ о военныхъ дѣйствіяхъ эти части весьма отчетливо выступаютъ на видъ со всѣми своими особенными, характеристичными чертами. Когда имѣешь

передъ глазами подлинникъ Атталіоты и сокращенную нѣсколько въ размѣрѣ копію Скилицы, то видишь совершенно ясно, изъ какихъ именно строкъ Атталіоты позднѣйшій компиляторъ составилъ свою общую характеристику византійской арміи. На страницѣ 102 у Атталіоты сказано, что Романъ Діогенъ собралъ свое войско въ западныхъ провинціяхъ имперіи и въ Каппадокіи и, сверхъ того, призвалъ Скиѳовъ. Вмѣсто «запада» Іоаннъ Ѳракисійскій только поставилъ двѣ главныя европейскія (западныя) провинціи, изъ которыхъ больше всего набиралось византійскаго войска: Македонію и Булгарію, и удержалъ Каппадокійцевъ. Подъ Скиѳами Атталіота разумѣетъ тюркскія племена, принятыя въ предѣлы имперіи, то-есть, прежде всего Печенѣговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соплеменныхъ имъ Узовъ: Скилица уже за-
117 былъ о Печенѣгахъ и не только здѣсь, но и во всей исторіи похода систематически вмѣсто Скиѳовъ ставитъ Узовъ, вмѣсто общаго—частное наименованіе, такъ какъ разсказъ о принятіи на византійскую службу Узовъ стоитъ въ оригиналѣ гораздо ближе къ 1068 году, чѣмъ исторія поселенія Печенѣговъ въ предѣлахъ имперіи. Далѣе слѣдуютъ Франки: ихъ Скилица могъ для себя отмѣтить, прежде всего, изъ того мѣста Атталіоты, гдѣ уже говорится о военныхъ дѣйствіяхъ около Мелитины (Malatia), и гдѣ секретарь императора Діогена въ первый разъ упомянулъ объ этихъ «кроволюбивыхъ и воинственныхъ людяхъ» (Attaliot. p. 107, 13). Остаются теперь одни Варанги, имени которыхъ вовсе нѣтъ на страницахъ первоначальнаго историка. Но можно a priori догадываться, что Скилица нашелъ и Варяговъ у своего руководителя подъ какимъ-либо другимъ наименованіемъ. До сихъ поръ самый порядокъ, въ какомъ Скилица размѣстилъ различные роды византійскаго войска, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому порядку, въ какомъ они постепенно выходятъ на сцену въ повѣствованіи Атталіоты. Варанги или соотвѣтствующее имъ наименованіе должны поэтому стоять у Атталіоты, въ ходѣ его разсказа, на послѣднемъ мѣстѣ. Такъ это и будетъ. Чрезъ нѣсколько страницъ послѣ того мѣста, гдѣ Атталіота помянулъ Франковъ, онъ разсказываетъ о взятіи Византійцами города Іерополя (армянск. Менбѣджъ, Mambeg', на сѣверо-востокъ отъ Халепа или Верріи) и объ упорномъ сопротивленіи гарнизона мусульманскаго, державшагося въ городской

крѣпости (акрополѣ). Эта крѣпость была взята при помощи одного мѣстнаго жителя, родомъ изъ Антіохіи, который умѣлъ безъ труда пробраться къ акрополю и овладѣлъ его воротами при помощи русскаго оружія: προσιόντος εὐμηχάνως τῇ ἀκροπόλει καὶ τὰς πύλας Ῥωσικοῖς ὅπλοις ἐν τῷ εἰσιέναι κατεσχηκότος τῆς ἀκροπόλεως (Attaliot. p. 110, 23 sq.). Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что своихъ Варяговъ Скилица нашелъ именно здѣсь, что вмѣсто русскихъ, упомянутыхъ у Атталіоты, онъ считалъ естественнымъ и позволительнымъ поставить Варяговъ, точно такъ, какъ вмѣсто Скиѳовъ онъ постоянно называетъ Узовъ; значитъ—въ его глазахъ Русскіе и Варяги были одно и то же. Можно, конечно, догадываться, что подъ «русскимъ вооруженіемъ», которое помогло при занятіи воротъ крѣпостныхъ, Скилица разумѣлъ, какъ это и естественно, топоры, сѣкиры, и что представленіе его о тожествѣ Русскихъ съ Варягами основано именно на этомъ признакѣ. Но что́ жъ изъ этого? Этотъ признакъ, дѣйствительно, можетъ служить доказательствомъ тожества Варяговъ и Русскихъ. Варангами называется у Византійцевъ особый родъ 118
войска, вооруженный сѣкирами, а по своей національности это главнымъ образомъ Русскіе, о которыхъ мы дѣйствительно знаемъ, что они были вооружены топорами-сѣкирами (см. выше у Псела и у Льва Діакона).

Что Русскіе въ самомъ дѣлѣ играли не послѣднюю роль въ походахъ Романа Діогена противъ мусульманскихъ завоевателей—Турокъ, мы удостовѣряемся въ этомъ свидѣтельствомъ того арабскаго историка, извѣстія котораго вообще отличаются поразительною точностію и правдивостію. Ибнъ-эль-Атиръ пишетъ, что армія Романа Діогена численностію доходила до 200 тысячъ и состояла изъ Византійцевъ, Франковъ, Русовъ, Баждаковъ (Печенѣговъ), Арабовъ и Грузинъ (въ подлинникѣ Курчь) [1]). Русскіе

1) Это мѣсто сообщено намъ, такъ же, какъ и другое, которымъ мы воспользовались прежде, барономъ В. Р. Розеномъ, профессоромъ арабскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Онъ взялъ на себя даже трудъ повѣрить печатный текстъ Ибнъ-эль-Атира, изданный Торнбергомъ, съ лучшею рукописью этого писателя, которая принадлежитъ библіотекѣ университета, такъ какъ у Торнберга нѣкоторыя имена переданы совсѣмъ неисправно и непонятно (Грб—на мѣстѣ Арабовъ). Слово Курчь объяснилъ намъ П. И. Лерхъ. Приносимъ глубокую благодарность обоимъ ученымъ. ‹См. теперь Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. О., т. I, стр. 19 и сл., 189 и сл., 243 и сл.›

опять занимаютъ то мѣсто, которое у Скилицы принадлежитъ Варягамъ. Далѣе, Ибнъ-эль-Атиръ заставляетъ Русскихъ сражаться съ Турками Альпъ-Арслана при Хелатѣ (Χλίατ, Khelat по-армянски), куда, какъ извѣстно, Романъ Діогенъ отправилъ значительный отрядъ отъ Манцикерта. «У Хелата (авангардъ Альпъ-Арслана) встрѣтилъ предводителя Русовъ, сопровождаемаго приблизительно десятью тысячами Византійцевъ. Они сразились, и были разбиты Русы, и былъ взятъ въ плѣнъ ихъ предводитель и былъ приведенъ къ султану, и тотъ ему отрѣзалъ носъ». Эль-Макинъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ пишетъ: «Султанъ Альпъ-Арсланъ устремляется къ Хелату на встрѣчу Византійцамъ съ 40.000 всадниковъ; противъ нихъ вышелъ съ большими силами одинъ патрицій, но султанъ побѣдилъ ихъ, взявъ въ плѣнъ самого предводителя, у котораго онъ отрѣзалъ носъ». Извѣстіе Атира, отчасти подтверждаемое Макиномъ, для насъ драгоцѣнно; но, несмотря на высокія качества Багдадскаго астронома-историка, мы должны спросить себя, не противорѣчитъ ли онъ византійскому историку, современнику и очевидцу. У Атталіоты не говорится прямо о Русскихъ, какъ участникахъ въ роковыхъ битвахъ при Хелатѣ и Манцикертѣ. Но за то мы отъ него имѣемъ подробныя свѣдѣнія о томъ, кто именно былъ подъ
119 Хелатомъ, и кто подъ Манцикертомъ: оба пункта находятся въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Сначала отправлены были императоромъ Романомъ къ Хелату Узо-Печенѣги (Скиѳы), а вслѣдъ за ними — Франки съ ихъ предводителемъ, знаменитымъ Норманномъ Урселемъ, впослѣдствіи заступившимъ мѣсто Роберта Крепена [1]). Можно было на минуту подумать, что Урсель, называемый у Византійцевъ часто Руселемъ (Attaliot. p. 148, 22: Ῥουσέλιος), и есть тотъ предводитель Русовъ, о которомъ идетъ рѣчь у арабскихъ писателей, то-есть, другимп словами, можно было предполагать довольно грубое недоразумѣніе, основанное на смѣшеніи имени Урселя съ именемъ Русскихъ. Такое объясненіе можно бы подкрѣпить свидѣтельствомъ Амата Монте-

1) Nicephi Bryenn. p. 58, 22 sq: ὁ Φράγγος Οὐρσέλιος, τῆς ἑταιρίας ὢν τοῦ Κρισπίνου καὶ τῆς ἐκείνου κατάρχων φάλαγγος, ἅτε ἐκείνου τὸ χρεὼν ἀποτίσαντος.

Кассинскаго[1]) о томъ, что Урсель дѣйствительно попался въ плѣнъ къ Туркамъ. Но все это было бы, однако, крайне шатко. Извѣстіе Амата о плѣнѣ Урселя есть не болѣе какъ ошибка, ибо оно противорѣчитъ свидѣтельству Атталіоты и притомъ вдвойнѣ. Аматъ говоритъ, что Урсель взятъ въ плѣнъ Турками вмѣстѣ съ императоромъ Романомъ въ рѣшительномъ сраженіи при Манцикертѣ. Но, во-первыхъ, изъ Атталіоты мы видимъ, что Урсель не былъ подъ Манцикертомъ, а оставался подъ Хелатомъ, а во-вторыхъ, византійскіе писатели прямо говорятъ, что Урсель ушелъ отъ плѣна (Attaliot. p. 148 sq., 185, а также 167; ср. Scylitz. p. 695). Пойдемъ далѣе. Атталіота говоритъ, что Романъ Діогенъ, считая нетруднымъ дѣломъ осаду Манцикерта и не ожидая близкой опасности со стороны Турокъ, отправилъ, сверхъ Печенѣговъ и Франковъ, къ Хелату новыя, еще болѣе значительныя силы, поручивъ ихъ магистру Іосифу Траханіоту (у Скилицы Тарханіоту): «Въ этомъ числѣ былъ значительный отрядъ пѣхотинцевъ; и вообще корпусъ, порученный Траханіоту, состоялъ изъ отборныхъ и храбрѣйшихъ воиновъ, занимавшихъ обыкновенно передовыя и самыя опасныя позиціи во всѣхъ боевыхъ стычкахъ и сраженіяхъ». По своему количеству этотъ корпусъ превосходилъ число войска, оставшагося подъ командой императора предъ Манцикертомъ. Атталіота тутъ же объявляетъ, какимъ образомъ Романъ Діогенъ, послѣ столькихъ походовъ, былъ все-таки въ состояніи отдѣлить такія значитель- 120
ныя силы къ Хелату. «Въ предшествовавшихъ битвахъ Греки еще не доходили до такой крайности со своимъ императоромъ, чтобы нужно было подвергать опасности и выводить въ битву и его собственную часть, называемую обыкновенно смѣною (τὴν αὐτοῦ μοῖραν, τὸ λεγόμενον συνήθως ἀλλάγιον); но въ то время какъ остальные впередъ захватывали себѣ побѣду, отряды, зависѣвшіе непосредственно отъ императора и окружавшіе его (οἱ τῷ βασιλεῖ περιαρτώμενοι λόχοι), оставались внѣ боевыхъ схватокъ» (Attaliot. p. 149, 14—150, 1). Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о какой-то

1) Aimé, Ystoire de li Normant I, 9 p. 14 éd. Delarc: Mès pour lo juste jugement de Dieu, li Turc orent la victoire et fu grant mortalité de Chrestiens. Et Auguste et Urselle furent prison, et ensi ces II o tout lor chevaliers furent menez en prison.

пѣшей императорской гвардіи (но не о лейбъ-гвардіи) или объ отборныхъ пѣшихъ полкахъ, находившихся подъ непосредственною командою императора. Значеніе слова «ἀλλάγιον» довольно темно [1]); но изъ позднѣйшихъ примѣровъ мы видимъ, что царская «смѣна» состоитъ изъ иностранцевъ. Мы думаемъ, что именно въ этой отборной пѣхотѣ, отправленной къ Хелату, и нужно искать тѣхъ Русскихъ, о которыхъ говорится у Ибнъ-эль-Атира. Только при этомъ не слѣдуетъ въ начальникѣ Русовъ, взятыхъ въ плѣнъ, видѣть самого Траханіота, потому что и онъ вмѣстѣ съ Урселемъ избѣжалъ такой бѣды (Attaliot. p. 158. Scylitz. p. 695).

Варяги еще разъ являются на сцену въ трагической исторіи Романа Діогена и косвеннымъ образомъ способствуютъ ея ужасной развязкѣ. Романъ Діогенъ, какъ извѣстно, былъ освобожденъ изъ плѣна султаномъ Альпъ-Арсланомъ, но только для того, чтобы найти болѣе жестокихъ и безжалостныхъ враговъ въ своемъ отечествѣ. Въ его отсутствіе власть захватили родственники: дядя (кесарь Іоаннъ) и двоюродные братья Михаила VII Дуки; да и самъ Михаилъ VII, по совѣту своего наставника и руководителя Пселла, не хотѣлъ болѣе дѣлиться престоломъ съ мужемъ своей матери. Слухъ объ освобожденіи Романа и о возвращеніи его на царство произвелъ смятеніе и ужасъ во дворцѣ. Юный императоръ Михаилъ припялъ рѣшеніе, которое Пселлъ называетъ самымъ разумнымъ. Посовѣтовавшись со своею Фамиліей, онъ убѣжалъ отъ матери, которая, конечно, подозрѣвалась въ расположеніи къ мужу, и склонилъ на свою сторону придворную стражу. При этомъ случаѣ Пселлъ объясняетъ намъ,
121 кого нужно разумѣть подъ стражею. «Это племя — всѣ щитоносцы и они потрясаютъ на своемъ плечѣ нѣкотораго рода сѣкиру, съ одной стороны острую и тяжеложелѣзную. Они дружно загремѣли своими щитами, подняли крикъ такой, какой только могли вмѣстить ихъ головы (закричали во всю голову), скрестили свои сѣкиры и зазвенѣли ими, собрались кругомъ царя, находя-

1) Дюканжъ объясняетъ ἀλλάγια какъ stationes, diversoria militum, quae subinde mutantur, и прибавляетъ, что это vox tacticorum recentiorum. Онъ приводитъ только одинъ примѣръ употребленія этого термина—изъ Пахимера (IV, с. 27). Едва ли ἀλλάγιον имѣетъ что-либо общее съ ἀλλαχτὸν—μαγκλάβιον, хотя сближеніе представляетъ большую заманчивость.

щагося въ опасности, и, обвивъ его своимъ кругомъ, неприкосновенно отвели его въ верхнія комнаты дворца» (Pselli hist. p. 281 sq.).

Пселлъ, по обычаю, не употребляетъ здѣсь термина Варяги, но очевидно—разумѣетъ ихъ. Нужно только замѣтить, что здѣсь онъ уже не называетъ своихъ сѣкироносцевъ союзниками (συμμαχικόν, συμμαχικαὶ δυνάμεις), какъ это дѣлалъ прежде, но прямо указываетъ на ихъ дворцовое значеніе, характеризуетъ ихъ какъ тѣлохранителей императорскихъ; то-есть, здѣсь у Пселла несомнѣнно идетъ рѣчь о варяжской дружинѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Является слѣдующій вопросъ: какъ представлялъ себѣ Пселлъ отношеніе этой малой (варяжской) дружины къ большому (варяжскому) союзному корпусу — по ихъ племенному составу? Мы видѣли выше, что Пселлъ смотритъ на лейбъ-гвардію, сопровождающую императора при выходахъ, какъ на малую часть иностраннаго наемнаго корпуса. И здѣсь мы должны предполагать такое же точно представленіе у Пселла, потому что нѣтъ никакого основанія для противнаго. Въ настоящее время (1071 годъ) союзный византійскій корпусъ состоитъ изъ Русскихъ и Франковъ (то-есть, французскихъ Норманновъ): нужно думать, что они же входятъ въ составъ и лейбъ-гвардіи, то-есть, и здѣсь разумѣются тѣ Тавроскиѳы и Итальянцы, которые окружали Исаака Комнина съ тѣми же самыми сѣкирами и щитами (см. выше). Правда, около этого же времени появляются упоминанія и о Нѣмцахъ, но почти нѣтъ никакихъ указаній, чтобъ они когда-либо входили въ составъ собственно варяжскихъ дружинъ. Да и самые Франки постоянно отличаются отъ Варяговъ, такъ что несомнѣнными членами лейбъ-гвардіи остаются одни Тавроскиѳы.

Повидимому, иначе, чѣмъ Пселлъ, представлялъ себѣ эти отношенія Никифоръ Вріенній, мужъ цесаревны Анны Комнины и авторъ плохого неоконченнаго историческаго сочиненія, имѣющаго цѣлію доказать законность престолонаслѣдія въ династіи Комниновъ и прославить подвиги недавно умершаго (въ 1118 г.) основателя ея, Алексѣя I. По его словамъ (p. 45), сѣкироносцы, подъ защиту которыхъ прибѣгъ Михаилъ Дука, происходили «изъ варварской страны вблизи океана и отличались издревле 122

вѣрностію византійскимъ императорамъ». Слова Никифора о варварской странѣ, сосѣдней съ океаномъ, сами по себѣ довольно неопредѣленны и могли бы относиться даже къ французскимъ Норманнамъ, которые чрезъ южную Италію наплывали въ Византію. Но они слишкомъ напоминаютъ способъ выраженія, усвоенный писателями XII вѣка для обозначенія тогдашнихъ Варяговъ съ острова Θулы, то-есть, англійскихъ или британскихъ Варяговъ, такъ что всего вѣроятнѣе—и Никифоръ Вріенній имѣлъ въ своемъ умѣ этихъ послѣднихъ сѣкироносцевъ. Но тогда онъ положительно ошибался и дѣлалъ, хотя естественный и обычный, но грубый анахронизмъ. Во всякомъ случаѣ, въ продолженіе 50 или 60 лѣтъ многое могло измѣниться, и потому Никифору Вріеннію слѣдовало, разсказывая о давнопрошедшихъ временахъ, точнѣе держаться своихъ источниковъ, хотя и не такъ буквально переписывать ихъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Теперь, когда исторія Пселла находится у насъ въ рукахъ, мы видимъ, что мужъ знаменитой и ученой Анны, восхваляемый ею за большое литературное образованіе, выписываетъ у философа безъ зазрѣнія совѣсти цѣлыя страницы, желая, однако, сохранить видъ и наружность самостоятельнаго писателя. Этого онъ думаетъ достигнуть довольно дешевыми средствами, именно анахроническими вставками въ родѣ вышеприведенной и мелкими стилистическими измѣненіями подлинника. Вотъ примѣръ, который служитъ кстати подлиннымъ текстомъ къ вышеприведеннымъ отрывкамъ Пселла и Вріеннія:

Пселлъ, p. 281 sq.

ὁ βασιλεὺς Μιχαὴλ. . . . . τοὺς περὶ τὴν αὐλὴν φύλακας οἰκειοῦται· τοῦτο δὲ γένος ἀσπιδοφόροι σύμπαντες καὶ ῥομφαίαν τινὰ ἀπὸ τοῦ ὤμου ἑτερόστομον καὶ βαρυσίδηρον ἐπισείοντες· κτυπήσαντες γοῦν τὰς ἀσπίδας ἀθρόον καὶ ἀλαλάξαντες ὅσον ἐχώρουν αἱ κεφαλαὶ τάς τε ῥομφαίας πρὸς ἀλλήλους συντρίψαντές τε καὶ συνηχήσαντες, ἐπὶ τὸν βασιλεύοντα ὡς κινδυνεύοντα συνανίασι καὶ χορὸν περὶ αὐτὸν ἑλίξαντες ἀθιγῶς ἐπὶ τὰ ὑψηλότερα τῶν ἀνακτόρων ἀνάγουσιν.

Вріенній, p. 45, 10 sqq.

. . . . . τοὺς περὶ τὴν αὐλὴν φύλακας εὐθὺς οἰκειοῦται· τοῦτο δὲ τὸ γένος ὥρμητο ἐκ τῆς βαρβάρου χώρας τῆς πλησίον ὠκεανοῦ, πιστὸν δὲ βασιλεῦσι Ῥωμαίων ἀρχῆθεν, ἀσπιδηφόρον ξύμπαν καὶ πέλεκύν τινα ἐπὶ ὤμων φέρον.—οἱ δὲ περὶ τὸν καίσαρα κτυπήσαντες τὰς ἀσπίδας ἀθρόοι καὶ βαρβαρικὸν ἀλαλάξαντες τάς τε ῥομφαίας πρὸς ἀλλήλων συντρίψαντές τε καὶ συγκροτήσαντες περὶ τὴν βασιλίδος ἐχώρουν σκηνήν.

XI.

Прямыя доказательства существованія Варяго-Руси въ XI вѣкѣ.

Мы разобрали значительное количество мѣстъ и отрывковъ 123
у византійскихъ писателей, гдѣ такъ или иначе упоминаются Варяги. Отдавая при этомъ, согласно съ законами критики, преимущество первоначальнымъ и современнымъ источникамъ предъ позднѣйшими и несамостоятельными, мы нашли, что большая часть приведенныхъ нами мѣстъ, при взаимномъ ихъ сопоставленіи, указываетъ на тожество варяжскаго и русскаго корпуса, и что другія мѣста, которыя на это не указываютъ, уже ничего не указываютъ, ничего не говорятъ ни за ни противъ той или другой предполагаемой національности Варяговъ. Не знаемъ, въ какой степени наши соображенія и толкованія покажутся убѣдительными для другихъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что ни въ одномъ изъ византійскихъ, а равно и южно-итальянскихъ упоминаній о Варягахъ не содержится ни малѣйшаго намека на ихъ скандинавское происхожденіе, не исключая даже Никифора Вріеннія, свидѣтельство котораго относится къ XII вѣку и сейчасъ оцѣнено нами по достоинству. Скандинавизмъ Варанговъ, правда, и доказывался всегда не столько византійскими источниками, сколько исландскими сагами. Но мы знаемъ цѣнность этого свидѣтельства и думаемъ, что вопросъ объ авторитетѣ саги можно считать рѣшеннымъ. Далѣе, мы до сихъ поръ не нашли ни одного мѣста—и несомнѣнно, что нельзя найти такого мѣста,—въ которомъ Варяги противопоставлялись бы Руси, состоящей на византійской службѣ, гдѣ Русь и Варяги прямо отличались бы между собою; потому что ни въ одномъ изъ приведенныхъ мѣстъ Русскіе не поставлены на ряду съ Варягами, а есть только такіе случаи, что гдѣ у одного писателя стоятъ Русскіе, тамъ у другого стоятъ Варяги. На нашъ взглядъ, это послѣднее обстоятельство имѣетъ очень большой вѣсъ, но нельзя ручаться за то, что оно будетъ имѣть такой же вѣсъ въ глазахъ ученыхъ, сроднившихся съ другимъ воззрѣніемъ. Обыкновенно такого рода

доказательства сильно дѣйствуютъ только тогда, когда ихъ имѣешь предъ глазами во всей наглядности. Мы не могли, напримѣръ, выписывать по нѣскольку страницъ изъ Пселла и Вріеннія, изъ Атталіоты и Скилицы для очевиднѣйшаго доказательства, что одинъ изъ нихъ рабски копируетъ другаго, и что прибавки, дѣлаемыя позднѣйшимъ компиляторомъ, имѣютъ боль-
124 шею частію такую же цѣну, какъ и его убавки и пропуски. А между тѣмъ, многое въ нашемъ изслѣдованіи построено на изученіи взаимнаго отношенія между источниками. Это одна черта, которою наше разсужденіе о Варангахъ отличается отъ многихъ другихъ, касающихся того же вопроса. Другая состоитъ въ томъ, что мы обращали вниманіе не только на одно упоминаніе или употребленіе имени Варангъ и Вэрингъ у писателей, а также и на реальную обстановку явленія, на реально-историческія соотношенія, въ сопровожденіи которыхъ выступаютъ на сцену Варанги или Вэринги. Наконецъ, третье, самое важное, хотя и случайное отличіе состоитъ въ томъ, что намъ первымъ пришлось воспользоваться новыми источниками для византійской исторіи XI рѣка, Пселломъ, изданнымъ только въ 1874 году, да отчасти и Атталіотою. Все это объясняетъ возможность новаго рѣшенія вопроса, которое мы предлагаемъ. Родоначальники скандинавской теоріи происхожденія Варяговъ не имѣли въ рукахъ Атталіоты, изданнаго только въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Это, правда, нисколько не можетъ быть считаемо вреднымъ въ исторіи науки, такъ какъ Атталіота могъ бы только послужить новымъ отличнымъ подкрѣпленіемъ скандинавизма Руси и Варяговъ до самаго конца XI вѣка. Но слѣдуетъ пожалѣть, что никто изъ новѣйшихъ изслѣдователей, отвергающихъ существованіе Руси скандинавской въ XI вѣкѣ, не изучалъ надлежащимъ образомъ названнаго писателя. Иначе не было бы возможности твердить, что Византійцы постоянно отличаютъ Русь и Варяговъ: именно у Атталіоты, который, на ряду съ Пселломъ, есть главнѣйшій и лучшій источникъ для XI столѣтія, Варяги и Русь—одно и то же, синонимы. Мы приводимъ отрывокъ, служащій прямымъ доказательствомъ этой истины, составляющей основную тему нашего изслѣдованія. Атталіота, какъ современникъ и очевидецъ, подробно разсказываетъ о по-

слѣднихъ дняхъ царствованія Михаила VII Дуки и о двухъ возстаніяхъ, поднявшихся противъ него одновременно въ Азіи и Европѣ. Во главѣ европейскаго возстанія стоялъ Никифоръ Вріенній (отецъ одноименнаго писателя), провозгласившій себя императоромъ въ Диррахіѣ (Драчѣ) и направившійся съ своими приверженцами къ Адріанополю (начало ноября 1077 года). Братъ его Іоаннъ успѣлъ склонить на сторону возмущенія часть военныхъ силъ имперіи, расположенныхъ въ западныхъ (то-есть, европейскихъ) ея провинціяхъ; въ этомъ числѣ было большое количество Франковъ и Варанговъ (Attaliot. p. 242): τινὰς τῶν ἑσπερίων δυνάμεων εἰς τὴν ἰδίαν ἐπίβουλὴν καταρτίσας, μεθ' ὧν ἦσαν Βαράγγων καὶ Φράγγων πλήθη πολλά. Ср. Scylitz. p. 727, 10. Итакъ, еще разъ Варяги являются 125
намъ не тѣлохранителями царскими, а иностраннымъ корпусомъ, расположеннымъ въ провинціяхъ. Сверхъ того, мы сейчасъ увидимъ, что въ то же время Варяги находятся и въ столицѣ, оставаясь вѣрными императору Михаилу. Въ началѣ 1078 года Іоаннъ Вріенній съ своимъ войскомъ сдѣлалъ неудачную попытку противъ Константинополя и отступилъ къ городку Аѳиру (Attaliot. p. 252, 19: τὸ τοῦ Ἀθύρα πολίχνιον), при заливѣ, образуемомъ устьемъ рѣки или потока того же имени (теперь Кучукъ-Чекмадіе), въ четырехъ или пяти часахъ отъ столицы (Ср. Agath. histor. V, 14 p. 158 C ed. Paris.), гдѣ онъ распустилъ на зимовку большую часть своей арміи. Въ Константинополѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что братъ Никифора Вріеннія стоитъ въ Аѳирѣ вполнѣ спокойно и небрежно; рѣшено было воспользоваться его безпечностію и захватить его въ плѣнъ. Во главѣ экспедиціи поставлены были президентъ (πρόεδρος) Алексѣй Комнинъ, будущій знаменитый императоръ, и храбрый Франкъ Урсель, который недавно сидѣлъ въ тюрьмѣ за измѣну, а теперь въ виду опасности былъ освобожденъ и далъ самыя страшныя заклятія быть вѣрнымъ Михаилу VII. Участвовали въ экспедиціи Варяги, которые должны были напасть съ моря, и военные люди Алексѣя и Урселя. Слѣдуетъ разсказъ Атталіоты (p. 253, 21—255, 1):

«Русскіе корабли, получившіе приказаніе напасть съ моря, подали знакъ воинамъ на сушѣ, чтобъ они ранѣе утромъ въ одно

время съ ними (Русскими) подступили къ Аѳиру, заперли тамъ внутри противника со всѣми его сообщниками и, вступивъ съ нимъ въ бой, оборотили его (къ морю) и, такимъ образомъ, загнали бы всѣхъ какъ-бы въ сѣти подъ руку ихъ самихъ (Русскихъ), отъ которой враги найдутъ плѣнъ или убійство. Это былъ планъ ясный, стратегическій и обѣщающій хорошій уловъ добычи (τοῦ θηράματος σύνοχος). Но въ своемъ исполненіи, не будучи вполнѣ соблюденъ, онъ погубилъ плоды побѣды. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ собрались сухопутное и морское войска; но воины сухопутнаго отряда, отправившись впередъ къ городку, уклонились съ своего пути, замѣтивъ какихъ-то Македонянъ, расположившихся въ отдаленіи на поляхъ, и желая захватить ихъ: ихъ они не поймали и промахнулись въ своей попыткѣ, да и съ Варягами не успѣли соединиться, когда тѣ подступили къ Аѳиру (какъ было условлено). Между тѣмъ Варяги все-таки, разломавъ ворота, проскочили (проникли) впутрь городка и еще раннимъ утромъ бились полнымъ боемъ (πανόπλοις ἐπιφοραῖς) съ приверженцами Врієннія. Но послѣдніе, будучи конниками, сѣли на лошадей и устремились въ бѣгство.
126 Такъ какъ на сухомъ пути (то-есть, со стороны суши) не было видно военныхъ людей, которые могли бы встрѣтить ихъ (то-есть, преградить отступленіе), то они избѣгли гибели. Позже явился Урсель вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Алексѣемъ и погнались сзади, но когда они хотѣли продолжать преслѣдованіе и уничтожить большое число противниковъ, потрясенныхъ страхомъ и бѣгущихъ безъ оглядки, то не нашли послушанія у собственныхъ воиновъ, такъ какъ они боялись исхода (этой погони). Нѣсколько Македонянъ все-таки пало въ замкѣ отъ Русскихъ, а другіе были взяты въ плѣнъ (ими же), а равнымъ образомъ и конниками»: Ῥωσικὰ-πλοῖα, τὴν ἀπὸ θαλάσσης παραγγελθέντα ἐπίθεσιν, σύνθημα παρέσχον τοῖς κατ' ἤπειρον στρατιώταις -- συνήρχοντο -- ἐν ταυτῷ τότε πεζικὸν καὶ ναυτικὸν στράτευμα -- οἱ τῆς πεζικῆς μοίρας στρατιῶται -- τοῖς δὲ Βαράγγοις οὐ συνεδύασαν, ὅτε τῷ Ἀθύρᾳ προσέβαλον. ὅμως δ' οὖν οἱ μὲν Βάραγγοι -- τοὺς τοῦ Βρυεννίου κατηγωνίσαντο -- ἔπεσον δέ τινες Μακεδόνες ἐν τῷ κάστρῳ (= πολιχνίῳ) παρὰ τῶν Ῥῶς, ἄλλοι δὲ ζῶντες ἠχμαλωτίσθησαν. (Ср. Scylitz. p. 730).

Итакъ, вотъ наконецъ мѣсто, въ которомъ Варяги прямо называются Русскими. Съ двухъ сторонъ рѣшено было нападеніе на Аѳиръ: съ моря и съ суши. Моремъ отправились корабли русскіе, то-есть, не тѣ русскія лодьи (σκάφη), на которыхъ разъѣзжали по Черному морю Русскіе, а византійскія суда, на которыхъ были посажены Русскіе. Не знаемъ, нужно ли изъ этого отрывка заключать, что въ византійскомъ флотѣ была теперь постоянная спеціальная русская часть, какъ это было, повидимому, до временъ Константина Багрянороднаго. До сихъ поръ Русскіе въ нашемъ изслѣдованіи всегда являлись на сушѣ; и теперь они называются морскимъ войскомъ (ναυτικὸν) только потому, что прибыли моремъ, точно такъ, какъ люди Урселя и Алексѣя названы πεζικὸν (собственно пѣхотою) только въ смыслѣ сухопутнаго войска. Во всякомъ случаѣ люди, прибывшіе на русскихъ корабляхъ, умѣютъ сражаться на сушѣ, разбиваютъ ворота и сражаются полнымъ боемъ съ приверженцами Вріеннія, то-есть, съ Греками Адріанопольской области, изъ которыхъ главнымъ образомъ состояла армія Вріеннія. Самая фамилія Вріенніевъ была изъ Адріанополя (Anna Comnena, X, p. 274 ed. Paris.), въ этомъ городѣ онъ былъ принятъ жителями съ особеннымъ восторгомъ (Attaliot. p. 248), наконецъ, и въ составѣ его войска прямо указаны Македоняне (Attaliot. p. 246), а это точно такъ же, какъ и въ исторіи возмущенія Торникія, означаетъ жителей области, центромъ которой былъ Адріанополь. Въ то время, какъ люди, прибывшіе на русскихъ корабляхъ и названные по- 127
томъ Варягами, бились внутри городка, конный отрядъ Алексѣя и Франка Урселя напрасно терялъ время, гоняясь за другими Македонянами, расположенными не въ самомъ Аѳирѣ, а вдали отъ него на поляхъ. Это дало возможность спастись «Македонянамъ» Аѳира, потому что Варанги не были конниками. Тѣмъ не менѣе нѣсколько Македонянъ еще въ самомъ городкѣ были убиты (ἔπεσον) и взяты въ плѣнъ Русскими (Варангами) и потомъ подоспѣвшимъ, хотя поздно, коннымъ сухопутнымъ отрядомъ.

Атталіота употребляетъ выраженія Русь и Варанги вполнѣ синонимически. Это для насъ въ высшей степени важно не только потому, что такъ пишетъ бывшій военный судья императора Діогена, участникъ походовъ этого императора, въ которыхъ онъ

превосходно изучилъ характеръ и составъ византійской арміи, но еще по другой причинѣ. Въ настоящее время изданы двѣ новыя грамоты, въ которыхъ упоминается о Варягахъ, и обѣ эти грамоты даны Атталіотѣ. Очень возможно, что онѣ и писаны подъ диктовку Атталіоты, который при императорахъ, подписавшихъ своими красными чернилами эти грамоты, былъ уже важнымъ придворнымъ сановникомъ. Особенное употребленіе имени Варанговъ и Русь, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ однородныхъ грамотахъ, должно быть объясняемо въ согласіи съ употребленіемъ этихъ терминовъ въ историческомъ сочиненіи Атталіоты.

Мы должны по порядку времени начать съ хрисовула, даннаго въ 1060 году императоромъ Константиномъ X Аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія. Согласно съ просьбою монаховъ этого монастыря, Константинъ Дука подтвердилъ привилегіи прежнихъ государей и освободилъ имѣнія лавры отъ всѣхъ податей и повинностей—государственныхъ, земскихъ, воепныхъ и таможенныхъ—и отъ денежныхъ сборовъ для Варяговъ-Руси, или Саракинъ, или Франковъ: λογαριαχῆς εἰσπράξεως Βαράγγων Ῥῶς, ἢ Σαρακινῶν, ἢ Φραγγῶν (Исторія Аѳона преосв. Порфирія, III, 1 стр. 186 изд. 1877 г.).

Въ 1075 году императоръ Михаилъ VII, сынъ предыдущаго Дуки, согласно съ просьбою проконсула (анѳипата) и верховнаго судьи (ἐπὶ τοῦ ἱπποδρόμου καὶ τοῦ βήλου) Михаила Атталіоты, освободилъ его домъ въ городѣ Рэдестѣ (Родосто) и всѣ его благопріобрѣтенныя имѣнія въ округѣ Ѳрако-Македонскомъ (κατὰ τὸ θέμα Θράκης καὶ Μακεδονίας) отъ всякихъ податей и повинно-
128 стей, и между прочимъ — отъ постоя военныхъ властей какъ окружныхъ (областныхъ ополченій, поставляемыхъ провинціями или темами), такъ и строевыхъ (регулярныхъ); «еще же Руси Варяговъ, или Колбяговъ, или Франковъ или Булгаровъ, или Сарацинъ, или какихъ другихъ: ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιτάτου ἀρχόντων ταγματικῶν ἢ θεματικῶν, ἔτι τε Ῥῶς, Βαράγγων, ἢ Κουλπίγγων, ἢ Φράγγων, ἢ Βουλγάρων, ἢ Σαρακηνῶν, ἢ ἄλλων τινῶν (Sathas, Bibliotheca graeca t. I, p. 55).

Въ маѣ 1079 года новый императоръ, Никифоръ Вотаніатъ, при которомъ Атталіота получилъ уже санъ магистра и порученіе написать исторію послѣдняго времени, далъ новую грамоту

своему довѣренному сановнику. Хрисовулъ освобождалъ отъ всякихъ податей и повинностей монастырь и богадѣльню, основанныя Атталіотою въ Рэдестѣ, которымъ онъ отдалъ свой домъ и часть имѣній. Въ важной для насъ части хрисовула повторяются почти буквально выраженія грамоты Михаила VII: ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιτάτου ἀρχόντων ταγματικῶν ἢ θεματικῶν, ἔτι τε Ῥῶς, Βαράγγων, ἢ Κουλπίγγων, ἢ Φράγγων, ἢ Βουλγάρων, ἢ Σαρακηνῶν, καὶ ἄλλων τινῶν. (Sathas, ibid. p. 64).

Наконецъ, къ 1088 году относится хрисовулъ Алексѣя Комнина, данный Христодулу, монаху и ктитору монастыря на островѣ Патмосѣ. Сказанный монастырь освобождается «отъ постоя начальниковъ регулярныхъ и областныхъ, отрядовъ греческихъ и иностранныхъ, а также русскихъ Варяговъ, Колбяговъ, Англянъ (Англичанъ), Франковъ, Нѣмцевъ, Булгаровъ, Сарацинъ, Аланъ, Обезовъ (Абхазовъ), безсмертныхъ и остальныхъ всѣхъ Грековъ и чужеплеменниковъ»: ἀπὸ - μιτάτων ἀρχόντων ταγματικῶν καὶ θεματικῶν, ῥωμαϊκῶν τε παραταγῶν καὶ ἐθνικῶν· ἔτι τε ῥώσων, βαράννων, κουλπίννων, ἰγγλίνων, φράγγων, νεμίτζων - - ἀθανάτων καὶ λοιπῶν ἁπάντων ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν. (Zachariae, Jus Graeco-latinum III, 373). Въ другомъ изданіи (Сакелліона) читалось Ῥώσσων, Βαράγγων (см. у Гопфа: Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters <Allgem. Encyklopädie herausg. von Ersch und Gruber, 1. Sect., 85 Th.>, стр. 149a).

При малочисленности и рѣдкости византійскихъ хрисовуловъ, каждое слово и каждая буква приведенныхъ нами документовъ должны быть цѣнимы изслѣдователемъ какъ величайшая драгоцѣнность. Что̀ мы въ нихъ замѣчаемъ относительно Варяговъ и Руси? Во-первыхъ, во всѣхъ четырехъ грамотахъ слова Варяги и Русь стоятъ рядомъ, и, во-вторыхъ, ни въ одной изъ грамотъ между Варягами и Русью не стоитъ раздѣлительной частицы или (ἤ), которою въ трехъ грамотахъ отдѣляются члены предложе- 129
нія. Авторъ Исторіи Аѳона, у котораго мы заимствовали отрывокъ первой грамоты, можетъ, безъ сомнѣнія, быть почитаемъ спеціальнымъ знатокомъ греко-византійскаго языка, и онъ перевелъ слова Βαράγγων Ῥῶς выраженіемъ Варяго-Россы. Мы съ удовольствіемъ подкрѣпляемъ свое мнѣніе его авторитетомъ. Въ самомъ дѣлѣ—почему частица или (ἤ) въ трехъ первыхъ хрисо-

вулахъ не слѣдуетъ тотчасъ за словомъ Варяги, а начинаетъ повторяться только вслѣдъ за словомъ Русь? Если бы слово Ῥῶς (Rhos) составляло особенный, отдѣльный членъ въ раздѣленіи, или особую статью въ перечисленіи, то юридическая точность жалованной грамоты и логическая правильность рѣчи требовали бы раздѣлительной частицы уже послѣ перваго члена, предъ вторымъ, предъ словомъ Русь. Такъ оно и бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этому быть слѣдуетъ. Излишне было бы приводить примѣры для этого, потому что намъ пришлось бы выписывать страницы изъ «Василикъ» (Βασιλικά) для доказательства того, что̀ естественно и необходимо само по себѣ. Желающіе имѣть такія доказательства пусть прочитаютъ внимательно, положимъ, самую грамоту Христодулу, и они найдутъ примѣры на указываемое нами правило. Удовольствуемся, съ своей стороны, напоминаніемъ о другомъ правилѣ греческой грамматики, по которому имена народовъ часто ставятся совершенно какъ прилагательныя при личныхъ существительныхъ (Krüger, Griechische Sprachlehre I § 57, 1, 4), какъ напримѣръ въ слѣдующей фразѣ: Οἱ Ἕλληνες πελτασταὶ ἔθεον ἐπὶ τοὺς πολεμίους (Ксенофонтъ). Въ нашемъ случаѣ слову πελτασταὶ соотвѣтствуетъ Βάραγγοι, равнымъ образомъ обозначающее родъ войска и вооруженія, а слову Ἕλληνες — Ῥῶς: Ῥῶς Βάραγγοι. То, что слово Ῥῶς иной разъ ставится впереди, а другой разъ позади другого существительнаго, здѣсь ровно ничего не значитъ; и въ вышеприведенномъ примѣрѣ могло быть сказано οἱ πελτασταὶ Ἕλληνες. Такое небольшое измѣненіе въ разстановкѣ безъ окончательнаго разлученія обоихъ реченій доказываетъ только то, что соединеніе ихъ не случайно. Однимъ словомъ, Ῥῶς Βάραγγοι или Βάραγγοι Ῥῶς значитъ: Русь Варяги или Варяги Русь. Хрисовулъ 1088 года, отличающійся отъ другихъ безсоюзіемъ, нисколько этому не противорѣчитъ, какъ выраженіе Русскіе Варяги не противорѣчитъ выраженію «Варяго-Русь». Запятыя между Ῥῶς и Βαράγγων поставлены, само собою разумѣется, только издателями, по ихъ собственному соображенію и согласно съ общепринятымъ доселѣ воззрѣніемъ.

Любопытны также три раза упомянутые Колбяги — ибо,
130 конечно, они разумѣются подъ Кулпингами или Кулпиннами. Мы

не имѣемъ побужденія пускаться въ изслѣдованіе о ихъ происхожденіи. На первый взглядъ слово Колбяги, Кулпинги всего скорѣе напоминаетъ нѣмецкое kolbe, которому въ сѣверномъ скандинавскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ kylfa или kylfi, дубина, κορύνη, ῥόπαλον; слѣдовательно, Колбяги будутъ κορυνοφόροι, а можетъ быть, и часто упоминаемые на ряду съ сѣкироносцами ῥαβδοῦχοι. Въ скандинавскихъ памятникахъ это — Кильфинги, Kilfingar, слѣдовательно, также Русскіе, но, повидимому, отличаемые отъ собственной, южной Руси. Въ географическомъ сочиненіи аббата Николая, относящемся къ XII вѣку, говорится, что въ той части свѣта, которая называется Европою, находятся слѣдующія страны: Великая Швеція и земля Кильфинговъ, которую мы называемъ Гардарикою — Kylfingaland, that köllum vèr Gardharíki (Antiquités Russes II, 401) и т. д. А ниже (р. 403): «въ восточной части Европы находится Гардарика, гдѣ лежатъ Кэнугардъ и Гольмгардъ (Кіевъ и Новгородъ), Палтескія (Полотскъ) и Смаленскія». Замѣчено уже, что на всемъ финскомъ сѣверѣ много мѣстностей съ названіями Колбь, Колбино; только сомнительно, чтобъ эти названія происходили отъ финскаго kolba, kolva, рыбная вода (см. Н. П. Барсова, Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи, изд. 1873 г. стр. XV, прим. 44). Для насъ важно только то, что подъ Колбягами опять нельзя разумѣть ни Скандинавовъ, которые сами отрицаются отъ колбяжества устами авторитетнаго свидѣтеля, ни Нѣмцевъ, какъ это можно было бы ожидать по фонетическому характеру наименованія, потому что Нѣмцы упоминаются особо отъ Кульпинговъ. Этимъ мы можемъ ограничить свои замѣчанія о Колбягахъ, чтобъ опять воротиться къ Варяго-Руси, или къ Русскимъ Варангамъ.

Въ концѣ хроники Іоанна Скилицы Куропалата мы встрѣчаемъ еще разъ тѣхъ самыхъ Варанговъ Русскихъ, о которыхъ была рѣчь у Атталіоты и у самого Скилицы по поводу Аѳирскаго дѣла. Ими убитъ былъ прежній ихъ предводитель Іоаннъ Вріенній, братъ претендента Никифора Вріеннія, теперь (1079 г.) ослѣпленнаго. Причина убійства излагается слѣдующимъ образомъ: «Когда Вріенній отложился, и внѣшніе Варанги согласились (соединились) съ нимъ, то находящіеся внутри дворца

Варанги выбрали одного изъ среды себя и послали его къ своимъ единоплеменникамъ съ требованіемъ, чтобы тѣ оставили отступника (то-есть, Врієннія) и пристали къ императору. Посланный былъ узнанъ, схваченъ, подвергнутъ страшной пыткѣ и открылъ всю истину о своемъ порученіи; за то онъ былъ лишенъ
131 носа, и приказалъ это изуродованіе именно Іоаннъ. Варваръ не остался равнодушнымъ къ обидѣ, которую онъ потерпѣлъ, и убилъ Іоанна, когда онъ выходилъ изъ палатъ, поразивъ его иноплеменническими сѣкирами. Варанги возстали также и противъ императора (Вотаніата) и покушались убить его. Но когда имъ противостали люди императора, то они обратились къ просьбамъ о помилованіи и, умилостививъ царя, получили прощеніе» (Scylitz. p. 737 sq.): τοῦ Βρυεννίου ἀποστατήσαντος καὶ τῶν ἐκτὸς Βαράγγων ὁμοφρονησάντων αὐτῷ, οἱ ἐν τῷ παλατίῳ Βάραγγοι-- πρὸς τοὺς ὁμοεθνεῖς ἀποστέλλουσιν--ὁ βάρβαρος ἀναιρεῖται τὸν Ἰωάννην--μαχαίραις ἐθνικαῖς. (Cp. Bryenn. p. 105; Hamart. p. 897 ed. Mur.). Здѣсь всего важнѣе для насъ указаніе на двоякаго рода Варяговъ, внѣшнихъ и дворцовыхъ. Въ предыдущихъ частяхъ изслѣдованія намъ приходилось нѣсколько разъ отмѣтить то обстоятельство, что Варяги то являются простыми союзниками Византіи, то придворною лейбъ-гвардіей. Мы догадывались, что такъ было въ дѣйствительности, то-есть, что варяжскій корпусъ въ самомъ дѣлѣ выставлялъ изъ среды себя часть для охраненія особы императора, и поэтому мы не считали возможнымъ остановиться на предположеніи, что на ряду съ варяго-русскимъ корпусомъ существовала варяго-скандинавская или какая другая лейбъ-гвардія. Іоаннъ Ѳракисійскій теперь прямо говоритъ, что и внѣшніе и дворцовые Варяги были ὁμοεθνεῖς, единоплеменны...

Что касается возстанія Варяговъ противъ Никифора Вотаніата то оно гораздо подробнѣе описано Атталіотою (p. 294 sq.), который, впрочемъ, термина Варанги при этомъ не употребляетъ. Но сомнѣнія о тожествѣ никакого быть не можетъ. Бунтовщики Атталіоты суть люди, имѣющіе стражу во дворцѣ, «мужи душегубные и иноплеменные», τοῖς τὴν φυλακὴν ἔχουσι τοῦ παλατίου θυμοφθόροις ἀνδράσι καὶ ἐθνικοῖς (p. 294, 17); по древнему обычаю они имѣютъ предстояніе предъ императоромъ съ щитами и про-

чимъ вооруженіемъ въ рукахъ (τὴν παράστασιν ἐνώπιον τοῦ κρατοῦντος - - ἀναπληροῦντες). Неизвѣстно, что было причиною раздраженія этихъ иноплеменниковъ, но только однажды вечеромъ они съ яростнымъ, смертоубійственнымъ и распаленнымъ духомъ устремились противъ самого императора, который находился (припикалъ, προκύπτοντος) надъ ними въ одномъ изъ верхнихъ открытыхъ царскихъ переходовъ. Одни изъ нихъ, воспользовавшись луками, пустили противъ него стрѣлы; другіе, опираясь на ведущія вверхъ лѣстницы, съ большимъ усиліемъ и съ мечами въ рукахъ старались открыть себѣ входъ наверхъ; тогда былъ 132
раненъ стрѣлою въ шею одинъ изъ секретарей царскихъ, стоявшихъ вблизи. Но самъ императоръ, несмотря на совершенную нечаянность нападенія, не потерялъ присутствія духа и, соединивъ около себя небольшую кучку людей, которые пробѣгали мимо, началъ борьбу съ бѣшеною и пьяною яростію варваровъ; ибо варвары дѣйствительно были пьяны, потому что былъ уже вечеръ, когда они теряли всякій разсудокъ вслѣдствіе излишняго употребленія вина, притомъ, по ихъ обычаю, въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ («Руси веселіе есть пити»). Варяги были удержаны, сбиты съ лѣстницъ, по которымъ они ломились вверхъ; между тѣмъ подоспѣли Греки (Ῥωμαῖοι), державшіе царскую стражу, и варвары потерпѣли окончательное пораженіе, но все-таки они еще сопротивлялись нѣсколько времени, запершись, какъ въ какой-нибудь крѣпостцѣ, въ верхней части дворца, отведенной для жительства имъ (p. 296, 2: ἀπονενέμηται γὰρ αὐτοῖς ἄκρα τις ἐν τῷ παλατίῳ μετέωρος εἰς κατοίκησιν). Наконецъ, утомленные напрасными усиліями, они покорились и стали просить прощенія. Никифоръ Вотаніатъ, прославляемый Атталіотою за кротость и человѣколюбіе, по словамъ его, и въ этомъ случаѣ обнаружилъ великодушіе и не настаивалъ на казни всей совокупности варваровъ, служившихъ тѣлохранителями (παντὶ μὲν πλήθει τῶν σωματοφυλακούντων βαρβάρων τιμωρίαν οὐκ ἐπεστήριζε), но далъ имъ прощеніе (συμπαθείας ἐπηξίωσε). Только тѣ изъ нихъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать исправленія къ лучшему, и которые обличены были на судѣ и розыскѣ посредствомъ «надлежащихъ угрозъ» и посредствомъ показаній самыхъ своихъ единоплеменниковъ въ наибольшей виновности, были разосланы въ видѣ ка-

кихъ-то отверженниковъ по гарнизонамъ разныхъ крѣпостей (Attaliot. p. 296; сравни также Zonar. XVIII 19, tom. II, p. 292 ed. Paris.: здѣсь такъ же, какъ у продолжателя Амартола и у Скилицы, прямо употребленъ терминъ Βάραγγοι).

Мы привели разсказъ Атталіоты, большею частію удерживая собственныя его выраженія. Намъ кажется, что изложенная сейчасъ исторія имѣла важное значеніе въ судьбѣ византійскаго варяжскаго корпуса. Одна часть Варяговъ, какъ прямо сказано, отправлена была въ ссылку, а что касается той части, которая получила прощеніе, то и о ней едва ли слѣдуетъ думать, что прощеніе было для нея полное. Мы думаемъ, что, если вскорѣ послѣ варяжскаго бунта 1079—1080 года Русскіе перестаютъ быть Варягами, то виною тому была отчасти дурная репутація, оставшаяся за ними послѣ возмущенія. Они еще остаются нѣкоторое
133 время въ иностранномъ византійскомъ корпусѣ, удерживая свое прежнее наименованіе, хотя уже въ самой грамотѣ Алексѣя Комнина, на основаніи которой мы это утверждаемъ, соединеніе словъ Варяги и Русь не такъ тѣсно, какъ въ предыдущихъ хрисовулахъ (ῥώσων, βαράννων, κουλπίννων). Но слухи о немилости, которой подверглись сосланные, могли дойти до Руси, и служба въ Константинополѣ дѣлалась уже менѣе привлекательною. Съ другой стороны, утвержденіе Половецкой орды между Днѣпромъ и Дунаемъ дѣлало болѣе затруднительными сообщенія между Русью и Византіей. Если съ конца X вѣка по конецъ XI Русскіе встрѣчаются почти непрерывно въ описаніяхъ византійскихъ походовъ и сраженій, то въ XII вѣкѣ они встрѣчаются на страницахъ византійскихъ историковъ весьма рѣдко. Анна Комнина ни разу не упоминаетъ о нихъ, исключая ссылки на старыя времена, на времена Святослава Игоревича и его соперника Цимисхія. Нужно, кромѣ того, замѣтить, что и новая династія, воцарившаяся въ 1081 году, отличалась отъ предыдущихъ императоровъ особенною наклонностію и любовію къ западу, къ западнымъ людямъ. Крестовые походы надолго связали Комниновъ тѣсными, хотя не всегда пріятными и мягкими, узами съ рыцарствомъ Франціи, Италіи и Германіи. Цѣлыя толпы этихъ людей нахлынули теперь въ городъ Константина. Все это объясняетъ намъ, почему имя Русскихъ становится столь рѣдкимъ въ сочине-

піяхъ писателей XII вѣка. Уже съ конца XI вѣка въ варяжскомъ корпусѣ являются Англичане, сначала съ преобладающимъ значеніемъ, а потомъ съ исключительнымъ. Они замѣнили Русскихъ, сдѣлались вмѣсто нихъ царскими тѣлохранителями и царскою иностранною гвардіей.

XII.

Англичане на византійской службѣ въ видѣ Варяговъ.

Причиною появленія Англо-Саксовъ въ Византіи было извѣстное отдѣльное и весьма громкое событіе, то-есть, завоеваніе Англіи Вильгельмомъ Норманнскимъ (1066 г.). Какъ исторія русскаго варяжскаго корпуса въ Византіи началась прибытіемъ туда большой, именно шеститысячной массы людей, отправленныхъ Владиміромъ въ 988 году, точно такъ не отдѣльные охочіе люди изъ Англо-Саксовъ составили варяжскій англійскій корпусъ, а масса людей, лишенныхъ отечества суровымъ мечомъ завоевателя. Ясно съ перваго взгляда, что эти новые пришельцы были самыми желанными гостями въ Византіи и са- 134
мымъ подручнымъ орудіемъ въ ея различныхъ столкновеніяхъ съ людьми запада. Они не имѣли отечества, ради котораго стали бы измѣнять византійскому властителю; они были ожесточенными врагами всѣхъ французскихъ Норманновъ, какъ тѣхъ, которые захватили Англію, такъ и тѣхъ соплеменниковъ ихъ, которые еще ранѣе завладѣли южною Италіей. Ихъ національная ненависть простиралась на всѣхъ Норманновъ. Связь между успѣхами Роберта Гвискарда и Вильгельма Завоевателя сознавалась уже въ XI вѣкѣ и указана уже Монтекассинскимъ монахомъ Аматомъ, въ началѣ его сочиненія; тотъ и другой были одинаково Норманны, и одинъ подражалъ другому. Между тѣмъ новая династія Комниновъ не имѣла врага болѣе упорнаго, болѣе предпріимчиваго и болѣе опаснаго, чѣмъ Робертъ Гвискардъ, его дѣти и братья, его помощники и рыцари. Вотъ здѣсь-то Англо-Саксы и были величайшею находкой; въ борьбѣ съ Норманнами они мстили за пораженіе при Секланѣ (Гастингсѣ) и заслужили здѣсь свою первую варяжскую славу. Никому другому Алексѣй Ком-

нинъ не могъ съ такою увѣренностію отдать въ руки свою безопасность и охрану, какъ этимъ новымъ слугамъ своимъ.

Не тотчасъ послѣ роковой битвы 1066 года Англо-Саксы отчаялись и стали бросать свою родину. Извѣстно, что борьба въ формѣ возстаній, болѣе или менѣе упорныхъ, возобновлялась нѣсколько разъ, и только послѣ ихъ неуспѣха, послѣ того какъ они потушены были новыми казнями и новыми потоками крови, товарищи англійскаго Гаральда и графа Валтеофа не хотѣли болѣе сносить ярма на порабощенной землѣ предковъ. Только въ концѣ царствованія Вильгельма и въ началѣ царствованія Алексѣя (1081 г.) встрѣчаются несомнѣнные признаки и указанія на англо-саксонскую эмиграцію въ Греческую имперію[1]). Въ первый разъ Англичане прямо указаны въ исторіи воцаренія Алексѣя I. Возставъ противъ своего государя, Никифора Вотаніата, онъ стоялъ уже подъ самою столицей, и овладѣть сю было для него главною и самою трудною задачей. Приходилось разсчитывать на хитрость или измѣну. Алексѣй совѣтуется съ умнѣйшимъ и опытнѣйшимъ изъ своихъ сообщниковъ. Тотъ его спросилъ, какія силы охраняютъ городскую стѣну. Поименованы были, во-первыхъ, такъ называемые «безсмертные», туземное греческое войско, уже упоминаемое Львомъ Діакономъ и снова организованное однимъ изъ послѣднихъ императоровъ; во-вторыхъ,
135 Варанги съ острова Θулы (Туле) οἱ ἐκ τῆς Θούλης Βάραγγοι, подъ которыми, по объясненію Анны Комниной (II 9, p. 62 B ed. Paris.), слѣдуетъ разумѣть «сѣкироносныхъ варваровъ» (τοὺς πελεκυφόρους βαρβάρους); затѣмъ, въ-третьихъ, Нѣмцы (οἱ Νέμιτζοι), также варварскій народъ, издревле служащій имперіи Греческой (ἔθνος - - δουλεῦον ἀνέκαθεν), но на самомъ дѣлѣ упоминаемый только со второй половины XI столѣтія.

Алексѣю былъ поданъ совѣтъ не пытаться соблазнять «безсмертныхъ», потому что они земляки императору Никифору и такъ привязаны къ нему, что скорѣе положатъ за него свою душу, чѣмъ предадутъ его. Равнымъ образомъ и «тѣ, которые потрясаютъ на плечахъ мечами», не будутъ доступны внушеніямъ измѣны. «Вѣрность императору для нихъ есть отеческое преда-

1) Это замѣчено Фримэномъ (The History of the Norman Conquest of England, IV, 628).

піе, какъ бы завѣтъ и наслѣдіе; принимая по преемству одинъ отъ другого охраненіе царской персоны, они сохраняютъ къ нему непоколебимую вѣрность и не допустятъ даже легкаго намека на измѣну. Но вотъ если сдѣлаешь опытъ надъ Нѣмцами, то, быть можетъ, недалеко попадешь отъ цѣли, и тебѣ удастся войти въ башню, ими охраняемую». Алексѣй Комнинъ вошелъ въ Константинополь (апрѣль 1081 г.) дѣйствительно измѣною Нѣмцевъ и ихъ начальника, какъ это засвидѣтельствовано многими другими источниками и помимо Анны; а Варанги съ острова Θулы (τοὺς ἀπὸ τῆς Θούλης νήσου ‹βαρβάρους, или, какъ читается въ Коаленевомъ спискѣ,› Βαράγγους) оставались ему вѣрными до послѣдней минуты (Ann. Comn. II 11, p. 66 C. ed. Paris.).

Любопытный разсказъ Анны возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія именно въ отношеніи къ Варангамъ съ острова Θулы. Мы видѣли, что въ грамотахъ Михаила Дуки и Никифора, данныхъ Атталіотѣ, Англяне еще не упоминаются, а въ Патмосской грамотѣ (1088 г.) они поименованы (ἰγγλίνων). У Пселла и Атталіоты, то-есть, у писателей современныхъ и доведшихъ каждый свою исторію до Никифора Вотаніата (послѣдній—включительно), нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы въ Константинополѣ были люди съ острова Θулы, то-есть, Англичане. Съ другой стороны, въ самой грамотѣ 1088 года Англичане еще не названы Варягами и поставлены совершенно отдѣльно отъ нихъ. Итакъ, очень трудно думать, чтобъ уже у Никифора Вотаніата его варяжская гвардія всецѣло состояла изъ англійскихъ пришельцевъ, или даже чтобъ Англо-Саксы составляли важную въ ней часть.

Есть другіе признаки, что дочь Алексѣя Комнина, которая описывала дѣянія своего отца не ранѣе какъ въ сороковыхъ годахъ XII вѣка, хотя бы по разсказамъ и даже письменнымъ сообщеніямъ его сподвижниковъ, не дала себѣ труда вполнѣ перенестись въ обстановку описываемаго момента и въ подроб- 136
ностяхъ литературной, стилистической обработки своихъ матеріаловъ допустила легкія нарушенія хронологіи. Если мы предположимъ, что только въ послѣдній годъ Никифора, послѣ возмущенія Русскихъ (Варяговъ), Англичане сдѣлались Варягами, то какъ могло образоваться у нихъ въ такое короткое время какое-

либо преданіе о вѣрности императору, и какъ цезарь Іоаннъ Дука, упомянутый совѣтникъ Алексѣя, могъ говорить о ихъ испытанной преданности? Наоборотъ, если жители острова Θулы и были именно Варягами, возмутившимися противъ Никифора Вотаніата въ 1079 году, то какъ можно было толковать о непреклонно-вѣрной службѣ людей, которые недавно только что не убили своего императора?

Вся ошибка Анны Комнины состоитъ въ томъ, что она не вникала въ исторію варяжской дружины, такъ какъ главный интересъ для нея представляли подвиги ея отца, и не отмѣтила переходнаго періода въ этой исторіи, вообще трудно уловимаго. Мы, однако, не отказываемся отъ надежды болѣе точнымъ образомъ опредѣлить, какъ и когда именно Англо-Саксы смѣнили Русскихъ въ Варангіи.

По всѣмъ признакамъ, болѣе точныя и вѣрныя извѣстія объ англо-саксонской эмиграціи въ Византію сообщаются однимъ изъ западныхъ писателей, именно Ордерикомъ Виталіемъ († 1142 г.), который вообще имѣетъ наилучшія и наиболѣе отчетливыя свѣдѣнія о дѣлахъ норманнскихъ. Ордерикъ, родившійся отъ французскаго отца въ 1075 году и постригшійся въ монахи въ Нормандіи (въ монастырѣ Saint-Evroul), считалъ себя однако Англичаниномъ и умѣлъ соединить удивленіе къ Вильгельму со своими симпатіями къ побѣжденнымъ, къ памяти Гаральда и графа Валтгеофа. Онъ представляетъ дѣло такимъ образомъ, что англійскіе изгнанники предложили свои услуги только императору Алексѣю въ то время, когда ему предстояла борьба съ Робертомъ Гвискардомъ, герцогомъ Апуліи. Предложеніе было принято благосклонно, и Англо-Саксы были противопоставлены норманнскимъ легіонамъ: Amissa itaque libertate, Angli vehementer ingemiscunt, et vicissim qualiter intolerabile jugum sibique hactenus insolitum excutiant, subtiliter inquirunt. - - Ultro in exsilium aliqui profugiunt, quo extorres vel a potestate Normannorum sint liberi, vel opibus alienis aucti contra eos ad recidivum certamen revertantur. Quidam autem ex eis pulchrae juventutis flore vernantes longinquas regiones adierunt et militiae Alexii imperatoris Constantinopolitani sese audacter obtulerunt. Erat enim multum sapiens et mirae dapsilitatis,

contra quem Rodbertus Wiscardus Apuliae dux cum suis omnibus 137
arma levaverat.--Exsules igitur Anglorum favorabiliter a Graecis suscepti sunt, et Normannicis legionibus, quae nimium Pelasgis adversabantur, oppositi sunt (Orderici Vitalis Historia ecclesiastica: Migne, Patrologia latina, t. 188 col. 309; ср. col. 519). Это будетъ относиться къ началу осени 1082 года, когда самъ Алексѣй прибылъ съ арміей къ Драчу. Точность указанія, сообщаемаго Ордерикомъ, подтверждается косвеннымъ образомъ въ самой Алексіадѣ. Описывая затруднительное положеніе своего отца въ началѣ царствованія, цесаревна Анна замѣчаетъ, что военныя силы имперіи въ 1081 году были крайне недостаточны: «Новый императоръ не имѣлъ войска, которое было бы достойно Римской (Ромэйской) имперіи. У него было не болѣе трехсотъ (греческихъ собственно) стратіотовъ, да и то Хоматиновъ (изъ азіатско-каппадокійской провинціи Хома, Χῶμα, Χώματος), лишенныхъ мужества и военной опытности, у него было небольшое число варваровъ, имѣющихъ обычай носить мечъ на правомъ плечѣ» (Anna Comn. III 9, p. 91 C ed. Paris.)[1]). Анна обвиняетъ безпечность и небрежность предшествовавшихъ императоровъ, не заботившихся объ арміи, и выставляетъ на видъ хлопоты и усилія своего отца для восполненія оной. Это небольшое число наемныхъ варваровъ въ 1081 году, съ одной стороны, находится въ полномъ согласіи съ нѣкоторымъ раскассированіемъ варяжскаго корпуса въ 1079 году, а съ другой — противорѣчитъ тому значенію, съ которымъ этотъ же корпусъ является въ 1082 году.

Въ октябрѣ 1082 года Алексѣй Комнинъ явился на выручку Драча, осаждаемаго Норманнами. Его армія представляла самую пеструю смѣсь племенъ, языковъ и вѣроисповѣданій. На ряду съ Греками Македоніи и Ѳессаліи, Анна Комнина (IV 4, p. 109 C) называетъ отрядъ экскубиторовъ (τοῦ τῶν ἐξκουβίτων τάγματος), тоже, повидимому, греческаго происхожденія. Затѣмъ слѣдуютъ Охридскіе Турки, поселенные среди Болгарскаго племени и до новѣйшихъ временъ сохранявшіе свой языкъ; въ 1082 г. начальство надъ ними было поручено извѣстному сподвижнику и

1) καὶ ξενικῶν τινων εὐαριθμήτων βαρβάρων τῶν ἐπὶ τοῦ δεξιοῦ εἰωθότων κραδαίνειν ὦμου τὸ ξίφος.

другу Алексѣя, крещеному мусульманину Татинію. Филиппопольскіе манихэи, или павликіане, бросавшіеся въ глаза своимъ особеннымъ способомъ творить крестное знаменіе однимъ пер-
138 стомъ (Вильгельмъ Апулійскій), явились со своими двумя вождями Ксантою и Кулеономъ. Отрядъ вестіаритовъ состоялъ изъ ближнихъ людей императора благороднаго происхожденія. Далѣе слѣдовали Франки, то-есть, главнымъ образомъ, южно-итальянскіе Норманны, состоявшіе подъ начальствомъ одного изъ младшихъ родственниковъ Роберта, ушедшихъ въ Константинополь вслѣдствіе обиды или неудовольствія. Варанги были поставлены подъ начальство Набида, или Нампита (IV 5, p. 112 D: ὁ τῶν Βαράγγων ἡγεμὼν Ναμπίτης), происхожденіе котораго не извѣстно. Въ самомъ сраженіи подъ стѣнами Драча (18 октября) Варанги занимали самыя важныя мѣста; имъ также принадлежала наиболѣе видная роль въ битвѣ. Вотъ разсказъ Анны (IV 6, p. 115 sq. ed. Paris.).

«Раздѣливъ на части войско, Алексѣй не удерживалъ стремительности тѣхъ варваровъ, которые пошли на палатки Роберта; но тѣхъ, которые посятъ на плечахъ острые мечи (τοὺς - - τὰ ἑτερόκοπα φέροντας ξίφη), удержалъ при себѣ вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ Нампитомъ и приказалъ имъ, сошедши съ лошадей, идти впереди на небольшомъ разстоянія и въ порядкѣ. А всѣ люди этого племени суть щитоносцы (τοῦτο δὲ γένος ἀσπιδηφόρον ξύμπαντες).

«Но сѣкироносцы (οἱ πελεκυφόροι) и предводитель ихъ Нампитъ вслѣдствіе неопытности и горячности пошли слишкомъ быстро и оставили довольно далеко позади себя греческій строй; они спѣшили къ схваткѣ съ такимъ же одушевленіемъ, какъ и Кельты (то-есть, Норманны), потому что и они не менѣе Кельтовъ выходятъ изъ себя ради боя, и въ этомъ отношеніи нисколько имъ не уступаютъ. Вслѣдствіе того они скоро утомились и запыхались; когда это увидѣлъ Робертъ, обратившій вниманіе на быстрое движеніе, на разстояніе и на тяжесть ихъ вооруженія, то приказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ пѣхотинцевъ наскочить на нихъ. Ужъ утомленные, они оказались болѣе слабыми, чѣмъ Кельты. Всѣ варвары здѣсь пали, а тѣ изъ нихъ, которые спаслись, бѣжали къ храму архистратига Михаила и

одни вошли внутрь церкви, сколько она могла вмѣстить, а другіе взобрались на верхъ церкви и стали тамъ, отыскавъ, какъ имъ думалось, себѣ спасеніе Но Латины (Роберта), пустивъ противъ нихъ огонь, сожгли всѣхъ вмѣстѣ съ храмомъ».

Вслѣдъ затѣмъ длился нѣсколько времени упорный бой съ прочими частями арміи. Бѣгство Турокъ и отступленіе вассала и союзника, Бодина Сербскаго, рѣшили судьбу сраженія въ пользу Норманновъ: «Робертъ занялъ храмъ св. Николая, гдѣ была царская палатка и весь снарядъ греческаго строя, и вслѣдъ затѣмъ послалъ наиболѣе крѣпкихъ людей, какіе у него 139
были, въ погоню за Алексѣемъ, мечтая о захватѣ самодержца» (IV 7, p. 118 B).

Что выдержавшіе, хотя и неудачно, первую схватку съ Норманнами были Варяги — это ясно какъ изъ предшествовавшаго наименованія Нампита предводителемъ Варяговъ (p. 112 D), такъ равно изъ прочихъ признаковъ. Указаніе на пылкость и горячность отличаетъ ихъ отъ Тавроскиѳовъ Пселла. То, что они первоначально были на коняхъ и сошли съ нихъ только предъ сраженіемъ, есть, повидимому, старый обычай варяжской гвардіи; такъ, пѣхотинецъ изъ шеститысячнаго корпуса Русовъ, поссорившійся изъ-за сѣна съ Грузиномъ, имѣлъ лошадь. Но не такъ очевидны признаки, что эти Варяги были Англичане; у Анны на сей разъ не сказано даже, что происхожденіе ихъ на островѣ Ѳулѣ. Сѣкира или топоръ не рѣшаютъ дѣла, хотя англосаксонскій топоръ хорошо извѣстенъ; западнымъ писателямъ топоръ этотъ, securis amazonica, securis danica, казался исключительною принадлежностію Скандинавіи и Англіи, но это совершенная ошибка. Начиная съ арміи Ксеркса, продолжая съ нѣкоторыми пропусками—Франками Хлодовиха и Тавроскиѳами Льва Діакона, топоръ или сѣкира была болѣе признакомъ извѣстной степени культурнаго состоянія, чѣмъ національности. Указаніе на щиты напоминаетъ только буквально, слово въ слово, сходную фразу Пселла, которая почему-то понравилась Аннѣ, хотя была сказана, повидимому, о другихъ Варангахъ и уже повторена была съ легкимъ измѣненіемъ Вріенніемъ, мужемъ писательницы.

Что Варяги сраженія при Драчѣ были Англо-Саксы, это

видно изъ сличенія византійскаго разсказа съ норманнскимъ, принадлежащимъ Годфриду Малатеррѣ, автору Сицилійской исторіи (Historia Sicula), написанной по порученію брата Роберта Гвискарда, Рожера, и оконченной 1099 годомъ. Вотъ какъ представлены здѣсь моменты битвы, для насъ имѣющіе интересъ:

«Англяне, которыхъ называютъ Варангами — Angli, quos Waringos appellant, — выпросили у императора для себя починъ сраженія и, вступивъ въ бой неравнымъ оружіемъ, съ длиннорукоятчатыми двузубцами, caudatis bidentibus, которые этотъ родъ людей преимущественно употребляетъ, наступали весьма непріязненно и сначала сильно безпокоили нашихъ. Но, когда одинъ нашъ отрядъ ударилъ имъ съ противоположной стороны въ правый бокъ (sub nudo latere), то они, въ сильной схваткѣ покрытые кровію, оставили свое начинаніе и принуждены были обратиться въ бѣгство. Бѣжали они къ церкви св. Николая, которая была по сосѣдству, и ожидали тамъ найти убѣжище для сохраненія жизни. Но, когда одни входили, сколько позволяла вмѣстимость, другіе въ это время взобрались на крышу въ такомъ множествѣ, что подъ тяжестію ихъ самая кровля, разорвавшись, обрушилась, и они, давя тѣхъ, которые вошли внутрь, вмѣстѣ съ ними задохлись въ запертомъ пространствѣ». Императоръ, видя, что Варинги, въ которыхъ заключалась главная надежда на побѣду—Waringos, in quibus sibi maxima spes victoriae fuerat—, окончательно побѣждены, обратился въ бѣгство. (Gaufred. Malat. l. III c. 27: Murator. t. V, 584).

Не смотря на нѣкоторое разногласіе въ подробностяхъ, случай передается одинъ и тотъ же; вполнѣ ясно, что сѣкироносцы Анны 1082 года суть Англяне и Варяги норманнскаго писателя. Не лишнее, однако, замѣтить, что у Малатерры нѣтъ тѣхъ указаній на давность пребыванія Англо-Саксовъ на византійской службѣ, которыя читаются во Французской сокращенной передѣлкѣ его сочиненія, извѣстной подъ именемъ хроники Роберта Гвискарда и напрасно приписывавшейся Амату. Тамъ прибавлено объ Англичанахъ, что они уже обыкновенно сражались впереди Грековъ и придавали имъ бодрость: Li Engloiz—soloient

doner cuer à li Grex (см. Champollion-Figeac, L'Ystoire de li Normant et la Chronique de Robert Viscart, p. 305. Что эта хроника не принадлежитъ Амату, доказано Вильмансомъ и Гиршемъ <Ср. O. Delarc, Ystoire de li Normant par Aimé p. XXXVII слл.>).

Овладѣвъ Драчемъ, Робертъ Гвискардъ пошелъ вслѣдъ за Алексѣемъ въ Булгарію и достигъ Кóстура (Касторіи). «Въ этомъ городѣ находилось триста Варинговъ — trecenti Waringi in eadem urbe habitabant —, отправленные для стражи (custodes) императоромъ; ихъ охраною и трудомъ городъ былъ сильно защищаемъ» (Gaufred. Malat. l. III c. 29: Murator. V, 585; ср. Anna Comn. V 5, p. 137 ed. Paris.). Итакъ, въ сраженіи 18-го октября вовсе не были истреблены всѣ Англяне, прибывшіе къ Алексѣю; впрочемъ мы можемъ предполагать, что вслѣдъ за первою эмиграціею Англо-Саксовъ продолжался нѣкоторое время постоянный приливъ ихъ.

Само собою понятно, что только-что прибывшимъ съ чужбины людямъ, еще не доказавшимъ своей храбрости и своей вѣрности, византійскій императоръ все-таки не могъ ввѣрить своей личной безопасности. Въ борьбѣ съ Робертомъ Англичане являются Варягами только въ смыслѣ наемниковъ или союзниковъ, совершенно такъ же, какъ это было съ Русскими въ первое время послѣ прибытія ихъ корпуса (988 года). Дальнѣйшія, оче- 141
видно—совершенно точныя, совершенно спеціальныя сообщенія Ордерика Виталія указываютъ довольно опредѣленно тотъ моментъ, когда англійскіе Варяги-союзники сдѣлались Варягами-тѣлохранителями, Варягами дворцовыми. Ордерикъ (col. 309 B) пишетъ, что «императоръ Алексѣй вздумалъ построить для Англянъ по ту сторону Византіи городъ, называемый Кеветотомъ»: Augustus Alexius urbem, quae Chevetot dicitur, Anglis ultra Byzantium coepit condere. Но потомъ, когда Норманны крайне стали безпокоить (снова имперію), перевелъ ихъ въ столицу и передалъ имъ главный дворецъ съ царскими сокровищами: sed nimium infestantibus Normannis, eos ad urbem regiam reduxit et eisdem principale palatium. cum regalibus thesauris tradidit. Въ другомъ мѣстѣ (col. 660 C) Ордерикъ упоминаетъ о постройкѣ Кеветота въ исторіи перваго крестоваго

похода, прибавляя, что императоръ Алексѣй началъ строить его недавно и хотѣлъ передать Англичанамъ.

Когда началась постройка города, упоминаемаго Ордерикомъ, — намъ очень хорошо извѣстно. Въ VI книгѣ (с. 10 р. 174 Paris.) Анна пишетъ, что когда Турки-Сельджуки овладѣли изъ Никэи Никомидіей, столицей Виѳиніи, то императоръ Алексѣй, желая выгнать ихъ отсюда, рѣшилъ построить другой городокъ (πολίχνιον) при морѣ. Онъ торопился исполнить это во время перемирія съ эмиромъ Абуль-Касемомъ (Ἀπελχασήμ), во время пребыванія послѣдняго въ Константинополѣ, гдѣ его принимали съ величайшими почестями и устраивали для него конныя ристалища въ большомъ театрѣ Константина: все это напоминало классически образованной Аннѣ исторію аѳинскаго посольства въ Спарту во время Ѳемистокла. Въ приморскомъ городкѣ, построенномъ Алексѣемъ на другой сторонѣ Пропонтиды въ Никомидійскомъ заливѣ, еще Дюканжъ узналъ Кивотъ (Κιβωτον) Грековъ и Чивитотъ (Civitôt), или Кеветотъ, западныхъ писателей. Начало постройки, какъ это обнаруживается изъ всѣхъ подробностей, относится къ 1085 году, ко времени окончанія войны съ Робертомъ, умершимъ 17-го іюля того же года. По истеченіи извѣстнаго періода, Англо-Саксы были переведены въ столицу, имъ поручено было охраненіе главнаго дворца. Если мы припомнимъ выраженія Пселла о наемникахъ, содержимыхъ во дворцѣ, о Тавроскиѳахъ, кормимыхъ во дворцѣ, о сѣкироносцахъ, охраняющихъ императора во дворцѣ, то для насъ будетъ совершенно ясно, что только послѣ 1085 года Англо-Саксы сдѣлались Варингами въ смыслѣ лейбъ-гвардіи.
142 Подъ новыми враждебными дѣйствіями Норманновъ, по всѣмъ соображеніямъ, должно понимать угрожающее положеніе Боэмунда въ началѣ его крестоноснаго похода, въ 1096 году. Изъ Эккегардовой всеобщей хроники (MG. SS. VI, 216), а также изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что въ это время стянуты были въ Константинополь всѣ силы, какими могъ располагать Алексѣй, а сверхъ того Варанги прямо названы (у Эккегарда р. 212) защитниками Константинополя противъ Турокъ:

«Итакъ, вотъ по какой причинѣ Англо-Саксы (Saxones Angli) отправились въ Іонію и стали служить вѣрно, они сами и ихъ

наслѣдники, священной имперіи (sacro imperio), и съ большою честію до настоящаго времени (1140 года) остаются между Ѳракійцами (Греками), любимые цезаремъ, сенатомъ и народомъ». Этими словами заключаетъ Ордерикъ (col. 309 B) свое повѣствованіе о судьбахъ англо-саксонскихъ изгнанниковъ. Совершенно согласно съ подробностями, сообщаемыми въ его церковной исторіи, другой англійскій писатель XII-го вѣка, именно Вильгельмъ Мальмезберійскій, пишетъ: «Императоръ Алексѣй придумалъ много злого противъ крестоносныхъ пилигримовъ, однако, замѣчая вѣрность Англичанъ, помѣщалъ ихъ въ числѣ преимущественнѣйшихъ домашнихъ слугъ своихъ и завѣщалъ любовь къ нимъ своему сыну»: Anglorum tamen fidem suspiciens, praecipuis familiaritatibus suis eos applicabat, amorem eorum filio transcribens ‹Willelmi Malmesbiriensis monachi de gestis regum Anglorum l. II § 225 p. 276 ed. Stubbs›.

То, что здѣсь говорится объ Англо-Саксахъ, повторяется объ Датчанахъ или Данахъ (Dani) у Саксона Грамматика ‹XII, p. 407, 2 Holder›: Inter ceteros -, qui Constantinopolitanae urbis stipendia merentur, Danice vocis homines primum militie gradum obtinent, eorumque custodia rex salutem suam vallare consuevit. А у Альберта Ахенскаго (Alberti Aquensis hist. l. IV cap. 40: Recueil des historiens des croisades. Hist. occidentaux. T. IV p. 417) вмѣсто людей датскаго языка прямо стоятъ Датчане (Dani). Нѣтъ нужды объяснять, что подъ Датчанами могутъ разумѣться тѣ же Англо-Саксы, родственные съ ними по языку, по крови, по многочисленнымъ поселеніямъ Датчанъ въ сѣверной Англіи; а также нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что среди англо-саксонской варяжской дружины, поддерживаемой новыми пришельцами съ сѣвера, появлялись время отъ времени и собственные Нордманны, жители Даніи, Исландіи и Норвегіи, даже самой Швеціи, вообще заслоняемой въ средніе вѣка Норвегіей. Нѣкоторыя, впрочемъ, сомнительныя указанія на это находятся въ сказаніи о чудесахъ св. Олафа. Мы уже замѣтили[1]), что побѣда, 143
подавшая поводъ къ основанію въ Царьградѣ храма въ честь Олафа, не приписывается здѣсь ‹Antiquités Russes I 468› Га-

1) См. выше, стр. 271 и 275—277.

ральду и не относится ко времени императора «Михаила» (какъ въ редакціяхъ Гаральдовой саги), но соединяется съ именемъ императора Алексѣя и помѣщается въ землѣ Кумановъ (in terra Blacumannorum). Никому не запрещается думать, что такая замѣна одного имени другимъ произошла не безъ причины, а именно вслѣдствіе смѣшенія двухъ дѣйствительныхъ фактовъ. Судя по упоминанію не только Франковъ, но и Флэминговъ (Фламандцевъ), въ легендѣ въ самомъ дѣлѣ чувствуется какой-то отголосокъ дѣйствительности. Мы узнаемъ во Флэмингахъ тѣхъ рыцарей Фландріи, которые были присланы императору Алексѣю его другомъ, графомъ Робертомъ Фризомъ (см. Anna Comn. VII 6, p. 201 D ed. Paris.). Эти рыцари, прибывшіе въ Константинополь около 1089 года, дѣйствительно участвовали въ сраженіи съ Печенѣгами 1091 года (VIII 3 p. 227 B), но, конечно, не въ землѣ Кумановъ. Съ обычнымъ преувеличеніемъ, скандинавская сага свои полпяты сотни Нордманновъ выдастъ не только за единственныхъ Вэринговъ, но и за единственныхъ виновниковъ побѣды (Scripta historica Island. V, 147 и сл.). Теперь и послѣ—для скандинавской поэзіи не существуетъ именно настоящихъ Варяговъ, не существуетъ Англо-Саксовъ, какъ прежде не существовало Русскихъ (см. Scripta V, 341: Radius Эйнара Скуласона, относящійся къ XII вѣку).

Съ завѣщаніемъ императора Алексѣя своему сыну—любить вѣрныхъ Англо-Саксовъ мы переходимъ въ XII столѣтіе и встрѣчаемъ Варанговъ при самомъ вступленіи на престолъ Іоанна Комнина (1118 г.). Зонара (XVIII, 29 tom. II p. 308 ed. Paris.) разсказываетъ, что, когда Іоаннъ, назначенный въ преемники умирающимъ Алексѣемъ, вопреки желанію и интригамъ императрицы Ирины, его матери, пришелъ въ главный дворецъ, то Варанги, занявъ проходъ въ караульной его части, гдѣ было ихъ мѣстопребываніе (ἐν τοῖς ἐξκουβίτοις διειλημφότες ὁδὸν, ἔνθαπερ τούτοις καὶ ἡ κατοίκησις), не пропускали наслѣдника и никому не позволяли приблизиться къ царскимъ комнатамъ. Іоаннъ послалъ спросить, что̀ это значитъ, почему они не позволяютъ пройти царю въ царскій дворецъ. Варанги отвѣчали, что пока живъ императоръ, они никого другаго не пропустятъ. Посланный утверждалъ, что императоръ Алексѣй ужъ

умеръ, но Варанги потребовали, чтобъ онъ далъ въ этомъ
клятву, и тогда только уступили. Съ другимъ оттѣнкомъ пере- 144
дается сцена у Никиты Хоніата (p. 11, 22). «Іоаннъ, прибывъ къ большому дворцу, не легко нашелъ въ него доступъ, потому что стража (τῶν φυλάκων) не довольствовалась тѣмъ, что онъ показалъ перстень, но требовала еще и другого свидѣтельства на то, что онъ прибылъ туда по приказанію отца».

Такъ доказали Англо-Варяги свою вѣрность при началѣ новаго царствованія. Вскорѣ затѣмъ (въ 1122 г.) они являются въ борьбѣ Кало-Іоанна съ послѣднимъ нашествіемъ и съ послѣдними остатками Печенѣжской орды. Никита (p. 22, 10) говоритъ о «тѣлохранителяхъ, которые защищаются продолговатыми щитами и заостренными съ одной стороны сѣкирами» (τοὺς ὑπασπιστὰς, οἱ περιμήκεσιν ἀσπίσι καὶ πέλυξι ἑτεροστόμοις φράγνυνται). Очевидно, что этотъ писатель, съ которымъ мы здѣсь знакомимся, избѣгаетъ неклассическаго выраженія «Варанги», и его вполнѣ согласно съ искусственнымъ и нѣсколько высокопарнымъ строемъ его рѣчи, съ его любовію къ Гомеровскимъ словамъ и поэтическимъ выраженіямъ. Къ счастію, другой историкъ періода Комниновъ, Іоаннъ Киннамъ, былъ гораздо умѣреннѣе въ своихъ литературныхъ притязаніяхъ и любилъ выражаться проще. Отъ него мы гораздо отчетливѣе узнаемъ, о комъ идетъ рѣчь. Чужестранцы, рѣшившіе побѣду надъ Печенѣгами, были «сѣкироносцы, а это Британскій народъ, издревле служащій императорамъ Греческимъ» (p. 8, 15): τοῖς -- πελεκυφόροις· ἔθνος δέ ἐστι τοῦτο Βρεταννικὸν βασιλεῦσι Ῥωμαίων δουλεῦον ἀνέκαθεν.

Вотъ вполнѣ отчетливое, совершенно ясное и не нуждающееся ни въ какомъ объясненіи показаніе: во время Киннама, который былъ спутникомъ походовъ третьяго Комнина (Мануила, 1143—1180 гг.), Варягами были преимущественно Британцы, то-есть, Англичане. Самъ Никита Хоніатъ, употребляющій иногда выраженія, способныя ввести изслѣдователей въ заблужденіе, подтверждаетъ это самымъ блистательнымъ образомъ. Для него самые жители Англіи, подданные Ричарда I Львинаго Сердца, суть сѣкироносцы, хотя въ новой Норманнской Англіи едвали англо-саксонскій топоръ былъ еще въ модѣ: такъ тѣсно въ Константинополѣ соединилось къ началу XIII столѣтія понятіе

объ сѣкироносцѣ съ представленіемъ объ Англичанинѣ. Говоря объ участникахъ третьяго крестоваго похода, Никита двоихъ изъ нихъ обозначаетъ слѣдующимъ образомъ (p. 547, 2): ὁ ῥὴξ Φραγγίας καὶ ὁ τῶν πελεκυφόρων δὲ κατάρχων Βρεττανῶν, οὓς νῦν φασὶν Ἰγγλίνους—король Франціи и властитель сѣкироносныхъ
145 Бриттовъ, которыхъ теперь называютъ Англичанами. Важную роль играютъ сѣкироносцы въ печальную для Византіи эпоху 1203—1204 годовъ; ихъ роль въ событіяхъ, кончившихся разграбленіемъ Константинополя и основаніемъ Латинской имперіи, не осталась незамѣченною какъ у византійскаго историка, такъ и у всѣхъ другихъ.

При первой попыткѣ войти въ Константинополь (17-го мая 1203 г.) черезъ Золотой Рогъ, крестоносцы встрѣтили упорное сопротивленіе отъ греческихъ союзниковъ — Пизанцевъ и отъ сѣкироносныхъ варваровъ, которые ихъ сталкивали съ набережныхъ подъемовъ и многихъ ранили (Nicet. p. 721, 18): πρὸς--Πισσαίων καὶ τῶν πελεκυφόρων βαρβάρων - ἀπεκρούσθησαν. Сѣкироносцы участвовали въ возведеніи на престолъ Исаака послѣ бѣгства въ Девелтъ Алексѣя III-го (Nicet. p. 727, 18). Съ согласія «сѣкироносцевъ» Мурцуфлъ начинаетъ дѣйствовать противъ Алексѣя, сына Исаакова, и грозитъ ему возстаніемъ «варваровъ вооруженныхъ топорами» (p. 745) Въ роковой и страшный день 12-го апрѣля 1204 года, когда Мурцуфлъ бѣжалъ, и Франки готовились овладѣть городомъ, Ѳеодоръ Ласкарисъ хотѣлъ еще противиться; онъ собралъ вокругъ себя «тѣхъ, которые погрясаютъ на плечахъ смертоноснымъ желѣзомъ» — τοὺς σείοντας ἐξ ὤμων τὰ ἀρεικὰ σιδήρια — и говорилъ имъ, что они не менѣе, чѣмъ Греки, должны бояться гибели, если имперія попадетъ во власть другого народа, такъ какъ имъ уже не придется болѣе получать щедрой платы за свою службу, занимать почетное званіе царскихъ стражей, но вмѣсто того имъ грозитъ унизительное положеніе латинскихъ рабовъ (p. 756). Но сѣкироносцы требовали уплаты обѣщаннаго жалованья и безъ этого не хотѣли сражаться: Франки вошли въ городъ, не встрѣтивъ сопротивленія.

Въ двухъ послѣднихъ изъ сейчасъ приведенныхъ мѣстъ въ самомъ изданіи византійскаго историка, пережившаго горькія

событія 1203 и 1204 годовъ, находится прямое объясненіе, кого слѣдуетъ разумѣть подъ сѣкироносцами. Въ одной изъ рукописей, сохранившихъ намъ произведеніе Никиты, мѣсто сѣкироносцевъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, занимаютъ Варанги. Но если бы мы усомнились въ правильности такой замѣны одного слова другимъ въ рукописи, очевидно, позднѣйшей и отвергли бы выраженія «греко-варварскаго списка», какъ поставленныя произвольно, то у насъ все-таки осталось бы другое свидѣтельство въ пользу того, что сѣкироносцы въ началѣ XIII вѣка именовались Варангами и были съ ними тожественны. Въ русской Новгородской лѣтописи находится разсказъ о взятіи Константинополя Латинами, очевидно, принадлежащій совре- 146
менному и очевидцу; и въ этомъ разсказѣ защитниками города на ряду съ Греками являются Варяги, очевидно, соотвѣтствующіе сѣкироносцамъ Никиты. Русскій самовидецъ даже сообщаетъ намъ, что предсказаніе Ласкариса сѣкироносцамъ объ ихъ судьбѣ подъ латинскою властію частію сбылось надъ Варягами:

«И бьяхуть (Франки) съ высокыхъ скалъ на градѣ Грькы и Варягы камениемь и стрѣлами и сулицами, а съ нижьнихъ на градъ сълѣзоша».

А по взятіи города: «Черньче же, черпице и попы облупіша и нѣколико ихъ избиша, Грькы же и Варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остали»[1]).

Что касается національности Варяговъ, защищавшихъ Константинополь противъ своихъ западныхъ собратій, то она прямо обозначена двумя французскими историками четвертаго крестоваго похода, Вилльгардуэномъ и Робертомъ де-Клари. Описывая первый приступъ крестоносцевъ, Вилльгардуэнъ говоритъ, что они устроили предъ городскими стѣнами у моря двѣ лѣстницы, а стѣна была покрыта большимъ количествомъ Датчанъ и Англичанъ: Et drecierent à une barbecane deux eschieles enprès la mer; et li murs fu mult garniz d'Englois et de Danois (La Conquête de Constantinople par G. de Ville-Hardouin p. 97, § 171 изд. de-Wailly). Это тѣ самыя лѣстницы, съ которыхъ у Никиты Пизанцы и сѣкироносцы сталкиваютъ нападаю-

1) <Новгор. лѣтоп. по Синод. сп., г. 6712, изд. Археогр. Ком. 1888 г., стр. 185 и 187.>

щихъ, и тѣ самыя скалы, о которыхъ говорится въ сказаніи Новгородской лѣтописи. Когда послѣ бѣгства Алексѣя III крестоносцы послали своихъ пословъ въ столицу (18-го іюля 1203 г.), то Жоффруа Вилльгардуэнъ съ своими товарищами, пропущенные въ ворота, увидѣли, что «Греки расположили Англичанъ и Датчанъ съ ихъ топорами отъ самыхъ воротъ до Влахернскаго дворца» (ibid. p. 107 § 185: d'Englois et de Danois à totes les haches) Робертъ де-Кларп повѣствуетъ, что когда Ѳеодоръ Ласкарисъ бѣжалъ, то въ лагерь Французовъ явилась процессія изъ греческаго духовенства, Англичанъ, Датчанъ и людей другихъ націй и просила пощады и милости: Prestre et clerc revestu, Engles, Danois estoient et gens d'autres nations, si vienent il a l'ost as Franchois a pourchession, si leur crient il merchi (Robert de-Clary, La prise de Constantinople: Chroniques Gréco-romanes, publiées par Charles Hopf, Berlin 1873, p. 63, c. 80). Это тѣ самые сѣкироносцы, которые отказались сражаться, не получивъ жалованья.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ продолженіе всего XII столѣ-
147 тія варяжскій корпусъ въ Византіи состоялъ главнымъ образомъ, а, можетъ быть, даже исключительно, изъ Англичанъ — англо-саксонскаго и датскаго происхожденія. Основаніе корпусу положено было изгнанниками, оставившими отечество, покоренное Норманнами; онъ поддерживался, конечно, сыновьями и потомками первоначальныхъ пришельцевъ, а, вѣроятно, и новыми переселенцами. Почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ историкъ XII столѣтія говоритъ о сѣкироносцахъ, мы должны разумѣть Варяговъ. Мы уже замѣтили, что такъ именно и понималъ дѣло тотъ переписчикъ Никиты Хоніата, которому принадлежитъ такъ называемый варварскій списокъ (Codex Graeco-barbarus), представляющій весьма много любопытныхъ варіантовъ. Кромѣ двухъ указанныхъ случаевъ, еще въ семи другихъ (224, 239, 323, 342, 344, 447, 532) описательныя, искусственныя выраженія Никиты онъ замѣняетъ терминомъ Варанги, или точнѣе: Βάραγγοι καὶ παραμοναί Всѣ эти варіанты сами по себѣ не подаютъ никакого повода къ сомнѣніямъ; они, очевидно, вполнѣ правильны, если можно такъ выразиться, и не касаются сущности дѣла, а только стиля, не заставляютъ писателя говорить

другое, а не то, что̀ было въ его намѣреніи и представленіи. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ сдѣлать предостереженіе тѣмъ, кто вздумалъ бы придавать всѣмъ разночтеніямъ «варварскаго кодекса» слишкомъ большое значеніе. Что разночтенія эти не принадлежатъ Никитѣ, это—очевидно; что списокъ, въ которомъ они находятся, принадлежитъ позднѣйшему времени — это доказывается турецкими словами, въ немъ встрѣчающимися (замѣчено Г. С. Деступисомъ при одномъ случаѣ). Но сверхъ того можно доказать, что не всегда виновникъ происхожденія варіантовъ въ варварскомъ кодексѣ оставался невиннымъ и безгрѣшнымъ въ своихъ стремленіяхъ упростить искусственную рѣчь Хоніата; есть случаи, гдѣ онъ впадаетъ при этомъ въ очевидныя ошибки. Такъ, Никита, говоря о пребываніи Андроника у Тавроскиѳовъ, о его охотѣ на зубровъ въ землѣ Тавроскиѳовъ, понималъ, конечно подъ Тавроскиѳами Русскихъ и ту самую Галицкую землю, о которой самъ говорилъ раньше. Между тѣмъ любитель варварскихъ терминовъ, избѣгаемыхъ Никитою, два раза вмѣсто Тавроскиѳовъ ставитъ Кумановъ, то-есть, Половцевъ (pp. 405. 433); точно такъ же поступаетъ онъ и въ другомъ случаѣ (p. 384, 14). Здѣсь уже нельзя освободить его отъ упрека въ непониманіи и грубомъ промахѣ. Славянскимъ переводчикамъ Зонары и Амартола простительно было писать: «роди нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху въ Евксинопонтѣ», такъ какъ по словоупотребленію ихъ времени Скиѳы (Σκύθαι) уже были 148
преимущественно Куманами. Но была бы непростительна такая ошибка для Византійца, если бъ онъ былъ современникомъ событій, каковъ былъ авторъ переписываемаго сочиненія, то-есть, Никита Хоніатъ. Къ вопросу о Варягахъ эти замѣчанія имѣютъ слѣдующее приложеніе. Одинъ изъ русскихъ ученыхъ пишетъ, что «относительно отечества Варанговъ византійскія извѣстія указываютъ иногда на Германію» (см. выше, стр. 177). Мы знаемъ только одно мѣсто византійскаго писателя, на основаніи котораго это могло быть сказано. Именно, у Никиты Хоніата (p. 323, 20) говорится о стражѣ германской, вооруженной сѣкирами (φρουρᾷ - Γερμανῶν, οἳ κατωμαδὸν τοὺς ἑτεροστόμους πελέκεις ἀνέχουσιν): кодексъ варварскій по обычаю замѣняетъ эти описательныя выраженія терминомъ «Варанги». На основаніи приведенныхъ выше

примѣровъ весьма позволительно усомниться въ правильности замѣны. Есть, правда, еще другое мѣсто у того же писателя (p. 118, 5), гдѣ упоминается стража или гарнизонъ изъ Германцевъ, между тѣмъ какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ другого автора, именно Киннама (p. 97, 19) стоятъ сѣкироносцы. Опять, слѣдовательно, можно думать, что, по мнѣнію Никиты, Варягами были Германцы.

«Германцы» очень могли быть Варангами въ XII столѣтіи, только во всякомъ случаѣ Германцы не нѣмецкіе. Византійскіе писатели XII вѣка употребляютъ это имя совершенно въ другомъ смыслѣ, чѣмъ мы. Германцы означаютъ у нихъ Французовъ. На это можетъ быть указано нѣсколько совершенно не подлежащихъ сомнѣнію примѣровъ. Такъ, у Киннама (p. 67, 3 sq.) Кельты и Германцы названы въ числѣ участниковъ втораго крестоваго похода, а далѣе (p. 69, 9 sq.) сказано, что впереди двигался Аллеманъ (Ἀλαμανός)—такъ всегда называются Нѣмцы,—а затѣмъ Германецъ (ὁ Γερμανός), то-есть, Французы Людовика VII. Разсказавъ неудачный походъ Конрада и Людовика, Киннамъ (p. 87) прибавляетъ: «такой конецъ имѣли дѣла Конрада; а король Германцевъ (то-есть, Людовикъ VII) возвращался въ отечество на корабляхъ» и т. д. Точно такъ же и знаменитый Евстаѳій Солунскій противопоставляетъ германскаго (то-есть, французскаго) властителя алеманскому (то-есть, нѣмецкому): Opuscula, ed. Tafel, p. 281, 39 sq.; ср. p. 239.

Итакъ, если вмѣстѣ съ Англянами и Датчанами служили въ Варангіи Германцы, то подъ этими Германцами нужно понимать Французовъ, людей французскаго языка, точно такъ же, какъ
149 подъ «сѣкироноснымъ и кельтическимъ народомъ» — γένους πελεκυφόρου καὶ Κελτικοῦ, — о которомъ говорится у Никиты въ другомъ мѣстѣ (p. 342, 22). Далѣе, если мы припомнимъ, какъ тѣсно были соединены въ XII вѣкѣ Франція и Англія, если припомнимъ, что въ самой Англіи нѣкоторое время господствовалъ французскій языкъ, и что, наоборотъ, къ Англіи принадлежали французскія земли на материкѣ, то намъ не будетъ необходимости прибѣгать къ какимъ-либо сложнымъ разысканіямъ о томъ, могли ли быть и были ли когда Французы членами Варангіи: нѣкоторые члены варяго-англійской дружины могли называться

съ такимъ же правомъ Французами, какъ и Англичанами, хотя господствующимъ языкомъ среди Варяговъ до самаго турецкаго завоеванія былъ языкъ англійскій. Это послѣднее обстоятельство мы узнаемъ отъ Кодина, сочиненіе котораго о придворныхъ должностяхъ и обрядахъ Византійскаго двора относится уже къ XV столѣтію. «Варанги (во время трапезы) восклицаютъ императору многія лѣта на своемъ отечественномъ языкѣ, то-есть, по-англійски, и при этомъ, ударяя своими сѣкирами, производятъ шумъ» (de officiis Cpolitanis, p. 57): πολυχρονίζουσιν - - κατὰ τὴν πάτριον - - γλῶσσαν αὐτῶν, ἤγουν Ἰγκλινιστί. По сочиненію Кодина можно изучать значеніе варяжской дружины въ послѣднія времена византійской имперіи; но мы не считаемъ нужнымъ итти такъ далеко. Видно, что въ его время Варанги были только дворцовою стражей, лейбъ-гвардіей, то-есть, что значеніе ихъ сузилось противъ первоначальнаго смысла, соединявшагося съ этимъ терминомъ въ XI столѣтіи. Приводимъ одно замѣчаніе Кодина, которое возвращаетъ насъ къ исходной точкѣ нашего изслѣдованія: «Въ древности, когда императорскій отрядъ состоялъ изъ шести тысячъ человѣкъ, каждые пятьсотъ человѣкъ стояли подъ отдѣльнымъ знаменемъ» (p. 48): ἦν μὲν οὖν πάλαι συνήθεια, ὅτε ἡ τοῦ βασιλέως σύνταξις ἦσαν ἑξακισχίλιοι, ἦσαν καθ' ἓν ἕκαστον φλάμουλον πεντακόσιοι.

Эти шесть тысячъ человѣкъ императорскаго особаго войска и суть, по нашему мнѣнію, тѣ шесть тысячъ Русскихъ, о которыхъ говорилось у армянскаго историка,—то царское отборное войско, которымъ командовалъ лично императоръ Романъ Діогенъ подъ Хелатомъ,—другими словами: тѣ παραμοναί, которые не имѣютъ коней, или та смѣна (τὸ ἀλλάγιον), о которой говорится у самого Кодина. Древность, къ которой относится существованіе шести-тысячнаго корпуса, есть конецъ X и начало XI столѣтій.

Повторимъ вкратцѣ содержаніе нашего изслѣдованія.

Изъ византійскихъ и арабскихъ источниковъ мы знаемъ, что 150
въ 988 году изъ Руси отправленъ былъ въ Византію вспомогательный военный корпусъ. Армянскій современный историкъ опредѣляетъ его численность въ 6.000 человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ

мы постоянно встрѣчаемъ Русскихъ какъ участниковъ въ войнахъ имперіи, преимущественно на азіатской границѣ и въ южной Италіи. Тамъ же, и прежде всего и чаще всего, исторія и сага локализируетъ Варяговъ, такъ что необходимо предполагать какую-либо связь между тѣми и другими. Подъ Варягами XI столѣтія обыкновенно разумѣютъ скандинавскихъ Нордманновъ. Но уже самая численность варяжскаго корпуса, опредѣляемая тѣмъ, что 3.000 Варяговъ на походѣ въ Грузію составляютъ только часть корпуса, даетъ поводъ усомниться въ справедливости этого мнѣнія. Критическій разборъ скандинавской саги убѣждаетъ насъ въ томъ, что роль Нордманновъ въ Византіи сильно преувеличена, даже извращена позднѣйшими слагателями сагъ, что, напротивъ, въ пѣсняхъ скальдовъ XI столѣтія слово «Варягъ, Вэрингъ» имѣло другое значеніе, не прилагалось къ Нордманнамъ, или прилагалось не къ однимъ Нордманнамъ. Пребываніе Гаральда Гардрада въ Византіи совпадаетъ, правда, съ появленіемъ слова «Варанги» въ византійскихъ источникахъ; но Гаральдъ прибылъ въ Греческую землю изъ Руси, въ одно время и вмѣстѣ съ Русскими сражался съ Сарацинами Сицили и Азіи, а тамъ гдѣ является отдѣльно отъ Русскихъ со своимъ скандинавскимъ отрядомъ, онъ и его отрядъ по византійскимъ источникамъ называются не Варангами, а другимъ спеціальнымъ терминомъ. У самыхъ скальдовъ Вэрингами названы тѣ люди, которые охраняли особу императора, ослѣпленнаго Гаральдомъ, а по прямому указанію историка Пселла, это были Тавроскиѳы, то-есть, Русскіе. Итакъ, Варягами были Русскіе. Если мы разсмотримъ съ этой точки зрѣнія всѣ византійскія и южно-италіанскія упоминанія о Варягахъ (до конца XI вѣка), то не только не найдемъ прямыхъ противорѣчій такому предположенію, но напротивъ, при этомъ предположеніи многое въ исторіи становится проще и въ источникахъ яснѣе. Прежде всего намъ становится понятно, почему нигдѣ и никогда (въ XI столѣтіи) имя Русскихъ не встрѣчается на ряду съ Варягами, а либо одно, либо другое, или у одного писателя Русскіе, а у другого—на томъ же мѣстѣ Варяги. Намъ становится понятнымъ, почему, напримѣръ, Скилица слово «Русскіе», которое читается у Атталіоты, замѣнилъ словомъ Варяги. Но самое главное:

современные свидѣтели и первоначальные источники для византійской исторіи XI вѣка суть Пселлъ и Атталіота. У перваго слово 151
Варяги не встрѣчается ни разу, но совершенно ясно и отчетливо въ соотвѣтствующей роли выводятся на сцену Русскіе. Атталіота же прямо употребляетъ слово «Варяги» и «Русь» какъ синонимическія. Послѣ этого намъ оставалось только обратить вниманіе на способъ выраженія документальныхъ источниковъ, современныхъ Пселлу и Атталіотѣ. Мы увидѣли, что въ четырехъ хрисовулахъ два слова, Варяги и Русь, соединяются особенно тѣснымъ образомъ; они всегда стоятъ нераздѣльно — съ тѣмъ только различіемъ, что впереди ставится то одно, то другое; что эти два слова въ грамотахъ выражаютъ одно цѣлое, противоположное Сарацинамъ, Франкамъ, Нѣмцамъ и Англичанамъ. Однимъ словомъ, византійскій оффиціальный языкъ употребляетъ выраженія: «Русь-Варяги, Варяго-Русь».

Все это, взятое вмѣстѣ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что Варягами назывался въ XI столѣтіи русскій корпусъ, отправленный Владиміромъ въ концѣ X вѣка и, очевидно, существовавшій непрерывно; изъ среды этого корпуса были и тѣ императорскіе тѣлохранители (лейбъ-гвардія), которые именуются также «Варягами»—въ тѣсномъ смыслѣ. Одна замѣтка, читаемая у Кедрина и Скилицы, могла бы подать поводъ къ предположенію, что было нѣкоторое различіе между Варягами въ обширномъ смыслѣ и Варягами, составившими охранную стражу императора. Но выраженіе, что Варяги, находившіеся во дворцѣ императора, были кельтическій народъ, очень неопредѣленно, противорѣчить другимъ показаніямъ Скилицы и Кедрина и, по всей вѣроятности, составляетъ позднѣйшую глоссу. Тѣмъ не менѣе, мы все-таки не считаемъ возможнымъ устранить вполнѣ скандинавскихъ Нордманновъ изъ предполагаемаго состава варяжскаго корпуса и варяжской дружины. Скандинавы приходили въ Константинополь чрезъ Россію, гдѣ они составляли наемную дружину Русскихъ князей; какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Византіи, они служили вмѣстѣ съ Русскими, но въ Цареградѣ были еще менѣе многочисленны, чѣмъ въ Кіевѣ или Новгородѣ, составляли только небольшую часть варяго-русскаго корпуса и дружины. Мы думаемъ, что и тѣ Скандинавы, которые ушли въ Византію въ

980 году отъ князя Кіевскаго Владиміра, сначала разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, послѣ могли поступить въ составъ корпуса, организованнаго чрезъ восемь лѣтъ. Мы думаемъ наконецъ, что самое имя Варяговъ по своему происхожденію принадлежитъ скандинавскому сѣверу, но пришло въ Византію изъ Кіева. Въ Кіевѣ наемниками были Скандинавы, и они называли себя Вэ-
152 рингами; имя сдѣлалось обычнымъ и для Русскихъ, такъ что и русскіе союзники и наемники въ Константинополѣ стали называть себя Варягами, а по-гречески — Варангами.

Съ конца XI вѣка начинается приливъ въ Византію Англо-Саксовъ. Совершенно отчетливыя свидѣтельства Ордерика Виталія даютъ возможность опредѣлить какъ время появленія Англо-Саксовъ въ византійской арміи, такъ и эпоху, когда они изъ простыхъ союзниковъ и наемниковъ сдѣлались Варягами въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, императорскими тѣлохранителями. Это случилось незадолго до перваго крестоваго похода. Поворотъ къ западу, начавшійся съ утвержденіемъ въ Византіи новой династіи Комниновъ, выразился въ замѣнѣ русскихъ православныхъ людей людьми запада.

Вопросъ о византійскихъ Варангахъ, по нашему мнѣнію, требовалъ новаго и подробнаго изслѣдованія. Но его важность заключается, какъ мы убѣждены, въ немъ самомъ, то-есть, въ существованіи постоянной, живой и осязательной связи между Русью и Византіей, а чрезъ нее — съ азіатскимъ Востокомъ и европейскимъ Западомъ въ продолженіе всего XI столѣтія. Мы только въ видѣ догадки указали на возможность объяснять болѣе положительнымъ и наглядымъ образомъ нѣкоторыя литературныя явленія именно существованіемъ такого рода связей. Это — тема, которая принадлежитъ не намъ, но для насъ вполнѣ достаточно, что отъ тѣхъ, кому принадлежитъ вопросъ о литературномъ общеніи Востока и Запада, мысль наша не встрѣтила осужденія и порицанія. Быть можетъ, и русская археологія и нумизматика должны будутъ принимать въ расчетъ пребываніе русскаго шеститысячнаго корпуса на сарацинской границѣ въ Азіи. Что касается отношенія, въ какомъ вопросъ о византійскихъ Варангахъ находится къ вопросу о русскихъ Варягахъ и о началѣ Русскаго государства, то мы уже отчасти высказали

свой взглядъ, несмотря на обѣтъ воздержанія, принятый въ началѣ. Мы думаемъ, что скандинавская теорія происхожденія Русскаго государства до сихъ поръ остается не поколебленною, и что тѣ, которые пытались поколебать ее, потерпѣли завѣдомую неудачу. Она покоится, главнымъ образомъ, на двухъ столпахъ: на именахъ Русскихъ князей и на названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ, которыя все таки остаются не славянскими, несмотря на разныя попытки ненаучной филологіи объяснить ихъ по славянски. Съ наукою мы не хотимъ быть въ противорѣчіи и, думаемъ, не находимся.

О ВАРЯГО-РУССАХЪ *).

(Отвѣтъ Д. И. Иловайскому).

Въ майской книжкѣ «Древней и Новой Россіи» Д. И. Иловайскій напечаталъ рецензію, въ которой самымъ рѣшительнымъ и безпощаднымъ образомъ нападаетъ на нашу статью о Варягахъ въ Византіи, порицая самый методъ изслѣдованія и отвергая его главные выводы. Несмотря на это, мы долго сомнѣвались, слѣдуетъ намъ отвѣчать на возраженіе Д. И. Иловайскаго или нѣтъ. Наше личное самолюбіе нисколько не было задѣто, потому что г. Иловайскій принялъ нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы позолотить пилюлю, — разумѣемъ нѣсколько лестныхъ комплиментовъ нашимъ другимъ ученымъ трудамъ; да и вообще манера и языкъ нашего почтеннаго рецензента настолько благородны, что нелѣпо было бы оскорбляться хотя бы и рѣзкимъ по существу ученымъ разногласіемъ. Напротивъ мы боялись и боимся, сумѣемъ ли мы сами сказать все, что считаемъ необходимымъ сказать, съ такимъ же успѣхомъ относительно небезъизвѣстной читающему міру ученой щекотливости почтеннаго Д. И. Иловайскаго... Для самаго дѣла мы также не предполагали большой пользы отъ возбужденія полемики на страницахъ журнала, назначеннаго не столько для ученаго, сколько для образованнаго круга читателей. Съ нашей стороны было бы слишкомъ смѣло предполагать, что въ кругу этихъ читателей наше изслѣдованіе могло обратить на себя особенное вниманіе. Мы его даже и не искали,

---

*) <Древняя и Новая Россія. Т III (1875 г.), декабрь, стр. 396—405.>

напечатавъ свой трудъ въ изданіи, имѣющемъ до извѣстной степени спеціальный характеръ... Не по своей винѣ и не безъ нѣкоторыхъ сомнѣній мы обращаемся и теперь къ читателямъ, на судъ которыхъ перенесъ нашъ споръ Д. И. Иловайскій и которые, быть можетъ, вовсе не считали нужнымъ для произнесенія приговора познакомиться съ самыми актами и документами, на которыхъ этотъ споръ основанъ.

Мы могли бы удовольствоваться сознаніемъ, что такъ или иначе, а трудъ нашъ все-таки не былъ безполезенъ. Пусть бы 397
мы и не успѣли доказать своего главнаго положенія, что Варяги и Русь у византійцевъ — одно и то же, что Варягами въ Византіи были Русскіе: все-таки въ нашемъ изслѣдованіи оставалось многое такое, что, вѣроятно будетъ признано прочнымъ пріобрѣтеніемъ науки. Намъ первымъ пришлось указать на нѣсколько новыхъ фактовъ и данныхъ, относящихся къ варяжскому вопросу, которыя отчасти совсѣмъ не были извѣстны русскимъ ученымъ, отчасти были пренебрегаемы: таковы отрывки Пселла, относящіеся къ русской исторіи, таковы грамоты, упоминающія о Варягахъ и Колбягахъ, таковы указанія на 6000-ный военный корпусъ, отправленный Владиміромъ въ Византію послѣ крещенія, таковъ отрывокъ изъ Атталіоты, о которомъ рѣчь будетъ ниже,—и еще кое-что, приводимое и самимъ Д. И. Иловайскимъ въ его рецензіи.

Если мы теперь рѣшаемся нарушить свое благоразумное молчаніе, то это мы дѣлаемъ отчасти вслѣдствіе прямого желанія и вызова, высказаннаго намъ Д. И. Иловайскимъ въ устной бесѣдѣ; онъ все-таки считаетъ печатный споръ единственнымъ и необходимымъ средствомъ для уясненія ученыхъ вопросовъ. Сверхъ того мы надѣемся кстати сообщить два-три новыхъ указанія, хотя и не особенно крупныхъ, но не лишенныхъ значенія для варяго-русскаго вопроса.

Мы стоимъ на своемъ, что византійскіе писатели XI вѣка не отличаютъ Варяговъ и Руси и, что, слѣдовательно, почти до конца этого вѣка, до появленія въ Византіи Англо-Саксовъ и Датчанъ, византійскій варяжскій корпусъ состоялъ главнымъ образомъ изъ русскихъ.

Самая твердая наша опора — разсказъ Атталіоты, визан-

тійскаго историка XI вѣка, который пишетъ о томъ, что онъ самъ видѣлъ, и который самъ занималъ довольно важное мѣсто въ византійской арміи, — разсказъ, въ которомъ упоминаются и Русскіе и Варяги — но совсѣмъ не какъ что-либо отличное одно отъ другого.

Отрывокъ, нами приведенный изъ Атталіоты, оставался, можно сказать, совсѣмъ неизвѣстнымъ русскимъ изслѣдователямъ, занимавшимся Варягами; между тѣмъ изъ него — мы въ этомъ и теперь убѣждены — несомнѣнно слѣдуетъ тождество Варяговъ и Руси, хотя Д. И. Иловайскій и относится нѣсколько иронически къ такому нашему убѣжденію. Пусть судятъ читатели, кто правъ и кто неправъ.

Атталіота повѣствуетъ о послѣднихъ дняхъ царствованія Михаила VII Дуки и о двухъ возстаніяхъ, поднявшихся противъ него одновременно въ Европѣ и Азіи. Отрядъ европейскихъ инсургентовъ стоялъ вблизи Константинополя въ городѣ Аѳирѣ (при заливѣ, теперь называемомъ Кучукъ-Чекмадіе). Противъ этого отряда отправлена была императоромъ изъ столицы экспедиція, состоявшая изъ Варяговъ и еще другихъ военныхъ людей, находившихся подъ командою Алексѣя Комнина (въ послѣдствіи императора) и Франка Урселя. — Слѣдуетъ самый разсказъ Атталіоты, который мы сначала передаемъ перифразомъ для избѣжанія всякихъ длинныхъ комментаріевъ, а потомъ въ буквальномъ переводѣ. Само собою разумѣется, что въ перифразѣ мы будемъ ставить слова «Русь» и «Варяги» только тамъ, гдѣ они употребляются въ подлинникѣ; а отрядъ Комнина и Урселя мы будемъ называть греческимъ отрядомъ для краткости и ясности. Инсургенты же въ подлинникѣ называются то приверженцами Вріеннія, то Македонами.

Изъ Константинополя были отправлены два отряда: одинъ русскій пѣшій — на корабляхъ, другой греческій — конный — сухимъ путемъ. Оба должны были подойти къ Аѳиру въ одно время, но съ разныхъ сторонъ: греческій отрядъ долженъ былъ напасть на городокъ или крѣпостцу Аѳиръ съ востока и выгнать оттуда инсургентовъ навстрѣчу другому отряду, который придетъ съ запада, со стороны моря. Если бы этотъ планъ былъ точно исполненъ, то полный успѣхъ экспедиціи не подлежалъ бы

сомнѣнію; добыча не могла бы ускользнуть. Но планъ этотъ не былъ точно исполненъ. Правда, что оба отряда, и сухопутный и морской, т.-е., конный и пѣшій, пришли къ Аѳиру въ одно и то же время. Но греческій отрядъ замѣтилъ вдали какихъ-то Македонянъ и вмѣсто того, чтобы идти на приступъ къ Аѳиру, бросился за ними и сталъ ихъ преслѣдовать. Греки въ этомъ случаѣ поступили очень нерасчетливо: догнать Македонянъ имъ не удалось, да и съ Варягами они не соединились для одновременнаго нападенія на крѣпость, которое было ранѣе условлено, т.-е., этимъ увлеченіемъ былъ разстроенъ весь планъ. Когда съ своей стороны Варяги бросились на приступъ и проникли въ городъ съ запада, то 1) они принуждены были сражаться одни, а 2) для бунтовщиковъ оставался открытымъ путь отступленія съ восточной стороны, со стороны суши. Этимъ, дѣйствительно, и воспользовались разбитые инсургенты: они сѣли на лошадей и устремились въ бѣгство, не встрѣтивъ никакой преграды себѣ и оставивъ позади себя пѣхотный отрядъ Варяговъ. Алексѣй Комнинъ и Урсель, увлекшіеся преслѣдованіемъ другихъ Македонянъ, воротились на условленное мѣсто подъ Аѳиромъ уже поздно; но все-таки, командуя конным отрядомъ, они бросились въ погоню за разбитыми и напуганными бѣглецами, бывшими защитниками Аѳира. Однако, это преслѣдованіе было непродолжительно: все дѣло ограничилось захватомъ въ плѣнъ нѣсколькихъ инсургентовъ. Гораздо болѣе потерь понесли они въ самомъ Аѳирѣ, во время штурма, отъ русскаго отряда: нѣсколько человѣкъ лежали здѣсь убитыми, другіе тоже попались въ плѣнъ [1]).

Вотъ буквальный переводъ отрывка, доказывающій, что ни- 398
какихъ измѣненій по смыслу мы не сдѣлали въ своемъ перифразѣ:

---

1) Уже не для ясности, а для наглядности резюмируемъ этотъ разсказъ такимъ образомъ:

Греки должны были соединиться съ Русскими и напасть вмѣстѣ съ ними на крѣпость.

Но Греки не соединились съ Варягами, и эти послѣдніе одни проникли въ крѣпость.

Здѣсь, при взятіи крѣпости, Русскими было убито нѣсколько инсургентовъ.

«Русскіе корабли, получившіе приказаніе напасть съ моря, подали знакъ воинамъ на сушѣ, чтобы они ранѣе утромъ въ одно время съ ними подступили къ Аѳиру, заперли тамъ внутри противника со всѣми его сообщниками и, вступивъ съ нимъ въ бой, оборотили его (къ морю), и такимъ образомъ загнали бы всѣхъ какъ бы въ сѣти подъ руку ихъ (т.-е., не кораблей, конечно, а Русскихъ, имѣющихъ прибыть на корабляхъ), отъ которой враги найдутъ плѣнъ или убійство. Это былъ планъ ясный, стратегическій и обѣщавшій полную добычу. Но въ своемъ исполненіи, не будучи вполнѣ соблюденъ, онъ погубилъ плоды побѣды. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ собрались сухопутное и морское войска; но воины сухопутнаго отряда, отправившись впередъ къ городку, уклонились съ своего пути, замѣтивъ какихъ-то Македонянъ, расположившихся въ отдаленіи на поляхъ, и желая захватить ихъ: ихъ они не поймали и промахнулись въ своей попыткѣ, да и съ Варягами не успѣли соединиться, когда тѣ подступили къ Аѳиру. Между тѣмъ Варяги все-таки, разломавъ ворота, проникли внутрь городка, и еще раннимъ утромъ бились полнымъ боемъ съ приверженцами Врієннія. Но послѣдніе, будучи конниками, сѣли на лошадей и устремились въ бѣгство; такъ какъ на сухомъ пути (т.-е., со стороны суши) не было видно военныхъ людей, которые бы могли встрѣтить ихъ, то они избѣгли гибели. Позже явился Урсель вмѣстѣ съ Алексѣемъ и погнались сзади, но, когда они хотѣли продолжать преслѣдованіе и уничтожить большое число противниковъ, потрясенныхъ страхомъ и бѣгущихъ безъ оглядки, то не нашли послушанія у собственныхъ воиновъ, такъ какъ они боялись исхода (этой погони). Нѣсколько Македонянъ все-таки пало въ замкѣ отъ Русскихъ, а другіе были взяты въ плѣнъ ими же, а равнымъ образомъ и конниками».

Признаемся, что мы по крайней мѣрѣ двадцать разъ читали и перечитывали этотъ отрывокъ, стараясь понимать его такъ, чтобы не выходило тождества Руси, которая должна была напасть на Аѳиръ съ морской стороны, Варяговъ, которые дѣйствительно напали и проникли въ городъ, и снова Руси, которая захватила въ плѣнъ и убила нѣсколько человѣкъ въ городѣ,—и всякій разъ находили это невозможнымъ. Мало того—мы пред-

ложили этотъ отрывокъ на обсужденіе въ одномъ частномъ ученомъ собраніи, гдѣ достаточно было лицъ, хорошо знающихъ греческій языкъ и, конечно, не лишенныхъ здраваго смысла. Они тоже не нашли возможнымъ никакого другого объясненія, кромѣ того, на которомъ мы должны были остановиться. А Д. И. Иловайскій авторитетно и сухо замѣчаетъ: «тождество Руси и Варяговъ изъ даннаго примѣра такъ же не слѣдуетъ, какъ изъ всѣхъ предыдущихъ: Варяги и Русь участвовали въ этомъ походѣ и сражались рядомъ, нисколько не мѣшая каждой части оставаться при своей національности». — Для насъ, конечно, было бы интересно выслушать не столь односложный приговоръ, а нѣсколько болѣе мотивированный; если Д. И. Иловайскій думаетъ убѣдить насъ простымъ отрицаніемъ того, что̀ мы считаемъ очевидностью, то онъ ошибается.

Затѣмъ слѣдуютъ грамоты, недавно изданныя и впервые нами указанныя. Въ одной изъ этихъ грамотъ говорится объ освобожденіи извѣстнаго монастыря отъ сборовъ въ пользу «Варяговъ Руси или Саракинъ или Франковъ»; во второй и третьей — объ освобожденіи богоугоднаго заведенія, основаннаго вышеупомянутымъ Атталіотой, отъ постоя военныхъ людей: «еще же Руси Варяговъ или Кулпинговъ или Франковъ или Болгаровъ или Сарацынъ». Въ четвертой грамотѣ союзы исчезаютъ, но Русь все-таки стоитъ рядомъ съ Варягами: «Руси Варяговъ Кулпинговъ Инглиновъ Франковъ».—На томъ основаніи, что Русь въ грамотахъ вездѣ стоитъ рядомъ съ Варягами и въ трехъ грамотахъ нѣтъ между ними частицы или, я заключаю, что оба эти названія слитно и вмѣстѣ означаютъ одно, что ихъ надобно переводить словами: «Руси-Варяговъ или Варяговъ-Руси». На это Д. И Иловайскій мнѣ возражаетъ: «Но откуда слѣдуетъ, что частица или непремѣнно должна начинаться со второго слова, а не съ третьяго. Голословная ссылка на Василики слишкомъ недостаточна».

Что сказать на это? У меня было объяснено, откуда это слѣдуетъ, и въ доказательство была приведена не одна голословная ссылка. У меня было написано, между прочимъ: «если бы слово Русь составляло особенный, отдѣльный членъ въ раздѣленіи, или особую статью въ перечисленіи, то юридическая точность жало-

ванной грамоты и логическая правильность рѣчи требовали бы раздѣлительной частицы уже послѣ перваго члена предъ вторымъ, предъ словомъ Русь. Такъ оно и бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этому быть слѣдуетъ. Излишне было бы приводить примѣры для этого, потому что намъ пришлось бы выписывать страницы изъ «Василикъ» для доказательства того, что̀ естественно и необходимо само по себѣ. Желающіе имѣть такія доказательства пусть прочитаютъ внимательно, положимъ, самую грамоту Христодулу» (изъ которой взятъ одинъ отрывокъ съ Русью-Варягами), «и они найдутъ примѣры на указываемое нами правило». Почему же Д. И. Иловайскій не потрудился заглянуть хоть въ грамоту Христодулу, послѣ того какъ мною было
399 указано очень доступное изданіе, въ которомъ она напечатана. Тамъ онъ нашелъ бы вотъ что: «этотъ островъ не будетъ подчиненъ лицамъ царскимъ или митрополичьимъ, или епископскимъ или церковнымъ» (Zachariae, Jus Graeco-romanum III, 373). Или же: «монастырь освобождается отъ всякихъ поборовъ въ пользу судей или сборщиковъ податей, или другихъ начальниковъ» (ibid. p. 374). Выписокъ изъ византійскаго пятитомнаго свода законовъ (Basilica) я и теперь не считаю нужнымъ приводить въ большомъ количествѣ, хотя бы и не въ греческомъ подлинникѣ. Развертываю нѣсколько страницъ на удачу. Т. I, стр. 128. «Богадѣльни или странноприимницы, или больницы, или другіе богоугодные дома, имѣющіе собственное управленіе» и т. д. А далѣе снова: «странноприимница, или богадѣльня, или больница». Т. I, стр. 138: «Если православный продаетъ свое имѣніе, на которомъ выстроена церковь, Іудею, или Самаритянину, или Еллину, или Монтанисту, или Аріанину». Томъ IV, стр. 160: «Сыну, или дочери, или внуку, или внукѣ, или слѣдующимъ по нисходящей линіи» и т. д. и т. д. Кажется, я имѣлъ нѣкоторое право сказать, что тамъ, гдѣ этому быть слѣдуетъ, частица или начинается въ грамотахъ и юридическихъ книгахъ уже со второго члена. Голословно же только отрицаніе Д. И. Иловайскаго.

Сверхъ того, я обратилъ вниманіе на то, что двѣ изъ этихъ грамотъ даны тому самому Атталіотѣ, о которомъ была рѣчь выше, и, нужно думать, даже написаны имъ самимъ, такъ какъ

онѣ содержатъ подробное перечисленіе селъ и земель, принадлежавшихъ Атталіотѣ, тогда приближенному сановнику императоровъ.— Какъ это служитъ въ пользу нашего чтенія «Варяговъ-Руси», понятно само собою.

Я обратилъ также вниманіе и на перемѣну порядка отдѣльныхъ реченій (Русь-Варяги, Варяги-Русь) и по этому поводу замѣтилъ, что здѣсь это ровно ничего не значитъ, а что «напротивъ, такое небольшое измѣненіе въ разстановкѣ безъ окончательнаго разлученія обоихъ реченій доказываетъ только то, что соединеніе ихъ не случайно». Д. И. Иловайскій упрекаетъ меня за слова «ровно ничего не значитъ», опустивъ наше дальнѣйшее поясненіе, и потомъ прибавляетъ нѣсколько торжественно: «Напротивъ, это (измѣненіе порядка) прямо означаетъ, что у Грековъ не было опредѣленнаго термина «Варяго-Россы»; иначе онъ вездѣ употреблялся бы одинаково». Мы очень благодарны за такое замѣчаніе, потому что и сами такъ думали и нигдѣ не утверждали, чтобы «Варяги-Русь» былъ терминъ. Замѣчаніе Д. И. Иловайскаго не обличаетъ дальновидности; вмѣсто опроверженія онъ говоритъ въ нашу пользу. Терминъ способенъ дѣлаться чѣмъ-то окаменѣлымъ; разъ войдя въ употребленіе, онъ сохраняется неизмѣнно, несмотря на перемѣну отношеній, имъ выражаемыхъ. Такимъ образомъ, если бы кто захотѣлъ возражать противъ нашей теоріи о тождествѣ Варяговъ и Русскихъ въ XI столѣтіи, то онъ могъ бы сказать: «положимъ, въ грамотахъ XI вѣка Варягами называются Русскіе; но это старый терминъ, оставшійся отъ стариннаго времени—отъ IX или X вѣка, когда подъ Русью еще разумѣлись Скандинавы, а не славянская Русь»...

Въ дальнѣйшемъ своемъ разсужденіи по поводу грамотъ и нашего ихъ толкованія Д. И. Иловайскій кое-что перепуталъ; но такъ какъ это сдѣлано, конечно, безъ всякаго злого умысла и не особенно важно, то мы проходимъ это молчаніемъ.

Надъ нашими второстепенными доказательствами Д. И. Иловайскій останавливается несоразмѣрно долго и опровергаетъ ихъ уже не голословно, а противопоставляя свои собственныя соображенія. Но мы никакъ не можемъ сказать, чтобы эти опроверженія и собственныя толкованія нашего оппонента имѣли хотя тѣнь основательности.

Мы отмѣчаемъ упоминаніе о Русскихъ у Скилицы (писатель самаго конца XI вѣка), въ исторіи похода Романа Діогена противъ Турокъ-Сельджукидовъ, останавливаемся на этомъ извѣстіи и спрашиваемъ: откуда взялъ это свѣдѣніе о Русскихъ и вообще о походѣ Романа Діогена этотъ писатель? Всякій, кто дастъ себѣ маленькій трудъ сличить разсказъ Скилицы съ сочиненіемъ его старѣйшаго современника Атталіоты, спутника Романа IV въ его турецкихъ походахъ, тотъ убѣдится, что Скилица не имѣетъ ни одного своего факта, и увидитъ, что онъ буквально всю исторію походовъ Романа Діогена выписалъ изъ книги Атталіоты. Значитъ, и свѣдѣніе объ участіи русскихъ въ походѣ онъ, Скилица, долженъ былъ заимствовать у Атталіоты. Но у Атталіоты совсѣмъ не упоминается о Русскихъ. Помянуты Франки, которые есть потомъ и у Скилицы, помянуты Печенѣги, которые есть потомъ у Скилицы — хотя подъ другимъ именемъ Узовъ; а Русскихъ нѣтъ. Русскихъ нѣтъ, но за то есть Варяги, которыхъ, обратно, не находится у Скилицы. Мы заключаемъ отсюда, что Скилица взялъ своихъ Русскихъ также у Атталіоты, какъ и все другое, но нашелъ или увидѣлъ ихъ въ лицѣ Варяговъ, т.-е., замѣнилъ словомъ «Русскіе» слово «Варяги». Такое заключеніе мы подтверждаемъ нѣкоторыми наблюденіями надъ порядкомъ размѣщенія, въ какомъ разныя составныя части арміи византійской являются у того и другого писателя; а дѣйствительное присутствіе Русскихъ въ походахъ Романа подкрѣпляемъ свидѣтельствомъ арабскаго писателя Ибнъ-Атира.

Что же возражаетъ на это Д. И. Иловайскій? Намъ кажется, что онъ совершенно не понялъ силы и смысла нашего доказательства, хотя оно совершенно ясно и просто. Если бы понялъ, то не сталъ бы указывать на слова Скилицы: «и другихъ попавшихъ случайно иноплеменниковъ», которыми Скилица кончаетъ свое исчисленіе народовъ въ арміи Діогена; въ числѣ этихъ другихъ иноплеменниковъ ничто-де не мѣшаетъ разумѣть именно русскихъ. Но рѣчь наша шла совсѣмъ не о томъ: мы спрашивали, повторяемъ,— откуда Скилица взялъ свое *опредѣленное* извѣстіе о присутствіи воиновъ, которыхъ онъ называетъ *собственнымъ* именемъ «Варяги»... Когда сравниваютъ критически одного писателя съ другимъ, то обращаютъ вниманіе не на случайныя

неопредѣленныя фразы, маскирующія иногда заимствованіе или плагіатъ, а сравниваютъ фактическія данныя, ихъ порядокъ и тождество или различіе, сравниваютъ собственныя имена, имена дѣйствующихъ лицъ, географическія названія и т. д., вообще, всѣ такія слова и названія, которыхъ нельзя придумывать по произволу, а надобно либо самому знать, либо узнать отъ другихъ. Съ этой точки зрѣнія слова «и другихъ попавшихъ иноплеменниковъ» вовсе не идутъ въ сравненіе ни съ Русскими Атталіоты, ни съ Варягами Скилицы. Сравнивайте собственныя имена первоначальнаго, оригинальнаго писателя съ собственными же именами его компилятора, а не съ какими-либо ничего не значащими фразами. Сравнивайте далѣе языкъ вообще, сходство или тождество словъ и выраженій.

Держась этихъ правилъ, мы никакъ не могли сдѣлать съ отрывкомъ изъ Ибнъ-Атира то, что совѣтуетъ намъ Д. И. Иловайскій. Ибнъ-Атиръ, писатель совершенно независимый отъ двухъ названныхъ Византійцевъ, пишетъ, что армія Романа IV состояла изъ Византійцевъ, Франковъ, Руссовъ, Печенѣговъ, Арабовъ и Грузинъ. Д. И. Иловайскій по этому поводу замѣчаетъ: «Если принять систему автора, то, сравнивая Атира со Скилицею, придется Арабовъ отождествить съ Македонянами (стоящими у Скилицы на соотвѣтственномъ мѣстѣ), а Грузинъ съ Болгарами».

Нѣтъ, это не наша система, мы отвергаемъ ее съ негодованіемъ; мы предоставляемъ ее кому-нибудь другому. Съ какой стати мы стали бы ожидать и требовать, чтобы Атиръ, въ отношеніи къ Скилицѣ совершенно самостоятельный писатель, размѣщалъ слова и названія въ такомъ же порядкѣ, какъ Скилица?... А если бы уже рѣшились сравнивать оба отрывка—византійскій и арабскій,—то, конечно, сдѣлали бы это совершенно иначе. Мы бы сказали, что Византійцы Атира=Македонянамъ, Болгарамъ и Каппадокійцамъ Скилицы, Печенѣги Атира=Печенѣгамъ Атталіоты и Узамъ Скилицы, Арабы и Грузины Атира=другимъ иноплеменникамъ Скилицы. Оставались бы у Атира Руссы, а у Скилицы Варяги...

Свое разсужденіе по поводу нашего сравненія Атталіоты и Скилицы Д. И. Иловайскій заключаетъ слѣдующими въ высшей

степени странными словами: «А будто Скилица свои извѣстія почерпалъ только изъ Атталіоты, то это не совсѣмъ вѣрно: первый много заимствовалъ у второго, но имѣлъ, конечно, и другіе источники». — Вотъ единственное замѣчаніе, которое мы считаемъ прямо оскорбительнымъ и обиднымъ. Какъ! Мы заявляемъ притязаніе на критику источниковъ, постоянно ссылаемся на взаимное отношеніе между ними и даже въ одномъ мѣстѣ похвалились этимъ, какъ особенностью нашего изслѣдованія противъ другихъ подобныхъ трудовъ, и вдругъ—мы <ничего> не знаемъ, говоримъ неправду въ самомъ элементарномъ, самомъ первоначальномъ вопросѣ критики, вопросѣ объ источникахъ Скилицы! Мы будто бы сказали такую нелѣпость, что Скилица заимствовалъ свои извѣстія только у Атталіоты, тогда какъ хроника Скилицы относится бо́льшею половиною своего содержанія къ такому времени, о которомъ Атталіота совсѣмъ ничего не писалъ. Съ какой, однако, стати и на какомъ основаніи Д. И. Иловайскій обвиняетъ насъ, хотя и косвенно, въ непростительномъ легкомысліи или даже шарлатанствѣ? Совершенно не кстати и безъ всякаго разумнаго основанія. Мы никогда и не помышляли написать, что Скилица всѣ свои извѣстія почерпалъ у Атталіоты, а утверждали, утверждаемъ и будемъ утверждать, что въ исторіи походовъ Романа IV Діогена Атталіота служилъ единственнымъ источникомъ для Скилицы. Это не новость и не наше открытіе, а истина, бросающаяся въ глаза и замѣченная другими, кто имѣлъ въ рукахъ того и другого писателя. Пусть попытается опровергнуть ее Д. И. Иловайскій: онъ сдѣлаетъ тогда открытіе въ наукѣ и въ византійской исторіографіи... Мы не имѣемъ обыкновенія писать что-нибудь наобумъ.

Кромѣ Атталіоты другой самостоятельный и оригинальный писатель XI вѣка есть недавно изданный Михаилъ Пселлъ, съ русскими отрывками котораго мы познакомили въ своей статьѣ изслѣдователей варяжскаго вопроса. Мы утверждаемъ, что всякій разъ, какъ онъ говоритъ о «сѣкироносцахъ» — обычное обозначеніе Варяговъ, — то подъ ними онъ разумѣетъ Тавроскиѳовъ, т.-е., Русскихъ. Въ доказательство мы привели одно мѣсто изъ Пселла, гдѣ описывается церемоніалъ, которымъ окруженъ былъ Исаакъ Комнинъ, провозгласившій себя императоромъ въ

1057 году. Здѣсь Русскіе (Тавроскиѳы) являются въ такомъ видѣ, въ какомъ мы привыкли представлять себѣ Варяговъ по описаніямъ позднѣйшихъ византійцевъ: они окружаютъ тронъ императора, составляютъ нѣкотораго рода лейбъ-гвардію и вооружены топорами; однимъ словомъ, это — Варяги, и самые основательные византинисты, которымъ сочиненіе Пселла было извѣстно по рукописямъ, относили указываемое нами описаніе къ Варягамъ (Дю-Канжъ), только упуская изъ виду и не упоминая, что эти Варяги Пселла, по его собственнымъ словамъ, суть Русскіе. — Нашъ уважаемый противникъ также не отвергаетъ, повидимому, того факта, что у Исаака Комнина должность Варяговъ исполняли Русскіе. Но чтобы ослабить силу нашего доказательства, онъ прибѣгаетъ къ слѣдующему возраженію, подсказанному и опровергнутому въ самой нашей статьѣ: церемоніалъ, которымъ окружалъ себя Исаакъ Комнинъ, быть можетъ, имѣлъ не обычный, правильный характеръ, а соотвѣтствовалъ революціонному положенію узурпатора; Тавроскиѳы (Русскіе) 401
занимали мѣсто Варяговъ потому только, что были сообщниками Исаака съ самаго начала его возстанія. Въ опроверженіе такого толкованія мы указали на другой примѣръ придворнаго церемоніала уже въ 1042 году и въ самомъ Константинополѣ, въ столицѣ, описанный тѣмъ же самымъ Пселломъ. Напрасно Д. И. Иловайскій не послѣдовалъ нашему приглашенію поближе сравнить сцену 1057 года съ придворнымъ чиномъ императрицы Ѳеодоры (1042 г.). Ѳеодору также окружали «люди племени тѣхъ, которые потрясаютъ сѣкирою на правомъ плечѣ», т.-е., несомнѣнно Варяги. А какой національности были эти сѣкироносцы, окружавшіе Ѳеодору? — Чтобы узнать это, нужно обратиться къ предыдущимъ страницамъ Пселла и къ седьмой главѣ нашего изслѣдованія. Ѳеодора была обязана возведеніемъ на престолъ «союзникамъ и наемникамъ, содержимымъ императорами во дворцахъ». Пселлъ, которому принадлежатъ подчеркнутыя выраженія, прямо объясняетъ, что подъ этими союзниками и наемниками онъ разумѣетъ Тавроскиѳовъ, т.-е., Русскихъ; а вооружены эти союзники топорами или сѣкирами (р. 92). Итакъ, эти союзные сѣкироносцы низвергли Михаила V Калафата, возвели на престолъ Ѳеодору.—Зачѣмъ же далеко ходить, чтобы

узнать, кто разумѣется подъ сѣкироносным родомъ, окружающимъ тронъ Ѳеодоры вскорѣ послѣ ея восшествія на престолъ?... Очевидно, что какъ въ «военное время», такъ и въ «мирное время» сѣкироносцами, или Варягами, были Русскіе. То, что люди сѣкироноснаго рода, упоминаемые подъ 1042-мъ годомъ, были Русскіе — это мы узнаемъ и полагаемъ не по аналогіи съ церемоніаломъ Исаака Комнина, а совершенно независимо отъ того, хотя, конечно, трудно предполагать, чтобы Русскіе, являющіеся съ сѣкирами въ 1057 году, только въ этомъ году пріучились владѣть такимъ оружіемъ, а не ранѣе.

Далѣе Д. И. Иловайскій пишетъ: «Да проститъ насъ авторъ, если мы замѣтимъ, что настоящее изслѣдованіе его наполнено подобнаго рода сближеніями и выводами... Между прочимъ можно ли серьезно предлагать такую дилемму? «Способъ доказательства, котораго мы держались въ этой главѣ, слѣдующій:

Симмахиконъ (союзный корпусъ) = Тавроскиѳы, т.-е., Руссы. Симмахиконъ = Варяги (въ Грузіи и Италіи). Слѣдовательно Руссы = Варяги».

Смѣемъ увѣрить Д. И. Иловайскаго, что ни серьезно, ни въ шутку мы своего доказательства въ такомъ странномъ видѣ не предлагали, равно какъ и не называли его дилеммою. — Мы резюмировали такимъ образомъ содержаніе одной извѣстной главы ‹XI›, и безъ указаній на содержаніе этой главы выписка, сдѣланная Д. И. Иловайскимъ, есть нелѣпость, за которую мы не принимаемъ отвѣтственности. А содержаніе подразумѣваемой главы было слѣдующее: Когда Пселлъ говоритъ о союзникахъ, о союзномъ корпусѣ, онъ разумѣетъ Русскихъ. «Союзники и наемники, я разумѣю Тавроскиѳовъ» — вотъ его слова (Симмахиконъ = Тавроскиѳы). Разсказывая о событіяхъ 1047 года, онъ говоритъ, что союзническій корпусъ былъ тогда въ глубинѣ Грузіи. А изъ грузинскихъ источниковъ мы видимъ, что дѣйствительно въ тотъ самый годъ, который имѣетъ въ виду Пселлъ, въ Грузіи дѣйствовалъ корпусъ, состоявшій изъ 3000 Варяговъ (Varangues) (Симмахиконъ = Варяги). Мы думаемъ, что отсюда совершенно серьезно можно предполагать, а при существованіи другихъ основаній — даже и доказывать, что союзный корпусъ,

состоявшій изъ Тавроскиѳовъ, и Варяги грузинской лѣтописи одно и то же.

Къ этому грузинскому извѣстію Д. И. Иловайскій чувствуетъ какую-то особую непріязнь, какъ вообще къ новымъ и незнакомымъ доселѣ фактамъ и свидѣтельствамъ. Онъ упрекаетъ насъ, зачѣмъ мы обходимся съ такими источниками слишкомъ довѣрчиво, какъ будто съ математическими данными, зачѣмъ цифру 3000 принимаемъ за несомнѣнную. Что сказать на это? Если Д. И. Иловайскій на какомъ-либо основаніи думаетъ, что Варяговъ въ Грузіи было не 3000, какъ сказано въ лѣтописи, а 2.998 или 2.987, то мы готовы согласиться съ нимъ. Относительно достовѣрности грузинской лѣтописи вообще Д. И. Иловайскій пусть обратится къ изслѣдованіямъ ея издателя и переводчика акад. Броссе (Введеніе). А въ частности—относительно событій 1047-го года за достовѣрность грузинскаго источника ручается его согласіе съ византійскимъ.

Изъ свидѣтельства грузинской хроники о 3.000 Варяговъ мы дѣлаемъ догадку о полномъ составѣ варяжскаго корпуса, принимая въ разсчетъ, что другіе Варяги въ этотъ же 1047-й годъ дѣйствуютъ въ южной Италіи. Что Варяги въ 1047-мъ году дѣйствительно были тамъ въ большомъ числѣ, это мы не «полагаемъ», а знаемъ навѣрное и приводимъ въ доказательство цѣлый рядъ выписокъ изъ южно-итальянскихъ анналистовъ; «полагаемъ» же только то, что и тамъ Варяговъ могло быть не менѣе 3.000 человѣкъ.

Затѣмъ Д. И. Иловайскій говоритъ еще объ «интересныхъ пріемахъ», которыми изслѣдователь (т.-е, нижеподписавшійся авторъ статьи о Варягахъ) старается будто бы устранить прямыя свидѣтельства источниковъ о (скандинавской?) національности Варяговъ XI столѣтія; слѣдуетъ очень искусно и сильно сгруппированное перечисленіе нашихъ грѣховъ противъ Вріеннія, Кедрина-Скилицы и Анны Комниной... Всѣ-то они прямо говорятъ о скандинавизмѣ Варяговъ, и всѣхъ то мы ихъ неизвѣстно почему отвергаемъ. «Насколько критично такое отношеніе къ источникамъ, предоставляю судить читателямъ компетентнымъ»—прибавляетъ къ своему обличенію Д. И. Иловайскій. Нѣтъ спору, что съ полемической точки зрѣнія онъ напи-

салъ эффектную страницу, но съ точки зрѣнія истины и критики
402 исторической—не сказалъ ничего такого, что̀ носило бы характеръ убѣдительности.

Не говоря о состоятельности отдѣльныхъ возраженій, мы позволимъ себѣ утверждать, что всѣ упреки, обращенные къ намъ Д. И. Иловайскимъ относительно натяжекъ, произвольныхъ толкованій, только тогда имѣли бы полную силу, если бы онъ опровергъ наши прямыя доказательства, на которыя опирается нашъ взглядъ, доказательства, взятыя изъ документовъ и современныхъ писателей XI вѣка (Атталіота и Пселлъ). Твердить, что Византійцы нигдѣ, ни единымъ словомъ не проговорились о русскомъ или тавроскиѳскомъ происхожденіи Варяговъ — легко, еще легче, чѣмъ «не понимать» Атталіоты и не читать Пселла. Съ объясненія приведенныхъ нами изъ этихъ писателей мѣстъ Д. И. Иловайскому собственно и слѣдовало начать свое предпріятіе, такъ какъ изъ всѣхъ результатовъ нашего изслѣдованія онъ выбралъ для обсужденія одно положеніе о тождествѣ Варяговъ и Руси. Положимъ теперь — просимъ читателя хоть на время раздѣлить наше убѣжденіе, — что̀ опровергнуть прямыхъ нашихъ доказательствъ не удалось почтенному Д. И. Иловайскому, что грамоты, Атталіота и Пселлъ считаютъ Варяговъ и Русь за одно и то же.—Въ какомъ же положеніи очутимся мы относительно нашей задачи въ виду противорѣчія другихъ источниковъ: Кедрина, Вріеннія и т. д.? Лучшіе и по качеству и по древности источники—Атталіота и Пселлъ, а также грамоты—говорятъ, что современные имъ Варяги были русскіе люди. Писатели позднѣйшіе (XII и XIII вв), излагавшіе исторію своего времени (Киннамъ, Хоніатъ), говорятъ, что Варяги были Англо-Саксы. Противорѣчія между тѣми и другими нѣтъ: они говорятъ каждый о своемъ времени, а составъ варяжской дружины, какъ это принимаетъ теперь и Д. И. Иловайскій, могъ измѣниться; мы даже имѣемъ положительныя доказательства, когда это сдѣлалось (послѣ 1081 года). Но вотъ есть еще третій разрядъ писателей, жившихъ также въ XII вѣкѣ, но описывавшихъ событія XI вѣка: это составители компиляцій, совершенно неоригинальныхъ, а вполнѣ извлеченныхъ изъ другихъ готовыхъ авторовъ: относительно XI вѣка изъ того же самаго Атталіоты и

Пселла. И вотъ эти послѣдніе писатели противорѣчатъ своимъ древнѣйшимъ источникамъ: говорятъ, что въ XI вѣкѣ Варягами были—кто? Не Русскіе, а кто-то другой, по одному Кельты, а по другому жители страны близкой къ океану.—Какъ слѣдуетъ понимать это и въ комъ нужно предположить ошибку?—Развѣ такое необычайное дѣло, что не только средневѣковые писатели, но и новые ученые переносятъ воззрѣніе и обстановку своего времени на прошедшія времена; Кельты и жители страны, близкой къ океану, во всякомъ случаѣ, суть тѣ же самые Англо-Саксы, которые извѣстны подъ такими же обозначеніями другимъ писателямъ XII вѣка. Итакъ, всего проще предположить, что Кедринъ и Вріеній просто-напросто, хотя совершенно ошибочно, думали, что то, что̀ было при нихъ, было и прежде. Почему «Кельты» или «жители страны близкой къ океану» должно обозначать именно Скандинавовъ, этого мы никогда не въ состояніи будемъ понять.

Наши «интересные пріемы», посредствомъ которыхъ мы устраняемъ «свидѣтельства источниковъ о національности Варяговъ», основаны на самомъ простомъ и элементарномъ правилѣ критики: свидѣтельства современныя имѣютъ преимущество предъ позднѣйшими, источники первичные предъ производными. Но этого мало. Не слѣдуетъ думать, что въ самомъ дѣлѣ Кедринъ, Вріеній и Анна Комнина (о ней еще рѣчь ниже) уже очень настойчиво твердятъ о кельтицизмѣ или океанизмѣ Варяговъ XI вѣка. У каждаго изъ этихъ авторовъ находится только по одной замѣткѣ, съ давняго времени эксплоатируемой въ извѣстномъ смыслѣ русскими и нерусскими учеными, никогда не дававшими себѣ труда всмотрѣться въ дѣло пристальнѣе. Мы первые рѣшились коснуться этой традиціонной святыни и—къ какимъ мы пришли результатамъ? Мы пришли къ заключенію, что замѣтка Скилицы-Кедрина о кельтической національности Варяговъ XI вѣка даже не принадлежитъ ни Скилицѣ, ни Кедрину, а есть позднѣйшее толкованіе, вставка, глосса. Мы высказали ожиданіе, что, когда будетъ изданъ подлинный греческій текстъ Скилицы, то въ немъ, по всей вѣроятности, не окажется этой замѣтки. На такую догадку Д. И. Иловайскій замѣчаетъ: «Но вѣдь это простое предположеніе; какъ же строить на немъ

выводы?» Но 1) совсѣмъ не на этомъ построены наши выводы, а 2) въ добрый часъ молвить, наше предсказаніе уже давно исполнилось, и мы предсказывали только по незнанію, которое мы раздѣляли со всѣми другими изслѣдователями варяжскаго вопроса. Едва ли кто теперь читаетъ комментаріи къ византійцамъ первыхъ ихъ издателей (XVI вѣка), хотя бы это было и не лишнее въ виду малаго прогресса, замѣчаемаго въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Изъ замѣчаній Ксиландра (Holzmann), издавшаго въ первый разъ (въ 1565 году) до сихъ поръ перепечатываемый текстъ Кедрина, мы видимъ теперь, что въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ Кедрина при словѣ «Варяги» въ томъ именно мѣстѣ, которое насъ интересуетъ, стояла замѣтка переписчика, указывающая на его незнаніе, откуда и кто были Варяги, и на его намѣреніе объяснить это потомъ. Итакъ — словъ «Варяги же кельтическая нація, служащая по найму Грекамъ», по крайней мѣрѣ въ главномъ спискѣ Кедрина первоначально не было, и они явились только въ отвѣтъ на высказанное или представившееся недоумѣніе. Какъ бы ни почтенна и стара была интерполяція по отношенію къ тексту Кедрина, она относится только къ началу XIII вѣка, какъ это видно изъ другихъ замѣтокъ того же переписчика, слѣдовательно, къ такому времени, когда русскіе Ва-
403 ряги давно были забыты, а существовали только англо-саксонскіе и датскіе. Что касается до латинскаго Скилицы, то интерполяція попала сюда, очевидно, изъ буквально-тождественнаго текста Кедрина. Вставка сдѣлана до такой степени неловко, что она разрываетъ даже грамматическій строй предложенія; сдѣлана она, конечно, самимъ Габіемъ (переводчикомъ XVI столѣтія).

Д. И. Иловайскій беретъ подъ свою защиту и Никифора Вріеннія, который говоритъ, что придворная стража, участвовавшая въ возведеніи на престолъ Михаила VII (1071 г.), состояла изъ людей «родомъ изъ варварской страны близкой къ океану, издревле отличавшихся вѣрностію греческимъ императорамъ». — Пока не была издана исторія Пселла, то эта замѣтка Вріеннія, пожалуй, могла имѣть нѣкоторое значеніе. Но теперь мы знаемъ, что Вріеній именно въ повѣствованіи о событіяхъ, предшествовавшихъ возведенію на престолъ Михаила VII, цѣлыя

страницы выписываетъ изъ философа Пселла. Въ самомъ отрывкѣ, гдѣ упомянуты эти царскіе стражи (Варяги), онъ только слегка передѣлываетъ стиль своего подлинника, какъ это показываетъ текстъ того и другого, напечатанный en regard въ концѣ 10-й главы нашего изслѣдованія. Но слова о происхожденіи царской стражи изъ далекой страны и о старинной ея вѣрности суть уже не простое стилистическое измѣненіе, а прямая вставка, интерполяція въ первоначальномъ текстѣ.—Послѣ того какъ мы получили первоначальный текстъ въ руки, мы и знать не хотимъ его позднѣйшихъ передѣлокъ. Пусть Д. И. Иловайскій толкуетъ о томъ, что Вріенній очень хорошо зналъ придворныхъ Варяговъ и могъ указывать на ихъ родину безъ всякаго отношенія къ Пселлу. Конечно, зналъ, но только Варяговъ своего времени (XII вѣка); конечно, могъ указывать безъ отношенія къ Пселлу, но здѣсь онъ именно находится въ отношеніи къ Пселлу, вставляетъ указаніе въ текстъ, заимствованный у этого философа и историка. О событіяхъ 1071 года въ императорскомъ дворцѣ и о роли, какая принадлежала Варягамъ, Вріенній знаетъ только то, что̀ вычиталъ и списалъ у Пселла: откуда же онъ узналъ, что эти Варяги были не тѣ, которые обыкновенно разумѣются у Пселла, а какіе-то пришельцы отъ неизвѣстнаго океана?

Что касается Анны Комниной, то изъ нея уже ничего нельзя выжать относительно скандинавизма византійскихъ Варяговъ. Она называетъ Варягами сѣкироносцевъ съ острова Θулы (Туле), а этотъ островъ, какъ хорошо извѣстно, означаетъ у нея именно Англію. Въ ея время Варягами несомнѣнно были Англо-Саксы. Но въ началѣ своего сочиненія Анна мимоходомъ и случайно обронила замѣчаніе о Варягахъ XI столѣтія, т.-е., не своего времени; изъ этой случайной замѣтки выходитъ, что, по представленію Анны, и въ XI вѣкѣ Варягами были Англо-Саксы, чего не можемъ допустить ни мы, ни Д. И. Иловайскій. Въ объясненіе легкаго анахронизма, допущеннаго умною писательницею, мы можемъ привести теперь еще одно замѣчаніе, помимо тѣхъ, которыя высказаны въ статьѣ. Есть двѣ редакціи сочиненія Анны Комниной: одна краткая первоначальная, а другая пространная, общеупотребительная, но по своему происхожденію позднѣйшая. Въ

первоначальной краткой редакціи (изданной въ 1610 году въ Аугсбургѣ) нѣтъ именно тѣхъ словъ, которыя всего сильнѣе отзываются анахронизмомъ и заставляли бы думать, что не только въ 1081-мъ, но и ранѣе Варягами были Англо-Саксы; нѣтъ словъ: «вѣрность императору для нихъ, т.-е., Варяговъ съ Θулы, есть отеческое преданіе, какъ бы завѣтъ и наслѣдіе». Это обстоятельство не лишено, конечно, значенія и служитъ подтвержденіемъ нами высказаннаго предположенія, что литературная стилистическая обработка ея матеріаловъ могла завлечь Анну въ область хотя бы и не важныхъ нарушеній хронологіи.

Свою характеристику нашихъ критическихъ пріемовъ Д. И. Иловайскій заключаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Не забудемъ, что переходъ отъ преобладанія скандинавскаго элемента въ дружинѣ Варанговъ къ преобладанію англо-саксонскаго совершался на глазахъ упомянутыхъ выше историковъ, и они почти не замѣчали его, благодаря родству этихъ элементовъ. Совсѣмъ другое дѣло, если бы англо-саксонская народность смѣнила славянскую; такой переходъ не могъ остаться незамѣченнымъ». — Замѣчаніе весьма благовидное на первый взглядъ, но только на первый взглядъ. Мы намѣренно, именно въ предчувствіи такого возраженія, постоянно указывали, въ какое время жилъ и писалъ каждый изъ вышеупомянутыхъ историковъ, т.-е., Кедринъ, Вріенній, Анна Комнина и пр. Если Д. И. Иловайскій захотѣлъ бы на эти указанія обратить вниманіе, то онъ легко бы убѣдился, что не было такихъ историковъ, на глазахъ которыхъ совершался бы такой переходъ. Одни жили или писали ранѣе его, другіе гораздо позже. Пселлъ и Атталіота писали свои сочиненія ранѣе 1081 года. Послѣ нихъ настаетъ смутное время норманнскихъ нашествій, крестоваго похода, когда литературная дѣятельность ослабѣла и смолкла. Анна родилась только въ 1083 году, а писала свою Алексіаду уже при третьемъ Комнинѣ, при Мануилѣ, т.-е., послѣ 1143 года. Вріенній, ея мужъ и ровесникъ, писалъ свое сочиненіе точно такъ же при Мануилѣ, незадолго до своей смерти (см. введеніе его сочиненія). Кедринъ равнымъ образомъ относится ко второй половинѣ XII вѣка. Скилица кончилъ свою исторію 1080 годомъ, хотя и былъ живъ еще въ 1092 году. За то мы

и находимъ у него, если не прямое указаніе на смѣну одной варяжской народности другою, то по крайней мѣрѣ указаніе на нѣкоторое раскассированіе варяжскаго (русскаго) корпуса. Упомянуть прямо о появленіи Англо-Саксовъ онъ еще не имѣлъ повода въ своей исторіи.

Наша система доказательствъ была, слѣдовательно, гораздо 404
обдуманнѣе и ближе къ требованіямъ критики, чѣмъ полагаетъ нашъ уважаемый антагонистъ. Не можемъ мы принять и того упрека въ смѣлости и поспѣшности выводовъ, который онъ намъ дѣлаетъ по поводу варяжской Богородицы въ Константинополѣ. На основаніи имени и мѣстоположенія (около храма св. Софіи, въ видѣ, кажется, придѣла) мы заключили, что это была православная церковь. — Д. И. Иловайскій говоритъ намъ: Варяги, конечно, были католики, слѣдовательно и церковь ихъ была латинская. Д. И. Иловайскій такимъ образомъ попалъ въ западню, которая ему была устроена нами совсѣмъ безъ намѣренія... Мы не знали, что эта церковь варяжской Богородицы упоминается въ актахъ Константинопольскаго патріархата и является тамъ состоящею въ распоряженіи православнаго синода[1]): указаніе сдѣлано было намъ А. А. Куникомъ тотчасъ послѣ напечатанія статьи. Положимъ, что документъ патріархата относится къ позднѣйшему времени (XIV столѣтію), все-таки подтверждается та догадка наша, что мнимая церковь св. Дѣвы Маріи, выстроенная въ Константинополѣ Гаральдомъ и его скандинавскими Варягами, просто-напросто объясняется существованіемъ православной церкви «Пресвятой Варангіотиссы». Св. Олафъ тутъ ни при чемъ....

Д. И. Иловайскій пишетъ: «Главный выводъ г. Васильевскаго: будто Руссы, приходившіе въ Византію въ XI вѣкѣ, сами называли себя Варягами,—находится въ явномъ противорѣчіи со всѣми несомнѣнными данными. Извѣстно, что наша лѣтопись собственно въ одной баснѣ о призваніи Варяговъ смѣшиваетъ ихъ съ Русью; но, повѣствуя о событіяхъ XI, X и даже IX вѣка,

1) [Acta Patriarch. Const I, 423: Ἐπεὶ τὸ ὄπισθεν τοῦ ἱεροῦ βήματος τοῦ παμμεγίστου καὶ θειοτάτου ναοῦ τῆς τοῦ θεοῦ λόγου Σοφίας διακείμενον μονύδριον, τὸ εἰς ὄνομα τιμώμενον τῆς πανυπεράγνου δεσποίνης καὶ θεομήτορος καὶ ἐπικεχλημένον τῆς Βαραγγιωτίσσης.....].

различаетъ Русь отъ Варяговъ. Это различіе подтверждается и такимъ оффиціальнымъ (?) документомъ, какъ Русская Правда, которая относится къ Варягамъ, какъ къ иноплеменникамъ».

Насъ крайне удивляютъ эти строки. Во 1-хъ, что Руссы, приходившіе въ Византію, называли себя Варягами — это вовсе не главный выводъ нашего изслѣдованія, а мимоходомъ высказанная догадка въ объясненіе того, почему Русскіе, составлявшіе въ Византіи 6000-ый корпусъ, названы были тамъ Варягами. Мы предполагаемъ, что это имя принесено было въ Константинополь изъ Кіева, изъ Руси. У князей кіевскихъ была иностранная дружина, состоящая главнымъ образомъ изъ Скандинавовъ, и члены этой дружины назывались Варягами. Затѣмъ сами Русскіе вступили въ такое же отношеніе къ византійскому императору, въ какомъ Скандинавы находились къ кіевскимъ князьямъ; какъ они должны были обозначать это отношеніе? Нужно ли имъ было выдумывать новый терминъ? Варягъ — на Руси и въ Византіи значитъ иноземецъ, Варяги — иностранный легіонъ, иностранный корпусъ или дружина. Отсюда понятно, что на Руси, какъ скоро она стала Русью (а лѣтопись полагаетъ, что переименованіе Словенъ и Полянъ въ Русь совершилось вскорѣ и почти непосредственно за призваніемъ князей), не могло быть русскихъ Варяговъ, потому что никто не можетъ быть иностранцемъ на своей родинѣ. Итакъ, во 2-хъ, спрашивается, гдѣ же мы противорѣчимъ лѣтописи или Русской Правдѣ, и кому возражаетъ Д. И. Иловайскій? Повидимому, онъ опровергаетъ не столько насъ, сколько самого себя, ибо съ какого времени данныя нашей лѣтописи о IX и X вѣкѣ стали для него несомнѣнными? А если они несомнѣнны, то, значитъ, ведутъ свое начало отъ такого времени, когда не представлялось никакого повода смѣшивать Русь и Варяговъ, потому что только въ концѣ X вѣка Русскіе образовали въ Византіи варяжскій корпусъ.— Съ другой стороны, почему, въ 3-хъ, Д. И. Иловайскій не спросилъ себя, когда составлена или редактирована наша лѣтопись? По этому послѣднему вопросу мы, конечно, не пойдемъ вслѣдъ за нимъ въ глубь XIV вѣка, но, если остановимся и на XII, то этого для насъ будетъ достаточно. Уже въ XII вѣкѣ въ самой Византіи не было русскихъ Варяговъ, а были англо-саксонскіе

Варяги, что̀ принимаетъ теперь и Д. И. Иловайскій. Итакъ, по нашей теоріи, лѣтопись, говоря о русскихъ событіяхъ, именно должна была отличать Русь отъ Варяговъ — особенно въ IX и X вѣкахъ, когда нигдѣ не было другихъ Варяговъ, кромѣ Скандинавовъ, особенно въ XII вѣкѣ, когда Варягами въ Византіи были Англо-Саксы и Датчане. Д. И. Иловайскій можетъ отъ насъ потребовать, чтобы мы указали ему какое-либо мѣсто изъ лѣтописи, относящееся къ XI вѣку и указывающее на тождество византійскихъ Варяговъ и Руси. Но гдѣ же намъ взять такое мѣсто, когда наша лѣтопись — по какой-то странной, необъяснимой причинѣ — ни единымъ словомъ не проговорилась даже о шеститысячномъ корпусѣ, отправленномъ въ Византію Владиміромъ, о чемъ говорятъ византійскіе, арабскіе и армянскіе источники.

Если бы мы относились къ лѣтописи съ такою же свободою, съ какою къ ней давно относится нашъ уважаемый рецензентъ, то намъ не трудно было бы указать прямое объясненіе этому странному явленію. Объясненіе мы нашли бы въ другой странности, именно въ разсказѣ объ отправленіи въ Византію изъ Кіева скандинавскихъ Варяговъ въ 980 году или вскорѣ послѣ того: объ этомъ отправленіи, въ свою очередь, молчатъ византійскіе источники и не только молчатъ, но не даютъ никакого намека... Мы могли бы сказать, что и здѣсь и тамъ имѣется въ виду одинъ и тотъ же фактъ, но только въ русскомъ источникѣ онъ представленъ въ ложномъ освѣщеніи и съ небольшой невѣрностью въ хронологіи, что̀ весьма естественно въ источникѣ, разсказывающемъ даже о крѣщеніи Владиміра по смутнымъ преданіямъ.

Но мы хотѣли быть осторожными. Намъ казалось, что и не утверждая такого положенія, которое можно было бы утвер- 405
ждать только послѣ тщательнаго изслѣдованія соприкасающихся вопросовъ, мы въ состояніи дать раціональное и не противорѣчащее источникамъ объясненіе первопачальной исторіи русскаго варяжскаго корпуса въ Византіи. Во всякомъ случаѣ, мы заранѣе дали отвѣтъ на такіе вопросы и недоумѣнія, съ какими къ намъ обращается въ началѣ своей рецензіи Д. И. Иловайскій. Онъ находитъ совершенно непонятнымъ, почему Русскіе, упоминаемые на византійской службѣ уже съ начала X вѣка и назы-

ваемые у византійцевъ Русью уже съ этого времени, будто бы переименованы въ Варяговъ съ конца X столѣтія и почему, получивъ названіе Варяговъ, не перестали называться Русью послѣ того... Отвѣтъ былъ уже крайне простъ. 1) Русскіе и послѣ поступленія въ Варяги не переставали быть и называться Русскими, т.-е., не были, какъ выражается Д. И. Иловайскій, переименованы. 2) Послѣ поступленія шести тысячъ Русскихъ на византійскую службу въ Россіи оставалось еще много Русскихъ, которые не могли быть называемы Варягами, потому что не служили въ Византіи. 3) Есть существенная разница между небольшимъ количествомъ Русскихъ, служившихъ въ византійскихъ этеріяхъ и въ византійскомъ флотѣ ранѣе 998 года, и цѣлымъ корпусомъ, поступившимъ на службу императорамъ въ этомъ году. Только тогда, когда Русскіе составили отдѣльный спеціальный корпусъ, особеннымъ образомъ вооруженный, потребовалось и утвердилось особое спеціальное для него названіе... «По прошествіи 45 лѣтъ (когда въ византійскихъ источникахъ въ первый разъ Русскіе названы Варягами) изъ 6000 посланныхъ Владиміромъ едва ли многіе оставались въ живыхъ и продолжали служить въ Византіи». Но почему же Д. И. Иловайскій думаетъ, что всѣ они были бездѣтны. Мы знаемъ положительно, что, напримѣръ, Франки, находившіеся въ Византіи на службѣ, обзаводились домами и семействомъ... На это мы указывали въ своемъ изслѣдованіи, а также и на возможность постоянно поддерживающейся эмиграціи...

Мы не оставили безъ вниманія и отвѣта ни одного изъ возраженій и недоумѣній Д. И. Иловайскаго. Мы очень хорошо сознаемъ, что въ началѣ нашего изслѣдованія есть нѣкоторыя соображенія, подлежащія спору и требующія дальнѣйшаго объясненія, а можетъ быть исправленія. Грѣхъ самообольщенія да будетъ далекъ отъ насъ. Но, кажется, за нами остается право сказать, что всѣ возраженія и упреки Д. И. Иловайскаго не только не обнаружили, конечно, существующихъ слабыхъ сторонъ нашего труда, но или совсѣмъ не касались нашихъ основныхъ положеній, попадали мимо цѣли, или же не отличались основательностью и проницательностью, не отличались главнымъ образомъ строгостью логики и метода. Какъ ни велико наше уваженіе къ

литературному таланту Д. И. Иловайскаго, къ его заслугамъ предъ русскою школой, предъ русскою образованною публикой, къ его почетному положенію въ средѣ русскихъ писателей и ученыхъ — оно по справедливости и уже давно за нимъ всѣми признано, — съ какимъ бы сочувствіемъ ни относились мы къ его благородной публицистической дѣятельности, мы не можемъ изъ благодарности за его вниманіе къ нашимъ трудамъ раздѣлять его заблужденій, не можемъ раздѣлять его презрѣнія къ филологической наукѣ и сочувствовать его историко-критическимъ, а также и полемическимъ пріемамъ. Мы не ослѣплены и не связаны никакою предвзятою теоріей и никакою школой въ своихъ изслѣдованіяхъ, касающихся русско-византійской исторіи. Напрасно Д. И. Иловайскій записалъ насъ въ число какихъ-то крайнихъ защитниковъ норманнизма. Мы вовсе не заявляли о какой-либо рѣшительной побѣдѣ норманнизма, и за свой трудъ мы взялись вовсе не съ цѣлью возражать исключительно Д. И. Иловайскому. Если мы въ концѣ своего изслѣдованія написали, что скандинавская теорія происхожденія русскаго государства до сихъ поръ остается непоколебленною и что тѣ, которые пытались поколебать ее, потерпѣли завѣдомую неудачу, то это, во-первыхъ, относилось не къ одному Д. И. Иловайскому, а во-вторыхъ, — этимъ мы не хотѣли сказать, что скандинавская теорія непоколебима. Для насъ несомнѣнно только одно, что на ея сторонѣ до сихъ поръ остаются всѣ преимущества метода и научности доказательствъ и что она никакъ не можетъ быть поколеблена такими изслѣдованіями, съ какими мы должны были ближе познакомиться въ продолженіе своихъ занятій византійскими Варягами... Д. И. Иловайскій съ нѣкоторою ироніей говоритъ о «неожиданной новости» нашего главнаго положенія о тождествѣ Варяговъ и Руси въ Византіи. Иронія совершенно была излишня. Мы указали, почему теперь возможно наше новое мнѣніе: оно возможно было потому, что въ нашихъ рукахъ были новые источники. Вольно же было Д. И. Иловайскому не обращать на нихъ вниманія и продолжать сражаться устарѣлымъ и негоднымъ оружіемъ.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

	Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
На стран. 45 въ примѣч.	sq.	sq. ed. Par.
» » *64* » *строкѣ 24*	δημηνάρους	δημηγόρους
» » *78* » *примѣч. 1*	sq.	sq. ed. Par.
» » *274* » *строкѣ 30*	Гаральда	[Сигурда]
» » *277* » » *6*	Béelin	Belin
» » *281 противъ строки 23 на полѣ слѣдуетъ вставить цифру* 445		
» » — *въ послѣдней строкѣ*	τινετ	τινεσ
» » *282 противъ строки 32*	445	446
» » *305 въ строкѣ 21*	σηναγηοχώς	συναγηοχώς
» » *314* » » *8*	aves	avec
» » *349* » » *20*	Graeco-latinum	Graeco-Romanum